АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Ц. ФРИДЛЯНД

ЖАН-ПОЛЬ МАРАТ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА XVIII в.

(ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1 9 5 9

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А.З.МАНФРЕД*

Веб-публикация: **Vive Liberta, 2012**

Об авторе:
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#fridl
http://vive-liberta.diary.ru/p74535451.htm&from=0#266589023
http://vive-liberta.diary.ru/p74535451.htm&from=0#391650230
http://vive-liberta.diary.ru/p74535451.htm&from=0#391651103
http://vive-liberta.diary.ru/p74535451.htm&from=0#391651415

Другие работы Ц.Фридлянда (27.09.1896 или 1897 8.03.1838 (1937, 1940, 1941 ?))
в нашей библиотеке:
Ж.-П.Марат до Великой французской революции
Девятое термидора
Классовая борьба в июне-июле 1793 г.
Дантон
Переписка Робеспьера
А.Матьез. Термидорианская реакция / предисловие ***Ц.Фридлянда***
А.Матьез. Как побеждала Великая французская революция / с предисл. ***Ц.Фридлянда***
А.Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора
/ предисл. Д.Рязанова и ***Ц.Фридлянда***

Материалы о Жан-Поле Марате и некоторые его сочинения:
Письма 1776-1793 / перевод с франц.
План уголовного законодательства / перевод с франц.
Памфлеты / перевод с франц.
Проект Декларации прав человека и гражданина с последующим планом справедливой, мудрой и свободной конституции
***А.Герцензон*. Уголовно-правовая теория Марата**
***В.Далин*. Бабеф и Марат в 1789-1790 годах**
***Т.Солтановская*. Тактика Ж.-П. Марата в период деятельности Законодательного собрания и борьба народных масс за свержение монархии**
***Т.Солтановская*. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.**
***Ю.Попов*. Публицистика Ж.-П.Марата**
***Г.Цверава*. Марат как естествоиспытатель**
***Товарищ У*. Also sprach Marat**
***А.Ольшевский*. Жан-Поль Марат. Друг Народа**
***С.Лозинский*. Очерки Великой французской революции.**
Мирабо, Дантон, Марат, Процесс Людовика XVI
http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие
Глава первая. **Борьба за демократию до 1789 г.**
Глава вторая. **Классовые противоречия революции**
Глава третья. **Социально-экономическая программа плебейской оппозиции 1789-1791 гг.**
Глава четвертая. **Четвертое сословие в борьбе за демократию**
Глава пятая. **Марат в 1791 г.**
Примечания
Перевод иностранных текстов

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Выпускаемая работа ныне покойного профессора Ц. Фридлянда о Марате была опубликована впервые 25 лет тому назад, в 1934 г.

Профессор Ц. Фридлянд принадлежал к тому поколению советских историков, научная деятельность которых падает на вторую половину 20-х—первую половину 30-х годов. Ц. Фридлянд работал в области новой истории Запада. Им был написан ряд работ по разным вопросам всеобщей истории, но главным предметом его научных занятий была история Великой французской буржуазной революции XVIII столетия.

Эта большая тема всегда вызывала и вызывает до сих пор вполне понятный интерес советских историков. Разработка общей марксистской концепции первой французской революции и исследование ряда ее проблем, в особенности связанных с ее социально-экономической историей, ролью народных масс в революционном процессе, общими и частными вопросами истории якобинской диктатуры и т. п., были настоятельно необходимы прежде всего для преодоления тех схем, характеристик и оценок французской революции XVIII в., которые создавались в течение многих десятилетий дворянской и буржуазной историографией. Уже первое, старшее поколение советских историков: В. П. Волгин, Н. М. Лукин-Антонов, И. И. Степанов-Скворцов и др. внесли существенный вклад в решение этих задач. Эта работа была продолжена советскими историками следующих поколений. В частности, здесь следует отметить, что после известного поворота в изучении и преподавании гражданской истории, наступившего с 1934 г., исследование истории французской буржуазной революции XVIII в. также вступило в новый этап. За четверть столетия, минувшую с тех пор, советские историки внесли не мало нового и в освещение истории революции в целом и в изучение и понимание отдельных ее проблем.

Работа Ц. Фридлянда «Жан-Поль Марат и гражданская война XVIII века» явилась результатом многолетнего изучения автором этой темы. В 1926 г. Ц. Фридлянд опубликовал первое свое исследование по этому вопросу — «Жан-Поль Марат до великой французской революции», в котором он подверг анализу ранние социологические работы будущего знаменитого деятеля революции. В последующие годы автор продолжил изучение этой темы. Он подготавливал двухтомный труд, в котором должна была быть рассмотрена вся деятельность «Друга народа» до его убийства Шарлоттой Корде в июле 1793 г. Однако этот замысел остался незавершенным. Автор успел издать только первый том.

Работа Ц. Фридлянда была первой в советской исторической литературе крупной монографией, посвященной изучению идейно-политического наследия одного из самых значительных деятелей Великой французской буржуазной революции.

За полтора столетия, прошедших со времени гибели «Друга народа», возникла весьма большая, количественно, во всяком случае, историческая литература, посвященная его политической деятельности. За исключением старых, но и поныне сохранивших свою ценность работ Бужара [1] и Шевремона [2], эта литература в своем подавляющем большинстве была глубоко враждебной Марату. Более того, страх и ненависть, которые толкали политических противников «Друга народа» на самую низкую клевету, на создание заведомо лживых вымыслов, чернивших его имя, были унаследованы и их духовными потомками, повторявшими из поколения в поколение все злонамеренные измышления и лживые версии о Марате, созданные их предшественниками.

Ц. Фридлянд поставил перед собой задачу восстановить исторический облик Жан-Поля Марата, очистив его от всех клеветнических измышлений, и дать научно проверенную историю его жизни и деятельности, правдивую марксистскую оценку политической борьбы, которую вел «Друг народа», его социологических и политических идей, рассматриваемых в тесной связи с исторической эпохой.

Большим достоинством труда Ц. Фридлянда является широкая документальная база исследования. Автор не только тщательно изучил все доступные произведения Марата, хранящиеся в богатой коллекции Института марксизма-ленинизма в Москве, в Национальном архиве в Париже и Британском музее, в том числе и ряд таких, на которые историки обращали мало внимания. Он проделал большую и плодотворную работу, разыскав и изучив разного рода политические сочинения — брошюры, листовки, памфлеты, статьи в газетах и журналах современников Марата.

[1] A. Bougeart. Jean Paul Marat, L'Ami du peuple, v. 1—2, Paris, 1865.

[2] F. Chévremont. Jean Paul Marat, esprit politique, accompagnée de sa vie, scientifique, politique et privée, v. I—II, Paris, 1880.

С этим тесно связано другое немалое достоинство труда Ц. Фридлянда. Обилие и разнообразие привлеченных им источников позволило ему поставить тему своего исследования весьма широко. Книга Ц. Фридлянда — это не только, или, вернее, не столько научно обоснованная биография Жан-Поля Марата, сколько исследование о его роли в развитии революции на ее первом этапе. В сущности, вся основная часть монографии, за исключением первой, вводной главы, посвящена анализу развития классовой и политической борьбы в первые два года революции (1789—1791) и места в ней Марата.

Анализируя шаг за шагом развитие политических взглядов Марата, автор сопоставляет его статьи, памфлеты и другие выступления с произведениями демократической мысли тех лет, так, как она была запечатлена в печати, брошюрах или протокольных записях клубных дебатов.

Монография Ц. Фридлянда вносит много нового и интересного в освещение политической борьбы «Друга народа», исследованной автором с крайней тщательностью, и некоторых более общих вопросов истории Великой буржуазной революции XVIII в. Так, специалисты не могут не оценить того нового, что внесено автором в характеристику роли парижских дистриктов. Должна быть отмечена также попытка осветить по-новому события 5—6 октября 1789 г. В монографии в центре исследования стоят вопросы социальных движений, и автор стремится их осветить, исходя не только из произведений самого Марата, но и из ряда других документов демократического лагеря революции, начиная от статей Лустало в «Les révolutions de Paris» и кончая давно забытыми анонимными брошюрами, при своей безыменности отчетливо отражавшими требования плебейских кварталов революционной столицы.

Книга богата фактическим материалом. Однако наряду с этими серьезными достоинствами монографии профессора Ц. Фридлянда, которые сохраняют свое значение и в наше время, читатель должен быть предупрежден и о том спорном, и в ряде случаев ошибочном, что содержится в этом историческом исследовании.

Возражения вызывают не факты политической биографии Марата, а политическая характеристика, оценка роли и места Марата во французской революции, которые даны в книге Ц. Фридлянда. Читателю достаточно сопоставить мнение Ц. Фридлянда с той оценкой исторического места «Друга на-

рода», которую дает ему современная советская историческая наука [3], чтобы убедиться в этом. Начать с того, что читатель столкнется на страницах этой книги с термином, который будет для него нов и непонятен — «маратизм».

Но что такое «маратизм»? Известно ли такое течение в истории политической мысли или политических движений? Имеет ли право на существование этот термин?

Здесь следует сказать со всей определенностью, что этот термин не имел распространения ни среди современников Жан-Поля Марата, ни в последующей исторической и политической литературе. Более того, термин «маратизм» должен быть признан неправомерным, неправильным, и введение этого термина лишь запутывало ясные и решенные вопросы.

В самом деле, в исторической науке давно уже сложились применяемые к определенным политическим направлениям или, условно говоря, партиям периода французской буржуазной революции XVIII в. термины: фейяны, жирондисты, якобинцы, «бешеные». Эти термины не были придуманы историками, они родились в самом ходе революции и были впервые применены ее участниками и современниками, и уже от них перешли к историкам.

Между историками велись долгие споры, и до сих пор могут быть различия в мнениях относительно характера, особенностей, классового состава каждой из этих больших партий, но для историков всех направлений является общепринятым деление боровшихся во время революции больших политических партий в соответствии с приведенными только что терминами.

Кем был Марат? К какой политической группировке или партии в широком смысле слова во время великой французской революции он принадлежал?

До сих пор эти вопросы ни у кого не вызывали сомнений. И друзья и враги Жан-Поля Марата при его жизни, и его приверженцы и хулители последующих поколений, и позднее ученые-историки, независимо от своих идейных и методологических воззрений, все единодушно сходились на том, что Марат был якобинцем. Ц. Фридлянд этого, конечно, тоже не отрицал, но ему это показалось недостаточным.

Стремясь, видимо, углубить и уточнить анализ системы социально-политических взглядов Марата, стремясь найти им, видимо, наиболее точное определение, Ц. Фридлянд счел нужным ввести в науку еще одно новое понятие — «маратизм». Более того, это новое созданное им определение заслонило старые обычные определения, применяемые к «Другу народа». При внимательном чтении книги Фридлянда о Марате читатель найдет в ней мало суждений о Марате как якобинце. Но зато какое важное — не количественно, а принципиально — место занимают мысли автора книги о маратизме.

У читателя, знакомого с историей великой французской буржуазной революции, может возникнуть сомнение. Ведь были же и внутри якобинского блока группы и фракции, ведшие между собою борьбу, например, дантонисты, эбертисты? Может быть, Фридлянд рассматривает «маратизм» как одну из групп внутри якобинства? Может быть, на самом деле была группа или партия «маратистов»?

Здесь следует прежде всего напомнить, что Марат погиб еще до того, как внутри якобинского блока со сколько-нибудь заметной определенностью обнаружилась борьба дантонистов и эбертистов.

Далее, Ц. Фридлянд отнюдь не связывает «маратизм» с высшим периодом в развитии французской революции — с периодом якобинской диктатуры. Он не рассматривает «маратизм» как течение или группу внутри якобинского блока. Он его даже не связывает с определенным периодом в революции. Ц. Фридлянд видит маратизм уже тогда, когда он рассматривает предреволюционные взгляды Марата. По мнению Ц. Фридлянда, «маратизм» возник уже задолго до революции; он был рожден первыми социально-политическими работами Марата — «Цепи рабства», «План уголовного законодательства», написанными за многие годы до начала революции.

Понятие «маратизм», в интерпретации Ц. Фридлянда, оказывается шире понятия «якобинизм».

Как формулирует Ц. Фридлянд понятие «маратизм»? В первой главе, посвященной анализу социально-политических сочинений Марата предреволюционного периода, Ц. Фридлянд так определял «маратизм»: «Теория маратизма — это мелкобуржуазное учение о революции XVIII в.».[4] Несколькими страницами ниже, в той же главе, Фридлянд уточнял это определение: «Из «революционного акцентирования» руссоистских принципов родился маратизм — мелкобуржуазная теория революционной диктатуры конца XVIII в.[5]

[3] См. В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке, М., 1958, стр. 256—272; его же Социальные и политические взгляды Марата. — Сб.: «Из истории рабочего класса и революционного движения». М., 1958, стр. 559—573; В. М. Далин. Бабеф и Марат в 1789—1790 гг. — «Вопросы истории», 1956, № 9; А. З. Манфред. Жан-Поль Марат и его произведения. Вступит. статья к кн. Жан-Поль Марат. Избр. произв., т. I, М., 1956, стр. 7—72.

[4] См. стр. 77 настоящего издания (разрядка везде автора).

[5] См. стр. 86.

Нетрудно заметить, что этими определениями Ц. Фридлянд пытался представить «маратизм» некоей системой теоретических положений, предвосхитивших последующее развитие буржуазно-демократической революции XVIII в., целостным учением о революционной диктатуре.

В главе второй, разбирая одну из самых ранних работ Марата 1789 г. — «Дар отечеству» [6], написанную до революции (по мнению Шевремона, в феврале 1789 г.), Ц. Фридлянд приходит к следующему выводу: «Марат в 1789 г. намечал в своих писаниях программу якобинской диктатуры 1793 г.» [7].

В той же второй главе, завершая разбор политических взглядов Марата в первые три-четыре месяца после начала революции, Ц. Фридлянд пишет: «. . . В этой политической программе Марата мы находим зародыши всей суммы социальных проектов якобинизма эпохи террора. Марат занялся их разъяснением уже в первый год революции» [8].

В той или иной степени близкие к этим формулировки, развивающие все ту же мысль, будто бы Марат своими теоретическими работами предреволюционного периода или начала революции дал идейное обоснование последующей революционной практике якобинского Конвента, встречаются в разных местах книги Фридлянда.

Но читатель должен быть предуведомлен, что эти взгляды не разделяются современной советской исторической наукой и что в них следует видеть крайнюю степень преувеличения роли и места Жан-Поля Марата в развитии французской общественной мысли вообще и политических идей Великой французской буржуазной революции в частности.

Марат не создал ни особого учения о революции XVIII в., ни теории революционной диктатуры, он не мог ни предвидеть, ни теоретически обосновать в 1789 г. последующую революционную практику Конвента.

Все это должно быть отвергнуто как не соответствующее действительности, как крайнее преувеличение, гиперболизация значения идейно-политического наследия Марата, явившиеся, видимо, результатом того, что автор, увлекшись своим героем, не избежал «опасности приукрасить его образ».

Это тем более досадно, что Марат сам по себе, и как оригинальный мыслитель предреволюционной поры, и в особенности как выдающийся деятель революции, неустрашимый враг реакции, противник политики колебаний, двоедушия,

[6] См. Жан Поль Марат. Избр. произв., т. 1, М., 1956, стр. 267—302.
[7] См. стр. 147 настоящего издания.
[8] См. стр. 231.

блестящий революционный тактик, защитник бедных и угнетенных, истинный «Друг народа», был настолько значителен, что не нуждался ни в каких преувеличениях. И без «маратизма», без прикрас, таков, каким он был, Марат оставался настолько велик, чтобы навсегда запечатлеться в памяти последующих поколений революционных борцов.

С этим ненужным преувеличением роли Марата в известной мере связана, как мне думается, и ошибочная характеристика его места в ряду других деятелей революции.

Нельзя не заметить некоторого внутреннего противоречия, имеющегося в этом вопросе в труде Ц. Фридлянда.

Как уже было показано выше, Ц. Фридлянд определяет «маратизм» как мелкобуржуазное учение. Однако в других местах своего сочинения он характеризует Марата чаще как «идеолога плебейской революции XVIII в.» (на мой взгляд, весьма неудачное определение), либо как «идеолога плебейской оппозиции, стремящейся к диктатуре» [9]. Уточняя эти последние определения, Фридлянд чаще всего говорит о Марате как о представителе «четвертого сословия» в революции, предпролетариата. «Его (Марата. — *А. М.*) идеи были чем-то самостоятельным, выходящим за пределы широко распространенных взглядов, — но все же взглядами, типичными для предпролетариата, для рабочего класса Франции XVIII в.», — пишет Ц. Фридлянд, и эта последняя характеристика точнее всего выражает мнение автора книги по этому вопросу.

Конечно, мелкая буржуазия и предпролетариат XVIII столетия — понятия не тождественные. Но дело не в противоречивости этих характеристик классовой природы идей Марата. Все же для Фридлянда Марат в основном является представителем предпролетариата, «четвертого сословия», «плебейской оппозиции».

Но верно ли это?

Ц. Фридлянд пытается обосновать это положение как соответствующей интерпретацией литературно-политического наследия Марата — статей, памфлетов, писем, так и сопоставлением позиций Марата с позициями других представителей левого, демократического крыла революции.

Излагая взгляды Марата в первые дни революции, в июле 1789 г., Ц. Фридлянд пишет: «Такова была революционная программа Марата в июле 1789 г., программа, которая отличает его не только от правого, но и от левого крыла буржуазного революционного блока. Уже с первых дней революции он занимает особое место в ее рядах» [10].

[9] Стр. 162.
[10] Стр. 162.

Эту мысль Ц. Фридлянд пытается провести через все свое исследование о Марате. Но и с этим положением нельзя согласиться, и оно представляется нам данью все того же чрезмерного увлечения автора своим героем.

Марат был замечательным революционным борцом своего века. Он был одним из самых выдающихся якобинских революционных вождей.

Конечно, и якобинские вожди не были все скроены по одному образцу. Между ними были различия — и политические, и личные, и, как известно, позднее, в период обострения противоречий якобинской диктатуры и ее кризиса, эти различия превратились в разногласия, ставшие столь острыми, что они разрешались ножом гильотины. Марат не дожил до этого времени. Но и в ту пору, когда якобинцы, а ранее этого революционные демократы, будущие якобинцы, еще выступали в целом сомкнутым строем, дружно и сплоченно против врагов революции, и тогда, понятно, были некоторые различия между вождями революционной демократии.

Марат в ряду вождей революционной демократии, позже якобинских вождей, выделялся своей непримиримостью к врагам революции, неустрашимостью и последовательностью в борьбе против них, постоянной заботой об интересах народа, мужественной и твердой защитой угнетенных и обездоленных, революционной решимостью. Хотя Марату и случалось ошибаться в некоторых важных вопросах (например, он с опозданием понял необходимость установления республиканской формы власти), но в целом, благодаря замечательному революционному инстинкту, глубокому пониманию задач революции, необходимости ее углубления и расширения в интересах народных масс, он защищал линию, соответствовавшую задачам развития революции. Марат апеллировал не к властям, а к народу. Он не боялся говорить народу жестокую правду, но он верил в него, видел в нем главную животворную силу революции и справедливо ставил будущность революции в зависимость от степени участия в ней народных масс. Бескорыстная преданность Марата революции, его самоотверженность, готовность подвергать себя опасности, лишениям, рисковать своей головой ради защиты интересов народа снискали ему огромную популярность и любовь в народных массах.

Громадный фактический материал, мобилизованный Ц. Фридляндом и так полно представленный в его книге, очень убедительно на множестве примеров доказывает замечательные качества Марата как одного из самых выдающихся революционных вождей своего времени.

Однако при всем том этот материал, весьма ценный сам по себе, все же не давал Ц. Фридлянду оснований для столь далеко идущих выводов, к которым он пришел.

Когда, например, на стр. 162 Ц. Фридлянд пишет, что «между Лустало, Робеспьером и Маратом уже в июле 1789 г. намечались разногласия, то были расхождения реформистской и революционной демократии», неправомерность этого утверждения, противоречащего исторической действительности, представляется очевидной.

Между Маратом и Робеспьером (я не говорю о Лустало, который рано умер, да и не играл такой уж большой роли) могли быть и были разногласия по отдельным частным вопросам, но в главном, как показал весь ход развития революции, они сходились, оба они — и это было закономерно, а не случайно — сражались в одном лагере, лагере революционной демократии против общих врагов. Оба они прошли совместно весь путь борьбы против фейянов, затем против жирондистов и столь же закономерно стали потом вождями революционного якобинизма и позже — вождями якобинской революционной власти.

В свете сказанного должно быть очевидным, что когда расхождения в мнениях между Робеспьером и Маратом изображаются как «расхождения реформистской и революционной демократии», то эту характеристику, как противоречащую известным фактам истории французской революции, принять, конечно, нельзя.

Тот же большой материал, приведенный Ц. Фридляндом в его монографии, равно как и все известные специалистам материалы о деятельности Марата в последние два года его жизни (1792—1793), свидетельствуют о противоположном. Они убеждают в том, что при всем индивидуальном своеобразии и различии в оттенках политической мысли между Маратом, Робеспьером и другими деятелями якобинской партии не было коренных принципиальных расхождений и что вся система социально-политических взглядов Марата превосходно укладывается в рамки якобинизма, отнюдь не требуя никаких дополнительных определений, вроде предложенного Фридляндом «маратизма».

Понятно поэтому, что столь же необоснованным представляется и стремление Фридлянда изобразить Марата представителем каких-то иных классовых сил, чем другие якобинцы.

Ц. Фридлянд рассматривал, как это выше было показано, Жан-Поля Марата как представителя плебейства, «четвертого сословия» — французского пролетариата во времена Великой французской буржуазной революции.

Не развертывая всей аргументации против этого утверждения, здесь достаточно ограничиться напоминанием об отно-

шении Марата к «бешеным». Среди историков-марксистов нет спора о том, что именно «бешеные» (Жак Ру, Варле и др.) во время французской революции XVIII в. были самой левой группой в рядах демократического лагеря, что именно они в наибольшей степени представляли интересы плебейско-предпролетарских слоев. Но известно также, что Марат, как и другие якобинские вожди, едва лишь определились разногласия между якобинцами и «бешеными», выступил с присущей ему страстностью, но, надо сказать правду, несправедливо, против вождей «бешеных» — Жака Ру, Леклерка, Варле [11].

С каких же классовых позиций выступал Марат против «бешеных» в начале июля 1793 г.? Что же, он отстаивал интересы «четвертого сословия», интересы рабочих, яростно обрушиваясь против «бешеных»?

Достаточно лишь поставить эти вопросы, чтобы стала очевидной искусственность, необоснованность попыток представить Марата выразителем интересов предпролетариата во французской буржуазной революции.

Понятно, что Марат, как и другие деятели революции, в ходе развития революционного процесса обогащался опытом и сам также двигался вперед; в развитии его политических взглядов происходила известная эволюция. Например, несомненно, что под влиянием революционного опыта менялись и, если так можно сказать, совершенствовались взгляды Марата на характер и задачи революционной диктатуры, которые не только в начале революции, но даже в 1792 г. оставались крайне неотчетливыми. Легко заметить, как по мере развития революции по восходящей линии меняется направление главного удара критических атак Марата: сначала против аристократов и партии двора, затем против Неккера, Мирабо, Лафайета, Барнава и феиянов и, наконец, против Бриссо и жирондистов.

Однако эта линия политического развития Марата в главных своих чертах совпадала или, скажем осторожнее, была близка к развитию политических взглядов Робеспьера и других вождей якобинизма.

И думается, что и в первые годы революции и позже Марат, так же как и другие якобинцы, выступал не выразителем интересов пролетариата и плебейства, а представителем той наиболее революционной, демократической буржуазии, находившейся в тесном союзе с народом и опиравшейся на народ, которая, опять-таки под воздействием народа и в единении с ним, стремилась разрешить задачи буржуазной революции плебейскими методами.

[11] См. Жан-Поль Марат. Избр. произв., т. III, стр. 336—339.

Ошибочное толкование Ц. Фридляндом классовой природы позиций Жан-Поля Марата и соответственно места, которое он занимал в рядах борющихся сил в эпоху французской буржуазной революции XVIII столетия, естественно, повлекло за собой и ряд частных ошибок.

Нельзя согласиться с тем освещением позиций Марата в первые дни революции, которую дает в своем труде Фридлянд.

Революционная программа Марата в эти дни, по мнению Ц. Фридлянда, заключалась в требовании революционной диктатуры, диктатуры того типа, которая была установлена позже, в 1793 г., после прихода якобинцев к власти.

Ц. Фридлянд пишет: «Революционная диктатура, установления которой добивался Марат в июле-августе 1789 г., была организована позже Конвентом, в эпоху диктатуры крестьянства и городской бедноты» [12].

Эти утверждения автора должны быть отклонены как не соответствующие исторической действительности и являющиеся, видимо, результатом его крайнего увлечения предвзятой идеей.

Литературное наследие Жан-Поля Марата этого времени, в том числе и те принадлежащие его перу документы, которые приводит Ц. Фридлянд в своей книге, отнюдь не подтверждают его обобщений.

Ни статьи, ни письма Марата 1789 г., не дают оснований для утверждений, будто бы у «Друга народа» в это время был уже сложившийся план установления революционной диктатуры. У Марата можно найти лишь зачатки еще очень неотчетливой идеи диктатуры.

В равной мере неверны и утверждения Фридлянда, характеризующие отношение Марата к восстанию 14 июля 1789 г.

По мнению Ц. Фридлянда, Марат будто бы считал 14 июля — славный день взятия Бастилии, победоносного начала революции — днем неудавшейся революции.

Ц. Фридлянд так и пишет: «Революционная программа деятельности Марата в эти дни (народного восстания 14 июля 1789 г. — *А. М.*) соответствовала той оценке, которую он позже дал событиям 14 июля. Марат считал этот день днем неудавшейся революции. Народ был обманут, победили его враги» [13].

Несколькими страницами ниже Ц. Фридлянд пишет: «Как после 14 июля, так и после 4 августа редко можно было услышать критический голос, который говорил бы о «чудесной победе» народа не как о победе, а как о поражении ре-

[12] Стр. 163 настоящего издания (разрядка моя. — *А. М.*)
[13] См. стр. 160—161.

волюции. Такова была позиция, которую в этом вопросе занял Марат» [14].

Скажем прямо: это освещение позиции Марата совершенно неверно.

Конечно, Марат (как, впрочем, и другие революционные демократы) считал взятие Бастилии — только началом революции. Так оно и было на самом деле. Конечно, Марат считал, что революция должна развертываться — шириться, углубляться, и он призывал к этому народ и поднимал его на борьбу против врагов революции. Исторической заслугой Марата было то, что он не только предостерегал народ от опасности, грозившей со стороны «партии аристократов», т. е. феодально-абсолютистской контрреволюции, но и одним из первых среди революционных демократов выступил против крупной буржуазии и либерального дворянства, против Байи и Мирабо, разоблачая их двоедушие, их склонность к измене.

Верно и то, что Марат был одним из первых революционных публицистов, кто сумел сорвать покров святости с «ночи чудес» 4 августа и показать, что «только при отблеске пламени, поглощавшего их подожженные замки» [15], представители либерального дворянства проявили мнимое великодушие, отказавшись от того, что они уже потеряли.

Ц. Фридлянд, конечно, прав, когда пишет, что Марат считал революцию незавершенной; иной и не могла быть позиция революционного демократа; для всех представителей революционной демократии было очевидно, что 14 июля — это только начало.

Но все эти бесспорные положения ни в малой мере не дают оснований для утверждений, будто бы для Марата 14 июля представлялось днем неудавшейся революции, или хуже того — поражения.

Напротив, изучение литературного наследия Марата того же 1789 г. приводит к прямо противоположным выводам. Пожалуй, никто другой из представителей революционной демократии не сумел (сразу же, по следам событий) понять и оценить решающее значение народного восстания в июле 1789 г. так глубоко, как Марат.

Тогда как многие из современников Марата, людей просвещенных и передовых для той эпохи, объясняли успехи революции влиянием идей или связывали их с блистательными речами знаменитых трибунов в стенах Национального собрания, Марат увидел и гласно заявил, что главным источником

[14] Стр. 168 (разрядка Ц. Фридлянда. — *А. М.*).
[15] «L'Ami du Peuple», 21, 22/IX 1789.

свободы, главным источником победы революции является народное восстание.

«Философия подготовила начало данной революции и благоприятствовала ей — это бесспорно, — писал Марат в «L'Ami du Peuple» в начале ноября 1789 г. — Но одних только писаний было недостаточно, необходимы были действия. Ведь чему обязаны мы своей свободой, как не народным мятежам?» [16].

И Марат далее с горячностью произносит похвальное слово народному мятежу в Париже, давшему «толчок восстанию всей нации» и оказавшему спасительное, животворящее влияние на все последующие судьбы страны [17].

Именно потому, что Марат так высоко оценил значение победоносного народного восстания 14 июля 1789 г., он и в дальнейшем, например в период свержения монархии — в августе 1792 г., призывал народ к таким же смелым революционным действиям, к новому вооруженному восстанию.

Не вдаваясь в детали, отметим также, что в первом издании книги Ц. Фридлянда о Марате (1934 г.) глава вторая была озаглавлена так: «Классовые противоречия «национальной революции». Несомненно, что уже на начальном этапе революции обнаружились ее классовые противоречия. Однако нет никаких оснований брать под сомнение ее национальный характер и заключать слово «национальной» в кавычки.

Глава пятая первого издания, в которой речь шла о событиях 1791 г., называлась: «Торжество буржуазной контрреволюции». Может создаться неправильное представление, будто бы вся буржуазия к 1791 г. стала контрреволюционной, тогда как в действительности, как это показали события варенненского кризиса, контрреволюционной стала лишь крупная монархическая буржуазия. Далее, нет никаких оснований рассматривать наступательные действия контрреволюционных сил после расстрела 17 июля 1791 г., бывшие в конечном счете лишь эпизодом в развитии классовой борьбы, как «торжество буржуазной контрреволюции». События июля—сентября 1791 г. не могли изменить соотношения классовых сил, обеспечивавшего развитие революции по восходящей линии. Не имея возможности рассматривать здесь подробно этот вопрос, напомним, что «торжеством буржуазной контрреволюции» можно и должно считать лишь контрреволюционный переворот 9 термидора — 27 июля 1794 г., низвергший якобинскую диктатуру и положивший конец Великой французской буржуазной революции.

Ввиду того, что эти названия глав могут породить у читателей неправильные представления и дезориентировать их

[16] «L'Ami du Peuple», 10/XI 1789.
[17] См. Жан-Поль Марат. Избр. произв., т. II, стр. 93.

в вопросах истории первой французской революции, редактор счел необходимым внести изменения в названия этих глав.

Следует также предварить читателей, что некоторые суждения проф. Фридлянда по частным вопросам, как, например, оценка идейного наследия Жан-Жака Руссо, характеристика предреволюционных работ Марата, утверждение, что Марат в начале революции создал «продуманную социально-экономическую программу», некоторые исторические параллели и сопоставления представляются спорными.

Обращает на себя внимание терминология автора. Повествуя о событиях французской буржуазной революции XVIII в., Ц. Фридлянд в своей книге многократно пользуется такими выражениями. «революция 14 июля», «революция 10 августа 1792 г.», «революция 2 июня 1793 г.». Создается впечатление, что в рамках одной революции совершилось несколько революций. Вполне очевидно, что под термином «революция» подразумевается народное восстание, как обычно и говорится об этих событиях в исторической литературе. Редактор, однако, не счел себя вправе вносить какие-либо изменения в терминологию автора монографии.

В равной мере это относится и к ряду иных терминов автора, например «эбертистская революция», которые трудно признать правильными или точными. Так как такого рода термины встречаются довольно часто в книге, то они воспроизводятся без каких-либо примечаний редакции.

Текст книги перепечатывается с первого издания с некоторыми сокращениями.

Из сказанного видно, что переиздаваемая ныне, через 25 лет после выхода первого издания, книга проф. Фридлянда в некоторых своих частях устарела и ряд существенных положений ее требует критического к ним отношения. Однако книга эта была первой в советской исторической литературе монографией о Жан-Поле Марате; она явилась результатом долголетнего и многостороннего изучения ее автором предмета своего исследования и до сих пор сохраняет ценность, так как содержит весьма богатый конкретный исторический материал, освещающий историческую эпоху, жизнь и деятельность выдающегося французского революционера-якобинца XVIII столетия.

Профессор А. З. Манфред

Глава первая

БОРЬБА ЗА ДЕМОКРАТИЮ ДО 1789 г.

1

История знает немного великих политических деятелей, подобных Ж.-П. Марату, о которых писали бы так много книг и так мало знали фактов, так мало изучали бы их жизнь и деятельность. Прежде всего это утверждение относится к Марату дореволюционных лет.

То, что Бужар писал в своей биографии Марата (60-е годы прошлого столетия) по поводу поразительной бедности наших сведений о его предреволюционной жизни и деятельности, по существу остается правильным и для наших дней, несмотря на то, что за протекшие 60 с лишним лет Марату были посвящены десятки биографий и исследований[1].

Собственно, все то, что мы знаем и что мы пишем о Марате, относится к последним четырем годам его жизни. Когда началась революция, Марату было 46 лет. Подлинно научное исследование его биографии возможно было бы лишь при условии, если бы нам удалось собрать достаточное количество проверенных данных о нем на протяжении этих четырех-пяти десятилетий. Но в лучшем случае мы располагаем некоторым числом разбросанных фактов, мало проверенных суждений, если не считать значительного количества написанных им произведений по различным вопросам физики, медицины, уголовного права и одного-двух социально-политических трактатов.

Десять томов маратовских произведений могут дать нам возможность судить о его идейном развитии, но совершенно оставляют в тени его жизнь и деятельность. По существу, мы располагаем только одним документом — а в т о б и о г р а-

фией Марата, заключающей в себе ряд ценных указаний о его детстве и юности [2].

Вышедшая сравнительно недавно книга Фипсона «Марат в Англии» служит наилучшим образцом ненаучной попытки собрать все реакционные предания о Марате, на протяжении полутора столетий рассеянные по всей антиреволюционной литературе [3]. Правда, кое-что сделано для изучения Марата как ученого в тех областях, в которых большинство исследователей социально-политической деятельности Марата в годы революции очень мало разбиралось, посвящая Марату как физику и врачу ничего не говорящие отдельные строки [4]. Характерным показателем той ступени, на которой находятся исследования предреволюционной деятельности Марата, служит факт, который был отмечен Клодом Ру в его работе «Марат и Лионская академия». Биографы Марата, утверждает Клод Ру, не заметили, что указанный ими как неразысканный второй «мемуар» Лионской академии (под № 6 — «Discours sur la prétendue différente réfrangibilité des rayons hétérogènes») был напечатан в той же книге, что и первый «мемуар», в свое время вошедший в том «Mémoires Académiques». Оба «мемуара» были переплетены и изданы в одной книге, но на протяжении десятилетий ни один исследователь не удосужился «увидать» упомянутый «мемуар» [5].

Не подлежит сомнению, что одну из решающих причин недостаточной разработки данных о Марате до революции следует отнести прежде всего за счет почти полной нашей неосведомленности о деятельности демократических элементов Швейцарии, Франции и Англии накануне Великой французской революции (за 20—25 лет). Историографы французской революции, занятые изображением последних лет старого порядка, уделяли исключительное внимание классическим представителям эпохи просвещения, тем, кто, так сказать, формировал общественное мнение своей эпохи. Ослепленные светом блестящей деятельности, литературной и политической, всех тех, кого объединяло дело «Энциклопедии», они не обратили внимания на группу оппозиционно настроенных ученых и публицистов — всех, кто, примыкая к Руссо, находился в оппозиции не только к старому порядку, но и к новой Франции, — Франции, которая в ближайшем будущем должна была стать уделом торжествующей буржуазии. Часто эти элементы выходили из рядов мелкой буржуазии и нередко свои революционные идеи они сочетали с исторически реакционным протестом против побеждающего буржуазного порядка.

Исследователи до сих пор не дали нам исчерпывающей истории европейской демократической оппозиции XVIII в. Многие писали о влиянии американской борьбы за независимость на подготовку французской революции, но гораздо меньше мы знаем о швейцарской демократии и ее борьбе во второй половине XVIII в. Мало знаем мы об английских радикалах и демократах, среди которых жили и боролись некоторые блестящие представители французской революции и чье влияние на революционную Францию не подлежит сомнению; мало, почти ничего не знаем о революционной борьбе не только в литературе, но и в политической жизни Франции накануне переворота [6].

Итак, исследователь, занятый не только биографией Марата, но и биографией его идей, с самого начала наталкивается на ряд не преодолимых еще в настоящий момент трудностей. Мы заранее отмечаем, что на данной стадии исторического исследования нам, как и многим биографам Марата, приходится уделить жизни Друга народа до революции всего одну суммарную главу нашей книги. Наша задача сводится лишь к некоторой сводке и критическому разбору до сих пор собранных данных, с тем чтобы выяснить, чем был Марат до революции. Здесь, как, впрочем, и в дальнейшем, при оценке всей деятельности Марата, мы наталкиваемся на два диаметрально противоположных взгляда.

В годы самой революции была сделана попытка изобразить Марата в прошлом как шарлатана-целителя. Так, в брошюре «Vie criminelle et politique de J.-P. Marat» (1795) [7] автор сообщает нам, что, привлеченный призывом врача-шарлатана на площадь родного местечка, Марат еще в детстве с восхищением следил за фокусами целителя, вскоре он стал его учеником и заслужил прозвище «врача неизлечимых». Эту версию продолжает «La biographie moderne». Мы читаем там: «Марат — шарлатан, продающий всякую дрянь как средство, исцеляющее все болезни. Многие люди прибегали к его помощи, хотя через некоторое время они становились нищими» [8].

Недалеко от подобных утверждений ушли и реакционные историки XIX в. По Тэну, «Марат тридцать лет скитался по Европе, прозябал в Париже, всеми освистанный и непризнанный, снедаемый завистью ко всем великим мира сего, постоянный кандидат и постоянный неудачник» [9]. Отсюда его «кровожадность» в годы революции.

Противоположную позицию занимает ряд современников и исследователей жизни и деятельности Марата. В этой главе нам придется нередко ссылаться на Бриссо, который в своих мемуарах, написанных позднее, в годы революции, когда он был брошен в тюрьму как руководитель Жиронды, вынужден признать, что Марат в предреволюционные годы был ученым-фанатиком. Он пишет: «Марат был неутомим в труде и исклю-

чительно добросовестен в своих научных опытах» [10]. Бриссо приходит даже к несколько более общему выводу. «Марат защищал позже народ, — пишет он, — так же, как раньше истины физики». При этом Бриссо добавляет, что Марат «служил народу, презирая его, для того чтобы добиться своих целей». Что последнее утверждение навеяно было борьбой между Бриссо и Маратом в годы революции, станет нам ясным из дальнейшего, об этом же свидетельствуют главы, посвященные Марату в трактате Бриссо «De la Verité», в котором Бриссо взял на себя защиту научной репутации Марата [11].

Бриссо в своей книге утверждает, что наилучшим образом можно составить представление о Марате, если выяснить его жизнь до революции. «После революции мы видим его только на подмостках», — пишет Бриссо [12]. Но, как мы сможем в дальнейшем убедиться, оставшиеся тома маратовских работ дореволюционных лет, как и все то, что мы знаем о нем, опровергают подобное утверждение. Можно с полной категоричностью утверждать, что то, чем был Марат в годы революции, было подготовлено его жизнью и деятельностью в предреволюционные годы [13].

Реакционные биографы Марата утверждают, что он был психически больным, «потому что доводил свои принципы в области теории, как и практики, еще до революции до догматизма, а свою нетерпимость — до варварства» [14].

2

Обратимся к тем скудным данным, которые имеются у нас о жизни Марата в период его детства и юношества.

Jean-Paul Mara, или, как позднее он писал свою фамилию, Marat, родился 24 мая 1743 г. в маленьком городке Будри близ Невшателя, находившегося тогда в пределах юрисдикции прусского короля. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, отец Марата (1703—1783) был родом из Каглиари в Сардинии, по профессии живописец-рисовальщик; в 1747 г. работал в предприятии Mrs Clere et C°. Позже, по всей видимости, преподавал иностранные языки [15]. Мать Марата — Луиза Каброль из Женевы — была внучкой французских эмигрантов, бежавших из-за религиозных преследований. Ее отец, парикмахер из Лангедока, стал женевским жителем (habitant) в 1723 г. Это была типичная мелкобуржуазная швейцарская семья, где детям дали культурное воспитание; семья «не знала нужды, но не знала и богатства», по словам одного биографа. В своей автобиографии Марат пишет, что он имел счастье родиться и получить хорошее воспитание в отцовском доме, избежать всех опасностей развращения в детском возрасте

и юности; идеи справедливости развивались в нем не меньше благодаря чувству, чем благодаря разуму. Марат любил книги и получил, по всей видимости, неплохое классическое образование. Начал свои занятия он в Невшателе; в библиотеке города сохранился латинско-французский словарь, где начертана его фамилия. В той же библиотеке нашли книгу, принадлежавшую Марату, «Florus — Franciscus Berthaut», с надписью «Etudiant en Humanité».

Мы не знаем, какие основания имел Кабанес утверждать, что в детстве Марат отличался буйным поведением; как мы увидим позже, возможно, что он спутал его с младшим братом Давидом [16]. Любитель чтения, Марат пользовался расположением отца и матери. Особенной страстью его в эти годы были мечты о славе. «В пять лет я, — пишет Марат, — хотел быть школьным учителем, в пятнадцать — профессором, писателем в восемнадцать, гением-изобретателем — в двадцать».

Шестнадцати лет Марат покинул родительский дом, в семнадцать хотел отправиться в Тобольск с аббатом д'Отерот для астрономических наблюдений. Вот что писал Марат в своей краткой автобиографии:

«Я прошу извинения у моих читателей, если я их сегодня займу своей личностью, это не самолюбие и не тщеславие, но лишь простое желание наилучшим образом послужить общественному делу. Как можно вменить мне в преступление желание показать себя таким, каков я есть, когда враги свободы не перестают меня поносить, представляя меня как сумасбродную голову, как сумасшедшего и мечтателя или как людоеда, тигра, алчущего крови, как чудовище, которое находит отдых лишь в резне, — и все это для того, чтобы вызвать ненависть при напоминании о моем имени и помешать сделать добро, которое я могу и хочу сделать.

Рожденный с душой чувствительной, воображением живым, с характером вспыльчивым, свободным и упрямым, умом прямым, сердцем, открытым всем восторженным страстям и прежде всего открытым для любви к славе, я никогда ничего не делал, чтобы изменить или уничтожить данное природой; наоборот, я делал все, чтобы эти задатки развить.

Благодаря счастью, далеко не всеобщему, я имел возможность получить чрезвычайно примерное воспитание в родительском доме, избежать всех порочных привычек детства, которые расслабляют и портят человека, миновать все заблуждения юности и прийти к истине, никогда не будучи вынужденным предаваться неистовым страстям; я был целомудренным в двадцать один год и уже с давних пор склонным к кабинетной работе; единственная страсть, которая пожирала мою душу, была любовь к славе; но это был только огонь, который тлел под пеплом. Я от природы получил закал характера, от стараний моей матери зависело его дальнейшее развитие, потому что мой отец хотел сделать из меня только ученого. Эта почтенная женщина, чью потерю я оплакиваю до сих пор, воспитывала меня в первые мои годы, она одна способствовала расцвету чувств филантропии в моем сердце, любви к справедливости и славе. Чувства драгоценные! Они тотчас стали единственными страстями, которые с тех пор стали уделом моей жизни. Моими руками она оказывала помощь нищим, и то, как она с ними говорила, внушало мне чувства, которыми она была охвачена.

Любовь к людям — основа любви к справедливости, ибо идея справедливости развивается не меньше благодаря чувству, чем благодаря разуму.

Я имел уже нравственное чувство, развитое к восьми годам; в этом возрасте я не мог выносить злых намерений, направленных против ближних; возможная жестокость возбуждала мое негодование, и всегда зрелище несправедливости вызывало усиленное биение моего сердца, воспринималось как чувство личной обиды.

В мои первые годы я физически был очень слабым. Таким образом, я не знал ни буйства и безрассудности, ни игр детства. Я был послушен и покорен, мои учителя могли добиться от меня всего мягкостью. Я никогда не подвергался наказаниям, кроме одного раза, причем ощущение оскорбительной несправедливости произвело на меня такое сильное впечатление, что было невозможно возвратить меня под опеку моего наставника; я оставался два дня вне дома и отказывался принять какую бы то ни было пищу. Мне было тогда одиннадцать лет; можно судить о твердости моего характера в этом возрасте по одному этому поступку. Мои родители не смогли меня сломить и, не желая компрометировать родительский авторитет, заперли меня в комнату. Не в силах устоять под напором негодования, которое меня душило, я открыл окно и кинулся на улицу; к счастью, окно не было высоко; но все же дело не обошлось без увечья при падении: у меня до сих пор рубец на лбу. Легкомысленные люди, которые меня упрекают в том, что я сильный человек, могут видеть теперь, что я был им с давних пор. Возможно, они не поверят, что с детских лет я был объят любовью к славе, страстью, которая изменяла часто свой объект в различные периоды моей жизни, но которая меня не покидала ни на минуту. В пять лет я хотел быть школьным учителем, в пятнадцать — профессором, писателем — в восемнадцать, гением-изобретателем — в двадцать, точно так же, как ныне я добиваюсь славы, чтобы принести себя в жертву отечеству.

Вот, что из меня сделала природа. Уроки моего детства, обстоятельства жизни и размышления довершили остальное.

Я был вдумчивым в пятнадцать лет, в восемнадцать — наблюдательным и мыслителем — в двадцать один год. С десяти лет я усвоил привычку к жизни прилежной, любознательной, работа ума стала для меня прямо необходимостью, даже во время моих болезней; самые сладкие минуты удовольствия я находил в размышлении — в тихие минуты, когда душа созерцает с восхищением величие явлений природы, или когда, созерцая самое себя, она, кажется, прислушивается к самой себе в тишине. Она взвешивает на весах судьбы тщетность величия человеческого перед лицом смерти, на пороге гробницы, и проявляет беспокойную любознательность по поводу изменчивости судьбы . . .»[17].

Так характеризует Марат свое детство и юность.

Из Будри отец Марата переехал в Невшатель в 1754 г., а после 1768 г. — в Женеву. Больше сведений о нем в нашем распоряжении не имеется; нет никакого смысла перечислять те обрывки непроверенных данных, которыми писатели уснащают свои биографии Марата. Так, даже Бельфор-Бакс, говоря о том, что фамилия Марата семитического происхождения, утверждает, что его предки в прошлом попали в Сардинию из Карфагена [18]. Мы ничего не можем сказать по этому поводу; отметим, впрочем, как курьез, что в «Жизнеописании двенадцати цезарей» Светония в очерке об Августе сказано, что один из биографов Августа был некий вольноотпущенник Юлий Марат[19]. Тот же Бельфор-Бакс приводит любопытный документ — письмо одного из сограждан семьи матери Жан-Поля Марата, в котором он называет ее «кляузницей, не устававшей оскорблять всех своим языком». В том же письме неизвестный говорит об ее оборванце-сыне, который участвовал в целом ряде дебошей, но, по всей видимости, речь идет о Давиде, а не о Жан-Поле, так как письмо относится к 1768 г., когда Жан-Поля давно уже не было в Швейцарии. Автор письма имеет в виду убийство в Невшателе адвоката Гудо, о чем рассказывают нам мемуары современников. Мы приводим в примечаниях текст этого письма [20].

Кроме Жан-Поля, в семье было еще две дочери и три сына. Один из этих сыновей представляет для нас значительный интерес. Мы имеем в виду младшего брата Марата, родившегося в 1756 г. и позже переехавшего в Россию, где он был профессором французской литературы в Царскосельском лицее, учителем Пушкина и Горчакова. Биографы Марата почти не упоминают об этом брате, и, по мнению Кабанеса, о нем почти ничего не известно. В нашем распоряжении имеется несколько больше данных. Уже Бриссо в своих мемуарах сообщает, что во время пребывания в Невшателе, в момент известного женевского восстания 1782 г., он с младшим братом Марата посетил Ферней. Бриссо утверждает, что Давид был «не менее оригинальным, чем его брат» [21]. Из других данных мы узнаем, что Давид принимал участие в женевском восстании демократов в 1782 г. и даже опубликовал ряд памфлетов. После этого в 1784 г. он был приглашен воспитателем детей камергера Василия Петровича Салтыкова; был затем преподавателем в пансионах и частных домах Москвы и Петербурга. С 1803 г. он преподавал словесность в институте благородных девиц св. Екатерины, в 1806 г. был преподавателем Санкт-Петербургской губернской гимназии и в конце того же года принял присягу на переход в русское подданство. В 1811 г. кавалер Давид де Будри был произведен в чиновники седьмого класса и назначен профессором Царскосельского лицея; в том же году он издал французскую грамматику с русским переводом, посвященную Александру I. В 1814 г. он преподавал французскую словесность в благородном пансионе Царскосельского лицея; в 1819 г. произведен в чин коллежского советника. Давид Иванович Будри, как его называли в России, был кавалером многих орденов, получал неоднократно «высочайшие» награды.

Как утверждает М. Корф, это был «человек образованного ума, благородного сердца, примерной кротости нрава и добродушия» [22]. Он пользовался большой любовью своих учеников, и Пушкин о нем отзывался с большой симпатией. Корф даже утверждает, что Будри в значительной степени способствовал развитию своих учеников отнюдь не в смысле одного

изучения французского языка. «Он, — пишет Корф, — не долбил с нами логику, а учил своих слушателей ей на самом деле, помогая развивать способности мышления» [23].

Бриссо утверждает в своих мемуарах, что Жан-Поль некоторое время находился в сношениях со своим братом и что одной из причин ненависти Марата к женевскому банкиру Клавьеру, руководителю женевского восстания 1782 г., следует считать то, что последний не хотел выдать Жан-Полю деньги в счет тех сумм, которые брат его выслал ему из России.

Умер Д. Будри 23 сентября 1821 г., а не в 1829 г., как утверждают некоторые источники [24]. Он оставил двух дочерей, замужем за французами, в России.

Из всех остальных братьев и сестер Марата нам в дальнейшем придется встретиться только с ближайшим другом великого революционера — Альбертиной (1760—1841). Что же касается остальных — сестры Мари (1746—1817) и братьев Анри (1745—?) и Жан-Пьера (1767—1846), то они были самыми обыкновенными швейцарскими мелкими буржуа [25].

В 1759 г., во всяком случае не позже 1760 г., 16-летний Марат ушел из родительского дома, и с этого времени начинается его скитальческая жизнь. Два года, по его словам, он жил в Бордо, один год в Дублине, десять лет в Лондоне, в Гааге, Утрехте, Амстердаме и 18 лет в Париже. В 50 лет он, подводя итоги своей жизни, с гордостью заявлял: «Я побывал во многих странах Европы. Если справиться в регистрах полиции различных стран, я бьюсь об заклад, что не найдут моей фамилии, замешанной в каком-нибудь непозволительном поступке; если будут собраны сведения, я ручаюсь, что ни один человек под небом не сможет меня упрекнуть ни в одном бесчестном поступке» [26].

В Бордо он был преподавателем у детей крупного негоцианта Поля Нерака. Больше данных о жизни Марата за эти годы мы не имеем. В 1762 г. он покинул Бордо и направился в Париж; после 1765 г. мы встречаем его уже в Лондоне. Жан-Поль начал свою трудовую, полную борьбы жизнь. Он вступил на путь, по которому шли многие тысячи интеллигентов середины XVIII в., выходцы из рядов мелкой буржуазии. Если у нас нет прямых данных о его юности, то по аналогии мы можем себе ясно представить то, что он переживал в те годы. Мы имеем в виду мемуары Бриссо, одно время считавшего себя другом Марата. Бриссо — сын трактирщика, подобно Дидро, Руссо, Франклину, тоже выходец из мелкобуржуазной среды; будучи ремесленником, он мечтал о славе; он не забывал, что Бейль был воспитателем, а Руссо — лакеем маркиза, и поэтому не стыдился своей профессии газетчика. В то время как Монтескье и Гельвеций были богаты, у них было много свободного

времени, чтобы обдумать и отточить свою мысль, публицистам-философам, подобно Бриссо, пришлось голодать и пробивать себе дорогу среди бесчисленного множества врагов.

«Великое искусство быть счастливым, — писал Бриссо, — это уметь быть несчастным». В молодости Бриссо поглощал сотни книг, увлекался героями античного мира, зачитывался историей Кромвеля и решал вопрос о том, кем ему быть по окончании колледжа в Шартре — ремесленником, торговцем, священником или адвокатом. Он сделался адвокатом, но одновременно изучал физику, химию, анатомию, ставил опыты, занимался изучением языков, философией. И, конечно, зачитывался Руссо. Денег для организации лаборатории у него не было, приходилось преодолевать сопротивление официального академического мира, объявить ему войну, подобно тому как это позже пришлось делать Марату; на этой почве Бриссо сблизился с последним. С Маратом его сближало также знание Англии, Швейцарии и Франции, общее оппозиционное настроение. Характерно, что и тот и другой написали работы, посвященные критике действующего уголовного права. Мы позже сможем сопоставить эти работы и обнаружим тогда то общее и еще больше то отличное, что сближало и разделяло их.

Во всяком случае, не подлежит сомнению, что юность их протекала в почти одинаковой социальной среде, среди тех же надежд, колебаний и препятствий. Жизнь Марата станет нам более понятной, если мы познакомимся с социально-экономическим и политическим строем Европы середины XVIII в.

3

Чем была Европа накануне революции? Уже Токвиль отметил, что во Франции, Англии и Германии вместе с постепенным разложением старого порядка созданы были общие условия для социальной революции. Старый порядок во второй половине XVIII в. был ходом экономического развития в своей основе разрушен. Повсюду было распространено общее недовольство существующим положением вещей, и вместе с тем росло экономическое и социальное влияние *буржуазии как класса*; старый порядок был на краю своей гибели. А это означало, что классовая борьба в Европе все более и более обострялась. «Все, что живет, действует, производит, все это, — писал Токвиль, — по своему происхождению ново и не только ново, но даже *противоположно* прежнему» [27]. Это утверждение относится не только к Франции, но и к Англии, Германии и Швейцарии, вне зависимости от того, делал ли в отдельных государствах капитализм бóльшие

или меньшие успехи [28]. На западе Европы революция была ближе к своему осуществлению, чем на востоке, где ростки буржуазного общества только поднялись над землей. «Большинство наций Европы, — по словам Мабли, — нуждается в великой реформе, с этим согласен весь мир» [29].

По отношению ко всей Европе можно повторить то, что Маркс писал о Франции Людовика XIV и Людовика XV: «. . . финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка, или, вернее, *фасад* общественного здания . . . выглядел насмешкой над отсталым косным состоянием главной отрасли производства (сельскохозяйственного) и над голоданием производителей» (письмо Н. Даниельсону 10 апреля 1879 г. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 34).

Европа вступала в эпоху буржуазной социальной революции. Каковы социально-экономические предпосылки этого переворота?

Несмотря на десятилетия изучения социального переворота XVIII в. мы до сих пор не имеем той исчерпывающей характеристики экономического разложения старого порядка, какую мы находим, скажем, в книге Ленина «Развитие капитализма в России». Нам кажется, что тот путь анализа, которым Ленин шел в своем произведении, служит ключом и к характеристике социально-экономических отношений XVIII в., если, конечно, принять во внимание разницу исторических условий кануна промышленного переворота в Европе и эпохи перехода к империализму в России, в самом конце XIX в. Мы не задаемся здесь целью выполнить эту огромную задачу, но хотели бы только напомнить почти дословно те рассуждения, которые привели Ленина к его выводам, и тем самым дать суммарную характеристику социально-экономического развития Европы в последний период господства старого порядка, в период его распада. Задача сводится, говоря словами Ленина, к изучению данного строя общественно-экономических отношений и к выяснению характера эволюции этого строя [30].

Все спорные вопросы о пределах развития капитализма в той или другой европейской стране XVIII в., или, как это в свое время называлось в России, вопрос о «судьбах капитализма», сводятся не только к выяснению того, как быстро развивался капитализм, а скорее к тому, чтобы установить, как именно и откуда он развивался [31]. В области промышленности это сводится к вопросу о переходе от мелкого товарного производства к капиталистической мануфактуре и от последней к фабрике.

Забегая вперед, мы должны отметить, что революционный переворот социально-экономических и в связи с ними политических отношений старого порядка определяется историческим моментом перехода от мануфактуры к фабрике. Переход этот представляет собой не только простой технический переворот, но и огромную, с ним неизбежно связанную крутую ломку общественных отношений производства — окончательный раскол между различными классовыми группами, участниками производства, полный разрыв с традиционной обстановкой и расширение всех мрачных сторон капитализма, а вместе с тем и массовое обобществление труда капиталом.

Те три этапа развития промышленности, которые мы выше отмечали, соответствуют не только трем различным укладам техники, но и различным типам предприятий, различным социально-экономическим укладам. В мануфактуре постепенно побеждают буржуазные отношения между наемным трудом и капиталом, но эти отношения, имеющиеся в зародыше в мелком производстве, не фиксируют здесь еще противоположности между группами участвующих в производстве лиц; только в мануфактуре начинается и оформляется постепенное образование крупного капитала и широких слоев пролетариата. В этот исторический момент обостряются социальные противоречия: небольшое число купцов, ворочающих громадными суммами по закупке сырья и сбыту продуктов, и масса живущих со дня на день рабочих — такова картина мануфактуры. Только машины и крупная промышленность радикально меняют положение дел, так что, говоря словами Ленина, все мрачные стороны капитализма как бы концентрируются в фабрике [32].

Отсюда меняется и самый характер развития производства на каждом данном этапе. В мелких промыслах развитие идет вслед за процессом капитализации в крестьянском хозяйстве; уже мануфактура работает на крупные рынки, иногда даже на всю нацию. Промышленность приобретает теперь характерные черты капиталистической неустойчивости, и только крупные машины — индустрия — создают условия для постоянных, периодически повторяющихся кризисов.

При мануфактуре разрыв промышленности и земледелия достиг значительных размеров, но еще не был завершен, он достиг своего логического конца только при машинах. Поэтому — и это мы должны твердо помнить, говоря о капиталистическом развитии накануне французской революции, — «в мелких промыслах и в мануфактуре мы видим всегда остатки патриархальных отношений и разнообразных форм личной зависимости, которые, в общей обстановке капиталистического хозяйства, чрезвычайно ухудшают положение трудящихся, унижают и развращают их» [33].

Промышленность, широко распространившаяся в основных капиталистических странах Европы XVIII в., представляла собой переходную форму от ремесла и мелкого товарного производства к крупной машинной индустрии будущего [34]. Небольшое число сравнительно крупных мануфактурных предприятий (Англии, Франции и части Германии) существовало наряду с огромной массой мелких промыслов; в этот период мы имеем теснейшую связь между торговым и промышленным капиталом; для этой эпохи, как неоднократно подчеркивал Ленин, сохранял полную силу закон, сформулированный Марксом в «Капитале»: «Степень развития торгового капитала обратно пропорциональна степени развития промышленного капитала» [35]. Отсюда и та огромная роль торговой буржуазии, наряду с промышленной, которая характерна для социальных отношений эпохи. Что касается рабочего класса, то в этот период развития капитализма сохранилась в значительной степени его связь с землей. Трудно, почти невозможно себе представить этот период развития капитализма без передачи работы в широких размерах на дом [36].

Мелкие промыслы и домашняя промышленность сохраняют свою огромную роль в Европе, а вместе с ними значительную роль играют в сельском хозяйстве самые примитивные формы торгового и ростовщического капитала: их роль прямо пропорциональна экономической отсталости того или другого района, той или другой страны. Живучесть натурального хозяйства обусловливает силу и мощь этой формы паразитарного капитала: «Подобно тому, как нельзя себе представить развитого капитализма без крупного товарно-торгового и денежно-торгового капитала, точно так же немыслима и докапиталистическая деревня без мелких торговцев и скупщиков, являющихся «хозяевами» мелких местных рынков» [37].

Все указанные отношения ремесла и мануфактуры являлись для основных европейских государств XVIII в. преобладающей формой отношений. В какой мере накануне самой революции осуществился переход к высшей форме капитализма — от мануфактуры к фабрике, можно сказать только при конкретном анализе экономики каждой страны. Об этом у нас речь пойдет дальше. Здесь важно отметить, что самый процесс этого перехода в условиях социально-политической власти привилегированных сословий старого порядка, в условиях, когда социально-экономические отношения были опутаны плотной сетью феодальных пережитков, представлял собой болезненный процесс, повсюду выливавшийся в форму революционных столкновений. Эти же столкновения в условиях революционной ситуации и привели Францию к великому перевороту.

Крупная промышленность в экономической области, положительные науки в области умственной, демократия в области политической — все эти условия возникающего буржуазного общественного порядка были результатом революции XVIII в., но не предшествовавшим ей фактом. Вот почему еще более, чем при анализе капиталистического развития России конца XIX в., необходимо нам даже в краткой, суммарной характеристике экономического развития Европы XVIII в. обратить внимание, откуда и как развивался капитализм в сельском хозяйстве.

В эпоху домашинного производства в европейском сельском хозяйстве в каждом из государств (в различной, конечно, степени) оказалось живуче помещичье хозяйство в том виде, как оно сложилось в эпоху крепостного права. Последнее мы должны взять за исходный пункт нашего анализа. То хозяйство, которое принято называть барщинным, предполагает, во-первых, господство натуральных отношений, во-вторых, собственность производителя на средства производства и в первую очередь на землю и, наконец, личную зависимость крестьян от помещиков, что, естественно, связано с крайне низким уровнем техники.

Только постепенно, в процессе развития капиталистической техники, происходит распад барщинного хозяйства на базе все более и более обостряющихся классовых отношений в сельском хозяйстве.

Это не был процесс мирного экономического развития, как думал А. Савин и ряд других буржуазных критиков 24-й главы I тома «Капитала». Распад барщинного хозяйства был связан с жестокой классовой борьбой, с революционным развитием многих десятилетий.

Так созданы были условия для превращения сельского хозяйства в торгово-промышленное предприятие, причем мы должны твердо помнить, что «капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть». Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, соединяющая в себе черты барщины и капиталистической системы. То или иное сочетание этих двух систем и характерно для социально-экономических отношений в сельском хозяйстве значительной части европейских государств рассматриваемой нами эпохи. Капиталистические отношения наряду с остатками феодальных отношений крепостного права существовали во Франции, Германии и в известном смысле даже в Англии.

Но в конце XVIII в. мы имеем дело с ростом товарного хозяйства как капиталистического хозяйства в Европе и вместе с тем с обострением противоречий, свойственных подобному переходному строю.

Процесс роста городского населения за счет сельского приводил и тогда к тому, что Ленин называл процессом «раскрестьянивания». Вместе с тем происходил процесс дифференциации, в самой деревне образовывались классы сельской буржуазии и сельского пролетариата, а между ними располагалась широкая масса среднего крестьянства — процесс только начавшийся, но далеко еще не завершенный. В этих условиях роль торгового ростовщического капитала в деревне была решающей. Степень разложения старых крепостных отношений в данном случае зависела от успехов капитализма. Повторяем, выяснение этого вопроса в его конкретности требует внимательного анализа социально-экономических отношений отдельных государств и отдельных районов. Процесс капитализации связан был с ростом внутреннего рынка, что является, как мы знаем, существом процесса превращения товарного производства в капиталистическое производство [38].

Успехи образования внутреннего рынка получили свое отражение в оценке преимущества внутренней торговли над внешней, столь характерной для экономической политики Европы XVIII в. В этом смысле особый интерес представляет для нас вопрос о роли и значении колоний в связи с англо-американской войной, о чем писали европейские экономисты конца XVIII в. Мы имеем в виду «Богатство народов» Адама Смита, да, впрочем, не только одного его. Но об этом — дальше. Суммарная характеристика общих тенденций экономического развития XVIII в. приводит нас к выводу, к которому пришел Ж. Жорес, характеризуя экономическое развитие Франции второй половины XVIII в.: «Широкие массы населения возмущались старым порядком не столько вследствие упадка земледелия и всего хозяйства, сколько потому, что старый порядок тормозил начинавшееся развитие капитализма», ставил преграды промышленной революции, развитию высших форм капитализма — машинному производству. Это-то и делало революцию неизбежной, несмотря на неудачные попытки осуществить программу реформ в рамках старого порядка.

4

В середине XVIII в. литераторы и мыслители Европы и прежде всего Франции занялись обсуждением всех основных социально-политических проблем грядущего переворота, выдвинутых кризисом старого порядка. «Около 1750 г., — писал Вольтер, — нация, пресыщенная стихами, трагедиями, комедиями, романами, операми, романическими историями, нравственными размышлениями еще более романического характера и спорами

о грациях и душевных волнениях, принялась рассуждать о хлебе». Д'Аржансон в 1759 г. утверждал: «Повсюду веет ветер свободы... ветер этот проникает в умы, и возможно, что в головах уже сложилось такое правительство, и оно будет осуществлено при первом представившемся случае. Может быть, революция совершится и будет оспариваться меньше, чем мы думаем...».

Как отмечал даже И. Тэн в своей пародии на французскую революцию, самым модным словом в эту эпоху стало слово «энергия». И нельзя не обратить внимания, что основные по своему значению политические трактаты эпохи (мы имеем в виду «Дух законов» Монтескье и «Общественный договор» Руссо) ставят вопрос о все более и более успешном развитии капитализма, о разложении существующих в Европе политических режимов — республики, аристократии и монархии. Раздел 8-й «Духа законов» — «О разложении принципов трех видов правления», с нашей точки зрения, является политически самым актуальным для своего времени, он в равной мере касался деспотической Франции, конституционной Англии и республиканской Швейцарии. То же относится к главе X «Общественного договора» — «О злоупотреблениях правительства и об его наклонностях к вырождению».

Этот кризис абсолютной монархии вытекал из классовых противоречий данного общественного порядка. Ленин вскрыл всю лживость «теории» К. Каутского об абсолютизме как «надклассовом» явлении. «Получая мотивы для своей деятельности... в значительной степени от верхов буржуазии, — пишет Ленин, — бюрократия дает чисто-крепостническое, исключительно крепостническое *направление и облик* буржуазной деятельности» (т. 17, стр. 348). На этой классовой основе абсолютизм пытается сохранить свою независимость и самостоятельность. Бюрократия в этом случае есть одно из основных орудий абсолютизма. При этом на долю дворянства, писал Ф. Энгельс, отстраненного от политических дел, выпадает грабеж крестьян, государственной казны; ему предоставляется косвенная возможность оказывать политическое влияние через двор, армию, церковь и высшую администрацию; на долю буржуазии — защита ее интересов путем пошлин, монополий и относительно упорядоченное управление и судопроизводство. Абсолютизм господствовал только до того момента, пока рост мануфактурной промышленности превращал буржуазию в гегемона общественного развития и тем самым определял неизбежность кризиса политического строя Европы середины XVIII в. Чтобы понять, в чем сущность этого кризиса, мы обратимся к показаниям современников-«просветителей».

По Монтескье, демократия разлагается тогда, когда ею утрачивается дух равенства или когда он доводится до крайности, т. е. когда каждый хочет быть равным тем, кого он избрал в свои правители. В первом случае демократия вырождается в аристократию, во втором — в деспотизм.

Раздел 3-й VIII книги специально подчеркивает опасность духа «крайнего равенства», отличие истинного равенства от равенства, доведенного до крайности. «Различие между правильной демократией и неправильной заключается в том, что в первой люди равны только как граждане, во второй они равны еще и как правители, как сенаторы, как отцы, мужья и как господа» [39].

Для Монтескье, как и для Руссо — мы увидим это дальше, — идеальная демократия немыслима как реально существующая государственная форма правления. Но неизбежен процесс разложения и аристократического порядка. В тот момент, когда власть знати становится произвольной, а еще более в тот момент, когда аристократия становится наследственной, она превращается в деспотию. И только в том случае, когда законы аристократического правления устанавливают такой порядок, что опасности и тяготы правления становятся для власти более чувствительными, чем доставляемые ей наслаждения, или в случае, если аристократическое государство вынуждено обороняться против угрожающей ему опасности, оно сможет избежать своего разложения. Впрочем, это счастливое сочетание обстоятельств очень редко. Монтескье утверждает: «Чем больше увеличивалась безопасность этих государств, тем больше они, как застоявшаяся вода, подвергались порче» [40].

Но погибает от процесса внутреннего разложения и монархия. Демократия погибает, если народ лишает своих правителей власти, монархия разлагается, если государь отнимает прерогативы сословий и привилегии городов. «В первом случае идут к деспотизму всех, во втором — к деспотизму одного». Монтескье далее утверждает, что, «так же как реки бегут смешаться с морем, так и монархи стремятся раствориться в деспотизме»[41].

На кризис всех существовавших тогда в Европе политических режимов Монтескье обратил внимание еще до того, как он выступил со своим основным трудом. Таков был вывод, к которому он пришел во время своего путешествия по Европе, наблюдая политические отношения в различных странах. Он не находит в Европе своего идеала монархии, опирающейся на служилое дворянство, точно так же как не находит и демократической республики. Городские республики Голландии и Германии в свою очередь выродились в тиранию аристократии богатых. Приведенный в «Духе законов» факт посылки Карлом XII сапога сейму — для Монтескье символ современного ему европейского политического строя: «В Европе повсюду царит или анархия или деспотизм» [42].

К тому же выводу приходят Руссо в «Общественном договоре» и Мабли в своих «Очерках об изучении истории» («De l'étude de l'Histoire»). Ж.-Ж. Руссо в отличие от Монтескье ищет те основные принципы, которые дали бы ему возможность построить идеальную форму государственного правления. Для него вопрос о наилучшей форме государственного устройства разрешается просто: «Бесспорно, лучшее правление есть то, при котором граждане без посторонних средств, без натурализации, без колоний плодятся и размножаются» [43]. Правление, при котором народ уменьшается в числе и погибает, — худшее из всех. «Счетчики, — патетически заканчивает он соответствующий раздел «Общественного договора», — теперь ваш черед! Подсчитывайте, измеряйте, сравнивайте!». Но дело в том — и Руссо сам не может пройти мимо этого факта, — что арифметический подсчет счастья граждан имеет смысл только в том случае, если мы обратим внимание не только «на внешнее спокойствие и безмятежную жизнь власть имущих, но и на благосостояние целой нации и особенно многочисленных сословий» [44]. Отсюда он приходит к выводу, что конструируемый им идеальный государственный порядок — химера.

Правительство повсюду ведет борьбу с верховной властью народа; Руссо поднимает это свое утверждение на высоту социально-исторического закона. Он пишет: «В этом вырождении — неизбежное зло, которое с самого рождения политического тела стремится безостановочно его уничтожить, подобно тому как старость и смерть уничтожают в конце концов тело человека» [45], государство в своем развитии переходит от демократии к охлократии, от аристократии к олигархии и от монархии к тирании. Есть ли возможность избежать этого вырождения государства?

Рассуждая о политических переворотах, он утверждает: «В самом деле, правительство только тогда изменяет свою форму, когда его механизм изнашивается и оно слишком расслабляется, чтобы иметь возможность сохранить свою форму». Поскольку устройство государства — дело искусства людей, можно искусственно продолжить жизнь государства, давая ему наилучшее устройство, но все же остается под сомнением, можно ли, изменяя политические формы, возродить государственную власть. Если законодательная власть — сердце государства, а исполнительная власть — его мозг, то мозг может быть парализован; в результате государство, как и человек, будет идиотом, но оно все же будет жить. Но если сердце перестанет функционировать, живое существо умирает. По Руссо, опа-

саясь смерти государства, надо терпеть и дурное правление. Но все же вопрос в том, чтобы найти наилучшую из реально мыслимых форм правления; он предупреждает нас при этом, что идеальное правление, демократия — химера: «Если бы существовал народ богов, он управлялся бы демократически, но для людей эта форма правления, столь совершенная, не годится». Поэтому все практические его указания в дальнейшем сводятся только к вопросу о средствах поддержания и исправления существующей верховной власти. Он готов истинный аристократический режим предпочесть режиму демократическому [46].

Жан-Жак Руссо — враг революции и гражданских войн. Он мечтает об условиях, гарантирующих государство от революционных переворотов. В этом мы убедимся, когда дадим краткую характеристику борьбы за демократию в Швейцарии. В этом смысл его совета, который он в 1772 г. дал полякам: «Берегитесь, доблестные поляки, — пишет он, — берегитесь, чтобы из желания сделать возможно лучше вы не ухудшили бы своего положения. Исправьте, если это возможно, злоупотребления, вкравшиеся в ваше государственное устройство, но не презирайте конституции, которая из вас сделала то, что вы есть» [47]. Заметим, что эти советы были даны в эпоху, когда для Руссо давно было очевидно, что Франция и Европа в целом приближались к кризису, что «Франция вступила в век революций» [48].

Консервативная трактовка демократических принципов которую мы находим у Руссо, была отброшена последующим социально-политическим развитием, но к середине XVIII в., когда стал очевидным распад старого политического режима, для идеологов нового класса еще неясны были те революционные пути, которые должны были привести их к победе.

Все это, конечно, в еще большей степени касается рассуждений Монтескье. Последний в отличие от Руссо не разрабатывал по существу новых принципов организации идеального государственного правления, а как анатом, анализируя существующие государственные режимы, искал пути восстановления равновесия исторически сложившихся органов правления. Это классически ясно выражено в разделе 8-м рассмотренной нами выше книги — «О разложении принципов трех видов правления»: «Опасность не тогда, когда государство от одного умеренного правления переходит к другому правлению того же рода, как, например, от монархии к республике или от республики к монархии, а в том, когда оно приходит к упадку, устремляясь от умеренного образа правления к деспотизму» [49].

Речь идет о деспотизме тирании, как и о деспотизме демократии. Нас в этом убеждает раздел

11-й той же книги — «Об естественных последствиях здорового и испорченного состояния принципов». «Когда принципы правления находятся в разложении, — утверждает Монтескье, — даже самые лучшие законы становятся дурными и обращаются против государства. Когда же принципы здоровы, то и дурные законы производят последствия хороших, ибо сила принципа все покоряет» [50]. Собственно, эти слова являются краеугольным камнем для той политической доктрины о разнице между конституционным и революционным правлением, которая позже сформулирована была деятелями революции и прежде всего Маратом. Монтескье ссылается на критян, которые, на случай порчи принципов правления, держали своих правителей в страхе и подчинении путем угрозы восстания. И хотя это сильно действующее средство часто помогало критянам, Монтескье высказывается против его применения. Чем же его заменить в случае, если (повторяя вслед за Эпикуром) «не жидкость в сосуде испортилась, а самый сосуд испорчен»? — спрашивает Монтескье [51]. На этот вопрос, как мы знаем, он отвечает попыткой исправления недостатков данного государственного устройства каждой страны. В своих «Опытах о политике» автор «Духа законов» ищет средства предвидения и предупреждения наступающей революции.

Мы видим, таким образом, что политическая мысль первой половины XVIII в. имела дело с разложением политического строя во всех европейских государствах, с вырождением всех политических форм государственного управления. Идеологи анализируют и систематизируют всевозможные формы политических превращений, но останавливаются в нерешительности перед вопросом о путях осуществления своих идеалов — даже такие классические представители материализма, как Гольбах, руссоисты и Мабли. Но об этом дальше — в связи с анализом социально-политического памфлета Марата «Цепи рабства». «В лучшем случае реформа, но не революция» — таков политический вывод, к которому приходят властители дум Европы в первой половине XVIII в.

Эта боязнь революции со стороны буржуазии XVIII в. прекрасно была отмечена Лениным еще в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Он писал: «Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна. . . Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции . . .» (Соч., т. 9, стр. 34). Этот

вывод Ленин относит и к буржуазии 1789 г. «Либеральная буржуазия во Франции, — писал он в статье «Принципиальные вопросы избирательной кампании», — начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов» [52].

Спустя два-три десятилетия социально-экономическое развитие Европы решительно отбросило основной политический вывод теоретиков буржуазии о подмене революции реформой. Революция была поставлена в порядок дня. Перед этим неизбежным ходом событий недоуменно останавливается вся буржуазная историография французской революции. Она до сих пор повторяет слова Токвиля: «Революция мгновенным, судорожным, болезненным усилием, без постепенных переходов, без предосторожностей, без пощады, положила конец тому, что позднее мало-помалу окончилось бы само собой» [53]. В том, что оно не смогло окончиться само собой, нас убеждает анализ социально-экономического положения Европы второй половины XVIII в. Старый порядок не пал бы в XVIII в., как и в XX, «если бы его не толкнули», — это сделала революция.

5

Как мы отмечали выше при изложении биографии Марата, нам необходимо заняться характеристикой социально-экономического и политического развития не только Англии и Франции второй половины XVIII в., но и «европейского захолустья» — Швейцарии или, вернее, той части Швейцарии, в которой жил Марат, где он получил первые импульсы своего политического сознания.

Женева была центром Швейцарии — страны, близкой к Франции; она была колыбелью многих деятелей и властителей дум предреволюционной Франции. Женева, небольшой мелкобуржуазный город, вдали от крупных торгово-промышленных центров, долго сохраняла традиционные условия своего быта и хозяйства. Ремесла и торговля служили источником существования для многих десятков тысяч жителей. В середине XVIII в. в городе насчитывалось около 20 тыс. населения. Как местный центр, Женева была в Швейцарии крупным узловым пунктом хозяйственного развития. Еще в XVI в. здесь получило довольно широкое развитие производство шелковых материй. Как в Южной Франции, так и здесь, эта отрасль промышленности наряду с производством ситца, чулок, наряду с позументным ремеслом, часовым и ювелирным делом была источником существования многих тысяч и источником обогащения для нескольких десятков. Богатые фабриканты мануфактурных товаров чувствовали себя не без основания господами положения. Ремесла, в том числе часовых дел мастерство, кормили широкие массы населения [54].

Купцы захватили в свои руки всю внешнюю оптовую торговлю и наряду с крупными фабрикантами обладали значительными капиталами. В Женеве XVIII в. получило широкое развитие банковское дело, и женевские банкиры ссужали деньгами европейские правительства [55]. Так постепенно образовался патрициат, обладавший всеми правами в «демократической» республике, а широкие массы населения постепенно теряли свои права. Население Женевы состояло из пяти групп, но только граждане и буржуа обладали политическими правами. Гражданином называли сына буржуа, рожденного в данном городе. Те и другие пользовались правом торговли, из их рядов комплектовались представители власти; их было в городе не более 1600 человек. Остальное население разбивалось на три неравноправные группы: 1) так называемые habitants, в большинстве иностранцы, купившие себе право жительства в городе; 2) natifs — дети этих иностранцев, рожденные в Женеве, которым запрещен был ряд профессий, хотя они и несли в значительной степени налоговое бремя государства и составляли заметную группу населения, и, наконец, 3) подданные, sujets, иначе говоря, крестьянское население данной округи и частично пролетарское население города, фактически лишенное всяких политических прав. Характерно, что Руссо при перечислении в «Общественном договоре» всех групп населения как бы обходит молчанием последнюю группу, составлявшую во всяком случае не меньше трети населения [56]. Это деление граждан на различные группы нашло свое оформление в различии политических прав и в целом ряде других внешних признаков. Патриции получили особый головной убор и платье; в конце XVI в. закон устанавливал очень узкую группу лиц, которым присвоен был титул «благородных» [57].

Мелкобуржуазным условиям существования соответствовала примитивность быта. Кальвинизм пытался вырвать всякие ростки нового. Цензура преследовала всякое вольное слово, личная жизнь была окружена системой доносов и шпионажа, театры были строжайшим образом воспрещены. Вольтер не без иронии отмечал всегдашнюю мрачность и озабоченность обитателей Женевы. Постепенно, однако, в эту среду начал проникать капитализм; он вызвал расслоение в демократических кругах; большинство населения нищало, и лишь ничтожная часть разбогатела. Одна четверть мужского населения покинула город и отправилась на чужбину в поисках заработка. Как правильно отмечает один из биографов Жан-Жака Руссо, «экспорт товаров Женевы был меньше, чем экспорт людей» [58].

Позже (о чем речь впереди) Женева была вырвана из этого состояния полной замкнутости. Старый устойчивый быт постепенно сменился оживленной разнородной деятельностью, которая не могла не возбудить и не обострить политической мысли. Об этом писал Жан-Жак Руссо в своем письме Даламберу, говоря о Женеве середины XVIII в.: «Мне кажется, что то, что прежде всего должно поразить иностранца, впервые вступающего в Женеву, — это кипящая в ней жизнь и деятельность. Все в ней трудится, вся в движении, все спешат к своей работе, к своим делам. Не думаю, чтобы можно было найти в мире другой маленький город, который представлял бы собой подобную оживленную картину. Посетите квартал св. Жервезы, и вам покажется, что тут сосредоточено часовое мастерство всей Европы. Пройдитесь по Моляру и нижним улицам, и то, что вы здесь увидите, вся обстановка оптовой торговли: кипы товаров, масса бочек, запах колониальных товаров — все это заставит вас думать, что вы очутились в приморском торговом порту. В Пасси и Овив шум ситцевых и набивных фабрик и их наружный вид переносит вас мысленно в промышленный Цюрих. . . Я знал людей, которые, будучи введены в обман внешним видом города, оценивали его народонаселение в 100 тысяч горожан» [59].

Один из путешественников по Европе той эпохи, Джон Моор, утверждает, что в Женеве широкая масса мелкой буржуазии проявляла большой интерес к политическим мыслителям. Нередко можно было встретить простого ремесленника, читающего Локка, Монтескье, Ньютона и знающего наизусть Плутарха [60]. По сравнению с деспотизмом во Франции и Германии Швейцария была свободной страной. Но с успехами капиталистического развития политическое равенство не только не уничтожало, но все больше и больше подчеркивало социальные противоречия развивающегося буржуазного общества. Аристократическому меньшинству — богачам — противостоял «народ» — местные ремесленники и крестьяне.

Здесь не место давать хотя бы даже краткую историю борьбы женевской демократии с патрициатом. Революция XVI в. (1535 г.) после изгнания епископа Женевы формально предоставила женевскому народу всю полноту власти. В XVII в. считалось аксиомой утверждение: «Правители в сущности не что иное, как заведующие законами, а вовсе не господа. Те, от имени которых они управляют, никогда не отказывались от естественного права, принадлежащего всем людям и в особенности тем, которые образуют демократическую общину» [61]. Но вместе с этим логика и практика классовой борьбы привели к фактическому переходу власти из рук народного совета в руки правительственных органов.

Такова была доктрина и программа действий, сложившиеся в рядах крупной буржуазии в середине XVIII в., в рядах олигархической партии. Народные собрания на протяжении почти двух столетий постепенно теряли свои права; история женевской демократии — это история сужения фактических прав народа и расширения привилегий народных уполномоченных в рамках существующих якобы бесспорных демократических установлений. Естественно, что существовавшее еще в XVI в. правило, по которому из четырех синдиков, ежегодно избираемых, два принадлежали верхним, богатым кварталам города, а два — нижним кварталам малоимущего населения, постепенно теряло свою силу. Правительство Женевы к середине XVIII в., после ряда неудачных восстаний, приняло форму избирательной аристократии. Последняя твердо помнила об указаниях, сделанных еще в 1524 г. синдиком Мишелем Россе, который жаловался на то, что в народных собраниях появляется всякий «сброд» — не только хозяева, но также их «дети и слуги». «Всматриваясь в историю народов, — предупреждал он своих потомков, — управляемых демократией, мы находим, что им угрожали страшные опасности, что там, где важные и мелкие дела обсуждаются в присутствии народа, возникают бунты и мятежи, возбуждаемые невеждами» [62].

Восстание 1707 г. закончилось казнью пламенного демократа-энтузиаста Петра Фатио, настаивавшего на осуществлении полной демократии; следующее восстание 1734 г. привело только к дальнейшему сужению прав народа. Народные собрания фактически превратились в жалкий привесок аристократии. Сенат еще в 1707 г. в широко распространенной брошюре утверждал, что народ, который сам управляется, не может, да и не должен претендовать на власть, потому что он вносит в обсуждение политических вопросов лишь страсти и беспорядок [63]. Умеренные политики женевской буржуазии XVIII в. рассматривали свои народные собрания как своеобразную форму английского парламента, и, соответственно, не считаясь с мнением широких народных масс, увеличивали налоги и расширяли займы. Правители с опасением наблюдали, как «дух смуты и интриги, беспричинное беспокойство и страсть к новизне охватили часть народа». Эти идеи, как отмечали синдики в 1718 г., проникли в массы мелкого люда и нашли горячих адептов среди ремесленников и купцов [64]. Накануне революции 1734 г. Женева была заполнена богатой памфлетной литературой; читая документы этого восстания, поражаешься распространенности той революционной фразеологии, которую мы позже встретим в брошюрах Великой революции [65].

В 1734 г. попытка народа закончилась новой неудачей. Аристократии удалось привлечь на свою сторону наиболее

угнетенную часть населения, и тем самым внести раскол в ряды демократии. «Посреднический акт» 8 мая 1738 г. окончательно утвердил основы того квазидемократического строя, который современники, представители олигархической партии, любили называть «аристо-демократией» [66].

Борьба за демократию потерпела поражение в Женеве из-за слабости и неорганизованности плебейской оппозиции. Радикально-демократические идеи революционера Микеля, впоследствии подвергшегося жестоким преследованиям, оставались достоянием ничтожного меньшинства. Программа Микеля требовала сохранения за народом всех тех прав, которые он приобрел еще в XVI в. По учению Микеля, народ — не только законодатель, но и судья и правитель. Микель требовал, чтобы вся власть оставалась в руках народных синдиков. Между его взглядами и взглядами последователей политической демократии французской революции есть немало общего [67].

Но между требованиями Руссо и Микеля была глубокая разница. Руссо настаивал на умеренной демократии, скорее на сохранении status quo политической конституции Женевы так, как она сложилась в эпоху акта 1738 г. Утверждать, заявлял Руссо, что общественная воля всегда справедлива, всегда имеет в виду общее благо, — это не значит настаивать на том, что поступки народа всегда справедливы; волю народа никогда нельзя извратить, но его можно обмануть, и тогда-то окажется, что народ хочет зла. В этом утверждении мы имеем как бы критику справа народной демократии, данную самим Руссо. Позже, в годы революции, критика Маратом слева «общей воли» приводит его к формулировке идеи диктатуры революционной мелкой буржуазии [68].

Здесь мы должны прервать свое изложение, чтобы обратить внимание читателей на тот спор, который возник в конце 50-х и в начале 60-х годов между Жан-Жаком Руссо и представителями «Энциклопедии» Вольтером и Даламбером, по вопросу о женевской демократии, о «преимуществах ее отсталости». Речь идет об известном споре между Даламбером и Руссо в связи с судьбой женевского театра. Мы знаем, что Вольтер пытался всеми силами помочь женевской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции вступить на путь нового общественного развития, порвать путы мелкобуржуазной кальвинистской нетерпимости. В томе VII «Энциклопедии» в 1756 г. появляется статья Даламбера о Женеве, в которой последний высмеивает кальвинистское духовенство как «свободных мыслителей». Буря, поднятая этой статьей в Женеве, была велика. Руссо выступил на защиту задетой патриархальной невинности, он обратил особое внимание на утверждение Даламбера, что женевцы не любят театра, потому что боятся, что развлечения заразят молодежь легкомыслием. Даламбер предлагает бороться со злом путем регулярных театральных представлений, но не путем их отмены. Руссо утверждает, что стремление Даламбера и Вольтера должно привести к распаду того ценного, что имеется у женевской демократии, — они угрожают ее консерватизму. Консерватизм устраняет паразитизм, а вместе с ним и социальное неравенство. Женевский народ существует только благодаря труду, он отказывается от всего, что сверх необходимого [69].

Но силы экономического развития были более могучи, чем благие намерения Руссо. Вольтер мог с полным основанием спустя некоторое время писать Даламберу: «Сколько бы Жан-Жак ни писал против театра, все женевцы толпой сбегаются в него. Город Кальвина становится городом удовольствий и терпимости» [70].

Спор о театре, как бы далеко ни отстоял он от нашей темы, имеет к ней прямое отношение, поскольку дает нам материал для характеристики двух направлений оппозиционной мысли XVIII в. — либерально-буржуазной и мелкобуржуазной, демократической. Буржуа-либералы защищали интересы капиталистического развития, радовались гибели патриархальных отношений; Руссо защищал эти отношения как препятствие для успешного капиталистического развития. «Истинное счастье, что европейская демократия, — писал Ф. Энгельс в статье «Гражданская война в Швейцарии», — освободится, наконец, от этого старошвейцарского благонравного и реакционного балласта» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 349). Но выполнение этой задачи выпало на долю революции XIX в. Руссо и Марат родились в условиях этого захолустья.

Впрочем, Руссо ошибался, переоценивая примитивность социально-политических отношений Женевы. «Развращение молодого поколения» пошло весьма далеко, и друг Вольтера Троншен вынужден был напомнить Руссо, что его попытки сохранить нетронутыми нравы являются химерой в городе, «в котором промышленность дает каждому занятие, являющееся его личным делом, поглощающее его всецело и становящееся его преобладающим интересом». «Не будем предаваться иллюзии: то, что было уместно в греческих республиках, перестало быть таковым в наших» [71]. Больше того, Троншен утверждает, что если бы принять целиком положения Руссо, то при существующем порядке вещей Женева умерла бы с голода.

Идеи Руссо вступили, таким образом, в конфликт с тенденциями социально-экономического развития; будущее принадлежало не ему, а сторонникам «Энциклопедии».

Вскоре Руссо самому пришлось почувствовать отрицательные стороны консервативных порядков женевской олигархии. В 1762 г. его «Эмиль» и «Общественный договор» были сожжены

рукою палача, причем при объяснении мотивов приговора Руссо, идеализировавшего женевскую выборную аристократию, обвиняли в том, что он не признает «взаимных обязательств правителей и управляемых». Правители Женевы обвиняли Руссо в том, что он требовал периодического созыва народных собраний. «Эти периодические собрания, — читаем мы в постановлении правительства, — специально запрещенные законом, сделали бы свободу гибельнее рабства и могли бы быть рассматриваемы лишь как ее болезненный бред. Эта крайняя свобода и есть то божество, перед которым преклоняется автор» [72].

Руссо пришлось защищаться. В известном споре в ответ на «Деревенские письма» Троншена Руссо издал в 1764 г. свои «Письма с горы», которыми он хотел нанести решительный удар женевской олигархии, убеждая притом всех, что он сторонник «умеренной демократии». «Совет, — читаем мы в шестом письме, — утверждает, что моя книга имеет целью разрушение правительства, но автор писем заявляет, что правительство в них подверглось только резкой критике, а это не одно и то же. Критика, как бы смела она ни была, не является заговором. Критиковать и осуждать некоторые законы не значит стремиться к низвержению всех законов». Руссо удивляется тому факту, что его книги запрещены только в Женеве [73].

Несчастный Сидней в Англии мыслил, как и Руссо, но он д е й с т в о в а л; Руссо не удивляется тому, что Сидней был казнен. Автор же «Общественного договора» т о л ь к о р а с с у ж д а е т, осуждает не принципы, на которых построено женевское правление, а современное положение дел в республике. В настоящий момент женевская демократия предоставила всю свою власть узурпаторам-чиновникам, которые присвоили все полномочия, постепенно изо дня в день урезывая права народа; но, осуждая власть имущих, он отнюдь не зовет к борьбе с ними. Руссо предлагает не смешивать независимость и свободу: провозглашая царство закона, он отрицает насилие. «Я отказываюсь, — торжественно заявляет Жан-Жак, — от всего, даже от надежды, лишь бы только не нарушить общественное спокойствие. . . Вы не римляне и не спартанцы, вы даже не афиняне — оставьте смелость этим великим предкам, — вы только торговцы, ремесленники, буржуа, всегда занятые своим частным делом, своим трудом, заработком, прибылью, для которых свобода не что иное, как средство беспрепятственного приобретения и спокойного владения» [74].

Повсюду в эпохи внутренних «беспорядков» к власти, по мнению Руссо, приходит невежественная чернь, но она ничего общего не имеет с женевскими гражданами, которые всегда были «з о л о т о й с е р е д и н о й» между богатыми и бедными, между руководителями государства и чернью. Руссо осуждает богачей, которые хранят законы в своих кошельках, и бедняков, которые предпочитают хлеб свободе. «Золотая середина» гарантирует незыблемость общественного порядка [75]. Речь идет, таким образом, об отмене акта 1738 г., о восстановлении старой женевской конституции, но отнюдь не о ее нарушении, а тем более о революции. Для Руссо и руссоистов Женева оставалась, несмотря на отмеченные недостатки ее политического строя, идеалом. Об этом писал Мабли, противопоставляя Швейцарию аристократическим республикам — Венеции, Польше, — русскому деспотизму и конституционной монархии в Англии. Для него даже в 70-х годах XVIII в. разложение политического строя Европы только частично коснулось Швейцарии. Объяснение этому он видит в том, что в республике царят примитивные социальные отношения: н е т н и н и щ е т ы, н и б о г а т с т в [76].

Волнения в Женеве, вызванные преследованием Жан-Жака Руссо в начале 60-х годов, и тот спор, который имел место между ним и сторонниками олигархической партии, были закончены в 1768 г. актом о пацификации, но мир для республики далеко не был восстановлен. В 1782 г. в Женеве между крупной буржуазией, образовавшей партию negatifs, и «народом» (representants) снова началась борьба. В городе установилась революционная власть. Во главе ее стояли вождь умеренных банкир Клавьер, дю Ровери, Вилюсо, Гренус, Дентан — адвокат, автор «Essai de jurisprudence». С последним мы встретимся позже при изложении событий из жизни Марата 80-х годов [77].

Оппозиция продолжалась, однако, недолго: революция была раздавлена карательной экспедицией, в которой приняли участие богатые кантоны Швейцарии во главе с французскими войсками. Женевская демократия снова потерпела поражение; такое положение длилось вплоть до того момента, когда революционные войска Франции силой оружия уничтожили господство олигархии. Но царство демократии продолжалось недолго. Европейская демократия, говоря словами Ф. Энгельса, освободилась от бремени швейцарского мещанского, реакционного балласта только в середине XIX в.[78] Весьма медленный путь экономического развития Швейцарии надолго задерживал торжество передовой демократии в стране.

Мы видим, таким образом, что в XVIII в. «европейское захолустье» — Швейцария была театром оживленной политической борьбы крупной и мелкой буржуазии, между сторонниками олигархии, представителями общественного мнения нарождающейся буржуазии, и демократами-радикалами. Оппозиция старому порядку исходила, таким образом, из рядов крупной торгово-промышленной буржуазии, которая добилась

уничтожения «примитивной демократии», и из рядов мелкой буржуазии, которая мечтала о сохранении старой демократической конституции, чтобы задержать развитие нового буржуазного общества.

С точки зрения грядущей революции характеристика социально-экономических и политических условий развития Франции второй половины века, конечно, имеет для нас неизмеримо большее значение, чем Швейцария. Вопрос о том, почему не в передовой капиталистической Англии, а в отсталой Франции развернулась гражданская война, решается не простым арифметическим, количественным подсчетом вложений капитала в промышленность и сельское хозяйство страны. Классовая борьба переросла во Франции в революцию и гражданскую войну (притом в победоносную революцию) по причинам, на которые Ленин указывает как на основные предпосылки успешности всякого народного восстания. Во Франции революция опиралась на передовой класс, на мощный революционный подъем широких народных масс, она разразилась в такой переломный момент истории классовой борьбы, когда активность передовых элементов народа была наибольшей, когда всего сильнее были колебания в рядах врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции [79].

Этот переломный момент, о котором говорит Ленин, столь необходимый для успешной гражданской войны, представлял собой сочетание «кризиса верхов» с «кризисом низов». Для правительства уходящего класса самым опасным моментом является как раз тот, когда оно вынуждено под давлением масс идти на реформы. Революционные массы этот момент используют не для соглашения с существующей властью, а для ее уничтожения.

6

Революционное брожение в стране началось за 30—40 лет до 1789 г. Растущие буржуазные силы общества по ту и эту сторону Ламанша становились все более и более активными; во Франции феодальные отношения, едва поколебленные реформами Тюрго, а затем вновь восстановленные, более чем когда бы то ни было вызывали ненависть широких народных масс. «Самые незначительные проявления произвола Людовика XVI казались более несносными, чем весь деспотизм Людовика XIV». Токвиль дает нам следующую оценку социально-политического конфликта, назревшего в результате буржуазного развития: «Французы в то время то и дело наталкивались на случайности в сношениях с собственным правительством. Если они помещали свои капиталы в его займы, они никогда не могли

рассчитывать на выплату процентов в определенные сроки; строя ему суда, починяя его дороги, одевая его солдат, они оставались без всякого обеспечения в своих затратах, не знали, когда получат расчет, и при заключении какого-либо контракта с министрами вынуждены были сообразовываться с возможными случайностями, как при ссуде на крупный риск» [80].

Государство к началу революции было неплатежеспособным должником. Во всяком случае кредиторам угрожала потеря более 6 млн. ливров. «Вот почему рантье, коммерсанты, промышленники и другие деловые и денежные люди, образующие обыкновенно класс, наиболее враждебный политическим нововведениям и наиболее расположенный к существующему правительству, каково бы оно ни было, и наиболее покорный даже тем законам, которые он презирает или ненавидит, на этот раз оказались классом, наиболее нетерпеливым и решительным в деле реформы. Они громкими криками требовали прежде всего полного переворота во всей финансовой системе, не понимая того, что, поколебав глубоко правительство с этой именно стороны, рисковали опрокинуть и все остальное» [81]. Но Токвиль ошибается, думая, что боязнь потерять ссуженные капиталы заставила глубоко трусливую крупную буржуазию активно стремиться к революционному перевороту. В лучшем случае эта буржуазия хотела реформ. Токвиль прав с этой именно стороны в своей характеристике поведения имущих классов Франции. Интересы капиталистического развития сделали революцию во Франции неизбежной против воли крупной буржуазии, ее реформистски настроенных теоретиков.

Как ни устарели с точки зрения социально-экономического анализа путевые заметки Артура Юнга, до сих пор, однако, целый ряд приводимых им данных служит наилучшим непосредственным свидетельством своеобразных условий созревания революционного кризиса на континенте. Для нас краткая суммарная характеристика этих непосредственных впечатлений имеет большое значение. Первые записи дневника говорят о той резкой разнице, которая бросалась в глаза всякому путешественнику, благополучно совершившему переезд через канал. 15 мая 1787 г. Юнг заносит в свой дневник: «Внешний вид страны, люди, язык — все это ново, и даже во всем том, что, казалось бы, представляет наибольшее сходство, опытный глаз без труда откроет черты различия» [82]. Повсюду ему бросается в глаза нищета и жалкий вид сельского хозяйства. А. Юнг утверждает, что, если бы в этой богатой от природы стране сельскому хозяйству уделяли хотя бы немного внимания, страна выглядела бы иначе. 1—3 июня он заносит в свой дневник впечатления от невиданного в Англии зрелища: огромные массы жалких хижин, не заслуживающих даже названия изб; он повсюду

встречает огромные массы нищих, жители ходят почти голые [83]. Вид деревенской Франции напоминает ему Ирландию, а поэтому некоторые районы, где он встретил приличные по виду крестьянские жилища, свидетельствующие о том, что мелкие собственники ведут сравнительно благополучную жизнь, поразили его своим контрастом [84]. Социально-экономические контрасты, собственно, самое характерное, на что он обратил внимание при проезде через Францию. Один прыжок здесь отделяет нищету от изобилия, просящих милостыню от мадемуазель Сент-Юберти, которая за свои блестящие спектакли получает по 600 ливров в вечер [85].

Аграрная Франция знает и широко развитую промышленность; в отличие от Англии домашняя промышленность здесь более развита, чем мануфактура. С этой домашней промышленностью Артур Юнг встречается беспрерывно на своем пути. Не редкость такие города, как местечко Ватан, где все население занято прядением. Но все же, если сравнить такой промышленный город, как Каркассон, с любым промышленным центром Англии, поражаешься общей хозяйственной примитивности отношений во Франции [86]. В этих условиях нищеты и социальных контрастов неудивительно, если в городе, где концентрируется промышленное и торговое население, широко распространено недовольство. Так, в Нанте он встретился с восторженным поклонением идее свободы. Юнг утверждает, что вряд ли удастся в продолжение 50 лет держать эти экономически мощные слои населения вдали от власти. Революция в Америке неизбежно повлечет за собой подобную же революцию во Франции, если правительство не примет мер. Артур Юнг ошибся в сроках: революция пришла не через полвека, а через полтора-два года [87].

К этому выводу английский экономист приходит не только путем сравнения общих впечатлений от хозяйств Англии и Франции; к этому заключению его приводит внимательный анализ экономического развития каждой из этих стран в отдельности. Юнг занимался у себя на родине сельским хозяйством, поэтому его интересы прежде всего направлены в сторону аграрного вопроса; он внимательно изучает порайонно сельское хозяйство Франции и Англии и обращает внимание на следующий факт: в то время как цена земли во Франции составляет 1166 франков 67 сантимов за гектар, в Англии она равна 1633 франкам 33 сантимам за гектар. Что касается ренты, то она равняется 35 франкам для Франции (без налогов) и 49 франкам для Англии. Это потому, что производительность английской земли более высока, чем французской: она составляет примерно 14,7 гектолитров зерна на гектар для Франции и 21 гектолитр для Англии. Низкая производительность французского сельского хозяйства является, конечно, результатом нищеты французского крестьянства. Доказательством негодности всего старого порядка с его произволом служит для Юнга тот факт, что Англия с ее 82 млн. акров земли дает в сельском хозяйстве столько же продуктов, сколько 119 млн. акров французской земли, иначе говоря, в пропорции 36 к 25 [88].

Выводы Юнга подтверждают, таким образом, мнение Маркса о том, что буржуазный фасад нации был как бы насмешкой над отсталым, неподвижным состоянием главной отрасли производства (земледелия) и над голоданием производителей.

Рассматривая вопрос о размерах капитала в французском сельском хозяйстве, Юнг приходит к выводу, что Франции нужно по крайней мере $10^1/_2$ млрд., чтобы довести свое сельское хозяйство до уровня Великобритании [89]. Отсталость французской деревни, являясь результатом неисчезнувших крепостных отношений, не мешает тому, что постепенно с процессом капитализации происходит медленный, но верный процесс обезземеливания земледельцев, и Юнг, фанатический сторонник *огораживания*, убеждает нас, что регулирование этого процесса делает, правда, первые, но очень значительные успехи во Франции [90]. Переход от мелкого землевладения к крупному является, по мнению Юнга, единственным выходом для французского сельского хозяйства, ибо излишек образующегося аграрного населения — основное зло французского хозяйства. Англия потому и преуспевает, что именно здесь в отличие от всей Европы торжествует принцип крупного сельскохозяйственного предприятия. Во Франции разделение земли резко превысило разумные границы [91]. Чему же удивляться, если средний возраст населения в Лионском губернаторстве не превышает 25 лет и если ежегодно в Париже умирает из 30 человек один? [92] Экономически преуспевающая Англия превосходит Францию и в этом отношении: материальные условия жизни крестьянского и городского населения в Англии значительно лучше, нежели во Франции.

Вот данные о французской внешней торговле. Для 1784 г. мы имеем следующие цифры: экспорт — 307 151 700 ливров, импорт — 271 365 000 ливров; для 1787 г.: экспорт — 349 725 400 ливров, импорт — 340 184 000 ливров, причем характерно, что Франция ввозит каждый год в среднем на 145 млн. ливров сельскохозяйственных продуктов. Артур Юнг не без злой иронии отмечает, что для Франции, занимающей из всех стран Европы наиболее выгодное географическое положение, размеры подобного ввоза показывают, насколько отстало ее сельское хозяйство. Французская текстильная промышленность в значительной степени страдает от того, что страна имеет по крайней мере на 5—6 млн. овец меньше, чем их полагалось бы [93].

Нельзя забывать при этом, что размеры французской внешней торговли за XVIII в. отнюдь не уменьшились, а наоборот, возросли. Если за 1716—1720 гг. ежегодный импорт составлял 6 579 000 ливров, а экспорт — 106 216 000 ливров, то для середины столетия (1749—1755 гг.) мы имеем следующие цифры: 155 555 000 ливров — импорт и 257 205 000 ливров — экспорт; для кануна революции (1784—1788 гг.): 301 727 000 ливров — импорт и 354 423 000 ливров — экспорт. Для Англии соответствующие цифры 1717, 1753 и 1787 гг. следующие: 6 346 768 фунтов стерлингов (импорт) и 9 147 700 фунтов стерлингов (экспорт); 8 625 029 фунтов и 14 264 614 фунтов; 17 804 000 фунтов и 16 869 000 фунтов.

Цифры эти приводят Артура Юнга к ошеломляющему для него самого выводу, что за последние годы французская внешняя торговля выросла в три с половиной раза, в то время как в Англии она увеличилась лишь в два раза. Французская торговля со времени мира 1763 г. возросла вдвое, а английская не может поспеть за ней в этом развитии. Успехи внешней торговли не соответствуют, таким образом, повышению жизненного уровня широких масс, росту хозяйства страны. Юнг резонно отмечает, что рост экспорта совпадает с весьма жалким состоянием экономики французского сельского хозяйства и промышленности по сравнению с Англией, что обнаружилось при заключении договора 1786 г., построенного на новых принципах свободной торговли.

В 1788 г. Англия ввезла во Францию на 19 101 900 ливров товаров английского производства и по крайней мере на 7 700 900 ливров иностранных мануфактурных товаров, или, точнее, на 58 млн. ливров английского экспорта 1789 г. приходилось мануфактурных товаров в 1787 г. на 33 млн. и в 1788 г. на 27 млн. ливров [94].

Отсталость Франции не только в области сельского хозяйства, но и в области промышленности по сравнению с Англией очевидна. Какова же причина, обусловившая эту отсталость? Для Юнга не подлежит сомнению, что эту причину нужно искать прежде всего в отсталости французского сельского хозяйства, стонущего под бременем старого порядка.

Заработная плата французских рабочих по сравнению с английскими чрезвычайно низка; она составляет для мужчин 26 су, в то время как в Англии она равна 40 су. В связи с этим во Франции наблюдается гораздо более широкое развитие домашней промышленности по сравнению с мануфактурой; естественно, в Англии гораздо бо́льшие возможности для развития машинного производства, чем во Франции.

Промышленность во Франции (впрочем, в значительной степени и в Англии) развивается успешнее в тех районах, где особенно жалко положение сельскохозяйственного населения. Обнищание крестьян в результате гнета старого порядка служит предпосылкой для развития капиталистических отношений — основы нового буржуазного общества. Но устранение феодального гнета во Франции открывает широчайшие перспективы капитализму. О Франции экономисты не могли бы сказать того, что А. Юнг писал об Англии, ослепленный успехами ее капиталистического развития: «Посмотрите на судоходство, на дороги, на порты; наблюдайте дух предприимчивости, проявляющийся в наших индустриях. Куда бы вы ни обратили свои взоры, везде вы видите только богатство... Я показал, что Англия обладает громадными доходами, вполне достаточными для удовлетворения всех ее нужд, что ее земледелие прогрессирует, промышленность процветает, торговля расширяется, одним словом, это большая трудолюбивая страна. Я утверждаю теперь, что поскольку это констатировано, постольку становится понятной значительная населенность королевства. Сколько бы ни цитировалось таблиц смертности, сколько бы ни искали доказательств убыли населения в списках домов и окон, цветущее состояние нашего земледелия, наших мануфактур, нашей торговли, одним словом, все наше общее богатство свидетельствует о противном» [95].

Здесь не место давать подробную характеристику процесса проникновения машин, изобретенных в Англии, во французскую промышленность, но важно подчеркнуть, что этот процесс имел место накануне революции и что уже тогда население протестовало против успехов капитализма как в области промышленности, где машины угрожали ручному труду, так и в сельском хозяйстве, где крупные предприятия пожирали мелкие.

Об успехах процесса обезземеливания крестьян мы писали выше, когда приводили наблюдения А. Юнга. Разве не об этой же аграрной революции говорит ряд наказов? «Жадность богачей, — читаем мы в одном из этих наказов, — побуждает их выискивать различные способы расширять свои имения, и в этом заключается один из главных источников нищеты сельского населения... Эти земли и эти дороги, захваченные и обращенные под плуги некоторыми сеньерами и частными лицами, служат пастбищем для коров, и то обстоятельство, что крестьянам приходится обходиться без них, является одной из причин бедственного положения нуждающегося деревенского населения. Но ведь все делалось для богачей и ничего не делалось для бедняков» [96].

Не подлежит сомнению, что так называемая феодальная реакция кануна Великой французской революции не была простой реставрацией старых крепостнических отношений, а

представляла собою гораздо более сложное явление, поскольку феодальные традиционные формы прикрывали здесь внедрение новых капиталистических способов эксплуатации. Но и в области промышленности постепенное проникновение машины вызывало многочисленные протесты ремесленников. Сошлемся на известную жалобу шести предместий города Каэн, которую приводит Левассер в своей «Истории рабочего класса во Франции». «Английские прядильные машины, — читаем мы в этой жалобе, — которые стараются ввести и у нас, еще более увеличат нашу бедность. Можно прямо сказать, что они парализовали живые руки и убили промысел прядильщиц. В самом деле, люди, не имеющие иной собственности, кроме прядильного промысла, внезапно оказываются лишенными своей единственной работы, обеспечивающей им жизнь. Механические станки нуждаются лишь в $^1/_{10}$ части тех рабочих, которые были заняты раньше в ручных прядильнях, и отнимают, следовательно, у остальных $^9/_{10}$ насущный хлеб и возможность существования». Недаром петиционеры издеваются над рассуждениями экономистов об интересах торговли, о национальном благоденствии: «Вся эта политика, рожденная честолюбием власти и торговыми палатами, становится ничтожной и варварской, теряет всякое значение перед криком нищеты и отчаяния» [97]. Эти крики нищеты и отчаяния будут слышаться во французской истории еще много десятилетий.

Промышленность Франции XVIII в., по словам К. Маркса, — образец мануфактуры в собственном смысле слова. Не следует, однако, переоценивать наметившиеся за последние два-три десятилетия накануне революции тенденции капиталистического развития. Машина все еще не торжествует своей победы; жалобы прядильщиков Каэна — только первые отзвуки той великой социальной трагедии, которая приведет впоследствии к полному торжеству фабрики и завода над ремеслами и ручным станком. Перед нами лишь тенденции развития; они свидетельствуют о том, что в конкретных условиях социально-экономических преобразований второй половины XVIII в. не только в передовой Англии, но и во Франции речь шла о переходе от мануфактуры к машине и фабрике.

Классовая борьба в Европе XVIII в. развернулась в условиях роста капиталистических отношений внутри феодальной формации. Ожесточенная борьба классов получила свое яркое воплощение в спорах по вопросам экономической политики, в спорах об институте собственности и будущей реформе экономических отношений. Присмотримся к этим спорам несколько поближе.

Маркс характеризует процесс развития экономической политики европейских государств XVII—XVIII вв. как переход

от меркантилизма через теорию физиократов к манчестерству.

Европейская экономическая мысль эпохи непосредственно отражала и вскрывала отмеченные выше процессы хозяйственного развития. Развитие внутреннего рынка стояло в центре внимания. Применение капиталов внутри страны, в сельском хозяйстве и промышленности, торговля между европейскими государствами представляют, с их точки зрения, бóльшие выгоды, чем погоня за богатствами колоний. Отмечая как отрицательный факт стремление европейских народов начиная с XV—XVI вв. к захвату колоний, к превращению колониальной торговли в монополию, Адам Смит утверждает, что, как правило, эти стремления приводят к промышленному застою колоний. Интересы великобританских купцов и фабрикантов заставляют их облагать товары высокими пошлинами и запрещать организацию фабрик вне метрополий. А. Смит приходит на этом основании к следующему общему выводу: «Исключительная торговля метрополий уменьшает одновременно как довольство, так и труд вообще всех стран и в особенности Америки, или по крайней мере она держит их на более низком уровне, чем тот, на каком они находились бы при других обстоятельствах» [98]. И это несмотря на то, что кромвелевский акт о мореплавании повлек за собою вместе с ростом колониальной торговли мощный подъем хозяйства!

Торговля с европейскими странами падала. Большинство продуктов промышленности вместо того чтобы отправляться на ближайшие европейские рынки, отправлялось далеко за море, туда, где метрополия обладала привилегиями.

Но каков был результат этого положения вещей? Тот, что, несмотря на кажущиеся выгоды колониальной торговли, экономическое развитие метрополий терпело ущерб. Капитал в тысячу фунтов, например, который в иностранной торговле с близлежащими рынками давал возможность быстрого оборота, в торговле с далекими колониями, в торговле, скажем, с Америкой и в особенности с Западной Индией, возвращался не только гораздо медленнее (иногда через три и даже через пять лет), но он возвращался при этом в менее правильные, в неопределенные сроки [99]. Происходит, таким образом, насильственное устранение части капиталов из внутреннего употребления в область иностранной торговли. Если бы капиталисты не увлекались заманчивой высокой прибылью колониальных оборотов, заявлял А. Смит, то большая часть капиталов оказалась бы сбереженной и ей можно было бы дать другое назначение; она пошла бы, скажем, на улучшение обработки земель Великобритании, на развитие ее фабрик, расширение ее торговли; она смогла бы доставить средства отдельным отраслям для кон-

куренции с прочими капиталами, вложенными в другие промыслы. Произошло бы, правда, понижение уровня прибыли, но тем самым Великобритания получила бы преимущество над всеми другими государствами в большей мере, чем она пользовалась этим до сих пор [100].

Вот почему Адам Смит выдвигает программу отказа от монополии в колониальной торговле; отсюда он приходит к выводу о необходимости максимально свободного торгового оборота, к выводу о преимуществах, с точки зрения экономики, внутреннего рынка над внешним.

Борьба американских колоний за независимость была, таким образом, как мы видим, естественным результатом экономического развития не только самих колоний, но прежде всего страны-метрополии, где переход к высшим формам капитализма, связанный с широким развитием внутреннего рынка, требовал отказа от политики колониальных завоеваний и монополий, характерной для предшествующей стадии развития капитализма, для эпохи первоначального накопления. Если торжество этой политики в Англии предполагало революционную борьбу между метрополией и ее американскими колониями, то та же проблема стояла во Франции как внутренняя проблема ее развития.

При характеристике экономического учения физиократов Маркс отмечает капиталистическое содержание их взглядов. Феодальная вывеска не должна нас в данном случае обманывать: «Этикетка системы отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателей, но часто и продавца». Учение физиократов было продуктом капиталистического развития. «Представитель промышленного капитала — класс фермеров — является руководителем всего экономического движения». Земледелие ведется капиталистически, т. е. как крупное предприятие капиталистического фермера; непосредственный возделыватель земли — наемный рабочий. Это несмотря на то, подчеркивает Маркс, что в эту эпоху расцвета капиталистических отношений и энтузиазма, вызванного им среди физиократов, капитализм встретил оппозицию со стороны защитников мелкого свободного землевладения и «уравнителей» вроде Ленгэ и Мабли [102].

Экономическое учение физиократов вместе с тем свидетельствует о капиталистической отсталости Франции, если сравнить это учение со взглядами не только Адама Смита, но и французских экономистов кануна революции. Вспомним только споры по вопросу о свободной торговле хлебом. Как известно, оппозиция эдикту о хлебной торговле Тюрго исходила от различных сторон. Ему возражали сторонники меркантилизма, Форбонне и Ленгэ, идеализировавшие старые патриархальные отношения и натуральное хозяйство, и единомышленники энциклопедистов, как Галиани [103]. Нас интересуют здесь взгляды этих идеологов, экономистов XVIII в.

Для Ленгэ неприемлемы взгляды физиократов; последние озабочены повышением цен на продукты сельского хозяйства. Это означает голод для широких масс, чья заработная плата не возрастает соответственно повышению цен на хлеб, утверждает он. Ленгэ требует от государства регулирования хлебной торговли в интересах потребителей — требование, характерное для всех противников капиталистического накопления, с этим мы встретимся при изложении экономических взглядов Марата в первые годы революции. В своих утверждениях Ленгэ был близок к представителям руссоистской школы, для которых расширенное накопление капитала отнюдь не было самоцелью хозяйственной деятельности [104]. Но нас не должна обманывать подобная апелляция экономистов к интересам трудящихся.

Неккер попытался противопоставить фритредерской политике Тюрго разумное регулирование хлебной торговли 1789—1790 гг. При этом он в свою очередь апеллировал к интересам бедняков. Необходимы, по его мнению, мероприятия, держащие хлебные цены на низком уровне. Кондорсе в своем ответе Неккеру в так называемом «Письме пикардийского земледельца протекционисту Неккеру в Париже» заявляет, что женевский банкир действует, подобно нападающему из-за угла разбойнику, вынуждая призраком голода государство к неразумной политике.

Но на высоту принципиальных разногласий спор с физиократами о выгодах беспрепятственной хлебной торговли был поднят знаменитым аббатом Галиани. В своих диалогах противник физиократов утверждает, что отнюдь не одно сельское хозяйство, но промыслы и торговля служат источником накопления капиталов. В пятом диалоге мы читаем: «Если вы позабудете о римлянах, которые были как бы исключением из всех правил, вы не укажете ни одной свободной страны, где мануфактуры не были бы цветущими. . . Народ чисто сельскохозяйственный — наиболее несчастный из всех народов; под игом рабства, предрассудков и нищеты он производит плохо, потому что земледелие — его единственное занятие, и он страдает от бедствий и нужды, потому что пользуется только плодами сельского хозяйства. Такова была бы судьба Франции и по нынешний день, если бы не великий гений Кольбера, который открыл для страны выход из нищеты сельского хозяйства и жестокой анархии рыцарства в царство покоя, подчинения, радости и обилия, порождаемого промышленностью» [105].

В рассуждениях Галиани мы имеем дело, таким образом, с дальнейшим развитием точки зрения буржуазной теории физиократов. Экономическая мысль Франции 70-х годов XVIII в.,

безусловно, пошла дальше, и Галиани вслед за Адамом Смитом имел полное основание в седьмом диалоге утверждать, что внутренняя торговля гораздо выгоднее торговли внешней и что свободная торговля хлебом должна быть введена постепенно вместе с хозяйственным укреплением страны, так как повышение цен на сельскохозяйственные продукты повышает заработную плату и способствует обнищанию внутреннего рынка [106].

Экономической отсталостью Франции следует объяснить многочисленные неудачные попытки осуществления закона о свободной торговле и тот факт, что заключенный в 1786 г. англо-французский торговый договор, построенный на новых принципах беспрепятственного товарооборота, встретил сильнейшее сопротивление в целом ряде торгово-промышленных районов страны.

7

Споры, поднятые борьбой между фритредерами и сторонниками регулируемого государством хозяйства, независимо от того, были ли это представители нуждающейся в покровительстве промышленности, или апологеты старых порядков, или даже защитники реформ хозяйственного строя в интересах трудящихся масс, — споры эти не могли не отразиться и на обсуждении вопроса о собственности как основном хозяйственном институте буржуазного общества. В эпоху критики феодальных отношений, когда феодальная собственность встретила оппозицию со стороны широчайших кругов, не удивительно, что часто критика института феодальной собственности принималась читателями, не только современниками, но и будущими историками, как критика собственности вообще. Если забыть этот факт, то нас часто будут поражать «социалистические» парадоксы защитников самых умеренных идей Тюрго, Неккера или будущих жирондистов, подобных Бриссо: они все трактуют вопрос о вреде частной собственности и даже о «праве на кражу» [107]. Но, как объяснял Бриссо, его идеи были не чем иным, как «парадоксальным литературным опытом» [108].

В конце концов, ни Руссо, ни Мабли и, конечно, никто из их учеников не дерзали при всем критическом отношении к институту собственности стремиться к его уничтожению. Руссо говорил о собственности как о самом священном из всех прав: «Не может быть сомнений, что собственность — самое священное из всех прав и во многих отношениях даже более необходима, чем свобода; от собственности в большинстве случаев зависит сохранение жизни ... она составляет действительную основу общества и гарантирует обязательства, принятые взаимно гражданами» [109]. Для Мабли, как и для Руссо, очевидно, что насильственная попытка упразднить материальное неравенство вызовет анархию — зло еще большее, чем то, которое создает институт собственности: «Раз сделана эта глупость, мы осуждены быть вечной ее жертвой. Говорить, что мы должны отказаться от имущества и стремиться к порядкам, установленным природой, значит тратить слова по-пустому» [110].

Таким образом, критика института собственности была далека от революционного истолкования: речь шла в лучшем случае только о более мудром распределении собственности с условием, чтобы каждый находил в труде средства к существованию. Отсюда широко распространенная в ту эпоху идея о «праве на труд». Эта мысль была еще в свое время сформулирована Монтескье, который утверждал, что государство должно спешить на помощь беднякам для того, чтобы, во-первых, избежать восстания, и, во-вторых, для того, чтобы предупредить голод [111]. Помощь может быть оказана государством путем правильно поставленных общественных работ. Так осуществилась бы та мысль, которую Тюрго сформулировал еще в 1756 г.: «Бедняки имеют несомненное право на изобилие богатых». Мысль эта была широко распространена как среди тех, которые, подобно Тюрго или Неккеру, стремились к охране на основе законов организованной власти — власти землевладения и крупного капитала, так и среди тех, кто в своей критике старого порядка шел весьма далеко по пути демократических выводов и требовал охраны интересов мелкого люда против феодализма и угрожающих мелкой буржуазии успехов капитализма.

Здесь, конечно, не было «единства взглядов». М. Ковалевский, который пытается при характеристике социально-политических идей XVIII в. накануне революции видеть в этом «единстве» характерную особенность эпохи, сам вынужден утверждать, что отличительным моментом для различных школ служило «учение о непримиримости интересов владетельных и невладетельных классов» — учение, которое противостояло так называемой теории «экономического согласия». Защитником этого согласия выступал глава физиократов Кенэ [112].

В классовом анализе европейского общества мы и будем в дальнейшем искать ключ для оценки расхождений социально-политических программ. Одним из основных моментов этих расхождений был вопрос о революционной борьбе за политическую власть. Отношение к этим задачам характеризует ту или другую группу в оппозиционном блоке старому порядку. Нередко за кажущимся единством взглядов, популярных положений классических представителей теоретической мысли XVIII в. мы находим разницу идей и практических программ.

Кондорсе вслед за Кенэ в своей работе «О единстве интересов» ведет решительную борьбу со всякими попытками внести раскол в буржуазное общество старого порядка [113]. Противоположную позицию занимает Мабли; он отмечает, что современное общество состоит из классов с резко противоположными интересами. Учение, которое он развил вслед за Руссо, обосновывает противоположность интересов бедности и богатства [114]. Конечно, и у Тюрго мы находим элементы учения о социальной дифференциации общества. Но дальше их всех в этом смысле пошел Ленгэ. Последний в трактате «Теория гражданского права» говорит о том, что в его эпоху на место рабства пришла «служебность», или, как позже Прудон называл это, «салариат». Ленгэ в эту группу включает поденщиков и батраков, о которых он пишет: «Они стонут под грязными рубищами и непричастны к изобилию, порожденному их трудом... С выходом из рабства они приобрели только возможность ежечасной голодной смерти» [115].

Мы увидим дальше, при обсуждении экономической программы Марата, в какой мере в его учении удалось объединить идею социального протеста неимущих с требованиями политической власти для широких низов тогдашней демократии. Мы сможем вскрыть то передовое, что было в этом учении, и то, что соответствовало в эпоху мануфактурного производства требованиям мелкой буржуазии и ремесленников, «сопротивлявшихся попыткам крупного производства превратить их в автоматы», — как писал д'Аржансон.

8

В политической области мы имели ту же борьбу между сторонниками буржуазного конституционного порядка и защитниками демократии. Раскол между Руссо и энциклопедистами отражал противоречия между социально-политическими и экономическими взглядами теоретиков буржуазного общества, с одной стороны, и идеологов мелкой буржуазии, с другой [116]. Здесь не место подробно останавливаться на этом споре, но нельзя не отметить, что Руссо, который под республикой понимал и «монархию, в которой царит закон», вскоре должен был уступить место своим ученикам, не только осуждавшим существующий порядок, но и действовавшим в интересах новых идеалов [117].

Представляло бы большой интерес хотя бы кратко обратить внимание на то, как в эту эпоху, с середины века до кануна революции, политические мыслители Франции ставили вопрос об английской конституции, конституции, которая в эпоху Монтескье была идеалом для буржуазии. Вспомним, что Монтескье, хотя и говорил о грозящем английской конституции разложении, вынужден был все же отметить, что «английский народ лучше всех народов света сумел воспользоваться тремя великими предметами: религией, торговлей и свободой» [118]. В знаменитой XI книге, там, где он рассуждает о законах, устанавливаемых политической свободой, он приходит к выводу, что английская государственная власть с ее разделением властей — политический идеал. «Не мое дело судить, — торжественно заявляет автор «Духа законов», — пользуются или не пользуются в настоящее время англичане этой свободой; я довольствуюсь указанием, что они установили ее посредством своих законов, и не ищу большего» [119].

Впрочем, уже вскоре после выхода «Духа законов» книга встретила серьезную оппозицию с различных сторон — мы здесь имеем в виду оппозицию не справа, а с л е в а. Отметим только дискуссию между Монтескье и Гельвецием. Гельвеций обвинял автора «Духа законов» в том, что он недостаточно занят выяснением истинных принципов грядущего общества, он скорее систематизирует и анализирует существующие формы правления [120]. С критикой выступил и автор «Социальной системы» Гольбах (1773). В специальной главе Гольбах продолжает свои размышления о правлении британцев и утверждает, что благополучие англичан — лишь видимость. Быть может, английская конституция и славится как наилучшая из всех мыслимых форм правления, однако, несмотря на то, что страна изобилует богатством и торговля в этой стране процветает, мы наблюдаем в Англии ожесточенную социальную борьбу, столкновения между фракциями, обман народа его представителями.

В Англии для Гольбаха нарушено основное правило — единство властителей и народа. Депутаты часто избираются чернью, во всяком случае нищими и гражданами, чьи бедствия заставляют продавать их волю первому попавшемуся. Таким образом, патриотизм англичан чаще выражается в оппозиции двору или в притязаниях министерской партии, чем в стремлении к благу отечества. Золото — страсть большинства англичан, это привело к падению свободы Англии, жаждущей власти и завоеваний. Гольбах патетически призывает британцев улучшить свое правительство и свои законы, освободиться от религиозного и политического фанатизма [121].

В своей критике английской конституции Гольбах не был одинок, и, несмотря на блестящую защиту английского управления и пресловутое разделение властей, которое мы находим у швейцарца де Лольма, большинство публицистов и писателей последних десятилетий накануне революции занято было критикой конституции [122]. Они рассуждали подобно Гельвецию и Гольбаху. Мадам Роллан в своих размышлениях о свободе

(1778) утверждает: «Говорят, что британцы не свободны. Я думаю, это верно, если сравнить их с соседями и большинством народов Европы (за исключением швейцарцев); занятие торговлей и страсть к наживе, богатству и роскоши испортили их нравы, незаметно подорвали конституцию и упразднили ее выгоды». Такое критическое отношение к английской конституции мы находим и у Кондорсе, для которого английский парламент — орудие не только деспотии, но и анархии [123].

Американская революция вскоре выдвинула для демократии другие идеалы. Мабли выступил с защитой мудрого управления Пенсильвании, где власть народа положена в основу правительства. Защиту американской демократии, построенной в отличие от Англии по принципу смешанного образа правления на прочных основах, мы находим у Бриссо, специально побывавшего в Америке, у Лафайета, у Кондорсе; но каждым из них американская демократия защищается не в одинаковой степени и отнюдь не по одинаковым мотивам. Так, Мабли считает недостатком американского правления тот факт, что отнюдь не все население наделено избирательным правом, власть находится только в руках собственников. Последний мотив для Кондорсе является основным при его благоприятном отзыве об американской конституции: «Только собственники имеют право управлять государством». «По самой природе вещей, — утверждает Кондорсе, — несобственники только потому населяют землю, что она сдана была в наем согласившимися принять их собственниками. Если несобственники имеют какие-либо права, помимо права на жизнь и свободу, то только благодаря собственникам; последние могут поэтому, не нарушая справедливости, признать себя единственными гражданами государства»[124].

Заметим при этом, что, превознося американскую демократию, очень многие из ее защитников во Франции больше всего боялись насильственных революционных средств ее осуществления. Они твердо помнили тот анекдот, который рассказал сам Лафайет в своих мемуарах. Когда в 1785 г. Фридрих Великий выслушал защитника американской демократии, защитника страны, где нет ни королевской власти, ни дворянства, прусский король прервал Лафайета: «Я знал когда-то молодого человека, который, посетив страны свободы и равенства, задался мыслью установить все это на своей родине. Знаете ли вы, что случилось с ним?» — «Нет, ваше величество», — ответил Лафайет. «С ним случилось, — прибавил король с улыбкой, — то, что его повесили». Впрочем, позже, в годы революции, Лафайет поступал с демократией по совету Фридриха II [125].

Как раньше англофилы, так теперь американофилы попытались помешать наступлению революции во Франции. Они следовали совету Джефферсона, который предупреждал их:

«Есть основание опасаться, что желание исправить все сразу, которое в настоящее время овладело многими умами, наводит ужас на правительство и заставляет его прибегать к силе, полагаться только на нее». Не лучше ли в таком случае заменить революцию «мудрой» программой конституционных реформ? [126].

Таким образом, в политической области, как и в социальной, мало было высказаться за демократию — основным был вопрос о том, *какой класс*, какие социальные слои поведут *революционную борьбу* за осуществление демократических идеалов. В политической борьбе последних двух-трех столетий до революции вопрос этот самой практикой был решен раньше, чем оформлен теоретически мыслителями буржуазного общества.

9

Разложение существующего государственного строя в основных европейских государствах с середины века вызвало повсюду, в Англии и во Франции, широкое демократическое движение. В каждой стране оно соответствовало зрелости социально-политических условий, а во Франции вскоре приняло характер революционной борьбы.

1759 год был годом переломным не только в политической истории Англии. Это был период высших ее триумфов и в то же время глубокого падения Франции. После поражения французов при Квибероне в ноябре 1759 г. министр Уольполь мог с полным основанием заявить: «Мы должны каждое утро спрашивать себя, какая одержана нами новая победа, из опасения пропустить какую-нибудь из них». Победоносный исход семилетней войны имел свое продолжение в овладении Канадой, в укреплении владычества над Индией. Англия заняла преобладающее место между европейскими державами, она утвердила господство европейского капитализма над колониальным Востоком. Вслед за парижским миром 1764 г., спустя всего несколько лет, капитан Кук открыл земли Новой Зеландии и Австралия была подчинена Великобритании. Так Британия постепенно укрепляла свое владычество на морях.

Буржуазное развитие Англии не уничтожило пока деспотического режима Георга III, пытавшегося устранить завоевания революций XVII в. Это и послужило причиной поражения Англии в борьбе с колониями. После восстания американских колоний мировое могущество Англии потерпело ущерб. Лорд Чаттам в 1778 г. с ужасом в своей предсмертной речи говорил о том, что «семнадцать лет назад ставшая грозой мира» Англия отступит на второй план [127].

Но успехи капиталистического развития страны должны были решить вопрос о дальнейшей эволюции ее политического строя. Политический строй Англии в эту эпоху представлял следующую картину: избирательным правом из 8 млн. человек пользовались всего 160 тыс., парламентские мандаты покупались, подкуп стал системой. Выборы происходили очень редко, правительственная власть самовольно распределяла мандаты среди своих подданных. Появление оппозиции в широких буржуазных кругах вместе с успехами экономического развития не могло не обострить борьбы за овладение государственной властью. Поводом послужили мидлсекские выборы 1768 г. Во время этих выборов получило широкое распространение то, что в Англии позже называли «платформой», — политические митинги, формирующие общественное буржуазное мнение страны.

Незадолго до этих выборов, 23 апреля 1763 г., в газете «The Northern Britain» (№ 45) появилась статья Джона Уилькса с критикой тронной речи короля. Правительство тотчас же издало указ, требующий ареста автора статьи, но Уилькс, как член палаты общин, был освобожден судом и бежал во Францию. Он был исключен из парламента и вернулся на родину к моменту выборов 1768 г. вначале как кандидат лондонского Сити, а после неудачи этой попытки — как кандидат по выборам от Мидлсекса, одного из многолюдных избирательных округов того времени. Уилькс избирался затем неоднократно, несмотря на попытки властей аннулировать его избрание. Между 1769 и 1774 г. имя этого ничтожного политикана стало знаменем политической борьбы для оппозиции. Буржуазная Англия воспользовалась инцидентом с Уильксом для охраны своих конституционных прав. Эта борьба приобрела принципиальное значение, потому что приходилось защищать парламент от засевших в нем квазинародных представителей, или, как это сформулировал один из тогдашних руководителей оппозиционной борьбы, в будущем идеолог европейской контрреволюции Эдмонд Бёрк, борьба в сущности велась «между избирателями и короной», причем последняя действовала через посредство палаты общин.

Для нашей характеристики тех социально-политических условий, в которые попал Марат, когда покинул Францию, и в начале 60-х годов явился в Англию, нам важно отметить, что движение, поднятое Уильксом, охватило не только зажиточные буржуазные слои населения, но и широкие народные массы. Депутат палаты общин, представитель «гнилого местечка» Ригби вынужден был в одной из своих речей заявить, что «подстрекатели разъезжают вдоль и поперек страны, возбуждая недовольство масс». Он встревоженно указывал депутатам палаты общин: «Если бы не чрезмерное усердие этих бунтовщиков, то каким образом могло случиться, что иоркширские

и кумберлендские фермеры и ткачи знают о мидлсекских выборах представителей в парламент и интересуются ими?». Петиции, которые подавались парламенту, подписывались огромными массами фригольдеров, или, как жаловался Ригби, «невежественными массами»: «Гнусные зачинщики мятежей должны краснеть за то, что они прибегают к такому трибуналу» [128].

К концу 60-х годов вместе с углублением классовой борьбы народ стал политическим фактором огромной важности. Когда в январе 1770 г. королевский двор принял меры самозащиты, один из руководителей власти, лорд Норт, утверждал, что «только невежественные рабочие и поселяне недовольны положением дел, что нация спокойна и удовлетворена» [129]. Больше того, неистовый Уольполь настаивал на том, что джентри даже не сочувствуют движению. В этих условиях и протекала избирательная кампания 1774 г. Эдмонд Бёрк в это время готов был воспользоваться народным движением для защиты конституционных прав, а тем, кто требовал «прекращения шума», он заявлял: «Пожарный колокол будит вас среди ночи, он не дает вам сгореть в постели».

Шаг за шагом широкое народное движение обеспечивало в стране реализацию конституционных прав, свободу слова как в парламенте, так и вне парламента. Дело Уилькса, таким образом, дало возможность не только разоблачить королевский деспотизм и произвол министров, но было направлено против присвоения народных прав депутатами. Живо обсуждался в стране вопрос о связи между представителями народа и их избирателями, о недостатках английской конституции, о мерах для ее необходимой реформы. В этих-то условиях в Англии зародилась наряду с политической платформой (митингами) идея о политических союзах и обществах. Одним из организаторов наиболее радикальных обществ, участником их борьбы, как мы увидим дальше, был Марат.

«Дело Уилькса» было поддержано последующей борьбой Америки за независимость. Выборы 1774 г. были наиболее бурными за многие десятилетия и дали основание говорить об «избирательных сатурналиях». В избирательной и политической борьбе 70-х годов играли роль не только одни политические вопросы, речь шла о целом ряде экономических проблем. Такова, например, проблема фритредерства, ряд вопросов, выдвинутых революционной войной за независимость и налоговым бременем, которое несли широкие массы населения. Именно об этом и говорит одна из петиций: «Страна уже несколько лет страдает от крайне разорительной и неудачной войны. Многие из наиболее ценных и значительных колоний Англии, объявив себя независимыми, образовали тесный союз с ее опаснейшими и злейшими врагами. Последствием всех этих несча-

стных обстоятельств явилось громадное увеличение национального долга, непомерное возрастание налогов наряду с быстрым упадком торговли, промышленности и земельных доходов королевства» [130].

Тот энтузиазм свободы, который проявился на выборах 1774 г., постепенно поблек; к выборам 1780 г. от радужных надежд не осталось и следа. Еще более, чем раньше, заострен был вопрос о том, возможно ли будет расширить состав избирателей и тем самым очистить палату общин от лжепредставителей народа. В Англии во весь рост встал вопрос о борьбе демократии с господствующей олигархией. Буржуазные верхи в лучшем случае разрабатывали программу ограничительной реформы системы избирательных прав, но народные низы, «рабочие и поселяне», мечтали о гораздо более далеко идущих реформах. Внутри партии вигов постепенно намечался глубокий раскол. Бывший глава оппозиционеров Эдмонд Бёрк переходит теперь на консервативные позиции. В лучшем случае его программа не шла дальше защиты завоеваний «славной» революции 1688 г.; он вел борьбу не под знаменем идей демократии, выросшей в эпоху перехода к машинному производству, а как враг ее, защищая конституционно-олигархический порядок старой Англии, Англии крупного землевладения и торгового капитала. Иначе говоря, он стремился, по его словам, к восстановлению «старой конституции». Таков был смысл тех советов, которые он давал позже французам [131].

Но как в Англии, так и во Франции против этой консервативной политической программы выступали не только широкие круги буржуазии, мечтавшие об осуществлении конституционного права, но и народ в подлинном смысле этого слова, широкие массы мелкой буржуазии, трудящиеся города и деревни.

Во Франции политическая борьба последних 20—30 лет перед революцией приняла гораздо более сложные формы. К концу царствования Людовика XV необходимость реформ стала очевидной для очень и очень многих. Усиление административного деспотизма давало о себе знать и в различных областях хозяйственной и политической жизни. Реформы в области суда только подчеркнули живучесть средневековых институтов в французской государственной жизни. Неудивительно, если в окрестностях Парижа, как и по всем большим дорогам, скрывались «бандиты, бродяги, дезертиры и контрабандисты»; голодающие массы в городах и деревнях оказывали под различными видами вооруженное сопротивление властям. В отдельных случаях приходилось даже выставлять против «преступников» целые армии в несколько тысяч человек.

С воцарением Людовика XVI социально-экономические противоречия не только не уменьшились, но значительно обострились. Здесь не место излагать даже в кратких чертах историю политической борьбы последних десятилетий XVIII в. Отметим только, что, несмотря на то, что парламенты — средневековое учреждение — защищали узко сословные привилегии против власти короля, они стали центром, который возглавлял недовольство буржуазной оппозиции.

В 1774 г., призвав к власти Тюрго, король попытался широкой программой реформ спасти положение дел. Неудача Тюрго ускорила неизбежность революционного взрыва в стране. Тюрго, виднейший представитель физиократизма, в продолжение нескольких лет стремился ослабить барщину, добиться более правильного распределения поземельных налогов, проложить хорошие дороги, обеспечить свободную хлебную торговлю, развить промышленность, уничтожить цехи. Вскоре, однако, Тюрго натолкнулся на жестокое сопротивление той самой клики, о которой в свое время он предупреждал Людовика XVI, приступая к своей законодательной деятельности: «Меня будет бояться, даже ненавидеть бóльшая часть двора, все те, кто привык жить милостями» [132].

Вольтер, прочитав указ о свободной хлебной торговле, как известно, воскликнул: «Земля и небо кажутся мне обновленными!» Но частичные реформы только обострили голод, и в 1775 г. в стране развернулась знаменитая «мучная война». Огромные толпы голодных объявили борьбу хлебной монополии и требовали продажи хлеба по дешевой цене. Когда 3 мая 1775 г. восставшие ворвались в столицу, разграбили рынки и хлебные лавки, парижане пока еще молча разглядывали вооруженную толпу, но получили поучительный урок, который они успешно повторили спустя некоторое время.

Трудно сейчас сказать, какую роль сыграли в организации этого восстания те представители аристократии, которые пытались свергнуть Тюрго, но очевидно, что народное движение направлено было прежде всего против тех, кто устами губернатора Латур дю Пена заявлял народу: «Друзья мои, поля уже зазеленели — ешьте траву».

«Мучная война» поколебала позиции Тюрго; спустя всего год просвещенный министр мог убедиться, что все его попытки реформ не дают результатов. Против Тюрго выступили те самые парламенты, которые раньше считались центром оппозиционного движения. Парламенты запретили книгу Бонсерфа из-за умеренной критики феодальных повинностей и крепостного права. 13 мая 1776 г. Тюрго пал.

Падение Тюрго означало торжество реакции. Вся клика королевского двора, наиболее широкие круги дворянства, финансисты и откупщики радовались падению «революционера» Тюрго. Барщина и цехи были вскоре восстановлены,

свободная хлебная торговля отменена. Но феодальная реакция не могла спасти положение дел. Последующие министры вынуждены были хотя бы частично вернуться к реформам Тюрго, правда, с теми же ничтожными результатами; они своей деятельностью только усилили недовольство широких масс, приближая кровавый день расплаты.

Не могло спасти положение дел и призвание к власти женевского банкира Неккера, поскольку он не составил программы общих реформ, предполагая возможным исправить дело частичными мероприятиями в области финансов. 19 февраля 1781 г. он издал знаменитый отчет о французском бюджете. Этот факт казался для верхов оппозиционных классов тогдашней Франции неслыханно смелым поступком, хотя Неккер указал излишек доходов в 27 млн. ливров, в то время как дефицит составлял по крайней мере 114 млн. ливров. Но если ни Тюрго, ни Неккер не могли спасти государство, тем меньше могли это сделать последующие министры — Колонн и особенно Бриен. Систему управления государством Колонна один из историков определил весьма остроумно: «Он полагал, что для того чтобы добывать деньги, нужен кредит, чтобы приобрести кредит, надо прикинуться богатым, а чтобы казаться богатым, надо много тратить»[133]. Если одновременно принять во внимание, что политика покровительства узкосословным интересам дворянства и духовенства не прекращалась, а усиливалась, и если мы вспомним, что в 1779 г. был издан указ, по которому в ряды офицерства принимались только дети дворян и тем самым закрыт был доступ буржуазии, если мы вспомним, что как раньше, так и накануне самой революции феодальный гнет над крестьянством, стеснения торговой и промышленной деятельности в стране не были уничтожены, то мы поймем смысл тех исторических свидетельств, которые говорят об оживлении «феодального духа» за последнее десятилетие накануне революции: «Молчавшие сеньеры откопали давно устаревшие права, ветхие пергаменты и обновили свои логовища, смеясь в глаза мужикам»[134]. Третье сословие — буржуазия была глубоко унижена; крестьянство и городская беднота теперь более чем когда-либо чувствовали бремя феодализма.

Таково было положение Франции всего за 10—20 лет до революции, когда Марат вернулся из Англии и занялся в стране научной деятельностью.

По каким путям пойдет революция? Ограничится ли она борьбой за умеренный конституционный порядок против королевского произвола, всколыхнет ли она широкие народные массы в борьбе против старого порядка за демократический режим, за равенство не только политическое, но и экономическое — об этом спорили публицисты-теоретики французской

буржуазии и мелкой буржуазии в продолжение многих десятилетий. К концу 60-х годов, когда, достигнув зенита славы, Вольтер и Руссо уступили место «пропагандистам теории», старые споры не только не прекратились, но обострились. От слов надо было переходить к делу. Не существовало политического единства внутри оппозиционного блока, потому что самый этот оппозиционный блок представлял собою только внешнюю форму, прикрывавшую жестокие классовые конфликты внутри третьего сословия, выступившего на борьбу со старым порядком. Мы увидим дальше, что политическая деятельность Марата накануне революции шла в направлении выявления этих пока еще скрытых противоречий; в своих трактатах против деспотизма он не только защищал общее дело оппозиции, но поднял знамя демократии как в Англии, так и в стране Людовика XVI.

10

Излагая биографию Марата, мы остановились на 1762 г., когда после работы в качестве преподавателя в Бордо он отправился странствовать по Европе, а затем покинул континент и поселился в Англии. Точная дата его появления в Англии нам неизвестна. Если судить по указаниям Марата, это мог быть 1765 г. Дату эту мы можем установить, если вспомним, что в предисловии к одной из своих первых медицинских работ «Essay on gleets», изданной в Лондоне в ноябре 1775 г., он писал о 10 годах медицинской практики в Англии [135]. Наконец, в одном из писем, от 20 ноября 1783 г., он называет год своего появления в Англии — 1767 [136]. К этому времени у нас есть и кое-какие другие сведения о его пребывании на острове. Во всяком случае, с 1769 г. Марат, безусловно, практиковал в Лондоне как врач, а в период с 1770 по 1773 г. жил в Нью-Кестле, где занимался практикой и политической пропагандой, получив здесь в конце своего пребывания право гражданства [137].

В Нью-Кестле, возможно, он работал как врач-ветеринар и получил доступ в высшие сферы, но одновременно его радикальные политические взгляды создали ему популярность в широких кругах демократии. Мы не знаем, в какой мере это свидетельство соответствует действительности, одно очевидно, что в различных городах Англии он работал по физике (в Эдинбурге) и по медицине. Шевремон опубликовал диплом доктора медицины, выданный Жан-Полю Марату университетом Сент-Андре в Шотландии как метру «très distingué dans les arts». В дипломе отмечено, что он занимался медициной в продолжение ряда лет и приобрел большие навыки во всех отраслях этой науки. Из текста постановления того же университета от 30 июня

1775 г. мы узнаем, что доктор медицины Жан-Поль Марат был одновременно «praticien physique». Это постановление вынесено по указаниям докторов Джемса и Бухан (врачи в Эдинбурге) [138]. Мы оставляем в стороне версию одного из современных реакционных писателей (впрочем, повторившего старую легенду) о том, что аттестат этот был выдан Марату за деньги обнищавшим университетом, который в то время широко распространял подобные документы. Доказательств этому нет, но характерно, что повторивший эту версию английский историк утверждает, что удостоверившие знания Марата лица были его политическими единомышленниками [139].

Позже, о чем речь впереди, Марат практиковал как врач в богатых аристократических районах Лондона и его часто можно было встретить среди иностранцев — артистов, врачей и архитекторов. Здесь он встречался с художником Цукки, архитектором Бономи и красавицей художницей Кауфман [140]. Мы ничего не знаем о политической деятельности Марата в ту эпоху. Принимал ли он непосредственное участие в движении, связанном с делом Уилькса, неизвестно; во всяком случае, среди тех иностранцев, которые посещали последнего, имени Марата найти нельзя [141]. Однако есть данные, что он сам создал ряд радикальных клубов и был их участником. Мы увидим позже Марата, раздающего свои памфлеты против деспотизма в клубах ремесленников различных городов Англии. Добавим еще, что Марат был 15 июля 1774 г. принят в члены масонской ложи в Лондоне, а 12 октября 1774 г. связался с одной из амстердамских лож «Bien-aimé», о чем свидетельствуют имеющиеся в распоряжении биографов документы [142].

Вот и все более или менее достоверные сведения, которые мы имеем о Марате за время его пребывания в Англии. Кое-какие дополнительные детали мы сообщим позже при изложении отдельных моментов его жизни и деятельности.

Излагая личную биографию Марата, мы старались упомянуть лишь те отдельные факты, которые можно считать почти бесспорными для периода его пребывания в Англии. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о Марате ничтожны. Мы должны тщательно отделить истинные факты в биографии Марата от вымысла, от той версии о Марате как уголовном преступнике, которую сравнительно недавно, следуя контрреволюционной традиции, почти без изменения утвердившейся со времен революции, повторил и разукрасил Фипсон в своей книге «J.-P. Marat, his Career in England and France before the Révolution». Согласно этой легенде, Марат, типичный полуинтеллигент-полупролетарий, вечно нуждался в деньгах и зарабатывал их всякими нечистыми путями, вплоть до кражи. Фипсон старается уверить читателя в том, что Марат не только преподавал иностранные языки, но, как это, например, имело место в Эдинбурге, зарабатывал на жизнь, обучая вышиванию; наряду с этим он практиковал как врач-шарлатан, не имея законных прав на медицинские занятия. Одновременно он занимался политической пропагандой. Такова версия Фипсона [143].

Жан-Поль преподавал в Варрингтонской академии, где, согласно легенде, работал под фамилией Le Maître *alias* Marat; его будто бы позже узнал в Вульвиче среди каторжников один из его учеников, утверждает Фипсон. На каторгу Марат попал после кражи ценных медалей из Варрингтонского музея в 1776 г. Кража совершена была им 3 февраля 1776 г., арестован он был в Дублине 26 февраля, приговор состоялся 6 марта 1777 г. Но одновременно мы знаем (об этом «забывает» упомянуть Фипсон), что в 1775—1776 гг. Марат издал ряд своих работ, а 24 июня 1777 г. состоял врачом в Париже у графа д'Артуа. Те же источники утверждают, что Марат фигурировал позже, в 80-х годах, в Англии под фамилией Уайт, а в Бристоле в 1786—1787 гг. торговал книгами и был вторично арестован за долги. Последний факт, между прочим, будто бы подтверждается еще и тем, что один из слуг бристольского благотворителя, освободившего Марата из тюрьмы, видел его позже на трибуне в Конвенте и узнал его [144]. Но уже для этого времени очевидно, что мы имеем здесь дело с каким-то «недоразумением», ибо как раз в тот период, в который, согласно Фипсону, Марат в начале 80-годов был в Англии и задержан был за долги, в это самое время, согласно документу, опубликованному Матьезом, он находился в Париже и оплачивал векселя [145]. Кроме того, до сих пор никем не доказано, что имена «Le Maître» и «Уайт» тождественны с именем Марата, если не считать «остроумного» указания Фипсона на то, что Марат мог быть Леметром потому, что отец его значился как «le maître» иностранных языков. Еще одно замечание: если арестованный по делу о краже в музее и носил фамилию, близкую к фамилии Марата, то его имя было не Жан-Поль, а Жан-Пьер. Возможно, что это был брат Марата, но есть основание предполагать, что это был не Жан-Пьер, а Джон-Питер. Оспаривать подобные рассуждения вряд ли имеет смысл [146].

Мы не будем здесь останавливаться на подробностях истории «кражи» Марата; отметим только, что Фипсон, видимо, для «увековечения» своей легенды о Марате, вынужден сообщить нам следующую любопытную версию о том, каким образом Марат 24 июня 1777 г. оказался во Франции, да притом еще на должности доктора медицины королевского брата, графа д'Артуа. Оказывается, что после суда над ним в марте 1777 г., после того как судопроизводство было широко опубликовано

в газетах, он, присужденный к пяти годам каторжных работ, через самое короткое время бежал в числе других 14 человек, из которых шесть были пойманы, а остальные, в том числе Марат, скрылись. Тогда-то он и очутился на континенте как доктор. Что же касается французского издания трактата «De l'Homme», напечатанного в Амстердаме в 1775—1776 гг., и других работ Марата, его медицинской практики в Лондоне в предшествующие годы и, наконец, того, что имя Марата в последующие годы (не только революционные, но и дореволюционные) пользовалось на континенте широкой известностью даже среди тех, кто отрицал за ним право называться ученым, и при этом никому ни разу не приходило в голову во всеуслышание выдвинуть против Марата обвинения в уголовном преступлении, — все это мало интересует Фипсона. Он, однако, как обстоятельство чрезвычайной важности не забывает подчеркнуть, что собственно на кражу Марата толкнула его политическая деятельность и литературная работа: это беспрерывно разоряло его и лишало необходимых средств существования.

В 1777 г. после многократных поездок на континент Марат осел в Париже, и здесь контрреволюционная легенда продолжает свое дело. Утверждают, что он служил у графа д'Артуа ветеринарным врачом, но биографы Марата настаивают на том, что он подвизался не в конюшне будущего французского короля, а занимал видное место среди médecins du garde du corps. Спорить об этом не имеет смысла, потому что в «Almanach Royal» за соответствующий год Марат значится как врач графа д'Артуа, о чем ясно говорит и соответствующее письмо о его привлечении на королевскую службу. В этой должности Марат оставался по крайней мере до 1783—1784 гг., когда он подал в отставку, хотя в списках «Almanach Royal» Марат числится до 1786 г.

Мы не будем настаивать на версии о высоком социальном положении Марата в Англии. Не подлежит, однако, сомнению тот факт, что бедный швейцарский интеллигент, своим собственным трудом добывавший себе средства существования и образования, имел широкую медицинскую практику в состоятельных кварталах Лондона; он мог издавать свои работы, производить широкие опыты и наблюдения в области как медицины, так и физики. Научные занятия Марата, разумеется, никак не гармонируют с утверждением некоторых его «биографов», будто Марат в эти годы был преступником-вором. Политическая деятельность Марата как демократа служит дополнительным опровержением клеветы, распространяемой о нем.

Мы попытаемся теперь на основе анализа книг Марата дать характеристику его идей, выяснить то, как постепенно складывались социально-политические взгляды будущего революционера. Одной из его наиболее ранних работ (эта работа относится, по всем признакам, к 1770 г.) является роман, рукопись которого сохранилась в бумагах Марата и была напечатана гораздо позже сначала в журнале «Siècle» (1847), а потом отдельной книгой (1848) под названием «Un roman de coeur». Этот роман в рукописи имел название «Les aventures du jeune comte Potowsky». Рукопись из рук сестры Марата, Альбертины, попала в библиотеку библиофила, который, подобно многим его современникам, был поражен, впервые столкнувшись с Маратом как сентиментальным романистом [147].

Мартэн, по рассказам библиофила Поля Жакоба, издавшего позже роман, в беседе с ним заявил: «Есть два Марата: один, которого знает весь мир, ужасный, безжалостный проповедник гильотины, который требовал 500 тысяч голов для украшения алтаря отечества, и другой, о существовании которого в настоящий момент никто не подозревает, тот, который был учеником и почитателем Жан-Жака Руссо, друг природы. . . ученый автор множества открытий в химии и физике, достойных Ньютона, энергичный писатель, который написал философскую книгу, достойную женевского мыслителя» [148]. Издатель романа готов даже с точки зрения литературных особенностей книги поместить ее между такими образцами, как «Новая Элоиза» и «Любовные утехи кавалера Фоблаза», но он совершенно обходит молчанием политическое содержание этого далеко не блестящего образца художественной литературы XVIII в.

С его лестной характеристикой романа не мог согласиться даже столь пристрастный биограф Марата, как Бужар. Бужар идет так далеко, что заявляет: «В политическом отношении мы не находим в книге ничего, что свидетельствовало бы о взглядах революционера Марата»; он утешает себя тем, что Марат был настолько разумен, что не опубликовал свою рукопись [149].

Подобную оценку книги мы находим и у биографов последних десятилетий XIX в. Готшальк повторяет буквально слова Бужара: «В книге мы не находим никаких признаков идей будущего Друга народа» [150]. Нам остается присоединиться к их оценке романа как художественного произведения; в качестве сентиментально-любовного романа книга не стоит на уровне блестящих образцов этой литературы века просвещения. Все, что мы находим в ней по части рассуждений о нравственности, чести и благородстве, не заслуживает даже упоминания. Но мы решительно отрицаем правильность вышеприведенной п о л и т и ч е с к о й оценки книги. Внимательное чтение ее при-

водит нас к убеждению, что в ней заключается ряд мыслей, позже блестяще сформулированных в памфлете «Цепи рабства».

Дело идет не только о сочувствии Польше, раздираемой гражданской войной, об остроумной критике полонофильской политики Екатерины, которую мы находим в романе, — гораздо больший интерес представляют рассуждения об абсолютной монархии в Европе; они даны в виде диалога во второй части книги [151]. В одном из писем Густав, герой романа, пишет своему другу Сигизмунду о странной встрече с обедневшим французом. Он вступил в беседу с путником и тот ему заявил: «Неравенство условий всегда несправедливо. Я краснею при мысли о судьбе, которая столь неправильно распределила свои богатства». Густав указал своему собеседнику, что Россия скажет свое властное слово в кровавой гражданской войне, она сыграет в ней решающую роль, потому что она обладает огромными ресурсами. Француз, чьими устами, не подлежит сомнению, говорит автор, заявляет: «Я не знаю, в чем состоят ее богатства. Россия мало населена и по преимуществу рабами. Небольшое количество скорняжных мастерских, лесные богатства, медь и селитра — таковы немногие отрасли ее торговли и промышленности. Страна не обладает даже необходимыми средствами существования. Екатерина поддерживает преданность рабов с помощью многочисленной армии и духовенства. Священники обещают крестьянам царство небесное в награду за их беспрекословное подчинение на земле. Нужда миллионов объясняется финансовыми затруднениями царицы, но она обладает мудрыми средствами скрывать от всего мира недостаток денег, она умудрилась в эпоху турецкой войны, когда ее дела шли плохо, запродать драгоценности за границу и этим улучшить свое положение» [152].

Густав, пораженный этой характеристикой великой и столь популярной в тогдашней Европе царицы, спросил своего собеседника: «Не правда ли, Екатерина отличается добродетельной душой и весьма просвещена?» Но француз отрицает и это: «В конце концов, ее победы над турками являются лишь результатом превосходства европейской военной дисциплины, которая столь недавно введена была в России, над азиатской». — «Да, но ведь Екатерина сделала очень много в стране для поднятия торговли, искусства и наук, для цивилизации своего народа». — «Правда, — заметил собеседник, — она, как всякая женщина, из-за любви к подражанию кое-что заимствовала в Европе, так, например, она открыла школу французской литературы для какой-нибудь сотни молодых людей, близких двору, но она и не думает заняться организацией народных школ, где преподавали бы права человека и любовь к отечеству».

Она в своем государстве не отменила тягостных налогов и не дала земледельцам необходимых им средств для обработки своих земель, она ничего не сделала для обогащения своего государства и, наоборот, постаралась опустошить сотни деревень, чтобы воспользоваться достоянием бедняков для украшения своего двора [153]. Говорят, что Екатерина установила новый кодекс законов, но позаботилась ли она о торжестве закона? И в этом кодексе разве идет речь о справедливости? Вряд ли. Предполагалось ли в нем установить соответствие между преступлением и наказанием, и, наконец, не введено ли там строжайшее преследование за пустяковые повинности? Говорят, будто бы она уменьшила гнет дворян, но разве не для того, чтобы усилить свою собственную власть? Не осталась ли масса рабов, как она была раньше, не держит ли она миллионы страхом и террором, и, наконец, не заставляет ли она эти массы служить себе не мудростью, не заботой о народе, а тем, что насильственно содержит их в нищете и в ужасе перед своей властью? [154]. На чем основано утверждение, что Екатерина мудра, что она добродетельна? Если бы она была хоть немного гениальна, она бросила бы взгляд на свое государство и вместо того, чтобы забавляться ничтожными реформами в нескольких бесплодных северных провинциях, от которых следовало бы давно отказаться, она добилась бы процветания земледелия в богатых районах Юга. В стране, населенной народом, живущим в бедности, она создала бы рай, где жили бы веселые, богатые и культурные земледельцы, словом, она была бы создательницей нового народа вместо того, чтобы быть тираном своих подданных [155].

Густав решил продолжать свою беседу и попросил собеседника высказаться по поводу положения дел в несчастной Польше. Француз резко заявил, что, в конце концов, сами поляки в значительной степени виноваты в своей судьбе: благодаря той анархии, которая господствует в стране, Польша, естественно, стала жертвой соседей. «Ваше правительство, — сказал он, — самое скверное из тех, которые когда-либо существовали. Что может быть хуже, если вспомнить, что труд, нищета и голод — удел огромного большинства польского населения, а изобилие — удел ничтожного меньшинства. Массы в стране лишены естественного права быть свободными. Ведь, в конце концов, сила государства состоит в богатстве земледелия и в числе свободных жителей. Природа не пожалела для вас благ, но так как большинство людей вашей нации лишено всяких преимуществ свободы, все остальные преимущества равны нулю. В Польше существуют только тираны и рабы, отечество не имеет поэтому детей для своей защиты» [156].

Там, где крестьяне ограблены и лишены всякой собственности, будут ли земледельцы обрабатывать земли, которые принадлежат хозяину, их угнетающему? В условиях нищеты значительной части населения неудивительно, что науки, искусство и торговля не развиваются в Польше. Вот почему здесь бушует гражданская война и льется кровь в братоубийственной войне враждебных клик. В Польше суверенная власть слаба, гражданские силы равны нулю, решают споры только оружием; общественное мнение населения не играет никакой роли, и кучка людей является господами положения. Там под гнетом сеньеров государство лишается своих детей, деревни лишаются земледельцев, города коснеют в невежестве, лишенное искусства и торговли государство потеряло все. Нация является стадом крепостных, присужденных к принудительным работам. Где же взять силы, чтобы изменить положение дел? Не могут ведь спасти отечество мелкие тираны, которые во главе банд разоряют Польшу. Должно ли казаться странным, если сильные соседи готовы в этих условиях поглотить страну? Державы совершат этот раздел не бескорыстно, они, конечно, превратят поляков в своих рабов [157].

Когда Густав спросил: «Но ведь это противоречит принципам чести?» — француз иронически заметил: «Чести? Вы смешите меня. Князья не знают чести или, во всяком случае, знают ее в очень малой степени. Угнетать и обманывать — таково их искусство. Когда они победят, они снимут с себя маски, они будут с радостью наблюдать за углублением анархии в стране, для них это будет служить лучшим средством скорейшего закабаления и подавления Польши. Ведь единственный путь спасения — сделать вас богатыми, сильными и счастливыми — вряд ли входит в планы держав. Я убежден, что вам следовало бы вырвать с корнем постоянный источник ваших бед. Необходимо открыть народу его права и призвать его к действию для их завоевания, необходимо дать ему оружие в руки, чтобы низвергнуть власть всех мелких тиранов, которые его угнетают, необходимо сокрушить чудовище — ваше правительство, создав новое, на справедливой основе правительство, чьи прерогативы будут находиться в благоразумном равновесии. Вот единственное средство достигнуть мира, солидарности, свободы и обилия вместо анархии, рабства и голода» [158].

Густав ужаснулся перед лицом столь насильственных средств воздействия, и француз снова подчеркнул, что эти методы, возможно, неприемлемы для богатых, но для народа это единственный способ избавиться от своих угнетателей. Он вновь возвращается к вопросу о том, могут ли державы помочь Польше. Он категорически заявляет: «Властелины Европы, подчинившие свой народ жестокому

рабству, не могут быть освободителями». Это касается не только Екатерины, не лучшего мнения француз и о прусском короле, о «великом» Фридрихе: его называют великим, но для того, чтобы таковым казаться, он ничего не пощадил. Ведь подлинный великий государь был бы тот, который заставил бы всех подчиниться законам и сделал бы народ счастливым, но это не в правиле поведения властителей. Фридрих Великий победил террором. Возможно, у него есть и ряд достоинств; утверждают, что он экономен и трудолюбив, но вряд ли он предоставил свободу кому-либо из своих подданных, хотя бы крепостным своих собственных владений [159].

Густав настаивает, но собеседник ему возражает: «Я не знаю, что вы называете свободой, ведь во владениях прусского короля вместо закона царят самовольные приказы; законы эти заставляют подданных даже жениться согласно строгой регламентации, они разоряют земледельцев, судят их произвольно, военным судом. Вряд ли все это — признаки свободы. Говорят, что Фридрих прусский — великий политик, но, по-видимому, в данном случае имеют в виду искусство обманывать, то искусство, которое он весьма мудро применил для того, чтобы добиться укрепления своей власти. Он увеличил бремя налогов и, одной рукой поощряя торговлю и сельское хозяйство, другой их разорял. В области финансовой произвол обнаружился в полной мере, когда он передал сбор налогов в руки откупщиков [160]. Коротко говоря, рабские основы, на которых Фридрих создал свое могущество, основы, мало обеспечивающие собственность, жестокость правительства — все это исключало возможность расцвета государства.

То же самое мнение высказал француз по поводу австрийского императора, который больше всего, по его ироническому замечанию, озабочен тем, чтобы не дать первым двум своим соперникам — России и Пруссии — разделить пирог без его участия [161].

Густав после столь откровенных речей француза, конечно, не мог не прийти к следующему выводу: «Вы мне не кажетесь другом королей, если судить по портретам трех венценосцев, которые вы нарисовали». И француз в заключение заметил: «Конечно, я ненавижу злых государей и ничего более прекрасного не знаю на земле, чем король добродетельный и мудрый, но как мало таковых! Вряд ли на протяжении десяти веков можно встретить хотя бы двух, которые выдержали бы экзамен; даже те, которые славятся таковыми, при строгом рассмотрении их дел, сомневаюсь, имеют ли они на это право» [162].

Густав упорствовал в своем утверждении: «Необходимо слушаться их приказов». — «Да, послушание, — не без горькой иронии заметил француз, — является, с точки зрения коро-

лей, единственной добродетелью. Эта аксиома широко распространяется и поддерживается куртизанами двора и министрами, и народы по глупости своей приняли этот принцип и согласились с ним. К сожалению, монархи и их министры не дают народам образцов добродетельного поведения; вместо того, чтобы управлять народами мирно, они уничтожают их своим произволом и действуют по своему капризу, вместо того, чтобы править на основе закона. Они становятся его господами и в своих подданных видят лишь рабов, угнетая их и безжалостно провоцируя на восстание, чтобы, оказавшись победителями, еще более угнетать и разорять в своих интересах народные массы» [163].

На этом кончилась беседа. Мы ограничиваемся изложением диалога, который до сих пор не обращал на себя достаточного внимания исследователей, чтобы категорически отвергнуть утверждение о том, что роман Марата, с точки зрения биографии его идей, не имеет никакого политического значения. Мы здесь встретились с рядом утверждений, которые позже легли в основу его революционной деятельности. Не входя в оценку этих замечаний по существу, нельзя не отметить, что для своего времени понимание той связи, которая существует между крепостным правом и деспотизмом, требование для Польши освобождения крестьян как решающего условия организации сопротивления страны грядущим разделам и внутренней анархии, не являясь оригинальным, во всяком случае, свидетельствует об остроте политической мысли и дает нам полное основание утверждать в отличие от того, что до сих пор писали об этом биографы Марата: в этом художественно слабом произведении мы имеем ряд блестящих политических идей, предвосхищающих будущее Друга народа [164].

Некоторые биографы ссылаются еще на одну рукопись Марата — роман «Lettres polonaises». Шевремон, самый сведущий биограф Марата, категорически утверждает, что эта книга не принадлежит Марату, что по своему материалистическому характеру она противоречит всей сущности его мировоззрения и дает основание предполагать, не вышла ли она из-под пера кого-либо из школы материалиста Гольбаха [165]. Готшальк, не приводя достаточных данных, заявляет, что и этот роман вышел из-под пера Марата [166].

Наше знакомство с рукописью в Британском музее не дает нам возможности присоединиться к последнему мнению. Вопрос может быть решен только новыми данными [167]. Ссылка на Гольбаха, во всяком случае, неосновательна, если вспомнить, что неизвестный автор в уста отшельника вкладывает пропаганду раздела имущества и заявляет о несправедливости частной собственности. Это утверждение еще недостаточно, чтобы,

подобно Готшальку, на этом основании объявлять Марата предшественником Прудона [168], впрочем, так же, как и Бриссо, тоже объявившего собственность кражей. Против авторства Марата говорит прежде всего то, что автор «Lettres polonaises» превозносит Англию и объявляет первейшей максимой политического поведения следующие слова: «Было написано много толстых томов о правах человека, они в той же мере бессмысленны, как и глупы. Следующее положение содержит в себе все мое учение о морали: «П о д ч и н я й с я з а к о н а м с в о е й с т р а н ы». Эта консервативная норма поведения, как мы знаем из текста «Un roman de coeur», была чужда Другу народа. В этом нас убедит в дальнейшем анализ его социально-политического трактата «Цепи рабства» и «Уголовного кодекса».

11

Напомним о той напряженной политической обстановке, которая сложилась в Англии к моменту общих выборов 1774 г. «Дело Уилькса» переросло в широкое оппозиционное движение против абсолютизма и аристократии. В движение втянуты были широкие народные массы. Появление «Богатства народов» А. Смита совпало с революцией в американских колониях. Страна кипела. «Письма Юниуса» были наиболее остроумным, но далеко не единственным и не наиболее радикальным образцом этой оппозиционной литературы. В это время Марат выступил со своим памфлетом «The Chains of Slavery» [169].

Позже, издав французский перевод своей книги, Жан-Поль рассказал нам ее историю [170]: «Будучи гражданином мира в годы, когда французы еще не имели отечества, обожая свободу, чьим пророком и часто мучеником я был, опасаясь изгнания свободы со всей земли, мечтая о том, чтобы она восторжествовала на острове, который казался ее последним убежищем, я решил посвятить делу свободы мои труды и мой покой» [171]. Речь шла о том, чтобы разъяснить избирателям английского парламента их истинные интересы и разоблачить пред ними деспотизм. В т р и м е с я ц а он привел в порядок рукопись, напечатал и распространил ее. Нам важно здесь отметить указание Марата: «Произведение, теперь публикуемое, я х р а н и л в с в о и х б у м а г а х в продолжение ряда лет. Я издал его в 1774 г. в связи с выборами английского парламента». В этих словах мы находим для себя косвенное подтверждение нашего мнения о тесной связи политических идей романа и памфлета Марата. По-видимому, материал для своего трактата Марат собирал еще до 1770 г.

Напряжение, вызванное работой последних лет, привело к сердечной болезни. Марат, едва успев сдать свою рукопись

издателям, слег в постель. Когда через 13 дней Марат явился к издателям, он, по его словам, узнал, что напечатанная книга нигде не была еще анонсирована и не поступила в продажу. Марат высказывает соображение, не подкупили ли по поручению правительственных агентов издателей и журналистов, чтобы избежать ее распространения? Во всяком случае, боясь преследований, он вынужден был вооружиться. Таким образом, в его руках оказался весь тираж книги; он решил сам разослать ее патриотическим обществам Северной Англии. Известно, что Марат распространял свой памфлет среди ремесленных клубов — меховщиков, перчаточников, каменщиков и золотых дел мастеров [172]. Вслед за этим он бежал в Голландию, где в 1775—1776 гг. напечатал в Амстердаме французский перевод своего философского трактата «De l'Homme».

Для нас особый интерес представляет анализ книги «Цепи рабства». Автор ее дает критику не только континентального деспотизма, но и парламентского режима Англии. «До омерзения ненавидя деспотизм, — пишет он в письме к Генеральным штатам от 23 августа 1789 г., — я тревожным взором следил за распрей, возникшей между Уильксом и Сент-Джемским кабинетом. Хотя общественное мнение боролось с насилием правительства, но, внимательно вглядываясь, я не преминул заметить, что английская конституция, неоднократно подправленная, заключает в себе бездну недостатков, которые оставляют широкое поприще для министерских происков и отдают общественную безопасность в жертву кабинету даже тогда, когда он не склонен проявлять властной руки» [173]. Марат думает исправить эти недостатки немногими законами, простыми и вместе с тем разумными.

Книга открывается письмом к английским избирателям. В нем Марат обращается к англичанам с горячим призывом: «Ваши наиболее священные права были дерзко похищены вашими представителями. Ваши протесты лукаво отвергнуты короной; ваши заявления предательски отклонялись, и в ответ лишь увеличивались обиды; с вами было поступлено как с мятежными подданными, и если тотчас же положение не изменится, то исчезнет и остаток вашей свободы. . . В ваших руках ваше собственное спасение, — продолжает он, — откажите в своем доверии всем тем, кто предал и предает вас; избирайте людей, известных своими способностями, честностью, гражданской добродетелью, людей, занятых общественными делами, людей, которые, будучи золотой серединой по своему положению, имеют возможность понять ужасы нищеты. Священный огонь, который горел в груди ваших предков, неужели он теперь не зажигает ваших сердец? Оставите ли вы своим потомкам имена, покрытые бесчестием? Неужели века свободы

исчезли безвозвратно? Хотите ли вы, чтобы ваши сыновья, плача под тяжестью своих цепей, закричали когда-нибудь с отчаянием: «Вот плоды продажности наших отцов!» [174].

Но «Цепи рабства» отнюдь не имеют в виду исключительно критику английского самодержавия. Марат использует английские выборы только как повод, чтобы набросать широкую картину исторического развития деспотизма. Г. Кунов цитирует письмо Генеральным штатам от 23 августа 1879 г., которое приводит Веллэ в собрании писем Марата. Ему остался, как видно, неизвестным гораздо более интересный документ: «Речь к англичанам от 15 апреля 1774 г. о недостатках английской конституции и о средствах ее исправления» (эта речь напечатана в приложении к изданию книги 1793 г.) [175]. Остановимся на разборе этого документа.

«В хорошо устроенном государстве, — пишет Марат, — нация — законный суверен. Только она одна может издавать законы или сама, или через своих представителей. Но в Англии не только избранные представители нации обладают законодательной властью. Небольшое число лиц по рождению делят с нацией это право. В Англии не власть народа ограничивает власть короля, а наоборот — власть короля ставит пределы власти нации. Порок этот свойственен не только англичанам, но и многим другим народам. В нем причина борьбы Карла I и Карла II с парламентом. Покорность и подчинение народа королям видна из текста клятвы. В ней представители народа клянутся быть верными королю, в то время как истина требует другого: клятвы королей на верность народам. Второй не менее важный порок английской конституции заключается в том, что представители народа избираются лишь небольшим числом граждан. При Генрихе IV установлено было, что избирателем может быть лишь подданный, владеющий землей с доходом в 20 ливров в год. Цитируя в примечании этот закон, Марат разъясняет нам, что здесь действовала злая воля дворянства, стремившегося возвыситься за счет низших классов [176].

Но и это ограниченное число избирателей включает в себя представителей «гнилых местечек». Они имеют часто больше представителей, чем крупные города королевства. По смыслу закона члены парламента должны быть земельными собственниками: те, кто не владеет годовой рентой в 300 ливров, не могут быть представителями городов, не имеющие ренты в 600 ливров, не могут представлять графства. Это было сделано, говорят, для того, чтобы обеспечить свободу парламента. Вспомним, однако, прошлое. Все те, кто поддерживал Генриха VII, Генриха VIII, Марию и их насилия над свободой, не были ли они богатыми собственниками, как и сторонники Карла I, Карла II? Все те, кто продавались Вильгельму III и продаются

Георгу III, не были ли они также богатыми собственниками? А там, где они у власти, где власть в руках богатых и мошенников, где бедные страдают и лишены собственности и тем самым — возможности влиять на законодательство, могут ли там господствовать праведные законы? Что делается в этих государствах для бедных? Посмотрите, каковы рабочие дома, где живут нищие! У них даже нет возможности лечиться в случае болезни; чтобы попасть в больницу, им нужна рекомендация. Туда попадают те, кому протежируют богачи, а несчастным беднякам остается умирать на улице. «Где друзья народа в сенате, составленном из богатых?» — спрашивает Марат. «Я повторяю, — пишет он, — пока законодатели выходят лишь из одного класса, класса богатых, они будут заботиться о собственности немногих, но не об общем благе». «*Я вас купил, говорит депутат своим доверителям, но будьте спокойны, я продам вас*», — остроумно замечает Марат, характеризуя систему выборов в Англии [177].

Избранный депутат считает себя господином над избирателями. Будучи избранным, он не желает знать своих избирателей. Он тотчас же забывает в сенате о нуждах доверителей, думая лишь о своих материальных интересах, об интересах всех богатых. Из многих примеров, пишет Марат, ограничимся примером Ост-Индской Компании 1693 г.

Чтобы предупредить обман народа его представителями, следует сделать так, чтобы издание законов зависело целиком от нации: государь должен быть лишь чиновником народа, но не его самовластным хозяином. Сессии парламента не должны зависеть от короля. Ведь король имеет возможность разными способами привлечь на свою сторону депутатов, у народа этой возможности нет. Однако закон, даже прошедший в палате общин, наталкивается на противодействие пэров. Король или подкупает депутатов нижней палаты или усиливает новыми назначениями в палату лордов свою партию в ней. Давление короля чувствуется особенно сильно благодаря открытому голосованию. Стоит только побыть некоторое время в палате общин, чтобы убедиться в том, что английский парламент наполнен пенсионерами и служителями короля. Немалую роль в уничтожении пороков конституции играет установление равновесия властей. Надо отнять у короля право войны и мира, право сношений с другими нациями без совещаний со своим народом. Особенно надо опасаться власти государя над армией. Это сила решающая в руках короля. Английская конституция должна быть радикально изменена. Марат предлагает следующие меры: 1) лишить корону права назначения депутатов, избрание которых является привилегией множества мелких местечек, и присоединить этих избирателей к общей массе

населения графства; 2) исключить из парламента всякого гражданина, занимающего должность, зависимую от короля; 3) лишить корону привилегий создавать новых пэров, это право передается парламенту, оно сведется к назначению простых людей, оказавших услугу отечеству; 4) по требованию трех членов нижней палаты должна быть произведена проверка отчетности и сумм государственного казначейства [178].

Мы подробно изложили этот документ, так как он имеет большое значение для характеристики социально-политических взглядов Марата. Эти взгляды свидетельствуют об интересе, проявленном Маратом к вопросу о классовых противоречиях Англии XVIII в. Еще задолго до 1789 г., как мы видели, Марат, оперируя в оценке прошлого понятием классовой борьбы, не устанавливает, однако, самого понятия. Намеченный им план избирательной реформы Англии предвосхищает в основном программу английской демократии, программу чартистов первой половины XIX в. Но что особенно для нас интересно — это то, что Марат свою оценку политических явлений стремится увязать с анализом условий экономического неравенства тех или иных слоев английского общества.

Марат пишет в «Цепях рабства» картину возникновения, развития и возможного падения деспотизма. В кратком предисловии к книге мы читаем: «По-видимому, неизбежна судьба человека быть лишенным свободы: повсюду и всегда государи становятся деспотами, а народы ввергнуты в рабство. Деспотизм одних и рабство других — это две стороны одной медали. Народы доверили свою жизнь отдельным лицам, передали им заботу о своих интересах и не заметили, как очутились в цепях. Как могло это случиться? Народы знают счастливое время, когда они были свободны. Государство возникло путем насилия. Повсюду несколько счастливых разбойников были его создателями. Законы же служат в государстве гарантией и взаимной страховкой для грабителей. Пока мудрые законы образуют правительство, незначительная протяженность государства способствует охране царства справедливости. Свобода тем более гарантирована, чем меньше размеры государства. В малых государствах мы имеем народное правление, свобода здесь процветает. Почему? В маленьких государствах люди друг друга знают, интересы не так расходятся, как в большом государстве. От совместной жизни рождается близость людей, процветает торговля. Всех этих преимуществ лишено большое государство. В нем люди друг друга не знают, они рассматривают своих сограждан как иностранцев. В маленьком государстве народ смотрит за чиновниками, а последние за народом. Здесь реже горе, и можно легче его избежать. В случае нападения граждане могут легче вооружиться и подняться

на защиту отечества. В больших государствах за королями нет достаточного наблюдения, и они уверенно идут к деспотизму.

Пороки конституции часто растут пропорционально размерам государств. Так было с Францией. Она была раньше страной демократии, но с расширением ее пределов эта демократия погибла. Демократия погибла вместе с необходимостью отказаться от прямого законодательства. В государстве, где общественная ценность людей определяется лишь в связи с их знаниями, храбростью и добродетелями, и честь быть избранным представителем, естественно, пала на главу народа. Но с этого момента нацию начала обирать верховная власть, которая стала тотчас же уделом благородных и имущих. Начинается век аристократии. Народ не принимает больше участия в делах, он поглощен частными интересами. Не упражняясь в применении своих прав, он потерял и представление о них.

Применительно к этой схеме Марат дает нам периодизацию истории человечества [179]. При рождении гражданское общество отличается смелостью, выносливостью, любовью к независимости. Это период детства народов. Затем появляются ремесла; начинают процветать военное искусство и политические знания. Но все это пока еще в пределах, необходимых для установления прочного порядка вовне и внутри. Это эпоха юности народов, когда процветает торговля, а вместе с нею литература, науки. Все это делает нацию цветущей и богатой.

Народы пожинают плоды мира — наступает период зрелости. А затем начинается упадок. Чем дальше от исходного пункта, тем меньше храбрости, выносливости, любви к свободе. Чрезвычайное обилие потребностей делает людей зависимыми от господина.

Такова схема Марата. В ней нет ничего оригинального, он здесь повторяет Руссо, Мабли. От обычных рассуждений руссоистов его отличает усиленное подчеркивание насилия как исходного пункта образования государства. Но этим не ограничивается содержание книги. Марат очень мало уделяет внимания исходному моменту общественного развития, он гораздо внимательнее следит за историческими изменениями форм правления, за характером деспотизма и порабощением народов.

Как создалось самодержавие и самовластие государей? «Здесь, — утверждает Марат, — проявилось действие двойного процесса: короли с помощью благородных раздавили народ, с тем чтобы потом с помощью народа уничтожить благородных». Так поступали, рассказывает дальше Марат, все монархи Европы, воздвигнув на развалинах феодализма свою власть. Попытки поработить народ, как полагает Марат, встречали первое время сильное противодействие со стороны королей. Восставали города и деревни против сеньеров, сеньеры — против королей. Еще при первой династии во Франции было огромное количество свободных людей между франками, как и между римлянами; существовали различные сословия, в том числе и буржуазия, корпорации торговцев и ремесленников. Но к концу второй династии почти все они были порабощены феодалами. Народы в свое время защищали свою свободу: они ее любили, и у них было оружие. Но они потерпели поражение. Власть герцогов, графов, баронов над своими вассалами, неблагородными владельцами земли, усиливалась быстрее, чем власть короля над его вассалами. Крупные землевладельцы в отдалении от двора постепенно усиливали свою независимость, в то время как находившиеся в прямой зависимости от них держатели земли теряли свою свободу. Землевладельцы и другими способами подчиняли себе неблагородных. Для последних сеньер вскоре стал единственной защитой и единственной владыкой. «Дело, конечно, не обходилось без насилия», — добавляет Марат. В кратких словах ход его рассуждений может быть передан таким образом. Вначале земли герцогов, баронов, сеньеров были отчуждаемы, они ими владели по доброй воле государя. Но так как эти земли были источником богатств, то знатные пытались удержать их в своем постоянном владении. Пользуясь подходящей обстановкой, они вынудили короля отдать им эту землю пожизненно. Наконец, эти земли стали их наследственным достоянием. Теперь владельцы земель начинают рассматривать себя как властителей. «Государство распадается отныне на столько маленьких государств, сколько в нем феодалов». Землевладельцы, благородные, становятся королями по отношению к своим подданными — держателям земли. Из их среды выделяются особо сильные сеньеры, как герцог Нормандский, граф Фландрский; они начинают решительный поход против короны. Запершись в своих замках, сеньеры держали в страхе окружные земли. Города, входившие в состав владений короля и земель крупных вассалов, находились в зависимости от них, однако только до тех пор, пока отсутствовала торговля, промышленность и ремесла. Население городов оставалось в то время в нищете, его обирали чиновники.

Повсюду, читаем мы дальше, царили насилие, грабежи; жители страны вынуждены были искать защиты; они ставили себя под опеку сеньеров или поступали к ним в солдаты, что усиливало мощь господ. Внутренние и внешние войны не прекращались в ту эпоху. Во время общей смуты особенно пострадали как города, так и деревенское население, а оставшаяся горсточка свободных людей была закабалена. К началу третьей династии королевский авторитет был уничтожен; всякая земля,

имевшая какую-либо ценность, была разделена на баронии и феоды. Королю не оказывали даже внешнего почета. Вскоре, однако, король выбрался из этого положения, возвысился над феодалами. Как это случилось?

«Государь, — пишет Марат, — возвысил раньше сеньеров, чтобы подчинить себе народ, теперь он пользуется народом, чтобы раздавить знатных» [180]. Переломным пунктом послужили крестовые походы. Они были и поводом и результатом событий, их не предвидел никто. Чтобы сохранить и поддержать свое достоинство, большинство сеньеров, не имея другого источника, уступили свои земли королю, лишь бы получить необходимую сумму для организации похода. Государи пользовались всяким удобным случаем и присоединяли их земли к короне. К королю перешли также земли тех сеньеров, которые погибли в походах, не оставив наследников. Да и вообще отсутствие части господ в стране дало возможность государю сконцентрировать в своих руках власть. В области судебной, например, народ начал обращаться к суду короля, и это возвышало его авторитет.

Но откуда король взял необходимые для ссуды дворянам деньги? Эти деньги дали ему г о р о д а. Города покупали себе таким образом независимость. С этого момента рабская зависимость народа начала исчезать; в л а с т ь н а д л ю д ь м и з а м е н и л а с ь в л а с т ь ю н а д в е щ а м и: значение сеньеров уменьшилось.

Уже Людовик Толстый начал давать городам своих доменов хартии вольности, общины были поставлены под власть магистратов. Но города росли и вскоре купили право самоуправления, право выбора магистратов. Народ отныне требовал своего участия в издании законов. Подобно дворянству и духовенству, третье сословие начало настаивать на своем праве быть судимым судьями из своей среды. Это все возможно было, заявляет Марат, благодаря развитию ремесел, торговли, мануфактур, навигации: жители городов богатели и становились сильными. С того момента как народ получил гражданскую свободу, он начал стремиться к свободе политической [181]. Далее стали созываться Генеральные штаты как учреждение совещательное в национальных делах. Каждый свободный человек имел отныне право через своих представителей присутствовать в Генеральных штатах. Созванные впервые в 1334 г., они впоследствии созывались регулярно. Число представителей сословий устанавливалось пропорционально суммам, которые вносили города и общины. Представительство городов и общин было тогда равно представительству дворянства и духовенства. То было время окончательной гибели феодальной власти. Так как народ получил некоторую свободу, а благодаря развитию промышленности и торговли открылся для него источник изобилия, то третье сословие стало могучим сословием в государстве. Союз его с государем и дал последнему возможность окончательно раздавить сеньеров. «Восстановление части прав народа и усиление королевской власти имеют, таким образом, одну и ту же причину, хотя пути были различны», — заявляет Марат.

Марат анализирует тот же процесс на примере Англии. На острове, чтобы противостоять власти баронов, королевская власть противопоставила им народ. Представители последнего и образовали палату общин. Генрих VII разрешил баронам расчленять и продавать землю, чтобы помешать феодалам иметь в своем распоряжении массу слуг, и одновременно оказывал покровительство развивающейся торговле, сельскому хозяйству, навигации. Благодаря этой причине росла сила городских общин. То же происходило в Испании. Во время длительных войн с феодалами король создал более постоянные кадры войск и легкую кавалерию. Почему возможна была эта реформа военного дела? Потому что города давали необходимые средства королю [182]. Король для своего возвышения не мог не помочь процветанию торговли и мануфактур; так города получили привилегии.

Так государь, после того как получил власть, остался полновластным хозяином над всеми сословиями и подавлял каждое из них с помощью другого в случае чьей-либо попытки освободиться из-под ярма деспотизма. Теперь государю был открыт широкий путь к тирании. Генеральные штаты созываются отныне редко, только когда надо получить необходимые субсидии. Государь рассматривает добро нации как свое собственное. Он свою узурпацию подкрепляет оружием. Его лозунг: «Государство — это я», или еще лучше: «Tel est notre bon plaisir». Способствуя раньше свободе, ныне государь преследует всякое свободное слово; способствуя раньше процветанию ремесел, торговли, мануфактур, он теперь своим грабежом подрывает благосостояние граждан. Ужасы тирании переходят все границы. Царят страх и мертвая тишина; писатели и ученые воспевают тиранию, но она не может не вызывать недовольства народа, протеста тех, кто теперь является силой в государстве, «что в свое время имело место в Англии», замечает Марат.

Если исходные положения Марата о возникновении гражданского общества были в основном повторением идей Руссо, то в дальнейшем дана своя интересная схема исторического развития. К истории применен метод, весьма близкий к классовому анализу; в некоторых случаях, как в вопросе о крестовых походах и возвышении городов, дано интересное для своего времени объяснение прошлого под углом зрения экономиче-

ского развития. Во всяком случае, ни Барнав, ни Сен-Симон, ни историки реставрации не дали по существу более оригинальной схемы. Но об этом дальше.

Нам важно теперь проследить, как представляет себе Марат классовую борьбу в самой монархии. Марат разграничивает понятия «нация» и «народ», понимая под нацией всех граждан, а под народом ту же нацию без врагов народа. Но в едином народе он ищет и находит борьбу противоречивых интересов. В самом противопоставлении нации народу нет ничего оригинального. Аббат Сийес в свое время сравнивал значение 200 тыс. членов привилегированных сословий и 25—26 млн. душ третьего сословия во французском народе. Но тот же Сийес писал: «Когда хотят посеять разлад, то стараются разделить третье сословие на различные классы. . . возбуждают городских жителей против деревенских, стараются восстановить бедных против богатых» [183]. Марат, как мы увидим дальше, в отличие от Сийеса противопоставляет и «натравливает» одних на других.

Когда мы читаем у Марата о насилиях деспотизма, нам может казаться, что, подобно многим писателям XVIII в., он придавал исключительное значение «доброму» или «злому» монарху. Правда, он допускает в духе эпохи теоретическую возможность, что идеальный монарх мог бы дать счастье народу, но такого монарха не было, и он не может явиться в будущем. Сила деспотизма, однако, не только в личной злой воле монарха. Его власть имеет свою социальную основу в обществе, ее создало развитие торговли и промышленности. В оценке экономического развития Марат явственно выступает перед нами как мелкий буржуа, но это не мешает ему сделать ряд важных и поучительных замечаний о связи монархии с расцветом торговли и промышленности городов.

В разделе «Des nations — amies de la pauvreté» он пишет: «Когда богатства ограничены и земли равно распределены между всеми, тогда потребности всех удовлетворены, и свобода царствует» [184]. Но когда из-за жадности и грабежа земли переходят в руки немногих, отношения неизбежно меняются. Богатство становится источником рабства; отныне существуют в государстве только господа и рабы. Нищета и богатство сопутствуют друг другу. Нации, которые были бы достаточно мудры, чтобы ограничить роскошь и поставить предел богатству, смогли бы остаться в периоде юношества и обеспечить себе свободу. «Безумцы, — восклицает Марат, — я спрошу вас, не при триумфе ли свободы возможно господство справедливости, мира и счастья государства?». Обеспеченность существования в пределах свободы — гарантия счастья человечества. Так Марат представляет себе экономическое развитие общества.

Не повсюду, однако, рост богатства обусловливает счастье общества. Между государством и богатыми — тесная связь, на этом союзе покоится деспотизм. Короли, нуждаясь в деньгах, вымогают займы, последние становятся цепью, которая двойным узлом связывает народ. Заем — это залог покорности граждан. В страхе перед банкротством народ покорен, а средства, данные народом государю, дают ему возможность в любую минуту расправиться с народом. Все расширяющиеся займы, в обеспечение которых идут долги государства, сближают интересы капиталистов и королей. В распоряжении последних всегда толпа спекулянтов и финансистов. Развитие торговли дальше известных пределов неизбежно влечет за собою создание монополий. Из них самые страшные — это монополии на предметы первой необходимости. В последнем случае само существование народа зависит от монополистов и министров, их прикрывающих.

Доходы государства передаются откупщикам, они стоят во главе привилегированных компаний, и в их руки течет общественное изобилие. Нация становится вскоре добычей лихоимцев, сборщиков податей, финансистов, казнокрадов. Они в свою очередь создают массу от них зависящих посредников. Растет таким путем не торговля, а спекуляция, ажиотаж, а наряду с ними — нищета, всегда готовая служить за кусок хлеба любому хозяину. У торговых наций, утверждает Марат, коммерсанты, капиталисты и рантье составляют одно целое со спекулянтами и финансистами. В больших городах народ распадается на два класса, из которых один живет в бедности, а другой утопает в излишествах [185]. Один владеет всеми средствами угнетения, у другого нет ничего, даже средств самозащиты. В монархии это положение вещей часто прикрыто угнетением всех, а в республике имущественное неравенство отдает подавляющее большинство народа под ярмо кучки господ. Чтобы подчеркнуть связь между монархией, союзом благородных и верхушкой буржуазии, Марат отмечает следующий факт: в Англии многие лорды имеют своими родоначальниками торговцев-выскочек, во Франции многие из благородных вступили в родственную связь с финансистами, сборщиками податей и казнокрадами [186].

Торговец, особенно богатый, еще и потому враг народа, что он неизбежно космополит. Купец постепенно сближается со всеми правительствами мира и забывает свою страну. «Настоящий торговец — гражданин мира».

Особое внимание Марат как руссоист посвящает вопросу о роскоши. Она — неизбежное следствие развития богатств. Роскошь уничтожает любовь к славе, влечение к роскоши уничтожает добрые нравы, ослабляет стремление к великим делам

и благородным поступкам, к героической добродетели. Вот почему деспоты любят окружать себя роскошью. Развесив гирлянды цветов на цепях, которые они нам готовят, деспоты уничтожают в наших сердцах чувство свободы, и мы начинаем любить рабство.

Во всех этих рассуждениях отчетливо выступают специфически мелкобуржуазные взгляды Марата. Для более точной характеристики взглядов Марата следует отметить, что элементы классового анализа истории, которые мы находим у него, ничем по существу не отличаются от высказываний буржуазных теоретиков XVIII в. Рейналя и Барнава. Мелкобуржуазная ненависть к капиталу и внимание к интересам трудящихся усиливает, однако, остроту его зрения. В отличие от большинства мыслителей XVIII в. Марат уделяет большое внимание классовым противоречиям общества, он отмечает зависимость различных интересов от условий экономического развития и пользуется этим подходом как методом для оценки прошлого и настоящего. Но присмотримся ближе к тому, что он понимал под понятиями «класс», «классовые интересы».

В рождающемся обществе, утверждает Марат, нет деления на сословия и классы. Они устанавливаются вместе с укреплением неравенства имущества и закрепляются государями в их интересах. Государи стремятся установить различные сословия, ставя одно над другим и противопоставляя одно другому. Когда сословия созданы, государи стремятся закрепить это деление, отличив их друг от друга привилегиями. Одним сословиям они дают место в правительстве, другим — работу в своей администрации, тем — важные должности, этим — бенефиции; на долю низших классов остаются торговля, ремесло. «Повсюду имущие презирают ниже их стоящих, а неимущие ненавидят стоящих выше себя». Что классы отличаются по своему имущественному положению — об этом свидетельствует в прошлом реформа Сервия Туллия. Последний, по словам Марата, разделил народ на шесть классов, а классы — на центурии и распределил между ними граждан по степени их состоятельности. Государи делают все, чтобы закрепить неравенство; они, скажем, издают законы о том, какое платье имеет право носить благородный и какое — простой человек. Последнему они запрещают носить красивое, яркое платье, иметь драгоценности и т. д. Власть имущие, благородные, джентльмены, прелаты, властолюбцы, пенсионеры короля и все те, кто видят во дворе источник своих доходов, священники, академики, педанты и шуты, использующие анархию в общественных делах, и та часть народа, которая существует благодаря порокам сильных, принадлежат к партии государя; наоборот, народ трудовой, средние классы, люди рассудительные — они составляют партию свободы [187].

Близкое к этому определение класса мы выше отмечали, скажем, у Мабли. Важно здесь отметить, что при большей заостренности маратовской оценки классовой вражды его сближает с ним еще одно: представление о просвещении как орудии свободы и о темноте масс как гарантии деспотизма. Здесь выступает перед нами вопрос о примате «идей» над «интересами» — вопрос, разрешить который в полной мере не способен ни один из идеологов XVIII в. «Никогда, — пишет Марат, — не было века более грубого невежества, чем эпоха господства сеньеров, и никогда не было более жестокого рабства, чем в то время». Как только свет начал проникать в массы народа, они захотели законов и их получили. Прогрессу философии следует приписать победу свободы в наше время, как и движение эпохи реформации — победе разума. В России, замечает Марат, сохранилось страшное невежество, которое цари оберегали, чтобы укрепить рабство. Царствование Екатерины II отмечено ревностным насаждением образования, но нас это не должно, однако, обманывать. Она устраивает школы, где обучают всему, кроме прав гражданина и человека. Так же поступают и другие «просвещенные» государи. В другом месте Марат отмечает наряду со школой эпохи Екатерины II кабак в России как источник доходов самодержавия и средство подчинения масс [188]. В этих утверждениях мы встречаем текстуальное повторение известного нам диалога из «Un roman de coeur».

Монархи боятся свободного слова, они сжигают книги под предлогом, что эти книги покушаются на святость религии, что они безнравственны. Нет ничего смешнее князей, восклицает Марат, пользующихся этим предлогом, чтобы притеснять народ... Их чувства ведь столь искренни, поступки столь безупречны, их жизнь так чиста, они имеют ведь столь благородную душу, столь возвышенное сердце, ведь они так страстно стремятся к добродетели!..

Если Марат считает, таким образом, необходимым подчеркнуть роль просвещения в укреплении классовых различий, то скорее для того, чтобы направить свои удары на новое орудие деспотизма, чем для того, чтобы дать теоретическую формулировку этому фактору исторического процесса. Когда читаешь главу «De l'ignorance», невольно вспоминаешь соответствующие места из «Социальной критики» О. Бланки.

Мы не получим, однако, полного представления о книге «Цепи рабства», если не познакомимся с ее боевой частью, проникнутой страстной критикой и ненавистью к деспотизму. В блестящей главе «Dénaturer les noms des choses» Марат вскрывает ханжество защитников монархии. «Государи, их

министры, их агенты, их льстецы называют «искусством управлять» искусство истощать народы, распространять вокруг себя ужас, «политикой» — искусство обманывать людей, «правлением» — подлое и тираническое господство, «прерогативами короны» — узурпацию прав народа, королевской властью — произвольную власть, «величием» — мотовство, «подчинением» — рабство, «лояльностью» — подчинение самовольным приказам, «верностью» и «бунтом» — верность законам и сопротивление угнетению, «налогами» — разбой во главе армии, «искусством торговать» — лицемерие и хитрость, «религией» — одобрение обмана, «верой» — отказ от разума, «религиозным усердием» — фанатизм, «набожностью» — суеверие и ханжество, «христианским смирением» — отрицание самого себя, «государственным переворотом» — убийство из-за угла, «чиновниками государя» — его сателлитов, «верными подданными» — пособников деспотизма, «средством безопасности» — инквизицию, «наказанием мятежников» — убийство друзей свободы» [189].

Клеймя презрением деспотизм, Марат объявляет законным всякое восстание против деспотизма. И в самом деле, особенностью книги — путеводителя по аду тирании — является страстная попытка дать наиболее полное описание ужасов абсолютизма, стремление дать народным массам точные указания, как монархи превращают их в рабов, а затем наметить пути борьбы с деспотией. Правительство деспота прежде всего стремится усыпить народ. Времена дикого насилия прошли. Придя к власти, самодержавие поразительно мягко, с улыбкой на устах надевает народу ярмо на шею. «Начало деспотизма всегда радостно и весело, оно полно игр, танцев, песен». Народ не видит зла, которое ему готовится. Деспотизм организует общественные работы для безработных. Народу кажется, что государь имеет в виду заботу об интересах страны, но он прежде всего думает о своей власти.

Деспоты подкупают щедростью: развращают театрами, балами, цирками, они содержат актеров, писателей. «Так игры, праздники, развлечения становятся приманками рабства, цепями свободы, орудиями тирании». Свое возвышение тиран усыпает цветами. Он создает огромную массу креатур, связывая их с собой материально. С целью увеличить число их в различных странах Европы короли создали титулы князей, эрцгерцогов, герцогов, пэров, графов, виконтов, маркизов, баронов, баронетов, кавалеров и т. д.; они роздали права на бесполезные должности губернаторов провинций, комендантов, маршалов и т. д. Им они дают ряд привилегий, освобождая их от платежа налогов, покрывая их преступления. Свобода народов опирается на законы но так как законы говорят устами судей, то для того,

чтобы обезвредить эти законы, деспоты создают кадры подкупных чиновников или подкупают имеющихся. Это делают всегда и повсюду государи с целью стать самодержавными властителями [190].

С этой же целью самодержец прибирает к рукам армию, изолирует ее от всего народа, создает для нее специальные казармы. Во имя своих интересов деспот затевает войны. Победил или побежден народ — горе ему. «Лавры победы всегда орошены кровью народов». Война разрушает торговлю, разоряет города и деревни. Но основное — она отвлекает граждан от пользования своими правами. Их внимание переносится от дел внутренних на дела внешние, и правительство, не будучи под контролем, может проводить свои планы. Война дает королям возможность занять непокорных граждан, освободиться от граждан мятежных и отправить на бойню наиболее преданных делу сохранения свободы и тем раздавить патриотическую партию. В подтверждение своей страстной филиппики против войны Марат приводит следующий разговор Карла V с Франциском I: «Вы и я, — сказал однажды император Карл Франциску, — правим народами столь неустрашимыми, что если время от времени мы не предпримем какой-либо войны, то они объявят ее нам» [191].

Огромной силы и важности орудие в руках деспотизма — это религия. Религия должна стремиться сделать гражданина человеком. До тех пор, пока она служит этой цели, она одна из серьезных опор свободы; но поскольку она отстраняет от себя эту задачу, она влечет за собою наиболее тяжелое рабство. Религии всегда служат деспотизму, особенно христианская. Ведь царство христиан не от мира сего. «Каким образом люди, которые вздыхают лишь о горних делах, примут к сердцу то, что происходит внизу?» Христианство проповедует мир, оно ведет борьбу молитвами, оно покорно высшим властям, как установленным богом. А защита свободы требует борьбы. Государи всегда прибегали к евангелию, чтобы укрепить свою власть, придать своему авторитету святость. Одни заимствуют святость, чтобы подчинить нас деспотизму, другие используют власть, чтобы подчинить нас суеверию [192].

Но беда в том, что народы сами способствуют деспотизму своей доверчивостью, своей слабостью. Народ верит обещаниям имущих, а они его часто предают. Сколько раз, говорит Марат, в Англии народ пытался разорвать цепи! И все безуспешно! Когда англичане восстали против налогов, введенных Ричардом III, они потребовали освобождения от обложения земли, полной свободы торговли и налога вместо военной службы. Все эти требования тотчас были удовлетворены. Но вскоре имущие собрались, король сговорился с ними, парламент от-

менил хартию, и народ снова был закован. Поменьше доверия, будьте бдительны, народы!

Чтобы остаться свободным, нужно быть беспрестанно на страже против тех, кто управляет: нет ничего более легкого, чем погибнуть тому, кто слишком доверчив; беспечность народов — всегда причина их рабства. Все потеряно, когда народ отстраняется от дел и защиты своих прав; в противном случае свобода неизбежно будет возрождаться из пламени восстания [193]. Если бы народ, как только Карл I наложил свои нечистые руки на кошельки своих подданных или когда он погружал их в кровь масс, восстал, идя без страха вперед на приступ, и отправил бы вовремя министров на эшафот, то в стране не было бы всех последующих ужасов [194].

Итак, революция — спасение народов. Но и в ходе революции народ допускает ряд ошибок. Следует предупредить об этом угнетенных. Этой «стратегии» революции Марат посвящает специальную главу «Vains efforts du peuple». Во всяком восстании, пишет он, инициатива принадлежит народным массам. Граждане зажиточные и богатые присоединяются лишь к концу восстания, увлеченные потоком. У них нет особенного интереса восставать против тирании. Но восставший народ должен помнить, что потерять завоеванное в борьбе легче, чем его приобрести. Первая ошибка восставшего народа — это недоведение революции до конца. Нерешительность народа — огромное зло. Вторая ошибка — частичное восстание. Чтобы быть победоносным, оно должно быть всеобщим. Взявшись за оружие, народу надо добиться всеобщего восстания. Третья ошибка — отсутствие единства у восставших. Народ должен быть единым, но он разделен на группы соответственно своим интересам. Четвертая ошибка в том, что часто упускается подходящий момент для восстания. Во главе борющихся должны стоять люди строго добродетельные. И подобно тому, как существование фракций среди восставших грозит им поражением, так и отсутствие смелого и решительного человека во главе восставших ослабляет их силу. Если это революция, а не бунт, то во главе народа должен стать человек великий по своему уму и добродетели. Он покорит умы, будет направлять борьбу, усмирит необузданных, вселит уверенность в колеблющихся. Словом, для успешного восстания нужен диктатор. Его и предлагал Марат позже, в годы революции [195].

Но сама победа еще не гарантирует свободы. Чтобы у народа плоды его победы не были отняты, как это часто бывает, надо сейчас же приступить к организации нового порядка. В этих условиях обнаруживается расхождение социальных групп населения соответственно их интересам. «Когда наши отцы, — говорит Марат, — восстали против Карла I и разорвали связывающие их цепи, они долго искали свободу и не находили ее»; разделенные на фракции, они боролись друг с другом.

Низвергнув Карла I, общины уничтожили монархию и установили республику. В парламенте английской республики соединена была исполнительная и законодательная власть. Совет, избранный парламентом, управлял делами государства. Созданный таким путем Совет начал, однако, вскоре обирать народ, отягощать его налогами. И в то время как народ возмущался против этого нового ярма, но не мог его сбросить, в то время как лорды смотрели на власть общин с ненавистью, а тори проклинали триумф вигов, сожалея о низвержении монархии, попытка нескольких честолюбцев поднять восстание и мятеж в армии помогла в этой обстановке общего недовольства дерзкому ханже О. Кромвелю захватить в свои руки власть и стать господином страны. Так из самой революции родился военный деспот.

Английская свобода, возникшая из поражения революции, внутренне порочна. Народные представители — стражи закона, но в Англии закон не гарантирует народ от угнетения со стороны депутатов. Народ даже лишен права устанавливать сроки длительности сессии парламента и назначения новых выборов и тем лишен и признака власти. Если полномочия депутатов длятся шесть-семь лет, почему им не длиться 10, 20, 30 лет и не превратиться в пожизненное или наследственное право? Англичане не понимают этого и даже наиболее радикальные виги готовы наделить палату общин излишними правами. Не следует ли народу в ответ на узурпацию его прав депутатами, не колеблясь ни минуты, взяться за оружие? В этом случае восстание законно и справедливо. Ошибки первой революции должны быть исправлены во второй [196].

Мы не передадим, однако, самое характерное во взглядах Марата до революции, если не обратим внимания на те колебания, которые в это время отличают его взгляды по вопросу о способности народа к восстанию. «Le peuple forge ses fers» — народ своими руками кует свои цепи. Как часто в истории народ в погоне за свободой сам передавал в руки властелина бразды правления! Защитник демократии, Марат приходит к печальному выводу: за исключением ничтожного меньшинства мудрых голов, народ состоит из массы глупцов, готовых добровольно заковать себя в цепи [197].

На этом деспотизм строит свою хитрую стратегию и тактику. Придя к власти и скинув маску, деспот знает только одно правило: «Такова наша добрая воля!» Свои приказы он поддерживает силой оружия. Государство — его имение; общественное достояние — его доходы; он продает своих подданных и располагает по своему усмотрению всеми силами нации. Среди

всех видов деспотии самая жестокая, конечно, та, которая управляет, прикрываясь законами и справедливостью [198].

Не забудем, снова и снова напоминает Марат, что власть Августа, Тиберия, Нерона, Генриха VII, Генриха VIII, Марии, Карла I, Якова II, Людовика XI, Карла IX, Людовика XIII, Людовика XIV и т. д. зиждилась на насилии, опираясь на временную заинтересованность в судьбах деспотизма значительной части народа. Друзья свободы несут двойное бремя — гнет тиранов и неблагодарность народных масс. Вот почему сравнительно без труда деспот может безжалостно преследовать революционеров. Всякого, кто сопротивляется реакции, обвиняют в государственном преступлении, сжигают его произведения, третируют его как негодяя. Если он решится бежать, деспот требует его голову у иностранных правительств. Как много подобных фактов знает история Людовика XI, Карла IX и Людовика XIII! «В настоящее время, — замечает Марат, — их ожидает не лучшая участь. Как много лиц исчезло из Парижа, их запрятали в темницы среди ночи, для них потерян всякий проблеск надежды».

Страх завершает то, что делает подкуп. Боязнь репрессий заставляет многих не только избегать разговоров о свободе, но прославлять рабство и радоваться покою в цепях. Даже мудрецы молчат и страдают в тишине. «С этого момента рты раскрываются только для того, чтобы славить идола, которого все страшатся». Марат приходит к пессимистическому выводу: «Таков обычный путь к абсолютной власти. Свободе, таким образом, не избежать судьбы всего человеческого: она исчезает из-за невежества, которое смешивает все, из-за преступления, которое все разлагает, и, наконец, из-за насилия, которое все уничтожает» [199].

12

Есть ли что-нибудь оригинальное в этих утверждениях и сомнениях Марата? Политические мыслители, классики XVIII в. — Руссо, Мабли, Монтескье далеко «не исчерпали всех комбинаций человеческого разума». Но в фарватере их теоретической мысли шли пропагандисты «теории» накануне революции, все те, кто позже на практике, а еще раньше, задолго до революции, в теории осмыслил возможность воплощения в жизнь великой реформы, провозглашенной учителями. Оригинальность в этом случае следует искать в классовом содержании их политических формул, в поисках реального воплощения абстрактных доктрин.

Можно ограничиться общей формулой: идеи Конвента заложены в «Общественном договоре». Но этим утверждением не только не будет охвачена практика Конвента, неизмеримо более богатая, чем идеи Руссо, но и сама философия Руссо, отражающая сравнительно более низкую ступень классовых отношений; это утверждение окажется неспособным охватить революцию, а тем более ее обострение в гражданскую войну. Из ненависти к революции и отрицания последней по существу родилась политическая мысль Руссо; из преодоления его консерватизма и нерешительности возникла революционная теория. Теория маратизма — это мелкобуржуазное учение о революции XVIII в.* Это и было то оригинальное, что мы находим у Марата, ученика классиков, сочетавшего Руссо и Монтескье, все отсталое и передовое в политической мысли XVIII в., опыт капиталистически передовой Англии, созревшей для революции Франции и мещански-демократической Швейцарии.

Здесь не место для анализа истоков маратизма — мы дадим его в заключении нашего исследования, как его итог. Но бросить беглый взгляд, сопоставить взгляды Марата на деспотизм и взгляды корифеев XVIII в. необходимо. Монтескье, Рейналь, Гольбах, Руссо и Мабли дадут нам нужный материал. Мы оставляем пока в стороне вопрос о монархоманах и еще более для нас важный вопрос о связи идей Марата и Мелье.

В своих рассуждениях о деспотизме Вольтер объяснил происхождение понятия деспотизма. У греков деспот соответствовал отцу семьи, главе дома; римляне не употребляли этого термина, во всяком случае для обозначения государя. К началу XVIII в. деспотом называли малоимущего сеньера, зависящего от турок. И только в XVIII в. называли деспотами владык Марокко, Персии, Китая, Турции. Мы имеем в виду, пишет Вольтер, «диких зверей в образе королей», для которых их каприз — закон. Но Вольтер — это для нас имеет особое значение — подчеркивает, что «монарх» и «деспот» обозначают различные понятия: «под монархом мы привыкли понимать, утверждает он, единовластие, исключающее посредников». Но так как с течением времени у всех народов слова теряют свой первоначальный смысл, обе эти формы стали отождествляться. Разница, однако, в существовании суммы правил, норм, обычаев, которыми в монархии в отличие от деспотии поступиться нельзя. По Вольтеру, отличие, таким образом, не столько в конституции, сколько в «понятиях народа» о правах человека и гражданина [200].

Вольтер, иначе говоря, противопоставляет монархию деспотии. В монархии как наилучшей форме государственного правления царит, по его мнению, закон. Но уже

---

* Эти утверждения не только спорны, но, на наш взгляд, и ошибочны. См. предисловие. — *Примеч. редактора.*

Монтескье, как мы видели, говорит о неизбежном превращении единовластия в произвол. Деспотию он рассматривает как самостоятельную форму правления. В главе «Честь не есть принцип деспотического государства» мы читаем: в государствах самодержавных все люди равны, потому что все — рабы и ни один не может превозноситься перед другими. В этих государствах страх управляет всем». Монтескье добавляет: «Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении. В деспотии не разум, а инстинкт послушания и наказания — вот стимулы человеческого поведения. В ней человек только тварь, повинующаяся твари повелевающей» [201].

Не без иронии Монтескье цитирует Шардена по его «Voyage en Perse», где он приводит слова персидского сановника: «Выходя от государя, я всякий раз ощупываю, есть ли еще у меня голова на плечах, а придя домой, смотрю даже в зеркало, чтобы убедиться в этом». Но беспрекословное повиновение и произвол даже здесь имеют некоторые пределы. По мнению Монтескье, этот предел в религии [202]. Религиозные нормы исправляют то, что внедрено в души подданных деспотическим воспитанием, предполагающим невежество не только в тех, кто повинуется, но и в тех, кто повелевает. Таким образом, между монархией и деспотией проводится ясная и отчетливая грань. Несмотря на внешнее сходство единовластия, следует помнить — Монтескье не устает подчеркивать эту мысль, — что в монархии государи — люди просвещенные, а министры их бесконечно искуснее и опытнее в делах правления, чем в государствах деспотических.

Подробно эти положения развиты в главе XIII «Духа законов» — «Об идее деспотизма». С блестящей краткостью Монтескье пишет: «Когда дикари Луизианы хотят достать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод». Таково деспотическое правление, при нем политическое, гражданское управление совпадает с домашним хозяйством. Государство рассматривается как личное достояние правителя, и должностные лица одновременно являются должностными лицами деспота. «Если принцип деспотического государства — страх, то цель его — тишина, но тишина не мира, а затишье города, ожидающего вступления неприятеля». Армия — та сила, с помощью которой правят государи, и, если религия помогает ограничивать произвол самодержца, то она одновременно помогает и утверждению рабства, она как бы является «страхом, прибавленным к страху» [203].

Естественным последствием деспотического государства является падение промышленности и торговли, постепенное превращение самой цветущей страны в пустыню. Деспотическая форма правления утверждается в жарких странах, по преимуществу в Азии. В этом смысле еще в «Персидских письмах», говоря о деспотии, Монтескье противопоставлял монархические правительства Европы деспотиям Востока. Несмотря на всемогущество государей Европы, отмечает Монтескье, они не похожи на султана, злоупотребляющего своей властью. Хотя в этом противопоставлении есть безусловная ирония и намек на попытку французского короля кое в чем уподобиться своему турецкому собрату, мы все же при внимательном чтении не можем не отметить попытку автора разграничить европейскую монархию и восточную тиранию [204]. Монтескье утверждает, что деспотизм, так сказать, натурализован в Азии. Здесь он ставит перед читателями вопрос, разрешение которого взял на себя Марат в «Цепях рабства». Казалось бы, произвол деспотизма требует от людей, стремящихся к свободе и ненавидящих насилие, желания избавиться от гнетущего самовластия, а мы видим, как большая часть народов как бы добровольно подчинилась ему. Монтескье заявляет: «Причину этого нетрудно понять: чтобы образовать умеренное правление, надо уметь комбинировать власти, регулировать их, умерять, приводить их в действие, подбавлять, так сказать, балласта одной, чтобы она могла уравновешивать другую. Это такое мастерское произведение законодательства, которое редко бывает случайным и которого редко удается добиться сознательно» [205].

Политическая осторожность подобных выводов тем более разительна, что снова и снова Монтескье подчеркивает опасность, грозящую народам от деспотии, где царят бедность и нищета, где купец не может вести спокойно торговлю, где земледелец не может заниматься своим трудом и где поэтому широко развито ростовщичество, взятки или «добровольные» приношения.

Мы в заключение хотели бы обратить внимание на одну из попыток в книге «Дух законов» разобраться в особенностях реально существующей формы деспотического правления в Китае, излюбленной стране, перед загадкой которой останавливались все политические мыслители XVIII в. [206]. В Китае царит деспотизм, но своеобразный, он зиждется на строгом и неуклонном из века в век соблюдении нравов и обычаев, слитых с религиозными нормами и законом. Все вместе составляет как бы национальную мораль, а неуклонное исполнение обрядов этой морали гарантирует торжество китайского правления. Стоило только тому или другому государю хотя бы в какой-нибудь детали отступить от столетиями установленных правил морали, как государство впадало в анархию, и начинались революции.

Деспотизм в Китае построен по принципу смешанного управления; в его основе лежит возвышение норм управления отцовской власти до степени государственных норм. Монтескье

готов даже заявить, что достаточно отменить установленный в Китае обычай, по которому, скажем, сноха оказывает ту или другую услугу своей свекрови, чтобы деспотизм был поколеблен. Этой неподвижностью искони установленного социального быта он и объясняет то странное на первый взгляд явление, что деспотическое управление Китая не препятствует его блестящему экономическому развитию.

Характерна глава XX книги, в которой автор пытается объяснить одну странность китайцев: этот опутанный традициями народ, всю жизнь управляемый обрядами, оказывается самым многоопытным народом в мире. Китайский купец в своих торговых операциях нередко обманывает, и с успехом, европейцев. «Они, — говорит Монтескье, — имеют всегда при себе три сорта весов: тяжелые — для покупки, легкие — для продажи и верные — для людей осторожных». Как же примирить примитивность социальных отношений с этой особенностью китайцев, характерной для передовых европейских народов? Монтескье дает следующее мало удовлетворительное объяснение: законодатели Китая хотели сделать свой народ покорным и в то же время промышленным; так как климат и почва страны дают возможность добывать средства существования только тяжелым трудом, то отсюда непомерная тяга к приобретению. Закон запрещает удовлетворять эту страсть насилием, но поощряет все, что делается путем хитрости или обмана [207].

Наряду с этим Монтескье не может обойти молчанием и другой особенности социальных отношений в Китайской империи: в стране широко развита роскошь, а наряду с ней нищета. Не может он умолчать и о том факте, что Китай на протяжении своей истории, как он говорит, испытал 22 «общих» революции, не считая множества «частных» [208].

Мы остановились на анализе Монтескье особенностей Китайской империи для того, чтобы показать неудачную попытку классического представителя политической мысли XVIII в. разобраться в странном феномене — сочетании деспотизма и экономического благоденствия страны. Противопоставляя монархию деспотии, в известном смысле формулируя положение о «легальной деспотии», эти мыслители, даже в своей наиболее резкой критике произвола самовластия, не были до конца последовательны; они останавливались в своей критике монархии на полпути.

Блестящий писатель XVIII в., энтузиаст торгового и промышленного развития своего времени и преданный сторонник просвещенной монархии Рейналь в своей книге «Политическая история обеих Индий» проявил то же бессилие при попытке объяснить указанные особенности развития Китая, над которыми долго и безуспешно размышлял Монтескье [209].

Не вдаваясь в подробности анализа рассуждений Рейналя, мы для решения вопроса о заимствовании Маратом у этого автора не можем не отметить того, что Рейналь и при объяснении вырождения испанской монархии не дал и не мог дать (поскольку для него, как и для Монтескье, монархия остается умеренной, идеальной формой правления) исчерпывающего анализа деспотизма как решающей политической причины гибели великой для своего времени империи [210].

По этому пути в своем анализе деспотизма пошли все идеологи французской буржуазии XVIII в., в том числе и наиболее последовательные материалисты. Для полноты анализа обратимся к Гольбаху. В «Système social», рассуждая об общественном счастье, автор в духе своего времени анализирует права и обязанности человека в обществе. Правительство для него есть сумма сил общества, представленная тем, кого оно считает наиболее подходящим для того, чтобы вести его к счастью. С этой точки зрения суверен является не господином, но уполномоченным общества (министром), которому поручены известные обязанности, а закон — это выраженная в известных нормах воля общества в интересах сохранности и счастья всех против посягательства эгоистических интересов [211]. Все, что незаконно в этом смысле, — несправедливо, если закон справедлив.

Эти общие положения определяют собой и оценку деспотизма, тождественного насилию. Но все же Гольбах, вслед за Монтескье, не может не сделать оговорки: «Утверждают, что абсолютная власть, или то, что называют деспотизмом, могла бы быть блестящим правительством в руках Траяна, Тита, Марка Аврелия. Но власть, употребленная мудрым, которая опирается на правила справедливости и разума, тем самым не является уже деспотизмом и не должна быть определяема столь обесчещивающим словом» [212]. Эта оговорка тем более характерна, что в другом месте тот же автор повторяет ходкую для своего времени фразу: «Анналы монархии вряд ли знают одного или двух королей, истинно заботящихся о благе своего народа» [213].

Форма правления для Гольбаха безразлична; он делает, как мы видим, ударение на том, что монархия, управляемая мудрым законом, предохраняет народ от деспотии, при которой (для него это очевидно) «не знают наций, а только владыку и подданных, подданных-рабов, нередко довольных своей участью и своими господами» [214]. В то же время Гольбах категорически заявляет: «Легальный деспотизм — понятие внутренне противоречивое» [215]. Деспот и закон — понятия непримиримые [216].

Какой же выход из деспотии существует для народа? Выход этот не лежит на путях революции. Это очевидно для Голь-

баха в 1773 г., как и раньше для Монтескье и Руссо. Смерть Карла I не принесла никакой пользы английскому народу. Участь народа не улучшается в гражданской войне и революции; народ не становится благодаря революции ни более свободным, ни более счастливым. Для реформы необходимы просвещение и мудрость. Не путем опасных и кровавых конвульсий, не путем борьбы, тираноубийств и бесполезных преступлений можно улучшить судьбу народа; избавление народу принесет мудрая деятельность мудрого правителя — так учит Гольбах [217].

Этот политический вывод связан у Гольбаха с оценкой социальных отношений; он выступает врагом не только экономического, но и политического равенства. Полное равенство между членами общества было бы безусловной несправедливостью. Власть, богатство, слава должны быть разделены неравномерно между людьми, и господином должен быть первый гражданин. Подчинение народа своим законным господам является естественной основой общества, общества, которое зиждется на подчинении бедных богатым, детей своим родителям, жен своим мужьям, слуг своим господам. Свобода, снова и снова повторяет Гольбах, не состоит в том, как представляют себе некоторые, что все граждане равны, равны даже в управлении государством. Гольбах — противник всеобщего избирательного права, он требует цензовых выборов [218]. «Это правило демократических государств, — заявляет он, — совершенно несвойственно нашей натуре, которая делает людей неравными, благодаря их способностям, духовным и телесным». Равенство несправедливо и не может сочетаться с благом общества, которое требует, чтобы более полезные граждане были и более почитаемы и наилучше вознаграждаемы и не подчинялись бы общему закону, одинаковому для всех. Подлинная свобода состоит в том, чтобы подчиняться закону, соответствующему естественному неравенству людей, т. е. «закону, который покровительствует равно бедным и богатым, великим и малым, господам и подданным. Это и будет говорить о том, что свобода равно благоприятствует членам общества» [219].

Не подлежит сомнению, что в рассуждениях о деспотизме всех вышеназванных авторов есть нечто связывающее их в единую социально-политическую группу: деспотизм противостоит монархии, умеренная монархия остается идеальной формой правления даже для Гольбаха, несмотря на его утверждение, что легальный деспотизм — понятие внутренне противоречивое. Для всех них социально-политическое равенство — демократия, при всем идеальном преимуществе этой формы правления, непримемлема, хотя Монтескье, чья деятельность дальше по времени от революции, чем «Système social» Гольбаха,

выражает ей гораздо больше симпатии, чем последний. Наконец, все они в одинаковой мере делают собственность и собственников носителями политической власти в государстве.

Иначе подходят к этому вопросу теоретики мелкобуржуазной демократии XVIII в. Уже Жан-Жак Руссо в главе о монархии отмечает, что хотя эта форма правления и обладает большей мощью, чем все остальные, но в ней частная воля господствует над другими более, чем в какой-либо другой форме правления, причем эта частная воля не имеет в виду общественного благоденствия, и нередко сама сила администрации обращается во вред государству. «Лучшие короли хотят иметь возможность, утверждает Жан-Жак, — быть злыми, если им это захочется, не переставая быть повелителями. Пусть политические проповедники говорят им, что сила народа — их сила, что для них более всего выгодно, чтобы народ был цветущим, мощным, грозным, — они знают отлично, что это неверно, что их личные интересы заключаются в том, чтобы народ был слабым, несчастным и не мог им сопротивляться» [220].

В анализе этого положения Руссо видит смысл «Монарха» Макиавелли; он называет эту книгу книгой республиканцев. Положение Гольбаха о том, что прирожденный царь — явление редкое, Руссо истолковывает иначе, чем Гольбах, мыслитель французской буржуазии: «Смешивать монархическое правление с правлением хорошего царя — это значит жестоко ошибаться. Чтобы видеть, что представляет собой это правление как таковое, надо наблюдать его при ограниченном или злом монархе, так как таковыми взойдут на престол или престол таковыми их сделает» [221].

Не забудем, что мы имем дело с политической программой демократии XVIII в. Впрочем, буржуазная революция, по словам Ленина, «есть именно такой переворот, который всего решительнее сметает остатки старины, остатки крепостничества (к этим остаткам принадлежит не только самодержавие, но и монархия), который всего полнее обеспечивает самое широкое, свободное и быстрое развитие капитализма» («Две тактики социал-демократии в демократической революции». — Соч., т. 9, стр. 34). С этой точки зрения взгляды руссоистов, в том числе Марата, мы с полным основанием можем считать более революционными, чем взгляды Гольбаха.

Правда, мы знаем, что Руссо предлагает примириться с любым правлением, даже с дурным. Руссо исходит в своих размышлениях из положения, которое является руководящим и для Марата в его рассуждениях о деспотизме. Мы имеем в виду главу «Общественного договора» «О праве сильного»: «Сильный никогда не бывает достаточно сильным, чтобы оставаться всегда господином,

если он не превращает силы в право и повиновения в долг» [222]. Марат попытался в своем памфлете показать, как деспотам удается добиться добровольного подчинения народа и каким путем революционное меньшинство организует свою пропаганду в массах для прояснения и освобождения народного сознания от власти этого права.

Высказанное положение приводит Руссо к следующему дополнительному выводу: сила не производит права, повиновение обязательно только по отношению к законным властям. Народ, пришедший к этому выводу, таким образом отказывается от добровольного повиновения деспотизму и тем самым обретает собственную силу для борьбы с узурпаторами власти. Идя по этому пути, один из наиболее блестящих представителей политической мысли руссоистской школы кануна революции, Мабли, развил взгляды Руссо. Он в своем учении своеобразно сочетал руссоизм и ряд положений Монтескье. Всех тех, кто превозносит деспотизм и видит в нем «собственника всенародной власти», Мабли спрашивает, почему деспотия разоряет народы. Положение о том, что «легальный деспотизм абсурд», он проводит в гораздо более категорическом смысле, чем Гольбах, и отрицает возможность исключений из этого правила [223]. Мабли подробно останавливается на анализе китайской монархии. Он отрицает самый факт материального благополучия империи и в отличие от Монтескье и Рейналя показывает нам варварство страны. Мабли готов даже признать, что в отдельных случаях все те чудеса, которые пишут о Китае, имеют основание, но он отказывается объяснить это преимуществом деспотического образа правления. Стоит только ввести этот режим в любой европейской стране, чтобы ее разорить [224].

Эта критика деспотизма со стороны представителя демократической школы связана с его анализом социальных отношений деспотии; последняя зиждется на глубочайших противоречиях интересов богатых и нищих. Мабли видит характерную особенность современной ему эпохи в разделении граждан на различные классы, которые не имеют ничего общего между собой и чьи нравы, принципы и предрассудки враждебны друг другу. Какие же, однако, политические выводы делает он из своего анализа? Выводы эти в духе Руссо. Мабли остается врагом революции, он в лучшем случае мечтает о реформе, проводимой мудро и вовремя [225]. Он не оставляет и мечты о мудром правителе. В лекциях «пармскому властелину» он подчеркивает, что отнюдь не предлагает «смешивать все звания» и тем более не дерзает говорить о «черном переделе земли» для установления равенства имуществ. Мабли зовет, по его собственным словам, к примирению, к согласию с богатыми, он призывает к примирению классов. То равенство, о котором мечтает Мабли, есть равенство прав. Все граждане в государстве должны пользоваться одинаковым уважением. Третье сословие должно уважать знатных, а последние должны в лице буржуа и крестьян защищать человечество и чтить звание свободных граждан. Идя по этому пути великих реформ, правители изгонят нищету и кричащие излишества богатства в обществе. Труд будет доставлять каждому человеку честное существование, и отец семейства больше не будет видеть своих детей умирающими с голода. Избежать революции можно будет в том случае, утверждает Мабли, если властители будут твердо помнить, что они администраторы, а не хозяева нации.

Этот путь примирения, путь разума гарантирует народам свободу, которой они не могут добиться в революционном восстании против деспотизма. «История, — заявляет Мабли, — знает множество попыток народов изменить свое тяжелое положение, но, не зная, какой путь приведет их к добру, о чем они не имеют ясного представления, они не могут проявить достаточной твердости и упорства в своих попытках. Их судьба остается без изменения, и революция не достигает результатов» [226].

Сочетание различных элементов в учении Марата не лишает его основных характерных особенностей социально-политической философии мелкой буржуазии. Но очевидно, что отдельные элементы, сближающие рассуждения Марата с тем или другим из политических мыслителей-классиков XVIII в., не уничтожают всего своеобразия его взглядов. В Англии Марат издавал свою книгу почти нелегально. Однако ему не пришлось прибегать к эзоповскому языку и к образцам восточной деспотии. Он говорит почти исключительно о европейской монархии, не только об абсолютной, но и о конституционной (английской). Подобно Руссо, он относится безразлично к форме правления; под республикой он понимает «царство закона», но — в отличие от Гольбаха — царство демократического закона. А с этой точки зрения всякий вид самовластия — монархия или деспотия — неприемлемы.

Но для Марата важно не только отождествление всякого единовластия с деспотией. Самое интересное и исторически ценное в его памфлете — это анализ тех путей и средств, которые неизбежно ведут народ к рабству в государстве, где правители — всё, а подданные — ничто. Законы и нормы теряют всякое значение там, где политическая мощь и богатство диктуют народу свою волю. Конституционная Англия, республиканская Швейцария, самодержавная Франция и Германия равно не знают свободы и народоправства, повсюду массы обездолены и угнетены, повсюду у них нет иного выхода,

кроме восстания. Правда, восстание не всегда гарантирует народу благоприятный выход без опыта и руководителей; потерпев поражение в гражданской войне, народ станет жертвой своих господ, и деспотизм восторжествует. Но сомнения Марата в отличие от принципиальных возражений Руссо и Мабли не отбрасывают революцию, а зовут массы готовиться к ней, подготовлять себя к грядущим великим событиям, воспитывать себя в духе революционных принципов. Будет ли народ способен возвыситься до задач революции? Марат не знает этого, он сомневается в этом, но к этому он стремится; основную задачу народа он видит в неизбежном революционном взрыве против всякого самовластия за права народа-суверена, за равенство и материальное благополучие широких масс против привилегий и излишеств знатных и богачей; он убеждает нас в этом каждой страницей своего памфлета «Цепи рабства».

Не видеть в этом отличия взглядов Марата от классиков XVIII в., не чувствовать во всем этом оригинальности Марата — значит изучать историю вслепую, пользуясь не микроскопом, а телескопом. Из «революционного акцентирования» руссоистских принципов родился м а р а т и з м — мелкобуржуазная теория революционной диктатуры конца XVIII в. Это мы должны твердо помнить, когда говорим об «оригинальности» социально-политических взглядов Марата накануне революции. В великом споре между руссоистами и просветителями, идеологами буржуазного общественного мнения, взгляды Марата как результат наблюдений и опыта политической борьбы передовой Англии, как более революционный вывод из анализа социальных отношений XVIII в., при всем их своеобразии, в основном совпадали, повторяем, с той классовой позицией, которую занимали руссоисты — представители оппозиции просветителям.

12

Дополнением, точнее, второй стороной мировоззрения Марата служили его философские взгляды, изложенные им в трактате «De l'Homme». В своей первоначальной форме работа эта появилась в Англии в 1772 г. под названием «Essay on the Human Soul». Через год эта книга составила главу трактата «Essay on Man»; спустя некоторое время та же работа была в трех частях издана в Амстердаме на французском языке под названием «De l'Homme» (1775—1776) [227].

Как утверждает Марат, попытка доставить книгу во Францию встретила ряд затруднений. Она была задержана в таможне, и автор готов был предполагать, что здесь не обошлось без интриг враждебных ему философов. В какой мере это

соответствует действительному положению дел, мы судить не можем, но сообщение о задержке книги таможенными чиновниками, как показывают некоторые документальные данные, имело место [228].

В своем большом философском трактате Марат пытается на широкой базе анатомических, физиологических и психологических теорий разрешить вопрос о взаимном влиянии души на тело и тела на душу. Взгляды Марата, как мы увидим дальше, отражают как раз то положение дел в истории философии, о котором писал Маркс в «Святом семействе». В то время как материализм XVIII в. в лице врачей Леруа, Кабаниса и Ламетри победил метафизику XVII в., Марат остается на перепутье. Падение метафизики XVII в. было результатом буржуазного развития. «Жизнь эта, — как писал Маркс, — была направлена на непосредственную действительность, на мирское наслаждение и мирские интересы, на *земной* мир. Её антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. Метафизика *практически* потеряла всякое доверие» [229]. Но идеологи мелкой буржуазии — класса, которому угрожал прогресс капитализма и чьи революционные взгляды питались двойным источником прошлого и будущего, — находились в оппозиции к торжествующей материалистической жизни и ее философии; философы мелкой буржуазии б ы л и и д е а л и с т а м и или занимали э к л е к т и ч е с к у ю позицию.

В великом споре двух философских школ — идеализма и материализма XVIII в. — Марат попытался занять промежуточную позицию. Но для нас, после ленинской книги «Материализм и эмпириокритицизм», очевидно, что эта эклектика не есть «золотая середина». Для каждой эклектической системы характерна некая общая установка, свидетельствующая о торжестве той или другой основной системы взглядов. Взгляды Марата с этой точки зрения в конечном счете примыкают к и д е а л и з м у, к системе взглядов, которую Ленин характеризует словами Дидро: «*Идеалистами* называют философов, которые, признавая известным только свое существование и существование ощущений, сменяющихся внутри нас, не допускают ничего другого. Экстравагантная система, которую, на мой взгляд, могли бы создать только слепые! И эту систему, к стыду человеческого ума, к стыду философии, всего труднее опровергнуть, хотя она всех абсурднее» [230].

Марат в своем филосовском трактате, как анатом и физиолог, как врач, выступает перед нами со своими материалистическими взглядами; но как философ он всецело остается в сетях идеализма, хотя возражает против Беркли и Юма. Перед

неразгаданной им загадкой «души» он сдает свои материалистические позиции, чтобы в конечном счете в вопросах религии выступить с антиатеистической проповедью. Во вступлении к трактату автор заявляет: «До сих пор анатомы рассматривали телесную сторону человека, философы — его мыслящую сторону; человека же в целом должен изучать врач» [231]. С этой точки зрения он воздает должное Ламетри, который после Декарта, казалось бы, выполнил задачу. Книга Ламетри не была понята, ей дали ложное толкование, она была в известном смысле использована атеистами и не без основания, потому что автор трактата «Человек-машина» создал такую систему взаимного влияния души на тело, в которой материя считается основной субстанцией всех свойств человека, физических и духовных [232].

Не справился с задачей и Монтескье, пишет Марат. Что же касается Гельвеция, то против его взглядов и его трактата «De l'Homme» Марат направляет всю силу своих доводов. Возможно, что Гельвеций кое-что понимает в вопросах организации человеческого тела, но его книга соткана из софизмов, рассуждения о человеке представляют собой непроходимый лабиринт, как и взгляды Юма, Паскаля и Вольтера. А почему? «Потому что вместо того, чтобы избрать опыт своим путеводителем, вместо того, чтобы исходить из хорошо поставленных наблюдений и на этой основе построить общую систему взглядов таким образом, чтобы все явления были логическим выводом из данных опыта, философы поступили наоборот: они изобрели системы, к ним притянули факты и, таким образом, как бы подчинили природу своим взглядам» [233].

Приступая к анализу человека, Марат рассматривает его со стороны физической как машину и требует от исследователя в этом смысле должной точности при изучении физиологических явлений. Самую «душу» он рассматривает как анатом и, анализируя ее действия, требует учета почвы, климата и жизненных условий существования человека. В той части книги, в которой он анализирует человека как животное, автор предполагает отдельно рассмотреть особенности тела и души, их различные функции, порядок, который существует в механизме тела и способностях души. При этом Марат категорически утверждает, что душа и тело две различные субстанции [234]. Чувствительность мы находим во всех частях тела, но душа не совпадает с этой чувствительностью. Он ищет места, где эта душа расположена. Это место он находит в мозговой оболочке, в соответствующей части мозговой коры (les meninges).

Наш философ утверждает, что нет возможности установить, как действует одна субстанция на другую. В конце концов мы не знаем сущности явлений, мы знаем только их взаимную связь. Марат повторяет тем самым Беркли. Он ограничивается затем рассуждениями о флюидах нашей нервной системы, которые устанавливают связь между физическими и духовными отправлениями организма. Мозговая кора является фильтром этих флюидов, а мозжечок — их резервуаром [235].

Переходя к разрешению вопроса о способностях души, он отмечает ее чувствительность, ее способность к размышлению, память, волю, инстинкты. Врожденные чувства, вроде заботы о самом себе и материнской любви, являются для него первичными в анализе душевных способностей человека. Разум и фантазия порождают идеи физические и моральные. Для Марата память, суждения и желания — чисто духовные понятия. Он придает в своем учении о душе огромное значение страстям, в основе которых лежат любовь и ненависть. Здесь Марат снова вступает в спор с Гельвецием, который защищает положение о телесности страстей [236].

Характерно в этом смысле дальнейшее рассуждение Марата о героях, которые в своих поступках руководствуются стремлением к славе. В учении Марата о страстях это рассуждение о стремлении к славе занимает видное место. Соответственно решающее значение придается им воле, которая, по словам Марата, руководит способностью суждений и определяет систематизацию мысли. Любовь к славе и отечеству концентрирует страсти в едином великом устремлении, подобно тому как ручьи сливаются в единый поток, сметая все на своем пути, образуя господствующую страсть и тем самым создавая условия для сопротивления всем остальным страстям [237].

Во втором томе книги, «Рассуждения о взаимном влиянии тела и души», Марат говорит о параллелизме и взаимозависимости явлений. Марат обращает внимание на то, что власть души над телом менее постоянна, в то время как тело влияет на душу перманентно: «Влияние души на тело мгновенно и — что самое замечательное — тело не подчинено душе в целом, а исключительно только отдельным ее движениям» [238]. В дальнейшем он шаг за шагом показывает, как то или другое состояние тела влияет на душу. Автор продолжает: «Подобно двум гармоническим машинам, они целиком зависят друг от друга» [239]. Больше того, даже моральное лицо человека зависит от его физической организации: «Человек с холодной душой является существом без добродетели, трупом, в котором не найти ни огня, ни тепла, ни жизни. Наоборот, бурные страсти единственно возвышают человека над его ограниченностью и делают даже из негодяя Цезаря и из труса героя. Благодаря страстям удается преодолеть страх. По существу страх смерти делает человека героем, этот страх смерти, побуждающий

к героическим поступкам, нередко принимают за храбрость» [240].

В третьем томе Марат, подводя итог своим рассуждениям, снова говорит о теле и душе как о самостоятельных механизмах, уделяя большое внимание теории кровообращения. При этом отметим, что, шаг за шагом излагая свои взгляды, он невольно вскрывает внутренние противоречия своей эклектической позиции. Марат точно определяет свои философские симпатии, когда критикует Гельвеция, называет непоследовательным Вольтера и в конце книги обращается к Руссо, чтобы Жан-Жак силой своего таланта помог ему изобразить величие мира.

Нам нет необходимости входить в подробности анализа высказанных Маратом взглядов: их близость к идеалистической концепции не подлежит сомнению, несмотря на то, что, как врач и физиолог, наш философ всецело находится в фарватере материализма современной ему эпохи.

Книга обратила на себя внимание в свое время, о чем свидетельствует ряд опубликованных данных. Сам Марат вынужден был позднее, защищаясь в споре с представителями академического мира, ссылаться на эти доказательства. Шевремон опубликовал соответствующие документы в приложении ко второму тому своей биографии Марата [241]. Так, в письме Ла Рошетта, отказавшегося высказать свое суждение об анатомической части работы Марата, — единственно ценной, прибавим мы от себя, — мы читаем, что система изложена автором столь популярно и просто, что дает возможность даже непосвященным составить себе ясное представление о предмете. Что же касается второй, философской части книги, то в ней Ла Рошетт приветствует свободу критики господствующих взглядов, которую Марат, по его словам, взял на себя.

Мы имеем другой, более интересный, документ — письмо лорда Литтлтона, видного английского ученого, который заявляет, что он не может не воздать должного знаниям и таланту автора [242].

Но были и другие, резко отрицательные, суждения и прежде всего часто цитируемый отзыв Вольтера. Вольтер издевается над попыткой неизвестного автора бороться против авторитетов, над его попыткой отыскать «местожительство души». Характерны, однако, заключительные строки рецензии, составляющие центр тяжести отзыва, в котором Марат назван арлекином. Вольтер пишет: «Забавно, что врач цитирует два романа — «Элоизу» и «Эмиля», а не Бэргава и Гиппократа. К сожалению, так поступают очень часто в наши дни» [243].

В этих словах мы имеем указание на то, что критика была направлена не столько против неудачной работы Марата, сколько против него как ученика Руссо. Это был спор двух философских школ своего времени.

Через 16 лет К. Демулен напомнил Марату мнение Вольтера. Марат ответил ему, что «маркиз из Фернея» обиделся на него за то, что он поставил его на свое место. Впрочем, Вольтер поступил подобным же образом с Монтескье и Руссо. Попытка Марата добиться помещения ответа на рецензии не увенчалась успехом [244].

Биографы, за редким исключением, прошли, однако, мимо другого, в известном смысле более правильного, суждения, которое дает о книге Марата Дидро. В его «Элементах физиологии», написанных в 1774—1780 гг., в разделе «О человеке» мы читаем следующие любопытные строки: «Один довольно талантливый человек начал свою книгу следующими словами: человек, подобно всякому животному, состоит из двух различных субстанций — души и тела. И если кто-нибудь отрицает это положение, то не для него написано все дальнейшее». Он решил закрыть книгу. — «Ах, чудак, — добавляет Дидро, — если я только допущу существование этих двух различных субстанций, то тебе нечему уже учить меня. Ведь ты не знаешь, что представляет собой та субстанция, которую ты называешь душой. Еще меньше знаешь ты, как соединить обе субстанции, и точно так же, как они действуют друг на друга» [245].

Дидро, однако, не ограничился этой анонимной характеристикой. В своих «Элементах физиологии» в разделе «О душе» он ссылается на Марата: «Марат не понимает того, что он утверждает, когда говорит о действии души на тело. Если бы он присмотрелся к этому внимательнее, то он заметил бы, что действие души на тело есть действие одной части тела на другую. Так же как действует тело на душу, соответственно действует одна часть тела на другую» [246].

Мы не могли бы ничего прибавить более со своей стороны для характеристики философского трактата Марата, кроме следующих слов Дидро: «Насколько автор ясно, определенно и точно выражается в своей главе о действии тела на душу, настолько он слаб и расплывчат в следующей главе».

Дидро, как мы видим, поднялся над иронически-издевательским тоном Вольтера и определил сущность эклектической позиции автора. Мы видим, таким образом, что, как ни пытались старые апологеты, биографы Марата, освободить своего героя от сложившегося в свое время, правда, по другим мотивам, обвинения будущего революционера в философском эклектизме, обвинения, сформулированного еще Мишле, оно не теряет своей силы и в наши дни. Бужар, а с ним и все демократы XIX в., выступавшие на защиту Марата, в своих философских взглядах сами оставались в конце концов мелкобуржуазными эклектиками [247].

14

С момента появления Марата на континенте начинается его собственно научная деятельность, которая продолжалась более десятилетия накануне революции и создала ему большую известность. Чтобы понять позже те споры и ту ожесточенную борьбу, которую Марат вел с французской Академией наук и со всем официально признанным ученым миром, чтобы понять ту борьбу, которую он вел с передовой буржуазно-материалистической теорией, следует сделать несколько кратких замечаний о состоянии науки во второй половине XVIII в. Лондонская и парижская академии процветали в это время; наряду с берлинской они вскоре стали центром научной мысли европейского мира. Математика как формально логическая наука переживала глубокий кризис; Эйлер и Лагранж были ее блестящими представителями. Лагранж почувствовал даже отвращение к математике и готов был заняться химией как ученик Лавуазье, но революционные события вернули его назад, на путь математических исследований. Математике вскоре открылись широчайшие горизонты в ее приложении к физике.

Практический характер наук приобретает все более и более решающее значение, ученые обсуждают теперь все, что касается устройства кораблей, лучшей формы парусов, морских приливов и отливов, движения планет и, таким образом, наряду с практикой, двигают вперед и теорию. Преобладающее положение приобретала в физике школа Ньютона, хотя правда, взгляды последнего нередко встречали оппозицию в рядах руссоистов. Вольтер во Франции служит провозвестником и пропагандистом учения великого английского физика о мировой системе. Идя по этому пути, Даламбер в трактате о динамике создал аналитическую механику и способствовал торжеству материалистических идей. Астрономические наблюдения той эпохи должны быть отмечены историей как дата расширения человеческого кругозора. Наблюдения Лаланда окончательно установили расстояние между Землей и Луной и двинули вперед попытку определения дистанции между Солнцем и Землей через наблюдения за движением Венеры. В 1761 и 1769 гг. предполагалось возможным наилучшее наблюдение за прохождением Венеры. В одну из этих экспедиций, в Тобольск, и предполагал в свое время, как мы отмечали выше, отправиться молодой Марат.

Успехи математики и астрономии были тесно связаны с успехами в области физики. Изучаются не только общие вопросы физики: она распадается на ряд отдельных дисциплин, специально подвергаются исследованию звук, свет, теплота, магнетизм и электричество. В области света решающую роль,

как, впрочем, и в других областях, играет учение Ньютона; в области теплоты побеждает теория скрытого тепла, сформулированная шотландцем Блэком в 1762 г. Но особенно большие успехи делает в это время учение об электричестве. Многие пытаются доказать связь между магнетизмом и электричеством — против подобных утверждений позже, как мы увидим, выступал в своих работах Марат. Его опыты по электричеству, при всей их спорности, вызвали интерес Франклина, одного из величайших теоретиков и практиков физики.

В связь с этими открытиями нельзя не поставить и появление первой машины. Индустриальная революция связана была с рядом революционных открытий и изобретений в области науки. 5 июня 1783 г. во Франции братья Монгольфье, фабриканты бумаги, пустили первый воздушный шар, наполненный нагретым воздухом. Спустя несколько месяцев, 21 ноября, Пилатр де Розье первый поднялся на воздушном шаре, правда, неудачно. Причины его падения были в свое время разобраны и обсуждены Маратом.

Мы оставляем здесь в стороне работы химика Лавуазье. Его анализ процесса горения был огромной важности революцией в науке. Кавендиш в Англии пришел к параллельным результатам, и научно поставленная химия с этого времени начала свою историю.

Одновременно выступил со своей энциклопедией естествознания великий Бюффон; ему принадлежит идея о «непрерывности природы». Работы Бюффона сыграли немалую роль в распространении материалистического мировоззрения. Огромные успехи делает в эту эпоху и физиология. Работы Галлера, который был учеником знаменитого врача Бэргава, стали «энциклопедией анатомии и физиологии». В медицине велась борьба между материалистами и идеалистами, как и во всех других отраслях науки. Эта отрасль знания постепенно вступала в разряд систематически разрабатываемых естественных наук.

Характерной, однако, особенностью развития наук в XVIII-в. является то, что каждая научная теория выступает одновременно как философская теория. Вот почему каждый философ в ту эпоху выступает как естествоиспытатель. Не только врач Марат, но и журналист Бриссо заняты организацией опытов в области физики и химии. И, как совершенно правильно отмечает один историк, «ученый XVIII в. мог не быть всеведущим, но, признавая себя наследником древних философов, он считал себе подвластными все философские вопросы». Отсюда возникшая в середине века идея великой «Энциклопедии». «Энциклопедия» Дидро и Даламбера должна была не только объединить все существующие знания своего времени, но и фило-

софски обобщить эти знания и тем самым сформулировать основы нового мировоззрения.

Мировоззрение это складывалось в революционной борьбе передового класса буржуазии против традиций прошлого и против оппозиции мелкой буржуазии. Если академии наук некоторое время и способствовали распространению знаний — основы нового мировоззрения, — то вскоре они превратились в тормоз научной мысли. Еще Спиноза в «Политическом трактате» писал: «Академии, основываемые на государственный счет, учреждаются не столько для развития умов, сколько для их обуздания. Напротив, в свободном государстве науки и искусства достигают высшего развития тогда, когда каждому желающему разрешается обучать публично, причем расходы и риск потери репутации — его личное дело»[248]. В этих словах мы находим ключ к борьбе с академическим миром, борьбе, которую Марат упорно вел примерно с 1780 г. Что эта война была не только личным делом Марата, свидетельствуют показания Бриссо. Последний рассказывает в своих мемуарах, как он присоединился к Ленгэ в его спорах с академическим миром, не порывая при этом с энциклопедистами. Ленгэ не без основания говорил об академиках: «Они обладают хорошим желудком, но плохим сердцем».

С этим миром столкнулся Марат, когда начал свою научную деятельность. Характерные особенности личности Марата Бриссо видит в фанатизме и упорстве. В 1780—1783 гг. Марат готов был все отдать для науки и борьбы с Академией. Философы и ученые игнорировали его опыты; они не обращали внимания на то ценное, что было в его исследованиях по электричеству, теплу и свету. Похвалы Франклина были исключением. Великий американец, утверждает Бриссо, заявил в его присутствии: «Он неутомим в труде и искусен в деле постановки опытов». Защите Марата от притеснений академий Бриссо посвятил одну-две главы своего трактата «De la Vérité» — этой своеобразной работы дилетанта-философа «об истинно-научных методах определения истины в различных областях знания»[249]. Академии наук мешают прогрессу знаний, эти учреждения напоминают избирательную аристократию, писал Бриссо, в то время как научная организация должна напоминать республику. Академии формируют общественное мнение в научных вопросах и преследуют всякое нововведение. Собрание посредственностей объявляет один век «веком Ньютона», другой — «веком Декарта», оно грозит смертью всем инакомыслящим. В академиях на верхах царит деспотизм, а в низах — рабство; их знамя — деспотизм непогрешимости. Бриссо приводит разительный пример — судьбу работ физика Марата, философии и научным опытам которого необходимо воздать должное[250]. Но судьба Марата в академиях не удивительна. Ведь даже Бейль, Гельвеций, Рейналь и Руссо немало терпели от их произвола. Академии — царство интриги.

Свои аргументы в защиту Марата Бриссо подробнее излагает в отдельной главе «Du préjugé académique»[251]. Между «скептиком» (псевдоним автора) и «геометром» (Лаландом, одним из врагов Марата) развернулся спор о Ньютоне, спор, в котором ученый академик отказывается даже знакомиться с опытами Марата о свете, потому что последний имел «наглость» задеть Ньютона: «Видели ли вы опыты Марата? Нет! Знакомы ли вы с ним? Нет! Слушали ли вы его? Нет!» В лице Марата Бриссо защищает жертву касты ученых. О том же писал Гёте в своем «Учении о цветах», когда утверждал, что академики третировали Марата за то, что он посягнул на общепринятые истины[252]. В таких условиях развитие научной мысли невозможно. Бриссо видел в Марате не только жертву научной касты, но и борца за свободу науки.

О том, что отношение Бриссо к Академии наук было не его личным делом, наилучшим образом свидетельствует сам Марат в своей брошюре «Les charlatans modernes», опубликованной 9 сентября 1791 г.[253] О выходе ее в свет он объявил на страницах газеты за год до этого, в августе 1790 г., когда принял участие в обсуждении закона о реформе Академии после дебатов Национального собрания 14 августа 1790 г. Сам он в напечатанном отрывке из будущей брошюры отмечает, что она была им написана еще задолго до революции[254].

Марат считает себя вправе выступить с разоблачением академического шарлатанства в век, который называет себя веком философии, в среде нации, которая считает себя свободной. Он сомневается в том, что его столетие заслуживает название «века философии». Наука из серьезного дела жизни стала модой. «Вопреки утверждениям философов наших дней, — пишет он, — в сфере человеческого разума нет прогресса». Отношение к науке подчинено интересам отдельных классов населения, оно соответствует их положению. В низших классах общества знание сводится к нескольким механическим приемам и средствам избавить себя от нищеты. В среднем классе знание заключается в какой-нибудь профессии, в каком-нибудь ремесле или в какой-нибудь научной специальности, наконец, в средствах ловко пользоваться выгодами. Что касается высших классов, то для них наука сводится к искусству нравиться, преуспевать, наслаждаться, не говоря уже об искусстве изворачиваться[255].

В лучшем случае наука является в век эгоизма достоянием одиночек, «учителей человечества». «Но на одного мудрого, — восклицает Марат, — сколько пустых и поверхностных лю-

дей!» Странно, что в век философии, когда люди гордятся своим безверием, они веру в бога заменили верой в черта, они смеются над мучениками, но чтят магов, они издеваются над таинствами, а боятся авторитетов, они считают себя свободомыслящими, а сплошь и рядом выступают как фанатики, иронизирует Марат.

Каста ученых превратила науку в жонглерство, естественный человеческий язык — в бессмысленный жаргон, и часто наименее понятные произведения пользуются наибольшим успехом.

Марат ополчается на широко распространенную в его эпоху графоманию. Толпы невежественных литераторов безостановочно марают бумагу, выступая по всем вопросам физики, естественной истории и химии; они служат препятствием к подлинному прогрессу науки. Шарлатаны — это не только популярный Месмер и Калиостро, но и те, кто «всегда среди нас, всегда бегают по кружкам, одурманенные фимиамом славы, раскормленные правительством и пожирающие в празднествах и наслаждениях жизнь несчастного ремесленника и бедного пахаря». Все они поддерживают огромное количество бесконечно противоречащих друг другу систем, заменяя критику взаимным прославлением и одами в честь прогресса разума и царства истины.

К шарлатанам Марат причисляет физика Вольта и знаменитого химика Лавуазье. Высоко ценя экспериментальный метод, которым пользуются естествоиспытатели, он заявляет, что тщетно искать в их работах строго проверенного опыта. Шарлатаны от науки часто под опытами подразумевают десять тысяч мелких фактов, которые нагромождены у них на все лады и из которых почти всегда делаются противоречивые выводы. Большинство этих работ не имеет своих основных твердых принципов, достоверных законов и даже точных выводов. Все их открытия сводятся к «смешению вещей», затемняют выяснение природы вещей.

Критика Марата перерастает, таким образом, личную неприязнь, она принимает характер своеобразного классового конфликта. Речь идет о различной оценке не только науки, но и научных деятелей и, если так можно выразиться, всей научной организации XVIII в. «Легион ученых, утверждает Марат, находится на содержании правительства, и траты на них несоразмерны с успехами науки». Парижские академии стоили в десять раз больше накануне революции, чем в начале века. Один праздный академик получает несколько пенсий, из которых каждая могла бы содержать подлинного работника науки, трудолюбивого литератора. Звание академика есть должность без обязанностей, с ней связаны только крупные гонорары.

Что же дают эти академии и зачем они нужны? Не подлежит сомнению, что они нарост на великой державе, предмет роскоши для монархии. Но эти наросты нередко приводят все тело к истощению. Подлинная наука и трудолюбивый научный работник не нуждаются ни в больших гонорарах, ни в звании и чинах. Простая белая лента принесла бы больше пользы в смысле поощрения науки, чем все золото мира. Если ученому и необходимы средства, чтобы свободно работать, «пусть его пенсия сведется к самому необходимому и пусть выданная ему небольшая сумма даст ему возможность запастись необходимыми инструментами. Давать ему больше — значит не достигать цели, значит удушать таланты, вместо того чтобы поощрять их».

Марат снова и снова подчеркивает социальную сторону вопроса: «Десять тысяч ливров, предоставленные одному человеку, академику, ввергают в отчаяние двадцать семейств, чьи отцы вынуждены оставить соху и поджидать прохожих на опушке леса, чтобы иметь кусок хлеба для своих детей» [256].

Мы вынуждены ограничиться в дальнейшем краткими замечаниями об этом в высшей степени интересном документе. Отметим только, что в брошюре Марата приводится ряд примеров, даже точнее, портретов паразитов от науки. Одни из них, кичась своим званием, бегают с заседания на заседание, из театра в оперу, другие вкрадчивым голосом ублажают финансовых контролеров и, увеличивая свои богатства, обеспечивают себя каретой, любовницей и замком — все это за счет общества, и т. д.

Что делать обществу, чтобы организовать подлинно полезную научную работу? Рассуждая на эту тему, Марат прежде всего обращает внимание на распыленность научного исследования. В разработке наук царит неурядица, потому что отдельные научные дисциплины разрабатываются разными методами. Физики, химики, анатомы и философы — каждый работает в своем собственном углу, что не дает возможности создать единую законченную систему мысли — задача, которую должны были бы выполнить академии наук, если бы они соответствовали своему названию. Вульгарные академики, презирающие новизну мысли, не могут объединить научные исследования в духе своего времени.

Говоря об организации научных работ, Марат выступает в духе XVIII в. защитником индивидуалистического принципа разработки научных проблем. Он считает, что подлинный ученый должен работать не только по своей узкой специальности, но и в целом ряде смежных дисциплин. Правда, для него очевидны все вытекающие отсюда затруднения. Индивидуалистический принцип работы лишает человека содействия и

помощи его собратьев. «Но не забудем, — замечает Марат, — что несправедливое отношение к научным исследованиям со стороны толпы, печальная судьба гениальных людей — таков рок истории».

Академии объединяют пустых, ограниченных людей, особенно в странах, где печать не свободна, где интриги заменяют таланты и где правительства неспособны отыскивать достоинства и даже не в состоянии отличить их; академии становятся центром предрассудков, они выступают против всяких новшеств и ведут открытую или глухую борьбу против блестящих научных исследований. Марата не может обмануть и то, что академии раздают премии для практических открытий. Он замечает, что за последнее время были вскрыты ошибки Ньютона в оптике, но это не помешает еще много десятилетий преподавать в школах все то же без исправлений. Это было бы неудивительно для школы, но поразительно для академий, которые объявляют один век «веком Декарта» и преследуют все, что противоречит его системе, а другой век — «веком Ньютона», провозглашая непогрешимым все, что сказано этим автором.

Как мы видим, утверждения Марата совпадают с тем, что говорит Бриссо. Марат, как и Бриссо, разоблачает деспотизм академий, органически связанный с деспотизмом монархии. Больше того, он доказывает, что великие просветители — Вольтер, Даламбер, Дидро — в своей деятельности опираются на самодержцев, на Фридриха II и Екатерину II. «Монтескье, Руссо, Бюффон умерли, Даламбер и Дидро занимают их место», — с горечью замечает Друг народа.

Его пессимизм идет дальше. Как теоретик мелкой буржуазии, ненавидящий богатство и торжество богатых, он приходит к печальному выводу: «Все в жизни проституция. Государь проституирует власть, министры — авторитет, судьи — справедливость, ученые — науку и философы — разум»[257].

В этой обстановке неудивительно, утверждает он, что материалисты торжествуют, неудивительно, что Вольтер, Даламбер, Лагарп, Мармонтель объединенными силами убили Руссо, «который был бы самым великим человеком нашего века, если бы не существовало Монтескье». Но, убив Руссо, они не смогли уничтожить его славу, — она вечна. «Ему мы обязаны, — утверждает Марат, — революцией, которая ныне подготовляется в сфере управления; если бы этот славный философ вернулся к жизни, он торжествовал бы при виде того, как плодотворны для нас оказались его уроки. Если бы смерть не унесла Вольтера, Даламбера и Дидро, свидетелей его триумфа, они умерли бы от огорчения».

Характерно, что в своей защите Руссо Марат готов в духе широко распространенной среди руссоистов легенды утверждать, что «Исповедь» Руссо была подделана энциклопедистами.

Итак, борьба с академиями связана у Марата с борьбой против господствующих научных взглядов, против буржуазных мыслителей, завоевавших господствующее положение в научном мире XVIII в. «Взятые как коллектив, — снова и снова повторяет он, — академии должны быть примером, но в действительности они только общество людей суетных и гордых тем, что собираются два раза в неделю, чтобы вдоволь поболтать. . .».

Академии во Франции дали мало науке, но зато они собирались за последние годы — Марат точно подсчитал — 11409 раз, выдали 380 похвальных отзывов и высказали 3956 одобрений как относительно новых рецептов румян, помады для волос, мозольного пластыря, мази против клопов, так и наиболее употребительных форм накладных волос и т. п. Это дает им основание на обширных заседаниях хвалить друг друга, третировать своих же собратьев как последних проходимцев. Не они ли называют Кондорсе «великим», а в кулуарах говорят о нем как о литературном проходимце, превозносят Лавуазье и злословят о нем как о завсегдатае веселых домов, славят Лаланда и называют его грязным мужиком?

Таковы печальные итоги, к которым пришел Марат после десятилетий упорной научной работы во Франции. Но, как мы отмечали выше, эта оценка академий и научного мира в основных чертах совпадает у него с оценкой Бриссо и имеет основания, о чем свидетельствует вышеприведенное замечание Гёте[258].

Научная организация соответствовала быту и нравам старого порядка во Франции. Разложение монархии не могло не вызвать разложения научной организации феодального общества. Выступление Марата не является поэтому результатом личной неприязни, оскорбленного самолюбия, о чем много и пространно пишут реакционные историки. Его оценка научной организации характерна для позиций той части мелкобуржуазных мыслителей, которые выступили на борьбу не только со старым обществом, но и с буржуазными просветителями; последние сумели и до революции, в обстановке феодализма, стать законодателями научной мысли XVIII в.

15

О первых попытках публикации научных работ Марата мы упоминали выше, когда писали о его пребывании в Англии. К этому времени относятся его первые медицинские работы:

одна о средствах лечения глазных болезней, другая о венерических заболеваниях [259].

Марат излагает результаты лечения электричеством одного из его больных, которому грозила слепота. Кабанес приводит отзыв специалиста-окулиста, который утверждает, что все то, что Марат писал об астигматизме, «заслуживает быть отмеченным и подчеркнутым», потому что в продолжение значительного периода времени его практические предложения соответствовали наилучшим достижениям медицинской науки. Больше того, эксперт-окулист утверждает, что медицинские сочинения Марата — наиболее ранние из его научных произведений — свидетельствуют о значительных его способностях как врача больше всего в области терапии. Марат безусловно обладал большими познаниями в области патологии, физиологии, физики, оптики и электричества в их применении к медицине.

То же приходится сказать и относительно его работ о венерических заболеваниях, работ, которые, по отзыву специалистов, не являются оригинальными трудами, но свидетельствуют о большом опыте и познаниях врача.

Необходимо отметить, что те же медицинские вопросы были освещены не только в книгах, но и в письмах к маркизу Игнацио де Цукелли и опубликованы врачом-флорентинцем Гацциони в одном итальянском журнале за 1778 г., а годом раньше — во Франции, в «Gasette de Santé» [260].

Эти даты особенно важны для опровержения всяческих измышлений об «уголовном прошлом» Марата.

Медицинской специальностью Марата были, однако, легочные заболевания. Именно в этой области он в некоторых кругах Парижа получил прозвище «врача неизлечимых».

Мы ограничимся этими беглыми замечаниями о первых работах Марата и перейдем к его научной деятельности на протяжении последующих лет (1779—1789). Как известно, издание трактата «De l'Homme» относится к 1775—1776 гг. Но к этому примерно времени следует отнести и начало работ Марата над его первым трактатом «Об огне, свете и электричестве»; он был опубликован в 1779 г. и служит как бы началом его научной карьеры. Таким образом, в биографии Марата как ученого мы не находим перерыва.

Как мы знаем, за публикацией «De l'Homme» последовали дальнейшие работы как раз в тот период времени, когда, по мнению Фипсона, Марат был на каторге, а по достоверным историческим сведениям, занимал в Париже место врача графа д'Артуа. Позже, 20 ноября 1783 г., Марат в большом, огромного значения письме своему близкому другу Руму де Сен-Лорен, письме, известном нам только по копии, сделанной самим

Сен-Лореном для испанского министра Флорида-Бланка (Рум де Сен-Лорен уехал из Парижа в Мадрид, где хотел организовать академию при ближайшем участии Марата), он изложил «все то, что с ним произошло с момента его вступления на научное поприще» [261]. Мы отметим здесь наиболее важные данные этого письма, проверенные и подтвержденные рядом документов. Хулители Марата мешали Сен-Лорену добиться приглашения его в Испанию. «Кто же эти хулители? — спрашивает Марат и отвечает с глубокой горечью: Современные философы. . . Неужели я всегда буду мишенью для их стрел, — продолжает он, — только за то, что отказался из любви к истине от академических почестей, за то, что двигал вперед полезные знания, за то, что призывал к жизни многих из моих братьев, признанных неизлечимыми, за то, что всегда защищал добродетель? При этой мысли сердце мое возмущается». Он решил выступить с самооправданием.

Не забудем, что Сен-Лорен вручил это письмо графу Флорида-Бланка, возможно, для осведомления испанского короля. Марат сообщает в нем прежде всего кое-какие биографические подробности, говорит о своих ранних научных попытках, о том как с 18-летнего возраста его пытались привлечь на свою сторону «так называемые философы». Он уехал в Англию, стремясь посвятить себя наукам, и там написал свое первое произведение. «Оно, — с гордостью заявляет Марат, — было посвящено борьбе с материализмом. Вот начало моих бедствий!» — восклицает он.

После 10-летнего пребывания в Англии Марат возвратился в Париж, где занимался медицинской практикой, но шум, вызванный его врачебной деятельностью, принес ему не пользу, а вред. По мнению Марата, его успехи как врача объясняются прежде всего тем, что он был физиком и знание природы давало ему огромные преимущества перед остальными врачами. Быстрый глаз и уверенность в приемах были достигнуты тяжелой работой экспериментатора. Постепенно он решил, однако, отказаться от хлопотливой медицинской практики, чтобы всецело посвятить себя научной работе, и первый его трактат был об огне, в котором говорилось об огненной жидкости (fluide igné); «этот грозный агент природы» возбудил среди академиков, по словам Марата, беспредельное любопытство.

Работа эта была послана в Парижскую академию, а затем в Дижон, Берлин, Лондон, Стокгольм, и повсюду она вызывала большой интерес. Марат добавляет: «Если я не член Парижской академии наук, то только потому, что я об этом не заботился, если я не член Берлинской академии наук, то это потому, что этого не домогался, если я не член какой-нибудь

другой академии наук, то потому, что я от этого отказывался».

Комиссия Парижской академии в составе графа Мельбуа, Лерой, Сажа и других, ознакомившись в 1779 г. со 120 опытами Марата, заявила: «Не высказываясь окончательно по поводу того, что автор хочет утверждать в своем мемуаре об огненном флюиде, мы считаем его мемуар очень интересным по своей теме; он содержит целый ряд новых опытов, удачно и добросовестно поставленных, открывающих широкое поле для исследований физиков». Во французских журналах XVIII в. мы читаем: «Открытия Марата, касающиеся огня, создают эпоху в истории наук». Ассистент Марата аббат Филласье демонстрировал с успехом его опыты при большом стечении публики, несмотря на то, что Лавуазье уже пять лет как опубликовал свои открытия. Впрочем, как мы отмечали выше, даже Франклин готов был подтвердить, что видел «огненный флюид». В первой своей самостоятельной научной работе Марат, таким образом, не поднимается над научной мыслью своего времени; он не стоит на передовых для своего времени позициях буржуазной науки.

Одновременно Марат начал свои работы по свету, но если его первый трактат вызвал сочувственные отзывы Академии, то ко второй работе она отнеслась равнодушно. Академики отказались высказать свое суждение. Больше того, по словам Марата, к нему приходили некоторые видные члены Академии, допрашивая его, не собирается ли он вступить в ее ряды. При этом был приведен ряд случаев, когда академики, смело высказывавшие свое мнение, терпели немало обид от своих собратьев. Не ожидает ли и его подобная же судьба, не грозят ли ему тайные происки научных корпораций, если в дальнейшем он будет защищать свои собственные взгляды? «Мой ответ, — замечает Марат, — плохо понятый, был принят за презрительный отказ. Отсюда и начались преследования».

Посланная в Академию работа по крайней мере в продолжение семи месяцев подвергалась рассмотрению, три месяца пошло на составление доклада и не менее пяти месяцев на получение автором отзыва, а в заключение, как мы уже сказали, Академия отказалась высказать свое суждение. «И неудивительно, — подтверждает наш ученый, — признать истинность этих опытов значило бы согласиться с тем, что Академия в течение сорока лет защищала ложные принципы». Это прежде всего касалось физиков, геометров и астрономов. «Если этот человек прав, то что же делать с мемуарами Академии?» Академия, убежденная этим великолепным аргументом, закрыла глаза на очевидность. . .

За трактатом о свете последовали открытия Марата в области электричества; однако, несмотря на ряд благоприятных отзывов в европейской прессе, преследования со стороны ученых корпораций не прекращались. Далее Марат занялся специально той областью электричества, которая могла быть применима в медицине. Он выступил с критикой работ аббата Бертелона, для которого электризация была универсальным средством излечения от всех болезней. Свои взгляды Марат изложил в докладе, посланном на конкурс Руанской академии наук. Последняя предложила автору выяснить степень и условия, при которых можно рассчитывать на электричество при лечении болезней. Работа Марата была награждена премией. Марат, выступивший анонимно, замечает по этому поводу: «В конце концов этот маленький успех вас убедит, что даже и академии отдают мне справедливость, если я соблюдаю инкогнито».

Особняком стоят работы Марата, посвященные оптике, в том числе его перевод «Оптики» Ньютона, который был издан анонимно Академией и принят весьма благожелательно научной общественностью. Критика Ньютона Маратом вызвала ожесточенные нападки. Его критики утверждали, что он обещает «великие дела», но не выполняет ни одного из своих обязательств. Марата изображали честолюбивым интриганом, и он с горечью пишет: «Почти всю жизнь я провел в своем кабинете, никогда не создавал планов обогащения и никогда не брался ни за какое выгодное предприятие. Замечательно то, что в продолжение шести лет я отказывался от богатств, которые мог приобрести, практикуя свое искусство, исключительно из желания предаться наслаждению научных занятий».

Все его опыты, как бы они дорого ни стоили, делались на его собственный счет. Марат напоминает, что стремление к научной работе заставило его отказаться от приглашения русского министра, который звал его в Петербург, отказаться от предложения «одного северного монарха приехать в его государство и работать над физикой. Но чему удивляться? Мораль этих господ — мораль испорченных сердец». Совершенно в духе Руссо противник материалистов пишет: «Мои враги создали ужасный проект уничтожить религиозные ордена, истребить самую религию. Для того чтобы достигнуть успеха, эти безумцы отравляют источник полезных знаний и стремятся заполнить своими ставленниками все места в учреждениях народного просвещения. . . Я вижу только одно средство, чтобы предупредить эти бедствия, — обязать всех великих писателей высмеять апостолов современной философии» [262].

Приложенные к письму документы должны подтвердить приводимые Маратом данные; мы вернемся к ним при изло-

жении и характеристике его основных работ. Мы имеем в виду дать, конечно, только их суммарное изложение, не вдаваясь в анализ специальных тем. Физические и медицинские работы Марата ждут своего добросовестного исследователя.

В трактате об огне Марат пытался доказать, что материя огня менее тонка, чем материя света. Чтобы убедить в этом читателей, он путем примитивного инструмента, доступного всем, показал, что огненная жидкость может быть видима. Он укрепил «солнечный микроскоп» на внутренней стене темной комнаты, поместил в световой конус добела раскаленное ядро и показал то «новое начало, которое до сих пор было неизвестно». Это начало, по его мнению, не входит в состав лучей солнца, оно отлично от других флюидов. Марат, ознакомив Академию со своими опытами, получил одобрительный отзыв [263].

Еще больший интерес вызвали его работы о свете. Марат пытался при помощи небольшого прибора и очень простого инструмента разложить свет, не прибегая к прозрачной среде с кривой поверхностью, чтобы тем самым, по его словам, исправить выводы Ньютона и избежать неудобств призматического преломления лучей. Он сводит число цветов спектра к двум и трем и таким образом «значительно совершенствует теорию Ньютона о цветах, если не создает новой теории». В письме к Кондорсе от 26 апреля 1780 г. Марат напоминает о своей работе и поражается, что до сих пор Академия не спешит с выводами, хотя проверка опытов и была закончена 30 января [264].

Работа эта, как и ряд других, была переведена вскоре на немецкий язык, она издана в 1783 г. в Лейпциге переводчиком Вайгелем с его примечаниями [265]. В предисловии переводчик воздает должное научным заслугам Марата, он отмечает то значение, которое его работы имеют для науки, несмотря на то, что Академия воздержалась дать им свою оценку. В предисловии автор рассказывает о перипетиях борьбы с Академией, утверждая, впрочем, что каково бы ни было мнение этих научных корпораций, они не могут назвать «истину ложью, а ложь истиной». Марат призывает публику и ученых объективно высказать свое суждение о его новых научных опытах.

Имеет смысл несколько подробнее остановиться на истории взаимоотношений Академии наук и Марата в связи с оценкой его трактата о свете. 17 июня 1779 г. граф де Майльбуа сделал Академии сообщение о его новых открытиях, и Академией была назначена комиссия для проверки его опытов. Через два дня Марат в письме просит докладчика принять во внимание, что если он своими опытами и ослабляет теорию цветов Ньютона, то подтверждает его учение о причинах преломления. О своих опытах Марат пишет: «Они проливают необыкновенный свет на явления диоптрики,. . . которые когда-нибудь я применял

к усовершенствованию оптических и астрономических инструментов» [266].

Как мы отмечали выше, проверка представленного в Академию доклада затянулась на много месяцев. В процессе работы затерялась даже часть рукописи; после долгой переписки между Маратом, Академией и отдельными академиками, в том числе Кондорсе, комиссией в составе Лесажа, Майльбуа, Кузена и Леороя было вынесено неопределенное решение от 10 мая 1780 г. Эксперты воздавали должное трудоспособности физика, но, принимая во внимание, что он опровергает общепринятые в оптике истины, заявляли, что не считают возможным прийти к окончательному суждению.

Неудивительно, что Марат был возмущен подобным решением и увидел в этом новое доказательство реакционной роли научных корпораций. Марат с иронией отмечает, что, проверяя его опыты, ученые отказывались признать их: «Это невозможно, заявляли они, это противоречит нашим прошлым расчетам. . .»

Иначе отзывалась пресса. Английский журнал «Monthly Review» в октябрьском номере за 1782 г. дал подробный отчет об опытах Марата. В Париж приезжали физики из провинции и Германии для ознакомления с новыми данными, опровергающими Ньютона [267]. Марат снова возвращается к теме о свете, настаивая на своих выводах, в 1784 г. в «Notions élémentaires de l'optique» и в 1788 г. в «Nouvelles découvertes sur la lumière» [268].

Как отмечал еще в свое время Гёте, работы Марата о свете и оптике тесно связаны между собой. В 1788 г. Марат собрал в одну книгу все свои «мемуары», которые в разное время посылались отдельным академиям и были написаны им на темы, связанные с критикой ньютоновской системы. В первом из них, посланном на конкурс Лионской академии наук, он проверяет опыты Ньютона по различной преломляемости лучей. В другой работе (для той же академии и на ту же тему) он продолжает свою проверку. Третья работа (для академии Монпелье) была посвящена анализу взглядов Ньютона на физическую природу радуги и, наконец, последняя (для Руанской академии) — частному вопросу «Об истинной причине цветов тонких пластинок стекла, мыльных пузырей и других предметов, исключительно тонких», работа, получившая премию Руана 2 августа 1786 г.

Все эти работы, о чем Марат пишет в предисловии, являются продолжением его открытий 1780 г. Ряд своих работ он вынужден был посылать академиям анонимно. В примечании Марат замечает: «Не имея возможности выступать открыто, я обратился к некоторым друзьям истины, заинтересованным в прогрессе науки, и они выбрали те академии, по отношению к которым я не мог льстить себя надеждой найти в них много друзей.

Но такова, — добавляет он, — судьба всех новаторов. . . Тот не может быть апостолом истины, кто не имеет смелости быть ее мучеником».

Своей работе о свете Марат придавал не только теоретическое, но и большое практическое значение для различных отраслей естествознания: анатомии, химии, физики и астрономии, а также для часового дела, для художников, моряков и военных. Вот почему, по признанию Марата, он с таким упорством ведет борьбу за свою точку зрения. В отдельных анонимно опубликованных «мемуарах» он даже сам ссылается на работы «Марата, хорошо известного своим интересом к физическим опытам», и отмечает те преследования, которым подвергали физика.

Сборник своих работ Марат заканчивает следующим выводом: «Со времени исследований Ньютона о цветах система различной преломляемости гетерогенных лучей стала основой оптики, центральным пунктом всех ее частей. Но эта ошибочная система осложняет знание, подчиняет его бесконечным расчетам и оставляет невыясненным ряд явлений. Вся его система ныне освобождается от больших ошибок и сводится к первичным элементам». «Моя работа, — продолжает Марат, — имеет целью не только улучшить исследования, но и усовершенствовать инструменты диоптрики, производство которых было делом весьма несовершенным и до сих пор было подчинено рутине. . . Подобная революция в величественных точных науках может быть только полезна и доставит славу Франции»[269].

И этот сборник работ Марата вызвал оживленный обмен мнений. Неодобрительных отзывов было, однако, гораздо больше, чем одобрительных. Марат ответил автору одной из подобных статей, напечатанной в «Journal de Physique» (10 марта 1788 г.). Он снова и снова настаивает на своих выводах и призывает всех ученых продолжать борьбу с ошибками великого Ньютона.

Марату, вступившему в борьбу с Академией, пришлось претерпеть немало. Об этом он пишет Бриссо (письмо от 1782 г.). Письмо это было написано после продолжительной и жестокой болезни, вызванной, безусловно, переутомлением. Однако он снова продолжает свои работы. «Было бы счастьем, — пишет Марат, — если бы минуты передышки дали мне возможность закончить мои работы, и еще большим счастьем, если бы я мог поверить, что наступит такое время, когда я получу возможность отдаться сладким объятиям дружбы». Времени для этого не было ни теперь, в эту эпоху, когда Марат вел жестокую борьбу за свои научные взгляды, ни позже, в годы революции, когда он сжигал себя в борьбе. Отсюда та нелюдимость Марата, о которой так много и так изысканно нелепо писали буржуазные историки, видя в ней проявление его ненормальности.

Марат в письме дает свой отзыв о цитированном нами выше трактате Бриссо «De la Vérité». Он обращает внимание автора на то, что когда ведешь борьбу с могущественными партиями, очень нуждаешься в поддержке друзей, «душ прямых, открытых, как Ваша, которые не знают кривых путей прихвостней деспота, или, скорее, ими пренебрегают. Следует, однако, запомнить, мой нежный друг, что приходится соблюдать некоторую осторожность, когда имеешь дело с более сильными»[270]. Впрочем, этот совет пригодился бы и самому Марату, который далеко не обладал способностью следовать по этому пути.

В декабре того же года, вернувшись из Англии, куда он ездил на короткий срок, Марат писал Вильяму Дели о работах, которые он проводил одновременно с физическими исследованиями, о работах по анатомии. Мы увидим позже, что как раз к этому времени относятся и его трактаты по электричеству и специальный трактат о применении электричества в медицине — одна из самых интересных научных работ Марата. В своей квартире Марат создал специальный зал для анатомирования трупов; он настаивает на необходимости экспериментирования над живыми объектами. И здесь мы находим следующую мысль, которая с известными поправками позже послужит нам косвенным объяснением «жестокости» Марата как революционера. «Вы говорите, — пишет он Вильяму Дели, — что не любите видеть невинных животных под скальпелем. Мое сердце столь же мягко, как и Ваше, и я также не люблю видеть страдания бедных тварей. Но было бы совершенно невозможно понять тайну изумительных и необъяснимых чудес человеческого тела, если не пытаться застигнуть природу в процессе ее работы. Между тем этой цели нельзя достигнуть, не причиняя немного зла, чтобы сделать много добра. Только таким образом можно стать благодетелем человеческого рода. Наблюдения над мускулами и над различными свойствами крови привели меня к важным открытиям, которых я никогда не сделал бы, если бы не резал головы и члены массы животных. Признаюсь, что вначале я испытывал страдания и отвращение, но малу-помалу привык и теперь утешаю себя мыслью, что я это делаю для облегчения человечества»[271].

Марат выражает затем уверенность, что подобный способ экспериментирования будет вскоре принят во Франции и в Англии. «Мы должны, — пишет он, — изучать природу во всех ее проявлениях». С усердием и фанатизмом он ведет свою научную работу в продолжение 20 лет.

15

Оптика была той отраслью физики, которая больше всего занимала Марата. В цитированном выше письме Руму де Сен-

Лорену (20 ноября 1783 г.) он пишет, что его задача — быть критиком установившейся научной системы, так как оптика превратилась в теорию со времени Ньютона. «Никогда никакая новая доктрина, — утверждает Марат, — не имела столько сторонников и столько противников. Первые восхищаются ею без всякой критики, последние подвергли критике некоторые частные пункты и сделали тысячи тщетных попыток, чтобы доказать их ложность. Наконец, после сорока лет прений эта доктрина собрала голоса всей ученой Европы... Именно в тот момент, когда она, казалось, достигла своего совершенства, я свожу ее к основным элементам и не боюсь обратиться к суду самой Академии наук. Намерение уничтожить трофеи, приобретенные высоким мировым гением для прославления человеческого духа, или, лучше сказать, намерение вырвать из короны Ньютона самую прекрасную жемчужину должно было казаться дерзким предприятием его многочисленным ученикам и горячим защитникам».

Попытка Марата опровергнуть систему Ньютона не была единственной в своем роде: против системы взглядов знаменитого физика боролись и материалисты, пытавшиеся исправить некоторые части его системы, и руссоисты, представителем которых в естествознании XVIII в. был Марат [272].

Упорство и систематическая борьба со школой Ньютона характерны для Марата в его естественнонаучных работах. Когда в 1785 г. между ним и аббатом Бертелоном возникли прения по вопросу о применении электричества в медицине, последний в письме журналу «L'Esprit des journaux» писал, что Марат нагло пытается опровергуть Ньютона, Франклина и всех признанных ученых. «О наиболее блестящем гении, наиболее точном математическом уме, который когда бы то ни было существовал, напечатавшем свои труды после сорокалетних опытов, проверенных выдающимися учеными всего мира, Марат смеет говорить, что он «жалеет Ньютона», который потратил такое количество времени на напрасные усилия, и что способ, при помощи которого он изучает явления, был ложен по своему существу» [273]. Это утверждение Бертелона — безусловно преувеличение, так как историческое значение работ Ньютона Марат не отрицал. Марат видел свою задачу только в *исправлении* его оптических теорий, точнее, он утверждал, что его учение о цветах и о различной преломляемости гетерогенных лучей служит причиной многих научных ошибок XVIII в. и мешает дальнейшему развитию практических прикладных областей знания: анатомии, физики, химии, астрономии и т. д.

Мы не берем на себя смелость и предоставляем специалистам решать вопрос о научном значении работ Марата по физике. Мы сошлемся здесь на работу физика Дидло, который в своем очерке «Marat physicien» утверждает, что, несмотря на то, что работы Марата в области физики безусловно устарели, они свидетельствуют о том, что мы имели в его лице дело с трудолюбивым и смелым ученым [274]. Попытки Марата опровергнуть Ньютона не представляют большого интереса: они могут быть рассматриваемы только как эпизод в истории науки, как одно из выступлений против материализма. Гораздо большее значение имеют его работы по электричеству, главным образом по вопросу о применении электричества в медицине.

О своих работах в области электричества Марат писал: «До меня все то, что появилось об электричестве, представляло кучу разрозненных и запутанных опытов, рассеянных по сотням томов. Дело заключалось в том, чтобы извлечь истину из этого ужасного хаоса. Я запираюсь в свою темную комнату, я прибегаю к моему методу наблюдения, я делаю видимой электрическую жидкость, я ее сравниваю с жидкостью огня и с жидкостью света, с которой ее смешивали до сих пор. Я наблюдаю ее свойства, ее действия, явления, которые получаются от воздействия на нее воздуха, света, огня. И с этого момента нет более гипотез, нет предположений, нет вероятностей. Все становится очевидным, и наука прогрессирует. Что же это? Опять невежда опубликовал единственную методическую работу, единственно известную теорию об электричестве? Еще одно слово. Среди тысячи неудачных опытов несколько счастливых попыток заставили понять, что электричество в медицине может принести огромную пользу человечеству. С давних пор медицина была в руках эмпириков. Физики, не будучи медиками, и медики, не будучи физиками, старались создать из нее искусство. Но эти задачи должны были быть задачей гения, который соединял бы в себе оба рода предполагаемых ею познаний. Однако общество наводнено многочисленными работами, в которых излагаются самые разнообразные системы. Я критикую их все. Я указываю на ошибки и опасности. Затем я устанавливаю принципы, при свете которых должно двигаться искусство, я делаю различия между случаями, где помощь электричества может быть действительной, от тех, где употребление его не только не нужно, но даже и опасно» [275].

Свои взгляды на электричество он изложил в трактате «Recherches physiques sur l'électricité» (издан в 1782 г.) [276]. Излагая историю электричества до второй половины XVIII в. как одной из наиболее важных отраслей физических наук, Марат отмечает в предисловии к своему трактату, что во все времена этот феномен был тайной. Особое значение он придает работам

Фейя, Мушенброка и Франклина. До сих пор было сделано, говорит он, немало для изучения явлений электричества, но осталось сделать гораздо больше. Опыты по электричеству оставались по сей день изолированными, недостаточно научно обставленными, они скорее подготовляли условия для успеха науки, но пока не двигали ее вперед. Вся задача естествоиспытателей, по мнению Марата, сводится к тому, чтобы ставить опыты, заранее обдуманные, только в таком случае природа открывает свои тайны, только таким образом познание явлений приведет нас к познанию причин и сделает из электричества новую науку. Знания в той или другой области и прежде всего в области электричества имеют практическое значение только тогда, когда они систематизированы, когда анализ фактов, солидность принципов, на которых этот анализ построен, и обдуманность выводов находятся в полном соответствии [277].

Мы привели рассуждения Марата об опыте для выяснения его представлений об общих принципах естествознания. Марат настаивает на том, что электрические феномены зависят от особого флюида, который он отделяет от флюида света, огня и от явлений магнетизма. В этом разграничении он видит свою особую заслугу и строит свои исследования на тщательно проверенных 214 опытах. Свои выводы в области электричества он формулирует в предисловии в сжатых тезисах. Мы обратим здесь внимание только на наиболее существенные из них. Марат занят в своем трактате прежде всего уточнением принятой в науке об электричестве терминологии и основных ее понятий; он устанавливает, какие тела нужно считать проводниками электричества и какие не следует считать таковыми; он доказывает, что все тела более или менее являются проводниками электричества в зависимости от плотности их и объема; он показывает, при каких условиях можно добиться изоляции испытуемых тел, и доказывает, что никакое тело не может считаться вполне изолированным; он утверждает, что так называемый электрический флюид распространен по всей поверхности земли; он конструирует специальные приборы для лучшего исследования электричества, разграничивает положительное и отрицательное электричество и даже, как утверждают некоторые исследователи, предсказывает x-лучи [278]. По всей видимости, с полным основанием можно повторить вслед за Распайлем, что если опыты Марата и не создали новой теории электричества, то они сокрушили многие установившиеся взгляды, объяснили ряд до тех пор малопонятных явлений.

Для нас представляют интерес рассуждения Марата о применении электричества в различных практических областях повседневной жизни. Так, например, любопытны его рассуждения о применении электричества в области химии. По Марату, если в этой области до сих пор сделано мало, то в этом вина исследователей; в XVIII в. электричество в химии мало применяется, но в будущем ему предстоит здесь широкая область открытий.

Особое значение Марат придает применению электричества в сельском хозяйстве [279]. Электрический флюид — один из наиболее важных агентов плодородия земли. «Вообще, по всей видимости, — говорит Марат, — электрический флюид играет большую роль во всех жизненных отправлениях организмов». Задача ученых сводится к тому, чтобы уметь использовать эту огромную жизненную силу. Как врач, он пытался показать применение электричества в медицине.

Как мы отмечали выше, ему здесь пришлось иметь дело с серьезным противником, аббатом Бертелоном, известным своими работами в области физиотерапии — во второй половине XVIII в. еще новой науки, начало ее, во всяком случае, восходит не раньше чем к первой половине века. Физик Дидло, мнение которого о Марате мы цитировали выше, утверждает, что трактат последнего о применении электричества в медицине представляет собой произведение, имеющее безусловную ценность и в наши дни как по методу, так и по той научной критике современников, которую дает автор. По существу спор шел о том, к каким болезням и в какой степени можно применять электричество. В то время как противники Марата и прежде всего Бертелон доказывали, что электричество является универсальным лечебным средством, Марат отрицал эту мысль как ненаучную и явно вредную для человеческого организма.

Прежде всего спор коснулся вопроса о научно поставленном опыте и его значении в медицине. Ссылка Бертелона на десятки пациентов встретила во стороны Марата решительные возражения. «Заявление ваше о двадцати восьми матерях (детям которых лечение электричеством, по мнению Бертелона, помогло) свидетельствует лишь о том, что они верят в ваше чудесное врачевание, но для науки необходимо нечто другое, помимо этих свидетельств» [280]. Данные опыты только тогда могут дать научно проверенные выводы, если опыт и результаты его обдуманы и обусловлены. «Вскоре, — иронически замечает Марат, — дойдут до утверждения, что электричеством можно накормить голодных и что научно поставленная медицина может быть заменена чудесными исцелениями». Трактат о применении электричества в медицине служит наилучшим ответом всем тем, кто в исторической литературе утверждал, что Марат был врачом-шарлатаном, каких в то время в Европе было немало.

Работа Марата о применении электричества при лечении различных заболеваний была послана на конкурс Руанской академии в 1781 г. на тему: «До какой степени и в каких условиях можно рассчитывать при лечении болезней на магнетизм и электричество, положительное и отрицательное?»

Трактат этот был награжден конкурсной премией Руанской академией 6 августа 1783 г. и издан Маратом отдельной книгой в 1784 г. Автор прежде всего обращает внимание на то, что вера в чудеса врачевания электричеством стала манией. Задача науки должна свестись к тому, чтобы вырвать эту великую силу природы из рук эмпириков и передать ее в руки ученых. Объектом для нападения он выбрал работу Бертелона, на которую мы выше ссылались, «Traité de l'électricité du corps humain dans l'état de santé et de maladie».

Задачу свою Марат видит в том, чтобы установить болезни, при которых электричество может применяться, методы его возможного применения и точные пределы, в которых оно может принести больному какую-либо пользу. Между прочим как один из примеров своих опытов он приводит случай с лечением самого себя. В научных целях Марат подверг себя лечению электричеством от нервных спазм, которыми страдал всю жизнь, и он констатировал, что лечение электричеством ему не помогло. Не подлежит сомнению для него, что электричество может быть применяемо только в строго ограниченных случаях: при ревматизме, нервных и мускульных заболеваниях, но отнюдь не при заболеваниях, являющихся, скажем, результатом инфекции. При этом Марат подчеркивает, что вопрос о дозировке при лечении электричеством имеет огромное, решающее значение [281]. Повторяем, мы предоставляем специалистам судить о том, какую ценность имеют эти работы Марата. Приведенные нами данные говорят о его попытке строго научно обосновать свои выводы и о той системе эклектических философских взглядов, которые характеризуют его как последовательного руссоиста в области философии и врага господствующей школы передовой буржуазии — материализма.

Чтобы закончить нашу краткую характеристику научных работ Марата как физика и врача, следует упомянуть о взаимоотношениях между Маратом и рядом провинциальных академий, куда он пытался проникнуть в 80-х годах. Буржуазная историография, к сожалению, этому вопросу уделяет гораздо больше внимания, чем вопросу о научных и философских работах Марата.

В своей автобиографии Марат сообщает следующее:

«Включая небольшое число лет, которые я посвятил изучению медицины, следует считать, что я провел двадцать пять лет в уединении, в чтении многочисленных работ научных и литературных, в изучении природы, в глубоких изысканиях и размышлениях. Я думаю, что исчерпал почти все комбинации человеческой мысли по вопросам морали, философии и политики, чтобы прийти к наилучшим результатам. Я имею восемь томов изысканий метафизических, анатомических и физиологических о человеке. Я сделал двадцать открытий в различных областях физики; многие из них уже давно опубликованы, другие находятся в моих папках; находясь в моем кабинете, я был полон искренним желанием быть полезным человечеству, святым уважением к истине, чувством ограниченности мудрости человеческой. Моя преобладающая страсть — любовь к славе — одна решила выбор предметов, которые я в данный момент изучал; они заставляли меня постоянно отбрасывать все, в чем я не мог надеяться прийти к истине, к большим результатам и быть оригинальным. Ибо я не мог решиться работать над вопросом, раньше обсужденным, и беспрестанно повторять работы других. Смею надеяться, что я достиг цели, судя по гнусным преследованиям, которые не прекращались по отношению ко мне в продолжении десяти лет со стороны Королевской академии наук. Наконец, последняя убедилась, что мои открытия по свету опрокинули труды целого столетия и что я не забочусь о том, чтобы попасть в ее ряды, как Даламберы, Карита, Леруа, Лаланды, Лапласы, Монжи, Кузены, Лавуазье и все прочие шарлатаны этой научной касты, которые хотели сами занимать высоты. И так как они держали в своих руках трубы рекламы, то все почуяли, что они вправе ославить и обесценить мои открытия перед всей Европой, поднять против меня все ученые общества и закрыть для меня все газеты, чтобы я не мог в них напечатать даже названия моих работ; они и вынудили меня прибегнуть к псевдониму, чтобы получить одобрение для некоторых моих работ».

Примечание Марата: «Это то, что я сделал в 1785 г. по отношению к переводу «Оптики» Ньютона, чьим издателем был Бозе и которая была одобрена Академией».

Так Марат характеризует свою научную деятельность до 1789 г.

Из работы Клода Ру, посвященной взаимоотношениям Марата и Лионской академии наук, мы узнаем о его попытках связаться не только с Парижской академией, но и с академией в Бордо, куда он в 1785 г. посылал свое «Похвальное слово Монтескье», с Руанской академией, куда он в том же году послал свою работу «О средствах улучшения энциклопедии», а затем о его взаимоотношениях с академиями Дижона, Руана, Монпелье и Лиона [282]. Неудача в Париже не обескуражила его: с невероятной энергией он пытается проникнуть в провинциальные научные общества, и здесь его упорная борьба с Ньютоном сближает его с рядом лиц, в том числе с Дом-Гурденом, герцогом Виллеруа, Мельбуа и др. Они оказали ему немалую помощь в его борьбе. Активную поддержку он находит в герцоге Виллеруа, тогдашнем правителе Лиона, и в других знатных лицах Дижона, Руана и Монпелье.

С помощью герцога Виллеруа он добивается не только благосклонного отношения к присланным им мемуарам, которые он посылал под разными псевдонимами, но и постановки желаемой для него темы на конкурс. В одном случае он через того же посредника снабжает академию Лиона деньгами для

назначения премии на желаемую им конкурсную тему, в другом посылает в одну академию два доклада на одну и ту же тему под разными псевдонимами. Как известно из различных источников, Марату приходилось, чтобы пробить брешь и проникнуть во враждебный академический мир, рассылать с помощью своих друзей и знакомых в различные журналы небольшие составленные им отчеты о своих работах. Буржуазная историография заполнена всякого рода моральными ламентациями по поводу его поведения и саморекламы. Геометр Лаланд, один из наиболее ярых врагов Марата как ученого, в середине XIX в. Араго, а еще раньше Байи видели в этом доказательство того, что Марат был не ученым, а шарлатаном [283].

Противоположной точки зрения держатся не только Бриссо и Гёте, но и Распайль, Дидло и Кабанес, не говоря уже о биографах Марата. Будущему Другу народа приходилось пробивать себе путь к научному признанию не только трудом, но и большой настойчивостью. Идеолог мелкой буржуазии боролся с верховными судьями старого порядка, а также с идеологами окрепшей передовой буржуазии Франции. С печалью Марат писал Руму де Сен-Лорену 19 октября 1783 г.: «После того как я принес все свои таланты в жертву государству, я не боюсь в один прекрасный день обнаружить, что я остался нищим» [284]. Неудивительно, что в мае 1785 г. он упорно добивается у старшины купеческого сословия освобождения от уплаты налогов. В сохранившемся письме, которое носит название «Записки о сложении подушного налога с просителя как с иностранца», он пишет, что нуждается в освобождении от налогов как иностранец и литератор: «Литературные труды отняли у меня все свободное время и обошлись мне в изрядную сумму денег» [285].

Просьба Марата, однако, не была удовлетворена. Его попытки добиться признания французскими академиями или проникнуть в Испанию, несмотря на помощь, обещанную ему Румом де Сен-Лореном, не дали результатов. Его материальное положение становилось изо дня в день все хуже и хуже, и он рассылает свои работы различным меценатам, надеясь привлечь их внимание. Так, в одном письме неизвестному адресату от 6 мая 1786 г. он пытается довести до сведения Людовика XVI свои научные изыскания. 16 марта 1788 г. Марат делает новую попытку ответить на критическую рецензию (вероятно, на его сборники «Mémoires académiques») в одном из журналов. Он пишет: «Неужели в столь прославленный век философии и истины не оказывается более друзей и не находится более людей, достаточно мужественных, чтобы заступиться за истину против всемогущей интриги?» [286].

Спустя некоторое время Марат серьезно заболел и, судя по его письму от декабря 1788 г., был при смерти.

Марат, научный деятель взял реванш как политик в годы революции.

16

Десятилетия научных изысканий в различных областях физики и медицины отнюдь не поглощали всего внимания Марата. Время от времени он снова и снова возвращается к обсуждению социально-политических проблем. За последние десять лет накануне революции он написал два трактата: один посвященный вопросам уголовного права, другой — Монтескье.

Как исследователь Марат не был мыслителем в том смысле, в каком остроумно противопоставлял философа ученому Дидро: «Человек создан природой, чтобы мало мыслить и много действовать, ученый, наоборот, мыслит много и действует мало. Правильно было замечено, что в человеке имеется энергия, требующая для себя выхода. Но выход, даваемый ей научными занятиями, не настоящий, ибо эти занятия заставляют человека сосредоточиваться и сопровождаются забвением всех его животных функций».

Марат как философ и как ученый не только мыслил, но и действовал, во всяком случае стремился к действию в той степени, в какой это было мыслимо в условиях старого порядка. Вот почему его социально-политические трактаты представляют собой не только научные исследования, но и своеобразные памфлеты, направленные против феодального режима и его злоупотреблений, — как бы наброски его последующей революционной программы.

В XVIII в. широко были распространены проекты реформы уголовного кодекса. В 1764 г. Беккария в Милане опубликовал «Traité des délits et des peines». В 70-х годах XVIII в. значительно возросло количество конкурсов, предложенных различными европейскими академиями по вопросу о реформе уголовного права. Такие темы были поставлены на конкурс «Экономическим обществом Берна» в 1777 г., в Шалоне-на-Марне в 1780 г., в Марселе в 1781 г. Мы не упоминаем здесь ни работы Вольтера «Prix de la justice et de l'Humanité», ни работ Бриссо «Le sang innocent vengé». Последняя работа была ответом на вторичный конкурс академии в Шалоне-на-Марне 1781 г.

Бриссо собрал в 1782 г. наиболее известные трактаты по вопросу о реформе уголовного права в специальном издании «Философская библиотека законодателя» (10 томов) [287]. В предисловии к изданию Бриссо поясняет значение «Библиотеки», он показывает нам, что интересующая его тема является ма-

териалом для широкого обсуждения всей суммы социально-политических вопросов грядущего переворота. Среди наиболее блестящих представителей уголовного права Бриссо перечисляет Монтескье, Сервана, Делакруа, Локка, Вольтера, Ленгэ, автора «Утопии» Томаса Мора и Марата. Работа последнего, изданная впервые в Невшателе в 1780 г., была перепечатана Бриссо в его сборнике 1782 г. и вновь переиздана Маратом уже после революции, в 1790 г. [288].

Исходные пункты для всякого проекта реформы уголовного права второй половины XVIII в. намечены были во Франции еще Вольтером и Монтескье. Анализ VI книги «Духа законов» показывает нам, как сильно было влияние не только Руссо, но прежде всего Монтескье на Марата. Вместе с тем внимательное рассмотрение соответствующей главы о «влиянии, оказываемом принципами различных образов правления на простоту законов гражданских и уголовных, на формы судопроизводства и определение наказаний» обнаруживает, в чем различие между революционными представителями мелкой буржуазии конца XVIII в. и основоположником буржуазного либерализма [289].

По Монтескье, который, как мы знаем, противопоставлял монархическое правление правлению деспотическому, только монархия знает правильно поставленное судопроизводство. Основная задача суда — охрана собственности и имущественных отношений. Деспотизм, естественно, допускает произвол в этой области, потому, что деспотия не знает гражданских законов. «Все люди равны в государстве республиканском, они равны и в государстве деспотическом, в первом случае потому что они всё, во втором — потому что они ничто». Правильно поставленный суд, строгий и справедливый, предполагает царство закона; строгое соблюдение законов свойственно прежде всего республиканскому образу правления. Монтескье замечает: «Там (т. е. в республике. — *Ц. Ф.*) нельзя истолковывать закон во вред гражданину, когда дело идет о его имуществе, его чести или его жизни». Это утверждение является исходным пунктом различных высказываний Марата в последующие годы революции.

Суровость кар и вопрос об их соответствии преступлению является центральным во всех проектах реформы уголовного кодекса. Монтескье устанавливает тот общий принцип, которым позже руководились Бриссо, Марат и другие реформаторы второй половины XVIII в. «Строгость наказания более уместна в государстве деспотическом, принцип которого — страх, чем в монархии и республике, которые имеют своим двигателем честь и добродетель. В конституционных государствах речь идет не столько о наказаниях за преступления, сколько об

их предупреждении». Монтескье устанавливает максиму, которую часто повторял вслед за ним Марат: «Усиление казней в Китайской империи всегда предвещало приближение революции. . . Нетрудно было бы доказать, что во всех или почти во всех государствах Европы наказания увеличивались или уменьшались по мере увеличения или уменьшения свободы» [290].

Менее жестокие наказания производят более сильное впечатление на гражданина. Как доказательство бессилия жестоких законов Монтескье приводит рост грабежей по большим дорогам, случаи дезертирства, словом, преступления, связанные с распадом старого порядка во Франции. В том и в другом случае государству не помогли ни казни, ни плети, ни тюрьмы. Монтескье провозглашает: «Последуем природе, которая вместо бича дала человеку стыд, и пусть самая чувствительная часть наказания будет заключаться в позоре быть ему подвергнутым».

Не подлежит сомнению, что государству, в котором общественный строй и законы развращают народ, не поможет никакая идеальная система уголовного законодательства. Надо уничтожить причины, порождающие преступление, и тогда исчезнет само преступление. Соответствие между преступлением и наказанием — основное положение, обсуждаемое Монтескье. Не закон возмездия, а закон справедливости должен быть стимулом поведения законодателей, ибо гражданские законы меняются вместе с изменением законов политических; характер наказания находится в зависимости от природы правления.

Представители мелкой буржуазии в своих рассуждениях шли по иному пути: они выдвигали на первый план не столько политические условия гражданского законодательства, сколько социально-экономические основы общества, порождавшие преступление. Бриссо в своей «Théorie des lois criminelles» исходит из основных положений Монтескье о необходимости уничтожить причины, рождающие преступления; для этого *необходимо изгнать нищету*. Излишки богатства порождают бедность наиболее многочисленного класса, а бедность и нищета — источники всех преступлений. Правильное распределение богатств между гражданами необходимо должно повлечь за собой уничтожение преступлений. Но, добавляет Бриссо: «Увы, это мыслимо только в золотом веке; всегда будут богатые, а следовательно, всегда будут и бедные». Однако в государстве, правильно организованном, последние трудятся, они обеспечены всем необходимым, и следовательно, число преступлений доведено до минимума. «Мы будем иметь, таким образом, бедных, — замечает Бриссо, —

но не будем иметь нищих». В этих целях должны быть хорошо организованы администрация и суд в государстве [291].

В отношении политических преступлений Бриссо требует смягчения наказаний за преступления против верховной власти. Увеличение числа подобных преступлений говорит о приближении революции. Всякий гражданин, недовольный формой правительства, под властью которого он родился, имеет право его отвергнуть, отречься от своего отечества. Если народ будет счастлив, если ему дадут хорошее воспитание и обеспечат всем необходимым, в государстве не будет больше бунтов. Неоднократно Бриссо возвращается к анализу преступлений против собственности, доказывая, что исчезновение нищеты повлечет за собой исчезновение кражи, как исчезновение деспотии — исчезновение преступлений против государства. Кража излишков, совершенная индивидуумом, который нуждается в хлебе, не составляет преступления. Только в том случае, если общество предоставит нуждающемуся труд, оно может требовать от него исполнения законов. Бриссо в данном случае ссылается на работу Ленгэ «La théorie des lois civiles», в которой, как известно, проводится та мысль, что собственность на землю есть основное зло и что предоставление «права на труд» является первейшей обязанностью общества[292].

Бриссо сообщает нам результаты конкурса по вопросу о реформе уголовного права, объявленного в 1780 г. академией в Шалоне-на-Марне, конкурса на тему «О причинах нищеты и средствах ее уничтожения». Получено было более ста докладов; они распадаются на три части: одни требуют принятия радикальных средств для установления равенства имущества, что Бриссо считает неосуществимым; другие — моральных средств воспитания молодежи, благотворительности; и наконец, ничтожное меньшинство предлагает усилить кары, принудительные работы, телесные наказания и т. п.

Если мы попытаемся сопоставить взгляды Марата и его проекты реформы уголовного кодекса с тем, что мы находим у Монтескье, Вольтера и Бриссо, то мы найдем много общего. Марат в своих рассуждениях идет по пути, указанному всеми реформаторами XVIII в., но вносит вместе с тем и нечто своеобразное, характерное для всей его системы социально-политических взглядов. Это характерное, конечно, не в коммунизме, как бы ни пытались это утверждать буржуазные историки. Один из них, Вальтер, в своей работе о Марате называет его книгу даже «руководством по коммунизму»; это столь же неосновательно, как утверждение, будто работа Марата не представляет интереса, не является плодом самостоятельной мысли [293].

Как мы отмечали выше, появление «Плана реформы уголовного кодекса» вызвано было участием Марата в конкурсе, объявленном в 1777 г. Бернским экономическим обществом на тему о причинах преступления и средствах борьбы с ним. Конкурс этот заключал в себе следующие три вопроса: а) о природе преступления, б) о соответствии его наказанию, в) о характере свидетельских показаний, следствия и о судебном процессе. Марат расширил свою задачу, как он отмечает в предисловии к первому изданию своей работы: вопрос показался ему поставленным слишком обще, так как не сказано было, для какого народа предполагается ввести эту реформу уголовного кодекса.

Марат за свою работу не получил премии, она досталась немцам, но интерес работы от этого не уменьшается. Его «План реформы уголовного кодекса» распространялся в Швейцарии и Германии; нелегальным путем он проник во Францию. Когда в 1782 г. Бриссо решил включить эту работу в VI том своей «Библиотеки», он в специальном предисловии от издателя отметил причину, почему автор не получил ожидаемой награды. «Возможно, — говорит он, — потому, что принципы свободы, которые лежали в основе его рассуждений, испугали руководителей бернского общества; они боялись, чтобы излишние знания не просветили народ». Но «знаменитый писатель», по словам издателя, «благодаря своей скромности» пожелал скрыть свое имя. Бриссо обращает внимание на то, что автор находится под большим влиянием английского конституционного порядка и, как «уроженец Пенсильвании», слишком сочувственно относится к тираноубийству. Бриссо вообще считает нужным подчеркнуть нереальность радикальных проектов Марата.

То издание «Плана реформы уголовного кодекса», которое обычно цитируют исследователи, издание послереволюционных лет (1790), несколько отличается от первого издания этой книги не только по расположению частей, но и по некоторым весьма характерным деталям. В послереволюционном издании гораздо более резко подчеркнута революционно-политическая сторона дела, в то время как в дореволюционном главное ударение падает на экономическую сторону вопросов.

Исходным пунктом рассуждений Марата является утверждение, что XVIII век, век философии, характеризуется невероятной отсталостью уголовного законодательства. Тут нельзя ограничиться одним формально-юридическим рассуждением, ибо именем закона совершаются великие преступления, именем закона сохраняется весь тот варварский порядок, который порождает массу преступлений, несмотря на жестокий уголовный кодекс европейских государств. История человечества, снова повторяет Марат свою излюбленную мысль,

высказанную им еще в «Цепях рабства», представляет собой зрелище тирании и рабства: «Повсюду презренные рабы подчиняются надменным господам». Законы являются только приказами тех, кто управляет. Больше того, власть имущие приводят к молчанию собственные законы, нарушая их в своих интересах. Законы всегда склоняются перед сильными, оказываясь незыблемыми только для слабого. Марат со всей ясностью и решительностью формулирует следующее свое исходное положение: «Что такое нарушение закона? Существует ли нерушимый священный закон хотя бы у одного из правительств мира?» Он отвечает: «Власть закона является не чем иным, как скрытой тиранией ничтожного меньшинства над большинством». Чтобы у нас не оставалось никакого сомнения насчет классового смысла его высказываний, он поясняет в примечании: «Повсюду бедняк не считался ни во что, все, даже законодатели, потеряли по отношению к нему всякое чувство человечности, которое есть во всех людях. Никто из них, состоятельных людей, не является товарищем по труду несчастного, который служит для них лишь орудием для утоления жажды роскоши и гордыни»[294].

«Общий порядок, — продолжает Марат, — делает один класс народа врагом других и приводит к тому, что мы должны возмущаться благополучием ничтожной группы, а это ничтожное меньшинство должно опасаться благополучия масс». Он идет дальше в своих рассуждениях, утверждая гораздо более отчетливо, чем это делал Бриссо, что собственность порождает большинство преступлений. Всякая кража опирается на право собственности. Но откуда вытекает это право? Оно является результатом захвата, в то время как право собственности по существу должно являться лишь правом на жизнь. Вот почему всякий бедняк, совершивший кражу, имеет право посадить на скамью подсудимых богатого, завладевшего его средствами к существованию. Богатые — господа всего, чем владеет общество, не только в смысле материального богатства, но и в смысле власти и культуры. Не приходится удивляться, что золото накопляют те, кто им владеет. Отстраненные не только от руководства государством, но и от всех общественно-политических должностей, бедняки должны трудиться; но тогда возникает великий вопрос о праве на труд, которым не обеспечены нуждающиеся. Законодатели поступают варварски, требуя от бедняков, которых они не обеспечили даже возможностью трудиться, уплаты налогов не только деньгами и натурой, но и кровью, заставляя их защищать государство, «отечество» и имущество богатых, уничтожая тысячи и тысячи тружеников. Милостыня

не разрешает вопроса. Марат предлагает нечто другое — трудовые убежища для бедняков, открытие государством общественных мастерских. Все страны, в которых церковь обладает собственностью, должны оставить ей только часть имуществ, а все остальные земельные владения церкви следует разделить на мелкие участки и раздать нуждающимся[295]. Далее мы вернемся к этому плану социальных реформ Марата.

Принятие этих мер должно способствовать обогащению государства, росту торговли и промышленности и увеличить мощь нации. Все средства, необходимые для организации общественно полезных учреждений, для реализации права на труд, должны дать нации купцы и промышленники-богачи. Эти средства будут обеспечены трудом рабочих, которые нередко в странах, где процветают торговля и промышленность, страдают от безработицы[296].

Прежде чем закончить характеристику социальных взглядов Марата, приведенных в «Плане реформы уголовного кодекса», обратим внимание на интерес, который Марат проявлял специально к женскому вопросу, отмечая, что большинство преступлений против нравственности является результатом угнетенного положения женщины-работницы. Марат обращает внимание на жалкую заработную плату парижских портних, на безысходное положение крестьянки, которая, попадая в большой город, лишенная воспитания и работы, оказывается в сетях эксплуататоров. Для них особое значение имеет организация своего рода бирж труда, которые должны оградить их от жестокой эксплуатации[297].

Вопрос о женском равноправии Марат превращает, таким образом, в социальную проблему, связанную в его рассуждениях с вопросом об экономическом неравенстве в обществе. Проституция — результат не только голода, но и той жадности, которая естественно рождается у малоимущего при виде изобилия ничтожного меньшинства. Молодая девица, ушедшая из дома, где она жила в нищете, является в большой город; здесь она неизбежно развращается всякими соблазнами — богатством и роскошью; работница становится объектом эксплуатации как труженица и как женщина. «По существу развращенность нравов, — говорит Марат в духе философов-руссоистов своего века, — является естественным следствием неравенства имуществ, роскоши и нищеты. Изменение может внести только революция. Французы будут нравственны, когда они будут свободны». Таким образом, формулируя вопрос о реформе уголовного кодекса в части, касающейся преступлений против собственности и нравственности, Марат непосредственно связывает этот вопрос с революцией в общественных отношениях.

В то время как в издании «Плана реформы уголовного кодекса» 1780 г. и при его переиздании в «Библиотеке» Бриссо 1782 г. политическая проблема у автора несколько затушевана, в издании послереволюционных лет она поставлена во главу угла. Это явствует из самой формулировки вопроса об основах социального порядка. В дореволюционном издании «Плана» Марат говорит «о б о с н о в а х о б щ е с т в а», в послереволюционном издании он подчеркивает необходимость установления «о с н о в г о с у д а р с т в е н н о й в л а с т и». Вот почему Марат в своих рассуждениях уделяет теперь большое внимание организации суда в связи с вопросом о конституции государства.

Исходный пункт его рассуждений в данном случае ничем не отличается от того, что мы находим у Монтескье и Бриссо по поводу принципов либерального законодательства, необходимости соответствия между преступлением и наказанием, необходимости предупреждения преступления вместо усиления кары. Сурово карать легкое нарушение законов значит не только зря пускать в ход авторитет власти; это значит множить преступления, это значит толкать преступника на последние крайности. Природа преступлений определяет характер наказаний. Естественно, само правосудие должно быть беспристрастным, причем, расшифровывая понятие «беспристрастный», Марат вносит в него определенное классовое содержание. Суд должен быть равным и справедливым, он должен избираться большинством и служить интересам этого большинства.

«Я уже сказал, — читаем мы у Марата, — что за одинаковое преступление на любого преступника должно налагаться одинаковое наказание». Этот закон, однако, будет справедлив лишь при таком строе, который зиждется на равенстве и при котором все пользуются более или менее одинаковыми правами. Но так как природа преступлений зависит от громадного различия между людьми, так как разница между людьми обусловлена различиями их состояния и богатств, то всякому ясно, что правосудие должно всегда учитывать обстановку, в которой действовал преступник.

Мы оставляем в стороне рассуждения Марата о характере судебного процесса, о методах следствия, суда и наказания, поскольку они имеют специальный интерес; мы обратим здесь внимание только на его рассуждения о преступлениях, которые он называет «мнимыми преступлениями против государства» и которые в дореволюционном издании отнесены во второй раздел книги, а в послереволюционном поставлены на первое место. Глава I, «О преступлениях против государства», начинается следующими словами: «С тех пор, как властители стали рассматривать себя как абсолютных владык народов, как много возникло мнимых преступлений против государства,

объектом которого государство отнюдь не является»[298]. Преступлениями против государства, как правило, называют все то, что направлено против интересов тирании, но царство тиранов приближается к концу. Все, что направлено на разоблачение деспотизма и даже убийство государя, должно быть рассматриваемо как обычное уголовное преступление, как простое убийство. К этим преступлениям Марат относит и подделку монеты в государстве, где царит деспотия.

Важно отметить, что Марат подчеркивает относительное значение этих преступлений д о наступления века свободы и возводит их на высоту преступлений, строго караемых, п о с л е торжества народа. Так, рассуждая о контрабанде и дезертирстве, он замечает, что первое преступление вызвано народной нуждой в государстве, где царит экономическое неравенство. Бороться с ним значит поставить бедняка в человеческие условия. Что касается дезертирства, то бессмысленно требовать от бедняка, чтобы он защищал государство богатых[299].

Во Франции бедняк вынужден покупать соль, чтобы содержать государство, хотя у него нет и су, чтобы купить себе хлеба. Бедняки поставляют государству живое человеческое мясо для охраны государственных границ во имя славы богатых и короля. Не приходится удивляться, что в первом случае они прибегают к контрабанде, а во втором — к дезертирству. Подлинные преступления против государства должны безусловно подвергаться наказанию, но только в тех случаях, когда военные поражения губительны для народной свободы; преступники — это те, кто грабит народ и наживается за его счет, —чиновники и несправедливые судьи.

В разделе о заговорах Марат дает своему положению ясную формулировку: «Пока нация свободна и счастлива, заговоры являются огромным преступлением, поскольку они направлены к ниспровержению конституции и законов, которые заботятся о благе народа; они перестают быть преступлениями в противном случае — в царстве неравенства и деспотии»[300]. В этой связи Марат рассматривает в специальной главе вопрос о взаимоотношениях хозяев и слуг[301].

Экономическое неравенство порождает зависимость последних, их крепостное состояние. Не должно ли государство в интересах тружеников обеспечить им равенство с хозяевами? В случае, если между хозяином и слугой возникает конфликт, государство выступает на защиту обиженной стороны, исходя из того, что труженики — не рабы, а свободные граждане. Заботой о трудящихся проникнут весь «План реформы уголовного кодекса», причем в своих рассуждениях Марат обращает внимание «на мелочи» материального быта рабочих и мелких буржуа Франции. Мы отметим здесь только главу о преступ-

лениях, связанных с продажей недоброкачественных продуктов, преступлений, от которых прежде всего страдают труженики. Марат предлагает по отношению к виновникам поступить следующим образом: конфисковать их имущество и над лавкой повесить надпись: «Вот торговец, покупать у которого опасно: грозит отравлением».

Нет оснований видеть в этих рассуждениях коммунизм, как полагает Вальтер вслед за целым рядом буржуазных писателей, но не подлежит сомнению, что система взглядов Марата по вопросу о реформе уголовного кодекса близка к социалистическим идеям XIX в. Ясное представление о том, что большинство преступлений вызвано экономическими причинами и нуждой трудящихся, подчеркивание необходимости бороться за экономическое равенство как за основную предпосылку возможного уничтожения преступлений, связано у Марата с борьбой за улучшение материального положения трудящихся, с борьбой за демократию. Революционная постановка вопроса, отказ от полумер отличают его от целого ряда писателей как либерально-буржуазных, так и мелкобуржуазных представителей демократической школы XVIII в.

Характерная особенность взглядов Марата — р е в о л ю ц и о н н а я постановка проблемы — была прекрасно подмечена буржуазным криминалистом Дежарденом в конце прошлого века. Дежарден утверждает, что все построения Марата имеют в своей основе следующее положение: необходимо различать то, что было д о и что будет п о с л е торжества революции. Свобода и демократические требования — в первом случае, террор и революционная диктатура — во втором. Законы государства — ничто до тех пор, пока народ не победил; в годы после победы революции все должно делаться в интересах мелкого люда. В этом смысле высказывания Марата 1780 г. совпадают со всем тем, что он писал в годы революции о господстве бедняков над имущими классами. Только бедняки, по Марату, составляют нацию. «Этот народ стоит над всеми: над законом, над волей большинства, над национальной волей, он — сама нация», — говорит Дежарден. Марат выступает, по словам Дежардена, защитником идей «новой олигархии». В интересах этой «олигархии бедных» он превращает суд публичный, суд справедливый в революционный суд военного трибунала. Марат в своих рассуждениях об общественной реформе исходит из убеждения: «ч т о и с т и н а д о 1789 г., т о л о ж ь п о с л е 1789 г.». Почему? На это у Марата есть единственный категорический ответ: потому что раньше все делалось против народа его господами, а теперь насилие предпринято как спасительная мера народом против его господ[302].

Взгляды Марата на реформу уголовного кодекса остались без изменений в его практической деятельности, когда позже (в 1790 г.) он предлагал Национальному собранию ряд законодательных мер по реформе уголовного кодекса. Позже, ко времени бегства в Лондон (в начале 1790 г.), Марат напечатал небольшую брошюру «Письма Марата, Друга народа, содержащие некоторые соображения о судебном строе»[303]. В ней он выступает как демократ, ведущий войну с врагами народа, с буржуазной аристократией. Он требует демократических преобразований, публичного суда, где судьями будут люди, равные обвиняемым, и где не будет судей по профессии, принципиально несправедливых и склонных к репрессиям. Хорошее уголовное уложение и национальный революционный трибунал — вот практические мероприятия, которые он предлагает Национальному собранию. Но эта реформа предполагает п о б е д у р е в о л ю ц и и; сколько стараний ни прилагалось бы к проведению реформы уголовного кодекса, она никогда не будет прочно установлена, если не будут установлены основные законы нации, верховенство народа над его уполномоченными. Но и здесь Марат не забывает подчеркнуть огромную разницу между легальной демократией и революционной властью. Так называемая ответственность государственных должностей является лишь призраком там, где у народа нет в руках силы и власти. Так Марат в 1790 г. пояснил свои принципы общественной реформы, провозглашенные им лет за девять до начала революции.

Но «План реформы уголовного кодекса» не был его единственным социально-политическим трактатом последнего десятилетия накануне революции. Вторым трактатом является «Похвала Монтескье», написанная на конкурсную тему академии в Бордо в 1785 г. и напечатанная лишь в 1853 г. Премии на этом конкурсе Марат не получил[304].

Монтескье, как мы знаем, был одним из признанных Маратом великих теоретиков XVIII в., основоположником принципов свободы. Марат противопоставляет Монтескье как образец научного исследователя и философа всем писателям своего века. Его «Похвала» является лишь изложением основных идей «Духа законов». «Желая привести людей к счастью путем законов, Монтескье не взялся изобразить им наилучшее из всех возможных правительств, — пишет Марат, — он стремился сделать их счастливыми, поскольку это возможно под властью существующего правительства». В этом пункте между Монтескье и Маратом было, как мы видели, решительное расхождение. В вопросе о взаимоотношениях реформы и революции проявляется то оригинальное, что Марат внес в общественную науку XVIII в.

Мы мало знаем личную жизнь Марата накануне 1789 г. Наиболее интересные детали сообщают нам за время между 1780 и 1784 гг. мемуары Бриссо. Если верить ему, Марат в эти годы был всецело поглощен научной деятельностью и не занимался политикой, хотя, впрочем, в начале 80-х годов, в момент женевского восстания (1782 г.), находился в связи с участниками этого движения. В 1780 г. он напечатал, как мы знаем, нелегально в Невшателе свой «План реформы уголовного кодекса» и доставил его во Францию. Что предпринимал он в этом направлении дальше, нам неизвестно. Бриссо утверждает, что Марат боялся Бастилии при деспотии, он трусил тюрем и после переворота. Характерно, что последний мотив выдвинул против Марата, как мы увидим дальше, и Камилл Демулен, объясняя этим в годы революции тот факт, что Марат стремился перейти на нелегальное положение и работал в подполье.

Бриссо утверждает, что он встретил Марата в 1786 или в 1787 г. в Тюильри. Они беседовали о работах Марата. Бриссо спрашивал у него, почему он занимается наукой, ведет споры с академиями и остается вдалеке от политики, хотя наступило время свергнуть деспотизм и соединиться с друзьями свободы, на что Марат будто бы ответил ему: «Французский народ недостаточно храбр, чтобы начать революцию». Но к этому времени относится показание Мале дю Пена о том, что Марат в Париже на улицах читал и разъяснял «Общественный договор» Руссо[305].

У нас нет данных, чтобы судить о политических связях Марата в эту эпоху. Если отбросить преувеличения в характеристике, данной ему Бриссо в мемуарах, написанных после 2 июня 1793 г., в момент ожесточенной борьбы Марата с бриссотинцами, то в утверждениях Бриссо мы найдем безусловно, долю истины.

Последние годы Марат был поглощен своими исследованиями, он свел всю свою политическую деятельность к борьбе с академическими корпорациями, в этой борьбе он видел единственную задачу своей общественной деятельности. Вместе с тем, как мы могли уже убедиться из заключительной главы книги «Цепи рабства», он понимал оппозицию старому порядку не в духе либерализма, не в духе программы реформ, а как задачу революционного восстания, утверждая, однако, что момент для решительного выступления еще не наступил. До нас дошли кое-какие отрывочные данные о том, что до своей болезни 1788 г. и в начале 1789 г. Марат находился в связи с теми вождями либеральной оппозиции Парижа, которые позже в лице Барнава, Ламетта и других возглавляли левое крыло Генеральных штатов. В чем выражалась эта

связь, нам неизвестно, приходится поэтому ограничиться высказанными нами соображениями о политической деятельности Марата в последние годы накануне революции.

17

Биографу грозит опасность приукрасить образ своего героя, модернизировать его, приписать ему идеальные черты борца не за свою классовую идеологию, а за классовые идеалы историка-исследователя. Классовые симпатии и антипатии в работах о Марате и маратизме дают себя знать с особой яркостью и отчетливостью.

Маркс и Ленин указали, однако, исследователю путь и средства избежать этой опасности модернизации. Герой биографии — о б ъ е к т и с у б ъ е к т классовой борьбы: индивидуально-своеобразное нами анализируется как классово-типичное, история героя — как проявление закономерности исторического процесса. Это не значит, что марксизм отрицает роль «случая» в историческом процессе. История, писал Маркс Кугельману имела бы очень мистический характер, если бы случайности не играли никакой роли. Задача историка-марксиста сводится только к тому, чтобы «случайное» в его исследовании не приняло характер чуда, чтобы «случайное» было понятно как закономерное. Маркс и Ленин дали еще и более точные указания биографам: при анализах идей данной исторической личности следует прежде всего искать корни этих идей в п р о ш л о м. В рецензии на книгу Бруно Бауэра о христианстве и его взаимоотношении с учением Платона Маркс писал, что гораздо правильнее было бы сказать, что платоновские элементы оказываются налицо в христианстве, вместо того чтобы говорить, что христианские элементы оказываются налицо у Платона. Эту мысль повторил и уточнил Ленин в своих заметках на книгу Лассаля о философии Гераклита: Лассаль проявляет «. . . ученость низшего сорта: задали задачу — отыскать гегелевское в Гераклите. Strebsamer [старательный] ученик выполняет ее «блестяще», перечитывая у всех древних (и новых) писателей *все* о Гераклите и *все* толкуя под Гегеля» (В. И. Л е н и н. Соч., т. 38, стр. 340).

Подобную ошибку в нашей марксистской литературе неоднократно повторяли разные исследователи, превращая Бакунина, народовольцев, Чернышевского в большевиков.

Мы свое исследование идей Марата — идеолога плебейской революции XVIII в. — ведем в другом направлении. Итоги по вопросу о корнях маратизма мы подведем в конце нашей работы, но и сказанного в первой главе достаточно, чтобы понять все историческое своеобразие учения Марата

накануне революции как продукта определенной эпохи, определенного этапа в истории классовой борьбы. Истоки его революционного учения, однако, в прошлом, в политической теории XV—XVI вв., в опыте английской революции XVII в., в опыте политической борьбы европейской демократии XVIII в. и даже в гражданских войнах античного мира.

Изучите примечания Марата в его основном социально-политическом трактате «Цепи рабства» — и вы убедитесь в этом. Историки Рима и Греции, античные и современные, история Флоренции, Франции и Англии феодальной эпохи — вот основной материал его размышлений. Плутарх, Тацит, Плиний, Макиавелли, Юм — вот источники его работ. «История гражданских войн» Аппиана, «Государь» и «Рассуждения на первые три книги Тита Ливия» Макиавелли введут нас в лабораторию его исследований больше, чем аналогии с коммунизмом наших дней.

Послушаем Макиавелли: «Государи должны казаться покровителями доблести и талантов, должны поощрять наградами *всякие полезные изобретения* и усовершенствования. . . Государи обязаны развлекать народ различными зрелищами и увеселениями. . . должны обладать гибкостью и изменять свои убеждения сообразно обстоятельствам, прибегая к честным, а если нужно — и к бесчестным средствам. . . Вообще должно заметить, что при управлении людьми их необходимо ласкать или угнетать»[306]. Не лежат ли эти рассуждения в основе тех глав «Цепей рабства», где изображены пути возвышения деспота? Но о том же говорил еще раньше, за 30 лет до появления «Истории Флоренции» Макиавелли, Савонарола. Этот монах-революционер, идеолог мелкой буржуазии конца XV в., писал о тиранах: «Очень часто, особенно во времена изобилия и мира, тиран занимает народ зрелищами и праздниками, чтобы он думал о себе, а не о нем»[307].

У Макиавелли или у его последователей Марат вслед за Монтескье и Руссо воспринимает мысль о том, что республику можно создать и сохранить только в государстве, где царят равенство и нравственность. «В государстве развращенном лучше установить порядок монархический, чем народный, чтобы людей, дерзость которых не могут исправить законы, обязывала власть монархов». Этот мотив мы нередко слышим в высказываниях Марата.

Марат не принадлежал к республиканцам жирондистского типа: уже в его ранних работах подчеркнута идея революционной диктатуры плебейских масс, той якобинской диктатуры, о которой писал Ленин: «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты» («Доклад об объединительном съезде РСДРП». — Соч.,

т. 10, стр. 339), диктатуры как спасительной формы правления для государства, переживающего революционный кризис. О диктатуре он рассуждает в духе Макиавелли: тирания и диктатура не имеют ничего общего между собою. Диктатор, назначенный только на время, пока будут продолжаться обстоятельства, вызвавшие его назначение, не может выйти за пределы своей власти и повредить республике. «Из всех древних римских учреждений диктатура — одно из самых замечательных и наиболее способствовавших величию и могуществу Рима, — читаем мы у Макиавелли, — без нее государство это едва ли вышло бы благополучно из разных опасностей»[308]. Это положение Марат высказал еще в 1774 г., ему предстояло в условиях революции применить его к массовому движению трудящихся классов и сформулировать учение о диктатуре плебейских масс в революции конца XVIII в. Таковы идейные истоки маратизма.

Но в тех же источниках, в которых он черпал свои взгляды на деспотизм, он черпал и свои взгляды на массовое движение низов против власти господствующих классов. Высказывания Марата почти целиком совпадают со всем тем, что мы находим, скажем, у Макиавелли в главе XLIV «Рассуждений на первые три книги Тита Ливия»: «Толпа без вождя ничего не может сделать. . .». «Массы всегда смело выступают против своих правительств, — продолжает Макиавелли, — но, почуяв угрозу, немедленно повинуются, потому что люди, составляющие народные массы, лишены уверенности в содействии друг другу. . . Правда, нет ничего страшнее взволнованной массы без вождя; но нет также ничего слабее ее, хотя бы она была вооружена; ее легко укротить, лишь бы избегнуть первого порыва ее, потому что, когда умы поостынут и каждый увидит, что надо идти домой, все усомнятся в самих себе, начнут помышлять о собственном счастье и разбегутся или вступят в переговоры. . .». Не эти ли мысли лежат в основе маратовских рассуждений о восстании?

В «Истории Флоренции» на конкретном историческом материале о восстании плебеев во Флоренции XIV в. Марат мог почерпнуть нужные сведения по вопросу о революционной тактике — все то, что затем подтверждали данные об английской революции XVII в. и опыт демократических движений в городах Швейцарии XVIII в.

Поиски некоторых общих начал для построения теории революции в конце XVIII в. не были редкостью. Мы сошлемся здесь на исключительно интересные книги французского роялиста Феррана. В его работах «Considérations sur la révolution sociale» (1794) и «Théorie des révolutions» (1817) мы найдем подтверждение наших высказываний. Сопоставление и противо-

поставление его работ работам Марата дадут нам некоторое общее представление о взглядах радикальной мелкой буржуазии XVIII в. на теорию революции. «Основные события революций, — утверждал Ферран, — могут быть сведены к общим максимам... можно создать теорию революции, подобно тому как создана теория законов, потому что и революции имеют свои законы». При этом революции бывают двух типов — частные и всеобщие. Всеобщая революция и есть социальная революция, которая ниспровергает основы общества. Гражданская война против подобной революции не право, а долг господ. Но гражданская война, как всякая война, — искусство, надо знать, когда ее начинать, как ее вести, когда ее кончать, учит Ферран.[309]

Ферран учил французов искусству контрреволюции. Марат обучал массы искусству революции. В этом было своеобразие Марата и его историческая заслуга перед массами; в этом заключалась его роль как вождя плебейской оппозиции в буржуазной революции XVIII в.

В исторической литературе вопрос о биографии Марата до революционных лет мало разработан. Объясняется это, во-первых, скудостью материала, во-вторых, — и это самое главное — тем, что до сих пор буржуазная историография обходила молчанием или только мимоходом разрабатывала вопрос об истории демократической мелкобуржуазной оппозиции XVIII в. В-третьих, буржуазная и социал-демократическая историография (Каутский) игнорировала вопрос о роли и значении плебейских масс в классовой борьбе революционной эпохи. Наша задача в первой главе установить исторические корни деятельности Марата в годы революции в условиях кризиса старого порядка по всей Европе — в Англии, Франции, Швейцарии, — изучить характерные особенности мелкобуржуазной демократии этих стран и роль плебейской оппозиции в классовой борьбе второй половины XVIII в.

Исходным положением нашего анализа служит указание основоположников и учителей марксизма: французская революция происходила в эпоху мануфактурной промышленности, канула промышленного переворота. Маркс писал в «Капитале»: «...Франция XVIII века — образец мануфактуры в собственном смысле слова» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVII, стр. 419—420). В письме Даниэльсону (10 апреля 1879 г.) Маркс, говоря о Франции времен Людовика XIV и Людовика XV, пишет, что ее «финансовая, торговая и промышленная социальная надстройка или, вернее, фасад общественного здания... выглядел насмешкой над отсталым косным состоянием главной отрасли производства (сельскохозяйственного) и над голоданием производителей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 34). В этих условиях сложился определенный тип социально-экономических отношений, радикально отличный, скажем, от классовых отношений эпохи пролетарской революции.

Наряду с этим Ленин в своих работах дает нам указание по вопросу о роли мелкой буржуазии и плебейской оппозиции в классовой борьбе XVIII в. Говоря о движущих силах французской буржуазной революции, Ленин писал: «... *Буржуазная* революция в *высшей степени выгодна пролетариату*. Буржуазная революция *безусловно* необходима в интересах пролетариата... *В известном смысле* буржуазная революция *более выгодна* пролетариату, чем буржуазии. Именно вот в каком смысле несомненно это положение: буржуазии выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п. Буржуазии выгодно, чтобы буржуазная революция не смела слишком решительно все остатки старины, а оставила некоторые из них, т. е. чтобы эта революция была не вполне последовательна, не дошла до конца, не была решительна и беспощадна... Буржуазии выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении произошли медленнее, постепеннее, осторожнее, нерешительнее, путем реформ, а не путем революции; чтобы эти преобразования были как можно осторожнее по отношению к «почтенным» учреждениям крепостничества (вроде монархии); чтобы эти преобразования как можно меньше развивали революционной самодеятельности, инициативы и энергии простонародья, т. е. крестьянства и особенно рабочих, ибо иначе рабочим тем легче будет, как говорят французы, «переложить ружье с одного плеча на другое», т. е. направить против самой буржуазии то оружие, которым снабдит их буржуазная революция, ту свободу, которую она даст, те демократические учреждения, которые возникнут на очищенной от крепостничества почве.

Наоборот, рабочему классу выгоднее, чтобы необходимые преобразования в буржуазно-демократическом направлении прошли именно не реформаторским, а революционным путем, ибо реформаторский путь есть путь затяжек, проволочек, мучительно-медленного отмирания гниющих частей народного организма. От гниения их страдает прежде всего и больше всего пролетариат и крестьянство. Революционный путь есть путь быстрой, наименее болезненной по отношению к пролетариату операции, путь прямого удаления гниющих частей, путь наименьшей уступчивости и осторожности по отношению к монархии и соответствующим ей омерзительным и гнусным, гнилым и заражающим воздух гниением учреждениям» («Две тактики

социал-демократии в демократической революции». — Соч., т. 9, стр. 34—35).

Якобинцы, по мнению Ленина, «вошли в историю великим образцом действительно революционной борьбы с *классом эксплуататоров* со стороны взявшего *всю* государственную власть в свои руки *класса трудящихся и угнетенных*» («О врагах народа». — Соч., т. 25, стр. 42). В другом месте он дает еще более точное указание: «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты... т. е. именно то, что мы называем: «пролетариат и крестьянство» («Доклад об объединительном съезде РСДРП». — Соч., т. 10, стр. 339). Все эти ясные и четкие указания Ленина являются дальнейшим развитием знаменитых положений Энгельса, высказанных им в письме Каутскому 20 февраля 1889 г. о роли плебейской оппозиции во французской революции.

Идеи социально-политического равенства, выдвинутые Маратом уже в его ранних работах — «Цепи рабства» (1774) и «Проект уголовного кодекса» (1780), — по существу своему характерны для мелкобуржуазного демократа эпохи промышленного переворота. Об этих идеях равенства Ленин писал: «Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции... Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач... Идея равенства выражает всего цельнее борьбу со всеми пережитками крепостничества, борьбу за самое широкое и чистое развитие товарного производства» («Сила и слабость русской революции». — Соч., т. 12, стр. 316).

Вместе с тем мы находим во взглядах Марата немало элементов будущей программы «Заговора равных». Это относится прежде всего к его учению о революции и народном восстании. Как мелкобуржуазный демократ, тесно связанный с плебейскими массами, он противопоставляет либерализму свою программу революционной деятельности. В этом своеобразие социально-политических взглядов Марата, основные элементы которых мы встречаем в его работах до революции. Это еще и еще раз подтверждает характеристику Марата, данную Энгельсом: «Когда впоследствии я прочел книгу Бужара о Марате, я увидел, что мы бессознательно подражали во многих отношениях великому образцу подлинного, не фальсифицированного роялистами Друга народа... Подобно нам, он не считал революцию завершенной, а хотел сделать ее перманентной». Так Энгельс определяет тактику плебейской оппозиции и ее вождя Марата в буржуазной революции. К этому вопросу нам придется вернуться в дальнейших главах.

Вместе с тем материал первой главы книги дает нам возможность вскрыть непоследовательность мелкобуржуазного демократа, каким был Марат в своем учении о революции. Марат остается учеником Монтескье и Руссо. Он пытается объединить их взгляды, оставаясь, таким образом, в плену у парламентаризма и народоправства. Свои революционные идеи он черпает у историков гражданской войны древнего мира, английской революции XVIII в., в борьбе средневековых городских коммун, швейцарских кантонов XVIII в. и у Макиавелли.

Не должны нас обманывать также, несмотря на все историческое значение, элементы классовой борьбы во взглядах Марата. Ленин вслед за Марксом показал, что учение о классовой борьбе не Марксом, а буржуазией до Маркса создано и для буржуазии, вообще говоря, приемлемо. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. Элементы учения о диктатуре, которые мы находим у Марата, конечно не являются учением о диктатуре пролетариата. Марат не мог в условиях своей эпохи даже приблизиться к формулировке подобных взглядов. Речь идет у него о борьбе за власть «мелкого люда» (le petit peuple) — плебейских масс города и деревни, иначе говоря, Марат давал теоретическое обоснование будущей практике Конвента.

Как мелкобуржуазный демократ, Марат ведет борьбу с передовой материалистической философией буржуазии XVIII в. Он деист и эклектик, идеалист в своих философских и научных взглядах. Для Марата еще до 1789 г. характерно единство взглядов; его мировоззрение представляет собой законченное целое. Внимательный анализ его взглядов обнаруживает, насколько радикалы XVIII в. выступали революционно активно в эпоху, когда демократия и социализм еще были слиты воедино. Марат, как показывает материал первой главы, может и должен быть включен звеном в цепь от Т. Мюнцера — эпохи крестьянских войн, левеллеров — времен английской революции, Ж. Мелье, бешеных и примыкающей к ним части эбертистов, до «Заговора равных» и «партии» Буонарротти. Доказательству этого положения посвящена вся книга.

Первая глава имеет целью дать представление о генезисе идей Марата путем анализа его ранних работ и сопоставления его взглядов со взглядами классиков буржуазной и мелкобуржуазной мысли XVIII в. Кое-что в этом смысле дает даже такое малоизвестное произведение Марата, как его роман «Польские письма».

В первой главе нами дан также краткий очерк деятельности Марата как ученого-физика и врача. В этом очерке мы отнюдь не претендовали на окончательное суждение. Это дело специалистов. Мы поставили перед собой задачу установить философские взгляды Марата, скажем, на роль опыта и выяснить социально-политические мотивы борьбы Марата с академическим миром XVIII в. Материал первой главы, таким образом, подводит нас вплотную к деятельности Марата в годы революции. В отличие от буржуазной историографии мы утверждаем, что революционная деятельность Марата 1789—1793 гг. была подготовлена его теоретической работой задолго до революции.

Глава вторая

КЛАССОВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ РЕВОЛЮЦИИ

1

Обострение классовой борьбы с 70-х годов XVIII в. и революционное возбуждение последних лет накануне катастрофы старого порядка породили огромную публицистическую литературу. С момента издания эдикта о созыве Генеральных штатов до 25 марта 1789 г. одних политических брошюр насчитывалось до тысячи [1]. Историк Лихтенберже называет их общую сумму в 4 тыс. до дня открытия Генеральных штатов [2]. Брошюры эти до сих пор еще не подвергались систематическому изучению. В них с особенным усердием искали элементы «социализма», догму о народном суверенитете [3], но очень мало кто обращал внимание на главное — на то, что писали современники о грядущей революции. Вопрос о влиянии идей Руссо в предреволюционной публицистике разно разрешается в исторической литературе, но учение о народном суверенитете и общественном договоре было, бесспорно, оружием, которым пользовались с успехом представители различных классов. При изучении брошюр удалось установить даже своеобразную периодичность усиления и ослабления влияния руссоизма: его влияние шло вверх в период борьбы парламентов до момента открытия Генеральных штатов, оно упало с приближением к событиям революционных дней [4]. Массы вынуждены были отбросить реформистские выводы философа и перевести его теоретические формулы на язык восстания.

Принципами Руссо аргументировали сторонники абсолютного вето короля, защитники парламентских прав, последовательные демократы и либералы, сторонники реформ и революции.

«Все индивидуальные воли в обществе объединялись, чтобы образовать общественную волю — эта воля абсолютна»[5], — гласит одна роялистская брошюра. Теоретики и политические борцы за парламентские привилегии с не меньшей четкостью усвоили философские истины Руссо: «Парламенты естественно являются природными и подлинными органами общественной воли, от имени которой монарх поддерживает и гарантирует законы»[6]. В брошюре «Voeu national français» (1788) мы читаем: «Нация... имеет права, потому что в ней одной пребывают и должны пребывать величие и мощь... В качестве короля, ваше величество, вы являетесь первым полномочным представителем нации»[7]. Но это не мешало тем же политикам и публицистам парламентских прав в момент подъема революционной волны нередко изображать идеи о народном суверенитете как главное зло и факел гражданских распрей. Уже в марте 1789 г. брошюра «Manifeste de la Souveraine Raison» категорически заявляет: «О вы все, монархи, короли, принцы и суверены, которые управляют людьми здесь на земле, поймите по крайней мере, что философия, к которой вы относитесь с сомнением и подозрением и которая всем протягивает руки, когда-нибудь опрокинет троны, на которых вы восседаете»[8].

Учение о народном суверенитете является общим и для Мирабо, для которого очевидно, что «во всех странах народный суверенитет принадлежит нации», и для Сийеса, для более и менее умеренных. Любопытно, что на Руссо ссылаются как раз те реакционеры, которые хотят убедительно доказать, что идеалы XVIII в. хороши, но невыполнимы. «Необходимо, — пишет автор брошюры «Précis sur la Constitution», — чтобы каждый подчинялся общей воле.

Эта общая воля называется законом», законом существующего социального порядка[9].

Именем Руссо защищаются принципы эгалитаризма, но его же учением опровергают эти принципы в некоторых других брошюрах;[10] защищают, как мы увидим в дальнейшем, непосредственное народное законодательство и парламентский строй, подчинение законам и сопротивление насилию. Политические идеи Руссо стали орудием в руках различных классов конца XVIII в. во Франции. И чтобы понять то, что скрывалось за этим формальным единством, чтобы вскрыть классовую борьбу в предреволюционной публицистике, нужно отвлечься от правовых формул, нужно внимательно присмотреться к публицистике под углом зрения тех революционных задач, которые стояли в порядке дня.

Мыслима ли реформа «старого порядка» или неизбежна революция? Так ставили вопрос идеологи буржуазии. Какова

не только политическая, но социальная программа этой революции? — спрашивали демократы и либералы. Историческая литература обычно доказывает, защищая политическую программу буржуазии, что в течение последних месяцев накануне созыва Генеральных штатов в этом вопросе существовало полное единство взглядов, что вся оппозиционная литература мечтала только о реформе старого порядка, но не о революции, о примирении с монархом, а не о разрыве с ним. Подобные утверждения не дают возможности внимательно проанализировать ту жестокую борьбу, которая имела место в рядах оппозиционной литературы последних двух лет.

Политические группы, руководившие борьбой с 1787 г. по май 1789 г., представители оппозиционного дворянства и крупной буржуазии стремились прежде всего к компромиссу. «Необходимо, чтобы согласие нации соединилось с волей короля, но после того, как закон будет решен королем и одобрен нацией»[11], — эта мысль принадлежит тем, кто в основном возражал против декларативных положений о нации как суверене. В брошюре «Discours sur la Constitution» (июнь 1789 г.) эта мысль выражена еще яснее: «Стремясь к тому, чего вы хотите добиться, не забудьте о том, что вы можете потерять. Исправляйте, если возможно, злоупотребления вашей конституции, но не презирайте той, которая сделала из вас то, что вы есть»[12]. Поэтому прежде всего, утверждали сторонники этой точки зрения, стремитесь избежать революции, насильственного ниспровержения существующего политического и социального порядка.

В «Mémoire pour le peuple Français» боязнь буржуазной публицистики революции и одновременно стремление к реформам получили свое яркое отражение: «Философы трудились для вас, не заставляйте их раскаиваться, остерегайтесь низвергать старый порядок и изменять новый, не возбуждайте революции, которая произойдет сама собой, шпага и насилие чаще заковывали народы в цепи, чем их разбивали»[13]. Нация стремится только к реформам и уничтожению злоупотреблений, говорит анонимный автор памфлета, к уничтожению деспотизма правящих классов, к отмене рабства народных масс путем примирения с его величеством. Это заставляет автора прийти к категорическому выводу, к решительному отклонению демократии. Сторонников реформы идеологи дворянства обвиняют в защите демократического строя, «но я осмеливаюсь заявить: народ из всех сословий наций больше других пострадает из-за демократии; демократия выгодна только демагогам, которые управляют, властелинам, которые преследуют, ораторам, которые блистают, и сенатам, которые захватывают все, как бы

протежируя всему. Демократический народ — тиран, которого обманывают, и раб, которому льстят»[14].

Страх перед революцией способствовал своеобразному толкованию буржуазной публицистикой руссоистских положений о том, что «всякое гражданское общество — продукт соглашения между всеми его членами, но никогда не является результатом силы»[15]. В этом случае речь идет не о насилии деспотизма, а о революционной силе народа. Соглашение с монархом толковалось в данном случае буржуазией как реформы, октроированные королем. Франция — не аристократия, не династия, не демократия, а монархия, т. е. идеальная форма правления, сама себя возродившая путем реформ. Отсюда преклонение перед всякой уступкой короля, которая уничтожает возможность революции.

В наивной форме это получило свое отражение в многочисленных молитвах («Prières journalières du Tièrs-Etat»), которые распространялись в массах для целей пропаганды умеренной программы. В одной из них мы читаем: «О король! Наш идол, наша радость, мы пожертвуем всеми нашими способностями, всем нашим добром, отдадим всю нашу мощь, на которую мы способны, чтобы вы, наконец, провели великие изменения, о которых мы вас просим». «Молитва» чисто буржуазного происхождения: в ней просят об освобождении сельского хозяйства и торговли от излишних налоговых тягот и пиявок-откупщиков[16].

Теоретически и политически настроение этой группы оформил позже Мунье в брошюре «Considérations sur les gouvernements et principalement sur celui qui convient à la France» (1789), где основная мысль о борьбе с злоупотреблениями старого порядка сводится, однако, только к борьбе с «произволом и анархией», прежде всего с последней. «В толпе самое страшное, — пишет Мунье, — то, что те, кто не умеет думать (а это всегда подавляющее большинство), являются господами положения». Подлинная свобода предполагает поэтому свободу от толпы, «свобода — это только гарантия неприкосновенности имущества и личности». Закон — не пустое слово, надо добиваться не только возможности его свободного издания, но и организации силы, которая могла бы заставить его уважать и исполнять[17].

Мы характеризовали выше правое крыло оппозиционного блока накануне революции на основании брошюр 1788—1789 гг. Но к нему примыкает вторая группа — политический вождь третьего сословия, авангард французской буржуазии. В рядах последней еще не произошла та политическая дифференциация, которая позже приведет к борьбе фейянов и жирондистов, жирондистов и буржуа-якобинцев; воля авангарда пока едина. Сийес — ее идейный глава; в своих политических требованиях он выразил классовую программу грядущего переворота. Будет ли переворот революцией?

В предреволюционной публицистике общие теоретические рассуждения, абстрактные принципы нередко можно принять за программу действий. Это было бы грубой ошибкой. Нас в буржуазной публицистике накануне 1789 г. столь же мало должны смущать руссоистские формулы одних, как и монархические клятвы других. Памфлеты и брошюры полны общих мест. «Тот, кто отказывается, — читаем мы в одной из них, — подчиняться общей воле, будет отвергнут всем организмом нации: следовательно, представительство третьего сословия является подлинным представителем общественной воли,.. а следовательно, то, что будет поставлено в палате третьего сословия, обязательно для всех подданных государства»[18]. Это утверждается как истина не только на время д о, но и п о с л е 1789 г.

В одной из брошюр 1788 г. мы читаем следующее: «Народ остается добрым, удобным для управления, как и для религии, но не забудем, что он стал ныне более просвещенным, он знает свои силы, свое значение, свои права... Он не забывает, что составляет почти сам нацию и что из 24 миллионов французов, из которых народ состоит, 23½ миллиона приходятся исключительно на долю третьего сословия, в то время как первые два сословия вместе едва составляют 300—400 тысяч индивидов... Народ знает, что без него, без его индустрии, его работ Франция не сможет быть ни сильной, ни цветущей, потому что сельское хозяйство, искусство, торговля и мануфактура, которые составляют все богатство нации, — дело его рук и что они всегда останутся в обладании народа»[19].

Сознание своей исторической роли является общим руководящим принципом публицистов третьего сословия. В лучшем случае, думают они, привилегированные сословия могут претендовать на близость к трону, но права третьего сословия имеют своим источником природу. Гражданская свобода, осуществляемая в новом обществе, заключается «в той доле свободы, которая обеспечена нам законом, чтобы вознаградить нас за ту свободу, которую общество у нас отнимает»[20]. Третье сословие несет с собою торжество нового мира, в то время как привилегированные взяли на себя только обязанность родиться.

Публицисты побеждающего класса едва ли дают себе ясный отчет в той сумме экономических требований, которые должна осуществить революция. Все сводится пока к лозунгу экономической свободы внутри страны и покровительства национальной промышленности. Собственно в брошюрах повторяется та же мысль, что и в наказах. «Третье сословие, — читаем мы в наказе Намюра, — ожидает обещанных ордонансов,

столь торжественно объявленных, его торговля ожидает их, оставаясь в цепях» [21]. Свобода торговли была теснейшим образом связана с политическими требованиями третьего сословия. Один из наказов Вьенны выражает это положение следующим образом: «Когда французы заключат новый договор, когда они станут единым народом, необходимо будет устранить барьеры, которые разделяют провинции и, останавливаясь у которых, граждане сомневаются, находятся ли они в своем отечестве или в чужеземной стране» [22].

Публицистика предреволюционных лет повторяла общую экономическую мысль буржуазии и повторяла ее достаточно отчетливо. «Что, по существу говоря, — пишет автор одной брошюры 1788 г., — требует третье сословие? Чего оно добивается? Оно требует только свободы для своей промышленной деятельности, свободы, которая является богатством королевства и, следовательно, короля» [23]. По существу, прерогативы привилегированных сводятся к обременению хозяйства, заявляет автор цитируемой брошюры. «Эти прерогативы я называю, — продолжает он, — препятствием к удовлетворению интересов нации и короля, так как нет большей политической несправедливости, подлинно преступной, как обременять сельское хозяйство, торговлю и ремесла, разрушать тем самым источники богатства государства, уничтожая средства существования и причиняя этим государству большее зло, чем армия врагов-чужеземцев» [24].

Публицисты третьего сословия не только провозглашали свои истины, политические лозунги, они пытались им дать историческое обоснование. Автор «Considérations sur les intérêts du Tièrs-Etat» называет себя «земельным собственником»; он вскрывает исторические корни победы буржуазии. Сословия, ныне ведущие борьбу между собою, — результат длительной эволюции; неизменным за последние века осталось только то, что монархия — это нация, управляемая королем. Очевидно, что народ в колыбели не может управляться той же конституцией, подобно народу многочисленному, богатому и могучему, каким являются французы конца XVIII в. Но следует проводить отчетливую грань между законами конституционными и административными. «Мудрый народ не посягает на свою конституцию, но он всегда исправляет свою администрацию, и здесь кроется разница между республикой и монархией» [25]. В первой люди исправляют законы весьма часто, во второй — только тогда, когда они становятся очень плохи; в республике реформы ежедневны, в монархии они отмечают новую эпоху. «Монархия — дом, который чинят исподволь, редко по воле его обитателей и только, когда его владельцы утомлены их криками». Наш автор поясняет еще точнее свою

мысль. Государство напоминает мануфактуру, организаторы которой, образуя комиссию, создают его конституцию. Все уважают ее, но систематически исправляют ее в действии. Конституция в конце концов сводится к простой, но священной максиме: Salus populi — suprema lex est (благо народа — высший закон).

Речь, таким образом, идет, как мы видим, не только о святости традиции, но и о революционном праве восстановителей народного суверенитета. В самом деле, автор категорически отвергает ссылку на исторические права. «Наша история — не наша догма. Мы должны отбросить манеру ссылаться, когда необходимо что-либо предпринимать, на то, что делалось в прошлом» [26]. Это положение, утверждает наш автор, исключительно яркая иллюстрация того, что история — политическое орудие в руках людей: они возвеличивают ее, когда должны доказать свое право на будущее, они принижают ее, когда отрицают это право за господами вчерашнего дня. Та конституция, о которой говорит «земельный собственник», сводится к «национальной монархии» без посредников между королем и народным представительством.

Кто должен избирать представителей народа? Сам народ. Это понятие, конечно, имеет у автора брошюры определенное классовое содержание. Мы считаем нелепостью, когда в хозяйственной жизни поручаем какому-либо постороннему лицу руководство предприятием. Разве должно быть иначе в общественной жизни? Третьему сословию следует раз навсегда понять, что оно — «нация без дворянства и духовенства» [27]. Духовенство — не нация, а собрание 200 тыс. французов, обладающих привилегиями. Отсюда вывод, столь ярко напоминающий «Параболу» Сен-Симона: «Уничтожьте духовенство, дворянство, вы завтра можете создать новые тысячи их, но если вы уничтожите миллионы третьего сословия, что вам останется?» [28]. Поглощая в себе как в нации все сословия общества, третье сословие не устанавливает, однако, полного равенства — это иллюзия. Оно заменяет сословия «тремя рангами». Словом, оно создает новое общество по образу и подобию буржуазии в рядах третьего сословия.

Мы сознательно цитировали не классические образцы наказов, мы оставили в стороне и наиболее известные брошюры 1787—1788 гг., чтобы показать, как анонимные в большинстве случаев авторы повторяют одни и те же мысли, одни и те же лозунги буржуазной политической программы. Историческое право на революцию было сведено публицистами буржуазии к развернутому плану более или менее радикальных реформ. Вторая группа единого оппозиционного блока настроена, таким образом, гораздо более решительно, чем первая. Она

отнюдь не желает удовлетвориться октроированными реформами: в известном смысле она и права короля готова рассматривать как права, дарованные народом самому главе нового государства — королю.

Неизбежна ли в таком случае революция? Этот вопрос для представителей этой группы не решен: они хотят избежать ее. Как скромно звучит даже историческая формула Сийеса: «Что такое третье сословие? В с е. Чем оно было до сих пор в политической жизни? Н и ч е м. Чего оно требует? К о е - ч т о!»[29]. Провозглашая историческую миссию третьего сословия, аббат Сийес политически претендовал только на реформу существующего государства. Он дает философское обоснование буржуазному оппортунизму — в этом одна из интереснейших сторон знаменитой брошюры. «Я встречаю повсюду, — говорит он, — этих умеренных людей, которые хотят, чтобы шаги в сторону правды совершались медленно один за другим. Я сомневаюсь, понимают ли они то, что говорят. Они смешивают движения администратора и философа. Первый движется, как он может; если он идет по правильному пути, он заслуживает похвал. Но этот путь должен быть пройден до конца философом»[30].

Философ не должен допускать отступлений при обосновании своих принципов и способов проведения их в жизнь, администратор учитывает возможность и реальность их осуществления. Сийес как идеолог буржуазии выступает в той и другой роли — в э т о м характерная особенность оппозиционной идеологии буржуазии накануне революции. Провозглашая историческую миссию третьего сословия, публицисты буржуазии политически стремились только к реформам; утверждая, что нация — это третье сословие, они в то же время практически не шли дальше мысли о н е й т р а л и з а ц и и первых двух сословий в политической жизни[31]. Уяснить себе это значит многое понять в революционных событиях 1789—1791 гг.

Двумя выше охарактеризованными группировками в рядах оппозиционного блока разногласия предреволюционной публицистики не могут быть, однако, исчерпаны. Не подлежит сомнению, что подлинно революционные элементы оппозиции выступили на арену только в августе—сентябре 1789 г., их формирование как политической силы следует связать с событиями 5—6 октября. В свое время мы познакомимся с системой теоретических взглядов и революционной деятельностью этих групп. Но элементы радикальной оппозиции имелись уже налицо в 1788—1789 гг. Мы здесь не имеем в виду только радикально-демократическое истолкование Руссо. Нас больше интересует непосредственная практика и политика революционной борьбы, так, как она отразилась в публицистике эпохи. Вопрос этот не исследован, но его значение для истории

революции не подлежит сомнению. С точки зрения истории революции организация клубов с конца 1783 г. имеет не меньшее, а большее значение, чем роль салонов; изучение нелегальных памфлетов, брошюр, афиш представляет не меньший интерес, чем выяснение различных вариантов теории общественного договора и народного суверенитета.

Мы не пишем здесь историю предреволюционной Франции, но не можем обойти молчанием ряд известных фактов непосредственной революционной деятельности, которая принимала все более и более широкие размеры под общим названием «парламентской войны». Летом 1787 г. в Париже велась подлинно революционная агитация. Афиши провозглашали: «п а р л а м е н т и л и о г о н ь»; в столице говорили о бунте предместий. Правительство поспешило закрыть клубы и усилить военную охрану столицы[32]. Революционное движение еще больше усилилось в 1788 г. Памфлеты и афиши, массами распространяемые в Париже, требовали немедленного созыва Генеральных штатов и угрожали революционным взрывом. Мирабо благоразумно предупреждал об этом Монморена; он предлагал принять меры против «ужасной министерской болезни, вследствие которой они никогда не могут решиться дать сегодня то, что у них неизбежно отнимут завтра».

В ознаменование «примирения» с народом король стянул в апреле 1788 г. войска к столице и держал их в полной боевой готовности. Но это не остановило радикальные элементы оппозиции. В мае 1788 г. к стене дворца парламента, превращенного в казарму, было прибито объявление: «Дворец продается, министры вешаются, и корона сдается». Среди массы брошюр появились и такие, которые прямо ставили вопрос о насильственном перевороте. В одной из них мы читаем: «Это сочинение посвящено королям, получившим удовольствие наблюдать, как их королевство превращается в республику»[33]. Мемуары с ужасом передают, каким успехом «даже среди простого народа» пользовались брошюры, призывающие к кровавой борьбе. Население не только в столице, но и в провинции вооружалось. Стычки с солдатами стали обычным явлением. Одна из широко распространенных прокламаций призывала: «Восстаньте, французы! Наступило время той революции, которая будет возбуждать в потомстве сожаление или удивление, смотря по тому, оставим ли мы нашим детям рабство или свободу!» Мы оставляем, конечно, в стороне нечто более важное — революционную борьбу в деревнях и городах, заставившую королевское правительство поспешить с созывом Генеральных штатов. Страна была в огне революции.

Характерной особенностью предреволюционной публицистики является при этом преклонение перед королем: к нему

взывают, его защищают от плохой администрации. Проблема революции ставится и решается как бы помимо него. Это и вводит историков часто в заблуждение, заставляя всю оппозиционную публицистику накануне революции изображать одной краской. Только вынося за скобки общие места этой публицистики, мы сможем разобраться в том классовом своеобразии, которое отличает одну группу предреволюционных политиков от другой. В качестве наиболее характерных образцов радикально-демократической публицистики этой эпохи мы и будем рассматривать брошюры Ж.-П. Марата.

2

Последние годы накануне революции, как мы видели, были заполнены борьбой Марата с академической кастой. За личными дрязгами вскрывались конфликты высокопринципиального значения. Но преследования мешали Марату работать. Сохранившийся отрывок его письма от 16 марта 1788 г. служит этому свидетельством: «Неужели в столь прославленный век философии, — читаем мы в этом письме, — у истины не окажется больше друзей, достаточно мужественных, чтобы заступиться за нее против всемогущественной интриги?»[34]. Эти же жалобы сохранились и в дальнейших письмах 1788 г.[35] Умственное и нервное напряжение послужило причиной жестокой болезни Марата. Он рассказывает нам об этом в своей газете, в номере от 14 января 1793 г.[36]; сведения об этом дошли до нас и в сохранившемся письме от декабря 1788 г. В продолжение пяти лет, утверждает Марат, ему пришлось вести войну с академическим миром, войну, которая была прекращена болезнью, а затем революцией. «Не желая покидать жизнь, не послужив свободе, я составил «L' offrande à la Patrie» на своем горестном ложе. Это произведение пользовалось успехом. Оно было даже премировано одним патриотическим обществом»[37].

В другом документе, в письме Национальному собранию (май 1790 г.), Марат снова возвращается к истории своего первого политического выступления. Он говорит о том, что политическую школу он прошел в Англии, где более углубленное обследование английской конституции ныне низвело ее в его глазах до настоящей ее ценности, хотя «она, конечно, заслуживает удивления»[38]. Во Франции тот вид критики, каким он занимался в Англии, показался ему слишком опасным и мало пригодным занятием, и он вернулся к научному поприщу. Но приближающаяся революция снова вернула его к политике. Речь шла теперь не о программе реформ старого порядка, а о революции: «Злоупотребления во всех областях превысили всякую меру; народ с каждым днем становился несчастнее, самые зажиточные классы были на пути к тому, чтобы сделаться жертвами двора; умы, просвещенные политическими писателями, жаждали нового порядка вещей»[39]. Известие о созыве Генеральных штатов заставило его выступить на политическую арену. «L'offrande à la Patrie» написана в конце 1788 г. и издана в феврале 1789 г.[40]. Вторая брошюра, «Дополнение» к первой, издана в апреле 1789 г.[41]. Обе брошюры отмечают политический путь, проделанный Маратом от начала революции до августа — сентября 1789 г., когда издания «Плана конституции» и газеты «L'Ami du Peuple» начинают новую главу его революционной деятельности.

Марат в своей автобиографии дал нам исчерпывающую характеристику своим первым политическим выступлениям. Он говорит о блоке и близости своей к группе наиболее передовых, как тогда казалось, патриотов (Лепапелье, Сийес, Рабо, Барнав, Дюпор), близости, которая продолжалась по крайней мере шесть недель до выхода «Плана конституции», т. е. до июня 1789 г. Но очень скоро политические друзья стали политическими врагами. Газета «L'Ami du Peuple» и должна была послужить острым оружием для борьбы с их преступлениями и ошибками[42]. Выяснить хотя бы в кратких чертах этот путь революционного самоопределения, проделанный Маратом в первые месяцы революции, представляет для нас больший интерес, чем общие рассуждения исторической литературы о Марате как о монархисте с целью его дискредитации или оправдания[43].

«Дар отечеству» полон общих рассуждений о народном суверенитете и вреде абсолютизма. Но даже при беглом чтении обращает на себя внимание беспрерывное напоминание о революции, угроза восстания, указания, которые находятся в противоречии с его мирными суждениями об «отеческой власти» короля и с призывом сохранить единство нации.

«Защитники монархии, — утверждает Марат, — стремятся к тому, чтобы ослепить народ, уморить его голодом; они считают, что чем угнетеннее народ, тем он покорней, но безумцы забывают, что всякий великодушный народ, устав страдать, стряхивает с себя, наконец, иго; стоны отчаяния сменяются тогда приступом ярости, и из пламени мятежа всегда готовы вырваться клики свободы»[44]. Марат напоминает королю, «пастуху-хозяину своих овец», что народ теперь в силах опрокинуть трон, потому что армия перестала слепо подчиняться государям. Это и привело монарха «к счастливой необходимости быть отцом своих народов»[45].

Марат говорит об их близости, об их единстве в той мере, в какой «разум восторжествовал над преступными партиями», в той мере, в какой в рядах привилегированных сословий «сохра-

илось еще множество добродетельных людей» [46]. Эта условная оценка возможности мирных реформ во Франции получает свое яркое выражение в выводе: «О французы! Настал конец вашим страданиям, если вы устали переносить их: вы свободны, если у вас есть мужество быть свободными» [47].

Не подлежит, конечно, сомнению, что эти монархические настроения свидетельствуют о влиянии реформистской буржуазии даже на взгляды теоретика и революционера — мелкого буржуа. Революционная непреклонность его взглядов была в дальнейшем в годы революции результатом ожесточенной классовой борьбы.

Частичная реформа, которая спасла бы государство от банкротства, немыслима, поскольку экономически господствующие сословия исчерпали себя, продолжает Марат: «Самонадеянные спасители! Найдется ли среди них хотя бы сто человек, не разоренных роскошествами, расточительностью. игрой, хищничеством своих управителей? Найдется ли среди них хотя бы сто человек, не обремененных долгами? Взгляните на земли, находящиеся под судебным запретом или продающиеся с торгов, взгляните на имения, конфискованные или объявленные под опекой...» [48].

Их помощь государству могла быть только временной: «Они готовы заплатить однажды превыше всякой меры, чтобы потом не платить уже вовсе» [49]. Всякая реформа была бы только поражением народа: «они поработили бы вас навсегда». О каком равновесии или нейтрализации господствующих сословий может в таком случае идти речь? Господствующие сословия не желают признавать вас «главным сословием», продолжает Марат, хотя вы обрабатываете земли, строите города, работаете в рудниках, устраиваете мастерские, мануфактуры, ведете торговлю, строите корабли, составляете армию. Порабощенным следовало бы покинуть родину, которая для них мачеха. «Но нет, нет, не покидайте очагов своих, почувствуйте же, наконец, свою силу» [50]. Марат зовет народ «познать цену мгновения»; пусть благоразумие руководит каждым его шагом, но надо оставаться непреклонным до конца, отказываясь от реформ до тех пор, пока Национальное собрание не освятит права народа.

Каковы эти права? «На что только имеете вы права притязать и в чем только вы нуждаетесь? В том состоянии, в котором вы теперь находитесь, вы должны требовать, чтобы вам предоставили возможность не только прокормиться, одеться, обзавестись квартирой, воспитывать своих детей и надлежащим образом устроить их судьбу, — вы должны обеспечить свободу своей личности против посягательств чиновничества и деспотизма судей... вы должны... создать благоприятные условия для развития своих дарований» [51].

В этих словах мы имеем дело с требованиями демократа добиться последовательного и полного осуществления программы буржуазной революции. Подтверждаются, таким образом, слова Ленина: «... Наши русские оппортунисты постоянно сбиваются на ту ошибочную мысль, будто неизбежным «хозяином» буржуазной революции является либеральная буржуазия. Они совершенно не понимают исторической роли хотя бы, напр., Конвента, как диктатуры общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии, в великой французской революции» («Кто за союзы с кадетами?» — Соч., т. 11, стр. 37—38). Марат в 1789 г. намечал в своих писаниях программу якобинской диктатуры 1793 г. *

Достаточно сопоставить революционные требования Марата и публицистов буржуазной оппозиции, и тогда станет ясным то место, которое первый занимает в мае—августе 1789 г. в рядах буржуазного политического блока. Его радикальная программа еще далеко не развернута, она только намечена, но это программа буржуазной революции, а не октроированных реформ в интересах буржуазии.

Марат уже в первом произведении пытается разобраться, какие классовые силы составляют тот политический блок, в чьих рядах известное место занимают и представители радикальной демократии. «Все классы третьего сословия, — пишет Марат, — объединенные общими интересами, уже сплотились и пришли к соглашению» [52]. Сюда входят финансисты, «новоиспеченные дворяне», адвокаты, низшее духовенство, ученые и философы, а кроме того, третье сословие в собственном смысле слова: служащие, ремесленники, рабочие, мастеровые, торговцы, негоцианты, хлебопашцы, нетитулованные рантье, учителя, артисты, хирурги, врачи, законоведы, армия. Да, в этот блок включены Маратом даже вчерашние враги — «академики» [53].

Прочен ли этот блок? В 1789 г. революция числит среди своих врагов тех, кто вчера еще защищал интересы оппозиции, — парламенты. «Но парламенты покинули третье сословие, и третье сословие в свою очередь покинуло их». Марат знает почему: «В городе они выдают себя за защитников угнетенных, а в деревне сами угнетают тех, кто имеет несчастье быть их соседями». Он включает в оппозиционный блок крестьянство как «главную силу для борьбы с сеньерами». Марат

* Это утверждение автора крайне преувеличено. — *Примеч. редактора.*

идет дальше: ему важно подчеркнуть роль городских ремесленников в движении. «Парламентарии» олицетворяют для него кастовый дух старого порядка. Один из них, известный как мудрец, обратился к типографам: «Ну, а ваш цех тоже подпишется под петицией?» — «Хорош вопрос, нечего сказать, — зло отвечает Марат, — пусть-ка он окинет взором все это множество появляющихся у нас изо дня в день патриотических сочинений, и ему станут ясными взгляды типографов» [54].

Для Марата характерно понимание исторических задач буржуазии и одновременная защита особых интересов народных масс. В революции конца XVIII в. эти две политические программы, как правило, редко совпадали. Политическая мысль социальных реформаторов была нередко реакционной, социальная программа теоретиков буржуазии предполагала, что трудящиеся массы будут осчастливлены ее победой. Марат с первых шагов своей деятельности пытается сформулировать революционную программу плебейской оппозиции конца XVIII в.[55]

Старый порядок подорвал кредит государства внутри Франции, он подорвал его и вовне. Марат поэтому жестоко критикует внешнюю политику Людовика XVI с точки зрения буржуазного развития. Интересно, что он отнюдь не восторгается той ролью, которую Франция играла в англо-американской войне. Истощив себя в этой войне, правительство Людовика XVI не закрепило ее результатов союзом с победителями-инсургентами, но зато дало нажиться интендантам и интриганам [56]. Оно заключило пагубный торговый договор 1786 г., «способствовавший падению нашей промышленности и повергший в нищету такое несчетное множество ценных работников» [57]. Столь же нелепа была французская политика по отношению к Голландии. Ошибки этой политики способствовали созданию тройственного союза Голландия—Англия—Германия против Франции. «Можно ли сомневаться в злобе англичан и голландцев, — спрашивает Марат, — можно ли сомневаться в том, что они отняли бы уже у нас наши колонии?» Да, благодаря политике министров Людовика XVI Франция уже выбыла из политической системы Европы. Неудивительно, что внешняя и внутренняя политика монархии ставит Францию перед угрозой гражданской войны внутри страны.

Мы отмечали выше те оговорки, с которыми Марат допускает «соглашение сословий». В «четвертой речи» в своей первой политической брошюре он возвращается к этому вопросу и уже недвусмысленно говорит о блоке дворянства и духовенства с парламентами. Он поднимает против них знамя восстания. «А что, если народ вздумает поступить с ними так же, как некогда их предки поступили с несчастными жителями захва-

ченных ими провинций? А что, если народ начнет грабить их дома и делить их земли?». Стоит только народу перестать подчиняться закону, как будущее государства будет всецело зависеть от вооруженного народа. «Кто может поручиться за то, что сегодняшний собственник в свою очередь не станет крепостным? Кто может поручиться за то, что тот или иной прелат, граф, маркиз, герцог, принц не сделается в свою очередь рабом своего же лакея или конюха?» [58]. Этой-то революции и боялись идеологи буржуазии Мунье и Сийес. Подобные рассуждения, конечно, характерны для мелкого буржуа, теоретика плебейской оппозиции в эпоху мануфактурного производства; его социальная программа носила антикапиталистический характер; в своей борьбе за осуществление этой программы теоретики плебейской оппозиции опасались посягнуть на собственность; гораздо решительней они были в области требований политических преобразований. «Пугал» буржуазию аграрным законом в 1789—1791 гг. не только Марат, но и Бабеф.

В политическом отношении Марат требует осуществления «шести основных законов» королевства. Эти законы: 1) суверенность Национального собрания и ответственное министерство, 2) свобода печати, 3) неприкосновенность личности, 4) реформа суда и уголовного кодекса, 5) налоговая реформа, 6) создание комитета, управляющего государством, на время между двумя Национальными собраниями [59]. Для нас интересны в данном случае особенно пятый и шестой основные законы; в остальном Марат более последовательно повторяет то, что мы находим в программе буржуазии. По поводу налоговой политики Марат пока ограничивается кратким указанием на то, что «распределение налогов должно быть пропорционально состоянию налогоплательщиков». Что касается закона об особом государственном комитете, то мы имеем здесь дело с предложением Марата о диктаториальном органе, который «должен быть малочисленным, но должен состоять из людей, отлично просвещенных и добродетельных», не связанных с государственными должностями [60]. Никаких дальнейших подробностей мы пока не узнаем об этом комитете. Но к нему Марат будет возвращаться беспрерывно в своей деятельности, с ним связана одна из характерных черт маратизма, мелкобуржуазного учения о революции XVIII в. как теории революционной диктатуры плебейских масс, «низов» — пролетариата и мелкой буржуазии.

Осуществление этих основных законов государства может быть актом «доброй воли короля». Марат не перестает повторять это общее место предреволюционной публицистики, чтобы тотчас же развернуть программу решительных мероприятий на случай, если король не проявит доброй воли. Он зовет массы

начать борьбу с отказа платить налоги. Насилие правительства в этом случае неизбежно породит гражданскую войну и повлечет за собой свержение монархии. Королевской власти останется тогда призвать для подавления революции иностранные войска [61]. Дерзнет ли она? Пусть король не забудет, что на защиту свободы восстанут «все обездоленные, полуголые, изнемогающие от усталости, изможденные люди, населяющие деревни и города» [62].

Недоверчивое отношение Марата к октроированным реформам получило свое полное выражение в брошюре «Дополнение к дару отечества», написанной в связи с эдиктом и инструкцией о созыве Генеральных штатов. С отвращением встречает теперь Марат кучу брошюр, выражающих радость и восторг по поводу монаршей милости [63]. В подавляющем большинстве этих брошюр, пишет он, предлагается та или другая административная реформа, но это «слабое лекарство»: «Поистине, нужно было бы быть очень плохим знатоком людей, чтобы ожидать спасения страны от преобразования министерства и чтобы вверять правительству судьбы нации». Марат идет дальше, он открыто подвергает сомнению способность монарха реформировать государство; он призывает к борьбе против робких людей, слепо верующих в возможности мирного преобразования. «Интересы сословий, корпораций, привилегированных орденов не согласуемы с интересами народа; ведь на уничтожении, угнетении, поругании и несчастии большинства основывает меньшинство свое величие, господство и славу. Глупая жалость к врагам народа может нанести ущерб народному благу».

Неизбежность насильственного переворота отныне становится для Марата «общим местом»; эта мысль вытесняет рассуждения о народном суверенитете, общественном договоре и т. д. Бедствие народа — результат его великодушия. «Я ничего не утаиваю, я обнажил зияющую перед нами бездну, — пишет Марат, — я измерил ее глубину, но я показал также и наши возможности, я рассчитываю на мужество третьего сословия, на благоразумие и добродетель его представителей и не отчаиваюсь в спасении страны». До августа 1789 г. Марат еще надеется на успех революционной деятельности оппозиционного блока и верит в активность его буржуазного авангарда. Марат рвет с ним позже, в связи с событиями 5—6 октября. Он ищет новую социальную опору для своих революционных принципов в определенной части этого третьего сословия, в его низах.

Инструкция о выборах в Генеральные штаты обнаружила, что король только ищет выхода из своего затруднительного положения. Он относится к требованиям народа как к челобитной своих подданных. Но ответом ему послужит твердое

решение народа: «Нет, не жалобы уже, а крик возмущения против виновников наших несчастий, не пожелания, а требования прав человека и гражданина».

Народ посягает на старый порядок не только во имя Генеральных штатов, он хочет конституции для изгнания праздной роскоши, армии откупщиков, вымогателей и грабителей. «Депутаты народа, — по словам Марата, — поставлены в неравноправное положение с представителями первых двух сословий, двор сохранил для себя возможность направлять деятельность Генеральных штатов. Инструкция предоставляет депутатам широчайшую независимость от воли избирателей, чтобы затем подкупом привлечь их на свою сторону; государь добивается права быть председателем собрания сословий и в довершение всего нам проповедуют «субординацию», предлагая сплотиться вокруг престола и довериться естественным нашим защитникам». Генеральные штаты должны выступить в роли Национального собрания, они должны отказать в финансовой поддержке правительству до утверждения основных прав народа, не допустить раздельного законодательства сословий и посословного голосования. В апреле 1789 г. Марат резко и отчетливо формулирует то, что робко высказывала вся буржуазная публицистика и что сделало депутатов третьего сословия героями в июне-июле 1789 г.

Собственно говоря, эти положения осуществила только революция 14 июля; и характерно, что уже в двух первых публицистических произведениях Марата мы находим основное его утверждение о решающей роли «внепарламентской тактики» революции. Под «внепарламентской тактикой» мы понимаем стремление Марата решать вопросы революции не в конституционных спорах, а в борьбе трудящихся масс за свое освобождение.

Решает судьбы революции не парламент, а народ с оружием в руках. Марат был последовательным и жесточайшим врагом «парламентского кретинизма», этим он отличался не только от идеологов либерализма, но и от прославленных вождей мелкобуржуазного якобинизма. «Время, которое будет предоставлено вам для служения родине, ограничено, — обращается Марат к депутатам третьего сословия, — смотрите же, не растратьте его на праздные разглагольствования, на легкомысленные споры, на пустые препирательства; отложите до менее серьезного момента столь естественное стремление блеснуть красноречием».

Марат рекомендует им избрать из своей среды одного оратора, который будет в случае необходимости говорить от имени всего собрания. Собрание должно помнить, что его деятельность

сведетс к тому, чтобы сражаться с тысячами врагов. Эти враги — не только отбросы привилегированных сословий, как дипломатично заявил Марат в первой брошюре, нет, это «страшная коалиция духовенства, дворянства, парламентов и финансистов». Так Марат формулирует программу неизбежной революции, конкретно указывая ее врагов и друзей, конкретно отмечая задачи революционной борьбы. Таким образом, между группировками оппозиционного блока уже весной 1789 г. намечались глубочайшие разногласия; они вскоре созрели и в ближайшие месяцы привели к взаимному столкновению, а вместе с углублением классовой борьбы в стране — к гражданской войне.

3

Реакционная публицистика, в том числе и представители правого крыла буржуазного блока, очень рано начали противопоставлять идею свободы идее равенства [64]. Вокруг этих принципов, по существу говоря, шла борьба двух групп — сторонников демократии и сторонников буржуазно-аристократического порядка; это было своеобразной, характерной для XVIII в. идеологической оболочкой острой классовой борьбы в стране. Мы не пишем общей истории французской революции, но для изучения маратизма и политического дебюта Марата необходимо познакомиться с этой борьбой классов вокруг революции 14 июля 1789 г.

Последние два года накануне революции, как мы отмечали выше, были периодом не только идейной подготовки оппозиционных сил. В то время как на рынках и в предместьях в годы парламентской войны народ кричал: «У нас, наконец, гражданская война! Великолепно! Будем драться!» [65], либеральная буржуазия в клубах и салонах создавала свою партию. В ее рядах намечалась борьба двух организаций — «националистов» и «парламентаристов». С момента объявления выборов в Генеральные штаты первая партия, партия либералов-патриотов, оформилась на квартире у Дюпра. Она была известна под названием «общества тридцати». Наряду с Лафайетом, Сийесом, Кондорсе, здесь присутствовали банкиры Клавьер Паншо, Лаборд-Мереваль. «Общество тридцати» было организацией либерального дворянства и представителей буржуазной верхушки, в том числе интеллигенции. Здесь обсуждалась ближайшая программа действий и был решен вопрос о поддержке третьего сословия сторонниками «народной партии» из привилегированных. Основные принципы этой программы легли в основу наказа буржуазии от Парижа. Добавим при этом, что часть делегации парижского дворянства в Генеральные штаты

находилась в теснейшей связи с банкирами и капиталистами столицы. Это меньшинство в 47 человек с упорством защищало в дворянской камере либеральные принципы; дело доходило до кровавых стычек.

Еще более характерными были конфликты на собрании избирателей от третьего сословия. Как свидетельствует Байи в своих мемуарах, основной спорный вопрос, который пришлось разрешать этому собранию, был вопрос о том, как относиться к тем привилегированным, которые могут оказаться в собрании третьего сословия, и особенно, как относиться к дворянам и буржуа [66]. «Следует, — пишет Байи, — различать источники нового дворянства и не смешивать тех, кто получил это звание за деньги — негоциантов, которые были возведены в дворянство благодаря заслугам, оказанным государству в торговле, или чиновников муниципалитетов — со всеми остальными» [67]. Эти группы дворянства, утверждает Байи, должно рассматривать как часть третьего сословия.

Сторонники соглашения с короной, защитники частичной реформы старого порядка и компромисса с господствующими сословиями настаивали на допустимости избрания в депутаты Генеральных штатов и лиц, которые являлись агентами старой администрации, пенсионеров двора и т. д.; левое крыло требовало избрания депутатов третьего сословия исключительно из ее собственной среды; победили первые. Рассматривая списки членов тех делегаций, которых собрание третьего сословия посылало первым двум для соглашения, мы видим в их среде представителей групп, которые были господами положения в третьем сословии в первый период революции. Таков, скажем, состав делегации, избранной 27 апреля: 11 банкиров и негоциантов, 15 адвокатов и представителей Академии, 9 чиновников старого порядка [68]. «Две группы, — по словам Байи, преобладали в собрании представителей третьего сословия — торговцы и адвокаты» [69]. Он близок к истине, если к этому прибавить еще и третью группу — агентов королевского правительства.

Двойную задачу пришлось разрешать руководителям третьего сословия в мае—июле 1789 г.: обеспечить возможность соглашения с господствующими сословиями и сохранить за собою руководство революционным движением. Последняя задача с первых же дней революции требовала, однако, сближения с массами, разрешения продовольственного вопроса. В этой области происходило любопытное состязание между сословиями, как остроумно заметил Мирабо: «Каждое из привилегированных сословий остается верным своей природе: одно рубит с плеча, другое хитрит» [70]. Но хитрило не одно духовенство. Когда епископ Нима в палате духовенства по-

требовал обратить внимание на голод и нужду народных низов, он вызвал смущение в рядах депутатов третьего сословия. В первые дни июня, как торжествующе отмечает Байи, буржуа поспешили перещеголять духовенство в обещаниях народу [71]. Хитрость им удалась: народ временно подчинил свои экономические интересы политическим требованиям буржуазии. Таким образом, тыл буржуазии был обеспечен, и она смогла продолжать свою борьбу за власть.

Но буржуазия вступила на этот путь робко и нерешительно. Привилегированные сословия, как заметил Марат, готовы были отказаться от своих налоговых преимуществ, чтобы спасти остальное, а господствующая группа, авангард буржуазии, сомневалась в своем праве провозгласить Национальное собрание. Современники — избиратели третьего сословия Парижа — красочно передают нам борьбу вокруг названия народного представительства, разгоревшуюся в «собрании третьего сословия», которое решило в июне заменить собою сословные камеры. Решительно было отброшено название «Représentations du Peuple», потому что слово «народ» могло ввести в заблуждение; оно могло означать, как пишет Байи, не все третье сословие в целом, а только плебс, наиболее невежественную часть его. Название «Национальное собрание» приняли как наиболее нейтральное: оно могло означать и представительство всей нации и представительство общин [72]. Как блекнут яркие краски исторических легенд буржуазной историографии при внимательном анализе фактов под углом зрения классовой борьбы!

Победа собрания третьего сословия над королем в июне 1789 г. была, таким образом, только компромиссом между сословиями; сравнительно легкая победа, одержанная буржуазией, объясняется вмешательством оппозиционной группы дворянства, которая в союзе с реформистски настроенными буржуа играла роль посредников. Но революция была неизбежной, потому что, несмотря на это соглашение, король и господствующие сословия защищали свои феодальные прерогативы в политической и особенно социально-экономической области, защищали их ценою жизни. Они не желали уступок: р е в о л ю ц и и п р о т и в о с т о я л а к о н т р р е в о л ю ц и я.

Но не это беспокоило победителей в июне 1789 г.: их тревожило прежде всего растущее внепарламентское движение народных масс. Национальное собрание заботилось о недопущении «неизвестных лиц и неорганизованной толпы», которые пытались сорвать закулисную парламентскую игру сословных представителей. Победители помогали, таким образом, контрреволюции тем, что ставили препятствия революции; даже аплодисменты в собрании им казались опасными. Мысль о толпе как о главном препятствии для свободы и конституции становится руководящей для буржуа в Генеральных штатах уже в конце июня 1789 г., т. е. буквально в день торжества провозглашения Национального собрания.

На этой почве произошло сближение руководителей третьего сословия и Неккера. Байи готов приписать Неккеру идею создания буржуазной гвардии как единственной силы для борьбы с народным движением, несмотря на то, что декларация короля от 23 июня обходит молчанием значительную часть требований, наказов и в первую очередь все то, что касалось освобождения собственности от сеньориальных пут. «Эта декларация», даже по словам Мунье, «неминуемо отдаст народ в угнетение, упрочит злоупотребления, породит междоусобную ненависть и вражду». Но основную свою задачу блок «дворян, духовенства, финансистов» видел не в этом, а в задаче избежать революции. Это и учел король, который в письме парижскому архиепископу, переданном собранию сословий 2 июля, с особым усердием подчеркивает, что все «верноподданные» должны помочь ему одолеть общего врага — в о с с т а н и е н а р о д н ы х н и з о в.

С той же целью правительство Неккера в полном согласии с буржуа-победителями приняло меры к разрешению продовольственного вопроса. Особый мемуар Неккера сообщал собранию, что до сих пор срочно было доставлено для столицы 97 тыс. квинталов зерна, 64 тыс. ожидаются в ближайшее время и 94 тыс. законтрактовано, но неизвестно, когда они прибудут. Было предложено выразить благодарность королю за принятие этих мер и обеспечить свободу торговли хлебом, если это надо, вооруженной силой. Возражал только Петион. Но Байи утверждает, что эти мероприятия спасли Францию от продолжения эксцессов народной революции после 14 июля.

Подобными «мудрыми» предупредительными мерами и заполнено законодательство третьего сословия с конца июня по 14 июля 1789 г. Все было готово для того, чтобы не допустить народного восстания; были созданы даже вооруженные отряды будущей национальной гвардии. И если революция опрокинула все расчеты Байи и его друзей, то лишь благодаря сопротивлению народных низов.

Байи откровенно рассказывает об усилиях избирателей третьего сословия сорвать июльское движение. Они должны были в ратуше наблюдать за народом и препятствовать его вооружению, но повстанцы вооружались против их воли; они должны были проявить инициативу в созыве дистриктов, но дистрикты возглавили восстание помимо умеренных буржуа. «Множество избирателей, — пишет Байи, — рассеялось по разным кварталам Парижа, чтобы обеспечить порядок и мир, призвать восставших разойтись по домам. Я провел ночь

(на 13 июля) в страшном беспокойстве по поводу происходящего, я не знал тогда, что мне придется предпринять» [73].

Позиция буржуазии в эти дни определялась, конечно, не одним страхом перед народным восстанием. Отставка Неккера была реальной угрозой капиталистам со стороны контрреволюции. Тотчас после того как весть об его отставке распространилась, в столице состоялись многочисленные собрания деловых людей. Решено было объявить закрытие биржи. Капиталисты послали специального агента в Версаль, для того чтобы он сообщал им о ходе событий. Неудивительно поэтому, что в день 14 июля на улицах Парижа в толпе повстанцев мы встречаем рантье и банкиров, заинтересованных в исходе движения.

Руководителям третьего сословия события показались поэтому исключительно сложными. В дни 13—14 июля, как пишет Байи, революция была произведена храбростью и решительностью парижан, но город был спасен мудростью избирателей. Наряду с добрыми гражданами, которые все сделали для общей защиты, действовали бунтовщики, которые хотели ввергнуть революцию в бездну, «они стремились беспредельно продолжать ее». В день 14 июля, таким образом, в самом ходе революции выступила плебейская масса как активная и решающая сила буржуазного переворота; эта сила решила ход и исход событий.

13 и 14 июля Национальное собрание, мирно продолжавшее свою работу, узнало о восстании предместий, о поджоге застав, о грабеже лавок и домов врагов народа, об освобождении арестованных. События эти, утверждали буржуа-современники, имели две причины: беспокойство патриотов, которые хотели вооружиться, чтобы спасти отечество, собственность, и происки тех, кто отличился при разгроме фабрики Ревельона. Национальное собрание спешило вступить в переговоры с королем, чтобы добиться возможных уступок, а с другой стороны, буржуазная столица стремилась образовать постоянный комитет из муниципальных чиновников и избирателей, для того чтобы вооруженной рукой раздавить движение. В ратушу поступали беспрерывные жалобы на то, что восстание мешает нормальному ходу торговых операций. Это стимулировало энергию комитета. Флессель доносил 13 июля Национальному собранию, что организация буржуазной гвардии — достаточная опора порядка против анархического вооружения народа.

Чтобы отвлечь безработных, комитетом решено было организовать общественные работы. Но было поздно. Буржуазный комитет 14 июля оказался бессильным перед лицом событий, «угрожающих собственности и всеобщей анархией». Пришлось считаться с тем, как растерянно замечает Байи, что народ хотел вооружиться еще для особых целей. Париж покрылся

баррикадами, он превратился в поле сражений, и революция победила.

Такова оценка революции 14 июля представителем умеренной буржуазии, оказавшейся победителем в революции, несмотря на то, что она не хотела ее и вела борьбу с народным восстанием. Иначе расценивали события современники — публицисты радикального лагеря: Бастилия пала благодаря Сент-Антуанскому предместью. Автор одной из брошюр отчетливо перечисляет, кто были борцы свободы: «Большинство этих смелых граждан — рабочие, которые лишились работы из-за беспорядков; это отцы семейств, обремененные многочисленными семьями, лишенные необходимых средств для их прокормления; это, наконец, честные люди, измучившиеся за последнюю зиму в поисках хлеба, который проклятые спекулянты продают втридорога; люди эти ввергнуты были безысходной нуждой в отчаяние, которое трудно описать. Отечество обязано оказать им помощь» [74].

Это констатируют первые, если не ошибаюсь, дошедшие до нас работы «историков» французской революции, написанные в июле 1789 г. В одной из них автор утверждает, что «дороговизна, всегда решающая причина революций, объясняет нам и события 14 июля. Народ умирал от нищеты; рабочие лишены заработка. Что должны были предпринять тысячи людей, которые покинули мануфактуры, которых оставили без жилища и хлеба, — и это в дни всеобщей революции?» [75] Второй «историк» констатирует тот же факт огромного участия трудящихся во взятии Бастилии и рассматривает события под углом зрения классовой борьбы рабочих и буржуа. Благодаря сопротивлению последних была спасена от разгрома тюрьма Шатле [76]. Эти-то эксцессы, утверждает наш автор, послужили главной причиной вооружения буржуазии. Она вооружалась не для продолжения революции, а для самозащиты. С этой целью буржуа послали две делегации: одну — королю, а другую — в Париж, чтобы «воздвигнуть барьер между гражданами и солдатами для восстановления порядка».

Так же как до восстания, так и после его победы необходимо было спешить успокоить народ, «поставить предел народному возбуждению». Солидарно в этом направлении действовали в муниципалитете вернувшийся Неккер и победители. Муниципалитет Парижа тотчас после событий 14 июля, не успев еще окончательно сформироваться, в особой прокламации объявляет о «воцарении царства закона: все да подчиняются, когда он приказывает». В дистрикте Моконсей произвольно задержали телегу с серебряной монетой, и ратуша требует свободы передвижения товаров, иначе столицу вынуждены будут покинуть богатые жители, единственно обеспечивающие беспре-

пятственную хозяйственную жизнь в стране. Но о том же заботится Барнав, один из представителей левой группы либерального блока. В письме из Гренобля 15 июля 1789 г. он предлагает народу, чтобы избежать гражданской войны, направлять петиции в Национальное собрание и поспешить с организацией муниципальной гвардии. В восстановлении порядка, утверждает он, заинтересованы прежде всего богатые, потому что парижская милиция «est bonne bourgeoise»; Барнав считает ее достаточной гарантией для общественного блага и угрозой тирании.

Самоорганизация — таков теперь основной лозунг буржуазии. Дистрикты, куда заблаговременно были посланы уполномоченные, должны были делегировать своих депутатов для формирования муниципалитета. Собственно говоря, делегатам дистриктов, по мнению ратуши, следовало прежде всего решить одну не терпящую отсрочки задачу: рабочие покинули своих хозяев, чтобы охранять город, их надо было вернуть в мастерские. «Город был хорошо охраняем, но мастерские были пусты и лавки закрыты; не было работы, и граждане стали воинственными, тем более, что им не хватало хлеба» [77]. Для выполнения этой задачи — демобилизации вооруженного народа — должно было послужить избрание тотчас после 14 июля Лафайета вождем национальной гвардии, а Байи — мэром Парижа. Свою роль они сами прекрасно понимали. Лафайет в своих мемуарах определяет задачу, стоявшую в июле-августе 1789 г., как задачу укрепления государственной власти, поколебленной революцией 14 июля [78].

Таким образом, события своим естественным ходом расширили лагерь врагов радикальной демократии. Только часть либеральной буржуазии осталась еще в оппозиционном блоке. Сейчас нет возможности проследить во всех деталях поведение демократии дистриктов в эти дни. Но не подлежит сомнению, что народные низы были не только активны в революционной борьбе; они пытались политически осознать происшедшие события, вырваться из ярма буржуазной идеологии и сформулировать самостоятельную программу требований «четвертого сословия» — плебейских масс.

Некоторый свет на пробуждающееся сознание народных низов бросают мемуары будущего генерала Россиньоля [79]. Ж. Россиньоль, золотых и серебряных дел подмастерье, рано бросил свое ремесло и ушел служить наемным солдатом. Он рассказывает в своих мемуарах о том, как накануне взятия Бастилии, 12 июля, он и его товарищи, рабочие предместий, из трактира направились толпой по улицам столицы. В ответ на вопрос: «Ты из третьего сословия?» — они кричали вместе со всеми: «Да здравствует третье сословие!» Один из попутчиков Россиньоля молчал, его побили. Будущий революционный

генерал внушал ему: «В толпе следует поступать, как все, тем более, что название «третье сословие» означает рабочий класс, а так как мы являемся им, мы не можем поступать иначе».

13 июля Россиньоль вернулся к себе домой, но здесь он узнал, что в церкви его дистрикта раздают оружие; он поспешил туда с дюжиной своих товарищей и обнаружил здесь собрание аристократов, которые распоряжались всем, низлагали комендантов. Ворвавшиеся в церковь рабочие протестовали, потому что «ни один гражданин из них не был для этого призван». Ему предложили развернуть свой план действий. Он потребовал передать дело вооружения народа в руки дистриктов, самому народу избрать своих начальников. Его хотели арестовать, и он едва сбежал [80].

Таковы были настроения и действия представителей плебейской оппозиции, которые читали радикальную публицистику летом 1789 г. Что в рядах единого оппозиционного блока существовала революционная оппозиция — это не подлежит сомнению.

Более показательно политическое настроение рабочих в таком промышленном центре, как Реймс. Г. Лоран в своей интересной биографии рабочего депутата Конвента от Реймса, Жана-Батиста Армонвиля рассказал нам о продовольственных бунтах накануне революции, в которых ткачи принимали активное участие. Он сообщает нам о том, как в день выборов в Генеральные штаты рабочие Реймса собирались в большом зале монастыря миноритов, составляя как бы «штаты четвертого сословия». В марте 1789 г. пролетарии Реймса вторглись в зал заседаний третьего сословия и потребовали своего представительства. «Бунт рабочих» был подавлен адвокатом Веларом, начальником полиции и депутатом третьего сословия. В III году, утверждает Лоран, агенты реймсского муниципалитета заявляли, что Армонвиль на собраниях рабочих в монастыре «постоянно проповедовал анархию и аграрный закон» [81].

Об этой попытке рабочих и ремесленников сплотиться говорит и брошюра Leblond de St.-Martin, написанная около 20 июля [82]. Автор отмечает, что, несмотря на долгие месяцы беспорядков, «переход от рабства к свободе был столь стремителен, что мы не имели возможности осмотреться ни на одну минуту». Народу необходимо было немедленно приступить к организации народной власти, заявляет автор брошюры. Законны ли права существующего муниципалитета после событий 14 июля? В основу грядущего муниципального строя должно быть положено признание полного равенства граждан — право, завоеванное народом 14 июля, утверждает Леблон. Леблон не был одинок в эти дни. С подобными требованиями

выступали и другие представители плебейской оппозиции. В их требованиях мы находим указание на самоорганизацию масс в революции, на проявление революционной инициативы народных низов, создающих свои органы власти как опорные пункты дальнейшей борьбы. Но мы еще вернемся к этому вопросу. Здесь нас интересует та позиция, которую занял Марат в июльские дни.

Документы об участии Марата в революции июня-июля 1789 г. малочисленны, наши сведения о его деятельности в эти дни тотчас после его болезни очень скудны. Мы знаем только, согласно его собственным показаниям, что в июле он принимал участие в работе дистрикта Карм, состоял членом комитета дистрикта. Только через несколько дней Марат смог осмотреться кругом и хладнокровно обсудить политическую ситуацию. И сколь ни ответственны были его обязанности комиссара дистрикта, он решил, что в дни борьбы место революционера не на административном посту. Марат предложил комитету дистрикта предоставить ему типографию, для того чтобы он мог написать историю революции, разработать план муниципальной организации и внимательно следить за деятельностью Генеральных штатов. Большинство комитета дистрикта высказалось против предложения Марата, считая его деятельность опасной для единства нации. Тогда, пишет он, «я решил сам в своем кабинете и за мой счет провести план, предложенный мной комитету дистрикта». Таким образом, через несколько дней после революции 14 июля Марат начал ожесточенную борьбу против «правительства, принцев, духовенства, парламентов, дистриктов, где преобладали дурные граждане, офицеров штаба армии, суда, адвокатов, финансистов, спекулянтов и расхитителей народного имущества, пиявок государства и многочисленной армии врагов общества» [83].

Мы сознательно проходим мимо столь часто цитируемых в литературе показаний Марата о его геройской роли в день 14 июля, когда он, по его словам, «остановил торжествующее шествие подлой солдатни и раскрыл заговор, направленный к захвату Парижа и всеобщей резне под покровом темноты». Об этом эпизоде в биографии Марата, несмотря на большое внимание, которое ему уделяет литература, документальных данных весьма мало; эпизод этот вряд ли имеет решающее значение для характеристики революционной деятельности Марата в июле 1789 г. Бравирование своим героизмом — в духе буржуазии XVIII в.[84] Нам кажутся более интересными те скудные сведения о революционной деятельности Марата в дистрикте Карм, которые мы извлекли из его статей и писем.

Революционная программа деятельности Марата в эти дни соответствовала той оценке, которую он позже дал событиям 14 июля. Марат считал этот день днем неудавшейся революции.

Народ был обманут, победили его враги *. Эту оценку событий 14 июля он повторял позже неоднократно. «Философия подготовила начало, способствовала современной революции, это неоспоримо. Но писаний недостаточно, нужны действия. Чему же в таком случае мы обязаны свободой, если не народным бунтам? Это народный бунт, подготовленный в Пале-Рояле, привел армию к поражению и превратил 200 тысяч человек в граждан, хотя правительство сделало из них сателлитов и хотело их сделать убийцами своих братьев. Это народный бунт на Елисейских полях поднял всеобщее народное восстание; благодаря этому восстанию пала Бастилия, сохранено было Национальное собрание, благодаря ему не удался заговор, был приостановлен разгром Парижа, не удалось испепелить его огнем, а жителей его потопить в крови» [85].

Но использовал ли народ все возможности своей победы? «Революция была бы закончена, — утверждает Марат, — и свобода укреплена навсегда, если бы 15 июля 10 тысяч парижан направились бы в Версаль и очистили бы Национальное собрание от дворян и попов, которые не имеют права заседать там». 14 июля патриоты были сильны, их боялись враги народа, и тогда, если бы нашелся в Национальном собрании хотя бы один человек, понимающий положение дел, продолжает Марат, он заставил бы депутатов, опираясь на народное движение, под давлением террора, подчиниться воле народа и закончить революцию. Уже тогда нужна была, по словам Марата, р е в о л ю ц и о н н а я д и к т а т у р а: трибунал, чинящий революционный суд и расправу над контрреволюционерами, и диктатор, избранный народом в дни кризиса сроком на три дня, чья задача свелась бы к тому, чтобы направить движение и казнить всех предателей революции.

Эти мысли Марат высказывал не только позже, когда через полгода он подводил итоги пройденному революционному пути, но и в июле 1789 г., безуспешно убеждая в этом граждан своего дистрикта и Генеральные штаты. Сохранившийся отрывок письма от 27 июля подтверждает наше предположение. Марат предлагает организовать революционный трибунал против врагов народа, если Генеральные штаты хотят избежать расправы над ними восставших. «Пусть изменники нации, которые хотели купаться в ее крови или заставить ее погибнуть с голоду, чтобы обогатиться за ее счет, пусть они подвергнутся позорящему уголовному наказанию» [86]. Имеет ли право Национальное собрание создать подобный трибунал? Марат категорически отвергает подобную юридическую постановку вопроса:

* Такое толкование событий 14 июля 1789 г. антиисторично, неверно. Народное восстание 14 июля было началом революции, и в этом прежде всего его непреходящее историческое значение. — *Примеч. редактора.*

«Не только имеет право, но обязано, если обычные суды уже не пользуются народным доверием и неспособны больше выполнять свое назначение» [87].

Чтобы оценить историческое значение маратовских суждений о революции 14 июля как революции «незаконченной», следует отметить, что в рядах радикальной демократии победа народа была встречена восторженно. В газете Прюдома «Révolutions de Paris» в статье от 13 июля с восторгом рассказано, что в городе воцарилась тишина и что буржуа различных дистриктов, вооруженные до зубов, задерживают подозрительных, с тем чтобы порядок в столице сохранялся с наибольшей тщательностью. 14 июля Лустало сообщает о грандиозной победе народа: «Этот славный день должен поразить наших врагов и служить предзнаменованием торжества свободы и справедливости». Больше того, взятие Бастилии принесло народу немедленное улучшение его материального положения; социальный мир царит отныне в столице. «Богатые встречают бедных с радостью; различий больше не существует, все равны» [88]. В Национальном собрании между депутатами полное единодушие — депутаты привилегированных и все остальные без различия солидарны между собою. С восторгом Лустало рассказывает о последовавшей вслед за 14 июля встрече короля и народа. Но этот восторг разделяет и Робеспьер в письме от 23 июля 1789 г. другу своему Бюиссару: «Все эти сцены и тысячи других, не менее поразительных, способны были запечатлеть навсегда это великое событие в памяти и сердцах тех, кто был их свидетелем». О казни Фулона он ограничивается сообщением: «Г. Фулон был вчера повешен по приговору народа» [89]. Между Лустало, Робеспьером и Маратом уже в июле 1789 г. начались разногласия, то были расхождения представителей реформистской и революционной демократии.

Такова была революционная программа Марата в июле 1789 г., программа, которая отличает его не только от правого, но и от левого крыла буржуазного революционного блока *. Уже с первых дней революции он занимает особое место в ее рядах. В июле 1789 г. он пытается осознать события, осмыслить их под углом зрения понимания революции как особой отрасли науки о политике. Марат выступает как идеолог плебейской оппозиции, стремящейся к диктатуре; он остался поэтому долго изолированным и в среде радикальной демократии.

14 июля было не завершением, а началом революции. Муниципальное и крестьянское движение в июле-августе 1789 г. достаточно освещалось в исторической литературе: вряд ли

* Это утверждение автора, тесно связанное с преувеличением им роли Марата, представляется ошибочным. — *Примеч. редактора.*

целесообразно было бы только п о п у т н о говорить здесь об этом важном вопросе. Ленин дал нам блестящую характеристику деятельности плебейской оппозиции в июле-августе 1789 г. В споре с меньшевиками в 1905 г. он писал: «. . .История подтверждает ту, самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14 июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивления самодержавия? . . Не характерно ли, что во Франции 1789 года время муниципальной революции есть время начавшейся *эмиграции реакционеров*. . .» («В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?». — Соч., т. 9, стр. 197—198).

Революционная диктатура, установления которой добивался Марат в июле-августе 1789 г., была организована позже Конвентом, в эпоху диктатуры крестьянства и городской бедноты.

Нас интересует то, как социальные конфликты в рядах революционного движения отражались в публицистике эпохи, мы хотим выявить то особое, что отличало Марата и «маратизм» уже в первые месяцы революции от всего остального блока оппозиционной буржуазии.

«Прошло всего несколько дней, — писал Байи, — революция датируется с 13 июля; теперь 15 июля. Нужно признать, что огромный путь был проделан в короткое время» [90]. И, что характерно для настроения победителей, Байи с тревогой заявляет, что за этот краткий срок еще большую остроту приобрел социальный вопрос: крестьянский в деревне и рабочий вопрос в городе привлекают всеобщее внимание. Байи и Лафайет, примкнув к дворянству 14 июля, взяли на себя огромную ответственность: они должны были теперь обуздать революционное движение [91]. С конца июля начинается их расхождение с группой либеральной буржуазии (Барнав, Дюпор).

Распад оппозиционного блока продолжался. Байи 18 июля заносит в свой дневник, что собрание народных представителей поручило маркизу поспешить с разоружением «les gens sans aveu» (темных личностей): отныне носить оружие смогут только лица, записанные в буржуазную национальную гвардию. С той же целью «предложено было всем рабочим вернуться к своим работам и решено было установить твердую плату, которая должна была служить им вознаграждением за оружие, которое они носили, при условии представления удостоверения от хозяина, у которого они возобновили работу» [92].

Уже 16 июля решено было поспешить с оказанием помощи нуждающимся рабочим Сент-Антуанского предместья. 18 июля Бессэн, прокурор Шатле, явился в Национальное собрание и, изложив в мрачных красках настроение и положение рабочих Сент-Антуанского предместья, потребовал помощи. Ряд депутатов внес тут же пожертвования в пользу голодных патриотов. Депутаты Парижа внесли 45 тыс. ливров, но это оказалось недостаточной суммой. «Рабочие в нетерпении, желая получить поскорее деньги, начали возмущаться и обнаруживали готовность к новому восстанию в ближайшее время» [93].

Угроза восстания рабочих и всего голодного люда столицы через два-три дня после 14 июля казалась победителям весьма реальной опасностью. Члены «комитета продовольствия» сообщили Национальному собранию, что безработные требуют хлеба. Предместья Сент-Антуанское и Сен-Марсельское готовы к выступлению, если помощь им не будет оказана тотчас же. Но хлеб прибудет из-за границы еще не скоро, цены на хлеб не могут быть поэтому немедленно понижены; народ Парижа, получив свободу, обвиняет во всем правительство [94].

Рабочие требовали не только х л е б а, но и р а б о т ы. Общественные работы должны были хоть временно облегчить нужду безработных до тех пор, пока буржуа-«предприниматели, освободившись от ига революции и злоупотреблений старого порядка, смогут расширить свои предприятия, а следовательно, увеличить спрос на рабочие руки».

Общественные мастерские на Монмартре доставляли руководителям парижского муниципалитета в августе 1789 г. особенно много беспокойства. Всего числилось в этих мастерских в половине августа 17 тыс. человек. «Это сборище людей, если им недоставало хлеба, превращалось в очень грозную армию». Решено было принять меры, чтобы удалить их из Парижа, организуя общественные работы подальше от столицы. Но вскоре это оказалось недостаточным: решено было принять меры к ликвидации мастерских. Как и в июне 1848 г., начали с уменьшения заработной платы. Операция эта вызвала всеобщее недовольство, и буржуа-победители опасались нового восстания. 24 августа Байи сообщает, что муниципалитет и Национальное собрание решили укрепить Монмартр пушками. Роспуск мастерских был назначен на 31 августа. Разгон сверх ожидания произошел сравнительно спокойно, и в сентябре вместо монмартрских мастерских был организован ряд боле мелких и разбросанных общественных предприятий, не представлявших опасности для порядка.

Не меньшую опасность для буржуазного порядка представляла борьба рабочих за увеличение заработной платы. Каменщики, парикмахеры, плотники предъявляли свои требования

хозяевам. Каменщики, по словам мэра Парижа, отказывались работать, если не будет увеличена их зарплата. «Они выставляли свои требования солидарно, это наилучшее средство повелевать». По словам того же мэра, Байи пытался убедить их, уговаривал хозяев и в то же время убеждал Лафайета приготовить военные части. «Но коалиции рабочих вновь и вновь возобновлялись, и только призыв к общественному благу помогал бороться с этим злом». «Слово «о т е ч е с т в о» собирало честных людей, слово «з а к о н» заставляло трепетать мятежников».

В августе 1789 г. еще можно было сравнительно легко разделаться с рабочими. Но голод обострялся; продовольственные бунты ширились; они угрожали только что образованному муниципалитету. В ратушу нередко проникала толпа «темных личностей» и мешала работать. С грустью Байи замечает: «В это время власть была повсюду, но ее не было там, где твердая власть была необходима. . . никто не знал своего дела; все командовали, никто не подчинялся» [95]. Словом, в стране происходила революция, а буржуазия уже в первые дни ее мечтала о сильной власти против трудящихся масс города и деревни.

С этой целью введен был в первых числах августа ряд ограничений свободы печати: ни одно печатное произведение не могло появиться без указания типографии или издателя. Парижский муниципалитет обратил строжайшее внимание на «сборища» в Пале-Рояле. Решено было принять меры к восстановлению полиции. Задачу борьбы с революцией взяли на себя наиболее зажиточные дистрикты столицы. После 20 августа была открыта биржа — ее охрану взяла на себя секция des Filles de St.-Thomàs. Секция эта, как мы впоследствии увидим, была наиболее решительной в борьбе с революцией и ее представителями, прежде всего с Маратом. На долю пяти наиболее «умеренных» секций выпала обязанность играть роль полиции. Гвардия этих секций должна была разгонять народные собрания, «бунтующие толпы» граждан. Один из дистриктов, des Blancs Manteaux, решил даже запретить на своей территории всякого рода сообщества — постановление, которое Байи и Лафайет хотели превратить в закон для всей столицы.

Революция, не доведенная трудящимися до конца, неизбежно родит контрреволюцию. Марат был прав в своей оценке 14 июля. Но сила контрреволюции только сплачивает силы революции, и все попытки буржуа-победителей задержать могучую волну народного восстания не могли рассчитывать на успех, прежде всего потому, что городская революция повлекла за собой «жакерию». Для судеб революции XVIII в. крестьянское восстание имело решающее значение. Аграрное движение началось задолго до революции, и к 1789 г. оно стало обычным явлением, столь обычным явлением, что Капелло, ин-

форматор венецианского сената, писал в одном из своих донесений: «Во Франции они [жакерии] вошли в обычное течение жизни, и распространяться о них значило бы то же, что говорить о смене тепла и холода».

С конца 1788 г. бунты перерастают в революцию. По словам польского дипломата, крестьянские бунты превратились в войну, в «войну дворцам» [96]. Но было бы неправильно утверждать, что это движение было направлено исключительно против феодалов. Оно направлено было также и против части крупной буржуазии, той буржуазной аристократии, которая и в деревнях и в городах служила опорой старого порядка. Во всей Франции происходило то же, что и в столице. 12 июля в 5 часов в Руане, как сообщает одна из брошюр в августе 1789 г., в то время как все было спокойно и честные буржуа гуляли по улицам, «банда вооруженных ружьями и палками людей напала на магазины и начала их грабить; бунтовщики искали собственников этих магазинов в толпе мирно гуляющих буржуа... Сила банды, — с ужасом сообщает автор, — состояла в том, что к ней присоединились крестьяне из деревень; они охотно громили дома богатых нотаблей, а затем бунтовщики направились с городской толпой громить монастыри. Буржуазия в городе вооружилась, чтобы охранять город, а национальная гвардия и часть войск отправились искать бандитов в окружающих деревнях» [97].

Подобные же факты гражданской войны среди «третьего сословия» в деревнях и городах не только против привилегированных, но и против буржуа с ужасом описывает Лустало в «Révolutions de Paris». В этом отношении особенно поучительны события в Эльзасе. В Страсбурге городские рабочие и мелкая буржуазия громили городской муниципалитет, а крестьяне в деревнях занялись не только помещиками, но и ростовщиками, теми, кто заседал в Страсбургском муниципалитете [98].

Национальное собрание внимательно прислушивалось к тому, что происходило в провинции. В своем докладе 3 августа Соломон, докладчик Comité des rapports, сообщил об «ужасной угрозе собственности, каково бы ни было ее происхождение». Замки горят, монастыри разрушены, фермы преданы разгрому, налоги и повинности не выполняются, власти бессильны что-либо предпринять, потому что закон бессилен [99]. Та же мысль об объединении всех собственников — дворян и буржуа — легла в основу доклада Тарже 4 августа. Собрание почти единодушно высказалось за решительные меры борьбы с аграрными беспорядками.

Но вопрос был решен не животным страхом собственников, а интересами классовой борьбы буржуазии. Правда, инициативу проявили дворяне. «Депутаты третьего сословия, — как отмечает Олар, — не проявили в знаменитом заседании 4 августа особого энтузиазма». Маркиз Тибуто доказывал: «Разве

вечно-наследственные соглашения не заслуживают по справедливости того же признания, что и контракты или семи—девятилетние сроки аренды?» Не только дворянин Сен-Онорэ требовал вознаграждений за отмену личных сеньориальных повинностей, к нему присоединился и Мунье. Последний доказывал, что крепостная зависимость является по существу контрактом между помещиком и крестьянами, подобным другим договорам и соглашениям. Собственно говоря, с этой постановкой вопроса соглашался и Байи. Мирабо в свою очередь высказался весьма осторожно по вопросу об отмене феодальных прав [100].

Но эта социальная и политическая настороженность отделяла в августе — октябре 1789 г. правое крыло буржуазного блока от его левого крыла. Дюпор и Барнав в отличие от правых отвергают всякий договор, поскольку он не фиксирует чисто буржуазных отношений между землевладельцем и крестьянином. Эта революционная, с точки зрения буржуазного общества, мысль была наилучшим образом выражена в знаменитой речи Ген де Герангаля, депутата третьего сословия, который в крестьянском платье заявил с трибуны: «Вы избежали бы пожара замков, если бы поспешили заявить, что страшное оружие, которым они владеют и которым сеньеры угнетают народ в продолжение столетий, будет уничтожено на основе постановления о принудительном выкупе». Свой идеал он пояснил следующим образом: «Последуем примеру английской Америки, где население составляют только собственники, которые не знают феодализма». Ген де Герангаль не был крестьянином; как утверждают буржуазные историки, то был буржуа, который стремился по-своему переделать сельское хозяйство. Экономические интересы основной массы буржуазии совпали, таким образом, с политической предусмотрительностью передовой части дворянства. Так произошло 4 августа. «Силы не было в наших руках, — пишет Монлозье, — мы решили поэтому обезоружить народ добротою».

Экономическая выгода постановлений 4 августа с точки зрения не только буржуазии, но и землевладельцев-дворян подмечена была в свое время М. Ковалевским. В августе 1789 г. осуществлялись идеалы физиократов. Выкупные платежи и аренда земель крестьянами превращали значительную часть дворян-землевладельцев в буржуа, делая буржуа-помещиков заинтересованными в сохранении выкупной системы. Этот процесс сращивания части буржуазии и дворянства в революции с особенной силой проявился в последующие годы и прежде всего в связи с распродажей национальных земель [101].

Современники из числа дворян нередко отдавали себе отчет в том, куда ведут Францию реформы 4 августа. Они не могли оценить исторического значения победы буржуазии, но понимали, что декреты 4 августа создают «не химерическое равенство,

а новое рабство», на смену дворянской и духовной аристократии выступила аристократия капиталистов и богатых [102]. Им не удалось убедить народные массы в том, что ненависть к буржуа должна вытеснить в их сердцах ненависть к сеньерам; но их агитация облегчала трудящимся города и деревни процесс познания своих врагов — сеньеров и буржуа. Этого опасалась крупная буржуазия — победители в июле и августе 1789 г. Байи в своих мемуарах с радостью сообщает, что Национальное собрание поручило муниципалитетам вести решительную борьбу со всеми бунтовщиками, поясняющими декреты 4 августа таким образом, будто крестьянам не следует платить налогов и выполнять своих повинностей.

Гораздо большую близорукость в оценке событий 4 августа проявили представители радикальной демократии. Легенда о 4 августа сложилась тотчас же после заседания. «Опьянение радостью, — читаем мы в «Révolutions de Paris», — распространилось во всех сердцах; друг друга с энтузиазмом поздравляли с победой, наших депутатов называли о т ц а м и о т е ч е с т в а. Казалось, новый день засиял над Францией. . . На улицах образовывались оживленные группы. . . Братство, радостное братство царило повсюду. . . Да, в жизни народов, как и в жизни отдельных людей, есть моменты, которые дают возможность позабыть годы печали и бедствий» [103]. Эта идиллия мерещилась и К. Демулену, молодому энтузиасту революции. Он писал: «В эту ночь справедливость изгнала из своего храма всех торгашей, чтобы прислушаться к жалобам бедняков, невинных и угнетенных. . . Ночь страшная, страшная для всех пиявок государства, откупщиков, куртизанов, кардиналов, архиепископов, аббатов». 4 августа принесло счастье негоциантам, утвердив свободную торговлю, ремесленникам, увеличив их заработок, земледельцу, сделав его свободным владельцем земли.

Как после 14 июля, так и после 4 августа редко можно было услышать критический голос, который говорил бы о «чудесной победе» народа не как о победе, а как о п о р а ж е н и и революции. Такова была позиция, которую в этом вопросе занял Марат. После того как он покинул дистрикт Карм, он внимательно наблюдал за ходом работ Национального собрания и подвергал жестокой критике его чисто парламентскую деятельность. Оценивая четырехмесячную деятельность собрания, он обращает внимание граждан на то, что оно занято речами, обсуждением пустяковых декретов, но не думает об основном — о конституции. В этом смысле декреты 4 августа — только «проекты, их задача — усыпить народ и тем самым помешать конституции».

Перечисляя все ликвидированные законом сеньориальные повинности, он спрашивает: «Следует ли восхищаться ими?»

И отвечает: «Не будем глупцами!.. Вот, говорят нам, что сделано для Франции и человечества за одно заседание, в один вечер: величественная борьба справедливости и благородства; блестящая сцена, достойная того, чтобы она сохранилась в веках и служила образцом всем народам». Но подобные утверждения — обман и самообман. В знаменитой характеристике легенды о 4 августа Марат заявляет: «Если эта жертва продиктована духом чистой благотворительности, то, надо сознаться, долгонько же пришлось ждать, пока на нее решились. Да, только при виде пламени своих пылающих замков дворяне обрели в себе необходимое величие духа для того, чтобы отречься от своей привилегии держать в оковах людей, с оружием в руках завоевавших свою свободу. Только узрев возмездие, постигающее вымогателей, живодеров, охранителей деспотизма, они, наконец, обрели в себе великодушие отказаться от своих поземельных десятин и воздержаться от предъявления дальнейших требований несчастным, которые едва могли влачить свое существование. Только услышав имена изгнанных из своих владений феодалов и узнав о той судьбе, которая ждет их, они согласились оказать благодеяние: допустить уничтожение их исключительного права на охоту и соблаговолить, чтобы дикие животные впредь уже не пожирали нас» [104].

Не следует приписывать добродетели привилегированных, пишет Марат, то, что вырвано было борьбой третьего сословия. Бедствия Франции не исчерпываются тем бременем повинностей, которые отменены постановлениями 4 августа, — зло в голоде, нерадивости правительства, хищности монополистов, грабеже чиновников, во взяточничестве служащих, в заговорах врагов отечества, в притеснениях все еще могучих привилегированных сословий. На все это декреты 4 августа не дают ответа. «Да и как обстоит дело с размерами этих жертв? Или я еще должен доказывать, что это большей частью иллюзорные жертвы? Будет ли действительным, реальным уничтожение всех привилегий, которое возвещается надписью на проектированных медалях (в память событий), если закон о сеньориальных, земледельческих и феодальных правах скажет нам только, что эти права могут быть выкуплены? Что же касается уничтожения прав «мертвой руки» и других феодальных прав, которые до сих пор ложились на личность, что касается этих чудовищных злоупотреблений, которые прикрывались красивым именем права, то эти права все равно должны пасть, как только будет принят основной конституционный закон, возвещающий личную свободу всякого гражданина» [105]. Если к этому еще прибавить, замечает Марат, что реализация всех этих обещаний отложена в долгий ящик, то до очевидности станет ясным, что хлеба пока нет и не будет, нищета останется основным злом

государства, а время для торжества конституции безнадежно потеряно в спорах о мелочах.

Мы здесь подходим к некоторым положениям Марата, которые роднят его с либеральной буржуазией XVIII в. Марат, как ни превосходил он во многом своих современников, был человеком своего времени; в своих взглядах он был одной стороной обращен к прошлому, другой — к будущему. Формально-юридическое мышление делает его учеником Монтескье; вслед за всеми политиками и государствоведами XVIII в. он сводит вопрос реальной борьбы, победы и поражения социальных сил к вопросу об «идеальной конституции». Но было бы нелепо за этим общим, что объединяет всех политических мыслителей XVIII в., не разглядеть то, что о т л и ч а е т одну политическую группу от другой, что заставляет различные классовые группировки вести друг с другом ожесточенную борьбу.

4

Внимательный анализ публицистического дебюта Марата показал нам, что за его руссоистскими ламентациями таилась программа революционных требований, борьба за установление революционной власти. То же таится и за проектом маратовской конституции и декларации прав человека и гражданина. Сила Марата в революции состояла в том, что он мог бороться с врагами их же оружием; это не был политический утопист, противопоставляющий реальным социальным силам и их программе свою утопию. То был революционный политик, т. е. реальный политик в лучшем смысле слова. Мы можем в этом убедиться при анализе двух документов: одного номера неудавшейся газеты «Moniteur Patriote» и брошюры «Projet de Déclaration de Droits de l'Homme».

Попытка издать газету натолкнулась на рогатки цензуры, малодушие типографов и издателей. Это послужило поводом для первого открытого столкновения Марата с Коммуной Парижа. Из сохранившейся записи вечернего заседания Коммуны от 13 августа 1789 г. мы узнаем, что комитет полиции задержал некоего гражданина, который весьма непочтительно отзывался о новых властях [106]. Арестованный объяснил свое поведение тем, что ему отказано в разрешении издавать газету. Фамилия его M. Marie, доктор, живет он на улице De Vieux-Colombier, 47, он автор брошюры «L'offrande à la Patrie». По его заявлению, он хотел предать гласности свои чувства патриотизма и любви к свободе. Байи, председательствовавший на заседании совета Коммуны, поспешил ответить ему, что он не нуждается в особом разрешении для издания газеты, но что нельзя допустить, чтобы отдельный гражданин смел противопоставлять свое мнение воле собрания, избранного народом [107].

Марата после этого поучения отпустили. Это было первое столкновение легальных властей с тем, кто поднял знамя бунта против захвативших завоеванную власть в государстве.

Изданный отдельный номер «Moniteur Patriote» следует рассматривать как предисловие к брошюре «Проект декларации». Представление о проекте декларации дает нам также письмо, адресованное Маратом Национальному собранию 23 августа 1789 г.[108]. Присмотримся ко всем этим документам поближе, чтобы установить политическую платформу революционной деятельности Марата в августе-сентябре 1789 г.

Нам приходилось уже выше отмечать особенность публицистики Марата: сопровождать свои политические проекты общетеоретическими рассуждениями. Позже, в конце сентября, рассказывая о своей работе в августе 1789 г. до издания газеты «Друг народа», Марат сообщает нам, что его больше всего мучило опасение, окажутся ли депутаты третьего сословия способными издать революционные «основные законы» государства. Недоверие к Национальному собранию становится, таким образом, его руководящей идеей уже с первых шагов деятельности и служит для него исходным пунктом рассуждений об издании «Декларации прав». «Установлено, — писал он, — что аристократическая фракция всегда господствовала в Национальном собрании и что депутаты народа в нем всегда слепо следовали за теми советами, которые им давались. Скажем больше: установлено, что эта опасная фракция составила проект воспрепятствовать изданию конституции, чтобы восстановить королевский абсолютизм, обманывая нацию пустым хвастовством о нескольких иллюзорных жертвах. «Декларация прав» должна быть, таким образом, издана не Национальным собранием, а в известном смысле п о м и м о и п р о т и в него. Она может быть издана — к этому, как мы увидим позже, и ведут рассуждения Марата — в результате н о в о й р е в о л ю ц и и.

В «Moniteur Patriote» Марат подвергает жестокому критическому разбору отдельные проекты декларации прав, которые вносились депутатами Национального собрания, чтобы противопоставить им свой проект. Все политические враги народа в своих проектах, по мнению Марата, пытаясь подвести солидную базу под новое общество, забыли об одном. Громко провозгласив о правах человечества, они забыли о том, что эти права должны прежде всего служить интересам того наиболее многочисленного класса граждан, который остается обездоленным, угнетенным, который все правительства до сих пор считали ничем. Так сразу наметилась линия расхождения между политическими и социальными идеалами буржуазии и Марата.

Прения о конституции и «Декларации прав» начались в Национальном собрании в самый разгар июльской революции.

Вопрос этот был поднят в момент подъема революционной волны и растерянности имущих классов. Вот почему дебаты по этому вопросу служат для нас прекрасной иллюстрацией той классовой борьбы, которая происходила в это время в стране. Нужна ли «Декларация прав» как база конституции, как ее предпосылка или составная часть — об этом спорили депутаты. Речь шла о пределах власти народных масс, о революционном праве и о социальной программе революции.

Для одних, как для Дюран-Майяна, было очевидно, что «народ, потерявший свои права, должен знать принципы, на которых они построены, и эти принципы должны быть провозглашены». Другой депутат, Креньер, в своем чисто буржуазно-догматическом обосновании декларации исходил из того, что человек только в обществе обладает известной суммой естественных прав, которые могут не совпадать с его интересами как отдельной личности. Креньер противопоставлял конституцию основам государственных учреждений, которые могут быть изменены в любой момент согласно требованиям представителей народа. «Декларация прав» в этом смысле совпадает для него с конституцией. Но исходя из необходимости установить и провозгласить основные естественные права человека в обществе, другие депутаты, в том числе Барнав, требовали отделения «Декларации прав», как «национального катехизиса», от конституции.

Во всех разнообразных вариантах это был спор об абстрактно-юридических формулировках основных принципов буржуазного правопорядка. Особенно характерна в этом отношении речь Тарже. «Каков предмет конституции? — спрашивал он у Национального собрания и отвечал: организация государства. Какова задача государства? Общественное благо. Каким образом осуществить его? Издать конституцию». С полным правом Марат в «Moniteur Patriote» по поводу рассуждения Тарже высказал замечание: «Это — хитросплетение моральных и юридических ламентаций, провозглашенных голосом пророка, чтобы облегчить себе весьма простую политику, которую конституция должна осуществить».

Наибольшим успехом пользовался проект Сийеса. В нем буржуазия в законченной форме провозглашала принципы буржуазного общества в наиболее теоретически абстрактных положениях XVIII в. «Конституция, по Сийесу, охватывает все основные положения о формировании и внутренней организации различных общественных властей, необходимом их взаимоотношении и их взаимной независимости» [109]. Считая, однако, что всякая социальная организация, а следовательно и конституция, в конечном счете сводит свою задачу к провозглашению, осуществлению и гарантиям прав человека и гражданина, Сийес делает логический вывод из своих рассуждений: необходимо прежде всего эти права провозгласить и легально санкционировать. Человек от природы обладает потребностями, он обладает и средствами их удовлетворения; речь идет только об установлении равновесия между ними. «Отношения, порожденные силой, плохи и незаконны. Два человека равны как таковые и в одинаковой степени имеют равные права, вытекающие из человеческой природы» [110]. Соответственно этому закон не может быть ни чем иным, как выражением общей воли. У свободного народа издание законов — дело собрания народных представителей.

Всякий человек — собственник своей личности. Это равно относится ко всем людям, хотя не все люди равны в обладании способностями, трудом, плодами и богатствами. В обществе естественное неравенство не влечет за собою неравенства прав. Закон защищает граждан, обиженных природой. Право собственности, таким образом, вытекает из естественного права человека на свою личность. Это — р е а л ь н о е п р а в о собственности, оно включает в себя и з е м е л ь н у ю с о б с т в е н н о с т ь. Граждане, таким образом, делятся на активных и пассивных, «все могут пользоваться преимуществами общества, но только те, кто вносит что-либо в дело общественной организации, являются как бы подлинными акционерами социального предприятия. Только они — активные граждане, действительные члены ассоциации» [111].

Мысли Сийеса в различных вариантах повторялись в десятках опубликованных Национальным собранием и напечатанных в брошюрах проектах «Декларации прав». Рабо Сент-Этьен повторил ту же мысль, утверждая что в основе организуемого общества лежит принцип равенства, равенства прав, но не «способностей, индустрии и богатств; это было бы абсурдом» [112]. Дюпор достаточно отчетливо пояснил свою мысль: декларация должна установить права человека и гражданина, и не имеет решающего значения то положение, что она может противоречить конституции. Декларация служит для утверждения прав, конституция — для их изменения и ограничения». «Так, например, — поясняет Дюпор, — декларация провозглашает неограниченную свободу торговли, но закон может эту свободу ограничить». В этом смысле Дюпор отличает «равенство прав от равенства возможностей». Так идеологи буржуазии разъясняли свои метафизические положения.

Марат в своей характеристике проектов «Декларации прав», представленных Национальному собранию, прекрасно подметил эту социально-политическую особенность национального катехизиса буржуазии. В «Moniteur Patriote» в связи с проектом Сийеса он утверждает, что его произведения, лучшие из всей

массы проектов, отличаются, однако, одним крупным недостатком — абстрактностью в сочетании с игнорированием интересов народных низов. Эта характеристика, особенно в своей последней части, еще больше относится к проектам правой группы буржуазного блока. Классовая мысль крупных собственников, напуганных революционным движением, получила в этих проектах свое полное отражение. Те, кто, как Малуэ, отрицал необходимость декларации, и те, кто, как Мунье, готов был ее частично признать, по словам Марата, обсуждая права человека, говорили об обязанностях гражданина, но ничего не говорили «о правах и обязанностях человека».

Малуэ отрицал возможность в этом случае сопоставления Америки и Франции, прежде всего потому, что в первом случае мы имеем дело со страной, где живут более или менее равные собственники, во втором же случае мы встречаем огромную массу людей без собственности, которые нуждаются в спокойном труде и в мощной полиции. Это не значит, что Малуэ против равенства прав; он исходит только из положения, что «несчастные должны ясно представлять себе пределы свободы». Вот почему не следует обездоленной массе давать катехизис, который будет им беспрерывно напоминать об их правах. И это особенно верно для эпохи революции, когда правительство лишено авторитета и власти и только народ активно действует. Исходя из этих положений, Мунье в своем проекте «Декларации прав» разработал даже специальный раздел «О произволе и анархии». Мунье и Малуэ, открыто признавая, что в обществе должно господствовать богатое меньшинство, более последовательно, чем Сийес, требовали реальных гарантий против нищенствующего большинства нации. Для Сийеса такой гарантией служила, как говорит Байи, «вера народа в отечество и свободу» — фетишизм национального единства.

Нужно отбросить старое представление о том, что социальная проблема вообще не фигурировала в революционной публицистике летом 1789 г. Нет, ее широко обсуждали как проблему, порожденную не только феодальным строем, но и успешным капиталистическим развитием. Мы ограничимся здесь некоторыми штрихами: нам придется позже возвращаться к этому вопросу в различной связи.

Правда, нередко публицисты третьего сословия в ответ на провокационные изображения социального вопроса реакционной публицистикой пытались сознательно замалчивать этот вопрос, ссылаясь на «всеобщий» аргумент о свободе, которая «возродит Францию». Сийес в своей знаменитой брошюре по этому вопросу пишет: «Когда хотят посеять разлад, стараются разделить третье сословие на различные классы, чтобы подстрекать и натравливать один класс против другого. Возбуждают

городских жителей против деревенских, стараются восстановить бедных против богатых».

Но вопрос о социальном неравенстве получал свое яркое освещение в публицистической литературе эпохи. Так, анонимный автор одной брошюры занят установлением всей гаммы социальных различий в обществе, разницы между теми, кто получает доход от земельных владений, торговли, от объединения в одних руках земельных участков, и теми, кто владеет коммерческим предприятием, промышленным заведением или живет трудом своих рук. Но автор не только констатирует эти различия, он утверждает: «Все эти различия. . . могут в определенных случаях дойти до столкновения реальных интересов». Конфликты между гражданами на основе их владений и богатств могут затемнить даже основное, т. е. то, что «естественное право принадлежит каждому гражданину единственно потому, что он г р а ж д а н и н». Он требует в духе своего времени организации выборов на основе положения, что «всякий гражданин может быть избирателем и избранным как гражданин».

Последний вопрос получил в литературе и другое разрешение. Автор одной из брошюр, сочувствующих третьему сословию (вышла весной 1789 г.), заявляет, что если под нацией понимать все население Франции, то она имеет право на самоуправление, но это отнюдь не означает, что нация включает в себя «низший класс обитателей страны, тот, который нищетой принуждается к каторжному ежедневному труду. Подобный народ не может претендовать на власть» [113]. Всякая свободная нация должна быть разделена на три класса: б о г а т ы х, которым должно принадлежать первое место в государстве, б е д н ы х, которых следует рассматривать, как низший класс, и с р е д н и й класс, который должен занимать в государстве второстепенное место и участвовать во всех выборах [114].

Руководящая часть буржуазной оппозиции только к концу 1790 г., вернее в 1791 г., окончательно порвала с народными низами, сформулирвала свою программу социальной борьбы против четвертого сословия. Летом 1789 г., после событий 14 июля, мы встречаем, однако, понимание необходимости этой борьбы не только у реакционеров, но и у публицистов умеренной оппозиции. Так, один из современников революции, автор любопытной книги «Théorie des révolutions», известный нам Ферран, рассуждая об истории революции, утверждает, что в июне-июле 1789 г. произошло превращение этой революции из политической в социальную [115]. С этого момента стремление к гражданской войне должно было стать политической программой всех благомыслящих людей, т. е. людей богатых, по-

тому что только они заинтересованы в поддержке общественного порядка.

К лету 1789 г., к революции 14 июля, относится и оформление антиреволюционных взглядов Неккера, представителя той богатой финансовой буржуазии, чьи интересы определяли в это время правительственную политику. Для привилегированных сословий и буржуазной аристократии руководящим моментом в данном случае являлась социальная проблема. На этой почве был предпринят ряд попыток организации блока реакционных сил еще в августе-сентябре 1789 г., блока привилегированных сословий и крупной буржуазии. Мы сошлемся на одну любопытную анонимную брошюру этой эпохи, в которой автор, обращаясь к собственникам всех сословий, напоминает им, что революция внесла развал в хозяйство страны. В этом повинно, по его мнению, Национальное собрание, которое в своем большинстве состоит из банкиров, адвокатов и литераторов. Среди депутатов нет ни негоциантов, ни крупных мануфактуристов, которые единственно могли бы спасти Францию. Депутаты, убеждал автор брошюры, не имеют даже представления о тех средствах, которые должны помочь Франции одолеть ее конкурентов — Англию и Голландию, «они не могут защитить торговые интересы Франции в Леванте и в колониях так, как это делал старый режим» [116].

Противопоставляла ли радикальная демократия в августе 1789 г. социально-политическим принципам буржуазии свою программу преобразований? Речь идет здесь не только о развернутом лозунге национального суверенитета, о всеобщем или ограниченном голосовании, о референдуме или правах народных представителей. Необходимо учесть классовые особенности отдельных программ революционной борьбы и уяснить себе основное: были ли политически осознаны к л а с с о в ы е п р о т и в о р е ч и я народными низами и блоком буржуазных партий.

Процесс социально-политической дифференциации оппозиции только начался, но даже среди сторонников демократии можно было встретить глубочайшие расхождения по вопросу о социальных требованиях. Стоит только сопоставить брошюру К. Демулена «La France libre» и «Projet de Déclaration» Марата, чтобы отдать себе ясный отчет в идеологической пестроте того блока представителей революционной демократии, который накануне 5—6 октября выступил на арену французской истории [117].

Для К. Демулена народное правление — единственное мудрое и приемлемое для Франции. В свободе торговли и печати — устои демократического государства. В государстве, где управляет большинство, будет в полной мере осуществлена

«общая воля». Но не приведет ли это большинство к тому, что по его воле во Франции будет установлен аграрный закон? Этот вопрос К. Демулен анализирует с исключительным вниманием. Он с большой настойчивостью доказывает нам, что «над общей волей стоит естественное право — общественный договор. Вот почему аграрный закон не может быть делом большинства». А если все же большинство его потребует? «Jamais»,— отвечает К. Демулен. «Н и к о г д а большинство не посмеет затронуть собственность. А для большей гарантии законодатель должен исключить из числа граждан тот класс людей, который римляне называли п р о л е т а р и я м и как способных только производить детей» [118]. Таков идеал демократии для Камилла Демулена, идеал не трудовой, а буржуазной демократии.

Для Марата идеал демократии сочетался с программой социальных преобразований в интересах народных низов. В этом его особое место среди политических мыслителей начала революции.

Свою пропаганду в интересах французской демократии он начал с борьбы против широко распространенной англомании. В своем августовском письме Генеральным штатам, единственном дошедшем до нас, он вскрывает «бездну недостатков английской конституции» [119]. Это недостатки конституционной монархии, не построенной на широкой демократической основе. Настоятельно необходимые меры реформы английской конституции сводятся: 1) к лишению короля права распоряжаться депутатскими мандатами гнилых местечек, к передаче этих мандатов избирателям; 2) к лишению короля права назначать новых мэров; это право может быть предоставлено королю только в отношении людей «простого звания», оказавших особые услуги отечеству; 3) к исключению из собрания общин королевских пенсионеров; 4) к расширению бюджетного права и финансового контроля нижней палаты; и, наконец, главное 5) к установлению большего равенства в народном представительстве. Подобная программа демократических реформ, напоминающая программу чартизма, должна быть лечь в основу демократической конституции Франции.

5

Сказанное в «Moniteur Patriote» и в письме Генеральным штатам было окончательно сведено воедино в конце августа 1789 г. Марат опоздал со своим «Проектом декларации прав» по крайней мере на три недели. В предисловии к «Проекту» он объясняет это цензурными условиями. Он рассматривает свою задачу как строго научную; он никогда не был эмпири-

ком, революционным практиком; для него характерна попытка теоретически осознать социальную борьбу и задачи революции. «Политика, — пишет он, — наука, как всякая другая: она имеет свои принципы, свои законы, свои правила; она богата всевозможными комбинациями до бесконечности; политика требует серьезной науки, глубокой мысли и долгих размышлений». Как раз этим не обладает большинство заседающих в Национальном собрании, хотя среди депутатов немало знаменитых ораторов и юристов. Монтескье и Руссо — таковы законодатели политической мысли XVIII в., которых Марат считает своими учителями. Монтескье он предпочитает Жан-Жаку: автор «Духа законов» — величайший мыслитель века и превосходит Руссо прежде всего своим гражданским мужеством. С этим суждением Марата нам приходилось встречаться; оно решительно отвергает категорические утверждения тех, кто готов Марата обязательно считать руссоистом. Мы имеем здесь дело с историческим образованием гораздо более сложного порядка [120].

«Каждый человек при рождении приносит с собой в мир потребности и способности их удовлетворения, потребность в продолжении своего рода, постоянное желание быть счастливым и беспредельную любовь к самому себе» — это основа человеческой жизни и источник всех наших бедствий. Рассуждения эти почти тождественны с мыслями Сийеса. «Человек вместе с жизнью получает и непреодолимые наклонности ее сохранения, ее защиты, стремление сделать ее приятной, он имеет поэтому естественное право предпринять все необходимое для самозащиты и завладения необходимым питанием, всем, что нужно для его счастья и благополучия» [121]. До тех пор, пока природа дает людям все необходимое, между ними царят мир и покой, но если один захватывает в свою пользу столько, что другим остается мало, нуждающийся имеет право вырвать у него необходимое; он имеет право,чтобы не страдать от голода, убить его. Да, человек, чтобы сохранить свою жизнь, имеет право посягнуть на собственность, свободу, даже на жизнь своих ближних. На этом зиждется равенство людей, утверждает Марат, если не считать их неравенства по способностям.

Право гражданского общества должно стремиться к возможному примирению интересов людей в обществе. Общественный договор должен, однако, сохранить за людьми в социальной жизни те же равные права, что и в естественном состоянии: личную безопасность, свободу и безмятежное владение собственностью. Общество должно систематически уничтожать

неравенство, порожденное социальными условиями. «Не должно быть неравенства владений, кроме того, которое вытекает из неравенства способностей, лучшего употребления своего времени и благоприятного стечения обстоятельств. Да и в этом случае закон должен не допускать излишнего неравенства, устанавливая границы, которые не могут быть превзойдены. И в самом деле, без определенного соответствия между размерами собственности людей. . . преимущества тех, кто не имеет собственности, сведутся почти к нулю». В обществе, построенном на экономическом неравенстве, нищий будет прозябать, а богатый пользоваться всеми преимуществами. На долю нищего останутся при любой свободе самые неприятные и тяжелые профессии. Даже свобода для него пустой звук, и какова бы ни была революция в государстве, он всегда останется прикованным к своему тяжелому труду» [122]. Если он добьется чего-либо от новой администрации, то это в лучшем случае возможности платить несколько меньше за кусок черного хлеба — единственный предмет его питания.

«В государстве, где богатство — плод труда, индустрии, талантов и гения, но где закон ничего не сделал, чтобы его ограничить, общество обязано обеспечить тем своим членам, которые не обладают собственностью, спокойное существование, питание, одежду, подходящее жилище, помощь на время болезни и старости и необходимые средства для воспитания своих детей». В конце концов, это — жалкое вознаграждение за то, что бедняк отказался от своего права на владение землею, и за его обязательство уважать собственность богатых. Общество обязано вернуть нуждающимся то, что служит излишком у богатых, говорит Марат. Но в истории человечества общество было до сих пор построено, по его мнению, на ложных принципах. Вот почему история всех народов — кровавая летопись войны одного народа с другим, угнетенных против угнетателей.

Что следует понимать под конституцией? «Совокупность основных законов, которые утверждают права граждан, регулируют распределение властей и определяют политический строй государства», — утверждает Марат. Но в Национальном собрании, по мнению Марата, под конституцией понимают организацию законодательной власти и тем допускают жестокую ошибку: речь идет о новой общественной организации в целом. Судьбу общества решает суверен — нация, рассматриваемая как коллектив. Суверен не зависит от воли отдельных властей; издаваемые им акты суть законы, и только он один обладает законодательной властью. Для Марата права граждан, однако, более священны, чем основные законы государства. Тем самым Марат в отличие от К. Демулена до-

пускает изменение даже устоев общественного договора, собственности в интересах суверена [123].

В больших государствах не может быть и речи о непосредственном законодательстве всего народа. Народ голосует по дистриктам, но правом голосования обладают все граждане; женщины и дети перепоручают свои права отцам семейства. Избираются не только представители народа, но и его министры, чиновники и т. д. Законодательная власть перепоручается народом его депутатам, но их власть должна быть кратковременной. Политическая мудрость требует, по Марату, недоверия к законодателям. Решающей ошибкой конституции было бы предоставление депутатам народа безграничной власти. Закон об ограничении депутатской власти должен быть одним из основных; депутатам надо запретить занимать должности, зависимые от государей; законом должно стать право отзыва депутатов и необходимость санкции главных законов всенародным голосованием.

Таким образом, Марат возражает и против тех, кто настаивал на осуществлении принципа прямого народного законодательства, и против тех, кто настаивал, как Сийес, исключительно на представительном образе правления. Для Марата, как мы увидим дальше, решение этого вопроса находилось в зависимости не от юридических норм, а от реального соотношения социальных сил [124].

Строго следуя за принципом разделения властей, Марат прежде всего обращает внимание на условия, ограничивающие вмешательство исполнительной власти в дела законодательной; он предлагает ряд практических мер для уменьшения влияния властей на решения народа и его представителей. Марат, например, разрешает депутату занимать королевские должности только спустя 10 лет после того, как кончились его депутатские полномочия.

Прежде всего его внимание привлекает вопрос об армии. Как вырвать вооруженную силу из рук властей? Добиться вооружения народа или передать армию в руки самих граждан, национальной гвардии и органов революционного самоуправления. Армия нужна государству только для самозащиты. Победившему народу необходимо по возможности свести к минимуму вооруженные кадры: 60 тыс. солдат да 20 тыс. национальной гвардии — таков максимум для Франции [125].

Правительство, враждебное народу, всегда вредит ему. Народу необходимо бдительно следить за ним. Системой «организованного недоверия» мы назвали бы ту конституцию, которую Марат предложил французам в августе 1789 г. Естественно, что, заботясь об избираемости и сменяемости судей, он включает в свой проект и предложение

об организации верховного трибунала против врагов народа.

Интерес к социальной проблеме заставляет Марата внимательно анализировать и вопросы налоговой политики [126]. Налоги определяются законодателем пропорционально доходам. Для земельного налога составляется специальный кадастр не только по количеству, но и по качеству земли. «Все слуги, поденщики, рабочие и ремесленники, не пользующиеся наемным трудом, не платят подушной подати. Всякий ремесленник, артист и торговец платит подушную подать пропорционально числу наемных рабочих, размерам торговли и своих прибылей». Марат настаивает, наконец, на экспроприации земель духовенства и возвращении их беднякам. Эта аграрная реформа настоятельно необходима; она могла бы быть осуществлена тотчас после взятия Бастилии. Но народ может еще победить, еще не все потеряно.

Подводя итоги, Марат сам ясно видит отличие своего проекта от всех, внесенных в Национальное собрание. Все они, по словам Марата, не порывают с прошлым, изменяют, но не уничтожают привилегий, сохраняют неравенство между богатыми и бедными. Граждане познали свободу, разве они не захотят использовать ее целиком? [127].

6

Марат в своих утверждениях не был «гением-одиночкой»; в своей попытке научно обосновать политическую программу он остается деятелем XVIII в.; он упорно пытается объединить в единой системе Монтескье и Руссо, объединить их идеи на почве активной революционной деятельности. Но система этих идей становится политической платформой народных низов, программой революционной демократии, программой грядущего восстания. В э т о м Марат отличается не только от демократов 1789 г., но и от «защитников трудящихся» — адвокатов четвертого сословия. Социальная мысль «бедняков» и их защитников в рядах третьего сословия не шла в это время дальше требований государственного попечения о нищих [128].

В «Pétition de 150 000 ouvriers» мы читаем: «Почему 150 000 человек, полезных своим согражданам, отбрасываются, почему забыли о нас, бедных ремесленниках? Не являемся ли мы также людьми, французами, гражданами?». Та же мысль повторена в «Doléances du pauvre peuple», где изложены жалобы «батраков, поденщиков, ремесленников», граждан, не имеющих собственности. «Мы, по существу, принадлежим, — читаем в этом наказе, — к третьему сословию. . . Но между его представителями нет ни одного от нашего класса, и кажется, что все делается в интересах богатых» [129].

Классовое самосознание пробивает себе дорогу здесь еще более робко, чем в утверждениях Россиньоля. Жалобы наказа «поденщиков и ремесленников» не идут дальше неопределенного протеста против буржуа, захвативших руководство народным движением.

Публицистика первых месяцев революции знает ряд попыток осветить социальный вопрос. Отличаются ли они чем-либо от цитированных выше наказов? «Немного хлеба» — такова основная идея брошюры «Cahiers des Pauvres». «Интересы бедных и богатых общи и нерасторжимы»; малоимущие не должны быть «инструментом наслаждений» богачей; «деньги — только символы вещей, а вещи созданы трудом людей». Ламбер, автор брошюры, предлагает произвести учет всех бедняков в государстве и установить контроль и опеку над ними. Государство должно гарантировать им известный минимум зарплаты [130].

Близко к этим проектам подходит в своей брошюре и Дюфурни. В «Cahiers du Quatrième ordre» Дюфурни доказывает, что сословное деление не соответствует реальным классовым отношениям. Среди первых двух сословий немало бедняков, в третьем — немало богачей. По Дюфурни, вся нация делится на три группы: 1) бедняки, 2) средний класс (les gens aisés) и 3) богатые. Но почему бедняки не принимают участия в выборах Генеральных штатов? Почему богатые предприниматели увеличивают свои доходы за счет зарплаты рабочих? Дюфурни обращает внимание французов на рост крупных капиталов и связанный с ним процесс разорения бедняков. Он готов примириться с предоставлением беднякам совещательного голоса в Генеральных штатах, но он требует только больше внимания к вопросам о хлебе и здоровье, о квартире и одежде для бедняков.

Дюфурни хотел превратить свои «Cahiers» в постоянный орган, отдельные номера которого выходили под различными названиями. В № 3 и № 4 он излагает свои положения в развернутом виде. На них стоит обратить особое внимание, потому что здесь мы находим много общего с проектами Марата. Для автора «Cahiers» революция вызвана была страданиями бедняков. Улучшение их положения может наступить, однако, с осуществлением принципа равенства п р а в. Этот принцип должен лечь в основу законодательства, государство должно взять на себя опеку над бедняками [131]. Объявляя себя «защитником несчастных, бедняков, рабочих», Дюфурни требует предоставления им права выборов в местные муниципалитеты, участия в национальной гвардии и т. д. По его словам, 14 июля наилучшим образом манифестировало энергию угнетенного класса. Судьбы революции и в дальнейшем зависят от поведения народных низов.

Между Дюфурни и Маратом есть, однако, серьезные, решающие по своему значению политические разногласия; нам придется вернуться к этому вопросу в связи с анализом борьбы Марата и Коммуны. Здесь отметим только, что разрешение вопроса о бедноте Дюфурни передает «братским комитетам при дистриктах» — своеобразным филантропическим организациям. В эти комитеты должны войти представители различных профессий, но так как часто «интересы фабрикантов противоречат интересам рабочих, следует созывать их вначале отдельно, с тем чтобы выяснить независимое мнение рабочих». После этого рабочие и другая сторона знакомятся с требованиями отдельных совещаний, и таким образом устанавливается между ними соглашение. Если дистрикты не возьмут на себя выполнения этой задачи, роли примирительных камер, то подобные камеры будут созданы по инициативе представителей отдельных профессий. Так в обществе мирным путем будет осуществлен лозунг «право на труд». Не путем милостыни, добавляет Дюфурни, а путем организации общественных работ [132].

Но особый интерес представляет тот факт, что подобные социальные проекты мы встречаем и у публицистов-реакционеров. Вот один из подобных социальных проектов: Ленгэ относится враждебно к революции, потому что она породила и обострила нищету народных масс. Как помочь беднякам, о которых позабыли? Ведь до сих пор законодатели рекрутировались из рядов состоятельных граждан; в законодательных собраниях болтают обо всем, но только не о бедных. Ленгэ предлагает организовать национальный банк, его акционерами могут быть бедные и богатые. Каждый бедняк, внося только по два су из своей ежемесячной зарплаты, может к 60 годам обеспечить себе ежегодную ренту в 720 ливров и, таким образом, спокойно прожить остаток своих дней [133].

Мы были бы несправедливы, если бы обошли молчанием некоторые ранние социальные проекты первых месяцев революции, которые по глубине мысли стояли безусловно выше того, что писал Марат. Отметим здесь политическую платформу «бешеного» из Орлеана, Табуро де Монтиньи, воскрешенного Матьезом из исторического небытия. Его первые выступления относятся к лету 1789 г. Интересуясь прежде всего судьбой рабочих, чья нищета делает их жертвой эксплуататоров, Табуро обращает внимание на каолиции торговцев, которые служат источником социального зла. Табуро предлагает ввести максимум на предметы первой необходимости и изгнать из представительных собраний всех спекулянтов и виновников хозяйственной разрухи. Социальные задачи являются, по его мнению, основными в революции.

Характерная черта дополняет, однако, социальные проекты Табуро де Мантиньи из Орлеана. Он предлагает восполнить выборы в представительное собрание избранием от каждого города королевства контролеров — наблюдателей над хозяйственной жизнью. Они будут собираться раз в три года в столице для избрания одного «représentant général», который и будет как бы протектором французского хозяйства [134]. Наконец, Табуро предлагает создать национальный банк, вроде того, с которым мы ознакомились у Ленгэ.

Мы встречались и раньше с попыткой организовать вместо старого сословного представительства парламент из представителей корпоративно организованных экономических групп. Таков проект цитированной выше брошюры «Essai sur les questions agitées par les trois ordres». Автор предлагал, как мы помним, составить Генеральные штаты из представителей трех классов — богатых, бедных и среднего сословия. Байи в своих мемуарах цитирует ряд подобных проектов[135]. В одном из них предлагаются две камеры — одна для «собственников», а другая для «промышленного класса». Байи замечает: «Все эти проекты были бы лучшим средством сделать постоянной ненависть друг к другу этих двух классов и подвергнуть государство опасности под тяжестью непрекращающейся борьбы».

В этих проектах несколько прикрашенного, но все же сословного представительства мы встречаем то, что характерно для социальной мысли XVIII в., эпохи домашинного производства, — живучесть средневековых традиций. Социальная мысль конца XVIII в. одной своей стороной обращена к XIX в., но еще в большей степени другой своей стороной — к средним векам. То, что выделяет Марата среди политиков эпохи революции, — это не своеобразие его проектов демократического государства, не та или другая социальная утопия, а попытка увязать политическую программу социальной демократии с р е в о л ю ц и е й, со всеобщим восстанием как актуальной задачей народных низов, революцией большинства трудящихся не в интересах меньшинства, а в интересах этого большинства.

7

Несмотря на все усилия победителей — буржуазии — положить предел революции, народное движение не прекращалось: с конца августа 1789 г. подготовлялось новое восстание, которое и разразилось 5—6 октября *. Каковы причины этого

* Нет оснований считать события 5—6 октября 1789 г. «Новым восстанием». Более правильно общепринятое определение событий этих дней как народного движения. — *Примеч. редактора.*

движения? Наблюдательные современники не сомневались: голод, безработица и «обман народа» 14 июля и 4 августа. Огюстен Робеспьер приехал в Париж к брату в начале сентября. В письме к Бюиссару, другу семьи, он пишет: «Прибыв в столицу, я увидел сборища людей, молчаливо двигающихся по городу и поражавших своей многочисленностью. Единственная причина этого движения — недостаток хлеба. Надо вам сказать, что в Париже немало хлебных спекулянтов: эти алчные люди бегают по булочным, скупают сколько могут хлеба и затем перепродают его по повышенным ценам» [136].

Продовольственное положение ухудшалось в стране изо дня в день. В сентябре разразилась война между населением Парижа и булочниками. Булочники жаловались муниципалитету, что газеты и прокламации усиленно распространяют ложные сведения о продаже хлеба. 22 сентября они обратились от имени всего цеха булочников к дистриктам с письмом, в котором возлагали всю вину на земледельцев и торговые компании, которые служат посредниками между ними и деревней. Но голодное население не обращало внимания на эти объяснения, оно громило лавки, и муниципалитету приходилось нередко прибегать к вооруженной силе для разгона толпы [137].

В продовольственном вопросе, как, впрочем, и во всех других вопросах общественной жизни революционных дней, дали о себе знать законы классовой борьбы. Голод не был, конечно, вызван булочниками. Лустало в «Les Révolutions de Paris» пытался, и не без успеха, объяснить нам причины голода ненавистью крупных собственников к народу, спекуляцией и недостатком рабочих рук в деревнях, несмотря на безработицу [138]. Хлеб отсутствует и еще по одной причине (Лустало повторяет аргумент корпорации булочников): закупки хлеба Коммуной и государством, попытка регулирования этого вопроса администрацией — вот в чем причина. Байи и Неккер продолжали политику старого режима. Благодаря этой политике еще больше, чем раньше, открывалась возможность обогащения и наживы для крупных собственников. Но вместе с тем накопленные хлебные фонды были использованы этими собственниками в качестве мощного орудия, направленного против народного движения.

Против подобной политики возражала радикальная мелкая буржуазия, хотя она и не выдвигала еще своей программы решения продовольственного вопроса. Заметим при этом, что, скажем, для Лустало очевидно, что повышение цен на хлеб влечет за собою рост зарплаты и, следовательно, мешает индустрии, вредит предпринимателям, в то время как полная, гарантированная государством свобода торговли хлебом спо-

собствует более или менее равномерному распределению национального дохода. Трезвая экономическая мысль в данном случае выступает в сочетании с элементами мелкобуржуазной утопии [139].

Продовольственные беспорядки народных низов служили политическим оружием в руках либералов в их борьбе с абсолютизмом за буржуазное государство. Обсуждение «Декларации прав» и конституции в обстановке хозяйственного кризиса в момент подъема волны социального протеста трудовых масс привело к расколу буржуазного блока, к дальнейшей дифференциации в рядах революционной оппозиции. Два вопроса оказались решающими для этого раскола: вопрос о двухпалатной системе и о королевском вето.

Идея двухпалатной системы была неприемлема для либеральной буржуазии, потому что лишала ее основного — полноты политической власти. Либералам было сравнительно легко одержать победу, потому что часть дворянства в свою очередь боялась верхней палаты, в которой сосредоточена была бы власть аристократии, наиболее крупных землевладельцев и негоциантов [140]. Эти соображения пересилили на время страх перед толпой, о чем писали и говорили Мунье и Неккер, настаивая на двухпалатной системе [141]. Летом 1791 г., как мы увидим дальше, те же либералы в лице Барнава, Дюпора и Ламетта готовы будут принять частично идеи Мунье о верхней палате как о цензоре народного представительства и тормозе революции [142].

Вопрос о королевском вето был дополнением и повторением тех же споров. Для Мунье и Малуэ, для буржуазной аристократии, абсолютное королевское вето было одним из немногих оставшихся в их распоряжении реальных средств помешать установлению демократии после того, как проект двухпалатной системы был провален. Роль короля как опоры социальных привилегий становилась для них очевидной. Тот процесс отхода от всякой оппозиции, который намечался у буржуазной аристократии еще в конце июня, вполне определился после 14 июля, оформился в конце августа, а после 5—6 октября получил свое логическое завершение в эмиграции.

Но по существу та же причина заставляла Мирабо, отрицавшего двухпалатную систему, настаивать на абсолютном вето, защищать то, что Олар назвал проектом «королевской демократии». Проекты Мирабо имели в виду достигнуть той же цели: установить в кратчайший срок предел революции. «Король — несменяемый представитель народа, так же как депутаты — его представители, избираемые на известное время». Это положение Мирабо противоречило интересам не только демократии, но и либеральной буржуазии, еще не порвавшей

окончательно в августе 1789 г. своих связей с народными массами. Рабо-Сент-Этьен и особенно Сийес противопоставляли идее Мирабо идею «абсолютизма народного представительства» [143]. Юридически их положение оформлялось учением о равновесии властей, которому противоречит закон об абсолютном вето. Право вето нарушало это равновесие, поскольку конституция сохраняла власть, сменяемую в лице народного представительства и несменяемую в лице короля.

Аббат Грегуар в заседании Национального собрания 14 сентября 1789 г. вскрыл классовое содержание юридических споров о вето. Абсолютное вето, по его мнению, создает предпосылки для длительной революции. «Отказ от платежа налогов, неутверждение военного бюджета — только преддверие мятежа». Ограничив вето короля во времени, можно избежать опасности открытого столкновения. Спор шел все о том же — о «праве на революцию», вернее, о возможностях избежать реализации этого права.

Частные конституционные вопросы о вето и о двухпалатной системе подняли один общий вопрос, разрешение которого в революционной борьбе и составляло содержание идеологических споров различных классовых группировок в августе—декабре 1789 г. Кто является носителем народного суверенитета — народ или собрание народных представителей? В исторической и особенно историко-юридической литературе этот вопрос получил широкое освещение. Нас интересует, однако, не правовая, а революционная сторона вопроса [144].

Этот спор имел не чисто абстрактное значение, о чем свидетельствовало прежде всего то, что он составлял органическую часть той борьбы, которая началась еще в августе и особенно усилилась в октябре 1789 г. между дистриктами и Коммуной Парижа. Борьба эта, продолжавшаяся до весны 1790 г., представляет одну из интереснейших страниц в истории революционной мысли и деятельности Марата. Любопытно, что принцип народного суверенитета, примат непосредственного народного законодательства над собранием народных представителей защищали отнюдь не всегда сторонники радикальной демократии, и, что еще более важно, позиция отдельных политических групп в этом споре менялась в зависимости от конкретной революционной ситуации. В нашей книге нам придется часто прибегать к иллюстрации этого положения.

Но вернемся к изложению событий сентября-октября 1789 г. Исследователи при обсуждении вопроса имеют дело в основном с тремя теориями народного суверенитета: 1) абсолютизм парламента, 2) непосредственное народное законодательство, 3) смешанные системы. Сийес является законченным теоретиком всевластия парламента. В своих многочисленных попытках

обосновать парламентаризм он дал своей теории законченное выражение. «Современные европейские народы очень мало чем напоминают народы древнего мира», — писал он. Франция имеет торговлю, сельское хозяйство, фабрики и т. д. Стремление к богатству превратило все европейские государства в большие мастерские; в них больше заботятся о продовольствии и потреблении, чем стремятся к счастью. Таким образом современные политические системы покоятся исключительно на различном использовании труда. В людях в большей части человечества обычно привыкли видеть только рабочие машины. Вместе с тем вы не можете отказать в праве гражданства той массе людей, которых принудительный труд лишает знаний. Так как они вынуждены подчиняться законам, они должны, как и вы, принимать участие в их издании; это участие должно быть равным. Оно может осуществляться двояким путем. Самый лучший и единственно приемлемый путь осуществления народных прав — это вручение народным представителям полномочной власти. Демократия, т. е. непосредственное народное законодательство, означало бы власть непросвещенной толпы [145].

В указанных положениях Сийеса мы имеем классическое буржуазное обоснование парламентаризма. Эти положения с очевидностью выявляют основную мысль всех утверждений Сийеса: парламентский строй означает завершение революции, ее отрицание. Парламентаризм порожден буржуазным обществом: необходимой предпосылкой его осуществления является общество, построенное на основе экономического неравенства, на основе капитализма и эксплуатации рабочего класса. Что могли ответить ему сторонники непосредственного народного законодательства, если они оставались в основном на одних с ним классовых позициях?

Петион дал свой ответ на вопрос о парламентаризме и прямом народном законодательстве. Бессмысленно, утверждает он, исключать из нации невежественных граждан; нация — это коллектив всех граждан. «Во всяком обществе, я знаю, есть некоторая часть членов, занятых в сельском хозяйстве и в ремесле, у которых нет свободного времени участвовать в делах различных областей общественного хозяйства и администрации». Но это незначительная часть всех граждан; путем систематического воспитания их можно заинтересовать общественными делами. Утверждают, что народный плебисцит может породить народные бунты, но это несправедливо: «народ, который нам изображают всегда столь возбужденным, всегда готовым повергнуть все во прах, народ, в противоположность всем этим утверждениям, руководствуется привычками» [146]. Аргументы Петиона были малоубедительным ответом на ясно выраженное положение Сийеса о том, что санкция законов народом с точки

зрения политической опасна для государства. В этом отношении Сийес был солидарен с Мунье и Малуэ. Представители буржуазного блока твердо помнили то, о чем заявил один из депутатов Национального собрания: «Мы будем остерегаться, без сомнения, установить такой порядок вещей, при котором восстание было бы для народа единственным средством спасения» [147].

Но были и предложения смешанного порядка; были попытки соединить народное представительство и прямое народное законодательство. Барнав и Ламетт готовы были признать апелляцию к народу, «верховному судье» и законодателю. Вето короля они предполагали заменить народной санкцией. Но те же политики буржуазии через год-два устами Барнава утверждали: «Народ суверенен, но в представительном правлении депутаты — его опекуны; только народные представители могут действовать в интересах народа; сам же народ не сознает своих интересов».

На противоположной позиции стоял Робеспьер. Он в сентябре 1789 г. заявлял: «Доказано, что воля народных представителей должна рассматриваться и уважаться как воля нации». В 1791 г. Робеспьер переносит центр тяжести в своих рассуждениях с парламента на прямое народное законодательство, чтобы в 1793—1794 гг. снова пожертвовать этим принципом в пользу представительного собрания. Все это и дало основание одному из исследователей-юристов, изучающих «догму о народном суверенитете» в эпоху французской революции, утверждать, что путь развития государственной мысли конца XVIII в. — «это путь от представительства суверенной нации к суверенному представительству нации» [148].

Необходимо в эту формулу внести существенную поправку: народные массы в своей революционной борьбе понимали последнюю часть этой формулы таким образом, что «суверенное представительство нации» — это р е в о л ю ц и о н н а я в л а с т ь, возникающая в борьбе с «законным» представительством, помимо и против него.

Вопросы, поднятые прениями о вето и двухпалатной системе, подвергались еще более всестороннему обсуждению при выработке закона о муниципалитетах. Нам придется вернуться к этому в связи с выступлением дистриктов против Коммуны в конце 1789 г. Здесь нас интересуют прения вокруг вопроса об организации самоуправления в столице накануне октябрьских дней. Мы оставляем в стороне предшествующие события, первый этап формирования Коммуны с 13 по 25 июля. Вспомним только, что Байи и Лафайет поспешили использовать местное самоуправление для подавления революционного движения. Для этой цели ими еще до 14 июля были посланы в дистрикты, эти центры народного восстания, буржуа-выборщики.

Байи и его друзья меньше всего мечтали об организации демократии. «Я чувствовал, — пишет мэр Парижа, — необходимость создать народный муниципалитет, облеченный властью. Такой муниципалитет не может быть многочисленным собранием» [149].

Эта концентрация власти стала особенно необходимой позже, в августе, когда волны народного движения поднялись высоко. Парижская коммуна в составе уполномоченных от дистриктов с 25 июля по 18 сентября, как и собрание представителей столицы с 18 сентября по ноябрь 1789 г., в одинаковой степени стремились служить целям, намеченным Байи. Этому способствовал состав совета Коммуны, как и большинства комитетов дистриктов. Анализируя состав 360 делегатов Коммуны, мы среди них находим около 100 торговцев и предпринимателей, рантье и банкиров, 61 представителя старой администрации, 165 нотариусов, адвокатов и прокуроров, 35 представителей квалифицированной интеллигенции, 20 ремесленников, 25 академиков, ученых [150].

Соответственно подбирался состав руководящих органов Коммуны и отдельных дистриктов. Колебания социального состава представителей отдельных секций были незначительны, но достаточно характерны. Среди депутатов секции des Filles de St.-Thomas мы находим советника парламента, двух адвокатов парламента, одного старого чиновника финансового ведомства; в дистрикте St.-Lazare — одного ремесленника, одного негоцианта, двух банкиров; в дистрикте La Trinité — двух адвокатов, двух негоциантов, одного фабриканта шелковых изделий, в дистрикте du Val de Grâce — двух адвокатов, двух академиков; в дистрикте Карм, где начал свою революционную деятельность Марат, — двух адвокатов, одного бывшего эшевена, одного профессора музыки, одного публициста; в дистрикте Кордельеров, самом демократическом в столице, — одного профессора хирургии, двух адвокатов парламента, одного бывшего комиссара Шатле, одного негоцианта, замененного 19 октября аптекарем [151]. Мы видим, что власть в Коммуне и дистриктах находилась в руках негоциантов и адвокатов, зажиточной интеллигенции и старых чиновников. Количественное преобладание последней группы особенно любопытно. После 14 июля победители не сменили старого штата служащих Коммуны. Байи рассказывает о своей неудачной попытке сохранить в Коммуне даже всех ближайших сотрудников Флесселя. Во всяком случае, в различных комитетах Коммуны — продовольственном, полиции, среди судебных чиновников — остался почти без изменений весь штат слуг старого режима.

В этих условиях продолжение революции требовало прежде всего завоевания дистриктов и муниципалитета. Это была единственная еще пока легальная возможность для демократии,

потому что муниципалитет находился в стадии формирования. Национальное собрание издало муниципальный закон в период реакции, последовавшей за событиями 5—6 октября. В августе-сентябре 1789 г., в дни революционного подъема, дана была массам возможность по крайней мере обсуждать вопрос о «правах народа».

Не подлежала сомнению та позиция, которую в этом вопросе займут сторонники парламентского абсолютизма. Сийес исходил из того положения, что Франция не может быть демократическим государством. Применяя свои конституционные идеи к вопросу о местном самоуправлении, он настаивал на том, что Францию следует рассматривать как единое целое. «Под этим углом зрения коммуны королевства — нечто большее, чем федерация штатов: они являются подлинными составными частями единого целого». «Это утверждение настоятельно необходимо подчеркнуть, — замечает Сийес, — чтобы нас никогда больше не сравнивали с Соединенными Штатами Америки». Муниципальная и национальная конституции должны поэтому быть построены на базе единого принципа. Ни та, ни другая не должны быть подчинены демократическому режиму; они должны быть представительными собраниями, парламентами коммун; избирателями в коммуне должны быть только активные граждане [152].

Не подлежит сомнению, что в этом случае Сийес и Байи сходились в основном: как Национальное собрание на территории всей Франции, так и муниципальные собрания на своей ограниченной территории исполняют основную задачу — охрану буржуазного строя, основанного на экономическом неравенстве. Но между ними было и безусловное различие. Правое крыло буржуазного блока, стремясь сохранить власть за королем, мечтая о двухпалатной системе — как бы ни расходились между собой мнения отдельных представителей буржуазного блока по этому вопросу в их конкретных предложениях, — добивалось прежде всего концентрации власти в руках немногих для подавления революции. Либералы в этом блоке строили свою власть на широкой парламентской основе; они стремились возглавить революцию даже в дистриктах и добивались в центре и на местах парламентского образа правления.

В революции каждый из борющихся классов стремится к организации своих сил. Если буржуазный блок (мы имеем в виду его аристократическую верхушку) укрепился в Национальном собрании и Коммуне, то демократические элементы избрали своей базой дистрикты. Дистрикты стали опорными пунктами революционной борьбы народных низов. Революционная деятельность этих низов разрывала оболочку формальной демократии; в борьбе с ними формировалось не «свободное

государство», а диктатура буржуазии. Осознали ли политические руководители демократии в сентябре 1789 г. эту внутреннюю закономерность революции? На это можно ответить категорически: н е т! Но к этому толкала их непосредственная революционная практика; она изнутри взрывала юридические догмы политических формулировок, обнажала противоречия между формально юридическими нормами и классовым содержанием программных требований и приводила к глубокой дифференциации оппозиционного блока, к разногласиям в рядах демократических элементов. В этом сложном процессе эволюции радикального блока и д е и М а р а т а играли роль динамита. Но вернемся к первоначальному изложению, к характеристике деятельности дистриктов или, вернее, идеологии их руководителей.

8

С попыткой оформить и теоретически осознать роль и значение дистриктов для демократии мы встречались выше в связи с событиями 14 июля. Нам приходилось говорить об этом при оценке июльских дней. В августе 1789 г. вопрос этот стал в центре внимания революционной публицистики. Большое значение имела брошюра Бриссо де Варвиля. Защитник коммунальных свобод, Бриссо считает, что дистрикты должны выработать муниципальный план. Этот план должен быть санкционирован Национальным собранием и собранием Коммуны. Защищая свои мысли еще в июле, Бриссо в августе 1789 г. усилил агитацию за права Коммуны и дистриктов: «Муниципалитеты — это необходимейший элемент общественного блага, полезнейший элемент хорошей конституции». Жители города, утверждал он, имеют право через дистрикты на полное самоуправление в отношении полиции, продовольствия, суда и т. д. Бриссо категорически отвергает утверждение, что его проекты направлены к превращению Парижа в 60 республик; он имеет в виду «шестьдесят разветвлений одного центра» [153].

Написанная Бриссо «Декларация прав коммуны» догматически формулирует эти положения следующим образом: «Все люди имеют естественное, неотчуждаемое и неотъемлемое право стремиться к сохранению своей свободы, спокойствия и безопасности всеми доступными средствами. Жители о д н о г о г о р о д а имеют соответственно этому право образовывать муниципалитет, т. е. организовывать администрацию и полицию для всего того, что может интересовать их всех как жителей города» [154]. Бриссо не интересует социальная проблема, для него организация муниципалитета и дистриктов означает з а в е р ш е н и е р е в о л ю ц и и, подведение солидного базиса под реформированное общество.

Это идеал буржуазной демократии в том виде, в каком мы позже находим его у жирондистов. Характерный свет на социальную природу этих взглядов, на роль и значение дистриктов бросает «Декларация принципов» Банкаля. Двенадцать статей его «Декларации» обосновывают в основном положения Бриссо. Истоки муниципальной конституции находятся, по его мнению, в естественной и неизбежной связи, которая существует между жителями одного города, поддерживающими постоянные моральные и политические отношения. Банкаль подчеркивает прежде всего охранительную тенденцию муниципалитетов: они созданы для того, чтобы укреплять и охранять право собственности, право более древнего происхождения, чем само гражданское общество [155].

Важно отметить, что указанная нами группа буржуазных демократов в своей муниципальной политике оказалась солидарной с руководителями Коммуны, солидарной в борьбе с теми, кто смотрел на дистрикты как на очаги революции и демократии. Их связь намечалась прежде всего по линии попыток установить максимальную централизацию дистриктов для их подчинения муниципалитету. Байи не скрывает тех задач, выполнение которых он преследовал своими проектами концентрации власти в руках наименьшего числа граждан: в дистриктах продолжался революционный беспорядок, его надо было прекратить, не уничтожая дистриктов, а легализируя их [156]. Мы увидим, что эта попытка примирения, вернее, подчинения дистриктов воле буржуазной аристократии, привела к быстрой потере ими доверия избирателей уже в конце 1789 г.[157]. В 1789 г. соглашательская тактика Байи в отношении буржуазно-демократических элементов сыграла свою роль: она разоружила формирующуюся подлинно народную и революционную оппозицию низов. То, чего не удалось достигнуть Лафайету в Национальном собрании (примирение монархического и либерального крыла буржуазной оппозиции), удалось достигнуть Байи в Коммуне Парижа.

Линию Бриссо защищал ряд дистриктов. Недаром одна из его основных программных речей была произнесена в дистрикте des Filles de St.-Thomas [158], в этом опорном пункте негоциантов и банкиров Парижа. Некоторое время здесь подвизался Бриссо. Об этом же говорит решение дистрикта St.-Opportun, который в резолюции, принятой им в начале августа, категорически протестовал против сепаратного действия отдельных дистриктов, рассматривающих себя как независимые республики; граждане дистрикта не допускали даже мысли, чтобы отдельные части Парижа обращались со своими петициями к Национальному собранию помимо совета Коммуны.

На почве дистриктов формировалась подлинно демократическая оппозиция. Мы встретимся с ней в декабре 1793—январе 1789 гг. Накануне октября эти элементы выступали весьма робко, и даже Лустало выражает их чаяния в очень осторожных выражениях. В первых числах августа он выступает против самоорганизации и вооружения граждан по корпорациям: «Буржуа должен быть вооружен не потому, что он принадлежит к той или другой профессии, но потому, что он гражданин. Административные деления не должны противоречить основному положению о равенстве граждан: там, где строятся по корпорациям, принцип равенства исчезает. Собрания граждан по дистриктам тем полезнее, что они смешивают все звания: писатель заседает здесь рядом с кузнецом, парикмахер — с чиновником. . . Это — армия братьев» [159]. Эту мысль о роли дистриктов как опоры социального мира дополняют рассуждения Лустало о дистриктах как хранителях свободы печати, защитниках граждан от произвола полиции, словом, как стражей демократии. Дистрикты, ведя борьбу с муниципальной аристократией, укрепляя демократические основы общества, естественно, приводят к постепенной ликвидации классовых противоречий среди граждан.

Члены Коммуны, продолжает Лустало, это только уполномоченные дистриктов. Их доверители находятся в дистриктах, и если законы, изданные Коммуной, не нравятся дистриктам, они могут их отменить. При этих условиях Лустало высказывается за подчинение 60 дистриктов одному центру. Для Бриссо верховная власть в Коммуне принадлежит ее совету, хотя Коммуна и опирается на дистрикты; для Лустало дистрикты служат источником прав Коммуны, они дают санкцию ее законам.

Мы не можем обойти молчанием еще одну попытку демократического анализа прав дистриктов, дальнейшее углубление идеи Лустало, и тем более интересней, что она исходит от публициста, чьи социальные проекты нас интересовали выше. Мы имеем в виду замечательную брошюру Дюфурни «Suite des principes fondamentaux». В ней Дюфурни продолжает свои рассуждения, о которых мы говорили при анализе его «Correspondance politique» [160].

Для Дюфурни лестница прав начинается с прав индивида, затем Коммуны и, наконец, Национального собрания. Но основой и источником прав Коммуны и Национального собрания являются постоянно действующие первичные собрания. Теории Сийеса о полновластии парламента, робким рассуждениям Петиона и Барера о санкции законов народным референдумом он противопоставляет прямое народное законодательство как единственно возможную форму реализации народного суверенитета. Так как общая свобода, рассуждает Дюфурни, есть сумма индивидуальных свобод, то задача представительного собрания кончается там и тогда, где и когда оно устанавливает права и обязанности граждан. На этом кончаются функции парламента, после чего в свои права вступают сами граждане. Но между первичными собраниями граждан и Национальным собранием находятся коммуны, образованные всеми обитателями определенной территории и обладающие суверенными правами во всем, что не является общим делом всей нации и соответствует только солидарным интересам данной общины.

Тем самым права Национального собрания и Коммуны Дюфурни устанавливает путем ограничения, отрицательного определения того, что н е подчинено каждому из этих собраний: Национальное собрание не может заниматься тем, что не имеет отношения к общим вопросам. Коммуна не имеет права утверждать то, что касается отдельных индивидуумов. На долю первичных собраний выпадает, таким образом: 1) просвещать граждан всех классов в отношении их прав и обязанностей; 2) наблюдать за происками врагов народа; 3) наблюдать за тем, чтобы военщина не захватила власть в городе; 4) быть «школой демократии», где граждане будут воспитываться для управления Коммуной и для представительства нации, и г л а в н о е 5) установить братство между гражданами различных классов, защищать общие и взаимные интересы всех, добиться утверждения конституции на основе свободы и свободы на основе добродетели; наконец 6) поставить бедняка под опеку состоятельного человека, который будет его уважать. Такова законченная программа той части радикальной демократии, для которой проблема революции сводилась к широкой программе политических и социальных реформ. Проекты Дюфурни и Лустэло при всех своих отличиях имеют, однако, то общее, что оба смотрят на дистрикты, как на базу п р и м и р е н и я к л а с с о в и, таким образом, в торжестве демократии видят гарантию фактического равенства между гражданами, осуществленного м и р н ы м п у т е м.

Было бы ошибкой предполагать, что все эти догматические споры разрешались только в литературных боях публицистов. В ближайшие месяцы теоретические утверждения были проверены революционной практикой. Движение дистриктов в конце августа и в начале сентября против вето, борьба дистриктов Парижа в дни 5—6 октября и, наконец, их война с Коммуной Парижа в декабре 1789 и январе 1790 г. составляют одно целое. Революционная деятельность Марата 1789—1790 гг. может быть понята только в свете истории дистриктов.

На вечернем заседании 30 августа в совете Коммуны было сообщено о появлении делегации жителей Пале-Рояля, а затем

и ряда других дистриктов, требующих отмены вето. Подобные же делегации являлись к отдельным членам Национального собрания; Лалли Толлендаль сообщил собранию о мятежных речах, с которыми обратился к нему глава одной из делегаций. «Вето принадлежит не одному человеку, а 25 миллионам. Граждане, собранные в Пале-Рояле, думают, что следует отозвать из собрания невежественных, продажных и подозрительных депутатов» [161]. В оглашенном затем анонимном письме президенту собрания заявлялось, что свободе мешает часть депутатов дворянства, духовенства и третьего сословия; авторы письма настаивают на отмене вето, а если депутаты не откажутся от борьбы со свободой, 15 млн. граждан готовы «осветить их замки, дома и в частности ваши дворцы, г-н президент».

Дело принимало неожиданный для Национального собрания оборот. Депутаты возмущались самим фактом вмешательства народной толпы в дело мирного конституционного творчества. «Нет ничего более нелепого, — пишет Байи, — чем толпа, в беспорядке собравшаяся в Пале-Рояле и желающая влиять на решения народных представителей».

Народная масса дистриктов порывала с легальностью и вступала на путь восстания. Лустало, который возглавлял движение дистриктов против вето, рассказывает в своей газете о том, что в толпе, кричавшей против вето, особенно энергичны были рабочие [162].

Недовольство рабочих Парижа было вызвано, как мы знаем, разгоном в это время мастерских на Монмартре. Демократы хотели направить их недовольство на путь политической борьбы, на путь борьбы с вето; им удалось это сделать. Для этого необходимо было поднять дистрикты. 31 августа в предместьях Парижа толпы рабочих и буржуа направились к ратуше, требуя общего собрания дистриктов и отмены вето: «Долой вето, аристократов и тиранов!». Часть толпы устремилась в Версаль, движение начало угрожать Коммуне и Национальному собранию.

Но здесь очевидными стали противоречия между стремлениями поднявшихся на борьбу народных масс и ее вождей-демократов. Представитель делегации, явившейся в Коммуну изложить требования народа, объявил: «Единственное средство, господа, избежать народного гнева, — это открыть ему легальные возможности; народ хочет познакомиться с деятельностью своих депутатов в Национальном собрании; он хочет отозвать тех, кто больше не достоин его доверия, потому что доверие должно быть полным; он хочет объяснить свои наказы и объявить, что он не соглашается предоставить право вето королю» [163]. Совет Коммуны отказался разговаривать с делегацией, потому что она не была уполномочена «законными учреждениями»; тогда

собравшаяся у ратуши толпа решила отправиться в Версаль. Но вожди движения предложили вернуться в дистрикты, «где разумные люди были господами над экзальтированными». Вожди движения были друзьями мира и порядка, они предпочитали легальные пути воздействия на Национальное собрание и категорически отклоняли идею о применении насилия [164]. Коммуна Парижа вместе с национальной гвардией поспешила установить «порядок» в столице [165].

Мы не будем продолжать изложения событий сентября 1789 г. Борьба дистриктов против вето была репетицией 5—6 октября; эта борьба наилучшим образом вскрывает реальное содержание споров о правах дистриктов и те разногласия среди вождей движения дистриктов, которые дали о себе знать в ближайшее время. Парламентаризм или революционный путь развития — так стоял вопрос уже осенью 1789 г.

9

В этой бурной обстановке родилась пресса революции. Время книг и брошюр ушло, началась эпоха газет [166]. Газеты выполняли теперь одновременно роль памфлета и брошюры; они возникали ежедневно, и уже летом 1790 г. их было около 60. В сентябре Марат основал свою газету «Le Publiciste parisien, journal politique, libre et impartial» с эпиграфом «Vitam impendere vero» [167]. Проспект знаменитой газеты появился 8 сентября 1789 г.; первый номер вышел в субботу 12 сентября. Историческое название «L'Ami du Peuple» утвердилось за газетой несколько позже [168]. Вот почему в одном из трех вариантов проспекта мы читаем, что читатели могут направлять свои письма в редакцию на имя авторов «Ami du Peuple, ou Publiciste parisien» [169]. Окончательное изменение названия газеты Бужар склонен объяснить начавшимися в середине сентября преследованиями, когда Марат отказался издавать ее от имени «общества патриотов». Он решил, чтобы не подвергать преследованию своих сотрудников, один нести ответственность за газету [170].

Во всяком случае, до сих пор остается невыясненным, что это за «общество патриотов», которое издавало газету «L'Ami du Peuple». Ни один из исследователей ничего не сообщает нам об этом [171]. Существовало ли оно? В пользу этого говорят некоторые факты. При первом столкновении Марата с Коммуной, о чем мы писали выше, председательствующий на заседании совета в своей речи подчеркнул, что выступление Марата связано с действиями многих преданных, но ошибающихся патриотов. Но возможно, что он имел в виду не друзей Марата,

не членов «общества», а вообще всех участников народных волнений.

Мы узнаем, что уже в начале сентября Марат был близок к дистрикту Кордельеров. Он ушел сюда, когда окончательно порвал с дистриктом Карм. Не подлежит сомнению, что добровольные объединения патриотов-революционеров возникли в секциях, особенно в наиболее демократических из них, очень рано, еще в августе—декабре 1789 г. О попытках подобных группировок говорит Лустало в «Révolutions de Paris», категорически возражая вместе с тем, как мы видели, против корпоративного принципа объединения.

Характерно, что первое время в газете Марата отсутствует чисто личный тон изложения, который спустя некоторое время становится преобладающим. Этот перелом совпадает, примерно, с октябрьскими днями. В проспекте газеты корреспондентам дан адрес некоего Дюфура в Париже — «rue des Cordelier» и указан адрес для писем сотрудникам газеты. О коллективе, издающем газету, говорит и следующий найденный нами документ: абонентная квитанция, выданная 7 октября господину Descloseaux на получение 4 ливров месячной платы за газету. Квитанция представляет собой трафаретный бланк на сумму в 12 ливров абонентной платы за три месяца, с 1 октября по конец года, и подписана за Марата и Дюфура — Готье. Подпись последнего удостоверяет подлинность квитанции [172].

Кто такие Дюфур и Готье? К сожалению, мы не знаем их инициалов, и поэтому трудно установить точно, о ком идет речь, но оба они фигурируют среди крайних демократов в дистриктах, а затем в секциях Парижа [173]. Все это, конечно, только косвенные признаки, но и они весьма показательны: Марат начинал свою деятельность не как одиночка. Возможно, что дальнейшие архивные изыскания дадут возможность в будущем разрешить вопрос о возникновении газеты; мы, к сожалению, вынуждены ограничиться только этими замечаниями.

Марат сам объяснил нам тот путь борьбы, который привел его к изданию газеты. В письме Коммуне от 25 сентября он рассказывает о том, как, наблюдая за работами Национального собрания, он пришел к выводу, что в последнем царит аристократическая фракция, возглавляемая не только аристократами, но и Мунье. В этом его убедили происки контрреволюционеров и особенно поведение де Ноайля в знаменитую ночь 4 августа. Тогда-то он и решил выступить на защиту революции. Это стало особенно необходимым, когда было обнаружено, что члены Парижской Коммуны, «забывая пределы власти, простыми блюстителями которой они являются, отдали приказ

гражданской милиции рассеять пале-рояльские толпы под предлогом предупреждения мятежных сборищ» [174].

Поводом для издания газеты послужила борьба народных масс в июле—сентябре 1789 г. Революционное движение дистриктов убедило Марата, что народу, с оружием в руках завоевавшему 14 июля свободу и власть новой аристократии, для завершения своей задачи не хватает политического руководства, отчетливого понимания путей и задач революционного движения. «Мудрые должны приготовить, — писал Марат, — триумф великих истин, который должен сопровождать царство справедливости и свободы и укреплять основы общественного счастья». Вот почему основная задача патриотов состояла, по мнению Марата, в это время в том, чтобы создать периодическую газету, в которой будут не только внимательно следить за ходом работ Генеральных штатов (любопытно, что Марат предпочитает так называть Учредительное собрание), но и мстить, по его словам, за попранные народные права и где будут обсуждать мероприятия для спасения отечества. Таковы задачи редактора газеты и его сотрудников. Таким образом, уже в проспекте газеты намечены не только конституционные, но и «внепарламентские задачи» нового революционного органа демократии [175].

Через 10 дней Марат поспешил снова и более подробно изложить свои принципы в статье «Profession de foi du Rédacteur» [176]. «Со всех сторон газету обвиняют в том, что она порождает беспрерывные скандалы, на нас жалуются не только враги, но и трусливые граждане». Последние готовы не вмешиваться в борьбу Марата с продажной фракцией Национального собрания, но они настаивают на том, чтобы эта борьба велась с достаточной умеренностью. «Не означает ли это, — с иронией спрашивает Марат, — предлагать солдату безнадежную борьбу со смертельным врагом на поле брани?» Марат напоминает, что было время, когда он готов был отнестись с уважением к Национальному собранию, но после того, как оно доказало свою враждебность революции, не может быть и речи о примирении с ним. С этого момента, говорит он «я увидал опасность, грозящую отечеству, его спасение стало для меня верховным законом, и я сделал своей обязанностью бить беспрерывную тревогу — единственное средство не допустить гибели нации» [177].

Во имя этой задачи редактор революционной газеты обрушивается на всех идолов — «баловней счастья и власти». «Добрые патриоты не допустят закрытия моей газеты. Если это произойдет, то только благодаря пособникам деспотизма: я бросаю им вызов, пусть они попробуют; они знают, как я их мало боюсь». Революционная борьба требует, чтобы в распоря-

жении народа были люди, занятые исключительно политикой, люди, которые днем и ночью заботятся о его интересах, о его правах, о его спасении. Марат готов взять на себя эту роль, мы бы сказали теперь, профессионального революционера: «Ведя борьбу против врагов государства, я без жалости буду нападать на мошенников, срывать маски с лицемеров, доносить на предателей, разоблачать чиновников, которые спекулируют на ложном усердии; преследовать негодяев и глупцов, неспособных служить отечеству, подозрительных лиц, которым не следует доверять. Как ни жестоко будет мое перо, оно будет жестоким только к преступлениям. . . Я знаю, что меня ждет от преступной толпы негодяев, которые подымутся против меня; но страх не может влиять на меня; я отдаю себя отечеству и готов для него пожертвовать последней каплей крови».

Нам кажется, что в указанных документах Маратом дана характеристика тех задач, которые поставила себе его газета, и дано точное определение тех средств, которые, по его мнению, должны были привести к осуществлению этих задач. В борьбе с Национальным собранием и Коммуной Парижа, в борьбе с государством восторжествовавшей буржуазной аристократии Марат вступал на путь внепарламентской революционной деятельности, отбросив всякое уважение к легальным конституционным нормам и призывая народ к самоорганизации для завершения революции, не удавшейся 14 июля [178]. Мы можем категорически утверждать, что «L'Ami du Peuple» была в это время единственной газетой, столь четко формулирующей революционные задачи народных масс.

Уже в первых номерах газеты, при обсуждении конституционных вопросов о вето и двухпалатной системе, подчеркиваются два момента: 1) ни один частный вопрос государственного строя не может быть решен помимо радикального переворота в общественно-правовых отношениях; 2) сама эта революция будет результатом народного восстания. Без кровавой борьбы, сопровождавшей взятие Бастилии, не представляло бы труда вернуться к временам абсолютизма. Чтобы сделать доступными для масс свои утверждения, Марат излагает их даже в рифмованном виде.

В этих стихах мы встречаем перечисление врагов народа, список, который позже будет все более и более расширяться, охватывая всю массу буржуазного класса. Дворяне и духовенство стоят во главе списка. Марат предлагает очистить Францию от монахов, забрав у них добро, издавна украденное ими у народа. Затем следуют указания на необходимость борьбы с финансистами, со всеми теми, кто ставит деньги выше добродетели, кто мешает воцариться в государстве с в о б о д е и р а в е н с т в у [179].

Чтобы не оставить сомнения в своем понимании задач революции, Марат во втором номере газеты снова подымает вопрос, о котором он писал Генеральным штатам в письме от 27 июля: необходимо создание государственного трибунала для преследования врагов народа; только путем террора, организованного государственной властью, можно будет избежать кровавых сцен народного самосуда [180].

Присмотримся, однако, несколько ближе к той оценке, которую Марат дает в это время Национальному собранию и Парижской коммуне. Депутаты парламента тратят бесконечно много времени на обсуждение конституционных деталей. Может ли быть сомнение в вопросе о перманентности Национального собрания? Оно должно заседать беспрерывно, но его члены, выбранные только на срок, должны по частям постоянно обновляться. Право отзыва депутатов, настаивает Марат, является основным правом народа-суверена. С нарушения этого права начало свою деятельность Национальное собрание. Марат — в этом характерная особенность его агитации — настаивает не столько на праве народа санкционировать законы, сколько на обязанности доверителей отзывать из парламента не оправдавших себя уполномоченных народа.

Жители города Ренна обратились в Национальное собрание с петицией, требуя отмены вето. Депутаты отвергли эту справедливую петицию. В числе этих депутатов был и Мирабо, который, казалось бы, должен был знать права народа и обязанности его представителей. Но он заявил, что села и города только «подданные» и что депутаты не обязаны отчитываться перед ними. Защищал ли Мирабо эту точку зрения перед населением Марселя, когда добивался избрания и готов был служить и прислуживать ему во всем? [181] Марат напоминает снова то, что он писал в декларации: закон о неограниченных правах депутатов — политическое преступление. Необходимо ввести императивный мандат. Только при осуществлении этих двух основных принципов — права отзыва депутатов и императивного мандата — санкция законов народом станет реальным средством укрепления демократии.

При выполнении этих условий ничто не должно мешать активности и самостоятельности депутатов, их революционной инициативе. Парламент должен быть подвергнут строжайшему контролю со стороны народных масс. В этом смысле огромная роль принадлежит прессе и общественному мнению, которые сообщают массам о происках врагов народа. Роль инициативного меньшинства поэтому нередко столь же полезна для общественного блага, как и роль правящего большинства.

Исходя из этих принципов, Марат отвергает вето. Королевская санкция законов может означать только подчинение

короля решению Национального собрания. Очевидно, что незачем требовать от короля санкции законов от случая к случаю, поскольку, утверждает Марат, король принес общую клятву их соблюдать. Относительное, как и абсолютное, вето равно будет служить королевской власти для провокации гражданской войны и подавления народа. Вето противоречит народному суверенитету, и нация помимо и против Национального собрания может отнять его у королевской власти [182].

Исходя из этих же принципов, Марат категорически отвергает идею двухпалатной системы. «Если обе палаты, — заявляет он, — имеют одинаковые интересы, они будут придерживаться тех же взглядов и всегда будут солидарны между собою, а следовательно, будут только бессмысленно усложнять государственную машину. Если обе палаты будут иметь различные интересы, то та, которая будет иметь право контроля, станет стеснять и задерживать действия той палаты, которой принадлежит законодательная власть, и нормальный ход государственной машины будет нарушен» [183]. Разве можно, наконец, допустить, спрашивает Марат, чтобы высшая палата согласилась на отмену феодальных прав низшей палатой? «Какой разумный человек может предположить, что без кровавых сцен взятия Бастилии привилегированные сословия были бы согласны на эту меру?»

Марат не возражает против необходимости ограничить абсолютизм парламента. Но это ограничение должно пойти двояким путем: с одной стороны, путем издания суровых законов против депутатского произвола, а с другой, — и это для него не менее существенно, — путем значительного сокращения числа членов законодательного собрания. «Наилучшим средством против торопливости законодателя является значительное уменьшение числа его членов и образование законодательного собрания из людей просвещенных, мудрых и добродетельных» [184]. Мы в дальнейшем еще не раз столкнемся с попыткой Марата доказать необходимость добиться максимальной концентрации революционной власти в руках небольшого активного меньшинства демократов.

Неорганизованность и нерешительность народных масс сделали революционный кризис затяжным. Король не давал своей санкции декретам Национального собрания, голод становился все более и более ужасным. Марат тщательно следит не только за политическими, но и за экономическими вопросами, выдвигавшимися революцией. 16 сентября он сообщает в своей газете о том, что население, несмотря на урожай, вынуждено осаждать булочников. «Можем ли мы сомневаться в том, что мы окружены врагами? Они хотят добиться нашей гибели... Нет сомнения, враги народа — это б о г а ч и и с т а р а я

а д м и н и с т р а ц и я, сохранившая власть» [185]. Уполномоченные дистриктов должны взять на себя дело контроля над продовольственным положением страны, над деятельностью администрации. Речь идет, однако, не о реформе. Ведь виновник всех народных бедствий сидит в коммунах. «Виноваты коммуны, только коммуны!» Депутаты Национального собрания, большинство представителей третьего сословия политически безграмотны, они настаивают на нелепой гуманности. Марат впервые выдвигает здесь один из основных аргументов в защиту своей революционной тактики: «Мы кричим по поводу убийства нескольких негодяев, которые погибли справедливо, так как разоряли целые провинции, и мы храним молчание, когда королевские слуги убивают тысячи подданных» [186]. Революционный террор гуманен, потому что он оберегает нас от многочисленных жертв белого террора.

Из номера в номер Марат расширяет рамки своей революционной критики. «Чтобы двигаться вперед большими шагами, — заявляет он, — необходимо шагать систематически» [187]. Революционная теория вырабатывалась постепенно, в ходе самой борьбы. Марат очень рано выступил в роли политического учителя народных масс. Даже беглое ознакомление с материалом доказывает необоснованность утверждения, что Марат был только революционером-практиком, интуитивно, «пророчески» предугадывающим ход событий.

Одно из основных положений, которое он систематически и с исключительным упорством проводит в своих статьях начиная с первых номеров газеты, — это необходимость радикальной, мы сказали бы теперь, «чистки» государственного аппарата для его обновления снизу доверху. «Народ не использовал того положения, что в его руках было оружие, и не изгнал из своей среды агентов старого порядка». Более того, усыпленный кажущейся победой, он спокойно предоставил им возможность под прикрытием легальности организовывать заговор против свободы [188]. Повсюду во главе государственных учреждений сидят или наемники и слуги короля, академики-пенсионеры, или богачи, живущие за счет народа. Неудивительно, что страна разорена, предприятия стоят, торговля приостановилась, финансы разрушены, повсюду царит анархия. Ведь вот жалуются, что в сельском хозяйстве недостает рабочих рук для обмолота хлеба. Возможно ли, чтобы государство, содержащее армию в 160 тыс. человек, живущих в безделье, не могло использовать их в сельском хозяйстве? Надо спешить с завершением народной революции, с реорганизацией и «чисткой» старого государственного аппарата, потому что приближаются тяжелые времена: зима усилит нужду, заработок и доход рабочих уменьшатся, нищета увеличится: толпы слуг

увеличат армию нищих и несчастных, все лишенные средств к существованию, о которых общество перестало заботиться, будут мстить за себя [189]. Сопротивление стоящих у власти неминуемо приведет к гражданской войне, и Франция распадется на отдельные независимые республики, если победа народа не будет закреплена в ближайшее время.

Марат проводит пока еще отчетливую грань между революцией и гражданской войной. Задача сводится к тому, чтобы народ своей победой в революции сделал невозможной гражданскую войну. Мы увидим в дальнейшем эволюцию его взглядов в этом вопросе. В 1789 г. наш революционер-мыслитель, ученик философии XVIII в., считает возможным, «чтобы ремонт политической машины, мыслимый только путем насильственных потрясений», был произведен без братоубийственной войны, чтобы революция не стала гражданской войной. Но для этого необходима чистка комитетов и коммун от наймитов и слуг старого порядка. Не забудем, добавляет Марат, что «современные государства построены на отвратительных принципах феодализма» [190]. Дело не обойдется без насильственной чистки Национального собрания, если оно само себя не очистит, потому что ничтожное меньшинство добродетельных депутатов дало управлять собою банде попов, судейских чиновников, финансистов, негоциантов и агентов двора [191].

Марат подчеркивает, что идея о необходимости «чистки» государственного аппарата была им высказана еще в третьей речи «L'Offrande á la Patrie», что она является составной частью его политических требований.

Недоверие к Национальному собранию накануне октябрьских дней охватило всех демократов. Об этом свидетельствует О. Робеспьер в своих первых письмах из Парижа: «Большинство депутатов Национального собрания — явные враги свободы» [192]. Последовательно развивая эту общую мысль, Марат приходит к идее о необходимости разгона Национального собрания и замены его другим. «Пусть народ воспользуется, наконец, своими правами, — восклицает он в статье «Suite du Projet de leurrer le peuple», — пусть он уничтожит Национальное собрание, отменив его декреты; пусть народ образует новое собрание, чьи двери будут закрыты и для дворян и для попов, которым народ не может оказать доверия; пусть он призовет в собрание людей, чьи таланты и чувства будут вне подозрения» [193].

Марат возвращается к этой мысли неоднократно накануне 5 октября. 27 сентября он заявляет: дебаты о конституции в собрании доказали, что с ним надо покончить, надеяться на него больше не приходится. В новое собрание после торжества революции попадут новые люди. Необразованность их при этом будет иметь решающее значение; надо послать

в собрание патриотов, людей твердых революционных принципов. Эти новые депутаты, снабженные императивным мандатом, исправят ошибки Генеральных штатов.

Первого октября вопрос об объявлении войны Национальному собранию был для Марата решен окончательно, он готов встать во главе плебейских масс. Но окончательное решение вопроса связано с успешной атакой против парижского муниципалитета. Эти два момента в его агитации тесно связаны между собой.

Присмотримся ближе к взглядам Марата на коммунальную организацию Парижа 1789 г. «Недостатки организации муниципалитета; недостойный выбор отдельных его членов; вопиющее управление комитетами» — под этим заголовком Марат открывает свой поход против Парижской коммуны [194]. В то время как организация дистриктов и муниципалитета является центральной задачей революции, Национальное собрание медлит с изданием декрета. Но способно ли оно издать необходимый народу закон? Марат снова повторяет свою мысль, высказанную им по поводу Национального собрания: революционная власть должна быть максимально сконцентрирована, нагромождение и многолюдность комитетов и собраний приносят только вред. Существующая Коммуна является пародией на народную организацию; во главе Коммуны стоит академик, пенсионер короля; в комитетах ратуши и прежде всего в ее продовольственном комитете сидят спекулянты. Свои заседания Коммуна обставляет максимальной тайной, окружая себя солдатней. Разве не очевидно, что в таком виде муниципалитет является опорой власти контрреволюционеров? Подобно Национальному собранию, и Коммуна должна подвергнуться «чистке». Революционная инициатива принадлежит дистриктам, которые возглавят народное движение [195].

«Речь к народу» от 18 сентября и «Обращение к гражданам дистриктов столицы» от 26 сентября представляют огромный интерес для понимания того, как Марат оценивал роль и значение дистриктов. Марат прежде всего занят внимательным анализом состава Коммуны, агентов и членов ее комитетов. Муниципальная полиция находится, по его словам, в руках аристократов и старых чиновников; комитет продовольствия возглавляют два спекулянта; руководитель национальной гвардии бесконтрольно распоряжается огромными суммами денег; буржуазная гвардия сознательно воспитывается в строго корпоративном духе; ее штаб всецело подчинен «враждебной народу фракции Национального собрания». Распоряжаясь всеми этими силами, новая аристократия бесцеремонно разгоняет народное собрание, держит народ без хлеба и готовит комбинированный план контрреволюции. Вот почему, с точки

зрения народа, муниципалитет Парижа — основная опасность; овладеть им значит получить в свои руки власть, опору для дальнейшей революционной борьбы [196].

Концентрируя руководство в руках малочисленных комитетов, мы добиваемся большей подвижности революционной власти, избавляем ее от необходимости тратить время на пустые дебаты. Одновременно мы должны тщательно подбирать эти комитеты. Марат в «Обращении к гражданам» предлагает к списку дворян и попов, которых следует изгнать из комитетов, добавить предпринимателей, подрядчиков, монополистов, спекулянтов. «Подлые рабы счастья, они ищут только покровительства сильных мира сего», но в таком случае как можно поручать им охрану своих интересов, доверять тем, кто нас разоряет? [197]

В судах и тайных комитетах вырабатываются опасные резолюции, создаются преступные планы. Втайне канцелярии подготовляют покушения, предательства, торжество несправедливости. Эти опасности, грозящие народу не со стороны явных контрреволюционеров, а со стороны перекрасившегося старого государственного аппарата и со стороны хотя и вновь избранных, но заполненных врагами революции комитетов, заставляют Марата требовать не только публичности их работы, но и свободного проникновения на заседания народной толпы. Зрители будут сохранять молчание, чтобы не мешать работать, но они смогут в случае необходимости высказать свой протест против всякого нарушения справедливости. Вот почему он требует и отмены многочисленной охраны вокруг ратуши: для порядка достаточно всего 30 человек.

Развертывая свой план революционной атаки, Марат начинает проявлять значительный интерес к армии. Воздействовать на нее он считает основной задачей для подготовки революции. В «Discours à la milice Parisienne» Марат доказывает одному из офицеров национальной гвардии, что решающей силой революции являются народные низы, «le petit peuple». Несмотря на то, что бедняки меньше всего могли надеяться на то, что революция облегчит их страдания, они первые выступили на защиту общего дела. Но служит ли национальная гвардия делу «мелкого люда»? Нет! Она занята парадами, игрой в чины; в гвардии нет дисциплины; она оружие в руках врагов народа [198].

После первого появления Марата в Коммуне прошло всего три недели, но Марат начал свою революционную борьбу и не желает больше вступать в переговоры со своими классовыми врагами [199]. В письме Парижской коммуне он точно формулирует стоящую перед ним политическую задачу: «Национальное собрание все время находится под давлением врагов

государства, и я вполне убежден, что оно будет в состоянии успешно работать над конституцией лишь тогда, когда эти враги не смогут больше опираться на силы самого народа и когда парижский муниципалитет станет отражать общественные пожелания. . . Народ глупейшим образом упустил случай отделаться от врагов государства, а руководящая партия Национального собрания приложила все усилия к тому, чтобы не допустить привода народных масс к подножию алтаря правосудия».

Это было программой новой революции. Марат не ограничивается провозглашением общей платформы, он выставляет и ряд конкретных требований: отмены цензуры при печатании революционных листков, прекращения преследований народных собраний. «Ведь именно эти собрания спасли вас, — обращается Марат к Коммуне, — в то время, когда вы еще не выделялись из толпы и еще не были облечены общественным доверием». Но мыслимо ли это без новой революции, если все комитеты захвачены «прокурорами, адвокатами, судейскими и парламентскими советниками,. . где эти обманщики диктуют свою волю революции?» [200]

Примирение Марата с Коммуной не состоялось; накануне октябрьских дней, спустя две недели после издания газеты, он вынужден перейти на полулегальное положение. Но Марат не только не прекращает борьбу, он ее усиливает. 1 октября он выступает с новым призывом к народу о выборе депутатов Национального собрания [201].

Дело в том, что новый конституционный комитет Национального собрания, установив число членов будущего парламента в 700 человек, объявил, что избираться они будут только из среды имущих граждан. Прежде всего Марат повторяет свою мысль, что даже вдвое сокращенное собрание чересчур многочисленно. Им выдвигается в дополнение еще один мотив огромной важности: чем многочисленнее собрание, тем труднее добиться единства политических взглядов, единства, абсолютно необходимого для революционной власти.

Вторым решающим недостатком будущего собрания является то, что оно будет избираться только из среды собственников, да притом таких, которые платят государству налог, равный «марке серебра», т. е. «среди людей богатых, почти всегда без политического воспитания или дурно воспитанных, людей расточительных, мечтающих только об удовольствиях или занятых спекуляцией». Не очевидно ли, что революции грозит опасность до тех пор, пока привилегированным и финансистам принадлежит почти вся земля королевства? Эти богатства гарантируют землевладельцам и капиталистам преобладание в собрании, которое они превратят в заговор аристократов.

Марат предлагает поэтому исключить из числа избирателей не бедняков, а дворян, попов, финансистов, членов парламентов, пенсионеров, штабных и их слуг, словом, всех тех, кто был врагом народа до 14 июля и остается им теперь [202].

Враги народа готовят контрреволюцию, обрекая народ на голод. Марат не возражает против свободной торговли хлебом. Но он понимает эту свободу весьма своеобразно. Сравните вышеприведенную статью Лустало о борьбе с голодом и статью Марата «Situation desastreuse de la France et manière d'y remédier». Марат категорически протестует против помощи спекулянтам, монополистам и против участия в этой спекуляции правительства и его агентов. Принципиально не отклоняя вмешательства власти в хозяйственную жизнь, Марат настаивает на использовании армии для уборки хлеба и обработки земли. Но главное то, что и в этом случае, как всегда, он подчиняет отдельные задачи революции основной — борьбе за захват государственной власти. Хотите разрешить продовольственный вопрос и спасти страну, говорит Марат, изгоните из Коммуны и Национального собрания агентов старого порядка финансистов, спекулянтов, очистите снизу доверху государственный аппарат, создайте в Коммуне Парижа крепкую власть максимум из 50 человек; они, опираясь на революционную власть дистриктов, завершат дело 14 июля. «Я адвокат нации и я никогда не отступлю», — заканчивает Марат декларацию своих принципов накануне восстания 5—6 октября [203].

10

Политическая история 5—6 октября выяснена в достаточной степени. В гораздо меньшей степени исследована история народного движения, а еще меньше — борьба в рядах демократии, внутри дистриктов в эти дни. А это представляет собой наиболее интересную сторону революционных событий. «5—6 октября — первые дни якобинского движения; революция отныне изменила свой объект и свою сферу: речь шла теперь не о свободе, а о равенстве, которое стало ее целью; низший класс общества взял с этого дня верх над всеми теми, кто по знаниям своим призван управлять» [204], — так характеризует г-жа де Сталь события 5—6 октября. То, что намечалось 14 июля, было продолжено 5—6 октября: плебейская оппозиция в буржуазной революции становилась все более и более активной и самостоятельной. Парламентское движение, участие в событиях буржуазного блока, во-первых, и движение демократии дистриктов, во-вторых, — вот два пути, по которым пошла революция. Внимательный анализ показывает нам, что и в дистриктах, среди демократов, не было единства. Между руководителями народного восстания, между сторонниками легальных парламентских действий и революционной инициативы шла ожесточенная борьба. «Связь между большинством восстаний того времени и голодной нуждой, — писал Ф. Энгельс, — значение, которое имело снабжение провиантом столицы и распределение запасов уже начиная с 1789 г. . . . доказывают помимо строгого изучения фактов, что тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация» («Праздник народов в Лондоне». — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 28).

Либералы и демократы выступали в революции со своими классовыми программами.

События августа-сентября 1789 г. окончательно оформили правое крыло парламентской буржуазии как самостоятельной политической группировки — партию умеренных и «независимых». Они создали свой центральный комитет из 38 человек, вступили в связь с двором, с роялистами-депутатами Национального собрания и начали активно готовиться к борьбе. Союз с роялистами был закреплен общей программой контрреволюции: перевести Национальное собрание в Суассон, поставить короля в условия полной безопасности, изолировать Национальное собрание от народного движения.

Политическая программа, однако, прикрывала основное требование — не допустить покушения на собственность даже феодального происхождения. Мунье и Малуэ доказывали, что решения 4 августа угрожают буржуазной собственности [205]. Либералы во главе с Барнавом, Бюзо, Ламеттом, Лакостом и т. д. видели в осуществлении августовских декретов тот максимум, реализация которого необходима для завершения революции. Отказ короля санкционировать эти декреты и решил поведение депутатов левой, членов Бретонского клуба. Примирительные попытки Лафайета, о которых он сам рассказывает в своих мемуарах, не удались именно потому, что королевская клика, ободренная поддержкой правого крыла буржуазной оппозиции, надеялась оказать решительное сопротивление Национальному собранию и не допустить ограбления «моего дворянства и духовенства» [206].

К этому времени относится и окончательный разрыв с Неккером: либералы только теперь увидели в нем агента двора. Они поняли, что дальнейшее продолжение революции зависит от нового удара, нового выступления народных масс. Эта затаенная мысль была сформулирована Барнавом в дошедшем до нас отрывке его письма, написанном накануне октябрьских дней, и повторена в Национальном собрании 2 ноября: «Париж считал необходимым вторично спасти общественную свободу» [207]. Либералы готовы были поддержать движение, если бы им уда-

лось его возглавить. На этом были построены расчеты различных групп и лиц. Очевидно, что ни интриги герцога Орлеанского, ни происки Мирабо не вызвали восстания; не подлежит сомнению, что каждая из этих групп имела в виду использовать события в своих целях и видах. Как передает исторический анекдот, даже Мунье, председательствовавший в собрании 5 октября, узнав о приближении толпы, не только отказался закрыть заседание по предложению Мирабо, но в ответ поспешил сказать: «Париж идет на нас; ну что же, тем лучше, тем скорее у нас будет республика»[208]. Реакционеры и умеренные надеялись, что октябрьские дни дадут им возможность раз навсегда подавить народное движение.

Парламентские комбинации не могли, однако, уничтожить главной причины восстания — голода. Только реакционеры пытались позже отрицать, что в голоде следует искать движущую силу событий. Необходимо, однако, отметить, что после октябрьских дней вся буржуазная публицистика и официальные ее представители в Национальном собрании готовы были утверждать, что события 5—6 октября ничего общего не имеют с революцией, конечно, не в той части, в которой буржуазия политически использовала эти события, но в той, где массы выступили со своими требованиями[209].

«Уже много дней в столице не прекращаются волнения по поводу продовольствия; с трудом можно получить хлеб», — писали из Версаля страсбургские депутаты своему муниципалитету[210]. Коммуна поспешила принять настоятельные и строгие меры, чтобы снабдить население хлебом; она делала это под давлением дистриктов. Но буржуа, заседавшие в совете Коммуны, не желали даже перед лицом катастрофы отступать от своих фритредерских принципов[211]. Когда 7 октября Байи сообщил Коммуне о предложении одного гражданина продавать хлеб по единой цене (prix uniforme), с тем чтобы добровольные добавления к этой цене, взносы зажиточных граждан, служили как бы резервным фондом помощи голодающим, совет Коммуны решительно высказался против системы фиксации цен, а вместе с тем и против всяких стеснений свободной торговли. Ряд полицейских мероприятий против голодной толпы был, с точки зрения Коммуны, более целесообразен. Вместе с тем решено было ассигновать новые суммы для закупки хлеба и вынесено постановление о субсидии булочникам[212]. Но голод возрастал, и дистрикты становились все более и более требовательными.

Стихийное голодное возмущение масс получило вместе с тем свое политическое оформление. Три элемента, по словам современника-реакционера, участвовали в движении: те, кого гнал голод, фанатики-агитаторы и честные граждане, которые

спешили из Парижа в Версаль, чтобы не допустить беспорядков[213]. «Фанатики-агитаторы» еще в конце августа, во время выступления прислуги за удаление из Парижа савояров, заявили от имени толпы: «Мы требуем права гражданства, права участия в собраниях различных дистриктов и чести участия в национальной гвардии»[214]. Политически совершенно отчетливо это требование было выражено в широко распространенной брошюре «Quand aurons-nous du pain?»: «Почему вожди Коммуны оставляют вас без хлеба? Для того чтобы разжиреть за ваш счет»[215]. Сама мысль о наступлении на Версаль родилась в толпе довольно рано. Еще 29 сентября рабочие, занятые в благотворительных мастерских, хотели отправиться в Версаль с требованиями к королю и Национальному собранию. Демулен провозгласил эти требования еще в сентябре, во время борьбы против вето.

Движение народных масс направлялось не только против короля, но против Коммуны и Национального собрания. Если требование санкции декретов было основным для либералов, примкнувших к движению, то народные массы только позже, в самом ходе восстания, были отвлечены от своих первоначальных революционных требований парламентскими группировками и заменили лозунги разгона и очистки Национального собрания и Коммуны другим лозунгом, игравшим вначале второстепенную роль в движении: перевести собрание и короля из Версаля в Париж. Не следует при этом, конечно, преувеличивать революционное сознание и организованность масс в дни 5—6 октября.

Рано утром 5 октября толпа женщин вместе с рабочими предместий осадила ратушу, ворвалась в совет Коммуны и потребовала к ответу своих уполномоченных[216]. Женщины из народа, главным образом торговки с рынков, и рабочие Сент-Антуанского предместья взяли на себя дело общественного спасения[217]. Повстанцы заняли все помещения ратуши, поспешили освободить арестованных из тюрьмы. Свидетели-буржуа говорят, что часть толпы захватила кассу и готова была даже поджечь ратушу. В толпе кричали: «У этих господ нет мужества, они не могут отомстить за себя, мы будем действовать вместо них. Представители Коммуны — предатели, плохие граждане, они заслуживают смерти, и в первую очередь — Байи и Лафайет»[218]. Но толпа видела в этом только свою частичную задачу — повстанцы шли дальше: «Мы сожжем ратушу; мы отправимся к Национальному собранию; мы хотим ознакомиться со всем тем, что оно декретировало до сих пор»[219].

Коммуна поспешила прибегнуть к помощи дистриктов. Отряд национальной гвардии дистрикта Бельвиль первым явился на помощь муниципалитету. Но он не был единствен-

ным. На помощь ратуше поспешили и наиболее демократические дистрикты, в частности, дистрикт Petit St.-Antoine. Сохранился протокол собрания этого дистрикта. «1789 г., понедельник, 5 октября, 6 часов утра. Граждане дистрикта собрались благодаря своему патриотизму в момент, когда обстоятельства не дают возможности соблюдать обычные формы созыва собраний; после того как они тщательно ознакомились с положением дел и узнали в той мере, в какой можно было собрать сведения в подобных условиях, о бессилии как военных, так и гражданских начальников, узнали, что господин комендант национальной гвардии отправился в Версаль с достаточными силами, они считают необходимым позаботиться об охране ратуши, центра гражданской и военной власти столицы, от которого должны исходить все мероприятия для восстановления порядка и тишины. Граждане дистрикта, считая, что они клятвенно обязались охранять безопасность всех граждан и в частности своей суверенитет, считая, наконец, что наибольшая услуга, которую они могут в данном случае оказать отечеству, — это доставить продовольствие своим согражданам, как тем, кто находится в столице, так и тем, кто отправился на защиту отечества, постановили, что все вооруженные граждане обязуются отправиться в распоряжение своего дистрикта и Коммуны»[220]. Среди многочисленных подписей мы встречаем имена Сантерра, Прюдома и др. Постановление дистрикта Кордельеров по существу не расходится с решением собрания Сент-Антуанского дистрикта; первый настаивает только на немедленном отправлении Лафайета в Версаль. Ратуша была спасена батальоном дистрикта des Filles de St.-Thomas; помощь Коммуне оказана была и другими дистриктами[221].

Гнев народных масс был, таким образом, отвлечен даже наиболее радикально настроенными дистриктами от Коммуны на Версаль. Совет Коммуны, срочно принявший меры к обеспечению Парижа продовольствием, считая, что он тем самым ликвидирует основную причину народного движения, вынужден был под давлением толпы обратиться к Лафайету и предложить ему стать во главе национальной гвардии и толпы, идущей в Версаль. «Общее собрание представителей Парижской коммуны, принимая во внимание обстоятельства и желание народа, которому, по словам главы национальной гвардии, нет возможности сопротивляться, предложило главнокомандующему отправиться в Версаль», — так гласит решение Коммуны[222]. Лафайет дал свое согласие, как говорят некоторые документы, «ни жив, ни мертв». Он должен был спешить тем более, что в толпе поговаривали, что в случае, если он откажется, можно будет заменить генерала простым гренадером[223].

В Версале повторилась та же сцена, что и в ратуше. Толпа, ворвавшись в Национальное собрание, требовала не санкции декретов, а хлеба и «чистки» народного представительства. Об этом говорят многочисленные документы. В одном из офицерских писем, найденных позже у королевы, мы узнаем, что их всех удивлял тот факт, что толпа требовала хлеба и больше ругала Национальное собрание и ратушу, чем аристократов[224]. Устами Мейера толпа требовала обыска домов и складов, где был спрятан хлеб, и очищения собрания от предателей. Показательно отношение к духовенству. Один из депутатов-священников протянул в толпе женщине руку для поцелуя, но получил в ответ: «Je ne suis pas f. . . de baiser la patte d' un chien», и толпа подхватила: «Долой попов; попы виновники наших бед»[225]. Сообщение Мунье о согласии короля санкционировать декреты не успокоило толпы, повстанцы требовали: «Хлеба, не нужно нам речей!». Все очевидцы с удивлением отмечают пренебрежительное отношение народа к парламенту и его деятельности. Когда собрание приступило к обсуждению декрета юридического комитета о реформе уголовного кодекса, толпа протестовала: «К чему? Зачем нам уголовное законодательство, если Париж без хлеба?»

Руководил ли кто-либо этим стихийным народным движением? Пытался ли кто-нибудь политически оформить протест масс против господства «аристократии богатых» в Коммуне и Национальном собрании? В самом Версале, как и в Париже, октябрьские дни сопровождались ожесточенной классовой борьбой не только между «кварталом патриотов» и «кварталом аристократов», но и среди самих патриотов между богатыми и бедными[226]. Как в Париже вожди дистриктов, даже наиболее демократических, так и в Версале патриоты стремились отвлечь гнев толпы от Коммуны и Национального собрания в сторону короля для того, чтобы добиться санкции декретов и переезда короля в столицу. Барнав поспешил успокоить собрание, предложив ему не отделять себя от короля. Мирабо заявлял, что «государственный корабль быстро идет к спокойной гавани», а мэр Парижа Байи сообщил толпе, что король будет скоро в Париже, а впереди него телеги с хлебом.

Часть повстанцев была этим быстро успокоена. Тем более, что толпа была весьма разнородна по своему социальному составу. Знаменитые «дамы рынков» не были в социальном отношении однородной массой. Большинство среди них составляли рыночные торговки, меньшинство — работницы. Из протокольных записей Коммуны мы узнаем, что уже 8 октября наиболее состоятельные «дамы» поспешили заявить, что они ничего общего не имеют с теми, кто принимал участие в нападении на ратушу и на депутатов Национального собрания[227].

Они просили разрешения поручить им установить и наказать виновников. Среди привлеченных к суду оказалось, однако, немало женщин-работниц, о которых так высокомерно отзывались «дамы рынков».

Мы очень мало знаем о поведении рабочих, специально об их роли в толпе, о внутренней борьбе в дистриктах. Мы можем только установить их значительное участие в движении. Об этом говорит ряд источников; мы находим даже указание на то, что рабочие отправились в Версаль организованными группами, со своими цеховыми знаменами [228]. Но это все. Какое участие принимали они в штурме ратуши и Национального собрания, мы не знаем. Но не подлежит сомнению, что вызванное голодом народное восстание наряду с умеренными стремлениями либералов и решительным движением легальной демократической оппозиции, пытавшейся возглавить движение, включало еще одно течение, чья политическая задача сводилась к разгону аристократической Коммуны и Национального собрания.

Неудивительно, что Коммуна и Национальное собрание спешат поскорее ликвидировать восстание. Уже в заседании 7 октября совет Коммуны назначает несколько комиссаров для установления дисциплины в национальной гвардии [229]. По предложению одного из секретарей Коммуны решено обратиться с воззванием к гражданам столицы и дистриктам с указанием на необходимость уважать права народных представителей. 8 октября совет Коммуны обеспокоен тем, что в руках парижан оружие; Коммуна внимательно обсуждает, каким образом изъять оружие из рук народа. В тот же день Коммуна принимает обращение с призывом к гражданам дистриктов вернуться к своим работам. «Коммуна будет рассматривать, — читаем мы в воззвании, — как врагов столицы тех, кто нарушает общественное спокойствие; она их предает возмущению честных граждан и суду трибуналов, организованных с целью заставить уважать закон» [230].

К этой попытке «железной рукой» подавить народное движение присоединился вскоре и ряд дистриктов. Наступила широкая общественная реакция среди вчера еще оппозиционной буржуазии. Так, один из дистриктов требовал не только подавления бунтов, но и запрещения революционной прессы, возбуждающей народ. Более характерно решение дистрикта des Minimes от 9 октября: «Комитет дистрикта, наблюдая каждый день за растущими беспорядками в столице и опасаясь, что на месте свободы, отличающей просвещенную нацию, воцарится распущенность; считая, что пребывание короля в столице должно быть для нас эпохой счастья и спокойствия, временем изобилия», предлагает, чтобы всякий нарушитель порядка не мог считаться ни гражданином, ни подданным короля

французов. Против подобных граждан следует применять самые суровые меры наказания [231].

Лагерь контрреволюции был теперь шире, чем в августе 1789 г. Не только Мунье и его друзья присоединились к реакции; по существу и вожди Коммуны Байи и Лафайет и значительная часть либеральной оппозиции считали, что после 5—6 октября надо поставить предел революции, тому народному движению, которое исходило не от умеренной буржуазии, а от голодной массы наименее состоятельных дистриктов.

Объясняя причины своей эмиграции, Мунье не перестает подчеркивать классовые мотивы своего поведения. Революция превратилась в анархию. Вместо того чтобы с помощью старых законов и старой власти подавить народный бунт, ему дали совершиться в надежде на то, что он приведет к скорому установлению новой, достаточно авторитетной власти. Эта надежда оказалась самообманом; революция не оправдала себя. Мунье знает только одно средство против толпы — против насилия силу [232]. Это — общее убеждение его сторонников. Один из них требует военного закона и обещает, что он будет применяться с такой жестокостью, что «народы будут удивлены». В том же направлении действовала и мысль вождей Коммуны. В ответ на все усиливающиеся продовольственные бунты муниципалитет Парижа издал 15 октября воззвание «Всем жителям Парижа для поддержания общественного спокойствия и уважения к Национальному собранию» [233].

«Множатся признаки всеобщего переворота, — читаем мы в обращении Коммуны. — Какова же причина недовольства? Как много богатства в такой короткий срок! Нет больше деспотизма, нет больше министерского произвола; привилегии отменены, ваши права восстановлены, декларация, которая включает в себя эти права, и основные статьи конституции утверждены. . . Чего осталось вам еще желать? Что вам еще надлежит предпринять? Быть спокойными. Вспомните, граждане, слова вашего отца. Он вам сказал, что с удовольствием остается в столице, будучи уверенным, что общественное спокойствие будет обеспечено». Спокойствие восстановит торговлю, кредит, промышленность и привлечет в столицу богатых, что даст труд беднякам. Увещевания сочетались с угрозами. Победители требовали от народа подчинения и только при этом условии соглашались отделить себя от Мунье и других буржуа, предавших революцию.

11

Это была последняя попытка примирения. Коммуна не могла обеспечить Париж продовольствием, и беспорядки продолжались. Вовильер, один из руководителей продовольственного

комитета Коммуны, обратил внимание совета на угрожающие народные волнения в Сент-Антуанском предместье [234]. Лустало предупреждал: «Голод вновь вызывает справедливую тревогу в народе. Перспективы голода зимой мучают его все более и более. . . Доверие к комитету все уменьшается, народ сам отправляется за хлебом, задерживая по пути муку, направляемую на рынки, и распределяя ее среди булочников своего дистрикта» [235]. Дистрикты волновались теперь не меньше, чем в сентябре. Они придумывали различные планы, один другого грандиознее. Дистрикт Кордельеров предлагал, например, назначить продовольственного диктатора. Толпа начала применять самосуд к булочникам. 21 октября в связи с убийством булочника Франсуа усилилось требование военного закона. «Все надеются на этот закон; его применение, возможно, обеспечит честным людям спокойствие от господства каналий», — писали депутаты Страсбурга своему муниципалитету [236].

Военный закон был издан по инициативе Парижской коммуны, но эта инициатива шла всецело навстречу намерениям Национального собрания. Уже с 10 октября в собрании усилились со всех сторон требования суровых мер против бунтовщиков. Закон был принят (против голосовали Петион и Робеспьер), когда 21 октября представители Коммуны обратились в Национальное собрание за помощью и настаивали на немедленном применении закона. Закон был декларацией военного положения против всякого революционного восстания; он представлял власти чрезвычайные меры для борьбы с восставшим народом. Стремясь к полицейской и военной диктатуре, Коммуна постановляет 22 сентября организовать свой Comité de recherches с целью выяснения корней и источников беспорядков и восстания в столице по всей Франции.

Военный закон стал очень скоро предметом восхищения одних секций и ненависти других. Одни, как дистрикт du Val de Grâce, выражали свое доверие Национальному собранию и Коммуне, благодарили их за принятие военного закона. Другие, наоборот, как дистрикт de Bonne Nouvelle, отмечали в своем постановлении от 25 октября, что применение военного закона недопустимо, так как бунтовщики действовали «по причине голода». Дистрикт de St.-Martin des champs объявил активный протест против закона. Его представители были арестованы. Соответственно распределились и голоса прессы. «Patriote Français», газета Бриссо, заявляла, что закон — образец тонкости и мудрости; «Les Révolutions de Paris» решительно протестовала против закона, который вооружает «граждан против граждан» [237]. Но протесты не помогли; закон был проведен в жизнь, и революционное движение было на время придушено. Последним его актом накануне политической реакции

1790—1791 гг. была война дистриктов с Коммуной в декабре 1789 — январе 1790 г.

Политическая программа Марата в основном совпала со стихийным народным движением, он сделал попытку его организовать. Борьба с Коммуной и Национальным собранием, борьба за улучшение экономического положения масс занимала в ней иное место, чем в парламентской платформе радикальной оппозиции и во внепарламентской платформе деятельности дистриктов. Либералы и радикалы стремились прежде всего в дни 5—6 октября добиться королевской санкции августовских декретов; у Марата, как и у народной массы, требование это предполагалось как логическое следствие, как результат новой торжествующей революции. Это совпадение не означало, однако, что Марат руководил восстанием. Только позже, 10 августа 1792 г., произошло это сближение: маратизм гарантировал тогда победу народа. Отсутствие политического руководства у масс 5—6 октября 1789 г. объясняет нам, почему эта революция, как и день 14 июля, принесла победу либералам и поражение народу.

12

Выше мы достаточно подробно анализировали статьи Марата за сентябрь 1789 г. Мы видели, как постепенно он разворачивает программу народной революции. В 20-х числах сентября началась ожесточенная война между ним и Коммуной. Газету его преследовали, против него возбуждали одно судебное дело за другим, но он не прекращал своей деятельности. Мы очень мало знаем о его участии в не посредственном движении дистриктов. Демулен свидетельствует, что 5 октября «Марат помчался в Версаль и вернулся, как молния; сам он при этом произвел столько шуму, как четыре трубы страшного суда, и кричал нам: «Мертвецы! Вставайте!» [238]. Эта революционная активность и упорство Марата удивляли всех, даже знавших его с первых дней революции. К сожалению, мы лишены документов о деятельности Марата в эти дни, впрочем, как и о борьбе внутри дистриктов; нам придется поэтому обратиться снова к анализу его статей.

3 октября Марат обращает внимание своих читателей на деятельность Коммуны и Национального собрания. Аристократическая клика, руководящая последним, чувствует себя так уверенно, что «не проявляет даже минимальной осторожности, которая диктуется мудростью» [239]. В провинции десятки и сотни граждан арестовываются за одну только попытку критиковать магистраты. Национальное собрание защищает палачей всех революционных граждан с той же стремительностью,

как и совет Коммуны. Продолжая разоблачение отдельных руководителей Парижской коммуны, Марат направляет теперь свои удары против руководителя продовольственного комитета Вовильера.

5 октября эти частичные разоблачения находят свое дополнение в критике правительственной финансовой программы. Статья «Réflexions sur les dettes du gouvernement devenues nationales» представляет некоторый интерес, потому что в ней находятся зародыши дальнейшей развернутой борьбы против Неккера и элементы собственной социально-экономической программы Марата [240]. Государственный долг был до сих пор результатом бессмысленных трат двора. Финансовая политика правительства строилась или на системе ажиотажа или на основе принудительных и разорительных налогов. Все сводилось к тому, чтобы эксплуатировать малоимущие классы общества. На этом банкиры, в том числе и Неккер, построили свое личное богатство, но на этом они хотят построить и богатство государства. Это вопиющая нелепость. Не спасет положения и вошедший в практику обычай патриотических приношений. Когда руководитель наших финансов, замечает Марат, жертвует 100 тыс. ливров — это ничтожная доля приобретенного им в биржевой игре; подобный же дар герцога — ничтожное возмещение народу части народного суеверия, отданного общинам; для бедняка даже мелочь — значительная часть всего, чем он владеет. Финансовая политика государства должна быть направлена против богатых в пользу бедных. Такова общая и пока весьма бледная формулировка тех положений, которые в дальнейшем будут развернуты Маратом.

Принципиальное обоснование борьбы с Национальным собранием и Коммуной получает свое дополнение в предложениях непосредственного революционного действия. В том же номере, где Марат дал критику финансовой политики Неккера, он помещает письмо от 4 октября из Версаля о заговоре двора; он обращается к народу с призывом взяться за оружие. Народ не готов к борьбе, но нельзя терять ни минуты. Все добрые граждане должны собраться с оружием в руках, послать достаточно сильный отряд, чтобы захватить порох в погребах, каждый дистрикт должен захватить пушки в ратуше. Надо попытаться перетянуть на сторону народа национальную гвардию. Восстание требует сплочения всех сил; восставшему народу необходимо избрать трибунал и дать ему власть для руководства борьбой. В этом и только в этом спасение революции [241].

6 октября Марат продолжает агитацию в тех же двух направлениях: он разъясняет массам политический смысл борьбы, он намечает практические пути победы. В самый разгар событий теоретическая и практическая задачи связаны у Марата в его агитации. Продолжая борьбу со своими преследователями, он обращает внимание повстанцев на необходимость очистить все органы власти, в том числе и дистрикты, от врагов. Но главное внимание Марат уделяет правительству и Национальному собранию. Сюда следует направить решающий удар. Немедленное уменьшение хотя бы наполовину всех пенсий свыше 2000 ливров, полная отмена целого ряда других пенсий, ликвидация всего персонала оплачиваемых историков, поэтов, артистов двора, ликвидация всей массы паразитарных учреждений королевской семьи, королевского двора — все это было бы полезными, но частичными мероприятиями. Главное — это немедленное проведение в жизнь победившим народом законодательства, вытекающего из пересмотренной «Декларации прав». Подобное решение гарантировало бы и правильную финансовую политику, потому что немыслимо предположить, чтобы торжествующий народ заботился о содержании всякого рода паразитов, образующих орудие тирании за счет «бедных ремесленников, рабочих, поденщиков — всех тех, кто никогда ничего не получает ни на рынке министерской политики, ни в революции. Как? Для того чтобы оплатить подлости спекулянтов и предателей, чтобы сохранить богатства собственных врагов, своих разорителей, своих тиранов, 20 миллионов человек обрекут себя на нищету?» [242]. Марат точно отмечает, куда должен быть нанесен удар рукой народа: аристократическая фракция Национального собрания объединила свои силы, она вступила в союз с министрами, она получила поддержку от Парижской коммуны—сюда и следует направить удар.

К тому же выводу Марат приходит и в продовольственном вопросе. Правительство построило снабжение столицы на почве спекуляции, монопольных закупок хлеба. Агенты его нередко продают за границу хороший хлеб и приобретают плохой. Что же удивительного в том, что народ, проникший вечером 5 октября в Национальное собрание, требовал понижения цен на хлеб до 2 су и на мясо до 8 су? [243]. Марат отнюдь не разделяет, таким образом, взглядов Лустало и совета Коммуны на необходимость полной свободы торговли как единственной гарантии разрешения продовольственного кризиса. В этом убеждает нас и анализ его газеты от 8 октября.

Из доклада Девилье, сделанного постоянному комитету муниципалитета в Суассоне 28 сентября, Марат узнал, что ордонансы в защиту свободы торговли только усилили спекуляцию хлебом. Необходимо принять ряд срочных мер к снабжению рынка хлебом и ликвидации спекуляции [244]. Марат совершенно согласен с предложением докладчика, он считает, однако, что его мысли лишены политической глубины. Девилье

всю вину возлагает на скупщиков зерна, но если бы он продумал всю систему продовольственной политики правительства, то понял бы, что вина падает на агентов Коммуны и Национального собрания; он установил бы тогда и долю вины министра финансов. Марат напоминает тот знаменательный факт, что 6 октября, в день восстания, на парижские рынки хлеб был выброшен в изобилии, для того чтобы подавить революцию.

Что предпринять? «Очистить муниципалитет от аристократов, креатур двора, слуг деспотизма, начав со столицы; поставить во главе комитетов продовольствия людей решительных и честных, которые не будут потворствовать правительству; издать энергичные приказы для обнаружения министерских скупщиков, взломать двери их магазинов, извлечь оттуда зерно, продавая его по очень низкой цене народу», — отвечает Марат [245]. Он не останавливается перед решительными террористическими мероприятиями. Марат понимает, что в основном они будут направлены против банкиров и биржевых маклеров, «любимых детей Неккера», в пользу которых тот жертвует счастьем народа. Главный враг народа — п р а в и т е л ь с т в о, обеспечивающее себе полноту власти, а народ бессилен и беспомощен.

Обращает на себя внимание прежде всего то, что Марат даже в самые бурные моменты октябрьского восстания не поднимает вопроса об августовских декретах. Весь удар свой он направляет против Коммуны и Национального собрания. Он подходит к анализу политического положения страны со стороны экономических проблем, финансового и продовольственного вопросов, он восходит от них к задаче завоевания власти как решающему моменту революционной борьбы. В экономической области Марат наряду с общими рассуждениями «эгалитарного» порядка подчеркивает необходимость таксации цен, ограничения свободы торговли в интересах народных масс. Он выдвигает идею организации революционной власти не только на базе демократии, но в процессе борьбы и в форме избранной диктатуры и постоянно действующего революционного трибунала. Мы будем иметь возможность в дальнейшем познакомиться со всеми этими элементами маратовской теории революции в более развернутом виде.

Борьба Коммуны с Маратом, о которой речь впереди, была лишь эпизодом того осадного положения, той ситуации, которая 21 октября привела к изданию военного закона. Марат смог вернуться к анализу этого закона только в ноябре [246].

Скрываясь от полицейских преследований, он не смог издавать свою газету. 5 ноября он дает оценку военному закону [247]. Мы приводили выше протесты отдельных секций и газет. Мы видели, как Лустало горячо протестовал против этого закона, так как он «натравливает одного гражданина на друго» и служит причиной междоусобной войны. Несколько иначе подходит к оценке закона об осадном положении Марат. Муниципалитет готов возложить вину за голодные самосуды на булочников, но не следует забывать, что мы имеем здесь дело с заговором, возглавляемым вождями Коммуны, аристократической фракцией Национального собрания и правительством Неккера. Под удар поставлены лучшая часть депутатов, национальная гвардия, народ и все, что приобретено в революции. Вот почему для того, чтобы добиться отмены закона, необходимо уничтожить этот, теперь более чем когда-либо тесный, блок врагов народа. Начать надо, однако, с революционной самоорганизации масс в дистриктах. Граждане-патриоты должны изгнать из комитетов всех подозрительных лиц, восстановить комитеты в составе небольшой активной группы руководителей народного восстания. В противном случае анархия будет продолжаться десятилетия. «Свобода стоила англичанам двадцати пяти настоящих сражений и шестидесяти лет бедствий, а мы претендуем на то, чтобы добиться ее в один день, со сложенными руками болтая о делах города. Как! Утром 14 июля дворяне, попы, креатуры двора и многочисленная толпа негодяев, которые живут разорением государства и общественным беспорядком, были нашими смертельными врагами, а вечером они стали лучшими нашими друзьями! Разве взятие Бастилии вселило в них новую душу?.. Они не будут ничего затевать против нас? Взяв оружие в руки, они прикрылись маской патриотизма, и мы им поверили» [248]. Р е в о л ю ц и я д о с т и г а е т н а и в ы с ш е й с т а д и и с в о е г о р а з в и т и я — в о о р у ж е н н о г о в о с с т а н и я; это зло, но неизбежное зло. Мы увидим позже, с каким трудом мысль о неизбежности вооруженного восстания пробивает путь в рассуждениях Марата.

Военный закон был принят Национальным собранием под прямым давлением Коммуны. Но планы контрреволюции служат Марату лишь стимулом для разработки новых планов революции. Ненависть к революции объединяет, по его словам, всех живущих за счет народа. Ненависть к революции — это мораль власть имущих. Они предпринимают решительно все возможное, чтобы избежать народного гнева; у них для этого достаточно мотивов; они с успехом запугивают бедных людей ужасами, которыми неизбежно сопровождаются народные восстания.

Обсуждение военного закона служит Марату поводом для разъяснения того, что такое революция. Народ восстает только после долгого и мучительного гнета деспотизма, и его восстание поэтому всегда священно. Может ли подвергаться сравнению ничтожное число жертв, которое народ приносит справед-

ливости во время восстания, с бесконечной массой подданных, которых деспот обрек на нищету или которые нужны были ему для его славы? Что такое несколько капель крови, которые чернь пролила в настоящей революции, чтобы восстановить свою свободу, по сравнению с ужасами деспотизма; что такое несколько разоренных в продолжение одного дня домов по сравнению с бедствиями, которые вся французская нация испытывала в продолжение 15 веков королевского деспотизма?

«Философия подготовила наш ум и сознание к революции — нет сомнения; но писаний было недостаточно. Необходимы были действия. Чему мы обязаны свободой, если не народному бунту?. . ». Народное восстание спасло революцию в дни 14 июля и 5—6 октября. В то время как вся радикальная публицистика извинялась за «проступки» толпы 5—6 октября, доказывая, что разгром ратуши — дело разбойников и что народ не несет ответственности за это, Марат принимает и политически осознает революцию со всеми ее «издержками», обосновывает неизбежность ее кровавого характера.

С точки зрения революционной теории мы находим у Марата уже в это время замечательные по глубине рассуждения. Возвращаясь 11 ноября снова к обсуждению военного закона, он повторяет свою мысль о народном восстании, которое «унижает сильных и возвышает слабых», о революции как единственной гарантии свободы и добавляет: «Военный закон против сборищ хорош, великолепен, когда свобода торжествует и конституция священна и мудра. . , когда представители власти исполняют свой долг. . , но пока нация ведет борьбу, чтобы порвать свои цепи, этот закон — зло» [249]. Тактика революционной партии, разъясняет Марат, *до и после* победы является одной из серьезнейших проблем революционной теории. Марат в своей газете вел упорное и систематическое воспитание масс, его газета стала подлинной «школой революции».

Задачи, поставленные Маратом перед народным движением в октябрьские дни, и исход борьбы предопределили его оценку «народной победы». Торжествующая буржуазия в воззвании Коммуны обращалась, как мы видели, к народу с вопросом: «Что вам еще надо?». Террористическими мероприятиями власти подавляли всякую попытку народного сопротивления. Но и радикальная оппозиция в конце концов чувствовала себя победительницей: августовские декреты были санкционированы королем, двор и Национальное собрание переехали в Париж под наблюдение дистриктов, революция побеждала. «Патриоты победили, — писал К. Демулен, — Париж избежал банкротства, вымирания. . .» [250]. Однако и королева с полным основанием могла писать 7 октября австрийскому послу Мерси:

«Мы можем быть довольны народным движением». Это было временное поражение народа.

Это и отметил Марат, когда спустя некоторое время подводил итоги событиям 5—6 октября. Он писал в конце декабря 1789 г.: «Революция восторжествовала бы и свобода была бы укреплена, если бы 6 октября левая часть Национального собрания не препятствовала удалению трехсот депутатов, желавших эмигрировать». Вместо того чтобы воспользоваться тем, что восстание их терроризировало, и изгнать их навсегда, врагам народа была дана возможность прийти в себя, и они подчинили себе победителей [251]. Революция 5—6 октября, как и 14 июля, не была доведена народом до конца. И даже когда 7 октября, после перевода короля в Париж, вся Франция торжествовала победу, и сам Марат, далеко не свободный от монархических предрассудков, выражал радость по поводу прибытия королевской фамилии, он в той же статье заявлял: «Друг народа разделяет восторг своих сограждан, но он не предается сну». В обращении к дистриктам Марат зовет их к новой борьбе с муниципалитетом и Национальным собранием, к новому восстанию [252]. Любопытно, что историки отмечают монархический восторг Марата, но забывают цитировать эти последние строки статьи от 7 октября и проходят мимо общей оценки Маратом октябрьских событий.

Марат снова вернулся к вопросу о революции 5—6 октября через год, когда реакция предала восставших суду. Победители попытались изобразить все движение как заговор подкупленных лиц. «Контрреволюционные каналии договорились рассматривать как бандитов граждан столицы, вооруженных пиками, копьями, топорами и палками; это подлость», — писал Марат в связи с судебным процессом бойцов октябрьских дней [253]. «Я повторяю, класс неимущих, которых наглые богачи позорят именем каналий, — наиболее священная часть общества, единственная часть, которая в век грязи любит истину, справедливость и свободу» [254].

Неоднократно возвращаясь в дальнейшем к революционному опыту 1789 г., Марат обучал народ искусству восстания. Он дал в октябре 1790 г. следующую оценку октябрьским дням: «Ничто так убедительно не показало мне ошибочность взглядов, крайнее невежество и тупость парижан, как то, что они упустили из своих рук победу, которую судьба как бы имела удовольствие дать им в руки. После взятия Бастилии не следовало предпринимать ничего другого, как отправиться в Версаль, захватить министров, изгнать из Национального собрания всех дворян, попов, крупных сеньеров, проклятое племя интендантов, судей, королевских агентов и патрициев, затем издать ряд декретов, утверждающих права народа и граж-

данина; нации следовало овладеть арсеналом, мельницами и пороховыми складами, фортами и крепостями, ограничить права короны и дожидаться после победы назначения новых депутатов, которые издадут новую конституцию, подлинно гарантирующую царство справедливости и свободы. . .» [255]. Вместо этого парижане торжествовали победу, забыли о борьбе, и власть перешла в чужие руки. Они повторили эту ошибку в дни 5—6 октября. Милость, которую они оказали слугам короля, дала последним возможность собрать свои силы и снова приступить к разработке плана контрреволюции. Опасаясь пролития крови, они попали в рабство. «Вспомните военный закон: вот момент, когда была потеряна общественная свобода».

Подобная оценка октябрьских дней ставила Марата в особое положение среди радикальной демократии 1789—1790 гг. Он политически оформлял стихийное движение народных масс; он воспитывал и обучал их для дальнейшей борьбы. Но торжество маратизма сможет прийти только тогда, когда революция достигнет наивысшей стадии своего развития — вооруженного восстания народных масс против угнетателей.

13

Революционная агитация Марата была направлена не столько против господ вчерашнего дня, сколько против победителей 1789 г. Это давало основание либеральной прессе обвинять Марата в том, что он союзник роялистов, Мори и Казалеса. Уничтожение старого порядка Марат представлял себе не иначе, как торжество народа не только над дворянской, но и над буржуазной аристократией. Точнее, для него последняя была решающей опорой первой. Неудивительно, что уже первое выступление на политической арене привело его к столкновению с властями Коммуны.

13 августа, как мы знаем, Байи поучал «г-на Мари» (Марата), что нельзя допустить, чтобы отдельный гражданин смел противопоставлять свое мнение воле собрания, избранного народом. Поучение не принесло пользы; уже в сентябре газета «L'Ami du Peuple» сделала Национальное собрание и особенно Коммуну Парижа главным объектом своих нападок. Война между Коммуной и Маратом началась.

Агитация Марата все более и более привлекала внимание Коммуны. Особенно сильно было ее возмущение «Речью к народу» в № 15 газеты «L'Ami du Peuple», где деятельность Коммуны была подвергнута жестокой критике. Марат был призван в совет Коммуны 24 сентября к 7 часам вечера для объяснений; он отказался выполнить этот приказ. В письме Коммуне от 25 сентября он объясняет причины своего поведения. «Вы, конечно, перегружены работой, — пишет Марат членам совета, — но ведь и я не меньше вас занят, и притом мои занятия в гораздо большей степени важны для общественного благополучия: я о к о н а р о д а. вы самое большее его мизинец. Так примиритесь же с тем, что я, дорожа своим временем, буду у себя дожидаться дальнейших ваших приказаний».

Выступление Марата было тем опаснее для Коммуны, что оно ставило под удар в первую очередь ее продовольственный комитет и разоблачало засевших там спекулянтов вроде Бомарше. Мнение о последнем было всеобщим. Его спекулятивные похождения во время американской освободительной войны не помешали Коммуне взять на себя его официальную защиту. Бомарше не был единственным спекулянтом в Коммуне. Подобные же обвинения Марат выдвинул и против других членов ее продовольственного комитета. Сейчас нет возможности точно восстановить, в какой мере каждый из них индивидуально был замешан в продовольственных комбинациях, но не подлежит сомнению, что многие из них согласно своим экономическим взглядам поощряли те сделки между частными компаниями и муниципалитетом, которые служили источником обогащения при новом режиме не в меньшей степени, чем спекуляция на голоде при старом порядке. Мы специально займемся этим вопросом при анализе экономической программы Марата.

Коммуна в заседании 25 сентября, ознакомившись со статьями Марата и вспомнив о первой встрече с ним, снова решила вызвать его к себе, но ответ его был достаточно энергичен, чтобы раз навсегда отказаться от «метода убеждения». Особенно, когда в номере его газеты от 25 сентября Коммуна встретилась с обвинением Байи и Лафайета в растрате народных средств, в получении огромных сумм для своих нужд, сумм бесконтрольных. «Несчастный народ, — восклицал в этой статье Марат, — будешь ли ты постоянно обречен на нищету?». При этом Друг народа напоминал патриотам, что их разоряют те, кто захватил власть в свои руки и утвердил господство новой аристократии. Новые господа недаром обставляют свои заседания особой секретностью: им необходимо прикрыть все проделки предпринимателей, монополистов и спекулянтов, которые засели в комитетах и самой Коммуне [256].

Это было призывом к неподчинению, разрывом со всякой легальностью. Коммуна вынуждена была действовать. 28 сентября в совете Коммуны один из ее членов обратил внимание народных представителей на то, что Марат продолжает обвинение против властей и что наконец следует призвать его к порядку. Совет постановляет, что так как он «не мог быть принят в день, когда явился, он будет вызван к вечеру».

Но Марат не желал признавать суд Коммуны. «Кто будет судить меня, — спрашивает он, — Шатле или парламент?». Ни тот, ни другой суд не авторитетен, его дело подведомственно исключительно революционному трибуналу. Коммуна не имеет права выступать в роли суда над ним; она тем самым нарушает ту власть, которая предоставлена ей народом. Но Марат все же решил явиться в Коммуну, чтобы привлечь к суду ее руководителей за те препятствия, которые они чинят распространению революционных газет. «Разве мыслимо предполагать, — обращается к своим читателям Марат, — что в этом повинна национальная милиция, что это мои сограждане участвуют в подобном покушении?» [257].

Протокольные записи очень глухо говорят о любопытной дискуссии, которая развернулась на заседании. Марат обвинял, читаем мы в этих записях, отдельных членов Коммуны в том, что они роскошествуют, что один из них живет в hôtel garni. И в то же время, сообщает нам протокол, на требование сформулировать свои обвинения против отдельных членов Коммуны Марат ответил: «Не обвиняю никого лично, ни одного члена Коммуны в частности». Для расследования вопроса была создана специальная комиссия [258].

Марат иначе излагает то, что он говорил в Коммуне. Байи предъявил ему обвинение не от своего имени, а от имени дистрикта des Filles de St.-Thomas, того дистрикта, который, по словам Марата, состоит из «агентов биржи, банкиров, финансистов, спекулянтов», т. е. людей, которые «строят свою судьбу на разорении других, которые утоляют свою жажду кровью народа и чья жадность, подлинное проклятие человечества, — главная причина общественной нищеты». Эти же элементы захватили власть в комитетах Коммуны.

У нас нет дополнительных документов для выяснения деталей заседания Коммуны, но не подлежит сомнению, что то принципиальное обоснование, которое Марат придал своим обвинениям, ближе к истине, больше соответствует его позиции с первых дней революции, чем то чисто личное объяснение конфликта, которое мы находим в протокольных записях совета Коммуны.

Подтверждением наших соображений служит дело Жолли. Жоли, адвокат королевского совета, был одним из секретарей Коммуны. Это был типичный представитель того судейского сословия, которое оказалось у власти в первый год революции и которое Марат остро ненавидел, как приспешников старого порядка. В кулуарах член Коммуны граф Перне проговорился в беседе с Маратом о том, что один из секретарей Коммуны подделал какую-то бумагу — постановление совета — и что к этому делу имеет отношение Жоли. Марат не проверил

этот факт и сообщил о нем читателям [259]. Это было достаточным мотивом для Коммуны, чтобы начать судебное преследование против Марата. 3 октября Коммуна передает королевскому прокурору свое предложение привлечь Марата к суду за № 16 и 23 газеты, где он поносит власти, а 4 октября Жоли жалуется Коммуне, что Марат клевещет на администрацию, членов Коммуны и ее агентов. Он требует защиты своей чести, и Коммуна постановляет привлечь к ответу Марата, опубликовав решение об этом для общего сведения.

Полицейские власти упорно преследуют газету «L'Ami du Peuple». Аристократические дистрикты продолжают доносить Коммуне о вреде «зажигательного» листка, и это несмотря на то, что дистрикт des Filles de St.-Thomas вынужден был частично отказаться от своих обвинений: агенты ввели совет дистрикта в заблуждение [260]. Даже 6 октября, в самый разгар версальских событий, Коммуна не забывала о Марате: были заслушаны показания его типографа Жорри.

Марат в своей газете обращает внимание читателей на то, что Шатле ведет с ним упорную борьбу, преследует издателей, и продавцов газеты [261]. Неудача народного восстания 5—6 октября окрылила Коммуну. 7 октября возобновились нападения на газету, особенно на № 26, где дана была жестокая критика финансовой политики Национального собрания, политики в интересах биржи. Совет Коммуны потребовал от королевского прокурора немедленно принять решительные меры. Дело шло теперь о престиже Коммуны; затягивать это дело было нельзя [262]. Жоли со своей стороны обращался к судебным властям с требованием защитить его от клеветы. Между Жоли и секретарем королевского прокурора завязалась даже переписка, в которой последний оправдывался перед Жоли за оттяжку дела. Но для успешности судебной процедуры необходимо было прежде всего установить, что Марат в самом деле является автором газеты; надписи на газете было для этого недостаточно [263]. И только 8 октября королевский прокурор сообщает Жоли об издании приказа об аресте Марата [264].

Марат вынужден был бежать в Версаль, где его приютил Лекуантр. Из Версаля он вернулся в Париж, прятался на Монмартре и только 5 ноября смог возобновить свою газету, печатая ее теперь нелегально в «патриотической типографии» [265].

Но в подполье, скрываясь от полиции, он продолжал борьбу. Прежде всего Марат попытался обратиться за помощью к отдельным дистриктам. Дистрикт Карм, где Марат начал свою революционную деятельность, отказал ему в этой поддержке. Иначе реагировал дистрикт Кордельеров. В ответ на письмо Марата Дантону, председателю дистрикта, с просьбой взять на себя охрану газеты собрание дистрикта постано-

вило: «Считая, что свобода печати есть необходимый результат индивидуальной свободы и что как это признано Национальным собранием, нельзя запретить каждому гражданину высказывать свои мнения и опубликовывать их на свой риск и страх, дистрикт объявляет, что он берет под свою защиту всех авторов, живущих на его территории, и будет охранять их всеми доступными ему средствами (par des voies de fait) в том случае, если те, честь и права которых задеты, не смогут защитить себя легальными средствами» (par toutes les voies de droit) [266].

Но Марату это показалось недостаточным; он написал письмо Национальному собранию. 12 октября председательствующий заявил о жалобах Марата, автора «L'Ami du Peuple», преследуемого Коммуной. Рассмотрение этого вопроса было отложено на 14 октября. На вечернем заседании докладчик изобразил дело Марата в духе Коммуны. Речь идет, сказал он, о Марате, авторе зажигательных памфлетов против Национального собрания и Неккера. Депутат третьего сословия сенешальства Клермон в Оверне, Готье де Блоре, заявил, что это дело касается Парижской Коммуны. Собрание решило передать дело Марата для окончательного выяснения своему комитету докладов. Больше к этому делу Национальное собрание не возвращалось.

Выхода не было. Необходимо было устранить формальные мотивы преследования — дело Жоли. Марат ошибся, приписав подлог Жоли, хотя подлог имел место. Он пишет ему 15 октября из Версаля письмо, где впервые называет себя Другом народа. Марат объясняет причины своего поведения: «Я, конечно, мог обмануться, но тогда вина моя лишь в том, что я не непогрешим» [267]. Поверив слухам, он допустил ошибку, но он не имел права медлить с разоблачениями в минуту кризиса, за которым, как пишет Марат, он «видел страшный заговор, готовый вот-вот разразиться, и весьма недвусмысленное для сколько-нибудь опытного в политике человека сближение между правительством, аристократической партией Национального собрания и аристократической партией муниципалитета. Я старался очистить муниципалитет» [268]. Обращаясь к Жоли, Марат не имел в виду примирение с ним, не имел в виду отказ от своих взглядов, как пытались это истолковать современники и историки. «Должен прибавить, — писал Марат в изгнании в Англии в апреле 1790 г., — что мой отказ от своих слов был неправильно понят. Я не считаю г-на Жоли добросовестным и безупречным человеком; напротив, я знаю, что он низкий интриган, и готов это доказать ему, но я заявляю, что он не совершал того подлога, в котором я его обвинил, полагаясь на слова графа Перне» [269].

Марат ошибался, считая, что откровенное признание ошибок избавит его от ареста. Другой член Коммуны поднял на заседании 17 октября новое обвинение против Друга народа в клевете. 20 октября вопрос этот вторично обсуждался в Коммуне; обвинение касалось теперь не одного Марата, но и его помощника Дюфура.

Дело Жоли как юридический повод для преследования Марата сохраняло свою силу в продолжение многих месяцев, вплоть до лета 1790 г. Марату пришлось перейти в наступление. Из Версаля он послал свое объявление войны правительству в лице Неккера. «Я выхожу на арену; не нужно мне ни щита, ни кольчуги; я отказываюсь от всякого коварства, от всяких уловок, я буду нападать на вас открыто. . .» [270]. Правительство и победители-буржуа предпочли, однако, не предоставлять Марату открытого поля битвы. С ноября 1789 г. деятельность Марата протекает в нелегальных и полулегальных условиях, что серьезно затрудняет наш исторический анализ. Мы знаем только, что он, скрываясь в Версале и на Монмартре, пытался чем-либо заменить свою газету, но безуспешно. Появились лже-Мараты. Об одном из них сообщает Марат. Некое «частное лицо», Гурден Сен-Фершан, пытался издавать газету под его именем. Но эта была явная подделка, поскольку автор не мог усвоить его принципов.

14

С дальнейшего разъяснения своих принципов Марат и начинает, когда он снова получает в первых числах ноября возможность возобновить свою газету. Он продолжает кампанию против Коммуны. 8—9 ноября Марат формулирует обвинительный акт против парижского муниципалитета: 1) Коммуна отвлекает революционную бдительность народных масс от грозившей им в октябре опасности; 2) она виновна в продовольственной разрухе и в спекулятивных проделках своих агентов, которые для отвлечения внимания патриотов возлагают всю вину за голод на булочников; 3) Коммуна повинна в том правительственном терроре, который установился благодаря военному закону; 4) она нарушила права народа, пытаясь выработать муниципальный закон помимо дистриктов; 5) она сопротивляется праву дистриктов свободно собираться; 6) Коммуна нарушила свободу печати, преследуя газету Марата; 7) она повинна, наконец, в установлении диктаторской власти, превращающей совет Коммуны в правление аристократической корпорации [271].

Наивно звучали поэтому жалобы Марата своим читателям: «Они обходятся с свободным человеком, как с рабом». «В чем

обвиняют меня представители Коммуны? — спрашивает Марат. — В том, что я нападал на ее администрацию». Но Марат «только» утверждал, что глава муниципалитета не достоин доверия народа, так как он тайно стремится захватить всю власть в свои руки; он «только» обвинял руководителей совета Коммуны в том, что с помощью обмана они пытались помешать дистриктам проявить свою волю в избрании администраторов; Коммуна взяла на себя функции исполнительной власти, преследуя народные сборища в Пале-Рояле, превратившись в суд над честными патриотами. «Не Коммуна ли Парижа обманула народ, когда речь шла о захвате высот Монмартра?» — спрашивает Марат.

Обвиняя во всех этих преступлениях Коммуну, Марат апеллирует в борьбе с врагами народа к праву суверена. В этом Марат был человеком своей эпохи, когда юридические формулы скрывали даже в сознании передовых мыслителей те реальные социальные силы, которые стояли за правовыми нормами. Но характерны для Марата его попытки порвать с предрассудками своей эпохи. Наталкиваясь на сопротивление конституционных властей, он раскрывал и другую часть своих взглядов, свое понимание революции. «Когда народ покидает рабство, — писал Марат, — много надо, чтобы он стал свободным» [272]. Борьба с тиранией ведет к свободе через то, что враги народа называют анархией, т. е. через кровавую борьбу. В этой войне угнетенных против угнетателей победа придет только тогда, когда будут уничтожены все враждебные фракции, когда широко распространятся и станут общим достоянием принципы прав человека и гражданина, когда, наконец, вновь будет восстановлен нормальный ход политической машины, нормальные взаимоотношения суверена и хранителей его власти [273].

В этом сочетании прошлого и будущего, элементов формально-правового мышления и революционной теории — характерная особенность теоретических высказываний Марата в 1789—1791 гг.

Нам придется в другой связи заняться анализом выступлений Марата против Неккера и Лафайета. Здесь мы отметим только, что, считая своей основной политической задачей в октябре—декабре 1789 г. борьбу с Коммуной, Марат не забывает и о первой задаче — борьбе с Неккером. Внимательный разбор Маратом финансовой и экономической политики правительства и острая критика военной политики Национального собрания делали его опасным для всей Франции, превращали частный конфликт между властями и отдельным революционером в проблему огромной политической важности.

Как в вопросах политических, так и при обсуждении финансовой политики Марат требует решительного разрыва со старой системой: он выступает против программы частных реформ, он выдвигает требование новой, революционной экономической политики. В своей предварительной формулировке он не идет дальше защиты интересов «мелкого люда»: «Ликвидировать все опасные и ненужные для народа правительственные должности, все чрезмерные и незаслуженные пенсии, ограничить принцев их уделом, отменить оплату государственных «пиявок», сократить армию наполовину, прекратить спекуляцию зерном, покончить с голодом — вот меры, которые временно облегчат положение до тех пор, пока нация не воспользуется церковными землями для спасения государства» [274]. Вступление на путь подобной финансовой политики означает, однако, разрыв с системой займов и биржевого ажиотажа, т. е. разрыв с теми элементами, которые являются опорой Неккера в дистриктах, Коммуне и Национальном собрании.

В интересах той же политики Марат ополчается и против законодательства об активных гражданах. Применение этого закона означает окончательный переход государства в руки богатых: «Участь бедняков, всегда угнетенных, никогда не сможет быть улучшена мирным путем». Законодательство находится под прямым влиянием богатых, а подчиняться законам должен народ. Но если он не пожелал подчиняться привилегированным, он не подчинится и богачам. «Чтобы уничтожить привилегии дворян, плебеи пустили в ход великий аргумент, аргумент неоспоримый, что люди, будучи все равными, имеют равные права. Чтобы разрушить прерогативы богатых, обездоленные воспользуются тем же аргументом. Какое священное право, скажут они им, оправдает то, что вы владеете богатствами, почти целиком захваченными у бедняков при помощи насилия и коварства, богатствами, которые являются плодом удачи и захвата, мошенничества, грабежа и лихоимства!» [275]. Народ скоро поймет это. Не лучше ли в таком случае, как это было сделано 4 августа, богачам заблаговременно отказаться от части своих богатств?

В этих утверждениях Марата нет ничего, что выходило бы за рамки социальной мысли «уравнителей» XVIII в., но в этой политической программе Марата мы находим зародыши всей суммы социальных проектов якобинизма эпохи террора *. Марат занялся их разъяснением уже в первый год революции. Его сила была в том, что он ставил осуществление своих социальных проектов в прямую связь с требованием политической власти для демократии; этим его

* В политической программе Марата 1789 г. автор находит «зародыши всей суммы социальных проектов якобинизма» (выделено мной. — *А. М.*). Это еще один пример гиперболизации роли Марата. — *Примеч. редактора.*

программа отличалась от всякого рода социальных утопий, которыми изобиловала публицистика XVIII в.

Марат отдавал себе ясный отчет в том, какие социальные группы принадлежат к врагам народа; дворянство, духовенство, судейское сословие, академики, финансисты — таков состав контрреволюционеров. К ним следует прибавить капиталистов, банкиров, спекулянтов, заинтересованных в правительственной спекуляции. Им помогают побуждаемые жаждой золота негоцианты, торговцы, рантье; за ними следует вся порожденная старым порядком масса интриганов, которая охотно продастся тому, кто дороже заплатит. Остается, таким образом, м е л к и й л ю д, единственно верный революции, и неудивительно, что организаторы национальной гвардии воздержались от вооружения народа. Народ никогда не продается, но его почти всегда обманывают его вожди, если он не охраняет бдительно свои интересы.

Борьба с Коммуной и Национальным собранием свелась для Марата, таким образом, к борьбе с имущими социальными группами в интересах основной массы трудящихся и мелкой буржуазии в рядах третьего сословия, в интересах ее petit peuple [276].

Преследования Марата продолжались [277]. В ближайшие недели газета выходила с большими перебоями [278]. Шпионы выследили типографию газеты и с помощью вооруженной силы консервативных дистриктов задержали Марата в субботу 12 декабря. Мотивом ареста служило все то же дело Жоли. К его допросу явился сам Лафайет. Он готов был отпустить Друга народа при условии, если тот откажется публиковать свои памфлеты против Неккера. Агенты полиции и муниципальные чиновники пытались переубедить его; они стыдили его за бессмысленно резкий тон его писаний. Но он отвечал им: «Не думаете ли вы, господа, что эти маленькие неприятности при переходе от режима рабства к свободе случайны? Неужели вы в самом деле предполагаете, что революция, подобная нашей, может пройти без грязи и крови?». Марат был отпущен на свободу.

Нет возможности детально выяснить причину столь мягкого отношения к Другу народа со стороны полиции. Вероятно, здесь играли решающую роль соображения следующего порядка. В Национальном собрании в это время обсуждался закон о свободе печати; провозглашенная революцией свобода слова должна была быть ограничена в интересах победителей на законном основании. В то же время окончательно оформлялся закон о муниципальном управлении Франции; надо было избежать излишнего обострения отношений с дистриктами [279]. Их разоружение должно было пройти по возможности мирным

путем. Дело Марата получило чересчур большую огласку, чтобы можно было его арестовать без шума. Пришлось исполнение приказа 8 октября об аресте Марата отложить еще на некоторое время.

Декабрь был бурным месяцем в истории революции. Как ни пытались умеренные задержать развитие гражданской войны, она становилась фактом. «В настоящее время разум диктует свои приказы с оружием в руках», — с грустью отмечал Мале дю Пен [280]. Ему вторил один из депутатов левой: «Что необходимо для конституции? Национальное собрание и фонари» [281]. Часть депутатов Генеральных штатов и в том числе некоторая часть депутатов третьего сословия покинула Париж. К концу года умеренные конституционалисты в Париже оформились как группа «беспартийных». К ним примыкали видные представители правого крыла буржуазной оппозиции. Лафайет в политическом отношении был их единомышленником, как Мирабо и Неккер, несмотря на серьезные частные разногласия между ними. Мирабо в своем знаменитом мемуаре королю после октябрьских дней, настаивая на концентрации власти в руках короля, прямо и без обиняков говорил о неизбежности гражданской войны [282]. Лафайет в письме Буйе и в своем мемуаре двору повторял по существу те же аргументы: революция сделана, с этим приходится считаться как с фактом, но теперь у представителей старого и нового порядка общий враг — анархия, развал власти, и в этих условиях друзья порядка должны стремиться к одному — к восстановлению кредита, к укреплению власти. Расхождения между Лафайетом и либеральной оппозицией заключались теперь в одном: будет ли диктаторская власть буржуазии принадлежать Национальному собранию или освященным этим собранием органам или же органам, вне его находящимся; необходима ли для подавления революционного движения народных масс кровавая гражданская война или достаточно легальной парламентской деятельности?

Но те и другие после 5—6 октября порвали с революцией. Характернейшей иллюстрацией этого является оценка Национального собрания в письме Рейналя [283]. Это был последний представитель уходящей эпохи «просветителей». Революции предстояло осуществить то, что эти мыслители формулировали в свое время в абстрактных положениях. Но революция пошла дальше, она выдвигала на авансцену народ, и мыслители заявили свой протест. Рейналь, автор знаменитой «Истории обеих Индий», возмущался тем, что французская революция хочет превзойти американскую. Не может быть и речи о сравнении Франции и Америки. В Америке установилась демократия, потому что там господствовало большее или меньшее равенство собственников, писал он, здесь, во Франции царят роскошь

и нищета. На этих основах демократия невозможна, а так как социальные противоречия — естественная база классового порядка на континенте, то демократические замыслы — вредная затея. Рейналь с горечью отмечает, что распад армии и правительственного аппарата — результат революции — неминуемо повлечет за собой торжество Англии над Францией во всем мире. Философ французской буржуазии не возражает против уничтожения сословий, но протестует против попыток уничтожения социально-экономических привилегий старого порядка.

Современники отдавали себе отчет в классовой природе подобных рассуждений. В одной из брошюр, «Réponse laconique», автор, причисляющий себя к демократам, в ответ Мунье, Рейналю и другим умеренным заявляет: «Взятие Бастилии вам доставило радость, я думаю поэтому, что оно было неприятно только крупным и знатным сеньерам. Но когда вы увидели, что народ хочет закончить свое дело и наказать предателей, ваша радость сменилась печалью, потому что вы испугались за самих себя» [284]. Умеренных прежде всего смутил тот факт, что революционный народ оказался политически самостоятельным, что он приступил к самоорганизации.

В этом был смысл того муниципального движения, которое началось после 14 июля. Но последующие события внесли в дело самоорганизации то существенное изменение, что внутри Коммуны и дистриктов началась ожесточенная классовая борьба — это был процесс мобилизации противоположных классовых сил под новой общегосударственной оболочкой. Под флагом защиты муниципальных свобод выступал против Национального собрания ряд областных собраний, которые не желали признавать законодательства революции. Защищая старый порядок, они требовали для себя независимости от центральной власти. Изданный несколько позже (26 февраля 1790 г.) декрет о департаментском делении Франции должен был покончить с сепаратизмом провинций. Но распад старого государственного аппарата этим не был приостановлен. Во Франции конца XVIII в. происходило то, что неизбежно происходит во всякой подлинно великой революции, — распад и обновление старого государственного аппарата. Национальному собранию хотелось ограничиться реформой старого порядка, но ему пришлось считаться с тем фактом, что ряд провинциальных общин объявил о своей полной независимости; местные общины вмешивались в законодательство Национального собрания и выступали как организаторы, скажем, продовольственного дела, проводя систематический учет зерна и хлеба.

Процесс распада старых государственных связей грозил буржуазии дальнейшим углублением революции и самоорганизацией демократии. Это происходило не только в дистриктах Парижа [285]. Сохранился любопытный документ: постановление муниципалитета деревни Артигебон с населением в 800 душ в Пиренеях о задачах самоуправления. Муниципалитет деревни считает, «что чудовище аристократии свергнуто декретами 4—7 августа 1789 г., что общество не будет больше разоряемо возмутительными отличиями и привилегиями, предоставленными владельцам золота, народным «пиявкам», что судьи не будут в дальнейшем преследовать невинных, что последователи апостолов не будут в дальнейшем жить в богатстве за счет бедных земледельцев, что наши храмы станут достоянием бедняков, что министры не будут больше грабить государство, что муниципальные чиновники не будут больше слугами сеньеров и что народ сможет вступить, наконец, во владение своими правами. . .». Выполнять все эти задачи будет местная община [286].

Община d'Issu à l'Evêque объявила себя независимой. Ряд общин занялся не только регулированием продовольственного дела, но и проведением аграрной реформы [287]. Так до самых далеких углов сельской Франции проникали идеи бунтующих дистриктов столицы.

Национальному собранию приходилось принимать для подавления непокорных общин и городов решительные меры. Жестокими мерами был подавлен бунт в Верноне [288]. Гораздо более серьезным делом явились восстания в Тулоне, Марселе, Лионе, прежде всего потому, что в этих крупных портовых и промышленных городах приходилось иметь дело с выступлениями рабочих. Недаром 7 декабря один из депутатов Национального собрания, Малуэ, жаловался: «Враги, преступные враги нации убеждают рабочих, что они должны создавать законы, что всякий акт власти — несправедливость, что всякая дисциплина — это покушение на права народа». Революционное неповиновение становилось серьезной угрозой для победителей. Закон о муниципалитетах (14 декабря 1789 г.) уничтожил старинные учреждения, но в то же время положил конец революционным органам власти.

Особенно серьезной была, конечно, эта опасность в Париже. На заседании Коммуны от 30 ноября был зачитан отчет Comité de recherches о волнениях в Париже. Докладчик Ажье говорил о трояком заговоре: первый затеян аристократической партией, второй — народные бунты, имевшие место 5—6 октября, третий — зажигательные речи и писания. Оратор требовал восстановления тайной полиции для успешной борьбы с заговорами. Первоочередная задача сводилась к тому, чтобы восстановить и укрепить полицию и не допустить дальнейшего распространения революционной прессы.

12 декабря Коммуна снова вернулась к этому вопросу; решено было немедленно принять меры не только против авторов и издателей, но и против разносчиков газет. Это не было первой попыткой. Коммуна издала за время с июля по крайней мере пять приказов подобного рода и все с тем же результатом. Департамент полиции решил помочь Коммуне, и примерно около 20 декабря был издан суровый приказ, устанавливающий строгую цензуру и арест как газет, так и разносчиков. Приказ полиции исходил при этом из признания принципа свободы печати, но вместе с тем обращал внимание граждан на то, что «ежедневно в Париже публикуют кучу зажигательных и бунтарских писаний, задача которых в том, чтобы нарушать покой и порочить честь граждан и нравы нации». Разносчиком газеты мог быть только умеющий читать и писать; их должно было быть не больше 360; каждый из них обязан был получить соответствующее удостоверение от комитета своего дистрикта и подчиняться строгому регламенту.

На этом борьба за свободу печати в Париже, однако, не окончилась; она продолжалась еще много месяцев. Принятое Национальным собранием решение о свободе печати по докладу Сийеса получало, таким образом, свое дополнение в конкретных полицейских мероприятиях Коммуны и ее комитетов.

Возбуждение народных масс в дистриктах и их выступления вызваны были, однако, не этими разногласиями. Характерной особенностью момента (декабрь-январь) было некоторое ослабление голода; острая нужда в хлебе исчезла отчасти благодаря срочно принятым мерам, а главное благодаря новому урожаю. Это не значит, что совершенно исчезла нужда и что в это время не было продовольственных беспорядков. Вечером 2 января 1790 г. дистрикты были взволнованы слухами о бунте в Версале, где толпа напала на муципальных чиновников и потребовала от них снижения хлебных цен. Муниципалитету пришлось пойти на частичные уступки. Бунт в Версале был, однако, последним всплеском голодных бунтов 1789 г. В этом отношении наступило временное успокоение, что по существу и определило в дальнейшем исход войны дистриктов с Коммуной.

Для дистриктов вопрос шел о так называемом droit de permanence. Речь шла, как это разъяснил в свое время Лакруа, не о праве «беспрерывно заседать», а о независимости демократических органов власти и сплочении революционных сил для борьбы с Коммуной.

«... История, — писал Ленин, — подтверждает ту, самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления. Возможна ли была бы во

Франции муниципальная революция в июле 1789 года, если бы 14 июля поднявшийся и вооруженный Париж не победил царских войск, не взял Бастилии, не сломил в самом корне сопротивления самодержавия? Или, может быть, новоискровцы сошлются при этом на пример города Монпелье, где муниципальная революция, организация революционного самоуправления произошла мирно, где была даже вотирована благодарность интенданту за любезность, с какою он содействовал своему собственному низложению?.. Не характерно ли, что во Франции 1789 года время муниципальной революции есть время начавшейся *эмиграции реакционеров*...?» («В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?») [289]. Так Ленин определяет роль и значение Коммуны и дистриктов и их связь с революцией.

Дистрикты в ходе революции обросли целой массой органазаций: они превратились в маленькие коммуны. Они имели свои комитеты полиции, продовольственного дела, военный комитет. Их бюро представляло собой подлинное руководство народной массой данного дистрикта. Но что еще существеннее, дистрикты одновременно были политическими клубами, школой для неопытных в революционной борьбе масс. Вступая друг с другом в сношения, дистрикты превращались в грозную опасность для Коммуны. Но дистрикты не были солидарны друг с другом; внутри дистриктов, как и между ними, шла ожесточенная классовая борьба. Эта борьба — как ни скудны сохранившиеся документы о деятельности дистриктов — служит для нас ключом к истории народных движений и деятельности Марата в первые годы революции.

В начале ноября между дистриктами Парижа возник спор о том, имеют ли они право собираться совместно и выносить свои решения помимо Коммуны. Дистрикт des Blancs Manteaux занял по этому вопросу решительную позицию: он отрицал всякое право на легальное существование так называемого Bureau de Correspondence или Bureau Central. «Ни одна корпорация на территории Парижа, — читаем мы в резолюции, — не имеет права, равного правам Коммуны: дистрикты вне Коммуны и ее совета не существуют». Это было сознательным самоубийством дистриктов в интересах буржуазии как класса.

Другую позицию заняли демократические дистрикты. Комитет дистрикта St.-Roch заявлял, что законодательная власть всецело находится в руках дистриктов, и муниципалитет выполняет лишь функции исполнительной власти. Крайний фланг в этой борьбе занимал дистрикт Кордельеров; он выступал застрельщиком. Кордельеры ограничивали права Коммуны выработкой муниципального проекта для Парижа, утверждение которого в свою очередь должно быть делом дистриктов.

Хотели ли они полной ликвидации муниципалитета? Во всяком случае, они противопоставляли муниципалитет Коммуне.

Лустало в наиболее полной форме выразил настроение протеста всех демократических дистриктов следующим образом: «Что стало с этой свободой, столь блестящей на заре? Она затемнена новой аристократией, аристократией наших представителей»[290]. Надо строго различать, писал Лустало, понятие Коммуны как совокупности всех жителей столицы от муниципалитета как совокупности агентов Коммуны. Смешивая ложь с истиной, обычно называют дистриктами их комитеты. В этом случае муниципалитет прав, не желая допустить санкции законов со стороны комитетов; но дистрикты — это совокупность населения данного участка столицы, а не его комитеты, а это население имеет право предписывать свою волю Коммуне, так как воля всех дистриктов — воля Коммуны. Комиссары, назначенные дистриктами, не имеют других полномочий, кроме тех, которые им даны избирателями, — разработать муниципальный план Парижа; 60 администраторов, составляющих совет Коммуны, — это только исполнительный орган этих комиссаров. Но муниципальная законодательная власть не принадлежит им, а находится в руках Коммуны.

Лустало, оставаясь строгим сторонником непосредственного народного законодательства, пытался провести эту идею до конца. Он вел борьбу с защитниками Коммуны, настаивающими на превращении муниципального представительства в орган власти для борьбы с революционным движением. В ходе борьбы, однако, демократические дистрикты вынуждены были выступить не только как непосредственное представительство избирателей, но и как орган революционной власти демократии в ее борьбе с Коммуной — опорой буржуазной аристократии Парижа.

Еще в решении от 29 октября дистрикт Кордельеров пытался конкретизировать свои принципы, требуя строгого осуществления императивного мандата. Речь шла об отзыве из Коммуны пяти представителей, не желавших присягать по формуле, выработанной дистриктом. Но имеет ли право дистрикт отзывать своих депутатов? Формула присяги Кордельеров об этом говорила следующее: «Мы клянемся и обещаем сопротивляться по мере сил всему тому, что представители Коммуны могут предпринять противоречащего правам граждан-доверителей. . .». Против этого решения и восстала Коммуна, считая, что принятая Кордельерами клятва представляет собою покушение на действительные права Коммуны, тем более, что «депутаты дистрикта с момента, когда они стали представителями Коммуны, принадлежат уже не отдельному дистрикту, а Коммуне в целом». Коммуна считала, что подобный принцип фактически означает перенесение власти из Коммуны в дистрикты,

против этого она решила бороться самым настойчивым образом. Так и началась война, которая постепенно втянула все остальные дистрикты и кончилась только после принятия в мае 1790 г. окончательного закона о парижском муниципалитете; борьба кончилась поражением демократии.

17 ноября Кордельеры ответили на постановление Коммуны новым постановлением решающего принципиального значения. Дистрикт Кордельеров проводит грань между правом императивного мандата по отношению к Национальному собранию и по отношению к Коммуне. В первом случае дистрикт его отклоняет, во втором утверждает. План муниципального устройства может стать законом только после утверждения его Национальным собранием или по крайней мере дистриктами; между Национальным собранием и дистриктами не может быть средостения.

Мнения дистриктов Парижа, однако, резко разошлись. Ряд дистриктов поддержал Кордельеров, но вот дистрикт de St.-Germain l'Auxerrois, один из аристократических кварталов столицы, отличавшийся в борьбе с Маратом, заявил в своем решении от 18 ноября, что императивный мандат, предлагаемый Кордельерами, противоречит принципу представительного правления, и он отбрасывает его. Свои взгляды аристократический квартал обосновывал, конечно, интересами сохранения «единства» граждан. «Враги общества, после того как они безуспешно пытались поднять народ против его представителей путем ложных слухов, подлых писаний, задержки продовольствия, — читаем мы в резолюции дистрикта, — хотят воспользоваться новыми средствами, чтобы прийти к той же цели, подымая дистрикты против Коммуны, чтобы затем тем легче противопоставить их один другому и вооружить граждан для междоусобной войны». Вопрос об императивном мандате становился, таким образом, одним из острейших вопросов классовой брьбы. Дистрикт des Petits Pères, последовательно стремясь к подчинению демократии, требовал поэтому полной ликвидации дистриктов.

Но аристократические дистрикты были в меньшинстве. Большинство присоединилось к мнению Кордельеров, надеясь, однако, осуществить права демократии мирным путем. Это большинство присоединялось к формуле демократически настроенного дистрикта des Mathurins, «считая, что после того как свобода была завоевана смелостью, ее необходимо сохранить благоразумием». Таково было мнение самого дистрикта Кордельеров. 20 ноября, отвечая на предъявленные обвинения, общее собрание этого дистрикта постановило: «Каково бы ни было постановление Национального собрания. . ., дистрикт в этом случае, как и всегда, покажет свое умение беспрекословно

подчиняться всем декретам законодательной власти». В борьбе за демократию дистрикты имели в виду употреблять только строго легальные средства. Ряд дистриктов поспешил последовать примеру Кордельеров и отозвать своих депутатов. Так поступили граждане Nazareth, ссылаясь в своем решении на дистрикт Кордельеров.

Коммуне угрожала серьезная опасность, борьба обострялась. Аристократические кварталы Парижа, не стесняясь, заявляли, что для них не подлежит сомнению, что срочно выработать такой сложный закон, как муниципальный закон Парижа, могут отнюдь не все, а только «избранные граждане, обладающие для этого достаточным знанием». Буржуазная аристократия, опираясь на вооруженную силу Национальной гвардии, наглела, и демократические дистрикты поспешили перенести дело на рассмотрение Национального собрания. Вопрос рассматривался здесь 23 ноября, и любопытно, что собрание попыталось пойти на примирение с дистриктами; оно призвало к порядку Коммуну. «Считая, что представители Коммуны, — читаем мы в постановлении собрания, — ограничены функциями чисто административного порядка, без всякого права юрисдикции над дистриктами, Коммуна не полномочна поэтому лишать Кордельеров их права назначить новых трех депутатов, чтобы заменить ими тех, кто был дистриктом отозван». Вместе с тем постановление, удовлетворяя притязания Коммуны, отмечает, что ее члены должны только приносить присягу на верность своему долгу, но не подчиняться требованиям отдельных дистриктов.

У Национального собрания не было основания обострять отношения с дистриктами, поскольку последние не покидали легальной почвы и делали собрание своим арбитром в спорах с Коммуной. Ведь вопрос, по общему мнению спорящих сторон, должен был быть решен в Национальном собрании.

Решение Национального собрания, конечно, не уничтожило разногласий между дистриктами и Коммуной. Получив предостережение, Коммуна попыталась войти в непосредственную связь с Национальным собранием, чтобы в контакте с дистриктами или помимо их выработать муниципальный план Парижа. Целый ряд дистриктов разоблачил эти секретные переговоры, и на заседании Коммуны от 2 декабря представители дистрикта des Mathurins заявили протест против козней Коммуны, призвав дистрикты присоединиться к их протесту. Граждане из дистрикта des Mathurins призывали патриотов немедленно снестись с Национальным собранием, специально с конституционным комитетом для того, чтобы обратить его внимание на право Парижа высказать свое мнение, прежде чем муниципальный закон будет окончательно принят.

Фоше, который играл роль «проповедника революции», попытался добиться соглашения между сторонами. В своем «Troisième motion» он попытался сформулировать некоторую общую платформу: представители народа издают конституционные законы для королевства, французы большинством голосов утверждают эти законы; представители Коммуны издают частные законы для данного города, и город большинством голосов всех дистриктов утверждает их. «Так все будет в наилучшем порядке, воцарится свобода, и мы не попадем в объятия аристократии, этого худшего вида деспотизма». Но центр тяжести был не в этих, по существу приемлемых для всех, положениях, а в совете Фоше: «Будем дожидаться, господа, в полном спокойствии декрета Национального собрания о Париже. А пока всеми силами постараемся наладить мирные отношения между дистриктами, Коммуной и Национальным собранием». Попытка примирения была, однако, обречена на неудачу; проект Фоше не был принят ни одной из борющихся сторон. Тем более, что Национальное собрание, усилив бдительность «легально» настроенной оппозиции дистриктов, поспешило с разработкой муниципального закона в полном контакте с Коммуной Парижа.

Коммуна спешила с проведением своего плана. Она постановила на каждом своем собрании обсуждать сразу по нескольку статей закона. Дистриктам при этом условии, конечно, ничего не оставалось делать: им даже не оставили и 24 часов для обсуждения принятого Коммуной решения. Кордельеры достаточно внимательно следили за происками Коммуны, чтобы оставить без внимания очередной ход своих представителей в Коммуне. 15 декабря они обратились к остальным 59 дистриктам Парижа с призывом созвать общие собрания для выбора делегации в Национальное собрание, «которая будет умолять представителей народа от имени подлинной Коммуны («au nom de la vraie Commune») отменить законы, принятые без ведома граждан, собранных в дистриктах». Делегатами были посланы Дантон и Тестюло.

Дистрикт Кордельеров приобретал все большую и большую популярность. Его платформа объединяла разнородные элементы демократии. Демулен, Лустало, Дантон, Фрерон и, как мы дальше увидим, Марат одинаково считали его постановления и его деятельность подлинным выражением чаяний демократии. Фрерон, спустя несколько лет, пройдя весьма радикальные превращения, писал: «Старый дистрикт Кордельеров был террором для аристократии и убежищем всех политически преследуемых в столице. Его решительные постановления много раз разоблачали муниципальный деспотизм, который возвышается над развалинами всякой тирании. Если бы

остальные дистрикты Парижа высказывали тот же патриотизм и ту же степень энергии, как Кордельеры, революция не остановилась бы в своем движении, комитеты Национального собрания не посмели бы торговаться с монархией по поводу прав народа. . .» [291]. Слава Кордельеров распространилась по всей стране. Кордельеры мешали Коммуне осуществить тот план, который был теперь ею согласован с Национальным собранием, а дистрикт Кордельеров, постепенно отчаявшись в легальных средствах борьбы, переходил от резолюций к революционному действию.

Комитет дистрикта начал вмешиваться в распоряжения Коммуны, считая, что у себя, на своей территории, он является господином. 31 декабря Коммуна заслушала сообщение одного из администраторов учетной кассы, который жаловался муниципалитету на захват отрядом национальной гвардии дистрикта нескольких телег серебра, пересылаемых кассой в Лимож. Коммуна потребовала от дистрикта раз навсегда прекратить произвольные действия: они мешают свободной циркуляции монеты в королевстве. Коммуну поддержало Национальное собрание, настаивая на полной и беспрепятственной свободе обращения монеты и хлеба, но на этот раз в защиту Кордельеров в Национальном собрании выступили левые, и Ш. Ламетт произнес хвалебное слово дистрикту.

Коммуна, однако, не разделяла их мнения. Байи обратил внимание совета Коммуны на постановление дистрикта от 7 декабря, где изложена была его экономическая программа [292]. Отмечая, что кризис торговли является причиной нищеты огромной массы граждан, Кордельеры постановили, что жители дистрикта вплоть до апреля 1790 г. должны вносить по 20 су каждый месяц для образования фонда помощи беднякам. Война между дистриктами и Коммуной, о которой говорил Байи еще в октябре 1789 г., не прекращалась. Пора было наконец принять решительные меры и применить насилие. 2 января 1790 г. Байи заявил в своей речи Национальному собранию, что наступило время, когда закон должен наконец воплотиться в жизнь: «Важнее всего подчинение; подчинение закону должно завершить дело нашего освобождения, закончить революцию». Выполнить эту задачу во что бы то ни стало — таково было желание Коммуны, таково было желание массы аристократических дистриктов Парижа, которые оказали ей поддержку. Удобным поводом для открытия военных действий послужила агитация Марата.

Вопросы, волновавшие дистрикты, волновали и Марата. Но характерным отличием его пропаганды в этом случае является то, что он видел свою задачу в нападении не только на Коммуну, н о и н а Н а ц и о н а л ь н о е с о б р а н и е.

Дистрикты противопоставляли Национальное собрание Коммуне, тщательно подчеркивая, что они остаются на почве права; Марат рассматривал свою борьбу с Коммуной как часть революционной программы грядущего переворота. Неудивительно поэтому, что он в своих статьях за декабрь 1789 и январь 1790 г. с особым усердием разъяснял, что речь идет не только о борьбе с аристократическими дистриктами, но и с их союзниками внутри братских дистриктов. Отмечая прямую связь, которая существует после революции между негоциантами, торговцами и государственными деятелями, Марат обращал внимание французов на то, что главный враг революции — теперь не старая, а новая аристократия, захватившая власть в муниципалитетах, дистриктах, государственном аппарате, национальной гвардии и прежде всего в Национальном собрании[293]. Обсуждая вопросы, связанные с императивным мандатом и правом отзыва депутатов, он обращает внимание на нарушение этих прав в Национальном собрании. Когда Тарже 20 ноября в связи с декретом о выборах членов департаментских советов решительно отклонил право отзыва депутатов, Марат подчеркнул в своих статьях, что между аристократами из муниципалитета и собрания существует единство взглядов. Гражданам-патриотам необходимо пробудиться от летаргии и подготовить восстание: «Бдительно следите за своими подозрительными представителями, держите оружие наготове, спешите обеспечить себя необходимой военной амуницией, опасайтесь приказов, которые дают вам ваши начальники, и никогда не забывайте, что все ваши старания не приведут ни к чему, если вы прежде всего не разделаетесь с муниципалитетом»[294].

Однако борьба с Коммуной Парижа для Марата первоочередная, но не единственная задача новой революции. В основном Марат разделяет принципы Кордельеров о подчинении депутатов своим доверителям. Дистрикт Кордельеров защищает права всех французов, права народа; утверждать, что делегат дистрикта в ратуше представляет Коммуну, но не дистрикт — опасный и вредный софизм. Нация может сместить монарха, она может и избрать его, подобно тому как Коммуна, т. е. совокупность граждан Парижа, избирает муниципалитет и может сместить его. Единство администрации состоит не в том, что Коммуна подменяет собою дистрикты, а в том, что муниципалитет подчинен воле граждан. Это элементарная политическая истина, и она означает, что не только муниципалитет подчинен воле Коммуны, но и отдельные члены дистриктов подчинены воле его большинства[295].

Марат в отличие от Кордельеров не делает различия между Национальным собранием и Коммуной. Для Кордельеров согласно их постановлению от 17 ноября право императивного

мандата касается делегатов муниципалитета, но не депутатов Национального собрания. Различие идет еще дальше. Как должна быть организована власть города? В то время как дистрикты настаивают на максимально широкой основе власти, Марат, не отрицая этого положения, подчеркивает необходимость концентрации исполнительной власти в руках немногих лиц, доверенных этой демократии. Муниципалитеты Парижа, Версаля и других городов, провинции — в руках аристократов; они захватили власть и командуют всеми гражданами, которых просто игнорируют. Необходимо очистить все органы власти от паразитов, захвативших власть в Коммуне, необходимо восстановить права народа, чтобы затем вручить полномочия небольшой группе муниципальных агентов, подобранных среди наиболее преданных патриотов в демократических дистриктах; власть их должна продолжаться не больше месяца[296]. Для Марата, всецело приемлющего принципы Кордельеров, важно, однако, подчеркнуть необходимость особенно тщательно заботиться о подборе революционных властей, о максимальной концентрации этой власти в демократически избираемых дистриктах, коммунах и даже Национальном собрании для руководства освободительной борьбой народа.

Для разрушения аристократического правления следует ударить по руководящей головке муниципалитета. Марат вслед за оппозиционными дистриктами протестует против широких полномочий мэра и его бюро. Байи распоряжался в Коммуне, подобно Людовику XVI в своем королевстве. Кордельеры и с ними Марат протестуют против попытки мэра стать «арбитром Коммуны»[297]. Дистриктам необходимо было сделать логические выводы из своих принципов. Марат предлагает уничтожить мэрию: «она бесполезна, обременительна и вредна для свободы»[298]. Королевская роскошь муниципального представительства, на которую претендует мэр, обходится народу излишне дорого, она скорее подходит финансисту, утопающему в золоте, чем народному избраннику. Тем более что мэрия захватила всю власть в свои руки, а когда представители дистрикта Кордельеров обратились к агентам Коммуны с просьбой осветить им продовольственное положение в столице, им ответили: «Это вас не касается».

Что может народ ждать от подобных агентов власти? «Познакомьтесь с историей наций, и вы убедитесь, что ни одна из них не смогла разбить своих цепей, не утопив своих угнетателей в их крови, не пронзив их шпагой в открытом бою, не подвергнув своих врагов ужасам восстания. Вместо того чтобы прибегнуть к средству, для которого спасение государства является верховным законом, мы вернули павших врагов к жизни, мы их

оставили мирно жить среди нас, и каждый день они затевают против нас какой-либо заговор. Если бы мы по крайней мере воспользовались средствами, которые представляет нам судьба»[299]. Единственное средство остается для спасения народа — это очистить Национальное собрание от дворян и попов, которые не имеют никакого права заседать там, потому что сословия, которые ими представлены, больше не существуют. Изгнать из городской администрации мэра и его агентов или еще лучше, уничтожить мэрию; уничтожить Шатле и особенно комиссию государственных преступлений, где засели агенты старой власти; без революционной чистки этих учреждений не обойтись.

15

Анализируя деятельность Национального собрания, Марат, как мы отмечали выше, уделял уже в ноябре-декабре огромное внимание финансовой политике Неккера. Этот вопрос постепенно вытеснял другие и занял центральное место в его революционной деятельности в конце января 1790 г. Но сейчас его внимание привлекали другие проблемы и прежде всего вопрос о борьбе со старой судебной палатой Шатле, которая и после революции оставалась верховным судилищем для «политических преступников».

Мнение Марата по этому вопросу было высказано давно. Он с первых шагов своей деятельности требовал создания революционного трибунала из особо заслуженных патриотов. В ноябре, тотчас после возобновления газеты, он снова возвращается к тому же вопросу в статьях «О некомпетентности существующих судов в делах, касающихся преступлений агентов исполнительной, муниципальной и судебной властей, как и преступлений по оскорблению нации»[300]. В конце декабря и январе, когда преследования Марата приняли особенно настойчивый характер, он решил усилить свою агитацию против Шатле, воспользовавшись общим недовольством масс против этого судилища, покровительствующего контрреволюционерам[301]. Шатле — не исключение в общей системе судебных учреждений Франции; состав их определяет враждебную революции позицию, которую они занимают. В большинстве своем магистраты — это парвеню, разбогатевшие благодаря интриге, торговле, спекуляции. Можно ли им поручать суд над контрреволюционерами? Ведь недаром в народе говорят о Шатле: «Если меня обвинят в том, что я украл башню Собора Парижской богоматери, мне остается только бежать». Таков был тот суд, с которым Марату пришлось вскоре иметь дело[302].

Еще хуже была та военная сила, на которую опиралась буржуазно-аристократическая власть. Марат дал в ноябре-декабре развернутую критику социального состава и политического руководства армии. 24 ноября 1789 г. он в специальной статье дает блестящий классовый анализ военной политики Национального собрания[303]. Нет сомнения, писал он, что вооружение граждан в июле-августе было счастливейшим событием революции. Но значит ли это, что все французы без различия состояний должны отдать четыре года своей жизни военной службе? Армия и война крадут драгоценное время у мануфактур, торговли, искусства и наук. Возможно, что богатые обязаны принести государству эту жертву; но этого не должны делать бедняки. Искренно говоря, что им за дело до Бастилии? «Вот предмет размышлений для философов: почему несчастные рабочие с таким энтузиазмом отдавали свою жизнь на разрушение монумента тирании, тюрьмы, которая была приготовлена для их угнетателей?». Ведь десятая всех граждан Франции не обладает даже минимумом средств существования. «Подумать только о печальных последствиях регламента, который присуждает поденщика, ремесленника, рабочего жертвовать четыре года своей жизни военному ремеслу, чтобы рассчитаться с государством, которое ничего для него не сделало и которое не принесло ему никакой пользы!»

Регламент о всеобщей воинской повинности направлен против всех лиц, занятых производительным трудом: они вынуждены будут покинуть свое отечество, чтобы искать покой в крайнем случае даже в странах рабства. Подчинить одному и тому же военному регламенту нищего и богатого, человека, который владеет обширными поместьями, и человека, лишенного собственности, — это значит возложить все бремя на бедняков, так как богатые всегда смогут оплатить свое фактическое освобождение от военной службы. Как много несчастных рабочих жертвовали своим временем, чтобы в дни революции охранять особняки богачей!

«Где отечество тех, у которых нет собственности, которые не могут претендовать на службу, кто не пользуется никакими благами общественного договора? Они осуждены на вечное рабство, если не под ярмом господина, то под ярмом своих сограждан, и какая бы революция ни совершилась, на их долю приходятся рабство, нищета, угнетение. Чем же они обязаны государству, которое для них ничего не сделало, кроме того, что утвердило их нищету и скрепило их цепи? Бедняки отплатят государству только своей злобой и проклятиями». Армия нужна государству только для завоевательных войн, но революции следует больше опасаться внутренних врагов, чем внешних. Необходимо поэтому решительное сокращение военных сил и подчинение их народному контролю[304].

Выступления Марата охватывали, таким образом, все шире и глубже задачи революции. Его агитация отличалась от выступлений оппозиционных дистриктов прежде всего тем, что он при обсуждении отдельных вопросов подчинял их разрешение центральной задаче — подготовке нового революционного восстания. Это не было голой эмпирикой, подобная постановка вопроса была у Марата связана со всей системой политических взглядов. «Есть мало вопросов, которые не предстали бы перед нами с различных сторон и которые не могли бы быть рассмотрены под различными углами зрения, — писал Марат, — искусство политики, однако, состоит в том, чтобы уметь распознать ту сторону вопроса и тот угол зрения, который должен превалировать, а это почти всегда решается обстоятельствами»[305].

Этим общим углом зрения была для Марата проблема революционной борьбы, борьбы за захват власти народными массами. 29 декабря он снова внимательно обсуждает причины неудачи народа в дни 14 июля и 5—6 октября и предлагает патриотам позаботиться о политическом самовоспитании для того, чтобы в грядущий день всеобщего восстания не оказаться вновь обманутыми[306].

Для руководства подготовкой восстания Марат предлагает создать «патриотическое братство». Марат попытался наметить в своем проекте организационные формы политического объединения революционного народа. В его проекте немало черт идеи корпоративной организации, типичной для средневековья, но имеются и зародыши будущих революционных идей. Это конечно очень далеко от идеи «партии» даже в том виде, как вопрос этот стоял на ранних ступенях развития современного рабочего движения. Для Марата речь идет о временном объединении патриотов, скорее, о группе, точнее, о революционной секте или об объединении заговорщиков, но не о партии как авангарде революционных масс, авангарде, организующем и ведущем эти массы на штурм твердынь имущих классов. О специфически средневековом характере «братства» нам следует в дальнейшем помнить при анализе его проекта. По всей видимости, Марат в данном случае воспользовался опытом франкмасонских лож, активным членом которых он был до революции. 9 января 1790 г. Марат опубликовал свой «Projet d'une confrérie Patriotique». В Париже, читаем мы в этой статье, имеется небольшая группа решительных и политически сознательных граждан, но гораздо многочисленнее честные, но слабые и малосознательные патриоты, нуждающиеся в руководстве и воспитании. «Они нуждаются в хорошем руковод-

стве, чтобы хорошо действовать», — поясняет свою мысль Марат. Изолированные, эти граждане — ничто; объединенные в братство, они могут стать вождями революционной массы.

Создание «братства патриотов» необходимо особенно теперь, когда повсюду мы встречаем заговоры врагов народа; в этом братстве — спасение отечества. Патриотическое братство должно стремиться к тому, чтобы обнаружить ловушки предателей, разоблачать их маневры, бороться с насилием властей, агентов правительства, бороться с министерским и судебным деспотизмом, поддерживать слабых, помогать нищим и защищать угнетенных. . . Оно должно отражать удары, нанесенные правам граждан и нации, и взять на себя руководство борьбой патриотов, доведя борьбу за истину и справедливость до победного конца. Чтобы легализировать свою деятельность, патриотическое братство примыкает к дистрикту Кордельеров как наиболее патриотическому дистрикту столицы; оно выбирает своих вождей, уславливается о своих заседаниях и о средствах выполнения своих задач. В братство не может быть принят всякий гражданин по одному только своему желанию. Приняты будут испытанные патриоты. Чтобы не ошибиться при приеме членов, следует затребовать от всякого вступающего изложения принципов и точных справок о его патриотической деятельности. Очевидно, что в число членов братства не могут быть приняты агенты правительства, администрации, дворяне, богачи и т. д. Марат предлагает передать свой план на рассмотрение лучших патриотов, чтобы затем в спешном порядке приступить к организации братства[307].

В бумагах Лафайета были найдены заметки, написанные рукой Мирабо, о партиях в эпоху Учредительного собрания (конец 1789 г.). «Если под словом «партия» понимать постоянную коалицию людей, — читаем мы в этих заметках, — согласных в основном, поддерживающих друг друга даже в частностях и объединенными усилиями стремящихся к намеченной цели, то партий такого рода не было ни в собрании, ни среди нации. Но если под словом «партия» понимать друзей и врагов революции, то едва ли будет ошибкой сказать, что подобных группировок было четыре: те, кто хотел революции без предела и меры, те, кто хотел восстановления старого режима, те, кто не желал революции, но принимал ее как факт и желал ее скорейшего завершения, и те, наконец, кто когда-то стремился к революции, но желает, чтобы она установила новую иерархию властей в интересах свободы. . .»[308].

Утверждения Мирабо рисуют действительное положение дел; каждое из указанных выше политических течений решительно отрицало свое стремление к организации партии, что было в духе буржуазного индивидуализма XVIII в. Никто

подобной партии не создал, и только Марат разработал своеобразный проект объединения революционных сил парижского народа, его авангарда в дистриктах в самостоятельную политическую организацию.

Популярность Марата росла, его имя становилось в предместьях знаменем революции. Об этом прежде всего свидетельствует масса писем в редакцию газеты, особенно за последние недели, с середины декабря. «Днем и вечером бедный Друг народа осаждается толпой несчастных и угнетенных (я оставляю в стороне тучу писаний, которые ежедневно адресуются мне прожектерами для отзыва. . ., и тучу брошюр, присланных для того, чтобы я дал о них отчет в газете, как будто у меня есть свободное время, чтобы прочесть хотя бы одну из них), умоляющих его о помощи»[309]. Обвиняемый предан прокурором, своим адвокатом, судьями — он молит о поддержке Друга народа; гражданин раздражен чиновником — он спешит к нему с жалобой; жена жалуется на мужа и просит Марата помочь ее разводу; литератор-бедняк просит у него работы. . . В одном из писем рассказан любопытный случай с монашенкой, сестрой Екатериной из аббатства Потену, которую преследовали за чтение маратовской газеты. Газету Марата засыпают письмами. Отсюда поразительная осведомленность автора, его знакомство не только с парламентскими закулисными комбинациями, но прежде всего с желаниями и чаяниями народных низов; отсюда тот «пророческий дар» Марата, который так удивляет историков: он является результатом острой политической мысли и тесной связи с народными массами.

31 декабря 1789 г. Марат выступил с краткой, но убедительной статьей против Лафайета, он обвиняет его в том, что генерал стал орудием в руках правительства Неккера и контрреволюционеров. Сам Неккер, писал он, — опора тирании и аристократии; «правительство — смертельный и вечный враг народов»[310]. Марат был вызван к прокурору, но не явился. В тот же день против него начал поход ряд дистриктов и прежде всего дистрикт Сорбонны. Дистрикт возобновил свои обвинения, выдвинутые против Марата еще 9 октября 1789 г.[311] 13 января Сорбонна снова повторила свои обвинения и дала им весьма оригинальное обоснование. Марат хочет перенести во Францию английскую свободу печати, но разве можно это сделать теми средствами, которые предлагает Марат? Дистрикт Сорбонны рассматривает Марата как «нарушителя мира и общественного порядка»[312]. Марат, наконец, незаконно издает газету в своей собственной типографии.

8 января к походу присоединился ряд других дистриктов, в том числе дистрикт св. Маргариты. В своем решении по-

следний предложил Марату отказаться от «ужасного тона» и не заслуженного им имени Друга народа. Граждане дистрикта поспешили сообщить свое постановление Сент-Антуанскому и Сент-Марсельскому предместьям [313].

Марат поспешил ответить выступавшим против него дистриктам в особом письме дистрикту св. Маргариты. Не подлежит сомнению, что его враги испуганы до смерти, иначе никак нельзя объяснить, почему они совершают так много необдуманных поступков и проявляют столько бешенства в борьбе с одним человеком. Марата укоряют в том, что его принципы нарушают национальное единство, но последнее не имеет цены, если народом управляют его враги. «Вы ставите мне в упрек резкость и несдержанность, с которой я обрушиваюсь на врагов отечества, и предлагаете снять заголовок с моей газеты. . . Это все равно как если бы я привлекал вас к ответственности за то, что вы разражались проклятиями при осаде Бастилии и во время похода против королевской гвардии или все равно как если бы я ставил вам в вину то, что вы недостаточно вежливо упрекали Делона в его вероломстве и не попросили у него разрешения раскромсать его на части. Не поддавайтесь обману: война наша с врагами еще не окончена!» [314] — восклицает Марат. Все эти аргументы могли, конечно, только озлобить врагов, и в ближайшие дни на улицах аристократических кварталов кричали: «Марата на фонарь!». В ночь с 9 на 10 января его тщетно пытались арестовать на улице de l'Ancienne Comédie, где он жил; ему удалось скрыться. Марат продолжает издавать свою газету, ни на минуту не прекращая революционной агитации. Он остается верен своей клятве не прекращать борьбу и просит граждан присылать ему материал для разоблачения врагов народа [315].

Марат обратился за помощью к дистрикту Кордельеров, и 11 января дистрикт вынес на общем собрании граждан решение выступить на его защиту во имя охраны прав личности против нарушителей закона [316]. Но полиция продолжала свое дело. В тот же день Марат получает повторное требование полиции явиться; он отвечает громовой статьей против Шатле и обращается с жалобой к Национальному собранию: «Отцы отечества, мстители за поруганные законы и защитники угнетенных, вы оправдаете эти славные звания своим усердием в деле торжества справедливости, и вы никоим образом не допустите, чтобы Друг народа стал мучеником свободы» [317]. После всего того, что Марат писал о Национальном собрании, это звучало как издевательство.

12 января вопрос о Марате всплыл на заседании Национального собрания. Но оно решило вопроса не обсуждать, что заставило Марата снова с еще большим упорством возобновить

атаку и против Национального собрания и против Коммуны. С гордостью Марат принимает имя «поджигателя», которое дали ему его враги. Он пишет Лафайету и стыдит его перед лицом народа за то, что тот послал против него экспедицию в составе батальона Сент-Этьенского дистрикта: «Если бы Друг народа был главою циклопов, которые пошли приступом на небо, то и тогда против него понадобилось бы не столь многочисленное войско». Для его ареста дистриктом были пущены в ход отряды особого назначения, гренадеры и стрелки, части, которые вскоре будут использованы, как замечает Марат, против народной свободы [318].

13 января полицейский трибунал передал королевскому прокурору Шатле дело Марата. Официальным мотивом преследования все еще оставалось, кроме газеты № 83, дело Жоли. Марат сообщает парламентскому поверенному Кэнке де Монжуру, что при обыске у него были опечатаны все бумаги и печатные произведения, не имеющие отношения к делу, опечатана его типография и личные вещи. Дело Жоли было, как прекрасно понимает это Марат, только предлогом. «На самом деле, — пишет Марат, — оно вызвано было, конечно, той откровенностью, с какой я разоблачал преступления судебных агентов» [319].

Коммуна, однако, вскоре находит и другой мотив для преследований. 15 января Буше д'Аржи, советник Шатле, выступает на заседании Коммуны с протестом против клеветы Марата. Коммуна удовлетворяет его просьбу, отмечая в своей резолюции, что агитация Марата угрожает законным властям и является прямым призывом к бунту. Марат обвинял Буше д'Аржи в том, что он захватил в свои руки ряд общественных должностей — судебного советника, командира батальона, гласного думы; Буше — «скупщик должностей».

Но это были пустяки по сравнению с тем, что Марат писал в своей газете о мэре Коммуны. Полиция задержала по обвинению в контрреволюционном заговоре агента роялистов; обвиняемым был утерян портфель, но ключ его был передан Байи. В портфеле была найдена большая сумма денег, предназначенных для торговых операций, и ряд бумаг, свидетельствующих о том, что Неккер замешан в спекулятивных сделках по закупке у крестьян хлеба на корню. Коммуна не спешила с выяснением этого дела, она игнорировала обвинения Марата, но в своем решении от 16 января потребовала от прокурора немедленного ареста последнего. В принятом постановлении Коммуны отмечалось, что писания Марата потому опасны, что проникают в хижины простых ремесленников; после чтения его газеты они отказывают в почтении тем, кто больше всего заботится об их благополучии. Решение Коммуны, таким

образом, великолепно вскрывает социальный смысл войны, которую она вела против Марата.

«Я говорю и повторяю: мы рабы теперь более, чем когда-либо; вместо одного хозяина мы имеем их десять тысяч», — писал Марат после того как попытка его ареста по приказу Коммуны не удалась. Статьи Марата срывают маску с врагов народа; он зовет массы вступить в бой с победившей аристократией. Марат развивает в эти дни бешеную агитацию. 18 января он публикует «Разоблачение г-на Неккера, первого министра финансов, направленное в народный трибунал г-н Маратом, Другом народа»[320].

Своим непрекращающимся наступлением он вынуждает действовать и дистрикт Кордельеров. Марат живет в эти дни на территории дистрикта, в помещении его военной комиссии, в отеле де Лафотри, rue de l'Ancienne Comédie, № 39; помещение его охраняют 30 солдат. Дело Марата становится делом дистрикта. Марат пытается возглавить его борьбу. «Никогда Марат не подымал свой голос против частных лиц; всегда он атаковал лишь общественных представителей, вероломных чиновников, министров-угнетателей. ., представителей народа, которые забывают свои обязанности, предавая своих избирателей»[321]. Защита Марата стала делом патриотов Национального собрания, демократических дистриктов, всех угнетенных патриотов и передовых органов печати — газеты Лустало и Демулена[322].

Это и объясняет нам, почему дистрикт Кордельеров выступил на его защиту[323]. В решении 19 января Кордельеры настаивают на своей резолюции от 11-го; последняя защищала Марата против приказа, нарушающего точно выраженный закон об охране личности от полицейского произвола. Приказ об аресте Марата на территории дистрикта может быть выполнен только после того, как он будет визирован властями дистрикта. Кордельеры выделили для этого пятерых комиссаров, «хранителей свободы»; арест гражданина Марата сможет произойти, следовательно, только с их разрешения. Декрет был подписан председателем Паре, вице-председателем Фабр д'Эглантином, Дантоном и секретарями Дюпленом и Одоттом.

Дистрикт Кордельеров оставался на строго легальной почве: он требовал только соблюдения закона и действовал согласно его букве. Любопытно, что даже у советника Шатле приказ об аресте вызвал немало колебаний[324]. Ведь закон о печати не был окончательно принят Национальным собранием. 20 января Сийес внес в собрание от имени конституционного комитета свой проект закона о свободе печати; 21-го королевский прокурор дает окончательный приказ об аресте Марата,

а 22 января было срочно намечено днем генерального боя.

Дистрикт Кордельеров и сочувствующие ему кварталы столицы отнюдь не имели в виду воспользоваться делом Марата как поводом для выступления против Национального собрания и разгона Коммуны. С момента своего выступления Кордельеры предполагали произвести только внушительную демонстрацию в защиту закона, против деспотизма муниципальной аристократии, в то время как Коммуна, опираясь на национальную гвардию, решила применить военную силу и принудить дистрикт исполнить волю господ победителей. Иначе представлял себе дело Марат: он надеялся, что решимость дистриктов приведет их к большей активности. С 20 по 22 января включительно Марат не прекращал издания газеты, и вместо того чтобы поддерживать легалистские иллюзии Кордельеров, он выдвигает революционные лозунги, требует выступления против Национального собрания и Коммуны. «Мы уничтожили деспотизм, — заявляет он, — чтобы допустить рождение аристократии. . . Уничтожена власть привилегированных, но нами командуют привилегированные из судейского сословия, из сословия финансистов. Мы на коленях перед ними!»[325]. 21 января он публикует свой ответ дистрикту св. Маргариты, который мы цитировали выше[326]. 22 января, в день боя, он выпускает наконец газету, в которой дает окончание своего ответа дистрикту св. Маргариты: «Не будем обманываться, мы в состоянии войны с нашими врагами; они ставят нам препятствия, но я не перестану звать вас на борьбу с ними»[327]. Он обращается прежде всего к рабочим. В Коммуне жаловались на безработицу, но не нашли времени разработать необходимые мероприятия для борьбы с нею. Но способны ли богачи-аристократы думать о судьбе бедняков? — спрашивает Марат. Байи как философу не мешало бы ограничиться похлебкой, когда его «братья» умирают с голоду[328]. Взгляды Марата, однако, не разделялись дистриктом: Кордельеры хотели внушительной демонстрации, Марат — революционного восстания.

16

Обосновывая свое решение об аресте, королевский прокурор отмечает, что газета Марата «все чернит и все дискредитирует», что он не Друг народа, а его враг и что Марат воспользовался своими талантами для того, чтобы отнять у народа единственное, что у него осталось, — уважение к властям. Марат виновен в том, что подымает народ против его избранников, хранителей его благополучия, что он в своей пропаганде разъ-

ясняет массам свой план восстания; вот почему дальнейшее промедление с его арестом — смертельная опасность для государства. Неудивительно, что руководство карательной экспедицией против Марата, укрывшегося в дистрикте Кордельеров, взяли на себя Лафайет и мэр Парижа.

22 января, в 7 часов утра, отряды национальной гвардии дистриктов св. Рока, св. Гонория, Барнабитов, Генриха IV, т. е. дистрикты, где руководство национальной гвардией принадлежало либо торговцам, либо ремесленникам, изготовляющим предметы роскоши, собрались на площади Дофина, заняли главные улицы дистрикта, все мосты и проходы, особенно у въезда в Сент-Антуанское и Сен-Марсельское предместья[329]. Во главе оперативных войск был поставлен командир батальона Генриха IV, бывший ювелир. К 8 часам утра главный отряд под руководством офицера Пленвиля отправился к дому Марата, куда к 9 часам утра явились и два судебных пристава во главе с Луи Бернардом и Филиппом Фонтэном. Последние отправились в комитет дистрикта, чтобы предъявить приказ об аресте Марата. Но комиссары дистрикта и с ними Дантон заявили судебным приставам, что приказ об аресте, изданный властями 8 октября, не соответствует закону, вновь изданному Национальным собранием, и поэтому они отказываются его исполнить[330]. Дантон, согласно показанию Фонтэна, при этом добавил, что так как войска были собраны на территории дистрикта незаконно, то Кордельеры вынуждены будут ударить в набат, и он, Дантон, надеется, что предместья (Сент-Антуанское и Сен-Марсельское) пришлют им на помощь 20 тыс. человек. Один из опрошенных свидетелей заявил даже, что Дантон сказал: «Если бы батальон Кордельеров был так мужественен, как он сам, солдаты с оружием в руках изгнали бы батальон с территории дистрикта»[331].

Даже женщины в толпе вооружались; опасность возрастала, и после двух часов напрасных препирательств агенты власти вынуждены были отступить. Судебные приставы решили отправиться за дальнейшими полномочиями к Шатле. Но начальник экспедиции отказался последовать за ними. Он сделал это тем более решительно, что с первых шагов встретил косвенную поддержку у начальника батальона Кордельеров Ла Вийета, который поспешил заявить командиру, что остается нейтральным. Более того, он поспешил заверить начальника вражеских войск, что был бы рад освобождению дистрикта «от плохого гражданина»[332]. Не более мужественным было поведение начальника поста у дома Марата, Ле Ружа, который после заявления Дантона о призыве на помощь предместий обратился к нему со словами: «Думаешь ли ты о том, что говоришь? Я поражен твоими речами». Кордельеры не могли,

таким образом, рассчитывать даже на свои отряды национальной гвардии.

Начальник экспедиции, воспользовавшись уходом судебного пристава, послал людей по району, чтобы собрать побольше войск. Днем на территории дистрикта собраны были внушительные военные силы. Население дистрикта волновалось. Одна женщина обратилась к толпе со словами, что «если бы ее муж, гренадер, был бы настолько подл, что хотел бы арестовать Друга народа, она сама раскроила бы ему череп»[333]. Один из современников передает нам еще следующий эпизод. В толпе рабочий, внимательно наблюдавший за действиями солдат, ругал агентов власти; его толкнул и оскорбил стоявший вблизи офицер национальной гвардии. Рабочий заявил с иронией, смешанной с горечью: «Ты хотел бы, чтобы мы бунтовали в интересах контрреволюции; тебе необходимо спровоцировать толпу, я это вижу. Великолепно! Мы сохраним выдержку, пусть лопнут от ярости все аристократы, представителем которых ты являешься»[334].

Руководители дистрикта решили действовать. Они созвали на 11 часов утра общее собрание дистрикта и пригласили судебного пристава Фонтэна еще до того, как он ушел в Шатле за новыми полномочиями; они пригласили на собрание даже начальника экспедиции, но он отказался прийти. Начальник батальона Кордельеров, Ла Вийет, жаловался, что он подвергается оскорблениям со стороны отдельных граждан; его обвиняют в том, что он пособник врагов. Но Дантон отклонил обсуждение «личного вопроса», он заявил собравшимся, что дистрикт защищает Национальное собрание против Шатле, Байи и Лафайета, и если явятся толпы из предместий, то это будет несчастьем, потому что не следует прибегать к насилию, а следует действовать только разумными доводами. Меньшинство собрания требовало, однако, энергичных мер сопротивления; оно призывало к оружию.

Собрание воздержалось от принятия решительных мер, оно ожидало прихода делегации, посланной Лафайету. Вернувшись, делегаты сообщили о весьма нелюбезном приеме[335]. Генерал, хотя и признавал патриотические чувства дистрикта, но требовал беспрекословного подчинения и выполнения приказа. Выжидали и начальники карательной экспедиции: «они боялись вызвать революцию»[336]. Даже глава экспедиции призывал Дантона к миру. В 4 часа дня один из приставов Шатле, Озан, получил приказ закончить операцию под свою личную ответственность. Эта директива была подтверждена особо Лафайетом и Байи. В 6 часов вечера судебные чиновники и начальники отрядов подошли к дому Марата и, несмотря на сопротивление толпы, вошли в дом. Марат, несмотря на тщатель-

ный обыск, не был обнаружен. Слуга Виктор Найе объяснил, что хозяин его ушел из дому давно, что его корреспонденцию они передавали одному из наборщиков его типографии. Лица, захваченные в квартире, были подвергнуты личному обыску. Обыскали квартиру в нижнем этаже и типографию. Обыски продолжались и в последующие дни, вплоть до 25-го числа. В понедельник, 25-го власти задержали торговца, который снабжал Марата бумагой; он подтвердил, что с 10 сентября по 23 ноября доставлял бумагу для газеты «L'Ami du Peuple» Марату, Дюфуру, Бюиссону — издателям газет. Но Марат не был обнаружен[337].

Твердость властей повлияла на поведение дистрикта Кордельеров. Дистрикт не решился перейти в наступление; он уже с утра, по существу, занял чисто оборонительную позицию. «Считая, что задачей граждан является не только поддержка закона, но и его выполнение, дистрикт отмечает, что граждане должны заботиться о сохранении личной свободы равно всех членов общества»[338]. На основании этого решения Кордельеры постановили уполномочить Дантона, Одота и Шефтеля явиться в Национальное собрание и добиться по спорному вопросу его решения как верховного учреждения. Адрес Национальному собранию, составленный Кордельерами, доказывал, что поведение дистрикта вызвано было насилием и незаконными действиями Коммуны, нарушившими постановление Национального собрания. Дистрикт в особом постановлении считал необходимым отметить, что им не было предпринято ничего для вооруженного сопротивления властям: «Под ружье не было поставлено ни одного лишнего человека»[339].

Национальное собрание в тот же день решило вмешаться в конфликт. После того как председатель изложил сущность дела, ряд ораторов выступил с осуждением поведения дистрикта Кордельеров. Один из них отметил, что кордельеры нарушили закон, объявил себя трибуналом, другие подчеркнули, что приказ об аресте был издан до опубликования закона и что последний не имеет обратной силы. Последний аргумент объединил большинство депутатов. Защита дистрикта депутатом Ревбелем не помогла. Некоторое успокоение внесло только выступление Ле Шапелье, который воздал должное дистрикту за его заслуги, но потребовал, чтобы собрание указало Кордельерам на их ошибку и потребовало выполнения приказа. Депутаты крайней левой в собрании не выступали. Победила точка зрения Ле Шапелье[340].

Национальное собрание обратилось к дистрикту с особым письмом, в котором на правах верховного арбитра (это соответствовало, как мы знаем, взглядам Кордельеров) указало на то, что недопустимо придавать декрету об уголовной юрисдикции

обратную силу; законы и приказы властей должны строго исполняться при всех условиях. «Вы были в заблуждении, когда в своем усердии и патриотизме потребовали предварительного ознакомления вас с декретом, исполнение которого на вашей территории предписано было властями». Излишнее усердие дистрикта послужило только причиной волнений и беспорядка. Декрет, принятый Национальным собранием, требовал выполнения приказа об аресте Марата. «Национальное собрание ожидает, — читаем мы в обращении, — от патриотов дистрикта Кордельеров, что они помогут выполнению приказа»[341].

Когда в 8 часов вечера общее собрание дистрикта под председательством Фабра узнало о решении Национального собрания, постановлено было послать двух делегатов к Лафайету и к дому Марата с указанием, что они не будут больше чинить препятствий для выполнения декрета. Граждане-кордельеры, оправдываются они, хотели только защитить постановление Национального собрания от 8—9 октября, которым осуществлен был ряд реформ уголовного кодекса; декрет этот был санкционирован королем 17 октября. «Мы не решаем и не исполняем закона, мы не защищаем Марата, мы только призываем закон на защиту граждан», — так умолял властей о пощаде «геройский» дистрикт Кордельеров.

Победители, однако, на этом не закончили преследования дистрикта. 27 января начато дело против Дантона; 17 марта был издан декрет о его аресте. Это вызвало новое движение кордельеров и в других дистриктах; они опасались расправы. Не забудем, что как раз в это время Национальное собрание, опираясь на Коммуну, окончательно решало вопрос о муниципальном законе для Парижа. Мы не можем здесь, конечно, подробно излагать «дело Дантона», которое было логическим продолжением судебной расправы «за дело Марата»[342]. Дистрикт Кордельеров в своем решении от 18 марта с отчаянием требует от Шатле прекратить преследование патриотов и в том числе Дантона только за то, что он высказывал свое мнение. Решено было обратиться за помощью к 54 дистриктам, к провинции и к Национальному собранию[343]. В адресе последнему Кордельеры готовы отказаться теперь даже от той меры оппозиции, какую они разрешили себе в январе. «Разве может активный гражданин, — жалуются они, — который решает в маленьком собрании общественные дела, подвергаться преследованиям трибунала?»[344]. В этом духе высказались в защиту Дантона 22 дистрикта из 34. Все они просили Национальное собрание освободить от преследований Дантона как законопослушного гражданина. Дело Дантона было прекращено[345].

Документы не дают нам возможности выяснить, что́ делал Марат в день 22 января. По всей вероятности, лишенный активной поддержки радикального меньшинства дистрикта, он не смог предпринять ничего реального. О его поведении в этот день и его оценке положения дел дает нам представление написанная им в Англии брошюра «Призыв к нации» [346]. Рассказывая подробно историю своих преследований с сентября по январь 1790 г., Марат с большими подробностями рисует похождения карательной экспедиции 22 января. При обыске квартиры солдаты гарнизона Генриха IV действовали, как на завоеванной территории. С трудом они обнаружили в помещении, в ларьке с яблоками, ряд спрятанных Маратом документов против Неккера, комплект газеты и начатую им «Историю революции». Подобному же разгрому подверглись типография Марата и ряд других типографий в дистрикте по подозрению в том, что Марат печатал в них свою газету. Обыски и аресты продолжались всю ночь и в последующие дни, несмотря на существование закона, «запрещающего производить ночные обыски даже у публичных женщин».

Марат утверждает, что мотивы экспедиции не подлежат сомнению. Его хотели арестовать не потому, что он неодобрительно высказался о деятельности муниципалитета, а потому, что разоблачал Неккера и Лафайета. Для их защиты, для защиты правительства и аристократического порядка, как показывают события 22 января, власти готовы начать гражданскую войну. Против демократического дистрикта Кордельеров были пущены в ход дистрикты, офицерский состав которых рекрутируется из рядов дворянства или богатых буржуа и ремесленников. «Не будем обманываться: ... после нескольких месяцев, прошедших в ужасах голода и в чаду ложного торжества, мы опять в оковах и заковали нас именно те, кого мы избрали для охраны нашей независимости». Бессмысленно было бы надеяться на добродетель и справедливость властей: «не должно ждать ничего хорошего от блюстителей власти — должно принудить их выполнять свои обязанности...». А это возможно сделать, только свергнув их господство.

Марат решительно подчеркивает, что в грядущей революции неизбежно применение террора против врагов народа. «Поправить дело возможно лишь одним средством: назначить на краткий срок верховного диктатора, вручить ему всю полноту власти и поручить расправу с виновными. Две-три кстати отрубленных головы надолго остановят общественных врагов и на целые столетия избавят нацию от бедствий нищеты, от ужасов гражданской войны; но такие истины весьма далеки от наших губительных предрассудков». Дистрикты вели борьбу за осуществление демократии легальным путем, опираясь на закон и поддержку Национального собрания; Марат ведет борьбу за демократию, разрабатывая планы восстания и революционной власти, вырывающей с корнем старый порядок, и тех, кто защищает соглашение с ним после народной победы; Марат противопоставляет Национальному собранию власть революционного диктатора, закону — террор.

Кто этот «верховный диктатор»? Мы пока еще почти ничего не знаем об этом. Мы знаем только, что диктатор будет избран в дни восстания, он должен будет опираться на «общественную цензуру и государственный трибунал». Общественная цензура будет проводиться очищенными демократическими дистриктами и теми «патриотическими братствами», которые в этих дистриктах являлись революционным авангардом. Дальше Марат более точно поясняет свою мысль: «В дни бедствий богач и бедняк равно шли с оружием в руках на совместную защиту; страх заглушал всякие иные чувства в их душах. Но едва настала передышка, мелкие страсти дали знать о себе, люди стали внимать лишь гласу пустого тщеславия, богатые снова начали презирать бедных, и хорошо одетый человек уже не захотел идти в ногу с человеком в лохмотьях». Эти «граждане в лохмотьях» и являются, по его мнению, подлинной опорой революции.

Революционная мысль Марата о диктатуре конкретизируется постепенно, в ходе революционной борьбы. Призывая народ к восстанию, он не может обойти молчанием ту умеренность и нерешительность, которую проявили демократические дистрикты. «Друг народа удручен вашей слепотой, вашей беспечностью, вашей растленностью, — обращается Марат к дистриктам —... Но близится день, когда бремя обездоленных масс станет невыносимым. Окажется ли тогда народ способным к сопротивлению?» «Когда жизненный сон мой придет к концу, — пишет Марат в «Appelà la Nation», — я не стану сетовать на свое скорбное бытие, раз я поработал на благо человечества, раз я оставил по себе имя, чтимое даже злодеями и любимое людьми честными».

Марат рассказал нам, как ему удалось скрыться от полиции и войск. В августе 1790 г. он сообщил К. Демулену «несколько анекдотов... о своей тревожной жизни за время революции». Вот этот рассказ:

«22 января, когда министр финансов, мэр и главнокомандующий послали для нападения на меня целую армию, я находился в соседнем переулке и спал, как вдруг молодой человек, служащий у меня по письменной части, прибежал ко мне и со слезами на глазах объявил, что дом мой окружен несколькими батальонами. Мой хозяин тут же вошел в мою комнату вместе с женой, они были потрясены и хотели говорить, но вместо слов издавали только стоны. «Успокойтесь, — бросил я им, — все это пустяки». Я вскочил и потребовал, чтобы меня оставили в покое. Никогда

я не бывал так хладнокровен, как среди окружающих меня опасностей. Не желая выходить в беспорядке из опасения возбудить подозрение я тщательно оделся. Я надел сюртук, круглую шляпу, принял веселый вид и отправился в направлении Гро-Кайо сквозь отряд гвардии, посланной арестовать меня. Дорогой я старался развлечь моего спутника и сохранял прекрасное расположение духа вплоть до 5 часов вечера, когда мне должны были подать корректуру моей газеты, где я давал отчет о знаменитой экспедиции. Однако никто не приходил. Я почуял угрожавший мне удар; на другой день утром я узнал, что типография моя опечатана. День прошел для меня грустно. Путь мой пронюхали. Вечером дом был окружен шпионами, которых я узнал из-за жалюзи. Мне предлагали спастись с наступлением ночи через крышу. Но я прошел посреди них днем, под руку с одной молодой особой и идя самым спокойным шагом. Когда настала ночь, я отправился к большому бассейну в Люксембургском саду; там меня ждали два друга, которые должны были отвести меня к одной даме по соседству. Мы никого не застали дома, и я очутился на мостовой. Один из моих спутников расплакался; я своим смехом осушил его слезы; берем извозчика и я отправляюсь искать прибежища в недрах квартала Марэ. Прибыв на Гревскую площадь, я захотел посмотреть на фонарь, намеченный для меня два дня назад, и я прошел под этим фонарем. Добираемся до улицы Перль; у нового моего хозяина гости, среди которых одно лицо мне несколько знакомо. Чтобы сбить с толку любопытных, надо было притвориться веселым и веселье пришло само собой. После пятнадцатиминутного разговора я на ухо спрашиваю у хозяина, уверен ли он в такой-то личности. «Как в себе самом». — «Отлично». И я продолжал разговор. *Я поужинал и отправился спать. Посреди ночи под моими* окнами останавливается отряд конницы. Я вскакиваю, приоткрываю окно. Вижу, никто не спешился; я преспокойно опять иду спать до завтра, когда надо было ретироваться...» [347].

Почти целый месяц после экспедиции Марат скрывался в окрестностях Парижа. Он попытался судебным порядком получить захваченные у него при обыске материалы. Но безнадежно. При многочисленных обысках у него пропала рукопись начатой им «Истории революции», переписка с испанской Академией наук, письма Франклина, частная переписка [348].

После экспедиции Марат 17 февраля в письме к парламентскому прокурору Кэнке де Монжуру окончательно отказывается от ведения процесса и уезжает в Англию [349]. Здесь Марат остается около трех месяцев и 19 мая 1790 г., вернувшись в Париж, возобновляет выпуск своей газеты [350]. Но даже в изгнании Марат не прекращал своей революционной деятельности. Он продолжает разоблачение судебного порядка, установленного победившей буржуазной аристократией, продолжает, считая это своей центральной задачей, борьбу с Неккером и его правительственной системой. Последняя задача стала основной для него в первой половине 1790 г., подобно тому как борьба с Лафайетом и военной политикой Национального собрания занимает его внимание во вторую половину 1790 г.

Мы займемся в свое время внимательным разбором этой эпохи в истории маратизма; сделаем здесь несколько кратких

замечаний о брошюре «Письмо Марата, Друга народа, содержащее некоторые соображения о судебном строе», о которой мы упоминали в первой главе [351]. Брошюра содержит дополнительные итоговые замечания о борьбе с победителями 1789 г. Разоблачая судебный деспотизм, Марат требует уничтожения судейского сословия «судей, по профессии», он протестует против частичного обновления этой касты, считая, что и в этом деле нужна революция. Но не подлежит сомнению, что демократический суд может быть создан только в демократическом государстве. Во Франции, однако, где еще недавно муниципалитет и Национальное собрание ожесточенно боролись с «перманентностью дистриктов», господствует аристократия. Дело Дантона в марте-апреле 1790 г. свидетельствует об этом с особой убедительностью. Марат из Англии обращается к дистриктам с предложением энергично защищать Дантона, исправить ошибки январских дней — и победить. Жизнеспособность и революционная активность дистриктов есть решающая предпосылка демократической конституции. Может ли быть заменена активность дистриктов ответственностью агентов власти, как предлагают умеренные? Конечно, нет. Потому что *ответственность является лишь призрачной уздой там, где* у народа нет в руках силы. «Сколько раз вы испытали это сами на горьком опыте», — обращается Марат к населению дистриктов [352]. Против парламентского способа борьбы с правительством за мобилизацию и организацию революционных сил и подготовку нового всеобщего восстания — таков был конечный вывод Марата, таков урок событий 1789 г.

17

В заключение отметим, как реагировали современники на выступления Марата в «первый год свободы». Байи в своих мемуарах, рассказывая о первых столкновениях Марата с Коммуной, вынужден признать, что он в своих обвинениях отдельных членов был иногда прав, «но это не было, — замечает Байи, — правилом» [353]. Мемуары Лафайета, как и Байи, упоминают о Марате мимоходом; маркиз считал Марата «наполовину сумасшедшим» [354]. Подобное же пренебрежительное отношение к Марату характерно, как известно, для всей мемуарной литературы власть имущих, освещающей события первого года революции. Газета Горза от 12 октября 1789 г. обратилась к гражданам со специальным воззванием, в котором клеймит Марата за его «возбуждение граждан друг против друга и за кровавые призывы, нависшие, подобно топору, над головами самых уважаемых людей общества» [355]. Естественно, что Горза в январские дни всецело встал на сторону карательной экспе-

диции. В особом обзоре газета дает подробное описание событий 22 января и добавляет: «Имя Марата издавна презирается всеми честными людьми или используется ими только как бранная кличка... Марат призывает к убийствам и бунту; он всегда руководит мятежной толпой. Его агитация представляет для свободы не меньшую опасность, чем деятельность реакционеров» [356].

Иную позицию в отношении Марата заняла демократическая пресса. В ноябре—январе произошло объединение демократов на почве защиты прав дистриктов. Процесс дифференциации в их среде только начался; К. Демулен считал себя в это время соратником Марата. Сохранилось письмо Марата к Демулену от 28 декабря, в котором первый выражает свое согласие на общее политическое выступление [357]. «Все, у кого есть душа, — мои друзья; а вы стоите во главе тех, кто показал себя с лучшей стороны; я с удовольствием соглашаюсь на ваше предложение». Но солидарность между Демуленом и Маратом не шла дальше защиты последнего, поскольку нарушались законы о свободе печати или поскольку надо было защитить дело дистриктов от произвола муниципалитета. Ни в отношении задач революционной борьбы, ни в отношении путей их осуществления между ними не было солидарности. Когда Марат выступал с резким осуждением агентов муниципалитета, когда он потребовал революционной расправы с одним интендантом, виновным в покушении на «оскорбление нации», Демулен писал: «Г-н Марат делает, правда, всегда чересчур крайние выводы, но на сей раз я далек от его взглядов» [358]. Так реагировал Демулен на первые выступления Марата.

В связи с январскими событиями он дал развернутую оценку Марата. «Я сказал однажды Марату, — писал Демулен, — впервые увидев его, что его выпады, одинаково резкие и против Байи и против Неккера, создают легенду, будто он орудие контрреволюции» [359]. Марат решительно опроверг это утверждение, сославшись на заключительный абзац своего памфлета против Неккера, в котором он отвечает всем клеветникам, обвиняющим его в продажности. «Марат — несколько экзальтированный, но честнейший журналист», — утверждает Демулен. Это было личной защитой Марата, но не выражением политической солидарности. Оставаясь верным самому себе, Демулен одобрил решение Национального собрания от 22 января, считая, что оно должно удовлетворить кордельеров [360].

По существу ту же позицию занял наиболее солидный орган демократической оппозиции — газета Лустало. В своем обзоре за 2 октября Лустало выражает сочувствие Марату, преследуемому в качестве журналиста, но оправдывает и Байи. Нет основания утверждать, заявляет Лустало, что пенсионеры короля не должны стоять во главе выборной власти; нужно строго различать личные качества человека и его звание. Ложно также утверждение Марата, что Байи захватил в свои руки всю власть. Лустало выражает некоторое сомнение в чистоте тех принципов, которые защищает Марат. Он даже утверждает, что сам Жан-Жак Руссо на посту мэра вел бы себя не лучше Байи. Редактор рекомендует Марату хладнокровие и умеренность [361].

Лустало скоро вновь возвращается к Марату. В статье «Affaire de M. Marat» он рассказывает читателю о той кампании разоблачений, которую открыла газета «L'Ami du Peuple» против Байи, Неккера, Лафайета, против агентов Коммуны и специально против Жоли. Лустало готов даже согласиться по существу с теми обвинениями, которые Марат выдвигает против Неккера, но он не может признать его методов агитации, которые характеризуются врагами народа как призыв к бунту. Преследования Марата, однако, нарушают свободу слова, и это главное, если даже его аргументы нелепы [362].

Дело Марата в январе 1790 г. снова заставило Лустало заняться этим «политическим феноменом». Ведь судьба Марата была теперь теснейшим образом связана с будущим дистриктов, этой опоры демократии, чьим идеологом выступал в газете Лустало. Он, конечно, одобряет решение Кордельеров. Решение это «не имеет в виду помешать торжеству закона, но лишь пытается не допустить излишеств, которые в эпоху революционного кризиса могут все опрокинуть». Редактор газеты спешит, однако, предупредить возможные недоразумения: защита Марата не означает солидарности с его политической позицией: «не следует отсюда делать вывод, что мы одобряем метод, каким Марат оценивает и описывает события и людей...» [363].

Но особенно примечательно следующее замечание в статье: «Утверждают, что посылка войск для ареста Марата необходима была потому, что было основание опасаться восстания народа в его защиту. Пустяки! Народ в наше время настолько просвещен, что не станет бунтовать из-за писателя». Храбрый журналист должен лучше пострадать, чем быть причиной восстания», — авторитетно заявляет Лустало [364].

Марат и Лустало различно понимали задачи журналиста: для одного газета была орудием организации революционной борьбы и руководства ею, для другого — средством легальной оппозиции. Нельзя не согласиться с одним из историков дистрикта Кордельеров, который утверждал, что «в 1789 г. принципы Марата были принципами 1793 г. Режим террора воцарился бы в это время, если бы народ последовал на ним» [365].

Каковы бы ни были разногласия в среде демократов, реакция не щадила и тех, кто пытался остаться на позициях стро-

гого легализма. Мажен, офицер национальной гвардии, послал Лустало 5 февраля письмо, в котором обвинял его, что он хочет стать «маленьким Маратом». «Не пытайтесь, — убеждал Мажен Лустало, — Марат не пишет больше; с Вами может приключиться то же самое».

Окончательный проект муниципального закона для Парижа, принятый 21 мая 1790 г., несмотря на сохранение видимости широкой свободы Коммуны и ее округов, фактически означал до поры до времени ликвидацию дистриктов как центров революционной борьбы формирующегося государства демократии; дистрикты были заменены секциями. Разработкой муниципального закона для Парижа руководили аристократические дистрикты во главе с Байи [366]. Поражение дистриктов в январе 1790 г., таким образом, было началом политической реакции: буржуазно-аристократический режим победил.

Биография Марата может быть написана только на основе изучения истории революционного движения крестьянства, мелкой буржуазии и городской бедноты. Задача второй главы сводится к тому, чтобы проанализировать публицистику Марата как один из моментов революционной деятельности народных низов в демократических дистриктах Парижа в первые годы революции. Анализ массового движения городского и деревенского плебса в 1789 г. приводит нас к выводам Ленина о роли плебейских масс в буржуазной революции, доказывая неоспоримость этих выводов на основе анализа богатейшего фактического материала истории Французской революции уже в самом ее начале (в 1789 г.). Мы сможем, таким образом, выяснить генезис той революционной диктатуры 1793—1794 гг., которую Ленин определял как революционную власть угнетенного класса, как диктатуру «общественных низов пролетариата и мелкой буржуазии, в великой французской революции» («Кто за союзы с кадетами?». — Соч., т. 11, стр. 38). Только якобинская диктатура превратила буржуазную революцию XVIII в. в великую революцию, «образец самого глубокого и широкого демократического движения масс» («О «Вехах»». — Соч., т. 16, стр. 110). Якобинская диктатура дает основание говорить о революции конца XVIII в. как об одном из величайших событий истории. «Возьмите, — говорил Ленин, — великую французскую революцию. Она недаром называется великой. Для своего класса, для которого она работала, для буржуазии, она сделала так много, что весь XIX век, тот век, который дал цивилизацию и культуру всему человечеству, прошел под знаком французской революции. Он во всех концах мира только то и делал, что проводил, осуществлял по частям, доделывал то, что создали великие французские революционеры буржуазии, интересам которой они служили, хотя они этого и не сознавали, прикрываясь словами о свободе, равенстве и братстве» («I Всероссийский съезд по внешкольному образованию». — Соч., т. 29, стр. 342).

Господство плебейских масс в революции является, однако, темой, выходящей за пределы задач нашего исследования. Диктатура плебейских масс началась летом 1793 г., к моменту смерти Марата. История этой диктатуры связана с событиями второго года республики. Но и в первые годы революции, в период, когда буржуазия была руководящей силой событий, плебейские массы решали вопрос о ходе и исходе событий. Между демократией и либералами даже в это время существует резкая разница. «Либерал, — писал Ленин, — не только не добивается полного уничтожения всех средневековых привилегий, а прямо *защищает* некоторые и весьма существенные привилегии, стремясь к тому, чтобы эти привилегии были разделены между Пуришкевичами и Милюковыми, а не были устранены вовсе» («Кадеты и аграрный вопрос». — Соч., т. 18, стр. 255). Ленин уточняет свою мысль в отношении Французской революции: «Либеральная буржуазия во Франции начала обнаруживать свою вражду к последовательной демократии еще в движении 1789—1793 годов» («Принципиальные вопросы избирательной кампании». — Соч., т. 17, стр. 368).

Это указание служит для нас руководящим при исследовании событий предыстории якобинской диктатуры. Ленин утверждал, что опыт 1789 г. и следующих лет говорит: «... Власть лишь тогда переходит к либералу (или левее), когда побеждает демократия *вопреки* либералам» («Плохая защита либеральной рабочей политики». — Соч., т. 17, стр. 500). Ленин раскрывает классовое содержание этой демократии. Касаясь «буржуазно-демократического переворота» 1789 г. во Франции, Ленин пишет, что он был «проведен хотя бы в известной части активно-революционной массой народа, рабочих и крестьян, отодвинувших, хотя бы на время, в сторону солидную и умеренную буржуазию...» («Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа?». — Соч., т. 9, стр. 217). Этим массам пришлось бороться против аристократической конституции 1791 г. и против социально-экономического законодательства, направленного на эксплуатацию трудящихся. Если революция, как мы увидим дальше, не остановилась на этой конституции, более того, если события 1792—1793 гг. дали возможность буржуазной власти укрепиться, то это случилось потому, что «только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию...» («К оценке русской революции». — Соч., т. 15, стр. 43—44). Ленин рассматривает

это как «один из законов развития буржуазного общества» (там же, стр. 43).

Подчеркивая роль и значение плебейских масс даже на первом этапе буржуазной революции, Ленин отмечает решающее значение крестьянства в рядах плебейской оппозиции. «... Основой полного осуществления демократического переворота, — писал Ленин, — является создание свободного класса крестьянства... Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот... Крестьяне — «самые естественные» союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она «бессильна» против реакции» («Две тактики социал-демократии в демократической революции». — Соч., т. 9, стр. 114). Крестьянство играло, как мы видим из материалов второй главы, решающую роль уже в первые месяцы революции после 14 июля, в связи с событиями 4 августа, в последующие годы, вплоть до установления диктатуры и во время диктатуры плебейских масс. «Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области» («О революционной фразе». — Соч., т. 27, стр. 4).

Во второй главе мы анализировали статьи Марата в связи с событиями 4 августа — мы показали, какую позицию он занял в вопросах образования фонда национальных имуществ, в борьбе против фиска; во всех этих вопросах он был на стороне «мятежа против закона и собственности». К этому вопросу нам придется еще вернуться в дальнейшем, в связи с обсуждением социально-экономической программы Марата 1789—1791 гг. До сих пор классовая борьба во французской деревне за первые годы революции изучена недостаточно. Но, как показывает последняя работа Лефевра о «великом страхе», без истории крестьянского восстания, начало которому было положено разгромом замков еще летом 1789 г., торжество революции было невозможно.

Для понимания роли Марата в революционных событиях первого года революции решающее значение имеет изучение роли плебейских элементов города. Ленин неоднократно подчеркивал революционную роль этой плебейской оппозиции и ее союзника — мелкой буржуазии в XVIII в. «Именно ремесленники, — писал он, — даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма» («Шаг вперед, два шага назад». — Соч., т. 7, стр. 221). В этом отношении, как мы знаем, взгляды Ленина всецело совпадают со взглядом Энгельса и являются их дальнейшим развитием. Ф. Энгельс писал в письме к Каутскому 20 февраля 1889 года: «Здесь следовало бы все же в той или иной мере указать, *каким путем* эти, стоящие вне сословного порядка, бесправные и поэтому в известной мере находящиеся *вне* закона плебеи, лишь в ходе революции постепенно пришли к тому, что ты именуешь «санкюлотизмом»., а также, какую роль они играли... Тогда попросту окажется, что буржуа на этот раз, как и всегда, были слишком трусливы, чтобы отстаивать свои собственные интересы; что, начиная с Бастилии, плебс должен был выполнять за них всю работу; что без его вмешательства 14 июля, 5—6 октября, 10 августа... и т. д. феодальный режим неизменно одерживал бы победу над буржуазией, коалиция в союзе с двором подавила бы революцию и что, таким образом, только эти плебеи и совершили революцию» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 81).

Таким образом, учители научного социализма единодушно подчеркивают роль и значение предпролетариата как руководителя парижских предместий. Здесь при этом важно подчеркнуть, что Ленин четко разграничивал плебейские элементы и городскую мелкую буржуазию, выделяя в рядах последней пролетарские и предпролетарские группы населения. В споре с меньшевиком Левицким по вопросу о гегемоне буржуазно-демократической революции он выразил эту мысль с полной четкостью: «Г. В. Левицкий рассуждает вполне как либерал... У него нет никакого представления о том, что «центром притяжения для демократического крестьянства» *должна была бы стать* совсем иная социальная категория, чем городская буржуазная демократия. Он забывает, что это «долженствование» *было* действительностью в течение крупных исторических периодов и Англии, и Франции, и России, — причем в последней стране периоды эти были крупны по значению, но малы по времени, а в первых двух странах большей частью демократическое, ультрадемократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы «низов»» («О старых, но вечно новых истинах». —Соч., т. 17, стр. 184). Говоря о Конвенте, Ленин подчеркнул, что «Конвент был именно диктатурой низов, т. е. самых низших слоев городской и сельской бедноты» («Доклад об Объединительном съезде РСДРП». — Соч., т. 10, стр. 339).

Первый год революции был годом, когда началась революционная деятельность плебейских масс и ее вождя Марата. В последующие годы роль плебейской оппозиции становилась все активнее. Чтобы понять значение плебейских масс осенью и зимой 1793 г. и событий так называемой «эбертистской революции», следует внимательно изучить роль предместий в 1789 г., причем марксисту здесь следует избежать ошибок Е. Тарле,

который экономическое движение, борьбу рабочих 1789 г. представлял как чисто экономическое движение. Наша задача сводится к тому, чтобы подчеркнуть политическую роль плебейских масс, ибо только в свете их политической борьбы станут ясными для нас их экономические требования. Для этого необходимо было изучить историю муниципального движения 1789 г. и прежде всего историю дистриктов, о которых Ленин писал: «... История подтверждает ту, самоочевидную, впрочем, истину, что только полная и решительная победа восстания обеспечивает вполне возможность организации действительного самоуправления» (Соч., т. 9, стр. 197). При этом муниципальную революцию необходимо изучить под углом зрения классовых конфликтов среди буржуазной демократии, твердо помня, что роль либералов в этом движении резко отличалась от роли мелкобуржуазных демократов и прежде всего, конечно, от роли вождей плебейской оппозиции. История борьбы Кордельеров с Коммуной Парижа, история деятельности Марата в первый год революции служит для нас блестящим подтверждением указаний Ленина. Указания эти помогают нам исправить ошибки, допущенные в работах Тарле или такого новейшего историка рабочего движения эпохи революции, как Сарро, для которых экономическое движение трудящихся было отделено от политической истории революции этих месяцев. Но взятие Бастилии 14 июля, поход на Версаль 5—6 октября, борьба против цензовой избирательной системы, против военного закона, ожесточенная война дистриктов с Коммуной Парижа — все это свидетельствует о том, что рабочие массы — активная часть плебейской оппозиции — сыграли решающую роль для укрепления побед революции на первом ее этапе. На основе анализа движения плебейских масс 1789 г. мы и поймем сущность революционной агитации Марата — его газеты, брошюр и памфлетов, наконец, смысл его практической деятельности как революционера в предместьях Парижа.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ПЛЕБЕЙСКОЙ ОППОЗИЦИИ 1789—1791 гг.

I

Защита прав дистриктов была для Марата, как мы видели, выполнением частной задачи; новая революция, бурное и всеобщее народное восстание должно было покончить с Национальным собранием и Коммуной, очистить дистрикты от враждебных элементов. Такова была его политическая программа к началу 1790 г. Но этим он не ограничил свои революционные задачи. «Марат первый поставил — и мы видели, с какой энергией и страстью — политический и социальный вопрос». Это не мешает А. Олару, сделавшему столь удачное замечание о революционной деятельности Марата в 1789—1790 гг., добавить, что программа Марата была «цезаристской» в отличие от либеральной программы большинства демократов [1]. Что представляло собой учение Марата о диктатуре в революции плебейских масс, мы выясним в дальнейшем. Либерал Олар — и не только он один — спутал два понятия — цезаризм и революционную диктатуру. Но не подлежит сомнению, что уже с конца 1789 г. и особенно в 1790 г. Марат тщательно разрабатывает свою социально-экономическую программу революции. Какова бы ни была оценка этой программы, наша задача тщательно ее проанализировать.

Еще в сентябре-октябре 1789—1790 гг. Марат начал свое наступление против продовольственной и финансовой политики Неккера, этого идола первых дней революции, «обожаемого министра» [2]. В нападении на Неккера в конце 1789 г. не было ничего исключительного, недоверие к нему было распространено в самых широких кругах, популярность его падала изо дня в день вместе с крахом его экономической политики. Ближайшие месяцы принесли с собою переворот в финансовой политике государства и заставили теоретиков и публицистов выступить со своим объяснением дефицита и с предложением мер к восстановлению нормального хода хозяйст-

венной жизни в стране. Не в ночь на 4 августа, а 2 ноября, когда решена была судьба земель духовенства, положено было начало осуществлению экономической программы буржуазии во Франции. С этим было связано и решение продовольственного вопроса, прежде всего финансовой проблемы — «спасения государства от банкротства»; настоятельного решения требовали крестьянский и рабочий вопросы. Неудивительно, что в эти месяцы мы встречаемся с новым оживлением социальной мысли в стране, публицисты и политики, каждый соответственно своим классовым убеждениям, предлагают свое разрешение проблемы, свой проект уничтожения нищеты. Марат предложил свои проекты; анализ их для нас представляет больший интерес, чем те перипетии личной борьбы Друга народа и Неккера, которые поглощали до сих пор внимание биографов Марата и историков революции.

Неккер был не только государственным деятелем, практиком: он выступал в свое время и теоретиком по всем вопросам революции, наилучшим образом отражая интересы буржуазной аристократии, стоявшей у власти во Франции. Выяснить его взгляды и противопоставить их взглядам Марата представляет значительный интерес.

В своих первых литературных опытах, еще задолго до революции Неккер выступил как социальный мыслитель. В трактате «О законодательстве и торговле хлебом» Неккер говорит о двух классах нации, чьи интересы не совпадают, — о собственниках и народе [3]. «Между двумя этими классами, — писал он, — в обществе возникает нечто вроде жестокой битвы, в которой нельзя учесть число жертв и где сильный угнетает слабого под прикрытием закона»[4]. Центральная проблема народной нужды — это вопрос о хлебе. Но при разрешении этого вопроса не следует применять принципов в их чистом виде. Отбросим прежде всего в наших рассуждениях все законы абсолютного характера; они не могут длительно применяться, и если хочешь найти выход из беды в применении нового абсолютного закона, то неизбежно попадешь в другую беду»[5].

Неккер весьма рано обосновывает полезность о п п о р т у н и з м а с точки зрения государственного деятеля. Отмечая деление наций на два класса — собственников и народ, он категорически настаивает на абсолютной неизбежности подобного строения общества. Порядок и внутреннее спокойствие общества зависят прежде всего от сохранения гражданского порядка. Религия является необходимым орудием закрепления социального неравенства[6]; средство это не менее сильно действует на успокоение умов, чем изобилие хлеба. «Гражданские законы увеличивают или сохраняют неравенство распределения благ, религиозные идеи смягчают горечь

подобного неравенства»[7]. «Бог богатых должен поэтому стать богом бедных», но эта философская максима не противоречит первому положению о том, что государство во имя общественного порядка должно заботиться о доставлении хлеба беднякам. Одно дополняет другое: необходимо принять срочные меры для гарантии общества от социальной неурядицы, грозящей стране восстанием бедняков [8].

Эта проблема привлекает внимание Неккера и в годы революции. Когда он подводит спустя некоторое время итоги своей деятельности, он возвращается прежде всего к тому же вопросу «об экономическом и политическом равенстве». В своих «Философских рассуждениях о равенстве»[9] он обращает внимание читателей на то, что широко распространенная в массах идея равенства — основная причина, препятствующая установлению «социальной дисциплины» [10]. Народные массы должны быть связаны с существующим строем неравенства не столько разумом, сколько чувством; массы должны сжиться с той истиной, что власть, образование и мудрость не могут принадлежать в равной мере всем классам общества [11].

Для Неккера очевидно, что идея порядка существовала раньше, чем идея собственности, и что общественная гармония заключается в правильном сочетании экономического и политического неравенства. Свобода и равенства — различные понятия, и безграничная свобода представляет собою меньшую опасность, чем равенство. Для Неккера при этом политическое равенство, демократия отождествляется с экономическим равенством. То и другое предполагает «революционное состояние Франции». «Власть в государстве должна принадлежать крупным собственникам. Человек, который не является собственником, не является полным гражданином, потому что он не заинтересован в значительной части общественных дел» [12].

Неккер, оставаясь последовательным, делает упор на укреплении исполнительной власти за счет законодателей, второй палаты, состоящей из крупных землевладельцев, за счет первой. Самая нелепая черта в деятельности Национального собрания — это именно попытка утвердить во Франции «демократическую монархию». «Только монарх, обладающий всей полнотой власти и могущества, — гарантия сохранения социального равновесия в обществе» [13]. В чем секрет монархической власти, Неккер сообщил нам еще до революции: «Король содержит солдат за счет налогов, а эти налоги он собирает с помощью солдат, при взаимодействии этих двух факторов он стал и остается господином над всеми». Против этих двух опор старого порядка Марат в ближайшее время и направит свои удары.

Неккер готов был приписать себе честь созыва Генеральных штатов. Он дает следующую периодизацию истории первых двух лет революции: «Все решающие политические ошибки с момента открытия Генеральных штатов до революционных событий в июле 1789 г. следует приписать первым двум сословиям; но после этой эпохи народная партия, партия, восторжествовавшая в Национальном собрании, несет ответственность за все ошибки политических решений, которые привели к полному распаду монархии и торжеству губительных принципов. . .»[14]. Эти принципы положены прежде всего в основу экономического законодательства революции. Между Неккером и Ферраном, автором книги «Теория революции», которую мы цитировали выше, полное единодушие; их обоих объединяет общая независимость к революции.

Но мы не дали бы даже краткой характеристики экономических воззрений Неккера, если бы не обратили внимания на основную идею, отличавшую его взгляды от взглядов либеральной буржуазии: Неккер был ожесточенным противником свободной торговли. Роль и значение государственной власти при разрешении экономических вопросов и прежде всего роль снабжения населения хлебом отмечалась им еще задолго до революции[15]. Он повторил эти же мысли и позже в годы революции, подводя итоги своей деятельности[16]. Повышение цен на хлеб собственниками земли, протестующими против подобного же повышения цен на предметы промышленного труда (в интересах индустриальных классов), нарушает нормальные отношения между двумя основными классами общества, думает Неккер. Правительство может в интересах потребителей запретить вывоз хлеба, может заставить собственников земли считаться с Францией как с единым рынком. Необходимо раз навсегда точно установить грань между свободой торговли и злоупотреблениями ею[17]. Общество вручило министрам полномочия следить за подобными злоупотреблениями и бороться с ними. В конце концов, столь же неосновательно утверждать, что свобода торговли даст стране хлеб, как и настаивать на том, что финансовый кризис может быть разрешен выпуском бумажных денег. В том и в другом случае свобода действий исполнительной власти является необходимой предпосылкой успеха[18].

Эти принципы определили социально-экономическую политику правительства 1789 г. после 14 июля и 5—6 октября. В этой политике была своя классовая логика, и абсолютно ошибочным является утверждение, что она была результатом растерянности королевской власти, ее страха перед революцией. Неккер пытался в своей финансовой и продовольственной политике укрепить господство буржуазной аристократии.

В мае-июне 1789 г., при открытии Генеральных штатов Неккер торжественно объявил о скором уничтожении дефицита при помощи частных мероприятий государственной экономии. Но уже спустя несколько месяцев стало очевидным, что министр не справился со своей задачей. Одни только «кричащие долги», по сообщению докладчика Национального собрания, маркиза Монтескье, достигали 900 млн. Было необходимо оплатить огромную армию рантье: предъявляли претензии откупщики, контролеры, приемщики налогов и пенсионеры государства; деньги нужны были для оплаты продовольственных агентов, огромные суммы требовались «пострадавшим» от реформ в первые месяцы революции: помещикам, судейской аристократии и т. д. Деньги необходимы были правительству для поддержания порядка в стране, тем более что революция все более и более углублялась, приближаясь к наивысшей стадии своего развития — вооруженному восстанию. Вопросы бюджета были вопросами ожесточенной классовой борьбы. Радикальное разрешение финансового вопроса предполагало полный разрыв со старым порядком. Но победители ставили вопрос иначе: они думали спасти положение частичными уступками: «Как покончить с тираническим режимом генеральных откупщиков, если не начать с уплаты должных им 200 миллионов? Как улучшить систему, если оставаться связанным с кредиторами долгом почти в 120 миллионов? И если, наконец, казна тщетно взывала о помощи в размере 170 миллионов, потребных на покрытие чрезвычайных расходов по бюджетам 1789 и 1790 гг., то... как жить?»[19]. В этом неумении и нежелании порвать со старым таилась основная причина кризиса.

Банкир, нажившийся состояние на спекуляции канадскими ценными бумагами, приложивший руку к делу разорения Ост-Индской компании, Неккер попытался разрешить финансовый вопрос путем займов[20]. 7 августа он потребовал от Национального собрания издания декрета о 30-миллионном займе; это было единственной возможностью для правительства продержаться ближайшие два месяца. Несмотря на возражения ряда депутатов, отмечавших, подобно Камюсу, что это значит вновь открыть источники для спекуляции, заем был вотирован. К концу августа было, однако, реализовано всего 2600 тыс. ливров из 30 млн. Буржуазия, победившая руками народа, не желала даже оплатить победы. Через некоторое время Неккер предложил новый заем в 80 млн. ливров. В защиту этого займа выступили Талейран и Марабо; они убеждали капиталистов, что заем пойдет на уплату долгов, но результат был все тот же. 12 марта 1790 г Неккер сообщил собранию, что реализовано всего 47 млн. ливров, а в октябре этого года —

не больше 52 млн. ливров. Буржуазия упорно отказывалась ссужать деньги новому правительству.

Франции угрожало банкротство. Надо было принять срочные меры. Буржуазии, не забудем, была чужда та мысль, которая понятна была даже умеренным демократам, — о возможности избежать банкротства только с дальнейшим углублением революции. «Не забудем, — писал Лустало, — что необходимость платить долги и недостаток денег — наиболее сильные препятствия, которые мы можем воздвигнуть деспотизму и аристократии. Недостаток в деньгах заставляет министров отказаться от того, чтобы обольщать наших депутатов и развернуть нашу военную силу... Дело народа должно быть не менее защищено, чем дело кредиторов государства» [21].

Иначе к этому относились крупные буржуа. Когда Неккер 24 сентября 1789 г. сообщил Национальному собранию, что финансовое положение государства «до последней степени тяжелое», депутаты были не на шутку обеспокоены. Неккер выразил общее мнение, когда сформулировал причины наступающего банкротства: основная причина кроется в непрекращающихся внутренних волнениях, в «длительной революционной ситуации». Капиталы исчезают из страны, металлические деньги пропали, необходимо, настойчиво повторял Неккер, принять меры, чтобы положить конец тому состоянию террора, который пугает капиталистов и который вскоре превратит столицу в место сборища рабочих без жалованья и без работы.

При всех практических разногласиях в этом пункте между депутатами царила полная солидарность. Революционное движение низов приводило к полному расстройству старый государственный аппарат в его наиболее чувствительном пункте: народ перестал платить налоги. Всеобщее восстание против фиска, анархия, которая повергла в ужас имущие классы Франции в 1790 г. и вызвала впоследствии взрыв бешенства у Тэна, стала реальной угрозой миру и порядку. «Страшная анархия — вот первый результат возрождения Франции, — писал дипломатический представитель Венеции на родину по поводу отказа населения платить налоги. — Нет ни исполнительной власти, ни законов, ни чиновников, ни полиции... Необходимо это видеть, чтобы в это поверить». Распад старого порядка стал фактом против воли всех тех, кто в 1789—1790 гг. возглавлял революцию. Весь смысл политической деятельности Национального собрания сводился к тому, чтобы обеспечить нормальное получение податей — предварительное условие успешности любого финансового проекта. «Без государственных доходов, — говорил Монгесье, докладчик Национального собрания по финансовым вопросам, — не может быть ни правительства, ни свободы. Успех революции теснейшим образом

связан с регулярностью взимания налогов, и только послушание, с которым гражданин выполняет свои государственные повинности, дает возможность распознать подлинного друга конституции». Разрешение финансового кризиса, с точки зрения господствующих классов, означало прежде всего ликвидацию революции и сохранение в значительной мере старой системы налогов. Когда 2 января 1790 г. главный контролер Ламбер жаловался в особом докладе Национальному собранию, что население не допускает восстановления старых таможен, собрание подтвердило свои решения о том, что оно сохраняет для 1790 г. старую налоговую организацию.

Но народные массы на этом не успокоились. Правительственные и муниципальные агенты не могли справиться с восставшими. Нередко крестьяне, как это имело место в общине Клион 13 июля 1790 г., требовали, чтобы налоги платили буржуа. В городах под давлением низов (в Руане 8 февраля, в Нейоне 17 мая) установлена была специальная такса на богатых в пользу бедных. Сопротивление городской бедноты разрослось во всеобщее восстание в Пикардии; оно нашло здесь вождя в лице Г. Бабефа. Бабеф предлагал оказать вооруженное сопротивление сборщикам налогов. Его арест 3 ноября 1790 г. не прекратил движения. Бабеф нашел последователей. В департаменте Соммы священник Мардюпль возглавил движение восставших бедняков против фиска; его примеру последовал кюре Лонгевиля, который с амвона в церкви прочел петицию Бабефа против налогов. «Убивайте, уничтожайте сборщиков налогов, дорогие мои братья, — обращался он к толпе. — Не давайте больше существовать подобным тварям, до последней капли крови деритесь, чтобы не допустить подобных декретов, и я пойду во главе вас». Национальное собрание и правительство были бессильны справиться с движением, которое в соединении с жакерией и борьбой за дешевый хлеб, за «право на труд» в городах представляло огромную социальную опасность для победившей буржуазии.

2

Неккер спешил, но он смог предложить собранию только закон о «патриотическом налоге» в размере четверти чистого дохода, за исключением тех лиц, чей доход был ниже 400 ливров. Министр выражал надежду, что богатые граждане будут вносить добровольные приношения и сверх этой суммы [22]. Но этот закон, подобно обычаю добровольных приношений драгоценностей на трибуну Национального собрания, был только заплатой на поношенном бюджете. Финансовый вопрос не был этим разрешен, государство приближалось к банкротству. Тогда Неккер выдвинул идею национального банка, вернее, преобра-

зования учетной кассы в подобный банк. Последний получил бы привилегию на 20—30 лет, выпустил бы гарантированные нацией бумаги на сумму в 240 млн. и расширил бы свои операции на всю Францию, выдав немедленно на срочные нужды государства 80 млн. ливров. Проект Неккера был построен все на тех же принципах: доверия и опеки кредиторов государства, сохранения за финансистами преобладающего положения в стране. Это одновременно усилило бы и мощь правительства.

Иными были требования и желания торгово-промышленной буржуазии. Мы не можем здесь, конечно, анализировать и излагать историю образования фонда национальных имуществ, историю ассигнатов, нам важно обратить внимание читателей на то, как вопрос этот политически ставился в публицистической литературе эпохи. Огромная масса брошюр предлагала разнообразные, нередко фантастические проекты решения экономической проблемы. В основном это брошюры трояко типа: одни охраняют прежде всего интересы капиталистов и рантье, другие заботятся о новом общественном порядке и изыскивают меры подъема торговли и промышленности, третьи, наконец, — их ничтожное меньшинство — выискивают средства, как уничтожить дефицит государства, обеспечив материальное благополучие беднякам [23].

Мнение первых было выражено в речи Дюпон де Немура, который возражал даже против патриотического налога; он заявил: «Наши богатые — это бедняки, у наших богачей нет денег, чтобы платить свои долги» [24]. Но гораздо более многочисленна была вторая группа. Она исходила в своих рассуждениях из положений А. Смита. Так, Клавьер еще летом 1789 г. доказывал французам необходимость слияния интересов собственников и рантье. Для Клавьера выход из кризиса — в свободной промышленной конкуренции, которая заменит войну между народами и внутри народов. Он высказывается против идеи национального банка именно потому, что до сих пор финансовая политика Франции велась не в интересах торговли и индустрии, а против нации в узко эгоистических интересах привилегированных [25].

К 1790 г. аргументы подобного рода начинают преобладать в буржуазной публицистике. Анонимный автор брошюры «Судьбы Франции» протестует против попыток жертвовать интересами торгового и промышленного населения в пользу капиталистов и финансистов. Он ссылается на А. Смита: организация национального банка означает создание благоприятных условий для биржевой игры, для понижения цен банковых обязательств, но в то же время и для повышения хлебных цен и, следовательно, для повышения цен на промышленные товары. Высказываясь против единого земельного налога, автор

цитируемой нами брошюры доказывает, что выход в конечном счете — в организации промышленной деятельности на основе широчайшего разделения труда, о котором говорит А. Смит; это разделение труда неизбежно приведет к замене ручного труда машиной. Только эти мероприятия обеспечат интересы всех собственников, в том числе и капиталистов [26].

Противопоставление капиталистов промышленникам характерно для литературы о финансовом кризисе. Рабо Сент-Этьен в марте 1790 г. высказывал опасение, не заинтересованы ли капиталисты в банкротстве. Он требовал подчинения интересов финансистов интересам всех собственников [27]. 9 апреля докладчик финансового комитета по вопросу об ассигнациях закончил свой доклад, зачитав ряд адресов; в них граждане столицы и других городов королевства, «заинтересованные в различных отраслях индустрии», требовали немедленного осуществления закона об ассигнациях, «если бы даже это нанесло вред капиталистам», заявляли они [28].

Мысль о бумажных деньгах, гарантированных нацией, выпуск которых находился бы в руках народного представительства, а не учетной кассы, даже реформированной, родилась раньше, еще до решения вопроса о конфискации земель духовенства. Реализовать эту мысль можно было, конечно, только после решения последнего вопроса. Прежде чем комитеты Национального собрания издали свой декрет об ассигнатах, размен которых был обеспечен земельной собственностью, публицисты предлагали собранию различные проекты. Некий автор, скрывшийся под инициалами, предложил создание «Совета нации» из представителей провинций, который основывает национальный банк и выпускает ассигнации, свободно обмениваемые на звонкую монету [29]. Но вот лионский негоциант идет дальше: он предлагает организовать в стране территориальные кассы, где кредитные сделки будут производиться на основе расчетов землей; кассы выпускают кредитные билеты, гарантируемые народом [30].

Все эти проекты в конце концов мало интересовали буржуазию. Ее представители стремились добиться выпуска ассигнатов под гарантией распродажи земель духовенства и тем самым укрепить связь между новыми собственниками и революцией [31]; повышением цен на землю создать избранную касту покупателей земли и всеми этими мерами добиться расцвета промышленности и торговли [32].

Талейран нашел классическую форму для объяснения мероприятий Национального собрания в области финансов. Он говорил в своей знаменитой речи: обычные средства восстановить наши финансы исчерпаны; нет выхода из кризиса; духовенство не является собственником своих имуществ; они были

ему переданы для выполнения определенных функций; если во Франции не хватит наличных денег, чтобы реализовать эту собственность, то кредиторы приобретут земли в покрытие своего долга; граждане будут заинтересованы в судьбах революции, стремясь приобрести новую собственность; огромные массы земли, пущенные в оборот, увеличат доходы нации; собственники тем охотнее будут приобретать эту землю, что они могут быть спокойны за свое состояние теперь, после победы революции [33].

Ж. Жорес с полным основанием цитирует как образец речь де Польвереля: он категорически отклонил всякого рода социальные проекты, которые кое-кто из депутатов и публицистов пытался связать с ноябрьскими и декабрьскими декретами о землях духовенства. Земля, даже ланды и болота не могут и не должны быть розданы беднякам. «Всякая нация должна заботиться о существовании своих бедных. Существует два класса бедных: здоровые и инвалиды. Первые должны жить своим трудом, вторые могут существовать только благодаря общественной помощи. Но нищенство должно быть запрещено как тем, так и другим». Де Польверель высказывается против всяких рассрочек платежей за покупаемую землю: «Я полагаю, — говорит он, — что для общественного блага и для земледелия имеет большое значение превращение в земельную собственность накопившихся в кассах и портфелях банков денег, а также обратное привлечение в обращение давно зарытых капиталов». Могла ли поколебать эти убеждения буржуазии реакционная публицистика, которая вслед за аббатом Мори предсказывала, что назначенные на продажу земли станут достоянием спекулянтов и капиталистов, или повторяла его лицемерные жалобы «на страдания рабочих, для которых ассигнаты означают голод, в то время как фабриканты будут обогащаться»? [34]

Не подействовало на решения собрания и выступление представителей оппозиции из собственной среды. Сийес остался в одиночестве, когда в момент острого кризиса предупреждал буржуазию не затрагивать чужой собственности. «Коллективная собственность, — говорил он, — столь же неприкосновенна, как и собственность индивидуальная». Оставлены были без внимания и аргументы Дюпона де Немура, экономиста-теоретика, который предупреждал, что обилие ассигнатов приведет к новому расстройству финансов. Выбирать приходилось между ассигнатами и банкротством в обстановке непрекращающейся революции; собрание решило заменить жалкие мероприятия Неккера постановлением о новой системе финансовой политики на основе экспроприации земель духовенства, одного из господствующих при старом порядке привилегированных сословий [35].

Необходимо, однако, подчеркнуть, что даже это решающее социально-экономическое мероприятие буржуазии было принято под давлением революционных низов. 2 ноября закон о землях духовенства был издан под давлением толпы, угрожавшей спокойным работам представительного собрания. Нет возможности из-за отсутствия документов детально выяснить участие дистриктов Парижа в реализации ноябрьских и декабрьских декретов. Некоторый свет на этот вопрос бросает, однако, вмешательство Байи и Коммуны. Решение о распродаже земель на 400 млн. ливров оставалось нереализованным до тех пор, пока 10 марта 1790 г. Байи согласно решению совета Коммуны не выступил в Национальном собрании с предложением взять на себя реализацию земель на 200 млн. с тем, чтобы общее руководство операциями было передано муниципалитету. Предложения Байи встретили сопротивление и стали законом только 17 марта [36].

Что руководило мэром Парижа, когда он с исключительной настойчивостью добивался немедленного осуществления законов об ассигнациях? Он рассказал об этом в своей речи в Национальном собрании от 16 апреля в связи с требованием торговцев Парижа немедленного выпуска бумажных денег. Необходимость снабжения Парижа становилась все более и более настоятельной; но для этого муниципалитету необходимо было в год по крайней мере 300 млн. ливров. Обыкновенно эти деньги получались как налоги, но в настоящее время их больше нет, налоги или совсем не поступают или поступают весьма нерегулярно. Таким образом, только бумажные деньги гарантируют муниципалитету возможность обеспечить спокойствие в столице. «Народ, который живет трудом своих рук, — подчеркнул Байи, — доведен до последней крайности, до отчаяния». Народные низы угрожали спокойствию победителей и заставляли их спешить с разрешением основных задач буржуазной революции.

Дистрикты в основном поддержали своего мэра. Но в некоторых из них инициатива Коммуны вызвала сопротивление. Дистрикт des Mathurins в своем постановлении от 18 марта солидаризировался с проектом Коммуны, но потребовал, чтобы его исполнение было передано специальным уполномоченным парижского народа, собранию представителей дистриктов. Кордельеры особым постановлением от 26 марта присоединились к дистрикту des Mathurins и уполномочили своего депутата не допускать операции до тех пор, пока план Байи не будет самым внимательным образом обсужден дистриктами [37].

Что таилось за этим решением — недоверие к Коммуне или особые соображения о том, как следует поступить с национальными землями? Мы не знаем. Косвенный ответ дает статья

в «Révolutions de Paris». Редактор газеты вел систематическую борьбу с «идолом финансистов», министром Неккером. Программа финансовых реформ газеты была весьма скромной: сокращение расходов, строгая проверка долгов государства, ликвидация безумной политики пенсий; все эти мероприятия должны были спасти Францию от господства «крупных сеньеров» и крупных капиталистов, которые считают, что «народ глуп в вопросах финансов» [38].

Газета боится, что власть имущие захотят спровоцировать восстание тех, кого они считают чернью, «наших братьев рабочих» [39]. Этой опасности следует избежать потому, что она не облегчит, а затруднит разрешение финансового вопроса. «Révolutions de Paris» с полным убеждением в правоте дела защищает ассигнаты; газета требует мудрой политики эмиссий, но в основном между нею, либералами и умеренными Национального собрания в этом вопросе нет расхождений [40]. В отличие от буржуа-либералов газета только с особенной настойчивостью настаивает на контроле над биржевыми операциями [41]. Умеренность «Révolutions de Paris» встречала поддержку и у К. Демулена, который в момент почти полной дискредитации Неккера, летом 1790 г. писал: «Народ не провозглашает больше осанны министру, а взывает к фонарю; народ требует суда над министром. Я повторяю, это дело весьма деликатное. ...» [42].

Соответственно общим взглядам на вопросы финансовой политики представители различных классов решали и вопросы земельной политики. Лустало предлагал прежде всего предупредить спекуляцию национальными землями под маской патриотизма. Газета Прюдома протестует против плана Байи не только потому, что мэр и совет Коммуны подменяют дистрикты, но прежде всего потому, что проект муниципалитета предлагает выгодную кредитную операцию. Чтобы раздобыть деньги, собрание должно немедленно организовать продажу земель по доступным ценам, за наличный расчет — вот что предлагает Байи. Необходимо, по мнению Лустало, отвергнуть этот план. Следует прежде всего распределить на мелкие участки пахотную землю, продав ее наибольшему числу покупателей. Продажа земель духовенства может спасти страну, но только тогда, когда исчезнет угроза контрреволюции и конституция будет, наконец, издана. В конце концов план Байи не экспроприирует духовенство; масса выпущенных под гарантию фиктивной продажи земли ассигнатов не ограничена, а это означает обнищание населения и безграничное усиление исполнительной власти. «Менялы аплодируют, но народ не спасен; народ — это торговцы, ремесленники, рабочие, рантье, буржуа — вот о ком следует подумать. План Байи хорош для ажиотажа» [43]. Эта критика Коммуны слева не учитывала реаль-

ных потребностей буржуазно-аристократической государственной власти, ей недоставало минимальных средств для содержания своего аппарата. Оппозиционные дистрикты требовали полной экспроприации духовенства и перехода земли к новым собственникам.

3

Но вернемся к Марату. Нам теперь легче будет понять его выступления против Неккера. За «неккериадой» мы услышим не «бешеные выкрики демагога», а продуманную социально-экономическую и политическую программу; она выступит перед нами со все большей отчетливостью. Марат оформлял политическую мысль стихийного народного движения, которое направлялось против Неккера и против либеральной буржуазии, он придавал политическую зрелость тому «социальному инстинкту» народных низов, о котором говорит Матьез в «La vie chère» в связи с продовольственными бунтами 1789—1790 гг. [44].

Нам пришлось в свое время отметить выступления Марата против Неккера в октябре—декабре 1789 г. [45]. В борьбе с властью буржуазной аристократии он взял на себя защиту мелких должников-банкротов, которым декрет Национального собрания угрожал в начале ноября потерей гражданских прав. Но от частных вопросов он очень быстро переходит к обсуждению общих проблем финансовой политики, выступая в своей газете от 18 ноября с решительной критикой неккеровского проекта о национальном банке и системы займов, построенных на ажиотаже и спекуляции. Марат выдвигает идею немедленной ликвидации королевского долга и распродажи королевского домена, как и земель членов королевского дома. Он идет дальше и предлагает установить чрезвычайный налог, который падет на крупных откупщиков, сборщиков налогов, крупных администраторов, владельцев почты, казначеев и т. д. Если к этому прибавить ликвидацию пенсий слугам двора, уменьшение их жалования, то возможно, что государственные финансы поправятся и хозяйство страны будет восстановлено [46].

Это было только первым проектом его плана финансовых реформ. Продолжая упорную борьбу с идеей превращения учетной кассы в национальный банк, протестуя против всяческих спекуляций излюбленной Неккером учетной кассы, откуда министр продолжал черпать необходимые средства [47], Марат подчеркивает тесную связь между этими учреждениями и определенными классами — богачами, центр которых находится в аристократических дистриктах столицы. Связь Неккера с финансовым миром делает для Марата подозрительными те земельные операции, которые должны были на основе ноябрьских-декабрьских декретов спасти французские финансы [48].

Очевидно, утверждает Марат, декрет о распродаже земель будет использован теми, кто довел нас до банкротства. В их же руки попадут и реализованные суммы патриотического налога. Таким образом, — и это характерно для Марата — вопросы экономической реформы для него теснейшим образом связаны с вопросом о том, кто их будет проводить, какая социально-политическая группа стоит у власти. Даже наилучший проект реформ в руках антинародной власти, в руках новой аристократии не принесет массам облегчения. Очищение Национального собрания и Коммуны от контрреволюционных элементов — единственная гарантия действительного выхода из экономического кризиса.

При этом Марат подчеркивает руководящую идею своей хозяйственной политики: «Законы природы предшествовали законам общества, и ни один человек в мире не имеет права подвергнуть другого мучительным страданиям голода» [49]. В защиту своих естественных прав в хозяйственной и политической области гражданин может использовать то оружие, с помощью которого он завоевал себе свободу. Верный ученик «уравнителей» и радикальных философов XVIII в., Марат ставит вопрос о революционном осуществлении этих идей в экономической жизни Франции. Но в этом отношении он пошел гораздо дальше революционных теоретиков своего времени, этим он отличался от них.

В октябре Марат написал брошюру против Неккера, брошюру, в которой подводил итоги своей критики финансовой политики государства, но он не нашел типографа, который решился бы напечатать его памфлет. Ему пришлось стать своим собственным издателем; брошюра увидела свет только 18 января 1790 г. [50]. Первая попытка критики политики Неккера была встречена недружелюбно всем общественным мнением Франции. Марат получал десятки угрожающих писем, его называли клеветником и требовали, чтобы он замолчал. «Не попал ли я, — спрашивал он себя, — и в этом случае с г-ном Неккером в то же положение, в какое мне вообще суждено попадать в жизни? Оказывается, и на этот раз я говорил только с самим собою. Я не желаю больше подвергать сомнениям мою правдивость». Марат решил объясниться; брошюра «Разоблачение, направленное против Неккера» должна была быть, таким образом, первой декларацией его принципов. Спор был неравным. Марат был «простым гражданином, выступавшим перед публичным трибуналом против представителя исполнительной власти, окруженного толпой льстецов, легионом аристократов, магистратов, врагов отечества, «пиявок». Для Марата это было не литературной дискуссией, а попыткой мобилизовать «друзей правды» во имя грядущих боев, как писал он. Эту особенность

маратовских памфлетов не замечают хулители и апологеты Марата, превращая «неккериаду» в личный конфликт Неккера и Марата.

Кто такой Неккер, спрашивает Марат. Банкир, чье богатство «является следствием ажиотажа, этого ремесла, не достойного благородной души, презираемого и осужденного людьми чести, как и ремесло вымогателя». «Самое его назначение на пост министра финансов было нелепостью. Друзья Неккера готовы превозносить его до небес за то, что он не вводил новых налогов до революции, но забывают, что «проценты его многочисленных займов — не что иное, как налоги, взимаемые с народа. . .». Некоторое время французы и Марат в том числе готовы были поверить его честности, но иллюзия длилась недолго. Солидаризируясь с общим требованием вернуть министра накануне 14 июля, Марат имел в виду, что деятельность Неккера рано или поздно уничтожит его самого. Об этом он и писал в не дошедшем до нас письме вице-президенту дистрикта Карм в день взятия Бастилии. «Прошло всего три месяца, и мои предсказания сбылись», — утверждает Марат.

Марат выдвигает против Неккера пять пунктов обвинения. Остановимся на разборе тех из них, которые касаются финансового вопроса и политического поведения Неккера.

Мог ли Неккер — это первый пункт обвинения — не знать о контрреволюционном заговоре 12 июля? Он не мог не знать о передвижении войск, о расходовании средств для организации заговора, и если даже он не принимал участия в нем, то утаил подготовку его от народа. «Утаить заговор, который по долгу чести дóлжно было разоблачить, — это то же, что быть его соучастником. Министр не разоблачил его. Что же из этого следует? То, что нация должна либо покарать его как предателя, либо отставить его попросту как слабоумного. Пусть он выбирает любое. Слабоумный! Ах, если бы только он действительно был слабоумным! Тогда нам не пришлось бы так долго стонать под бременем наших страданий». Это обвинение Марат направлял, очевидно, не только против Неккера, но и против всей социально-политической группы, которая служила ему опорой. Для Марата революция должна была направить свои удары не только против дворян, но и против буржуа-аристократов.

То, что произошло 14 июля, повторилось 5—6 октября. Начало нового заговора относится к 4 августа. Заговор был «прикрыт дымкой великодушия и благотворительности». Неккер боролся за восстановление всей полноты исполнительной власти; под предлогом подавления бунтов он вооруженной силой разгонял народные сборища в Пале-Рояле; он вошел в тесный контакт с муниципалитетом, и они объединенными силами

продолжали дело борьбы с революцией. Добившись от муниципалитета призыва войск в Версаль, Неккер и его союзники разоружали народ, захватив в свои руки склады боевых припасов. Министр стоял в это время во главе кабинета, и его можно рассматривать как главу заговорщиков. «Быть может, мне скажут, — пишет Марат, — что остальные министры виновны так же, как и он? Согласен! Поэтому нация и должна принять меры против них и против него и поступить с ними как с предателями, как с врагами народа». Разве подлежит сомнению, что министерство Неккера своей политикой не допустило отмену пенсий, поземельной подати и десятины? Своими финансовыми проектами, своим поведением в дни 14 июля и 5—6 октября оно стремилось навербовать себе огромную партию в лице духовенства, рыцарей мальтийского ордена, судейских чиновников, негоциантов, финансистов. . .

Политическое недоверие к господствующей социальной группе и определяет отношение Марата к вопросу о финансовой политике Неккера. Марат жестоко критикует прежде всего предложение министра о налоге, равном четверти годового дохода каждого гражданина. Критикует он этот проект прежде всего потому, что, обосновывая его, Неккер заявил: эта мера спасет государство от крупной ломки. «В пору великих бедствий, — издевается над министром Марат, — вместо того чтобы пренебречь глупой щепетильностью и попрать дурацкие предрассудки уважения, мы не будем стараться обнажить грозящую нам бездну и будем отвергать все решительные способы заполнить ее и выискивать мелкие уловки, чтобы обнести ее решеткой». Не осторожность, а коварство проявляют те, кто в «годы революции боится вызвать сотрясение государственного механизма».

Неккер, изображающий себя благодетелем бедняков, ввел в моду «заманчивые займы»; своей налоговой политикой он раздавил неимущих. Муниципалитет Парижа не только поддержал его в этой политике, но еще усугубил бремя его мероприятий, «призывая к участию в налоге неимущих рабочих и ремесленников». Новый налог особенно удобен для капиталистов, которые легко утаят свои богатства, но его тяжесть обратно пропорциональна величине дохода; для бедняков с 400 ливрами дохода в год он бесконечно более тягостен, чем для богачей. «Отдав народ в жертву вельможам и богачам, он отдает вельмож и богачей в жертву лихоимцам». Эту свою мысль Марат выражает в дальнейшем еще яснее: «Вся деятельность г-на Неккера заклеймена именно этим пороком. Для малых мира сего он щедр на прекрасные поступки, но сердце его поистине принадлежит капиталистам, банкирам и ажиотерам — этим достойным его любимцам». «Разве в таком случае можно сомневаться, что в этих условиях, — слова повторяет свою мысль Марат, — земли перейдут в руки голландских и женевских банкиров, которые не замедлят изгнать оттуда наших хлебопашцев?». А секрет ликвидации дефицита между тем прост. При распродаже вотчин, замков и поместий короля и королевского двора, при распродаже имений государственных вампиров — капиталистов нашлись бы средства облегчить бремя общественных повинностей.

Марат расширяет, таким образом, программу экспроприации земель, он включает в нее не только земли духовенства, королевские поместья, земли дворян — врагов народа, но, что особенно важно, земли и имущество буржуазной аристократии. Но прежде всего, «пока грабители народа останутся безнаказанными, какая нам польза от реформ, какая польза от законов!». Так выполнение своей экономической программы Марат обусловливает торжеством революции народных масс.

Чтобы не прерывать изложения и внимательно проследить за тем, как Марат разрешает финансовый вопрос, мы оставим пока памфлеты о Неккере и обратимся к газете Марата. Министр и Марат выполняют каждый по-своему свою задачу: «Система первого — усыплять народ, чтобы погубить его; наш долг — держать народ постоянно начеку, чтобы спасти его; министры исполняют свое ремесло, революционеры — свое» [51]. Марат берет под свою защиту всех виновных в борьбе против фиска. Народное восстание в деревнях и городах против финансистов, против налоговой политики старого и нового режима встречает защитника в Марате. В июне Марат сообщает читателям о новом покушении на революцию, более страшном, чем преследования поджигателей таможенных застав, — речь идет о преследовании «уважаемого г-на Бабефа». Превознося его деятельность в Пикардии, Марат с особой тщательностью отмечает, что Бабефа преследуют за проект новой системы налогов, который был им выработан. Его брошюра, разоблачающая фиск, ненавистна спекулянтам, капиталистам, правительственным агентам, но близка взглядам подлинных друзей народа. Бабеф, подобно Марату, относится резко отрицательно к системе косвенных налогов, считает справедливым вооруженное сопротивление народа притязаниям богатых [52].

Мы знаем, к сожалению, весьма мало о деятельности Бабефа в этот период, но «Друг народа» был, если мы не ошибаемся, единственной газетой, которая взяла на себя защиту Бабефа [53]. Эта защита Бабефа Маратом была не случайна, если вспомнить, что уже с первых дней своей революционной деятельности «Друг народа» выступал на защиту народных масс, которые в дни восстания поджигали заставы. «Но без этого, — писал

Марат 19 июня 1790 г., — мы не имели бы ни национальной гвардии, ни дистриктов, без этих бесчинств все стояло бы еще на своем месте. Поджигатели должны нами рассматриваться поэтому как первые «подстрекатели» революции» [54].

В этом смысле важно напомнить еще об одном документе, об отношении М. Робеспьера к фискальной войне. Речь идет о переписке между Робеспьером и Ламбером, генеральным контролером финансов в начале 1790 г. по вопросу о неплатеже налогов. Ламбер ссылался на слова своих агентов о том, что депутат рассылает зажигательные письма к народу с призывом не платить налоги казне. Такое письмо было будто бы послано Робеспьером пивовару Маро в приходе Лонг 13 февраля 1790 г. Робеспьер категорически отрицает эти факты: «. . . Как, не будучи уверенным ни в существовании, ни в содержании этого никогда не существовавшего письма, могли вы дойти до того, чтобы приписать мне зажигательные призывы и изобразить меня, хотя бы и в моих собственных глазах, в некотором роде нарушителем общественного порядка, человеком, не повинующимся декретам Национального собрания, хотя, как вы сами только что заметили, я первый горячо отстаивал своевременную уплату налогов» [55].

Проникнутый парламентскими предрассудками, Робеспьер противопоставляет «усердие во имя святого народного дела буйному и мятежному духу», патриотизм — «опасному брожению умов», честность — «излишней восторженности». «В заключение напомню вам, — обращается Робеспьер к Ламберу, — что я отнюдь не выказал себя столь ревностным сторонником аристократии, чтобы можно было подозревать меня в желании способствовать ее видам, срывая законный сбор податей».

Письмо Робеспьера, конечно, не было исключением: в своем подавляющем большинстве демократы Франции стояли на легальной почве. Показательна в этом отношении позиция К. Демулена. Когда в июле 1790 г. буржуазная аристократия снова начала свой поход против него и Марата, Демулен решительно отрицал, что он в каком бы то ни было виде призывал граждан не платить налоги. Он категорически повторил этот аргумент и в особом письме к Национальному собранию, сославшись на Лафайета [56]. Демулен, как Лустало и Робеспьер, настаивал на чисто легальной оппозиции существующему порядку вещей. Тем интереснее для нас выступление представителей меньшинства — Марата и Бабефа, которые решения политических и социальных задач демократии ставили в теснейшую связь с развертыванием революционной деятельности трудящихся масс.

Этим Марат, однако, не исчерпывает своей критики программы Неккера. Марат из номера в номер разоблачает не только тех, кто владеет большими капиталами, но и тех, кто получает высокие оклады. Национальные гвардейцы, проливавшие кровь за отечество, удовлетворяются 400 ливрами в год, а офицеры жалуются, что получают ежегодно только 15 тыс. ливров за то, что пьянствуют и отдыхают. Бедняк-крестьянин и ремесленник не желают больше страдать, чтобы обеспечить роскошную жизнь откупщикам. Газета «Друг народа» переходит затем к конкретному разбору декретов Национального собрания. Она начинает с подробного разбора проекта «патриотического налога». Марат приводит примерную таблицу распределения национального дохода во Франции. На 25 млн. населения около 3 млн. налогоплательщиков, которых можно разбить по доходам на 8 классов — от группы получающих 400 ливров ежегодного дохода до граждан с 100 тыс. ливров дохода [57]:

1 000 000	граждан	с	400	ливрами	дохода	. . .	400 000 000 ливров
800 000	»	»	1 200	»	»	. . .	960 000 000 »
400 000	»	»	2 400	»	»	. . .	960 000 000 »
300 000	»	»	4 800	»	»	. . .	1 440 000 000 »
200 000	»	»	9 600	»	»	. . .	1 920 000 000 »
100 000	»	»	19 200	»	»	. . .	1 920 000 000 »
100 000	»	»	38 400	»	»	. . .	3 840 000 000 »
100 000	»	»	100 000	»	»	. . .	10 000 000 000 »
					Итого	. . .	21 440 000 000 ливров
					1/4 дохода составляет	. . .	5 360 000 000 »

«Основываясь на фантастических расчетах, — писал по поводу этой таблицы Ж. Жорес, — по которым годовой доход Франции равнялся 16 млрд., ливров, Марат раскрывал тайные намерения министра, который должен был получить таким образом около 3 млрд.» [58]. Какое пренебрежение к Марату даже со стороны такого вдумчивого историка, впервые поднявшего вопросы об экономической истории революции, как Ж. Жорес! По Марату, итог национального дохода — 21 млрд. 440 млн. ливров, по Жоресу — 15 млрд.; по Марату, налог равен 5 млрд. 360 млн., по Жоресу — 3 млрд. А затем Жорес говорит о «фантастических расчетах, но не противопоставляет им других, потому, конечно, что статистические данные XVIII в. не дают возможности это сделать, не дают возможности проверить его таблицу. Но Марат не претендует на точность, он хочет только дать представление о прогрессии, которой следует держаться при проведении налога. «Фантастичность» расчетов

Марата мы сможем проверить дальше в другой связи, в связи с выяснением численного состава трудящегося населения Франции.

Вместе с тем Марат считает необходимым подчеркнуть то, что составляет решающую особенность «патриотического налога»: правительство получит таким образом огромные средства для продолжения своей политики. Марат предлагает поэтому передать государственные доходы в руки революционного самоуправления — демократически избранных муниципалитетов и департаментских собраний. На местах для этого создаются специальные Caisses Nationales, а распоряжение государственной казной должно быть изъято из рук министра и передано патриотам Национального собрания [59]. Возможно, что этот план фантастичен, но Марат исходил из прямо противоположных Жоресу установок. Последний отмечает, что налог, предложенный Неккером, был полезен потому, что давал возможность государственной власти продержаться до реализации национальных имуществ, а Марат держал курс на свержение этого правительства в новой революции.

Два решающих аргумента выставлял Марат против нового налога. Мобилизация правительством огромных средств означает изъятие их из оборота, превращение их в мертвый капитал, препятствующий нормальному ходу хозяйственной жизни. В интересах торговли, сельского хозяйства и промышленности следует довести налоговое бремя до минимума [60]. Налог в четверть дохода вместе с тем означает голод для обладателя дохода в 100 пистолей и разорение для владельцев дохода в 1500 ливров. Будет ли всегда и после революции трудовой люд обездолен и угнетен в государстве, спрашивает Марат. Правительство должно не только охранять свободу и личную безопасность граждан, но и заботиться об их материальном благополучии. Сторонник прогрессивного налога, он устанавливает таблицы тарифа, одну для холостяков, другую для семейных граждан. Таблица тарифа согласно принципу возрастающей прогрессии выглядит так:

Холостяки			Семейные		
От дохода в 1200 ливров		2%	От дохода в 2400 ливров		2%
» » » 1500	»	3%	» » » 2500	»	3%
» » » 1800	»	4%	» » » 3000	»	4%
» » » 2100	»	5%	» » » 4000	»	5%
» » » 2400	»	6%	» » » 5000	»	6%
» » » 2700	»	7%	» » » 6000	»	7%
» » » 3000	»	8%	» » » 7000	»	8%
» » » 4000	»	9%	» » » 8000	»	9%
» » » 5000	»	10%	» » » 10000	»	10%

При помощи подобной прогрессии Марат надеется возложить финансовое бремя прежде всего на богачей. При этом при проведении налоговой политики, замечает он, нужно твердо помнить, что нет прямой пропорции между доходами и тратами людей различных общественных классов. Очень богатый человек нередко тратит на свое жилище, питание и т. п. пропорционально своему общему доходу меньше, чем малоимущий и бедняк. Очевидно, что с хозяина, имеющего одного слугу, следует брать 6 ливров, с имеющего двух — 24, а с каждого следующего — в соответствующей прогрессии: 48, 96 и т. д. Определяя высокие налоговые ставки для богатых, следует вместе с тем помнить, что размеры налога не уничтожают роскоши при повышении обложения. Борьба с материальными излишествами требует поэтому более решительных средств. Собранная таким образом контрибуция даст возможность уплатить наиболее срочные государственные долги, открыть ряд мастерских для безработных и уменьшить бремя косвенных налогов. Все ли в этом плане было столь фантастично, как считал Жорес?

Не желая затрагивать крупной собственности, Национальное собрание решило выпустить ассигнаты под обеспечение земли духовенства. Это было единственным доходом для правительства рождающегося буржуазного общества: инфляция, ставшая живительным источником для капиталистов, была бременем для трудящихся масс города и деревни. Металлические деньги исчезли, сумма бумажных денег возрастала, цены росли, и Марат приступил к ожесточенной критике политики эмиссий с точки зрения экономических интересов народных низов [61].

Вопрос об ассигнатах должен, по мнению Марата, живо интересовать рабочего, ремесленника, мелкого торговца потому, что это определяет уровень его зарплаты, его заработка. Без сомнения, рабочего, ремесленника и лавочника мало касается, какой монетой ему платят, если эта монета полноценна, но «доставит ли им бумага, определяющая цену труда в качестве денег, необходимые средства существования, если они при этом еще будут лишены работы?» [62]. Ассигнаты, превратившиеся в разменную монету, гарантируют богачам захват национальных земель. Финансовые проекты Национального собрания имеют в виду дальнейшее обогащение капиталистов и разорение трудящихся. Друзья народа должны наконец положить предел растратам правительства, они должны добиться уменьшения налогового бремени, освобождения предметов первой необходимости от дополнительного обложения, чрезвычайного налога на богачей для оказания немедленной помощи беднякам, если почему-либо нельзя им раздать

в кратчайший срок значительной части национальных земель.

Входя в детали эмиссионной политики, Марат решительно протестует против выпуска мелких ассигнатов. Выпустить ассигнаты стоимостью ниже 200 ливров означало бы облегчить кредиторам государства и капиталистам дело изъятия металлической монеты, поощрять спекуляцию на разнице курса и захвате национальных земель. Утверждение, что именно выпуск мелких ассигнатов оживит хозяйство страны и сделает доступной для работников покупку земли, построено на ошибочном рассуждении: «Забывают, что металлические деньги скопились в руках тех, кто больше всего боится революционных волнений» [63]. Выпуск бумажных денег изо дня в день внушает Марату все больше и больше опасений: катастрофическое исчезновение металлических денег совпадает с усилением деятельности биржи и проделками биржевиков. Нельзя ли было бы избежать бедствий, связанных с наводнением страны ассигнатами? Провинции готовы принять ассигнаты, возможно, что они облегчат операции внутренней торговли; но индустрия, сельское хозяйство, общественные работы, снабжение населения — все это требует огромной массы свободной наличности. Неудивительно поэтому, что металлические деньги стали предметом торговли.

Но нельзя ли приостановить спекуляции капиталистов и биржевиков? «Я вижу, — утверждает Марат, — одно средство: предписать общую переплавку золотых и серебряных монет» [64]. Существует реальная диспропорция между золотой и серебряной монетой, уничтожить ее путем ряда продуманных законодателем мер значит во всяком случае облегчить кризис, порожденный бумажными деньгами. Марат предлагает выпуск нового ординарного и двойного луидора в 16 и 32 ливра. Вся операция конверсии должна быть закончена к первому января 1797 г., но обмен устанавливается тотчас же.

Не будем здесь обсуждать предложенный проект с точки зрения наших современных экономических понятий; не подлежит сомнению его утопичность: в момент рождения буржуазного общества, когда законодатели искали источников обогащения, Марат предлагал меру, которая при всех условиях означала покушение на карманы капиталистов. Предложенная им конверсия была бы для владельцев свободной наличности столь же неприемлема, как его проект чрезвычайного налога на богатых и его требование экономии не за счет народа, а за счет его правителей.

К осени 1790 г. новые и новые миллионы ассигнатов, едва только был опубликован декрет, заполнили бездонную бочку. Марат спешит снова обратить внимание французов на грозящую им опасность [65]. Победители готовы объяснить это явление тем, что население не платит налогов, но дело, конечно, не в этом. Беда в том, что правители и законодатели в условиях нового режима сохранили и усилили недостатки старого порядка; государственная власть сохранилась в руках тех же финансистов, которые всегда готовы переложить бремя повинностей на народную спину. Если бы после 14 июля народ изгнал из государственного аппарата «сверху донизу» всех старых агентов власти, не только дворян, но и финансистов и их слуг, заявляет Марат, революция была бы вовремя спасена. Но и теперь не поздно принять срочные меры: уничтожить весь старый налоговый аппарат, сократить армию до 500 тыс. человек, отказаться от войн, сократить флот, уменьшить прямые и уничтожить косвенные налоги, возложить финансовое бремя на богатых, но прежде всего народу необходимо взять власть в свои руки и установить террор против врагов революции, знатных и богачей; спасение Франции — в новой революции.

5

Неудача финансовых проектов Неккера имела своим результатом крах его продовольственной политики. Неккер, как мы знаем, был врагом свободной торговли и прежде всего свободной торговли хлебом. Правительство по его инициативе запретило вывоз хлеба, оно установило премии для ввоза, как замечает Марат, «на случай, если разница между ценами на рынках Франции и иностранных государств не удовлетворит интересов спекулянтов и негоциантов». Министерство при этом не считалось с мнениями народной массы, которая считала всякую торговлю хлебом подозрительной; Неккер рекрутировал своих продовольственных агентов и комиссионеров из купцов и поощрял их деятельность, снабжая необходимыми средствами, окружая заботой, охраняя от толпы. Так изображает сам Неккер свою продовольственную политику 1789—1790 гг. Чтобы понять то, что писал по этому поводу Марат, следует несколько ближе присмотреться к его политике.

Продовольственная политика Национального собрания всецело совпадала с деятельностью соответствующего комитета Коммуны. Байи и Неккер в данном случае придерживались одних принципов. Между тем, что в этой области предпринято было до революции и в первые два года революции, не было заметной разницы. В начале июля 1789 г. министр в особом мемуаре сообщил новым продовольственным организациям о сделанных им больших закупках хлеба за границей: 97 млн.

квинталов имелось в распоряжении правительства, 64 млн. квинталов ожидалось немедленно и 99 млн. было вновь закуплено, правда, по весьма дорогой цене. В Генеральных штатах депутаты далеко не были солидарны в оценке этих мероприятий. Толлендаль, скажем, требовал соблюдения принципов свободной торговли, а Петион, представитель левых, высказываясь против особого решения о выражении благодарности королю, готов был одобрить все мероприятия Неккера в области продовольственной политики. Байи утверждает, что мероприятия Неккера по закупке хлеба спасли Париж от голода и анархии [66].

Как нам приходилось отмечать выше, продовольственные комитеты Национального собрания и Коммуны состояли из негоциантов или старых чиновников продовольственного дела. Мэр Парижа с гордостью отмечает в своих мемуарах, что он отнюдь не предполагал разогнать старых агентов муниципалитета; общее руководство делами было передано в руки бывшего интенданта торговли г-на Монтарена и г-на де Думера, агента правительства по закупке хлеба [67].

Общая задача продовольственных органов была ясна: необходимо было поставить предел развитию революции, чтобы вовремя прекратить народные волнения. Во имя выполнения этой задачи стоило поступиться принципами свободной торговли. Байи, подчеркивая свою полную солидарность с Неккером, замечает: «Я указал ему на все затруднения, связанные со снабжением столицы хлебом, исключительно поступающим из-за границы, на то, что продолжение революции не дает нам возможности строить нашу продовольственную политику на принципах свободной торговли»[68]. Мэр Парижа настаивал поэтому на усиленных закупках хлеба за границей, чтобы иметь его в резерве на случай народного восстания. Стоило ли в этом случае обращать внимание на обогащение спекулянтов при продовольственных операциях? [69].

Правда, перспективы нового урожая были хороши, но надеяться только на урожай было рискованно; в сентябре Байи предлагает банкиру Хогге закупить за свой счет большие партии хлеба в Гамбурге, безразлично, в каком количестве: «пусть 100 тысяч, пусть 300 тысяч сетье», — замечает Байи[70]. Он советуется по этому поводу с Неккером, но узнает, что тот в свою очередь пытался закупить в Гамбурге хлеб, но там можно было достать только 40 тыс. сетье. Несколько позже Байи предлагает Неккеру сделать подобные же закупки хлеба в Сицилии. Министр готов согласиться, но спешит его уведомить 18 сентября, что им закуплено 20 млн. сетье в Италии, 40 млн. в Гамбурге и Амстердаме, наконец, 30 млн. в Англии. Хлеб этот прибудет, однако, только в ноябре-декабре [71]. Байи находит все эти покупки недостаточными; он против воли

Неккера вступает в сделку с банкиром Хогге, рискуя потерять 2 млн. ливров на этой операции. Но ведь дело шло о принятии срочных мер против нового народного восстания! Байи не скрывает, что этот мотив был руководящим для него и Неккера в их продовольственной политике. Приходилось мириться с тем, что спекулянты, прикрываясь именем Коммуны, обделывали свои делишки.

Байи рассказывает нам об одном «г-не. . . бестолковом человеке, услугами которого пользовались потому, что его боялись. . .». Он немало заработал на снабжении хлебом: предложил муку за 34 ливра сетье, в то время как цена его была 23 ливра; продовольственный комитет отказался и предложил ему закупить хлеб на свой счет. Спекулянт воспользовался этим разрешением и занялся перепродажей хлеба. Дело приняло такой скандальный характер, что спекулянта пришлось вскоре арестовать. Байи рассказывает об этом эпизоде в своих мемуарах, чтобы ответить на многочисленные обвинения в покровительстве спекуляции и спекулянтам, направленные против продовольственных комитетов [72].

Огромные закупки хлеба немало содействовали расстройству финансов, положение усугублялось еще политикой субсидирования булочников, что прежде всего обогащало богатых предпринимателей. Обладая свободными капиталами, последние скупали муку и монополизировали торговлю хлебом в городах. Это вызывало законный протест населения, и дороговизна хлеба не только не уменьшалась, но возрастала. Как вопросы финансов, так и продовольственная политика в конечном счете были делом классовой борьбы. Снова столкнулись интересы трех классовых сил: буржуазной аристократии, чьи интересы защищала политика Неккера (в продовольственном и финансовом деле эта политика вела к обогащению капиталистов-спекулянтов под маской заботы о населении); либеральной буржуазии, требующей свободной торговли, и трудящихся масс, защита интересов которых нашла свое отражение в форме (правда, еще только зачаточной) демократической продовольственной политики.

Ф. Энгельс и В. И. Ленин неоднократно отмечали связь между революционным движением 1789—1793 гг. и голодом и нуждой. Внимательный анализ финансовой и продовольственной политики первых лет революции наилучшим образом вскрывает нам причины гражданской войны. Вместе с тем анализ высказываний представителей различных классов по вопросам финансовой и продовольственной политики даст нам возможность выяснить исторический смысл деятельности Марата. Вот почему мы подробно остановились на этих вопросах при изложении событий первых лет революции.

6

Учредительное собрание упорно защищало принципы свободы торговли хлебом. Рядом декретов — 29 августа, 18 сентября, 5 октября и 16 ноября 1789 г., многократно повторенных в 1790 г. (2 июня, 12 августа, 15 сентября), — оно подтвердило свое решение об отмене старых регламентов о беспрепятственном обращении хлеба внутри страны. Но проводились ли эти мероприятия в жизнь? «Нужно было бы обладать, — пишет Матьез, — большим количеством документов, чтобы определить, в какой мере применялось либеральное законодательство, провозглашенное Учредительным собранием, и в какой мере старая регламентация пыталась пережить его» [73]. До сих пор изданные по отдельным департаментам документы дают нам возможность лишь частично ответить на этот вопрос. Они оставляют почти без ответа также вопрос о том, исполнялось ли строжайшее распоряжение собрания о запрещении вывоза хлеба из Франции, а главное, вопрос об участии негоциантов в продовольственных сделках. Материалы не дают нам возможности судить о размерах спекуляции на основе продовольственной политики Неккера; они несколько больше освещают вопрос о борьбе сторонников и противников свободной торговли в общинах и муниципалитетах.

А. Юнг утверждает: «Всюду, где я ни проезжал, я справлялся о причинах дороговизны. Мне говорили, что хотя урожай нехорош, но что он мало отклоняется от нормы и что, следовательно, недостаток в хлебе объясняется его вывозом» [74]. Он готов признать обвинения в вывозе хлеба фантастическими. На этой же точке зрения стоит Г. Афанасьев. Подтверждают ли это обвинение новые данные? Определенного ответа на вопрос дать нельзя, но документы, собранные Лефевром по дистрикту Берг, прибрежному морскому району, заставляют менее доверчиво отнестись к категорическому утверждению А. Юнга и историков, повторяющих его доводы [75]. По данным А. Юнга, из Франции вывезено было в 1787 г. хлеба разных сортов на 10 674 700 ливров; запрещение последовало 7 сентября 1788 г. Данные Лефевра говорят о том, что до начала 1789 г. было вывезено зерна, по крайней мере по дистрикту Берг, на сумму до 10 097 ливров.

Несмотря на неоднократные повторения запрещения о вывозе, военный министр Латур дю Пэн сообщает своему уполномоченному 6 сентября 1789 г. о попытках вывоза хлеба из дистрикта Берг и о необходимости принять против этого срочные меры [76]. Спустя некоторое время, 24 сентября, местные власти Фландрии вынуждены были вынести постановление о смертной казни ввиду участившихся случаев вывоза хлеба [77]. Подобное же указание мы встречаем в октябрьской переписке между торговой палатой Дюнкирхена и местным интендантом, между муниципальными агентами Гондшутта и Берга [78]. Военный министр повторяет свой запрос в конце октября, но его успокаивают: «Хлеба не вывозят», а в феврале 1790 г. муниципальные агенты общины Гравелин сообщали агентам Сент-Омер и Кале об усиленном вывозе хлеба на шлюпках [79]. Этих фактов, конечно, недостаточно, чтобы судить о том, в какой мере применялся декрет о вывозе хлеба, но они во всяком случае дают основание предполагать, что историки, всецело доверяющие указаниям Байи и Неккера и решительно отбрасывающие «народные измышления» о вывозе хлеба за границу, заключают чересчур поспешно. Спекуляции хлебом под покровительством властей давали себя чувствовать, по всей видимости, и в этой области.

Данных о размерах и характере торговых хлебных сделок за эти годы несколько больше, но и их недостаточно. Хлеб доставляли купцы за свой счет или агенты правительства за казенный счет. Неккер истратил за 1789—1790 гг. 70 млн. ливров и приобрел различным путем 3600 тыс. квинталов хлеба. Хлеба было приобретено больше, чем следовало; его приходилось потом распродавать по убыточным ценам, немало хлеба сгнило или в испорченном виде было роздано населению. Намеки на последнее мы находим и у Байи, который сообщает 2 августа, что народ жалуется на плохое качество хлеба и он имеет для этого основания. «Мы обратились, — сообщает Байи, — с прокламацией к народу о том, что мука приходит издалека морем и потому она попорчена; в этом нет вины ни булочников, ни отдельных лиц. Необходимость заставляет народ покупать такой хлеб, какой есть, испорченный хлеб не может повредить здоровью» [80].

Убытки казны составляли прибыль капиталистов и спекулянтов. Неурядица в финансах, которая была в значительной степени результатом неправильной продовольственной политики Неккера, обогатила таким образом часть буржуазии. К сожалению, Г. Афанасьев не проанализировал под этим углом зрения доступные ему источники — документы неккеровской администрации, приходо-расходные книги по закупке хлеба, но и то немногое, что он сообщает, подтверждает указания Байи и служит, как мы увидим дальше, наилучшим подтверждением обвинений Марата [81].

Неккер оперировал не только покупным хлебом, но и запасами хлеба на внутреннем рынке. Еще задолго до революции он повысил вознаграждение негоциантам Леле, дополнив в 1777 г. выгодными для них условиями контракт, заключенный с Тюрго в 1775 г. В 1782 г. этот контракт был возобнов-

лен сроком на шесть лет, а в 1787 г. — еще на шесть лет. Негоцианты Леле должны были ежегодно по требованию полиции доставлять на рынок до 25 тыс. мешков муки; кроме того, в резерве у них должно было быть еще 6 тыс. мешков. При этом они должны были хлеб продавать по ценам, указанным полицией. Но зато Леле получали огромные вознаграждения, доведенные в 1787 г. до 96 700 ливров в год (в 1782 г. — 77 500 ливров); сверх того они получали в свое распоряжение королевские мельницы и амбары в Корбейле.

Этим Неккер, как мы знаем, в 1788 и 1789 гг. не удовлетворился, он привлек и ряд других капиталистов, прежде всего Думерка, т. е. на сцену появились те же самые персонажи, которые в 70-х годах действовали при аббате Террэ и породили так называемую легенду о «Pacte de famine». Говоря о продовольственной политике Неккера, мы можем, собственно, повторить то, что Г. Афанасьев говорит о «Pacte de famine»: правительство не создало специального общества для спекуляции на народном голоде, но упорные слухи об этом имели под собою реальное основание в хлебных спекуляциях доверенных лиц правительства и в операциях хлебных фирм.

Опубликованные документы о продовольственной политике отдельных департаментов при всей своей скудости дополняют этот материал. Повсюду муниципалитеты, захваченные буржуазной аристократией, следовали политике Неккера, выделяя огромные суммы на закупку хлеба, передавая это дело или в руки купцов, совершающих операции за свой счет, или в руки своих агентов, спекулирующих на казенный счет [82].

Народные массы сопротивлялись, однако, не только политике Неккера, но и лозунгам свободной торговли, декретам Национального собрания. «На основании того, что происходило в тех трех районах, — писал Матьез, — относительно которых у нас имеются монографии, во Фландрии, в Шампани и в Эре, мы можем судить о том, как относился народ к вопросам продовольствия. Народ — а под народом я имею в виду всех, кто живет своим трудом, от сельских пролетариев до городских ремесленников — народ, который не производит хлеба, но который его потребляет, инстинктивно относится враждебно к свободной продаже и к свободному обращению. В регламентации он видит защиту и гарантию; он желает, чтобы была такса, и, когда может, заставляет ее ввести» [83].

«Инстинкт», о котором говорит Матьез, представляет собою весьма реальную классовую категорию. Он сам ссылается на свидетельское показание субделегата Дюнкирхена от 20 июля 1789 г., который сообщает: «Многие городские и деревенские жители заявляют, что так как они платят налоги и пошлины магистрату, то магистраты обещали их кормить во время кризиса, когда у них нет возможности платить столь высокие цены». Но еще более интересна переписка властей того же округа по поводу продовольственных бунтов в июле 1789 г., из которой явствует, что притязания народа означали гражданскую войну между богатыми и бедными. «Богатые, — читаем мы в этой переписке, — спешат создать свои вооруженные отряды добровольцев, чтобы защищаться от восставшего народа». «Избежать гражданской войны можно, — говорят они, — только установлением твердых цен» [84].

Таков смысл тех мероприятий, которые применяли буржуазные муниципалитеты в период острого продовольственного кризиса. Любопытный материал в этом отношении собран по округу Шомон. Местные власти не только регламентировали продажу хлеба, устанавливали премии за ввоз хлеба на рынок, но и организовали строжайший учет хлеба по деревням, подвергая обыску частных лиц; они посылали добровольцев в деревни помогать крестьянам собрать урожай, обмолотить хлеб [85]. Муниципалитет Шомона ввел строжайший учет всего нуждающегося населения, был составлен «список бедняков» данной округи; для раздачи хлеба в городе были введены хлебные карточки и установлены твердые цены на хлеб [86]. Эта программа шла дальше намерений муниципалитетов. Она показывает нам, как верный «инстинкт» народных масс при разрешении продовольственного вопроса требовал разработки социальной программы революции. Этим, но не только этим, как мы увидим дальше, требования народных масс отличались от проектов правительства и лозунгов свободной торговли.

Таково было настроение народных низов не только в провинции, но прежде всего в предместьях Парижа. Дистрикт Сен-Марсель в своем решении от 7 ноября утверждает, что только установление твердых цен на зерно может спасти народ от голода [87]. С октября 1789 г. это требование все чаще и чаще повторяется в дистриктах; предлагают установить строжайший учет зерна, принять строжайшие меры для борьбы со спекулянтами, ввести всеобщую таксу на хлеб. Так, граждане общины Chaumont-en-Bassigny обратились к Национальному собранию в июле 1790 г. с просьбой установить хлебную таксу по всей Франции для создания равновесия между заработком ремесленников и продовольственными ценами [88].

7

Критикой финансовой политики Неккера и Национального собрания не исчерпываются выступления Марата по социально-экономическим вопросам в 1790 г. Как мы знаем, не меньшее внимание им было уделено продовольственной проб-

леме. Анализ продовольственной политики Неккера и составляет второй пункт обвинения, сформулированный Маратом в брошюре «Dénonciation contre Necker» и специально в памфлете «Nouvelle dénonciation contre Necker», написанном в изгнании в Англии [89]. Обратимся к разбору этих документов и установим, в самом ли деле Марат клеветал на Неккера, как думают одни, или речь шла о справедливых, но чисто личных нападках, как думают другие, и верно ли, что у Марата не было никакой экономической программы, как думают третьи — подавляющая часть историков и биографов Марата.

Вспомним приведенную выше общую характеристику продовольственного положения Франции в 1789—1790 гг., характеристику политики Национального собрания и отношение народных масс к вопросу снабжения населения хлебом. Свобода торговли или опека населения правительством, покровительствующим торговцам хлебом и спекулянтам, — к этому сводился спор в парламенте; массы требовали продовольственной политики на основе широкой системы социальных мероприятий. Это стихийное, «инстинктивное» движение народных низов оформлял Марат еще задолго до того, как массы выступили на борьбу с монархией и буржуазной аристократией не только за политическую свободу, но и за экономическое равенство.

Марат отнюдь не разделяет широко распространенного в массах убеждения, что причина голода кроется в вывозе хлеба. Он допускает, что слухи эти были пущены и муссировались агентами правительства для того, чтобы увеличить программу закупок зерна за границей; эти закупки, впрочем, не уменьшились и после последнего хорошего урожая. Свой главный удар он направляет против деятельности торговых компаний, которым Неккер поручал закупать хлеб, тратя на это огромные деньги и тем самым приближая страну к банкротству. Марат в связи с этим подробно описывает деятельность компании Леле, которая зарабатывала огромные суммы на повышении рыночных цен при снабжении булочников мукой. Господа Леле защищались в двух брошюрах [90]. Они ссылаются в них на прямую связь с Неккером и муниципалитетом, по чьим заданиям они действовали. Трудно установить, в какой мере Марат преувеличивал в отдельных конкретных обвинениях, но он имел полное основание утверждать, что «министерские скупщики морили столицу голодом с момента возвращения г-на Неккера в министерство в 1788 г. вплоть до начала революции и что даже после революции они все еще продолжали морить ее голодом, ибо они были душою продовольственного комитета Коммуны».

Разбором вопроса о роли торговых компаний в продовольственных затруднениях Марат специально занят в брошюре «Дополнение к разоблачению Неккера». Если в октябре 1789 г. Марат обладал для этого лишь косвенными данными, то теперь в его распоряжении имеются прямые документальные доказательства, хотя до сих пор Неккер и не удосужился предъявить Национальному собранию договор, заключенный с частными компаниями по доставке хлеба. Марат напоминает читателям договор де Лаверди с торговой компанией Малиссо в 1765 г., чьи операции легли в основу легенды о «Pacte de famine», а затем анализирует контракт с Леле.

В основу своих обвинений Марат положил разоблачения кавалера Ретледж, привлеченного к ответу властями за разоблачение деятельности Леле и выступившего на защиту пекарей. Последние не без основания жаловались, что, неся ответственность перед населением, они бессильны сопротивляться спекуляции монополистов — торговцев мукой на рынках. Неккер и правительство взяли на себя, как свидетельствуют приведенные Маратом и опубликованные купцом Леле документы, защиту и охрану их операций. Леле утверждает: «Мельницы и амбары в Корбейле предоставляли в качестве единственной приманки для сделок лишь проценты с затраченной суммы; но наряду с такой скудной выгодой следует отметить благородное рвение быть полезным отечеству, способствовать утверждению довольства в столице, помочь борьбе со скупкой хлеба... Итак, мы уступили патриотическому воодушевлению: мой брат и я подписали договор с королем» [91].

Марат замечает по поводу этого акта «патриотизма»: «Не слышите ли вы здесь голоса самого г-на Неккера, изрекающего свои убеждения? Что за великодушные патриоты эти братья Леле! Но для того, чтобы кичиться бескорыстием, надобно иметь по крайней мере чистые руки и не трубить повсюду о капитале в 10 миллионов». Обязуясь доставлять на рынок по первому требованию полиции 25 тыс. мешков муки и держа в запасе еще 6 тыс. мешков, компания Леле пользовалась привилегией монопольно скупать хлеб в провинции, а затем продавать его по произвольным ценам булочникам.

В этих операциях спекулянтам помогали местные муниципалитеты, составленные из слуг аристократии. Марат сообщает о широко известном деле муниципалитета Вернона, где действовал скупщик Планэр. Задержанный вернонскими гражданами, он был насильно освобожден войсками и полицией. Марат сообщает дальше о деле Делиссара, скупщика хлеба из Мо (в Бри), который скупал продукты с рынков отдельных местностей, чтобы искусственно повышать цены; о деле Робера, хлеботорговца и владельца трех мельниц в Лизи-на-Урге, близ Мо,

который производил эти операции в самом широком масштабе. Трудно, конечно, проверить каждый из приведенных Маратом случаев; для этого у нас нет необходимых документов, но опубликованные материалы по продовольственному делу отдельных областей подтверждают, что подобные спекуляции, производимые купцами и агентами правительства под охраной властей, имели место. Мы сошлемся только на дело Девенка, негоцианта Дюнкирхена, и Лафореста в Шомоне, чтобы подтвердить предположение о том, что обвинения Марата не были измышлением [92]. Спекуляция же торговой компании Леле подтверждается как документами, опубликованными самими же Леле, так и последующими исследованиями.

Показания Байи, мэра Парижа, которые мы приводили выше, свидетельствуют о том, что Марат имел основания обвинять власти в снабжении населения испорченной мукой. Продовольственные комитеты Национального собрания и муниципалитеты, закупившие огромные запасы муки, спешили раздать ее населению даже в испорченном виде; они спешили с обмолотом закупленного зерна, а для этого строили и содержали множество ручных мельниц, в то время как Париж был окружен водяными и ветряными мельницами, нередко бездействовавшими. Все это, конечно, следует приписать тому, что политикой правительства Неккера и муниципалитетов руководили капиталисты и спекулянты. Министр Неккер стал игрушкой в их руках. От этого страдало прежде всего рабочее население. Хлеб в 7 су весил полтора фунта, но следует учесть по крайней мере полудневный заработок, который теряли рабочие, стоя в очередях.

Столичные рабочие, возможно, страдали от голода меньше, чем трудящиеся в провинции. В Париже правительство, боясь бунта, заставляло полицию продавать хлеб по низкой цене, но, скажем, в Пикардии или Нормандии фунт хлеба стоил 6—7 су, между тем как в столице он обходился населению в $3^1/_2$ су. «Итак, все бремя этой позорной спекуляции, — писал Марат в памфлете «Разоблачение Неккера», — ложится на плечи бедняков. Им-то, обреченным питаться преимущественно одним сухим хлебом, и приходится главным образом подвергать опасности свое здоровье, и вот для облегчения их плачевной участи «благородный, сердобольный, добродетельный» муниципалитет не придумал ничего лучшего, как приставить беднякам штык к горлу, ссылаясь на варварский закон, проведения которого ему только что удалось добиться от наших робких депутатов». Речь идет о мерах по охране «свободы» торговли хлебом.

Ведя ожесточенную борьбу с монополистами, спекулирующими хлебом, и с Неккером, основавшим на этих спекуляциях

свою продовольственную политику, Марат отрицал принципы беспредельной свободы торговли, которые отстаивали депутаты-либералы в Национальном собрании. Он призывает демократию дистриктов взять на себя контроль и руководство продовольственным делом. «Патриотические дистрикты не должны пренебрегать никакими средствами, чтобы проникнуть в тайну подобных закупок, они должны захватить зерно при поступлении его на склады военного училища и другие министерские склады, либо произвести в них тщательнейший обыск. Разве решились бы спекулянты на подобные сделки без поддержки властей?. . Эти сделки были бы слишком ненадежны, если бы были делом частных предприятий, ибо более чем вероятно, что скупщики и их склады рано или поздно сделались бы добычей народа. . .». Если власти оказывают покровительство скупщикам, то народ должен взять дело продовольствия в свои руки, установить твердые цены на хлеб и оказать немедленную помощь нуждающимся не только хлебом, но и работой («Dénonciation contre Necker»).

Французы благодаря политике буржуазной аристократии «были схвачены за кошель и за живот», — говорит Марат. Личность Неккера имеет для Марата в конце концов второстепенное значение. Предлагают в министры вместо Неккера другого женевского банкира, Клавьера, но политика государства от этого не изменится. Дело не в том, чтобы заменить одного министра другим, а в том, чтобы покончить с эгоистической политикой богачей. Государство может выйти из создавшегося положения только в том случае, если оно примет самые решительные меры спасения, т. е. если оно сократит численность армии, уменьшит пенсии, обложит налогом богатых, если оно вступит на путь осуществления новой экономической системы. «Покажите народу, что вы истинно желаете его блага, и он поспешит прийти вам на помощь».

Истолкование «неккериады» как чисто личного конфликта между Маратом и министром наилучшим образом вскрывает пустоту всей не только реакционной, но и апологетической литературы. В статье-письме «Замечания по поводу отставки Неккера» в сентябре 1790 г. Марат снова формулирует свои обвинения против министра, ведущего политику, направленную на защиту «скупщиков зерна и звонкой монеты», на защиту финансовой политики капиталистов. «Как бы то ни было, если ваш уход не пустая комедия, — обращается он к Неккеру, — я с нынешнего дня обрекаю себя на вечное молчание; я больше чем кто-либо потрудился, чтобы вызвать ваше падение, но с той минуты, как вы перестали быть опасным в общественном отношении человеком, вы становитесь для меня частным лицом и ничем больше» [93]. С бóльшим основанием, чем кто бы

то ни было из современников, Марат имел право сказать о себе: «Я не беспринципный писатель; намерения мои всегда были чисты, пером моим всегда руководило сердце, и только в этом источнике черпал я энергию, которую мне вменяют в преступление».

Неккер жаловался в письме Национальному собранию на свою судьбу. Марат пользуется этим, чтобы провести параллель между положением революционера и агента правительства, уходящего в отставку. Мы приводим этот документ, чтобы читатель мог составить ясное представление о Марате как о неутомимом революционере, мы сказали бы теперь, как о подпольном работнике.

«Вы обвиняете судьбу, — писал Марат в цитированном выше письме Неккеру, — в своеобразии событий Вашей жизни. Что же было бы, если бы, подобно Другу народа, Вы были игрушкой людей и жертвой своего патриотизма; если бы, охваченный смертельной болезнью, Вы, подобно мне, отказались от забот о своей жизни, чтобы разъяснить народу его права и средства добыть их; если бы с самой минуты Вашего выздоровления Вы посвятили ему свой покой, свои ночные труды, свою свободу, если бы Вы сели на хлеб и воду, чтобы пожертвовать общественному делу всем, что Вы имеете; если бы в целях защиты народа Вы вели войну со всеми его врагами; если бы для спасения класса неимущих Вы поссорились со всем миром, не обеспечив себе во всем мире ни единого пристанища; если бы Вас попеременно обвиняли в том, что Вы продались министрам, которых Вы разоблачили, деспоту, с которым Вы боролись, вельможам, которых Вы старались обуздать, государственным пиявкам, которых Вы хотели заставить вернуть награбленное добро; если бы на Вас сыпались приказы об аресте то со стороны несправедливых судей, чьи происки Вы вскрывали, то со стороны законодателя, чьи ошибки и несправедливости, гибельные намерения, заговоры, измену Вы непрестанно разоблачали; если бы Вас преследовала толпа убийц, покушающихся на Вашу жизнь; если бы Вы, перебегая из одного убежища в другое, решились жить в подземелье, чтобы спасать бесчувственный, слепой, неблагодарный народ? Находясь под вечной угрозой раньше или позже стать жертвой могущественных людей, с которыми я вел войну, честолюбцев, которым я стоял поперек дороги, мошенников, которых я разоблачал, не ведая судьбы, меня ожидающей, быть может, обреченный погибнуть в больнице, как последний нищий, позволял ли я себе жаловаться, как это делаете Вы? Надо уж совсем не быть философом, милостивый государь, чтобы не видеть во всем этом обычного течения дел житейских, и надо утратить все следы душевного величия, чтобы не находить утешения в надежде, что этой ценой вырвешь 25 миллионов людей из тисков тирании, угнетения, терзаний и нищеты и приблизишь их, наконец, к рубежу счастья».

8

«Неккериада» Марата породила в 1789—1790 гг. целую литературу [94]. В брошюрах и статьях друзья министра попытались защищать его от града обвинений со стороны Друга народа. На некоторые образцы этой апологетической литературы мы считаем необходимым обратить внимание. Эта литература наилучшим образом подтверждает наш анализ социально-политического значения «неккериады».

Вот брошюра «Защита г-на Неккера, первого министра финансов, или ответ на обвинение г-на Марата» [95]. Автор скрыл свою фамилию под псевдонимом «Гражданин дистрикта St.-André des Arts». Свобода печати, читаем мы в «Защите...», использована во вред народу самым преступным из всех писателей, Маратом. «Это человек злобный, несправедливых принципов, клеветник по призванию, лицемер в своих расчетах, жестокий по природе, он оскорбляет святость законов, суверенитет нации, авторитет трона, он клевещет по очереди на короля, на королевскую семью, духовенство, магистратуру, дворянство, армию, министров, на муниципалитет и даже на народ». Марат поносит Байи, Лафайета, Сийеса, Мирабо и честного Неккера, того Неккера, который заложил основы свободы. Философа Неккера Марат обвиняет в том, что «он нажил свое богатство спекуляцией, а в своей политике продолжает ее».

«Г-н Марат, человек без воспитания, без друзей, без состояния, без поддержки, без всякого представления о морали, без патриотизма, смеет апеллировать к Жан-Жаку — какая наглость!.. Ж.-Ж. Руссо и Марат! Какой контраст, великий боже!». Первый — «проповедник союза народов и королей во имя мира», второй — «апостол бунта и разрушения, апостол заговоров» [96]. Марат — зачинщик войны против Байи, Лафайета, суда Шатле, Коммуны, Национального собрания, офицерства и дисциплины. Все, что писал Марат, лишено теоретической мысли, все это без метода, путанно и неясно. Да что может быть разумного в писаниях, призывающих к бунту? Реакционеры-современники столь же мало видели смысла в писаниях Марата «о бунте», как и их последователи XIX и XX вв., твердящие о «безумии» Марата.

Марат обвиняет Неккера в том, что он разбогател на спекуляции за счет бедняков, что он получал 60—70% на падении канадских бумаг, что он способствовал разорению Ост-Индской компании, но доказательством ему служит только то, что Неккер составил себе состояние «на удачных сделках и мудрой экономии». Марат обвиняет министра в организации голода. Возмутительно! Неккер способствовал импорту хлеба, установив премии, но в голоде и дороговизне виноват, без сомнения, не он, а непрекращающиеся народные волнения, р е в о л ю ц и я.

Опровергнуть возводимые Маратом на министра обвинения по пунктам пытается брошюра «L'Anti-Marat» [97]. Автор брошюры с особым усердием берет на себя политическую защиту Неккера. Марат обвиняет министра в том, что накануне 14 июля и 5—6 октября он не принял мер для подавления контр-

революции и своими действиями даже способствовал ей. Но Неккер всегда был противником революционных беспорядков. Мог ли он сообщить народу о покушении на его права? Ведь это означало бы способствовать злу, которого следовало избежать; до тех пор пока клинок не обнажен, можно еще избежать удара... Марат не понимает, поучает его автор, что вся налоговая политика Неккера стремилась к тому, чтобы защитить интересы богачей, охранять их покой и тем самым обеспечить Франции источник ее благополучия.

Мы оставляем в стороне писания против Неккера, вышедшие из лагеря реакционеров; они нередко пытались внешне солидаризироваться с Маратом, чтобы с бóльшим успехом нанести удар революции.

Обратим здесь внимание еще только на одну брошюру, изданную в Женеве (так значится на обложке) весною 1790 г. Автор ее скрылся под псевдонимом «Un citoyen» и повторяет в сжатом виде все обвинения, выдвинутые Маратом против Неккера как в области продовольственной, так и финансовой политики [98]. Первый выступил в защиту демократии, второй — в защиту капиталистов. Деятельность Марата, сообщает наш «гражданин», стала столь опасной, что правительству необходимо было срочно принять меры для его ареста. Этим объясняется и упорное преследование Марата.

Последняя брошюра, как и все остальные, свидетельствует о том, что уже к весне 1790 г. пропаганда Марата стала серьезным фактором революционного движения. С Другом народа приходилось считаться, его ненавидели одни и опасались другие: он стал выразителем революционных чаяний народных низов.

9

Для трудящихся масс финансовая и продовольственная проблемы упирались в проблему социальную. В этом была сила того «инстинкта», о котором говорит А. Матьез. Речь идет здесь не об организованном выступлении рабочих — парикмахеров, портных, строителей и т. д. — летом и осенью 1789 г., о чем нам пришлось мимоходом говорить в связи с революционным движением в июле и октябре. Мы оставляем в стороне также и движение весны 1790 г., стачки рабочих национальных мануфактур Гобеленов, Савоннери, Бовэ, боровшихся за повышение поденной заработной платы против сдельщины.

Мы знаем, что рабочие мануфактур потерпели поражение. Принятый в декабре 1790 г. регламент был компромиссом «между крайней суровостью и слишком большой снисходительностью» [99]. Директор мануфактуры Гобеленов утверждал, что в тяжелое время экономического кризиса, роста расходов не может быть и речи об увеличении заработной платы, а в интересах «национального производства» ее следует даже уменьшить [100]. Недаром власти рассматривали стачечное движение рабочих как «открытый бунт».

Повторяем, нас интересует не проблема забастовочного движения. Для нас в данном случае это движение интересно постольку, поскольку оно связано с общей постановкой социального вопроса и с проектами его разрешения в 1789—1790 гг. В первые два года революции социальный вопрос был сведен политиками и публицистами к проблеме н и щ е т ы. Так стоял вопрос не только для представителей Национального собрания, но и для теоретиков демократии. В этом — то специфическое, что характеризует постановку социальной проблемы в XVIII в. и отличает ее от постановки вопроса в XIX—XX вв.

При этом заметим, что вопрос о нищете по-разному ставился буржуазными политиками в 1789—1790 гг. и в 1791—1792 гг. В первый период буржуазная аристократия готова была для ликвидации революционной опасности разрабатывать проекты борьбы с нищетой на основе продуманной системы филантропических мер. Но постепенно вместе с оживлением промышленности, укреплением революции и возросшей потребностью в рабочих руках проблема нищеты руководящими группами буржуазии снимается с обсуждения: нормальный ход хозяйственного развития должен естественным путем разрешить эту проблему. Так рассуждали в 1791—1792 гг. победители-либералы, заняв в этом вопросе реакционную позицию.

Прямо противоположный процесс мы наблюдаем при анализе социально-политических взглядов представителей демократии. Социальная проблема все более заполняет их программу и принимает все более конкретный характер. Мероприятия по борьбе с нищетой уступают место вопросам стачечного движения, которые постепенно, правда, очень медленно, превращаются у отдельных демократов в вопрос о грядущей революции против нового общественного строя в целом. Конкретная действительность, конечно, гораздо сложнее, чем та схема, которую мы нарисовали выше, но она является итогом изучения историками богатого фактического материала.

Значительна ли была нужда во Франции в 1790 г.? Как многочисленна была категория «бедняков», о которой так много писали современники? Как распределялась эта масса между отдельными группами населения?

Голод 1788—1789 гг. в огромной степени увеличил эту армию. К моменту революции во Франции насчитывалось 200 тыс. безработных. В некоторых пунктах безработные скопились

в огромной массе: в Амьене и Абевиле — до 46 тыс., близ Эмбефа — 18 тыс., в Седане — 9 тыс., в Париже — больше 30 тыс. Число безработных возрастало изо дня в день: поденщики, каменщики, плотники, слесари, столяры, каретники, мелкие лавочники и т. д. пополняли ряды бедняков [101]. Об этом свидетельствуют данные о задержанных в Париже нищих летом 1789 г. [102] Большинство из них жаловались, что вынуждены просить милостыню потому, что находятся без работы около месяца, полгода и даже год.

Безработные играли в городах роль авангарда революционных масс. Матьез пишет: «Ошибаются те, кто утверждает, что рабочий вопрос не стоял в порядке дня 1789 г., что в это время революция будто бы имела дело лишь с крестьянским вопросом. Это утверждение справедливо лишь в том смысле, что борьба крестьян против феодализма имела в то время решающее значение. Но я поражен вместе с тем, что в тот самый момент, когда крестьяне после 14 июля спешили к замкам, чтобы сжигать акты о повинностях, подмастерья в городах спешили к таможням, поджигая их, отменяя пошлины, повышающие цены на хлеб. Я поражен также той значительной ролью, какую играли подмастерья во все революционные дни с момента переворота 14 июля и 5—6 октября. Нет сомнения, что нередко интересы хозяев, ремесленников и их рабочих совпадали: и те и другие страдали от вздорожания жизни и боролись против него рука об руку. Но вскоре их интересы разошлись и с 1791 г., с момента появления ассигнатов, не были более тождественны — они были враждебны друг другу...»[103].

Однако безработные пролетарии далеко не составляли всей массы бедняков королевства. В социальном отношении это была пестрая армия. Этого не понимает А. Матьез, допуская грубейшую ошибку: зачисляя всех бедняков в пролетарии, Матьез утверждает, что накануне революции во Франции было до 11 млн. «пролетариев»[104]! Выяснением этого вопроса мы займемся, чтобы проверить основательность данных по этому вопросу, собранных Маратом в его газете. Численный состав «армии нищеты» был установлен в сообщении Туре, докладчика комитета Национального собрания по борьбе с нищетой [105]. Он утверждал, что данные о количестве бедняков по различным областям дают разнообразные цифры: от 10 до 60% всего населения. Для Англии эта цифра в среднем равна $^1/_{20}$—$^1/_{25}$ всех жителей; Туре готов принять эту цифру и для Франции. Вот показательные данные для города Манс: активные граждане составляют примерно $^1/_{10}$ всего населения — 1800 на 18 тыс. душ. Если из остальной массы исключить тех, кто имеет средства к существованию, то остается примерно 7200 человек бедняков,

постоянно нуждающихся [106]. Исходя из этих расчетов, докладчик комитета сводит общую цифру бедняков для всей Франции к 1200 тыс. человек. Вся эта масса делится на три группы: из них здоровых, но лишенных работы — 500 тыс., больных, лишенных возможности работать, — 500 тыс.[107] На их содержание, т. е. на содержание только второй группы, следует потратить 50 млн. ливров.

Соответствуют ли эти цифры подлинному положению дел в 1790 г.? Проверить их вполне точно пока нет возможности. Но вот дополнительные данные, которые мы извлекаем из протоколов того же комитета. В июле 1790 г. решено было разослать анкету по всей Франции. Собраны были данные только по 41 департаменту о количестве лиц, не платящих налоги, и малоимущих (но не пролетариев). Таблица, приложенная к восьмому докладу комитета, насчитывает на 26 288 887 жителей Франции «пассивных граждан, не платящих налоги или платящих их в размере менее трехдневной заработной платы», примерно 2 739 384 человека. Считая в среднем по четыре человека на семью, получим, таким образом, 10—11 млн. бедняков во Франции накануне революции, из которых 3 млн. человек жили за счет общественной благотворительности. Но если приведенные данные даже приблизительно верны, то не подлежит сомнению, что руководитель комитета по борьбе с нищетой герцог Ларошфуко преуменьшил цифру нуждающихся, определяя в 1200 тыс. число тех, кто не имел даже минимума необходимых средств к существованию. Что это не были одни «пролетарии», убедительно свидетельствует тот факт, что в Париже на 600 тыс. населения насчитывали до 118 784 нищих, из них только 30 тыс. безработных [108].

Напомним теперь читателю таблицу распределения национального дохода, которую приводил Марат в связи с обсуждением проекта Неккера о «патриотическом налоге» и которая получила столь нелестную характеристику Жореса. Марат устанавливал число несостоятельных налогоплательщиков во Франции в 3 млн. человек, т. е., исходя из предположения комитета по борьбе с нищетой о средней цифре четыре человека на семью, в 12 млн. человек «бедняков»[109]. По Марату, все неимущее и малоимущее население Франции равнялось, примерно, 14—15 млн. Как мы видели, Матьез считает почти бесспорной цифру в 10—11 млн. (если исходить из цифры 2 739 384 пассивных граждан) и даже в 12—13 млн. (если исходить из цифры 3 207 073 «бедняков», приведенной в приложении к восьмому докладу комитета).

Марат в своих исчислениях был близок к истине.

Но мы имеем и ряд косвенных доказательств того, что указанная цифра — 1 млн. бедняков — была явно преуменьшена.

официальными источниками. Мы имеем в виду многочисленные заявления демократической публицистики и проекты социальных реформаторов.

В ноябре 1789 г. один из них, Ламбер, обратился в Национальное собрание с предложением о создании комитета, который должен был заняться вопросом «о применении великих принципов прав человека и гражданина и конституции к классу несобственников, составляющих, по всей вероятности, $^{9}/_{10}$ всей нации». Подобный же адрес, «О необходимости и средствах наиболее благоприятного применения труда рабочих» [110], был вручен Национальному собранию Бонсерфом, комиссаром дистрикта St.-Etienne du Mont.

18 декабря специальная делегация Коммуны настаивала перед Национальным собранием на создании комитета согласно проекту Ламбера. Но собрание передало этот проект своему комитету сельского хозяйства. Парижская коммуна была, однако, заинтересована в том, чтобы принять срочные меры по борьбе с нищетой. Она не могла согласиться с утверждением Петиона, что у Национального собрания нет практической возможности разрешить этот вопрос. Ратуша в этом случае действовала под напором дистриктов.

На заседании Коммуны от 29 марта представитель дистрикта St.-Magloire настаивал на принятии мер по борьбе с нищетой. Решение граждан в основном совпадало с проектом члена Коммуны Пуже. «Число бедняков в Париже растет изо дня в день, — говорил оратор, — они поедают то, что должны были бы получать подлинно несчастные, лишенные средств к существованию не по лени, а из-за отсутствия работы». Пуже предлагал разбить всех бедняков на пять групп: 1) мужчины и женщины, которым должна быть предоставлена работа; 2) и 3) мальчики и девочки, которых следует привлечь к труду; 4) неработоспособные; 5) бродяги, которых следует изгнать из Парижа. Автор проекта считал необходимым поручить специально избранному бюро следить за проведением в жизнь указанных мероприятий. Сочувствие муниципалитета было на стороне Пуже [111].

Коммуне следовало позаботиться, как отмечал это Ламбер в своем вторичном адресе, поданном Национальному собранию 14 января 1790 г., о том, чтобы «заменить анархию и восстание порядком и подчинением». Настоятельные требования Коммуны возымели свое действие: 21 января комитет по борьбе с нищетой был создан, и во главе его был поставлен герцог Ларошфуко Лианкур. В апреле состав комитета был расширен с 4 до 18 человек. В него были включены авторы многочисленных социальных проектов Ламбер и Бонсерф. Так комитет начал свою деятельность.

Каковы были принципы, на основе которых работал комитет? Об этом говорит план его работ, зачитанный 30 апреля 1790 г.[112] Всякий человек имеет право на существование. Конституция, построенная на принципах свободы, равенства и справедливости, должна заботиться не только о богатых, но и о бедных. Средства к существованию должны быть предоставлены беднякам в зависимости от их труда; тому, кто отказывается от труда, общество обязано дать только ничтожный минимум, который необходим, чтобы спасти его от голодной смерти. Само собою разумеется, что бедняк должен делать то, что ему прикажут владельцы средств к существованию. Не подлежит сомнению, утверждает Ларошфуко, что основная причина нищеты — это диспропорция между массой населения и средствами к существованию. Расцвет сельскохозяйственной промышленности и торговли гарантирует Франции уменьшение нищеты. Но это предполагает, что революция будет вскоре завершена и конституция утверждена. Значит ли это, что будет уничтожено экономическое неравенство, что исчезнет нищета? Конечно, нет! «Нищета — это неотъемлемая болезнь всякого общества. Хорошая конституция, мудрая администрация могут ослабить ее размеры, но, к несчастью, ничто и никто не может ее уничтожить» [113]. Отсутствие собственности у многочисленного класса граждан будет при любой конституции порождать нищету. Ослабить нужду это значит заставить бедноту трудиться. Соответственно этому все бедняки могут быть разделены на две категории: 1) подлинно нищие — голодающие, но желающие работать, дети и старики, инвалиды; 2) дурные нищие — бродяги, отказывающиеся от труда, нарушители общественного порядка. Ларошфуко предлагает как срочное мероприятие по уничтожению нищеты распределение за плату маленьких участков земли между бедняками, организацию работ по осушке болот, исправлению дорог, выкорчевыванию лесов и т. п. [114]

Но уже в своем первом докладе руководитель комитета по борьбе с нищетой главное внимание уделял второй категории бедняков — les mauvais pauvres. Они в свою очередь делятся на две группы: те, кто имеет жилище и упорно отказывается от работы, и те, кто лишен жилища, состояния и семьи; они часто меняют своих жен и крадут детей, представляя собою самый опасный вид нищих; из их среды рекрутируются разбойники с большой дороги [115].

Ларошфуко в своем докладе Национальному собранию от 12 июня 1790 г. снова возвращается к своей основной идее. «Не подлежит сомнению, — говорит он, — что забота о бедных —

наш социальный долг, но в обмен на трудовую повинность нуждающихся». «Дай мне жить», — говорит бедняк обществу.— «Дай мне твой труд» — отвечает ему общество[116]. Но в этом случае законодателю следует твердо помнить, что человек, прибегающий к помощи общества и находящийся на его содержании, должен находиться в менее благоприятных условиях, чем те, кто в этой помощи не нуждается или во всяком случае к ней не прибегает. Самое предложение труда нуждающимся должно соответствовать интересам и потребностям промышленности и сельского хозяйства. В период подъема хозяйства не лучше ли передать это дело в руки частных лиц?[117]

В своем третьем докладе комитет по борьбе с нищетой устанавливал «конституционные основы» организации дела помощи беднякам[118]. Исходным пунктом служит утверждение, что это дело не может быть поручено отдельным муниципалитетам; оно должно находиться в руках Национального собрания и должно быть поручено его доверенным лицам; государственные суммы, ассигнованные на помощь беднякам, составят национальный фонд.

Национальное собрание в 1790 г., таким образом, строго следило за тем, чтобы разрешение социальной проблемы находилось в его руках. Что сама постановка вопроса о нищете имела в виду прежде всего политические задачи руководящей буржуазной группы; что постепенно эти благотворительные задачи вытеснялись строго продуманными принципами социальной политики либеральной буржуазии, чьи интересы требовали пополнения рынка рабочей силой и, следовательно, отказа «от излишних забот о здоровом бедняке», об этом наилучшим образом говорит четвертый доклад Ларошфуко от 1 декабря 1790 г.[119]

С еще большей отчетливостью, чем раньше, докладчик комитета по борьбе с нищетой подчеркивает, что собственность и экономическое неравенство — основы общества, что конституция и порядок — единственная гарантия национального благополучия. Принципы «мудрой экономии» должны лечь в основу политики комитета. Если Ларошфуко все еще продолжает говорить о раздаче части земель нуждающимся, то он с полной отчетливостью теперь утверждает, что нет возможности осуществить «право на труд»[120]. Речь идет не о том, чтобы доставлять работу отдельным лицам, а о том, чтобы прежде всего добиться процветания «источников труда» — промышленности и сельского хозяйства. Допустимо ли, чтобы собственники мануфактур жаловались на недостаток рабочих рук, в то время как бедняки будут жить за счет государства?[121] Государство не должно быть конкурентом частного предпринимателя. Ларошфуко последовательно разрабатывает целый ряд

репрессивных мероприятий против тех, кто отказывается от работы; для повышения производительности труда частных предприятий он сокращает даже число праздников[122].

Таковы те принципы, которые легли в основу деятельности комитета: такова эволюция этих принципов за 1790—1791 гг.: от опеки бедняков к прямой защите предпринимателей.

Интересно на нескольких примерах проверить, как практически осуществлялись эти принципы в 1790 г. Обратимся к протокольным записям комитета. Члены комитета распределили между собой работу по охране продовольствия и защите бедняков; они занялись обследованием их жилищ, убежищ, исправительных домов, тюрем, условий приискания труда, переброски нуждающихся из одного района в другой и т. д. Что касается основного лозунга — реализации «права на труд», то в 1790 г. практически делалось то же, что и в 1789 г. После ликвидации работ на Монмартре были организованы новые работы в Париже в сентябре 1789 г. К 1 декабря в мастерских насчитывалось 5 тыс. рабочих. Их число беспрерывно возрастало: 1 мая 1790 г. их было 10 104, в июле — 17 021, в августе — 15 550, в ноябре — 21 040. Намеченный комитетом план работ сводился к засыпке каменоломен, постройке мостов, прокладыванию дорог, осушке болот, выкорчевыванию лесов, очистке города от нечистот, прокладыванию бульваров, каналов и т. д.[123] Комитет по борьбе с нищетой нередко запрашивал местные власти, какие работы могли бы быть дополнительно организованы, чтобы занять безработных. Много нового эти мероприятия, однако, дать не могли.

Комитет перенес тогда свое внимание на мероприятия по удалению бедняков из столицы, прежде всего иностранцев, а затем и наиболее опасных элементов среди безработных парижан. С большим интересом комитет теперь выслушивал всякие предложения частных предпринимателей о возможности занять детей и женщин на производстве[124]. Армия безработных детей, находящихся на содержании государства, составляла 22 410 человек. Решено было приступить к систематической организации работных домов. Параллельно разрабатывали проект о вывозе бедняков в колонии[125].

Но результаты всех этих мероприятий были ничтожны. В заседании комитета по борьбе с нищетой 30 августа 1790 г. Сегю читал доклад о благотворительных мастерских и общественных работах. Он доказывал, что отныне основным принципом благотворительности должно служить снижение заработной платы занятых на работах по сравнению с заработной платой рабочих частных предприятий, «свободной индустрии». В этом смысле интересна протокольная запись заседания коми-

тета от 27 сентября. Муниципалитет общины Аттиши просит от имени своих граждан для уменьшения нищеты установить твердые цены на хлеб [126].

Комитет по борьбе с нищетой пересылает их просьбу комитету финансов, категорически настаивая на том, чтобы граждане общины охраняли провозглашенные Национальным собранием принципы свободной торговли. В том же заседании комитет рассмотрел предложение г-на Валланда об организации фабрики тафты «в пользу покинутых детей». Комитет торжественно выражает благодарность г-ну Валланду и обещает ему всяческое содействие [127]. Комитет по борьбе с нищетой насаждал, таким образом, детский труд на частнокапиталистических предприятиях.

Несмотря на более или менее хороший урожай, нищета не уменьшалась, а возрастала. Комитет в октябре 1790 г. тревожно следил за ростом армии бедняков. Но нельзя было придумать ничего нового с точки зрения победителей; одновременно разрабатывались проекты канала St.-Maur—Paris, и выяснялась возможность массовой высылки безработных из столицы и крупных городских пунктов, с тем чтобы, однако, помешать их скоплению в провинции и добиться их распыления по всей стране.

Главная надежда возлагалась на восстановление промышленности. Бедняки предоставлялись в распоряжение фабрикантов по первому их требованию [128]. От общих рассуждений о «праве на труд» буржуазия переходила к действиям по охране и развитию капиталистического производства.

Для понимания социальных проектов Марата интересно и необходимо хотя бы в самих общих чертах присмотреться к одной из отраслей общественных работ — мы имеем в виду мастерские прядения [129]. В этой отрасли ярче всего сказывались чисто капиталистические принципы социальной политики комитета, классовое лицо его филантропии. Организация подобных мастерских рассматривалась комитетом как исключение, как мероприятие временное. Внимание оказывалось прежде всего частным предпринимателям; новая власть меньше всего стремилась к восстановлению королевских мануфактур. Материалы, собранные Тютеем для Парижа, дают этому достаточно доказательств.

Несколько примеров: комитет Коммуны отклоняет предложение Фр. Гильдебранда, механика, об организации правительством прядильных мастерских с технически усовершенствованным оборудованием для женщин и детей, но идет навстречу г-ну де Жисьену, разоренному предпринимателю, испрашивающему субсидии для того, чтобы развернуть большое дело и занять много тысяч рабочих [130]. Руководители социальной политики Коммуны при этом обосновывают свое решение тем, что мануфактуры все разрушены, создавать же новые было бы безрассудно.

Бывший директор мануфактуры полотна Шардерпон жалуется Байи на то, что его дело разорено английской конкуренцией; он просит ссуду для восстановления предприятия. Мэр отвечает: «Мы посмотрим, что можно сделать для вас» [131]. Но в то же время власти отклоняют предложение об организации предприятия по прядению шелка в Париже или об организации мастерских по выработке хлопчатобумажных изделий в каждом из дистриктов за государственный счет [132].

Естественно, что власти Парижа вводили в мастерских каторжный режим, режим работных домов. Цена труда устанавливалась здесь, впрочем, как на всех общественных работах, ниже заработной платы частных предприятий. Бросившие работу у частных предпринимателей не допускались в прядильные мастерские. Вводилась жестокая система штрафов. За праздничные дни не платили, равно как не платили и заболевшим на работе. В целях «экономии времени» заставляли рабочих обедать в мастерских и т. п. [133] Но и в этих каторжных условиях рабочие, герои 14 июля и 5—6 октября, «бунтовали». Администрация благотворительных мастерских жалуется на массовое распространение зажигательных писаний среди рабочих, на преступные коалиции пролетариев в целях повышения заработной платы [134].

Мастерские становились реальной опасностью для буржуазной власти. Выход был в отказе от социальной политики в интересах обеспечения предпринимателей свободной рабочей силой. Таков смысл докладной записки, поданной муниципальным властям предпринимателями Гюгоном и Пассом из Абвиля об организации фабрики на 3—4 тыс. рабочих (8 декабря 1790 г.). «Париж столь же благоприятен для организации мануфактур, как и Лондон», — утверждают авторы проекта. Необходимо, чтобы общественные мастерские не мешали развитию индустрии. Они должны оказывать содействие частной инициативе; мастерские обязаны доставлять предпринимателям рабочих [135].

Социальная политика Национального собрания 1789—1790 гг. уступила свое место новой политике, основные принципы которой были блестяще выражены в цитированной выше речи де Польвереля о распродаже национальных земель: «К чему сводится обязанность нации по отношению к беднякам? К необходимости доставлять работу тем, которые могут и хотят работать, но заставлять работать всех тех, кто может, но не хочет работать...».

3

Требования народных масс шли, конечно, гораздо дальше той суммы мероприятий общественной благотворительности, которая проводилась комитетом по борьбе с нищетой в интересах буржуазии. Вот несколько подобных проектов, исходивших от сельского населения. Общее собрание коммуны Рокенкур (близ Версаля) 3 сентября 1790 г., обсудив подробно вопрос о мерах по уничтожению нищеты, «единодушно признало, что не может быть других средств по борьбе с нищетой для восстановления прав собственности, которыми пользовались в прошлом наши предки и которых нас лишили, как вернуть общине Рокенкур ее земли, занятые парком версальского замка, вернуть леса Марли, королевский заповедник, никому ненужный пруд и т. д.»[136]. 15 сентября подобное же решение вынес муниципалитет Montigny: чтобы уничтожить нищету, следует распределить между бедняками по крайней мере 100 арпанов земли[137]. Община Шене настаивает на распределении между крестьянами земель королевского лесного заповедника по 3 или по $1^1/_2$ арпана на каждого земледельца, обремененного семьей. лишенного заработка и состояния[138]. Еще характернее постановление общины Гианкур от 5 сентября 1790 г. Граждане общины просят короля вернуть им земли, которые они уступили ему в апреле 1740 г. Земли эти они хотят распределить между собою мелкими участками, так как это спасет их от нищеты[139]. Общее собрание коммуны Буа д'Арси внимательно обсудило вопрос о причинах нищеты и о мерах ее ликвидации. Безработица — вот основная причина голода. Уничтожить нищету возможно мирным путем, но не путем ограбления богатых. «Мы уважаем, — спешат успокоить власть просители, — священное право собственности, но мы должны сказать вам со всем почтением, какое питаем к вам, что нужда бедняков велика и что, если не будут немедленно приняты меры действительной помощи, они погибнут у вас на глазах». Раздача земли нуждающимся, осушка болот, исправление дорог — вот реальные средства помощи населению. «Напрасно стремятся создать мануфактуры в Буа д'Арси — этот род труда требует длительной привычки, и мало вероятно, чтобы руки, привыкшие к обработке земли, пригодны были к какому-либо другому труду»,— читаем мы в петиции[140].

Требования эти характерны не только для сельской бедноты, но и для трудящихся городских коммун; они не шли дальше в своих социальных проектах. Муниципалитет Одело в дистрикте Шомон 26 сентября 1790 г., обсудив вопрос о мероприятиях по борьбе с нищетой, пришел к выводу о необходимости принять срочные меры по подъему сельского хозяйства, исправлению

путей сообщения, организации благотворительных мастерских и специальных прядильных мастерских для женщин и детей[141]. Этими последними пунктами городские проекты отличались от сельских: города придавали больше значения вопросу об организации общественных работ и мастерских, села делали ударение на разделе и раздаче земельных участков. Но, как мы знаем, в проектах Комитета по борьбе с нищетой и в проектах Ларошфуко отмечалось, что частичное удовлетворение земельной нужды облегчит дело борьбы с растущей нуждой населения.

Наиболее характерными для социальной мысли буржуазной Франции 1789—1790 гг. являются проекты Бонсерфа и Ламбера. Они по существу легли в основу социальной практики комитетов Национального собрания и Коммуны Парижа по борьбе с нищетой. Бонсерф выступил еще в августе 1789 г. с проектом о борьбе с безработицей. Исходным пунктом его рассуждений служило утверждение, что скопление огромной массы безработных — серьезная угроза порядку. Надо позаботиться о предоставлении им работы. «Первые кредиторы нации — это руки, которые требуют труда, и земля, которая ожидает обработки». Бонсерф разработал детальный план осушительных работ как наилучший способ разрешения социальной проблемы и уничтожения безработицы[142]. В протокольных записях комитета сельского хозяйства и торговли сохранились материалы, на основании которых мы можем судить об отношении господствующего класса к этим проектам. Под давлением Коммуны Парижа и комитета сельского хозяйства Национальное собрание постановило в декабре 1789 г. напечатать проект Бонсерфа[143]. Этому проекту было оказано предпочтение перед рядом других подобных же проектов[144]. В основе его лежала не столько организация государственных работ, сколько привлечение частного капитала для их выполнения — задача огромной важности. Характерна переписка между заинтересованными организациями. Байи писал комитету 8 апреля 1790 г.: «Порядок и спокойствие в ближайшую зиму зависят от предоставления работы беднякам Франции; отсутствие ее послужит причиной беспорядков, необходимо принять срочные меры». Аббат Фоше в сопроводительном письме от 20 апреля добавлял: «Возможно, что единственное средство спасти богатых от опасностей, которые им угрожают, — это создать такой порядок вещей, который разрешит им спокойно и с успехом пользоваться своими капиталами, предоставляя труд рабочим; этим и только этим будет создана взаимная зависимость между богатыми и бедняками для их общего блага»[145].

Проекты Ламбера несколько отличались от проектов Бонсерфа. В них было проявлено больше внимания к рабочим. Ламбер, о котором мы писали выше, еще до 1789 г. провозгласил

и защищал принцип о том, что «сохранение жизни бедняков — основная задача конституции»[146]. В своем «Наказе беднякам» он выдвигает на передний план заботу о минимальной, но достаточной зарплате, считает необходимым оказывать покровительство полезным отраслям производства в отличие от старого режима, который поощрял производство предметов роскоши, наконец, предлагает, чтобы конституция установила общую опеку над бедняками Франции[147]. Требуя отмены привилегий и монополий, Ламбер, подобно автору другого проекта, предлагал Национальному собранию уничтожить нищету, введя особый налог на состоятельных граждан[148]. Фабрикант Волланд настаивал на организации благотворительных мастерских[149]. Все они исходили из необходимости не допускать дальнейшего развития революции, из необходимости примирения интересов богатых и бедных.

В этом направлении работала социальная мысль в первые годы революции. Стоит только внимательно вдуматься в то, что говорили и писали руководители либерально-политической, гуманитарной организации, продолжающей традиции франкмасонства, руководители «Cercle Social»[150], чтобы согласиться с этим. Объединяя разнородные элементы, «Cercle Social» ставил перед собой широкие просветительные задачи и прежде всего задачу просвещения трудящихся «во имя мира и национального согласия». Теоретики организации — Фоше и Бонневиль — выдвигали социальную проблему, подчеркивали ее значение, но разрешали ее в духе классового мира.

Таков смысл книги Фоше «De la Religion Nationale». «Религия... признает необходимость, — читаем мы в этой книге, — экономического неравенства, непреложную справедливость законов собственности, которые заставляют одних быть нищими, а другим разрешают быть богатыми... Но горе богатству черствому и немилосердному...»[151]. Исходя из этих положений, Фоше, а с ним и другие представители «Cercle Social» поддерживали и пропагандировали идею национальных мастерских. «Необходима маленькая мастерская в каждой общине, содержимая за счет общин, средняя мастерская — в каждом дистрикте, за счет дистрикта, очень большая мастерская — в каждой провинции, за ее счет; расходы эти невелики, потому что труд работников доставит средства, пополняющие кассу благотворительных мастерских»[152]. Обосновывая свою систему «национальной филантропии», Фоше, однако, не забывает подчеркнуть, что заработная плата в мастерских должна быть ниже заработной платы частных предприятий, что она должна давать только минимум необходимых средств к существованию, чтобы не развращать работников и не наносить вреда индустрии и предпринимателям[153].

Организация общественных работ должна поднять эффективность труда отдельных предприятий, улучшить пути сообщения, украсить города. Все это разрешит вопросы нищеты исключительно легальным путем и положит вместе с тем предел излишествам богатых[154]. Не допустить в стране господства «касты богатых» — такова основная задача законодателя. Но вместе с тем надо твердо помнить, что торговле должна быть предоставлена полная свобода. «Возможно ли, — спрашивает Фоше, — комбинировать законы таким образом, чтобы не посягать даже на ничтожную долю богатств отдельных лиц и чтобы вместе с тем немыслимо было в будущем скопление крупных земельных богатств в одних руках?»[155]. Такова задача, поставленная «Cercle Social», исключительно характерная для социальной мысли широких кругов буржуазной демократии первых лет революции. Недаром в тесной связи с этим обществом находился не только Байи, но и Кондорсе, Барер, Бонневиль — будущие деятели Жиронды, правого крыла монтаньяров и т. д.

Следует, однако, отметить, что социальная мысль этих слоев была направлена в основном против либералов-экономистов. Они защищали преимущества мелкой собственности над крупной, требовали по возможности распыления собственности. «Богатства будут распределены среди наибольшего числа семей», — в этом для Фоше loi agraire[156]. Но Фоше не предполагает, что осуществление аграрного закона — дело практической политики сегодняшнего дня. Он всецело солидарен с Бонневилем: «Существует громадная разница между требованием аграрного закона и просьбой об издании рациональных законов о наследствах, способных незаметно уменьшить целый «ряд скандально нажитых богатств»[157]. Система национальной благотворительности становится социально-охранительной системой, это доказывали представители «Cercle Social» в своей полемике с якобинским клубом в феврале 1791 г.[158]

4

В свете всего изложенного нам станут понятны взгляды Марата, как они были сформулированы им в 1790 г., на социальный вопрос, на вопрос о борьбе с нищетой. Решающим в оценке этих взглядов, как нам кажется, является то обстоятельство, что социальные планы Марата находятся в точном соответствии с его взглядами на финансовый вопрос и на вопрос о продовольствии. Мы имеем в данном случае единую систему взглядов. Марат, конечно, и в этом случае остается сыном своего времени. Наша задача сводится к тому, чтобы установить не только то общее, что объединяет его проекты со всей социаль-

ной мыслью первых лет революции, но и то, что выделяет его, что придает его мысли своеобразный характер, ставит Марата не только как практика-революционера, но и как мыслителя в первые ряды теоретиков его эпохи.

Марат отнюдь не отбрасывает благодеяний филантропии. Мы нередко найдем у него полное согласие с положением «о долге богатых помогать бедным». Летом 1790 г. рабочие, занятые разборкой Бастилии, обратились к Марату с просьбой защитить их интересы. В своем ответе он выдвинул идею создания «национального фонда» для выплаты ежемесячного пособия всем безработным отцам семей и вместе с тем подчеркнул, что долг состоятельных граждан прийти на помощь беднякам[159]. В 1790 г. Марат проявил исключительный интерес к социальной проблеме и к деятельности комитета по борьбе с нищетой. Создание прядильных мастерских он считает особенно важным мероприятием и отмечает как большое достижение механическое прядение в благотворительных мастерских; он требует их укрупнения по английским образцам, с тем чтобы они способны были довести число рабочих до 1500 человек [160]. Марат отмечает также общественные услуги тех предпринимателей, которые предлагают воспользоваться свободной рабочей силой для своих предприятий. Но отнюдь не в этом центр тяжести его социальных проектов.

В июне—августе 1790 г. он дал набросок своей утопии — проекта разрешения вопроса о безработице. До сих пор ни один из биографов Марата, к сожалению, не обратил внимания на его планы радикальной ликвидации нищеты. Мы имеем в виду его «Projet d'établissement de bienfaisance, offrant un moyen infaillible de détruire la mendicité» [161].

Весной Коммуна Парижа решила приобрести на 200 млн. ливров имущества духовенства. Это — безусловно общественно полезное решение, замечает Марат, но задача дистриктов — следить за его осуществлением. Как следует хорошо организованной народной власти воспользоваться этим приобретением? Среди всей массы имуществ, приобретенных Коммуной, имеются здания ликвидированных религиозных общин. Здания эти не имеют особой цены; революция неизбежно приведет на первое время к уменьшению населения в столице, так как оттуда будут изгнаны паразиты, привилегированные и обслуживающий их персонал, а это неизбежно повлечет за собой и понижение земельной ренты; земли потеряют в цене, особенно в кварталах, отдаленных от центра. С другой стороны, если учесть, что революция привела к кризису торговли и промышленности, что нищета растет изо дня в день, несмотря на все меры, которые принимают дистрикты, то мудрые муниципальные власти по инициативе правительства могли бы наилучшим образом использовать эти здания [162]. Необходимо разработать план

организации в этих зданиях различного рода мастерских; они были бы теснейшим образом связаны не только с делом помощи нищим, но и с интересами всего французского хозяйства.

Национальное собрание ассигнует для организации подобных мастерских те 1400 тыс. ливров, которые были ассигнованы им на военные нужды, и безработица в Париже исчезнет. Утверждают, что невыгодно строить в Париже новые мастерские. Но малая прибыльность мануфактур объясняется дороговизной хлеба, высотой косвенных налогов, высокой жилищной платой; если переложить бремя налогов на богатых и установить высокие ставки не на предметы продовольствия, а на предметы роскоши, если добиться правильного снабжения трудового населения столицы хлебом, то, принимая во внимание, что помещения духовенства, приобретенные Коммуной, обойдутся сравнительно дешево, выгода организации в них муниципальных мануфактур очевидна.

Марат при этом не забывает подчеркнуть, что монастыри и их столовые — наилучшие помещения для подобных мастерских, что кельи монахов и другие не менее удобные монастырские помещения послужат здоровым жилищем для рабочих, до сих пор живущих в подвалах. Даже за эти помещения они платят дорого. Никто не препятствует организации ряда мануфактур в Париже. Наиболее подходящими из них будут те, которые станут применять механические изобретения англичан. Англичане, добавляет Марат, «в настоящее время наши учителя в мануфактурном деле, подобно тому как сто лет назад их учителями были мы».

Свой проект Марат разрабатывает и расширяет в статье от 14 июня 1790 г. [163] Хотят разрушить жилища религиозных общин — это безумие. Но если это будет сделано, то придется вновь построить здания примерно по тому же плану специально для мануфактур для реализации того проекта, который предлагает Марат. Он предлагает в интересах бедноты заменить королевские мануфактуры государственными и муниципальными фабриками. Королевские мануфактуры в прошлом были бременем для государства, мануфактуры во Франции прозябали. Успеху этих предприятий до сих пор мешала продажность привилегий и жадность администраторов. Патенты на мануфактуры были предметом купли и продажи, на этом наживались владетельные принцы старого порядка. Организатор мануфактур вынужден был значительную часть своих средств тратить на покупку патента, прежде чем он пускал в ход предприятие; не меньше денег приходилось тратить на постройку апартаментов для их покровителей, сеньеров. Но стоит сравнить организацию общественных предприятий во Франции и Англии, чтобы убедиться, в какой мере они лучше организованы

в Англии. Нельзя ли теперь, после победы революции во Франции, изменить положение дел?

Национальные мануфактуры помогут нам уничтожить нищету. Лень и паразитизм порождены нуждой и излишествами. Дайте бедняку материально обеспеченное существование, и он морально возродится. Ведь нужда может его заставить без всякой охоты работать только в течение минимально необходимого времени, чтобы не умереть с голода. В этих условиях он и ищет утешения в вине. «Но дайте ему какую-либо скудную собственность, дайте ему возможность воспользоваться плодами своих трудов, и он привяжется к ней как к источнику своего благополучия, он сделает все, чтобы ее сохранить и увеличить... С нищетой исчезнет разврат, и мы будем свидетелями счастья многих».

В Швейцарии мы нередко можем встретить подобные примеры. замечает Марат. Кельи монастырей, маленькие меблированные комнаты могут осчастливить тысячи молодых пар. «...Я набросал для обездоленных, — заканчивает Марат, — картину преимуществ, которые могут быть извлечены из домов духовенства. Каким малозначительным ни показался бы им мой проект, я надеюсь, что они не пройдут мимо спасительных предложений, которые были внушены Другу народа его любовью к человечеству» [164].

Было бы нелепо рассматривать эти проекты как прообраз социальных систем индустриального пролетариата. Марат остается человеком своего времени, идеологом плебейских масс Франции, страны мануфактурного производства. Глубочайшие противоречия эпохи промышленного переворота остаются ему непонятными. Мечтая о благополучии «пролетария-собственника» в монастырском здании — фаланстере, он предлагает Коммуне и Национальному собранию организовать национальные мануфактуры — государственные предприятия с применением технических усовершенствований передовой Англии. Марат отклоняет, таким образом, основное положение либеральной буржуазии о ликвидации «государственного хозяйства», в том числе и королевских мануфактур, во имя свободной конкуренции и частных предприятий; он идет гораздо дальше сторонников «национальной системы филантропии», для которых борьба с нищетой служила дополнением к мероприятиям по восстановлению капиталистической промышленности. Отметим, что Марат не бунтовал против машины, против английской техники, его идеи были чем-то самостоятельным, выходящим за пределы широко распространенных взглядов, но все же взглядами, типичными для предпролетариата, для рабочего класса Франции XVIII в.

5

Решающей особенностью социальных проектов Марата была, однако, их органическая связь с его политической программой революционной борьбы. В сочетании они дают то, что мы называем маратизмом.

Революционные идеи прорывают оболочку демократических принципов, заставляют Марата все яснее и точнее формулировать классовые задачи борьбы, точнее определить контуры той классовой власти, которая диктаторским путем в результате вооруженного восстания обеспечит окончательное торжество народа. В этой связи нам кажется особенно интересным познакомиться со взглядами Марата на борьбу за всеобщее избирательное право. Анализ этого вопроса даст нам возможность наилучшим образом выяснить своеобразие его демократической программы революции. Борьба с цензовой избирательной системой в 1789—1790 гг. была делом весьма широкого социально-политического блока: Дюпор, Кондорсе, «Cercle Social», Робеспьер, Демулен, Марат — все боролись с законом об избирательном цензе, но понять позицию каждого из них значит выяснить не только то общее, что объединяет их политически, но и то, что отличает их в классовом отношении друг от друга.

К письму К. Демулену от 24 июня приложено обращение к «отцам-сенаторам — от тех, кто ничего не имеет к тем, кто имеет все» [165]. Две трети нации лишены политических прав в государстве, и хотя времена старого порядка миновали, но «как бы ни были удачны перемены, происшедшие в государстве, все они только для богатых; к бедняку небеса были и всегда останутся скупыми».

Исходным пунктом рассуждений Марата является следующее утверждение: «Но какое же значение имеет политическая свобода для нас, которые никогда ее не знали и никогда не будут знать?.. У нас, обездоленных, совершенно нет времени на размышление... При теперешнем якобы господстве свободы нам придется еще хуже, чем при господстве рабства» [166]. Вопрос об экономическом равенстве в глазах народных масс превалирует над вопросом политической свободы. «Что сталось бы с нациями, если бы бедняки прониклись сознанием своих прав, как иные философы, и если бы размышление разжигало в них сознание своего ужасного положения?». Марат не отвечает на этот вопрос. Как мелкий буржуа, он по существу не способен дать на него ответ. Социальная революция против собственности пугает его, как и Бабефа; он в лучшем случае делает лишь половинчатые выводы из своих демократических принципов. Но идея равенства демократов XVIII в. имеет огромное поло-

жительное значение: «Равенство, — писал Ленин, — не только идейно выражает наиболее полное осуществление условий свободного капитализма и товарного производства. И материально, в области экономических отношений земледелия, вырастающего из крепостничества, равенство мелких производителей является условием самого широкого, полного, свободного и быстрого развития капиталистического сельского хозяйства» («Сила и слабость русской революции». — Соч., т. 12, стр. 316). «Идея равенства мелких производителей реакционна, как попытка искать позади, а не впереди, решения задач социалистической революции. Пролетариат несет с собой не социализм равенства мелких хозяев, а социализм крупного обобществленного производства. Но та же идея равенства есть самое полное, последовательное и решительное выражение буржуазно-демократических задач» (там же). Эти указания Ленина мы должны помнить, когда речь идет об «уравнительных проектах» XVIII в. Даже наиболее блестящие представители демократии не могли подняться над своим временем; утопические проекты Марата стремились осуществить только то равенство, о котором пишет Ленин.

«Вы уделили много внимания собственности, поставленной вами под защиту законов; но как мало значат все эти установления для человека, которому не приходится вести дел, не приходится защищать свои интересы. Да и какое значение может иметь для неимущего сама собственность?» — читаем мы у Марата. Налоговое бремя заменило старые привилегии; земли духовенства, имущество бедняков пошли на покрытие государственных расходов, стали достоянием мошенников и вампиров, и громадные деньги идут на уплату жалованья попам и чиновникам — по 35 су в день, а граф д'Артуа получает 19 млн. для оплаты своих долгов. «Каково заключение? Все те преимущества, которые богачи находят в своих владениях под защитой наших узаконений, существуют не для нас, и в этом отношении мы также остаемся столь же чуждыми революции, как если бы вовсе не входили в состав государства».

До сих пор новый порядок вещей целиком идет на пользу богачей и интриганов. «Основное положение «Декларации прав человека и гражданина» нарушено в корне». Декрет о «марке серебра» превращает декларацию в «пустую приманку на потеху дуракам, потому что вы боялись раздражать отцов-законодателей; в конечном счете она сводится к передаче в руки богатых всех преимуществ, всех почестей нового порядка; значит славная революция произошла на пользу только одним счастливцам».

Те же пожелания с еще большей отчетливостью Марат разъясняет в своем обращении «К отцам отечества» [167]. Не подлежит сомнению, что революция — дело народных низов, восстания le petit peuple. Взятие Бастилии совершилось благодаря 10 тыс. рабочих Сент-Антуанского предместья. Вопрос о «марке серебра» — это вопрос о праве рабочих воспользоваться своей победой. Трудящиеся массы жертвовали своей жизнью, в то время как богатые прятались; но последние воспользовались победой, когда народ восторжествовал в бою с деспотизмом. Победители не хотят признавать прав бедняка, считая, что он продажен. Но разве трудящиеся Парижа не доказали своей неподкупности?

Повсюду богатые — слуги деспотов. «Не забудьте, — угрожающе взывает Марат, — что в день 14 июля ничто не могло бы сдержать народного гнева, направленного против аристократии богатства...». Напрасно хотят поставить предел революции. Революция закончится с установлением полного равенства. «Отцы отечества! Вы баловни судьбы. Мы сегодня не требуем еще от вас раздела ваших имуществ, имуществ, которые небо дало всем в общее пользование; осознайте нашу умеренность в ваших собственных интересах. . . Поймите те жуткие последствия, которые может иметь ваше безрассудство. Трепещите! Отказав нам в правах граждан на том основании, что мы бедняки, вы заставите нас восполнить недостаток, захватив ваш излишек!..». Остерегайтесь народного восстания; чтобы поставить богачей на свое место, трудящимся достаточно скрестить руки. «Будучи вынужденными работать, обрабатывать поля, сможете ли вы сопротивляться воле трудящегося большинства?.. Поймут ли эту угрозу богачи?» [168].

Не подлежит сомнению, что Марат в своей агитации против «марки серебра» опирался прежде всего на ремесленников, рабочих, бедноту предместий; к ним он обращался со своим призывом.

Отметим здесь его «Обращение к беднякам предместий Сент-Антуан, Сен-Марсель, Сен-Виктор, Сен-Мартен и всех других кварталов Парижа» [169]. Говоря о бесправии бедняков, он предлагает им начать борьбу за свои политические права, самочинно захватывая комитеты дистриктов, внося себя в списки граждан, «по нелепости называемых активными». Речь идет в конце концов об элементарном праве граждан, о праве, завоеванном революцией, утверждает Марат. Для Марата требование всеобщего избирательного права — политический минимум, осуществление которого решает вопрос, свободна ли Франция. «Если Франция стала свободной, — без конца повторяет Марат, — она обязана своим счастьем тем смелым

гражданам, которые порвали цепи, тем беднякам, которые отбросили страх смерти и подняли знамя восстания, беднякам, которые первые подняли оружие, сожгли заставы, пролили кровь у стен Бастилии» [170].

Эта историческая справка ему нужна, чтобы призвать массы на бой против Национального собрания и Коммуны. Пусть бедняки парижских предместий игнорируют закон, пусть они объединяются и, если их требования не будут удовлетворены, они могут, они должны поднять знамя восстания против Национального собрания.

Здесь Марат снова поднимает вопрос о правах дистриктов. 29 июля 1790 г. он печатает в подробных выдержках любопытную брошюру «Мысли о первичных собраниях», где доказывается, что декрет Национального собрания об упразднении дистриктов незаконен. Марат приветствует выступление дистрикта St.-Etienne du Mont, отказавшегося исполнить предписания закона, и зовет другие дистрикты последовать этому примеру. Он продолжает развивать свою мысль и в последующих номерах газеты [171]. В «Adresse aux citoyens des districts de la capitale» Марат пытается в связи с обсуждением вопроса о «марке серебра» снова поднять дистрикты на борьбу с Коммуной и Национальным собранием. Привилегированные изгнаны, новые люди заняли их места. Но они захватили власть в свои руки, чтобы поработить народ. Муниципальная аристократия опирается на аристократию Национального собрания; национальная гвардия — их вооруженная сила. Уничтожив права дистриктов, победители подрывают основы демократии и революции; издав закон об активных гражданах, они хотят воспользоваться плодами своей победы над революцией. Одно связано с другим; то и другое упирается в новое восстание народа [172].

Марат делает попытку разъяснить то, что отличает его борьбу с цензовой избирательной системой от выступлений остальных демократов. Робеспьер для Марата — единственный патриот в Национальном собрании, он один в этом собрании следует великим принципам. Робеспьер был прав, считая, что законодатель не смеет лишать бедняков звания активных граждан. Однако не потому, как думает Робеспьер, что эти права природные, но потому, что в государстве, построенном на справедливых принципах, все должны быть равны [173]. Марат решительно отбрасывает аргумент тех, кто готов признать естественные права человека, но считает, что рабочий, занятый трудом и не имеющий времени для политики, не должен ею заниматься. Революция не может служить интересам зажиточного меньшинства. «Бедняки составляют $^{19}/_{20}$ нации; они будут хозяевами государства, если осознают свои права и почувствуют свои силы; чтобы разрушить государство, им достаточно, — повторяет Марат свою излюбленную мысль, — не захотеть больше работать...» [174].

Не должно ли Национальное собрание образумиться? Марат снова и снова повторяет положения, обоснованные им еще в «Плане конституции»: бедняку следует предоставить не только избирательное право, но и обеспечить человеческое существование, чтобы он мог спокойно заниматься общественными делами. «Вот к чему следует прийти нашим представителям, если они не хотят в один прекрасный день услыхать требование трех четвертей нации о разделе земли». День этот наступит раньше, чем думают многие, он будет результатом прогресса политических знаний среди народных масс. «Немного философских размышлений, и победители поняли бы, что земли духовенства — достояние бедняков — должны быть возвращены последним, чтобы быть распределенными между ними мелкими участками...». Так требование всеобщего избирательного права в интересах трудящихся масс, борьба за демократию тесно увязываются у Марата с программой социальных реформ. Он угрожает господствующим классам, утверждая, что их сопротивление повлечет за собой новую революцию народных предместий, революцию против богатых.

«Аграрный закон» был угрозой и программой этой грядущей революции бедняков. Ее наступление он ставил в зависимость от благоразумия господствующих классов и организованности угнетенных. Одна контрреволюционная брошюра той эпохи, подписанная «подмастерьем-пивоваром», так изображает беседу между двумя рабочими, жителями Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий, по вопросу о маратовской агитации за всеобщее избирательное право: Марат вслед за Барнавом, Дюпором, говорит автор брошюры, поднимает народ на борьбу с Национальным собранием, но рабочим не нужны политические права, когда они сыты: «Если я, бедный рабочий, стану активным гражданином, я, безусловно, не буду мэром, и я был бы весьма огорчен, если бы стал им... К черту, будем трудиться и сохраним спокойствие, нас это не касается». Буржуа-реакционеры понимали, что агитация Марата пробуждает политическое сознание и активность рабочих; они пытались бороться с его влиянием [175].

Социальные идеи Марата — утопия мелкого буржуа. Но их сила была в том, что они составляли органическую часть его политической программы революции, точнее, программы грядущего восстания трудящихся масс против аристократии капитала. Это и выдвигало Марата и его газету на первое место в рядах революционной публицистики, хотя многим казалось, что он «чудовище-одиночка».

6

Борьба за всеобщее избирательное право в 1790—1791 гг. вызвала ожесточенную классовую борьбу. Аристократы из рядов буржуазии требовали цензовой системы. «Общество, — заявлял Малуэ в своем письме к избирателям от 13 мая 1790 г., — обязано, несомненно, призревать неимущих, но справедливо ли предоставить им возможность располагать общественной собственностью?»[176]. Представитель старого поколения экономистов Дюпон де Немур выразил свое мнение таким образом: «Вопросы управления непосредственно затрагивают собственность. . . Никто не заинтересован в решении подобных вопросов, кроме собственников, из чего и следует, что они одни должны быть избирателями. Не имеющий собственности не составляет еще части государственного сообщества...» [177]. Представители буржуазной аристократии открыто защищали свои классовые интересы. Несколько стыдливее выражали свою мысль представители либеральной оппозиции. Многие из них готовы были даже поддержать требование о расширении избирательной системы. Надо ли специальным законом оговаривать привилегии капитала, спрашивал Дюпор. «И без этого — заявлял он, — народ, слишком занятый приисканием средств к существованию, вручает зажиточным классам управление государством. К чему еще искусственно поддерживать эту тенденцию? Не значит ли это стремиться сознательно к замене одной аристократии другою?» [178]. Не будем дольше останавливаться на этом вопросе, он достаточно освещен в литературе. Посмотрим, как ставили и решали его представители радикальной демократии. Для подавляющего большинства из них характерны рассуждения Лустало в «Révolutions de Paris».

Отказ от всеобщего избирательного права грозит стране гражданской войной бедных против богатых; интересы патриотов и аристократов требуют всеобщего примирения [179]. Чтобы избежать ужасной перспективы гражданской войны, народ должен обратиться к последнему находящемуся в его распоряжении средству — к праву вето короля. Собственно таково же было настроение тех дистриктов, которые в апреле 1790 г. присоединились к декларации Кондорсе, декларации, в которой он предлагал Национальному собранию пойти на компромисс, максимально расширяющий кадры избирателей.

Характерно настроение представителей «Cercle Social». Солидарно со всей остальной демократией дистриктов они требовали отмены деления граждан на «активных и пассивных»; для Фоше и Бонневиля это был верный путь классового примирения, которое предполагало избавление общества от двух крайностей — господства богатых и бунтующего плебса.

В центре парламентской демократической оппозиции стоял в первые годы революции М. Робеспьер. Для Марата это был, как мы видели, единственный человек в Национальном собрании, разделяющий его великие принципы свободы и равенства. В своей знаменитой речи в январе 1790 г. Робеспьер обосновывал право народа на политическое равноправие необходимостью практически осуществить основные положения «Декларации прав»: «Прочная конституция немыслима там, где интересы большинства нарушены, где к этому большинству относятся равнодушно или с завистью и презрением». Аргументируя, однако, по словам Марата, свои положения «естественными правами», Робеспьер не ставит вопрос о политическом равноправии в связь с вопросом об экономическом равенстве. Как робко звучит программа революционного восстания в устах Робеспьера!

«Как отнять права у народа — говорит Робеспьер, — в тот самый момент, когда революция торжествует благодаря ему? Уж не богатым ли и знатным обязаны вы тем славным восстанием, которое спасло Францию?.. Наши ремесленники и земледельцы, — продолжает он, — достойны доверия больше, чем откупщики и вельможи». Робеспьер в своей агитации за всеобщее избирательное право остается все время на почве легальной парламентской деятельности, не выходит за рамки чисто политических лозунгов. Все это роднит его скорее с правым крылом демократов, отвергающим цензовую избирательную систему, чем с теми радикальными элементами, которые свои политические лозунги увязывали с программой революционного восстания.

Мы не предполагаем здесь анализировать всю ту литературу 1790—1791 гг., которая в своих утопических проектах разрабатывала теорию «черного передела» и «аграрного закона». Нас интересует другое: как ставили некоторые авторы этих проектов вопрос о политических правах той массы обездоленных, которые должны были быть спасены социальной реформой.

Все они ведут борьбу с новой аристократией и материальное благополучие народных низов строят на широкой базе демократии. В 1790 г. Доливье, кюре из Мошампа, выступил со своим проектом «новой политической системы» [180]. Государство, пишет он, сконструированное как система общин, государство, в котором Париж не будет играть роли всепоглощающего центра, естественно, не может быть построено на принципах цензовой избирательной системы [181]. Лишить гражданина его политических прав — значит лишить его собственности, утверждает Доливье. Вот что могут заявить своим врагам граждане, чья бедность делает их бесправными: «Вы захватили, пользуясь правом счастливых, власть управлять судьбою бед-

няков; вы их подчиняете вашим решениям, не запрашивая их мнения: не должны ли они защищать свои природные права, равные вашим? Вы аннулируете эти природные права и выказываете уважение только к правам счастливых? Чем же в таком случае является ваша «Декларация прав», если не окорбительной насмешкой?» [182]. «Пусть не ссылаются на примеры истории, где равноправие плебея служило причиной анархии, — продолжает Доливье, — там и свобода не была организована». Во Франции дело будет обстоять иначе: каждый гражданин, имеющий определенное жилище, выполняющий свои обязательства или платящий какой-либо прямой налог, должен, по его мнению быть избирателем или избираемым. Подобным образом организованное государство безболезненно разрешит вопрос о бедняках, сделав их всех собственниками земли. Буржуазно-демократический характер «утопических» проектов равенства у Доливье не подлежит сомнению. Вспомним, что Ленин писал о равенстве мелких производителей. Для Доливье политическое равенство — панацея от всех зол, порожденных собственностью. Подобно Марату и другим уравнителям, он только угрожает собственникам новой революцией.

Другой социальный реформатор Л'Анж в 1790 г. в брошюре «Жалобы и обращение пассивного гражданина к активным» более отчетливо, чем Доливье, ставит вопрос о праве бедняков на управление государством. «Ах, если бы голод и лишения давали права гражданства, — пишет он, — кто мог бы предъявлять на них претензии в большей степени, чем мы?». Налоги — это насилие, результат сделки властей, продавцов и откупщиков, они не могут быть мерилом политических прав, утверждает Л'Анж, капиталисты на политическом теле народа, — как язвы на физическом теле. Закон об активных гражданах свидетельствует о страхе, который богатые испытывают перед бедными. «Вы тяжко оскорбили нас, — продолжает он, — вы не по праву исключили нас из общества, вы вычеркнули нас из социального договора; вы помешали, тиранически запретили нам совещаться о нем; вы даже отнеслись со слишком большим презрением или страхом к свободному его санкционированию нами, вы сами, таким образом, вернули нас в естественное состояние, освободили нас от договора, связывающего нас с вами». Дальше этих угроз Л'Анж не идет. Вместо разработки вопроса о народном восстании как логическом выводе из его рассуждений он обращается за содействием к королю Людовику XVI.

Марат, как мы видели, угрожает от имени трудящихся со «скрещенными руками» нанести смертельный удар обществу, построенному на принципах неравенства. Подобную угрозу мы встречаем только у Сильвена Марешаля. У Марешаля, как и у Марата, нет ясного представления о связи стихийного момента и руководства в восстании. Оба они как мелкие буржуазные революционеры переоценивали роль стихии в восстании и не смогли последовательно сформулировать программу новой революции в интересах плебейских масс.

В одном из ранних произведений С. Марешаля мы читаем: «Народ очень часто страдает от наглости благородных, которые без него не могли бы существовать; что стало бы с неблагодарными дворянами, если бы народ, который их кормит, отказался помочь им своими трудовыми и благодетельными руками?» [183]. Народ обязан быть благодарным своим просвещенным руководителям, которые управляют им. Труженики должны считать своими идолами своих начальников, своих хозяев, а начальникам не следует забывать, что они стали таковыми благодаря народу. В этом контексте «идея всеобщей стачки» у Марешаля, о которой говорит Домманже, получает несколько иное освещение [184]. Характерно для С. Марешаля, что в годы революции он утверждал: «Мыслителю следует держаться вдали от масс, быть мудрым одиночкой» [185]. Марату была органически чужда эта позиция «блестящей изоляции». И если Марат не оставил нам утопии аграрного закона, то он в отличие от С. Марешаля, «солдата кордельеров», разработал своеобразную для XVIII в. теорию революции плебейских масс.

Гораздо более радикальной была оппозиция Г. Бабефа. Посмотрим, как увязывал он борьбу за экономическое равенство с программой своих политических требований равноправия народных масс. Бабеф в своих ранних выступлениях, поскольку мы можем судить о них на основании дошедших до нас брошюр, исходил из общего для всех радикальных социальных мыслителей конца XVIII в. положения, что политическая свобода предполагает материальное благополучие народных низов [186]. Речь идет о полном осуществлении основных положений «Декларации прав» и прежде всего тех пунктов ее, которые говорят о равенстве граждан, равенстве не только формальном, но и фактическом. Согласно этому принципу прежде всего должна строиться налоговая система государства. Бабеф, подобно Марату, направляет свои удары не столько против остатков старого режима, сколько против новой аристократии капитала. Нет политического равенства там, где бедняк платит за вино в трактире 8 су, а богач может получить его на дом за 2 су. В борьбе с бандой финансистов народу придется пойти на кровавые жертвы. Страдания ста тысяч лишившихся своих привилегий не могут тронуть сердца патриота, если речь идет о спасении 25 млн.[187] Так разрешался для Бабефа тот трагический вопрос, который после 14 июля он ставил в письме к своей жене: «Я видел, как проносили головы тестя и зятя в со-

провождении почти тысячной вооруженной толпы; они были выставлены на показ в продолжение долгого пути. . . Почти две тысячи зрителей встречали их бранью и предавались веселью вместе с эскортом, который воодушевлялся звуками барабанного боя. О, какую боль доставляла мне их радость! Я был в одно и то же время и доволен и недоволен. Я говорил себе: тем лучше и тем хуже. Я понимаю, что народ творит правосудие, я даже одобряю это правосудие, но неужели сегодня нельзя быть менее жестоким?» Бабеф много раз возвращался к вопросу о целесообразности революционного террора, вопросу, который был окончательно решен Маратом еще в начале революции, а Бабефом позже, в дни Директории.

Бабеф в своей социально-политической программе солидаризируется с мнением Петиона, который в свое время предлагал следующий пункт «Декларации прав»: «Каждому гражданину должно быть обеспечено существование, доходы от его собственности, труд и промышленная деятельность», всем остальным — беднякам — общество должно оказать помощь и содействие [188]. Исходя из этих положений, Бабеф в мае 1790 г. в письме Национальному собранию защищал права народных масс, права политические и экономические: справедливое распределение налогов, свободу слова, борьбу с произволом правительства и властью чиновников, право сопротивления насилию. «Если свобода означает подчинение бедняков богачам, если такова ваша свобода, — обращается он к Национальному собранию, — я более не могу быть полезным моим согражданам, посылайте своих сателлитов, я готов умереть в борьбе за доброе дело» [189].

Те же принципы Бабеф защищает в своем «Кадастре» [190]. Для нас интересно введение к «Кадастру», прежде всего потому, что оно дает возможность установить связь его политических взглядов и его экономической программы [191]. Эпиграфом к книге служат следующие слова Неккера из его речи при открытии Генеральных штатов: «На первое место среди улучшений, в которых заинтересованы все жители королевства, следует поставить утверждение принципов, которые должны обеспечить равное распределение налогов». Основную задачу своей социальной политики Бабеф видит в том, чтобы «указать средства, которые мы считаем единственно подходящими для уничтожения неравенства в распределении налогов, неравенства, избегнуть которого нет возможности при существующих до сих пор способах их взимания».

Бабеф противопоставляет естественное состояние общественному закону. В естественном состоянии все люди равны, но социальные отношения ничего общего с этим идеальным состоянием не имеют. Правда, и в первом случае нет абсолютного равенства между людьми, но разве именно поэтому «общественный договор, действительно основанный на разуме, не должен привести к уничтожению неравенства?» [192]. В отличие от Робеспьера Марат и Бабеф видят исходный пункт своих рассуждений не в «естественном состоянии», а в социальных отношениях. «Никто, — продолжает Бабеф, — не поставил границ богатству, которым разрешено владеть». Меньшинство захватило в свои руки наиболее выгодные профессии, а заработок тех, кто выполняет полезные функции в обществе, нередко ниже того ничтожного минимума, который необходим для их существования. Мелкие состояния поглощаются крупными, и в результате число рабочих чрезмерно возросло, а это повлекло за собой понижение заработной платы и безработицу. В отсутствии работы Бабеф, подобно Марату, видит главную причину нищеты. «Бедняка посылают работать, — жалуется Бабеф, — но где взять ее, эту работу?» [193].

Проект уничтожения нищеты и безработицы не сводится, однако, для автора «Кадастра» только к «аграрному закону», или, вернее, к переделу земли, как изображают обычно те, кто цитирует «Discours préliminaire». Программа Бабефа включает следующие шесть пунктов: 1) отмена оплаты священников за требы («...да будет разрешено рождаться и умирать без того, чтобы быть вынужденным тащить из кармана для оплаты традиционных церемоний в обоих случаях»); 2) организация специальной Caisse Nationale для пропитания бедняков; 3) бесплатная оплата из государственных сумм медицинской помощи беднякам — организация общественных аптек; 4) разработка плана национального воспитания; 5) бесплатность суда; 6) радикальная налоговая реформа.

Такова реальная программа социально-политических требований Бабефа в 1789—1790 гг. «Каждый член общества должен найти себе надлежащее занятие, а законы должны наблюдать за тем, чтобы получаемый им заработок был достаточен для его существования». Конечно, неравенство исчезло бы, если бы люди поняли, что все профессии равно благородны. В идеальных условиях общество представляло бы собой единую семью; земля, «наша общая мать», делилась бы тогда на участки так, чтобы личное владение каждого гражданина всегда было обеспечено и неотъемлемо. Бабеф, заботясь о благе миллионов домохозяев, точно высчитывает, что при правильном распределении земли на долю каждого француза должно прийтись примерно по 11 арпанов.

Но Бабеф не говорит, *как и против кого* следует мобилизовать массы на борьбу за осуществление этой программы. Мы встречаем здесь повторение тех же положений, что и у Марата: «Если большинство людей лишено всякого земельного надела, но имеет еще возможность находить себе про-

питание трудом, то какое решение они примут? Они скажут, что следует уважать собственность. Но если из двадцати четырех миллионов населения пятнадцать лишены какой бы то ни было собственности, потому что остальные девять миллионов попрали их права и не оставили им даже возможности поддерживать свое существование, то неужели эти пятнадцать миллионов решатся погибнуть с голоду из-за любви к девяти в знак признательности за то, что последние обобрали их дочиста?». Не выгоднее ли богатым, спрашивает Бабеф, в таком случае уступить им добровольно?

Общую для Марата и Бабефа мысль последний формулирует еще и таким образом: «Мы не претендуем на преобразование мира в смысле полного восстановления первобытного равенства; но мы стремимся доказать, что все, впавшие в нищету, имеют право потребовать такого восстановления, если богатые классы продолжают упорно отказывать им в помощи, достойной равных граждан».

Если мы вспомним выступление Марата летом 1790 г. против налоговой политики Национального собрания, его солидарную с Бабефом защиту виновных в войне против фиска, защиту толпы, громящей таможни, если мы вспомним их подчеркивание связи политических и социальных требований народных масс, и, наконец, общее утверждение, что с провозглашением свободы революция в интересах трудящихся еще далеко не завершена, то мы поймем, что между маратовской агитацией и выступлениями Бабефа существует совпадение не только в формулировках, но и в решающих, основных положениях революционной программы.

Мы этим отнюдь не хотим отождествить социально-экономическую программу Марата с учением об аграрном законе в его коммунистической трактовке. Марат, как мы видели, говоря о распродаже земель духовенства и королевского домена, имеет в виду постепенное раздробление крупных поместий, наделение землею бедняков. Марат не дал нам ни проектов будущего общества, подобно Бабефу в его «Avant-Coureur du changement du monde entier», ни проекта Марешаля об «объединении всего человечества от одного конца земли до другого». Экономические проекты Марата касались общих вопросов финансовой и продовольственной политики, вопроса о борьбе с нищетой; он разработал, как мы видели, весьма любопытный проект системы национальных и муниципальных мануфактур для уничтожения безработицы. Наиболее характерное отличие Марата от социальных реформаторов 1790—1791 гг., однако, в том, что он ставит разрешение своей экономической программы в теснейшую связь с проблемой р е в о л ю ц и и, с проблемами народного восстания. Провозглашая вместе с С. Марешалем: «Ваше царство, великие и богатые, прошло», — он был убежден, что только победоносная революция народных масс сможет обеспечить осуществление его программы. Более того, исходным пунктом для Марата служило утверждение, что завоевание власти «обездоленными», разгон Национального собрания и Коммуны является п р е д в а р и т е л ь н ы м у с л о в и е м осуществления их социально-экономических требований.

В июне 1790 г., рассуждая о будущем Франции, когда окончательно исчезнет власть привилегированных сословий, исчезнут замки сеньеров, а вместе с ними и хижины бедняков, когда труд сделает продуктивной всю землю, принадлежащую народу, Марат замечает: ««Новые господа» будут сопротивляться осуществлению этой социальной программы. Вот почему для того, чтобы воспользоваться благами революции, народу необходимо ее завершить... О, французы, все барьеры опрокинуты; никто не может мешать вашему счастью, но если вы дадите власти выйти из ее берегов, все погибло; деспотизм снова воспрянет из праха, и вместо того чтобы быть самым свободным из всех народов, вы навсегда останетесь рабами. Оплот деспотизма пал, но я еще не вижу храма свободы...». Обездоленные бедняки будут спасены не волею короля-«филантропа», а торжествующей революцией, утверждает Марат.

В этом смысле Марат был в гораздо меньшей степени утопистом, чем многие социальные реформаторы XVIII в. Наиболее близко к Марату стоит поэтому Мелье. Но нам придется еще вернуться к этому вопросу.

Анализ социально-экономической программы Марата 1790 г. дает нам возможность несколько ближе присмотреться к тому, что собой представляла плебейская оппозиция XVIII в., та оппозиция, о которой Ленин писал: «. . . Только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию. . .» («К оценке русской революции». — Соч., т. 15, стр. 43—44). Роль крестьянства в блоке плебейских элементов была решающей для революции XVIII в. Особенностью русской буржуазной революции по сравнению с революцией XVIII в. было то, что «вместо бывшего на втором месте в XVI, XVII и XVIII веках плебейского элемента городов — в XX веке выступает на первое место пролетариат» («Цель борьбы пролетариата в нашей революции». — Соч., т. 15, стр. 348). Это указание Ленина чрезвычайно важно, Ленин этим отнюдь не хочет сказать, что городской плебс не играл роли авангарда в известные моменты революции XVIII в. Развивая свою мысль, Ленин пишет далее: «...Именно союз городского «плебса» (= современного пролетариата) с демократическим крестьянством придавал размах и силу английской революции XVII, французской XVIII века»

(«Принципиальные вопросы избирательной кампании». — Соч., т. 17, стр. 373).

Вопрос о союзе крестьянства и плебейской оппозиции городов занимает решающее место в рассуждениях Ленина о французской революции. Он возвращается к этому вопросу неоднократно. Ссылаясь на статью Энгельса «Об историческом материализме», Ленин подчеркивает: «...Во всех трех великих буржуазных революциях» (реформация и крестьянская война XVI века в Германии, английская революция XVII века и французская — XVIII) «боевой армией являются крестьяне... Исключительно благодаря вмешательству крестьянства» (йоманри — в английской революции) «и плебейского элемента городов борьба была доведена до последнего решительного конца, и Карл I угодил на эшафот» («Цель борьбы пролетариата в нашей революции». — Соч., т. 15, стр. 348). В письме Мархлевскому 7 октября 1910 г. Ленин критиковал меньшевистскую ошибку Мартова, который недооценивал роль французского пролетариата в революции, называя всякое указание на роль пролетариата «бланкизмом» (Соч., т. 34, стр. 373). Анализируя опыт прошлых революций, Ленин подчеркивает, что «революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить *эти* цели, чтобы бесповоротно закрепить минимальные буржуазные завоевания» («К оценке русской революции». — Соч., т. 15, стр. 44). Между русской революцией 1905 г., первой демократической революцией эпохи империализма, и буржуазной революцией XVI—XVIII веков была, однако, коренная разница. «...Если для Германии XVI века, Англии XVII и Франции XVIII века крестьянство можно поставить на первый план, то в России XX века безусловно необходимо перевернуть отношение, ибо без инициативы и руководства пролетариата крестьянство — ничто...» (там же).

Изучая биографию Марата, мы, естественно, уделяли прежде всего внимание мелкой буржуазии и плебейской оппозиции города, тем не менее мы должны твердо помнить роль и значение каждого из классов в том плебейском блоке «самых» низких слоев городской и сельской бедноты, о которых говорит Ленин в своей характеристике Конвента, этой «диктатуры низов».

Ф. Энгельс в письме к Каутскому 21 мая 1895 г. следующим образом характеризует плебейские массы города: «...весьма недостаточно исследовано развитие и роль элементов, стоявших совершенно вне феодально-сословной структуры, деклассированных, поставленных в положение чуть ли не париев, появление которых было неизбежно при образовании любого города, которые составляли самый низший, бесправный слой населения любого средневекового города и находились вне

общины, вне феодальной зависимости и вне цехового союза. Такое исследование — трудно, но это *главная основа*, потому что постепенно, с распадом феодальных связей, из этих элементов образуется тот *пред*пролетариат, который в 1789 году совершил революцию в парижских предместьях...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIX, стр. 418). Промышленные рабочие были в этой массе меньшинством, рабочие мануфактур и подмастерья цехового ремесла, правда, составляли компактную массу, но они далеко не всегда определяли поведение плебейской оппозиции. Среди последней преобладали мастера, разносчики, многочисленные люмпен-пролетарские элементы, носильщики, нищие, кустари-одиночки и т. п. Характерно, что Матьез, как мы отмечали в третьей главе, зачислил всю эту массу в ряды пролетариата и тем самым насчитал до 11 млн. «пролетариев» во Франции накануне революции. Эта ошибка характерна для мелкобуржуазного историка, представляющего себе пролетариат только в виде «бедноты».

Состав плебейской оппозиции дает возможность выяснить ее роль в эпоху французской революции, классовую природу ее социально-экономической программы. Материальное производственное обновление Франции в конце XVIII века, говорил Энгельс, было связано с политическим и духовным, с диктатурой революционной демократии и революционного пролетариата, от которого демократия не обособлялась и который был еще почти слит с нею. «Бешеные» и эбертисты, конечно, не были социалистами; Бабеф был как бы последним звеном этой цепи; он пытался оформить стремления пролетариата в революции. Энгельс подчеркивает, что классовое самосознание пролетариата постепенно оформлялось в ходе самой революции к 1793—1794 гг. Но даже как неоформленная масса, как часть общего блока революционной демократии рабочий класс обнаружил элементы классового самосознания.

Не подлежит сомнению — и мы это неоднократно подчеркивали, — что большинство восстаний в эпоху революции было тесно связано с голодом и нуждой, что революционное движение народных низов привело к тесному переплетению политических и социальных требований плебейской оппозиции: «Боевой клич революционных армий: guerre aux palais, paix aux chaumiéres; свидетельство карманьолы, по которой республиканец наряду с du fer и du coeur, должен иметь также du pain, и сотни других несомненных признаков доказывают, помимо строгого изучения фактов, что тогдашняя демократия была чем-то совершенно иным, чем простая политическая организация» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 28). Ленин вскрыл социальное содержание этой демократии, ее лозунга равенства, лозунга, который она пыталась провести

не только в политической, но и в экономической области. «Теперь от свободы я перейду к равенству, — говорил он на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию. — Здесь дело стоит еще глубже. Здесь мы касаемся вопроса еще более серьезного, вызывающего большие разногласия, и более болезненного.

Революция в своем ходе свергает один эксплуататорский класс за другим. Она сбросила сначала монархию и понимала под равенством только то, чтобы была выборная власть, чтобы была республика. Она, перейдя дальше, сбросила помещиков, и вы знаете, что вся борьба против средневековых порядков, против феодализма шла под лозунгом «равенства». Все равны, независимо от сословий, все равны, в том числе миллионер и голяк, — так говорили, так думали, так искренне считали величайшие революционеры того периода, который в историю вошел, как период Великой французской революции. Революция шла против помещиков под лозунгом равенства, и называли равенством то, что миллионер и рабочий должны иметь равные права. Революция пошла дальше» (В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 328).

Ленин разъясняет нам и то, в каком смысле «революция пошла дальше». Он продолжает разработку знаменитого положения Маркса: «За буржуазными требованиями равенства начинают следовать пролетарские требования равенства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 106). Ленин писал в статье «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Можно подумать, что большевики предлагают нечто в истории человечества невиданное, никогда не испробованное, «утопичное», тогда как на самом деле уже 125 лет тому назад во Франции люди, действительно бывшие «революционными демократами», действительно убежденные в справедливом, оборонительном характере войны с их стороны, действительно опиравшиеся на народные массы, искренне убежденные в том же, — эти люди умели устанавливать *революционный* контроль за богачами и достигать результатов, пред которыми преклонялся весь мир» (В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 317).

Такова была классовая природа социально-экономической программы демократов в XVIII в. Основа заключалась в стремлении к осуществлению демократического переворота против феодального общества. «...Основой полного осуществления демократического переворота, — писал Ленин, — является создание свободного класса крестьянства... Создание такого класса есть уничтожение феодальных повинностей, разрушение феодализма, отнюдь еще не социалистический переворот» («Две тактики социал-демократии в демократической революции». — Соч., т. 9, стр. 114). Поскольку плебейские массы исто-

рически осуществляли задачи буржуазной революции, меньшевики делали вывод, что эти массы должны были ограничиться только задачами буржуазной революции. Ссылаясь на опыт Французской революции, на то, что «революцию надо довести *значительно дальше* ее непосредственных, ближайших, созревших уже вполне буржуазных целей, для того, чтобы действительно осуществить *эти* цели...», Ленин разоблачал мещанские рецепты меньшевиков. «Можно судить поэтому, — писал он, — с каким презрением отнесся бы Энгельс к мещанским рецептам заранее втиснуть революцию только в непосредственно-буржуазные, узко-буржуазные рамки, «чтобы не отшатнулась буржуазия...» («К оценке русской революции». — Соч., т. 15, стр. 44). Социально-экономическая программа демократии XVIII в. отвечала прежде всего на вопросы борьбы с феодализмом во имя буржуазно-демократического равенства, но одновременно, «во вторую очередь», подымала вопросы о конфликтах внутри побеждающего буржуазного общества, о конфликтах между трудом и капиталом. Эта борьба происходит не только в городе, но и в деревне. О борьбе во французской деревне 1789—1790 гг. говорят материалы, собранные Лефевром в его работе «Аграрные вопросы в эпоху террора». Эти материалы показывают, что уже в 1789—1790 гг. во французской деревне происходили процессы классового расслоения, процессы далеко еще не завершенные, но вызвавшие уже тогда острые классовые столкновения между богатеями и деревенской беднотой не только по вопросу об отмене феодальных повинностей, но и по поводу условий капиталистической аренды, борьбы с малоземельем и т. п. Так, в жалобе общины Кресси департамента Эн мы читаем: «Пусть Национальное собрание уничтожит аристократию, пусть наше превосходное собрание не оставит и следа для опасений, что эта аристократия возродится... Однако есть класс граждан, в которых аристократические замашки сидят прочно. Это крупные землевладельцы, о которых мы поведем речь; они хотят уничтожить всех тех, кто не столь зажиточен, как они, покушаясь на наши маленькие владения...». Это настроение характерно для ряда департаментов. Из департамента Высокой Гаронны администратор пишет Национальному собранию: «Необходимо помочь бедноте. Августейшее собрание до сих пор ничего не сделало для класса бедняков. Оно занималось только собственностью и капиталистами». От имени крестьянского населения своего района администратор настаивает на распродаже земли мелкими участками, на необходимости уничтожить вопиющее малоземелье крестьян.

Вот еще одна интересная петиция Национальному собранию из деревенской общины Северного департамента от 7 апреля 1790 г.: «Прикажите, господа, прошу вас об этом, прекратить захват земли бедняков». Другой петиционер, из департамента Па де Кале, в марте 1790 г. жалуется собранию на то, что существуют крупные фермы от 600 до 800 арпанов земли. Подобная крупная собственность наносит вред земледельцам. Надо запретить собственникам владеть землею больше чем в 150 арпанов, вся остальная земля должна быть разделена между массой малоземельных крестьян. Эти требования обобщает петиция, редактированная кюре Франшеттом: «Никто не может поступать со своей собственностью таким образом, чтобы это нанесло вред общественному делу». Собственность должна быть поставлена под контроль государства; последнее должно заботиться о бедняках, но еще осенью 1789 г. священник из Исси-л'Эвек писал: «Все, что до сих пор обсуждали у нас в стране, касалось только прав собственности. Никто не заботился о заработной плате, достойной труда земледельца. Исходят как будто из того, что во Франции существуют только собственники, но утверждение это не имеет никаких оснований. Три четверти подданных вашего величества не обладают никакой собственностью. Разве собственность богачей должна быть более охраняема, чем труд бедняков?.. Справедливо ли, чтобы земледелец был всецело предоставлен в свободное распоряжение собственника?.. Земледельцы — подавляющее большинство нации, землевладельцы и фермеры — только ее ничтожное меньшинство!..»

Мы не будем цитировать ряд других документов, собранных Лефевром за первые годы революции. Все они подтверждают наличие классовой борьбы в деревне, которая сближала крестьянство с городской демократией. Плебеи в городах только играли роль «центра притяжения», оформляли в политических требованиях общие социально-экономические пожелания крестьянской бедноты. Объединенными силами деревенская и городская плебейская оппозиция повела борьбу с феодальным землевладением и новыми господами — буржуа, поскольку последние использовали свою власть, созданную революцией, для эксплуатации трудящихся. Социально-экономическая программа Марата первых лет революции наилучшим образом формулировала требования плебейской оппозиции низов.

Глава четвертая

ЧЕТВЕРТОЕ СОСЛОВИЕ В БОРЬБЕ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

1

Спустя три с лишним месяца после январского похода против Кордельеров Марат вернулся во Францию. Власти его не амнистировали, разрешения на выход газеты он не получил, пришлось вести полулегальное существование. Марат немедленно переходит в наступление против Национального собрания, продолжает беспощадную борьбу с Коммуной и Лафайетом. Основной задачей его пропаганды является подготовка новой революции. Мы в этой главе внимательно проанализируем деятельность Марата в этом направлении; отметим только его первые выступления в мае—июне 1790 г.

«Друг народа» дебютировал статьей «Observations importantes sur la nature des crimes de lése-nation» [1]. Оставаясь верным демократическим принципам XVIII в., он протестует против попыток считать государственными преступлениями оскорбления государя: под государственными преступлениями он понимает преступления против нации. «Преступлением lése-nation следует считать только акт, угрожающий конституции государства, всякое покушение на народный суверенитет, покушение на свободу, благосостояние и общественное счастье» [2].

Но в таком случае очевидно, что преступниками являются прежде всего депутаты Национального собрания. Преступлением является деятельность спекулянтов и монополистов, порождающих дороговизну и голод. Разве не ясно, что все министры, муниципальные чиновники, священники-фанатики, возбуждающие контрреволюционные волнения в провинциях, правительственные агенты и монополисты должны предстать перед судом революционного трибунала? Революционное восстание народа должно быть исключено из списка преступлений lése-nation.

Национальное собрание готово предать суду деятелей 14 июля и 5—6 октября, но этим оно разоблачает свои пре-

ступные намерения. Террор восставших масс справедлив в отношении тех избранных властей, которые предали народ врагам. Так называемые преступления толпы, насилия 14 июля и 5—6 октября должны нами рассматриваться как «мудрая политика народных низов». Всякая революция — война; восстав, народ объявляет себя на военном положении. В революции, как и во всякой войне, половинчатая победа есть поражение [3].

Правовые вопросы укрепления конституционных свобод Марат рассматривает как вопросы революционной борьбы, как вопросы войны. Герцог Ларошфуко от имени комитета по борьбе с нищетой предложил вознаградить всех тех, кто материально пострадал от революции. Марат решительно протестует: «Если вы вознаградите всех врагов революции, чем вы отметите заслуги бойцов-патриотов? Вернете ли вы привилегированным их преимущества, судейским — их должности, попам — земли бедняков, торговцам — потери, которые они понесли в революции, наконец, головы тем предателям, которые потеряли их в борьбе с народом?». Так называемые «издержки революции» окупаются только решительной и окончательной победой народа [4].

Исходя из этих принципов, Марат приветствует всякое восстание народа в провинции как начало всеобщей революции. В St.-Pierre le Montier власти объявили осадное положение против голодных. Правда на стороне восставших; враги народа мстят за падение старого порядка. «Когда же, наконец, трудящиеся совершат революцию в своих интересах! — восклицает Марат. — Когда они перестанут своим трудом и кровью служить богачам?» [5].

Марат пытается возглавить революционное движение народных масс в городах и деревнях, он приветствует всякий акт революционного насилия крестьян и бедноты, но его интересует прежде всего вопрос о руководстве движением. Характерно, что в июне 1790 г. он снова поднимает вопрос об организации революционной партии. С уничтожением дистриктов, утверждает Марат, руководство народным движением должно принадлежать патриотическим ассоциациям. Инициативу их создания должны взять на себя те одиночки в Национальном собрании, которые верны народу, и прежде всего граждане-патриоты; они подберут себе людей из дистриктов, доказавших свою преданность революции. Так созданы будут органы, руководящие действиями масс в период гражданской войны, в который вступает революция.

Марат подчеркивает, что опорой революции является le petit peuple — «единственная здоровая часть нации, единственная часть, которая дорожит свободой, единственная, которая действительно стремится к общественному благу, в то время как во всех остальных классах масса развращена и добродетельные граждане составляют исключение» [6]. Логическим выводом является утверждение, что Национальное собрание, народное представительство не заслуживает доверия, потому что истинное народное представительство — только в революционных одиночках парламента, прежде всего революционном народе Франции. «Подлинное Национальное собрание пребывает исключительно в патриотической партии», — утверждает Марат [7].

В июле 1789 г. в эту партию Марат включает еще Барнава и Петиона, но по мере углубления революции народное представительство будет включать в свои ряды только решительных сторонников революционной диктатуры трудящихся масс.

Все, что до сих пор делало правительство, утверждает Марат, было попыткой установить диктатуру королевской власти — в этом смысл вето и военного закона, в этом смысл мероприятий по ликвидации дистриктов. Происходит систематическое уничтожение органов революционной инициативы народных низов и замена их конституционными учреждениями аристократии [8]. В этой связи Марат рассматривает вопрос о неприкосновенности депутатов. Депутаты хотят объявить себя независимыми от народа; ответом народа должно служить неподчинение закону и законодателям: «право революции и благо народа превыше всего» [9]. К этому времени (июнь-июль 1790 г.) относятся выступления Марата против «марки серебра» и в защиту Бабефа. Но это свидетельствует о том, что ни одно из его политических выступлений не было случайным: у Марата была своя система революционных взглядов, хотя и не было законченной теории революции. Характерно это беспрерывное повторение, начиная с июня 1790 г., основного лейтмотива: «Vous êtes dans un état de guerre». Для Марата революция достигла наивысшей стадии своего развития — вооруженного восстания и гражданской войны [10].

Формулируя свой обвинительный акт против Национального собрания, Марат не забывает отметить, что в борьбе с ним народные массы не единодушны, не все дистрикты Парижа готовы служить народу. «Враги народа опираются на дистрикты, населенные торговцами, чиновниками, адвокатами, академиками, ремесленниками тех отраслей производства, которые вырабатывали предметы роскоши; на стороне революции — масса обездоленных. Не может быть поэтому и речи о национальной солидарности» [11].

В этом отношении огромный интерес представляет позиция Марата в вопросе о празднике федерации. Идея федерации

родилась одновременно среди народных масс в дистриктах Парижа и местных общинах как мысль об объединении восставших для закрепления революции. Лозунг федерации подхватили, однако, весною 1790 г. победители, чтобы совместными усилиями имущих классов всей Франции прекратить анархию. Дистрикты столицы в апреле поддержали предложение о национальном празднике в департаментах Бретань и Анжу. Таким образом, проект дистрикта des Récollets, выдвинутый еще в ноябре 1789 г., теперь осуществился [12]. 29 апреля собрание депутатов секций для организации праздника федерации взяло на себя пропаганду этого проекта. В специальном обращении Коммуны к французам мы читаем: «Мы братья, мы свободны, мы имеем отечество. Праздник федерации 14 июля должен подчеркнуть верность французов королю, закону, конституции» [13]. Но за этой «национальной солидарностью» скрывалось классовое содержание. Ряд дистриктов требовал не локальных праздников, а всеобщего федерирования коммун и национальной гвардии, для того, чтобы не допустить распространения республиканских идей и организовать пропаганду за выполнение установленных законом повинностей и внесение налогов. Таково было мнение дистрикта St.-Eustache, выраженное в принятой собранием дистрикта резолюции 4 мая 1790 г.[14]

Политические задачи федерации не скрывались ее организаторами; речь шла о том, чтобы съехавшимся со всех концов страны делегациям внушать идею свободы торговли как единственного способа разрешения продовольственного вопроса, для того чтобы, как писал Байи в своем обращении к парижанам от 5 июня 1790 г., добиться «защиты отечественной свободы, заставить уважать законы королевства и авторитет монарха». Текст присяги федератов так определил задачи праздника: «Мы клянемся быть всегда верными нации, закону и королю, поддерживать всеми силами конституцию, декретированную Национальным собранием и санкционированную королем; защищать в полном согласии с законами безопасность личности и собственности, охранять свободное обращение зерна и предметов продовольствия во всем королевстве, защищать беспрепятственное взимание налогов, каковы бы они ни были...».

Национальное собрание поспешило «организовать» национальное представительство на празднике 14 июля 1790 г. В Париж допущены были только представители национальной гвардии, т. е. вооруженная буржуазия, «цвет» активных граждан. О том, как сильно было влияние буржуазии на широкие народные массы в это время, насколько еще слаба была политическая самостоятельность плебейских масс, свидетельствует успех самой идеи празднества [15].

Самая идея праздника вызвала взрыв энтузиазма по всей Франции. Огромные подготовительные работы на Марсовом поле производились многотысячной армией рабочих, организованных по цехам. Угольщики выступали на празднике со знаменами, на которых было написано: «Последний вздох аристократов»; мясники нарисовали на плакате нож с подписью: «Трепещите, аристократы, — вот мясники-подмастерья» [16]. Торжественный праздник окончился, однако, даже по словам Олара, «полубуржуазным фарсом» [17]. «Цвет нации», активные граждане, провозглашали здравицу не нации, а королю; праздник федерации обнаружил, насколько сильны были реакционные настроения в рядах буржуазной Франции.

2

Какую оценку празднеству дала революционная публицистика 1790 г.? Этот интересный вопрос не может быть нами здесь детально выяснен. Но нет сомнения, что в основном лозунг национального единения был принят всеми фракциями. Лустало в «Révolutions de Paris» утверждал, что праздник федерации должен спасти нацию от гражданской войны, которую провоцирует лига врагов народа [18]. В присутствии короля и Национального собрания делегаты всей Франции принесут присягу на верность конституции, общественной свободе и личной безопасности. Частные разногласия — протест против некоторых распоряжений об организации торжеств, указания на дефекты национального законодательства — не должны скрыть основного: праздник федерации должен стать днем национальной солидарности возрожденной Франции [19].

«Некоторые утверждают, — писал Лустало, — что всеобщее восстание отдаст немедленно власть в наши руки. Нет! Нет! Можно только один раз завоевать свободу, но ее никогда не получают снова. Народ не способен дважды к всеобщему действию, мощному и непоколебимому, направленному к единой цели» [20]. Пусть граждане обратятся с петициями к Национальному собранию, и они мирным путем добьются победы народных требований. Торжеству народа послужила бы ратификация конституции всеобщим голосованием.

Немногим отличалась от позиции Лустало позиция К. Демулена и его газеты. Редактор «Révolutions de France et de Brabant» был прав, решительно отвергая обвинения Малуэ, будто он хотел нарушить национальное единство в день 14 июля 1790 г.[21] Демулен, как и Лустало, отмечал только недостатки организации празднеств, например, отсутствие жилья для приезжающих делегатов, недостаточное их снабжение. Любопытно, что по-своему к общему хору присоединился и Бабеф.

Призывая к борьбе с аристократией, он вместе с тем видел в торжествах 14 июля праздник национального единения и возлагал на этот день большие надежды [22].

Иначе оценивал патриотическую федерацию Марат. В мае 1790 г., через четыре дня после выхода газеты, он с восторгом поддерживал идею патриотической федерации, но федерации, которая «дала бы нации возможность почувствовать свою мощь, свои силы» [23]. Марат приветствовал инициативу дистрикта Кордельеров, когда последний с этой целью самостоятельно обратился ко всем департаментам Франции. Национальное собрание отбросило, однако, мысль о подобной федерации, оно заменило ее «военной конференцией». По отношению к подобному проекту Марат занял резко отрицательную позицию. «Что такое федерация, если она не ограничена людьми, объединенными общностью интересов, если она включает в свои ряды весь мир?» — спрашивал Марат. Федерация во имя защиты отечества может иметь место только между друзьями отечества. «Что же сказать о празднике, который хочет объединить презренных трусов и людей безразличных, предателей, которые способствуют гибели отечества?» Федерация — дело активных граждан; даже армия не будет принимать участия в национальном торжестве. Может ли изменить дело присяга?

Нет, друзья народа требуют другого, они хотят патриотической федерации, но они заранее исключают из нее всех благородных, всех судейских чиновников, всех финансистов, всех спекулянтов, адвокатов, креатур двора и агентов правительства, всех, прикрывающихся национальной маской, весь офицерский корпус армии и штабных, всех королевских сателлитов [24]. Патриотическая федерация, по мнению Марата, будет объединением передовых, революционных элементов народных низов, идущих на штурм существующего общества. Марат подчеркивает, что это будут представители petit peuple; он противопоставляет, таким образом, национальной федерации буржуазии классовый, плебейский праздник национального объединения [25].

Дорожа своей мыслью, Марат неоднократно, из номера в номер газеты, повторяет ее. «Федеративный договор, — пишет он, — отвратительный фарс» [26]. Выступая на защиту крестьянских движений и бунтов городской бедноты, Марат противопоставляет их празднику «народа, активных граждан»; на этом он рвет с представителями левой группы в рядах либеральной оппозиции. К этому времени относится его решительное выступление против Барнава [27].

14 июля Марат выпустил брошюрку «Дьявольский проект врагов революции» [28]. В ней он обращает внимание делегатов, участников федерации, на то, что Францией управляет не

Национальное собрание, а группа членов «Клуба 1789 г.»; они предварительно решают дела, а затем переносят их на санкцию народного представительства. Эти диктаторы Франции пустили слух о перемене правительства. Кто же заменит старых правителей? Мирабо заменит Неккера, Лафайет — Латур дю Пена, Лианкур — Монморена, Ларошфуко — аббата Сийеса, Байи останется мэром Парижа. Это значит, что все останется по-старому, власть останется в руках тех, кто мечтает о диктатуре короля и его единомышленников в Национальном собрании. Неужели Национальное собрание использует свои права, добытые революцией, против народа? Неужели гражданская власть подчинится военщине? Не проснется ли, наконец, народ от своей летаргии и не свернет ли он шею своим угнетателям? Думает ли Национальное собрание, что граждане не призовут его к порядку за декреты о военном законе, о «марке серебра», о вето, о королевском всевластии?

Это был прямой и страстный призыв к революции, с еще большей силой повторенный в ближайшие дни. Через день Марат напоминает народу, что революция до сих пор обманывала народ, что она была для него лишь «печальным сновидением» [29]. Он повторяет ту же мысль 16 июля: празднество власти затеяли в дни народной нищеты, чтобы отвлечь внимание народа от общественных дел и подготовить выборы в секции 25 июля. Революция превратилась в войну угнетателей против угнетенных; народ добьется уступок от своих врагов лишь силой оружия. Политическая машина начнет нормально действовать только тогда, когда она очутится в руках патриотов [30].

В статье «Malheur qui traîne à sa suite l'aveugle confiance du Peuple» Марат снова призывает к организации революционной федерации добрых патриотов, рядовых солдат армии. Он призывает к самочинной организации подобных федераций на местах и протестует против того, что граждане дали 14 июля свое согласие на взимание налогов [31]. Ведя борьбу с тиранией муниципалитетов и Национального собрания, Марат был первым, кто разоблачил контрреволюционный характер праздника федерации, но его призывы остались тщетными [32].

Марат противопоставляет национальному восторгу парижан восстания крестьян и волнения, направленные против фиска в Лионе [33]. Национальное собрание хочет вернуть старый порядок, оно почти все состоит из врагов народа. Революционное восстание снова стоит в порядке дня.

В июле 1790 г. Марат перешел в наступление. Инструкцией восстания должна была служить брошюра «C'en est fait de nous» [34]. Поводом для нее послужило сообщение о бегстве заговорщика, контрреволюционера Бон Савардена. При аресте

он был задержан в обществе члена Национального собрания и одного из офицеров, участников праздника федерации [35]. Захваченный при них материал свидетельствовал о заговоре эмигрантов. При поддержке имперских войск и аристократической фракции третьего сословия они во главе с Мунье и Лали Толендалем готовы были выступить в поход. Экспедиция должна была держать путь на Лион и хотела привлечь город на свою сторону, восстановив его торговые привилегии. Муниципальный Comité des Récherches имел достаточно данных, чтобы начать преследование виновных. Но почему он до сих пор ничего не предпринимает, спрашивает Марат. Личную ответственность несет Гарран де Кулонна, один из руководителей комитета. Неужели промедление объясняется тем, что власти не хотят нарушать неприкосновенность личности? «Когда преследовали Друга народа, — замечает Марат, — власть имущие не стеснялись...».

Народу не следует ждать. Речь идет о спасении революции — верховном общественном законе, говорит Марат. Вот почему все добрые граждане должны немедленно собраться и толпой отправиться к Национальному собранию, чтобы потребовать распоряжений о преследовании подозрительных. В случае отказа необходимо поспешить в ратушу, захватить бумаги комитета и арестовать всех его членов. Впрочем, нелепо ждать помощи от кого-либо из властей, от Национального собрания и «плохих патриотов» национальной гвардии.

«Граждане всех возрастов и рангов, — писал Марат, — меры, принятые Национальным собранием, далеко не достаточны; они не смогут спасти вас от гибели; вы погибнете безвозвратно, если не возьмете оружие, если не обретете в себе снова тот героизм, который 14 июля и 5—6 октября дважды спас Францию. Поспешите в Сен-Клу, если есть еще время, верните короля и дофина в свои стены, окружите их верной охраной, пусть они будут заложниками и отвечают за последствия, арестуйте австриячку и ее шурина, чтобы они больше не конспирировали, наденьте на них оковы, позаботьтесь о мэре и его адъютантах, не забудьте о шефе национальной гвардии, арестуйте штаб, захватите артиллерийский парк, овладейте магазинами и пороховыми мельницами; пушки должны быть распределены между всеми дистриктами, дистрикты должны возобновить свои действия и объявить свои заседания непрерывными; они должны самочинно отменить возмутительные декреты. Спешите, спешите, если есть еще время, или легионы врагов раздавят вас; привилегированные сословия будут восстановлены; деспотизм, ужасный деспотизм будет восстановлен в худшем виде, чем он существовал в прошлом. 500—600 отрубленных голов — и народ добьется покоя, свободы и счастья. Ложная гуманность задержала руку народа, но уже обошлась ему дорого: она стоила жизни миллионам его братьев. Торжествующая контрреволюция не будет стесняться». Таково содержание памфлета «C'en est fait de nous».

Марат развил в эти дни огромную активность, проявил в достаточной степени те признаки «бешенства», которое революционные импотенты из буржуазной среды принимают за доказательство его психической неуравновешенности. Параллельно с «Другом народа» он издает в это время «Le Junius Français», использует газету Фрерона «L'Orateur du Peuple», издает брошюры.

Марат считает, что национальное возбуждение, вызванное праздником федерации, — наиболее благоприятный момент для восстания. Он разрабатывает детали инструкции по вооруженному восстанию, исходя из той предпосылки, что гнев толпы — наилучшее орудие революционного переворота, этой войны народных масс против своих угнетателей [36]. 14 июля никто не смог предупредить народ, что его тираны, освобожденные от гнета террора, уничтожат свободу. Чтобы положить конец их происка м, повстанцы должны тотчас после победы организовать революционный трибунал из действительно преданных делу революции патриотов; его суду будут преданы враги народа; повстанцы должны поручить карательные функции избранному во время кризиса вождю — д и к т а т о р у [37].

Только в этих условиях победивший народ сможет дать стране подлинно революционную конституцию. В этих общих рассуждениях Марата, весьма монотонно повторяющихся из номера в номер, внимательный читатель может отметить один решающий момент: Марат не имеет в виду организовать заговор небольшой группы революционеров, он стремится возглавить стихийное массовое движение восставшего народа, он тщательно обсуждает вопрос об авангарде революции, о политическом сознании и воспитании сражающихся масс. Марат пытается возвести «искусство восстания» до уровня искусства; свои практические указания о революционном восстании он хочет обосновать теоретически.

Рассуждения эти вместе с тем вскрывают мелкобуржуазную природу революционных взглядов Марата. Он действует как одиночка, за ним нет организованного массового движения рабочего класса. Та плебейская масса предместий, на которую он опирается, может в лучшем случае оказать ему поддержку только в момент стихийного революционного подъема. Отсюда характерные особенности взглядов Марата, особенности его рассуждения о восстании. Они носят излишне общий характер, без достаточно конкретной увязки с повседневной практической деятельностью демократических организаций.

14 августа депутат Мартино заявил в Национальном собрании, что нация не нуждается в поэтах и ученых. Марат спешит выступить на защиту науки. Сельское хозяйство, пишет он, нуждается в торговле и транспорте; хозяйство не может обойтись без физики, математики; общество заинтересовано в расцвете науки. Но условием ее расцвета является индивидуальная работа ученых, а не организованная государством академия. Существует, однако, одна отрасль науки, которая нуждается в особом поощрении, — это политика, поскольку она ведет к процветанию народов. Политика в период общественных кризисов сводится к учению об искусстве народного восстания и управлению государством после победы народа [38]. На протяжении всей нашей работы мы будем неоднократно возвращаться к этой теме Марата.

3

Против Марата был снова двинут в ход весь аппарат государственной власти. Дело Марата в июне—августе 1790 г. привлекло внимание Национального собрания и Коммуны. 11 мая в своем сообщении Коммуне прокурор-синдик, говоря о бегстве Марата в Англию после январских событий, все же утверждает, что ему принадлежат «зажигательные писания» и газета, выходившая в мае 1790 г. в Париже под названием «Друг народа» с эпиграфом «Vitam impendero vero», подписанная инициалами «M. L.»[39]. Те же обвинения были повторены аббатом Муло на заседании Коммуны 26 мая. Инкриминируемая Марату газета сообщала, что Байи обокрал государство на 3,5 млн. ливров, и призывала к самосуду [40]. Марат категорически отрицал какую бы то ни было связь с этой газетой; он требовал, чтобы Коммуна приняла меры против «газетных пасквилянтов, которые, — писал он, — соблазняясь наживой, скандальным образом оспаривали друг у друга мое имя» [41]. Он сообщил об этом, наконец, в особом извещении, в открытом письме К. Демулену: «Благоволите сообщить в вашей газете, что с 22 января по 18 мая Марат не выпустил ни единого номера «Друга народа», что все гнусные писания, обнародованные за этот промежуток времени под этим заглавием и от его имени, — дело рук голодных писак, низких ругателей, всегда готовых продаться всякому, кто им заплатит» [42].

Но буржуа-политики ему верили так же мало, как в будущем буржуа-историки. Преследования продолжались [43]. 28 июня 1790 г. Коммуна снова заслушала сообщение о № 147 газеты «Друг народа», в котором Марат призывал дистрикты к восстанию. Но Марат скрылся; Коммуна вынуждена была констатировать свое бессилие; она обратилась к Национальному собранию. Муниципальные власти привлекли к ответу

издателя, но последний не смог им сообщить, где скрывается Марат [44]. В письме полицейскому трибуналу от 28 мая Марат отмечает, что власти поощряют распространение подложных писаний под его именем. Он рассказывает о том терроре, который муниципальная полиция объявила его газете. Полицейские чиновники конфисковали в дистриктах газету и арестовали разносчиков [45].

Но чаша терпения властей переполнилась после праздника федерации в связи с выходом брошюры «C'en est fait de nous». Скрывая вначале свое авторство, Марат в газете рассказал читателям, как эта брошюра возбудила всеобщее внимание, «посеяла ужас среди врагов революции» [46]. Но не имело больше смысла скрывать свое имя, и Марат выступил с открытой защитой основных положений брошюры [47]. Сделал он это в ответ на выступление Малуэ в Национальном собрании 31 июля; Малуэ потребовал слова для обвинения Марата и К. Демулена. Последнего, между прочим, за то, что он похвалил Марата за его разоблачения Лафайета[48]. Депутаты хотели передать дело полицейским властям, но Малуэ настоятельно требовал слова. При общем одобрении он зачитал ту часть брошюры, в которой Марат призывал к восстанию. Возмущение было всеобщим [49]. Малуэ был поддержан многими ораторами, но он этим не удовлетворился. Ему показалось, что собрание протестует против требования революционных мер «во имя свободы печати», и он в особом заявлении от 2 августа развернул обвинительный акт «против врагов мира и порядка».

«Найдется ли, — спрашивал он, — в Национальном собрании кто-либо, кто защищал бы тезис о революционном состоянии Франции, оправдывающем всякое насилие патриотов?» [50]. Но Малуэ допустил ошибку: он объединил К. Демулена и Марата. Все в собрании почти единогласно готовы были уничтожить второго, но считали нарушением свободы слова преследования первого. После того как К. Демулен в особом письме Национальному собранию категорически отрицал свое участие в агитации против праздника федерации, свое участие в войне против фиска, депутаты прошли мимо даже такой дерзости Камилла, как его реплика с трибуны на вызов Малуэ: «Пусть он защищается, если осмелится!» — «Да, осмелюсь!» — раздался голос на трибуне. Нарушитель порядка не был обнаружен [51]. Робеспьер и Петион настаивали на том, чтобы собрание защищало свободу печати.

Народные представители сочли издевательством преподнесение Маратом Национальному собранию своей книги «План уголовного кодекса»; они потребовали жесточайших кар против тех, кто призывает к восстанию. По отношению к Марату решено было, что «закон будет иметь обратную силу» [52].

С удивительным единодушием буржуазная Франция присоединилась к этому решению Национального собрания. Нам кажется особенно показательной в этом отношении позиция Горза, редактора «Le Courrier de Paris». «Марат, — писал он, — это псевдоним одного из опаснейших бесноватых, который распространяет свой яд в столице. С помощью столь презренного имени десятка два негодяев, которых революция извлекла из небытия, распространяют в народе (dans la classe du peuple) дух неподчинения...» [53]. А дистрикт Кордельеров, возмущается Горза, взял в свое время на себя защиту Марата! Выгораживая К. Демулена, он требует репрессивных мер против Друга народа [54].

Когда в начале августа при перевыборах мэра Парижа Марат получил один голос из 13 565 активных граждан 48 секций, в то время как Байи получил 12 550 голосов, Горза сопроводил избирательную сводку следующим замечанием: «Нужно признать, что тот, кто подал свой голос за Марата, — существо подлое или плохой, достаточно грубый шутник». Таково было общее мнение буржуазной прессы.

Деятельность Марата породила в это время целую литературу. Историческая ценность этой литературы невелика, но в ней есть характерные детали [55]. Многие вслед за Дюпоном де Немуром вели борьбу с «зажигательными писаниями», поэтому что писания эти, как уверждал Дюпон, требовали смерти спекулянтам, участникам преступного ажиотажа. Контрреволюционеры, настаивая на преследовании Марата, одновременно нападали на якобинцев и революцию [56]. Брошюры эти защищали от нападений Неккера и Лафайета, они использовали выступление Марата против ассигнатов, чтобы бороться с финансовой политикой Национального собрания и защищать старый порядок. В основном вся антимаратовская литература 1790 г. преследовала его как «дух анархии», как неустанного агитатора революции. Марат стал легендарной личностью в предместьях. Реакционная публицистика пыталась его превратить в страшилище или высмеять [57].

Пропаганда Марата не была понята даже демократической публицистикой. Исключительный интерес представляет в этом смысле полемика Марата и К. Демулена в связи с июльскими событиями 1790 г. Демулен защищал Марата от полицейских преследований, но молодым талантливым публицистом в данном случае руководили только личные симпатии к преследуемому собрату: это не было выражением политической солидарности. 24 июля Марат в письме Демулену излагает свое политическое кредо демократа. Конституция, принятая Национальным собранием, должна быть санкционирована народом. Но Национальное собрание — «это недостойным образом составленная корпорация, в которой так много врагов революции и так мало друзей отечества; это незаконная корпорация, скорее терпимая нацией, чем ею созданная; было бы странно, если подобное собрание вдруг осмелилось бы признать это требование!». Он предлагает Камиллу выступить в печати с целым рядом статей программного характера «для ознакомления граждан с их правами и для воздействия на общественное мнение».

Выше мы анализировали «Обращение к отцам-сенаторам, или мотивированное требование тех, кто ничего не имеет, к тем, кто имеет все». Это был социально-политический манифест грядущей «революции бедняков» в интересах большинства нации. За этим последовал целый ряд других статей, в которых Марат излагал свою социально-экономическую программу. «До сих пор новый порядок вещей всецело преследует пользу богачей и интриганов», — таков лейтмотив политической деятельности Марата этих недель. Для К. Демулена, как и для подавляющего большинства демократов 1790 г., подобная платформа была, однако, неприемлема. Но Марат попытался убедить своих друзей.

К. Демулен пришел в ужас от того, что часть федератов в день 14 июля требовала головы Друга народа, что реакционные настроения преобладали на празднике федерации. Марат убеждает его. В то время как тысячи людей жертвуют собою, голодают и идут навстречу смерти, должен ли революционер прекращать борьбу? Офицеры линейных войск доказывали Марату 14 июля, что они обязаны стрелять в толпу, потому что таков приказ государя. «А что сделали бы вы?» — спросил Марата один гвардейский поручик. «Я похоронил бы скорее всех королей мира, чем покусился бы на жизнь невинного». Доказательством этому служит то, что он, Марат, еще до революции не боялся конспиративно переправлять свой «План реформы уголовного кодекса» из Швейцарии во Францию [58].

Забавно возмущение Демулена: полтора года Марата преследуют шпионы, полиция, он живет в подполье, то и дело меняя убежища, и все-таки утверждает, что никогда в жизни не был более доволен, чем в это время. Марат подробно рассказывает К. Демулену о том, как ему удалось скрыться от полиции 22 января; он так кончает письмо: «Милый Демулен!.. Учись смеяться вместе со мною. Но продолжай настойчивую борьбу с врагами революции и прими предсказание победы». Этот замечательный диалог демократа и революционера — наилучшая характеристика для Марата и его деятельности в первые годы революции.

К. Демулену пришлось отбиваться от травли умеренных. Но его смущал его союзник: «Марат, этот излишне правдивый, к нашему несчастью, писатель выступает все время в роли

Кассандры». К. Демулен сомневался в том, следует ли журналисту, защитнику народа, вести подпольную жизнь, какую ведет Марат: «Христос открыто пошел на крест...» [59]. Эти сомнения превратились в уверенность, когда Марат выступил с призывом к восстанию в брошюре «C'en est fait de nous» и в последующих статьях своей газеты [60]. К. Демулен особенно возмущен тем, что Марат обвиняет представителя муниципалитета Гарран де Колонна, одного из видных деятелей Коммуны. Своими крайностями Марат губит патриотическое дело. К. Демулен инкриминирует Другу народа прежде всего его призыв к восстанию, призыв к диктатуре и революционному террору.

«Г-н Марат, говорю я ему, — пишет Демулен сокрушенно, — мой дорогой Марат, вы наносите себе вред, и вам придется вторично скрыться за море» [61]. В своем слепом фанатизме, продолжает демократ, Марат повторяет аргументы реакционеров. «Извините, дорогой Марат, если зеленая молодость решается подавать советы столь мудрой голове, как ваша, более опытной, чем моя, благодаря испытаниям и годам, но вы компрометируете своих друзей и вы заставите их порвать с вами» [62].

Марат в своем ответе пытается разъяснить К. Демулену его заблуждения. «Несмотря на весь ваш ум, дорогой Камилл, вы в политике все еще новичок». Основная беда К. Демулена в том, что он не имеет ни цели, ни плана: «Может ли в таком случае революционная пропаганда рассчитывать на успех?» Марат отрицает беседу с К. Демуленом 29 июля, он продолжает отрицать, что он автор брошюры «C'en est fait de nous», но защищает ее основные положения: «Справедливо и человечно пролить несколько капель нечистой крови, чтобы предотвратить широкие потоки чистой крови. . . Таков основной принцип революционной борьбы; какое значение могут иметь частные ошибки в оценке того или другого лица, скажем, Гарран де Колонна, если существует согласие в основном. Но этого единодушия нет, утверждает Марат, наши точки зрения расходятся» [63]. Только поверхностные журналисты могут принять его горячность за легкомыслие; рассудительные и проницательные люди, которые следят за его поведением, хорошо знают, что им руководят твердые принципы. Эти принципы — продуманная система революционной политики [64].

Лучшей иллюстрацией служит аргументация Марата в защиту свободы печати, постоянно нарушаемой властями и декретами Национального собрания о преследовании Друга народа. Последовательный защитник свободы печати, Марат утверждает, что писатель-революционер никогда не совершает преступлений lése-nation: чтобы совершить это преступление, необходимо действовать против нации, против революции. Право революции определяет, таким образом, пределы свободы

печати [65]. Это утверждение разъединяло Марата не только с К. Демуленом, но и с Лустало и Дантоном — со всеми вождями демократии эпохи Учредительного собрания [66].

4

Еще на одной группе вопросов сконцентрировал Марат свое внимание в 1790 г.: это на вопросе о месте, которое армия должна занимать в революционной борьбе, и на связанных с этим вопросах внешней политики. Весной 1790 г. впервые дала себя знать «пропаганда французской революции»; конфликт между Национальным собранием и владетельными князьями в Эльзасе — вопрос об Авиньоне, этом феодальном острове посреди моря буржуазной революции, поставил в порядок дня революции проблему внешней политики Франции. Для Национального собрания это была одновременно «конституционная» проблема, т. е. вопрос о том, в чьих руках будет политическая власть, кто будет распоряжаться «правом войны и мира». Но решение этого вопроса зависело прежде всего, конечно, от соотношения классовых сил в стране, от дальнейшего развития революции.

4 мая правительство Англии объявило о вербовке матросов; 10-го палата ассигновала миллион фунтов стерлингов на войну с Испанией. Могла ли Франция остаться нейтральной, когда речь шла об усилении ее главного конкурента и о возможной потере союзника — Испании, страны, с которой ее связывал старый договор (Pacte de famille)? 14 мая собрание узнало из письма военного министра о мобилизации 14 линейных кораблей. 15 мая народные представители приступили к обсуждению конфликта [67]. Герцог Бирон доказывал собранию, что судьба Франции и ее торговли теснейшим образом связана с победой Испании, наследственного врага Англии. Лепапелье продолжал его мысль, утверждая, что из двух выступивших держав одна всегда была врагом и соперницей Франции. «Англия всегда, — пояснил он в ответ на протесты части собрания, — угрожала нашим владениям на островах и нашей индустрии» [68]. Дюпон де Немур доказывал, что «смешно ограничиться только демонстрацией своей преданности свободе»; недостаточно снаряжение 14 кораблей, необходимо добиться равенства с Англией и в морском вооружении, настаивал он, а барон Лину при громе аплодисментов провозгласил принципы национальной войны; он грозил атаковать Англию на ее территории [69]. Александр Ламетт воспользовался обсуждением вопроса для того, чтобы потребовать окончательного решения спора о «праве войны и мира» короля и нации [70].

Значило ли это, что до решения вопроса следует приостановить те внешние приготовления к войне, которые начаты

были королем и его министрами? Мирабо и большинство депутатов дали на этот вопрос отрицательный ответ [71]. Генеральные прения по основному конституционному вопросу развернулись уже на следующем заседании. Допустит ли буржуазия, чтобы заключение торговых сделок, сношение с державами, судьбы и престиж Франции в дальнейшем находились в руках тех, кто виновен в «австрийской политике» старого порядка, в заключении торгового договора 1786 г.? Конечно нет! Но значит ли это, что должна быть ликвидирована прерогатива короны и короля, господина страны и ее вооруженных сил? Для либеральной оппозиции не подлежало сомнению, что в этом случае диктатура парламентской буржуазии предпочтительнее диктатуры короля и феодального дворянства. Королевская власть может и должна быть использована в интересах буржуазной политики.

В Национальном собрании намечался, таким образом, компромисс между теми, кто защищал права короны, и теми, кто настаивал на правах парламента. Задача сводилась к тому, чтобы в основном защитить боеспособность и способность к экономической конкуренции Франции в ее борьбе с соперниками. Эта мысль лежала в основе выступлений большинства ораторов; она наилучшим образом была сформулирована Кюстином, который требовал вооружения Франции для охраны ее колоний и богатств [72]. Но среди депутатов собрания единодушия не было. Вопрос власти был центральным спорным вопросом борющихся фракций. Либеральная оппозиция, защищая парламентские права, утверждала, что сохранить за короной право объявлять войну и заключать мир значит подвергать королевство постоянной угрозе кровопролития.

Ламетт для поддержания своих требований «об утверждении прав народа» ссылался на «эгоизм богатых: если в их руках золото, то в наших — железо, и мы сумеем им воспользоваться». Это было, конечно, демагогией; слова Ламетта вызвали гром аплодисментов на трибунах [73]. Вопрос о правах Национального собрания решался и в этом случае под давлением народных масс. В столице грозные волнения в дистриктах стимулировали и ускорили решение собрания о «праве войны и мира».

Либеральная оппозиция собрания защищала новые принципы внешней политики, политику мирного экономического соревнования народов, принципы фритредерства против старой завоевательной политики бессильных потомков Людовика XIV. К либералам присоединялись и демократы. Лучше всего эти принципы были выражены в речи Петиона. «Вы ничего не сделали, — говорил он, — для свободы и общественного блага, раз вы оставили в руках ваших вождей ужасное право объявления войны и заключения мира и договоров. Напрасны

богатства многочисленного населения, если они будут уничтожаться в войнах, которые не имеют целью ни общественную пользу, ни защиту отечества» [74]. Его проект декрета оставлял за собранием право решать вопросы войны и мира, резервируя, однако, королю возможность начинать войну и до решения собрания. Петион предлагал обратиться ко всем дворам Европы с манифестом, в котором Франция объявила бы, что отныне она строит свою внешнюю политику на новых началах, на началах права и справедливости [75].

Петион в своей речи стоял на крайне левом фланге «реальных политиков» Национального собрания. Принципиальная речь философа Вольнея и выступление Робеспьера прозвучали в собрании как утопические; демократы были встречены враждебно. Вольней убеждал собрание представителей привилегированных сословий и умеренных буржуа, мечтавших о завершении революции, что «отныне оно издает законы не только для Франции, но и для всего мира и от лица всего мира» [76]. Он предлагал в своей резолюции рассматривать человечество как единое целое, а отдельные государства как индивидов, утверждая, что всякая война, предпринятая с целью нападения на соседа, должна рассматриваться как преступление против всех народов. «Французская нация отныне отказывается предпринимать какую бы то ни было войну для расширения своей территории» [77]. Это были безобидные мечтания философа-космополита. Мало впечатления произвела и речь Робеспьера, поскольку он оставался в пределах теоретических рассуждений о принципах народного суверенитета.

Робеспьер потребовал еще на заседании 15 мая перейти от обсуждения частного вопроса о конфликте между Англией и Испанией к общему вопросу о «праве войны и мира». «Как вы сможете предпринять какие-либо меры, — спрашивал он у собрания, — если вы не знаете своих прав?» [78]. Не придется ли собранию отказаться от своих решений в том случае, если оно постановит, что Франция не будет воевать и будет жить в братстве со всеми народами? Эти мелкобуржуазные пожелания демократа, конечно, не могли повлиять на аристократическое большинство собрания.

Свою мысль о принципах международного братства Робеспьер сформулировал точнее в ответном письме администраторам города Авиньона: «Вы французы потому, что вы этого хотите, и потому, что этого хочет французский народ. Нам не нужны новые земли, нам нужны люди свободные и доблестные. . .» [79].

Его вторичное выступление 18 мая 1790 г. обратило на себя большое внимание, потому что от общих рассуждений он перешел к анализу прав короля не как «представителя народа,

а как его слуги». Робеспьер утверждал, что представители народа заинтересованы в том, чтобы не допустить войны, что споры королей не могут быть поводом для ожесточенных кровопролитий между народами. Он присоединился к проекту Петиона [80].

Не случайно поэтому, что Мирабо в своей речи 20 мая увлек за собою собрание [81]. Он остался на почве реальных интересов буржуазной Франции, которая меньше всего стремилась перенести «революционную анархию» в область внешней политики. Право объявления войны и заключения мира принадлежит нации, но его осуществление передается законодательной и исполнительной власти. В основном задача Мирабо состояла в том, чтобы обосновать необходимость для королевской власти заботиться о боеспособности Франции и без промедления выступать в случае нужды на защиту ее интересов; сохранить в руках короля военную силу для войны с внутренним врагом, с тем чтобы программу внешней политики осуществлять в полном единодушии с народным представительством.

В пункте 9 своего проекта декрета Мирабо предполагал оставить за Национальным собранием право созывать народное ополчение для сопротивления королевской власти на случай, если король пожелает вести войну помимо и против воли народного представительства [82]. Мирабо защищал свое предложение еще и тем аргументом, что это придаст легальный характер протеста возможному восстанию народных масс, когда они потребуют прекращения войны [83].

Барнав обратил внимание собрания на то, что Мирабо «предлагает избежать войны с внешним врагом путем гражданской войны»; Мирабо поспешил отказаться от своего предложения [84]. Декларация Национального собрания о том, что Франция отказывается от завоевательных войн и покушений на чужую свободу была, таким образом, в этих условиях не только уступкой духу времени, но и проявлением бессилия буржуазии. Франция, которая не могла сопротивляться Англии, вынуждена была выступить с мирными декларациями [85].

В изгнании в Лондоне Марат наблюдал за развертыванием конфликта между Англией и Испанией. Он спешит в письме от 15 мая 1790 г. «К просвещенным и отважным патриотам» разъяснить смысл событий [86]. Для Марата не подлежит сомнению, что, если Франция в войне с Англией станет на сторону Испании, революции угрожает смертельная опасность. «Кто не знает, что государи Европы пламенно желают неудачи революции?». В этом равно заинтересована Испания и сен-джемсский кабинет, приютивший Колонна. Пит и английская аристократия — союзники эмигрантов, но английский народ — друг революции. Это положение имеет решающее значение для Марата в вопросах международной политики.

«Но ведь Франция, скажут нам, в силу семейного соглашения обязана оказывать поддержку Испании. Франция? Скажите лучше, правительство, или, если угодно, государь». Нации эти договоры просто не касаются. Право войны и мира принадлежит исключительно народу. Он должен отказаться от наступательной войны, в крайнем случае вооруженный народ Франции объявит о своем нейтралитете. Более того, для Марата вопрос о войне разрешается прежде всего тем, какая из втянутых в борьбу стран окажется «ареной революции». Для испанского народа выгоднее было бы, утверждает Марат, чтобы его кабинет был опрокинут войною, чтобы государь был вынужден на коленях умолять о мире. Когда флот Испании будет разбит Англией, «тогда и только тогда сильные своей слабостью испанцы могли бы разорвать свои цепи, переделать заново правительство и создать конституцию, способную сделать их свободными и счастливыми» [87]. Эти идеи «революционного пораженчества» Марат применяет и в своих рассуждениях о Франции.

Граждане должны защищать свое отечество, когда враг угрожает границам, но эта обязанность зависит от тех условий, в которых живут они, их семьи, их дети, это зависит от совокупности тех интересов, которые связывают граждан с отечеством. Если угнетенной нации победитель принесет свободу, должны ли граждане защищать отечество? Конечно, нет! В этом случае народ должен сложить свое оружие и протянуть руку врагам. Так должен поступить народ в случае, если его правители, скажем, заставляют его принять участие в войне против свободного государства. Для Марата речь идет не о защите отечества, а о защите революции, революционного отечества [88].

Декрет о праве объявления войны и заключения мира был принят собранием 22 мая 1790 г. Через два дня Марат выступил со статьей, в которой выражал свою радость по поводу поражения врагов нации; он отметил все преимущества предложения Петиона над проектом декрета Мирабо [89]. Но он далеко не солидарен со взглядами Петиона. При всех условиях, сохранив власть в своих руках, министерство будет саботировать принятый декрет. Как при проведении закона о военном положении, так и при обсуждении декрета 22 мая правительство действует заодно с аристократической фракцией Национального собрания. Критика Марата поэтому прежде всего касается тех пунктов декрета, которые оставляют в руках короля и министерства реальные силы обороны государства, в то время как нация должна удовлетвориться «общей декларацией».

Он критикует пункты 3 и 4 декрета, в которых Национальное собрание торжественно объявило о своем отказе от завоевательной политики, но провело резкую грань между оборонительной и наступательной войной.

В этом пункте — вторая характерная черта выступлений Марата по вопросу о «праве войны и мира». Нет ничего легче, утверждает Друг народа, как злонамеренному правительству изобразить захватническую войну войной оборонительной [90]. Декрет, отдавший руководство войною в руки старой власти, тем самым аннулирует свои торжественные декларации. Гарантия политики мира прежде всего в окончательной победе народа, в том, что армия будет сохранена лишь для несения охранной пограничной службы, в том, что внутри государства будут срыты все крепости, все укрепленные пункты. С этой же целью необходимо революционному правительству аннулировать все старые договоры, вроде Pacte de famille. Договоры могут заключаться лишь со свободными нациями, солидарными с Францией в вопросах международной политики. По отношению к остальным европейским правительствам Франция предпочтет остаться изолированной, отвечая сокрушительным ударом своих 4 млн. бойцов на всякую попытку перейти от обороны к нападению [91]. Нелепо предполагать, что народные представители смогут легко и быстро прекратить войну, начатую правительствами. Народу в этом случае придется расплачиваться за ошибки своих правителей; последнее в равной степени имеет отношение и к заключению мирных договоров [92].

Марат с исключительным недоверием относится ко всякому проекту войны, даже тогда, когда мотивы войны прикрывают лозунгами освобождения народов. Он резко критикует К. Демулена, который взял на себя защиту голландской оппозиции, не обратив внимания на то, что она по существу своему оппозиция аристократическая [93]. Но с еще большим упорством он протестует против попытки втянуть Францию в войну с Англией. Война эта должна помочь правительству отвлечь внимание народа от задач революции. Война с Англией означает в условиях, когда ее будут вести враги народа, разорение Франции [94]. Оборонительную тактику Франции в настоящих условиях диктует, наконец, состояние ее вооруженных сил; достаточно будет одной серьезной кампании, и ее флот будет уничтожен. Марату не чужда иллюзия о возможности в 1790 г. «союза свободных народов Франции и Англии», союза, построенного на основе демократии и мира. Чтобы убедить читателей в возможности осуществления этой идеи, он дает характеристику войн Людовика XIV, которые привели к унижению и обнищанию Франции, останавливается на характеристике англо-американской войны [95].

Пропаганде этих идей Марат посвящает большинство статей в своей новой газете «Le Junius Français». Уже в первом номере газеты он попытался дать объяснение позиции Мирабо и всех тех, кто сознательно провоцировал войну с Англией: он отмечает их связь с голландскими банкирами [96]. Те же классы, которые стоят у власти во Франции и угнетают народные массы, руководят ее внешней политикой. Революция оставила пока все по-старому в области дипломатии [97]. Радикальное средство для исправления недостатков одинаково в том и другом случае — революционное восстание и торжество народных масс. 9 июля Марат, опасаясь объявления войны, призвал дистрикты к выступлению, к повторению событий 5—6 октября [98].

Народу не пришлось, однако, прибегнуть к оружию. Испания, которая могла противопоставить в июле 1790 г. 148 кораблям Англии только 70 военных судов, потребовала выполнения старых обязательств. Глава испанского правительства Флорида-Бланка говорил шведскому дипломатическому агенту по поводу поведения Франции: «Это негодяи, с ними нельзя иметь дела; по-моему, следует оцепить границу кордоном, как во время чумы» [99]. Революция даже в ее буржуазно-аристократическом обличье была страшна феодальной Европе. Дипломатический комитет предложил Национальному собранию 26 августа заключить новый договор с Испанией, требуя Луизиану для подкрепления новой дружбы. Этой ценой, так думали господа в собрании, возможно будет оказать сопротивление Англии. Против подобных дипломатических сделок и выступает Марат в статье «Observations sur la situation politique de la France» [100]. Марат пишет: «В нынешнем положении наша единственная задача — защитить свободу от наших собственных представителей, нам нечего бояться опасности извне. Испания, Неаполь не страшны революции. В случае нападения более сильных противников народ начнет свою защиту с восстания. При первом выстреле пушек французы свалят преступных министров и их слуг, а если отечеству будет угрожать опасность, они уничтожат привилегированные отродья и закончат тем, что разделят их земли между бедными гражданами» [101]. Такова была программа сопротивления народа на случай войны, программа гражданской войны, которую Марат противопоставил войне народов.

12 октября Испания пошла на уступки Англии. Питт оказался победителем Франции, потерявшей союзника. Однако задача Марата не была исчерпана. В конце октября он снова выдвинул в своих статьях вопрос о связи между задачами внешней и внутренней политики [102]. Если Людовик XIV заставил Европу трепетать в продолжение 40 лет, когда фран-

цузы были рабами, то нет сомнения, что революционная Франция в тысячу раз сильнее. Но для этого Франции не следует ни создавать постоянную армию в 500 тыс. человек, ни выпускать на 2 млн. ассигнатов, для этого достаточно опереться на активность «шерстяных колпаков» рабочих предместий [103].

5

Споры вокруг декрета 22 мая отражали обострение классовой борьбы в стране. Не без оснований некоторые историки называют 1790 г. «годом Лафайета». Опыт октябрьских дней, война с дистриктами, не прекращающееся революционное движение в городах и деревнях, все большее и большее обострение социального вопроса и связанные с этим политические бои диктовали той части правого крыла буржуазного блока, которая не последовала за Муньи и осталась в Национальном собрании, поспешить с установлением диктатуры парламентской буржуазии, поспешить с решительным подавлением революции. Это та политика, которую историки обычно определяют как «мечту Лафайета стать Вашингтоном Франции», объединить короля с революцией и внушить собранию идею энергичной исполнительной власти [104]. Несмотря на частные разногласия между Лафайетом и Мирабо, между «героем двух полушарий», или, как назвал его Марат, «паяцем двух полушарий» и триумвиратом — Ал. Ламеттом, Дюлором и Барнавом, — они сходились в основном, в своих попытках организовать буржуазную контрреволюцию. После восстания в Нанси осенью 1790 г. программа буржуазной контрреволюции была оформлена; в 1791 г. ее попытались провести в жизнь.

В ноябре 1789 г. Лафайет писал (мы выше цитировали это письмо к Буйе): «Революция — факт, с которым следует примириться представителям привилегированных сословий; в настоящее время имущим угрожает серьезная опасность анархии и гражданской междоусобицы. Все друзья порядка должны поэтому стремиться к одной и той же цели — к восстановлению кредита и укреплению порядка» [105]. Ту же мысль он высказал еще раньше в письме к Мунье [106]. Переходя от слов к делу, Лафайет почти одновременно в двух мемуарах, представленных королю, предлагал ему доверить небольшой группе членов Национального собрания руководство военными операциями по восстановлению прав монархии и ликвидации революции. Для этого армия должна была оставаться в полном распоряжении короля и ее начальников [107]. Апрельский мемуар Лафайета, на котором сохранилась пометка Людовика XVI: «*Солидарен с принципами и основными мыслями*», представляет

собой развернутую программу контрреволюционного заговора буржуазной аристократии в различных областях государственной жизни [108]. Демократы, в том числе Марат, не ошибались, когда били в набат с весны 1790 г. по поводу контрреволюционных проектов власть имущих.

Специальное внимание в апрельском мемуаре Лафайета было уделено разделу «Армия, флот и национальная гвардия». Армия должна всецело находиться в подчинении у исполнительной власти, должна подчиняться приказам короля, дисциплина должна отныне быть гораздо строже, чем в дореволюционную эпоху. Национальную гвардию следует подчинить на местах административным властям, непосредственно зависящим от короля [109]. Лафайет, естественно, присоединился в мае 1790 г. к проектам Мирабо и Шапелье, потому что они гарантировали исполнительной власти максимальную инициативу в распоряжении военными силами государства. Эта политика диктовалась прежде всего заботой о промышленном развитии и престиже Франции на международной арене [110].

Праздник федерации в основном служил намеченной цели: добиться безраздельного господства над армией и национальной гвардией по всей стране для того, чтобы обезоружить революцию. Под этим углом зрения представляет особый интерес анализ выступлений и деятельности Лафайета в июле—августе 1790 г. Только тогда мы поймем смысл дела Нанси и позицию Марата, его ожесточенную травлю Лафайета. Мы вынуждены сделать это, конечно, только в самых общих чертах.

13 июля Лафайет во главе федератов у решетки Национального собрания заявил: «Права человека провозглашены, народный суверенитет признан, власти распределены; основы общественного порядка установлены. Торопитесь оказать государству необходимую помощь. Народ вам обязан своей свободной конституцией, но он от вас требует, он ожидает, наконец, установления того порядка, который не может существовать без прочной и окончательной организации правительства» [111]. День федерации должен был быть днем окончания революции. Об этом Лафайет говорил неоднократно в своих выступлениях в связи с праздником федерации. 20 июля, обращаясь к мэру Парижа со словами благодарности от имени многочисленных делегаций, он заявлял: «Не забудем, что справедливость и порядок должны завершить революцию, как в свое время общие усилия ее начали» [112]. 31 июля в приказе национальной гвардии он уточнил свои торжественные декларации. Главнокомандующий отмечал «рост анархии в стране, распространение зажигательных произведений, пропаганду бунта против Национального собрания, против сбора налогов и порядка, анархии,

которая препятствует охране личной свободы, собственности, развитию личных талантов и индустрии».

«Во многих частях королевства, — заявлял он, — общественное достояние и состояние кредиторов государства под угрозой благодаря террору, беспорядкам, фискальной войне» [113]. Национальная гвардия должна взять на себя инициативу по подавлению этих беспорядков — так мыслил свою задачу Лафайет. Лустало перепечатал приказ Лафайета от 31 июля; он обратил внимание солдат национальной гвардии на то, что речь идет о диктатуре, которую генерал хочет с помощью войск утвердить во Франции, о военной диктатуре, направленной против революции [114]. Лафайет хочет восстановить военный деспотизм, утверждал Лустало, и безразлично, будет ли это делом солдат или добровольцев [115].

Но может ли свобода рассчитывать на вооруженные массы активных граждан, спрашивал Лустало. Монархические настроения федератов и поведение национальной гвардии при подавлении народных восстаний показали, что эта часть армии представляет собою послушное орудие в руках руководителей буржуазной контрреволюции. Решающим обстоятельством для демократов было, однако, то, что линейные войска старой армии подвергались постоянному и систематическому разложению благодаря революционной агитации. Распад государственной власти сопровождался распадом ее вооруженной силы. Речь шла о том, удастся ли народу в новом победоносном восстании осуществить обновление старого государственного аппарата или господствующие классы, раздавив народное движение, укрепят правительственную власть, установят буржуазный порядок, иначе говоря, прекратят революцию.

Войска были частной собственностью своего начальника, они переходили при старом порядке из рук в руки. Злоупотребления в армии были вопиющие. Летом 1790 г. революционная публицистика нарисовала яркую картину положения солдат. Отметим прежде всего грабеж солдат офицерами, известный под названием «права удержания». Казначеи утаивали огромные суммы денег, предназначенные для выплаты жалования солдатам; задолженность достигала сотен тысяч ливров и не погашалась годами. Солдаты покупали разрешения зарабатывать себе на жизнь в мирное время как рабочие. Между ними и населением, естественно, устанавливалась тесная связь [116].

В июле 1789 г. королевская власть потерпела поражение потому, что часть войск перешла на сторону народа. Таким образом, с первых дней революции армия была захвачена политической борьбой. «Неподчинение армии, — пишет современный публицист, — одна из самых больших бед, которая

может нас погубить. Но разве не благородные, не привилегированные занимают все места офицеров? Думаете ли вы, что они преданы революции? Только солдаты — патриоты, но они не просвещены. Офицеры просвещены, но они не патриоты; вот причина зла» [117]. Отдельные конфликты между солдатами и их начальниками, конфликты по вопросу о выплате жалованья, об изменении устава, постоянно перерастали в политические конфликты; они втягивали солдат в революционную борьбу, сближали их с народными массами городов и деревень. В войсках создавались солдатские комитеты и патриотические общества, в ряды войск проникали зажигательные произведения — армия выходила из подчинения. Могла ли солдат-патриотов в таком случае удовлетворить позиция Национального собрания, которое 9 февраля ограничилось общей декларацией: «Король — верховный вождь армии; суммы, необходимые на содержание армии, должны быть определены законодательным порядком... продажа военных должностей будет уничтожена, жалование солдату будет увеличено на 32 су»?. Основные требования солдат не были удовлетворены; последние все еще предоставлены были произволу начальников.

В июле 1790 г. постановлено было, что армия будет состоять из 186 тыс. человек, из них 13 тыс. пехоты, 32 тыс. кавалерии и 11 тыс. инженерных войск, но по животрепещущему вопросу, по вопросу о назначении офицеров, собрание ограничилось общим утверждением: солдаты должны прежде всего подчиняться; в армии необходима военная дисциплина. Таков был смысл выступления Латур дю Пэна 8 августа 1790 г. «Из природы вещей вытекает — и это же диктуется общим благом, — чтобы солдаты действовали, как автоматы, и не имели собственной воли. Если не будет совершенно пассивного подчинения, армия сделается непригодной во внешних отношениях и в высшей степени опасной внутри государства». Могло ли это решение способствовать примирению солдат и офицеров? Демократы были в этом вопросе единодушны. Для них, как и для наиболее последовательной части либералов, было очевидно, что во всех областях государственного устройства необходима радикальная реформа старых отношений. Эта общая мысль была прекрасно выражена в речи Карра в якобинском клубе [118]. «Национальному собранию, — говорил Карр, — необходимо позаботиться об оздоровлении армии: для того чтобы избежать войны, будем всегда готовы ее начать». Права человека и гражданина должны быть распространены и на армию, «так как солдат-гражданин ничем не должен отличаться от гражданина-солдата». Разница только в том, что солдат получает свое жалование за военную службу и не может поэтому ее добровольно покинуть. Карр стремится к успокоению солдат, к вос-

становлению мира между ними и офицерами при полном сохранении дисциплины в национальной армии.

Гораздо дальше в своей критике шли демократы Лустало и К. Демулен. В ответ на инструкцию Лафайета первый писал: генерал разделил национальную гвардию на два класса, из которых один угнетает другой. Национальная гвардия отделена от народа, превращена в профессиональную армию наемников, отличную от простых граждан даже своим платьем, голубым мундиром. Допустимо ли, чтобы Лафайет предлагал гвардейцам, даже тем, которые не умеют читать, цензуровать писания и определять, какие из них «зажигательные», и в то же время быть исполнителями закона, т. е. арестовывать тех, кто эти произведения продает? [119] Недостатки военной организации столь глубоки, что они могут быть исправлены только вмешательством общественного мнения. Национальная гвардия должна быть образована из всех граждан, способных носить оружие, а в настоящее время она включает в себя только 30 тыс. человек. Национальная гвардия превратилась из отрядов вооруженных граждан в части регулярной армии с той же дисциплиной, что и в линейных войсках: слепое подчинение — такова основа этой дисциплины. Идеалом для Лустало является заявление батальона des Petits Pères; последний в своем адресе национальной гвардии писал: «Мы солдаты отечества»; батальон призывал своих братьев не допустить господства аристократии богатых. Дисциплина в армии, утверждает Лустало, предполагает ее реорганизацию на основах широкой демократии [120].

К августу 1790 г. Лафайет обнаружил, однако, что, несмотря на успех праздника федерации, движение протеста и революционное волнение в армии не могли быть прекращены. Полк в Пуату арестовал своего командира, а другой, полк Royal Champagne, отказался принять назначенного королем офицера; семь полков Страсбурга «созвали конгресс». Министр военных дел Латур дю Пэн 6 августа потребовал от Национального собрания срочных мер для восстановления дисциплины. «В своем последнем послании, — говорил он, — я указал вам на грозную опасность образования комитетов в полках. Это они причина бушующих страстей. Комитеты возглавляли бунт в Пуату и других местах королевства. Солдаты через комитеты входят в прямые сношения с министром, и каждый день ему приходится иметь дело «с полномочными представителями армии» — так они выражаются», — с грустью заявлял министр [121].

Революционное движение среди солдат усиливалось изо дня в день. Заслуженные части Лангедока, спокойные до сих пор, взбунтовались. Малуэ требовал наказания солдат [122]. Другой депутат собрания обращал внимание на то, что анархия

в войсках означает торжество республики. За солдатскими бунтами последовали бунты матросов. В Марселе, как и в ряде других городов, восставшие солдаты находились в тесной связи с трудящимися массами города; об этом говорят наблюдатели-современники.

«Благодаря революции, — пишет один из них. — в Марселе процветает торговля, но подстрекатели убеждают матросов и бедняков, что тот класс, который обогащает Марсель, хочет добиться нарушения порядка, что должно повлечь за собою, однако, обнищание большинства» [123]. Особенно интересно движение в Тулоне. Оно продолжалось весьма долго, население бунтовало неоднократно; 20 августа 1790 г. Малуэ в Национальном собрании дал ему следующую характеристику: «Когда толпы «бешеных» собираются, они особенно опасны в морских портах и арсеналах. Только с помощью полиции можно держать в повиновении матросов, рабочих, этих каторжников, и охранять огромную массу предметов, необходимых для блага государства и торговли» [124]. Решительные меры были своевременно приняты; 25 августа Малуэ мог сообщить собранию «об успокоении матросов, рабочих и каторжников»; 26 августа хозяева и рабочие арсенала Тулона сообщили Национальному собранию о своем примирении.

Мы оставляем в стороне движение в Лионе, Бресте, крестьянское движение по всей Франции. Отметим только, что в сентябре 1790 г. общее движение солдат, матросов и рабочих усилилось благодаря продовольственным бунтам (в Орлеане). Военный министр и глава национальной гвардии не без основания утверждали, что «объединение этого движения, смычка между солдатами и гражданами породит всеобщее восстание». «Франция не может существовать без солдат, — поучал Латур дю Пэн депутатов, — но она не может существовать спокойно и с такими солдатами, какими они являются теперь. От вас отечество ждет спасения. Авторитет короля недостаточен; собрание дало ему средства для охраны законов, но сегодня речь идет о том, чтобы их воссоздать. Обдуманность при их издании — гарантия их мудрости; у вас нет времени заняться теперь новым военным кодексом: введите в действие старый. У солдат нет ни судей, ни законов; верните им их судей, чтобы взбунтовавшиеся солдаты трепетали перед военным советом, который так долго держал их в подчинении, дисциплине и любви к обязанностям».

Это была обдуманная программа контрреволюции, подчинения армии буржуазной аристократии, а следовательно, разоружения народа. В этом направлении работала и мысль Лафайета, который пользовался для выполнения своих планов в армии старым воякой реакционером Буйе. Необходимо

было спешить, надо было пролить кровь народа, если победители не хотели допустить, чтобы победивший народ пролил кровь аристократии.

6

Все эти обстоятельства наилучшим образом объясняют нам дело Нанси. В августе в Нанси разразился обычный для Франции лета 1790 г. бунт солдат, но принятые властями меры примерного наказания восставших превратили этот эпизод в грозное начало гражданской войны. События в Нанси неоднократно и подробно описывались в исторической литературе. Мы не думаем повторять здесь это изложение, нас интересуют только два момента: связь между восстанием солдат и трудящимися массами города и анализ дела Нанси как определенного этапа в истории дальнейшего развития плебейской революции. Только тогда нам станет ясным смысл выступлений Марата по вопросу о реформе армии и о солдатских бунтах, что всецело поглотило его интересы во вторую половину 1790 г.

Мы воспользуемся для этого довольно многочисленными свидетельскими показаниями, брошюрами и статьями в прессе, официальными документами обследования и парламентскими речами [125]. Летом 1790 г. в Нанси стояли три полка: кавалерийский и два полка пехоты — королевский и швейцарская часть полка Шатовье. Среди солдат этих полков уже с первых дней революции сильно было недовольство; швейцарцы в июле 1789 г. отказались стрелять в народ. В королевском полку офицеры рекрутировались из знатных дворян, а солдаты — из буржуазии; среди них было немало богатых буржуа. В свое время двор надеялся даже опереться на этот полк для борьбы с революцией. Солдаты королевского полка еще в 1789 г. требовали изменения и смягчения военного регламента. Весной 1790 г. движение протеста охватило солдат всех частей гарнизона. «Причину нужно искать в революции», — кратко, но убедительно объясняют в своем отчете комиссары короля Дюверье и Кете. Эти комиссары в сопровождении адвокатов Гейара и Леруа явились 4 сентября в Нанси для установления виновников «бунта». В городе, отмечают они, шла борьба «между двумя партиями, разделенными неравенством состояний и привилегий» [126]. В апреле 1790 г. солдаты королевского полка отказались принять подполковника Лоренца, сурового человека; 36 солдат было изгнано. В это время в городе происходили многочисленные столкновения между солдатами линейных войск и гвардейцами, между населением и муниципальными властями. Подстрекатели, пишет другой современник, офицер полка Mestre-de-Champ, изображали муниципальных агентов как слуг

аристократии, они стремились взбунтовать народ против его магистратов.

В Нанси разгорелась по парижскому образцу война между дистриктами и Коммуной [127]. В мае солдаты королевского полка создали свой комитет, который отныне и представлял их интересы. Они на солдатских собраниях читали газеты, разъясняли друг другу политические новости [128]. В то же время солдаты связались с местным якобинским клубом; здесь их «распропагандировали» [129]. В конце мая солдаты королевского полка были возмущены тем, что по наущению офицеров солдат Руслер, известный наемный убийца, оскорблял мирных буржуа. Они требовали его примерного наказания, а когда он явился в казармы, надели ему на голову колпак с надписью «Искариот».

Гораздо больший интерес представляет тот факт, что в это же время офицеры развили активную деятельность для того, чтобы дискредитировать солдатский комитет. Им удалось даже спровоцировать группу солдат. Тем не менее авторитет солдатского комитета возрастал изо дня в день. Во главе комитета стояли солдаты Помье, Арналь и Бургиньон. Комитет был весьма мирно настроен и послушен Национальному собранию [130]. Офицеры воспользовались отказом Бургиньона подчиниться незаконному распоряжению и отдали приказ о его аресте. Но его товарищи не подчинились приказу. Военный губернатор города, Дену, отдал тогда приказ об аресте всего полка. События принимали столь серьезный оборот, что городские власти настаивали перед Дену на отмене приказа. Военное начальство пошло на уступки. Решающую роль в этом случае сыграло, конечно, организованное сопротивление солдат.

К этому времени относится требование солдат о проверке казначейских счетов. Солдаты настаивали на отчете с 1767 г., но казначей полка, 78-летний старик, доказывал, что отчетность существует только с 1776 г.; солдаты его арестовали.

О беспорядках в Нанси было сообщено Национальному собранию; 6 августа по докладу Эммери был принят декрет, который предлагал назначить особых офицеров для проверки счетов за последние шесть лет [131]. Но, что еще важнее, один из пунктов декрета запрещал создание солдатских комитетов: «За исключением административного совета, всякие иные совещательные органы, созданные в полках, под какими бы названиями они ни существовали, будут немедленно после опубликования декрета ликвидированы». Солдатам запрещено было отныне обращаться с жалобами по вопросам военной службы к муниципальным и национальным властям; виновные в организации бунта подвергались жестоким наказаниям.

Декрет, доведенный до сведения гарнизона, конечно, не успокоил солдат. Правда, им было выплачено 150 тыс. ливров за счет ссуды богатых жителей Нанси. Но это не могло, в противовес тому, что пишут реакционеры-современники и многие историки, прекратить движение протеста. Королевские комиссары объясняют нам причину: к движению вскоре присоединились солдаты других полков гарнизона, а главное, к солдатам примкнул «низший класс населения Нанси» [132].

Солдаты нашли поддержку «дурных граждан города», узнаем мы из другого документа. Протокольная запись муниципалитета Нанси гласит: «Волнения солдат не перенеслись во все классы населения, но большие суммы денег, розданные солдатами, создали им многочисленных союзников среди класса бедняков» [133]. К 11—12 августа весь гарнизон и население города были втянуты в борьбу. Офицеров преследовали на улице женщины и даже дети. Бунт принял угрожающие размеры особенно после того, как наказаны были делегаты швейцарского полка, требовавшие от имени солдат полка Шатовье кассового отчета. Арестованные были освобождены толпой солдат и граждан 13 августа, по примеру швейцарцев последовал кавалерийский полк. Солдаты Шатовье потребовали тогда от муниципалитета устройства ужина для братания солдат и населения Нанси; муниципальные власти вынуждены были подчиниться.

Тогда в дело вмешалась центральная власть. Уже с первых дней августа 1790 г. Лафайет пристально наблюдал за событиями. Необходимо было примерно наказать гарнизон и население Нанси. Руководитель национальной гвардии не нашел лучших исполнителей своей воли, чем командира реакционера Буйе, старорежимного генерала, отказавшегося принести присягу на верность конституции, и Мальзена, грозу солдат, наводившего ужас на армию своими требованиями суровой дисциплины.

Мы приводили выше письмо Лафайета Буйе, из которого явствует, что уже с конца 1789 г. «герой двух полушарий» пытался заключить соглашение со старыми военачальниками для подавления революции. Буйе пишет в своих мемуарах: «Решено было нанести сокрушительный удар бунтовщикам». Для этого нужно было согласие Национального собрания. 16 августа депутат Эммери, политический соратник Лафайета, потребовал от собрания срочных мер для подавления «восстания гарнизона Нанси». Собрание единогласно постановило подвергнуть бунтовщиков преследованию как виновных в преступлении против нации. Декрет напоминает солдатам о необходимости строжайшего подчинения военачальникам, командирам, соблюдения дисциплины [134]. Делегация гарнизона

Нанси, присланная в Париж 16 августа, не была выслушана; по указанию Лафайета и Буйе ее арестовали 18 августа. Арест делегации вызвал серьезные волнения в парижских предместьях. И в то время как Горза в своей газете высказывался весьма нерешительно: «У нас нет времени, ни чтобы судить, был ли политически целесообразен арест делегатов, ни для того, чтобы обдумать его последствия», — жители Сент-Антуанского предместья закрывали лавки и готовились к борьбе [135]. Лустало отмечает многочисленные стычки с национальной гвардией в Париже. Градом камней отвечали предместья на появление буржуазной гвардии в своих кварталах, и «французская кровь пролилась от рук французов» [136]. Нет сомнения, что арест делегатов должен был повредить революции. «Арестовали ли офицеров, — спрашивает Лустало, — покидающих свои части без отпуска? Конечно, нет! Но солдат-патриотов преследуют за то, что они защищают свои права» [137]. Даже Горза, наблюдая за возбуждением парижских предместий, вынужден был заявить 20 августа, что момент для ареста делегации был выбран явно неподходящий «с солдатами следует обращаться мягче» [138].

Спустя несколько дней решение Национального собрания дошло до Нанси. 20 августа делегаты трех полков приняли решение подчиниться декрету Национального собрания, чтобы «не было сомнения в тех чувствах, которыми они преисполнены, чтобы доказать Национальному собранию свою абсолютную преданность нации» [139]. Но несколько дней спокойствия, последовавших за этими событиями, не могли изменить поведения представителей власти; им необходимо было преподать кровавый урок солдатам и прежде всего тем «обездоленным классам», для которых дело было, конечно, не только в солдатских требованиях. Рабочие и мелкие буржуа Нанси стремились к осуществлению требований демократической революции. С 25 августа участие гражданского населения в событиях становится особенно заметным.

24 августа в Нанси явился Мальзен и обрушился на солдат. Он отверг их требование о созыве представителей гарнизона для обсуждения создавшегося положения. Дело дошло до столкновения между солдатами и представителем центральной власти. В агитации против Мальзена активное участие приняли граждане Нанси. Один из наблюдателей утверждает, что руководителем толпы был столяр Массон, который аргументировал свое выступление против делегатов короля и Национального собрания тем, «что все люди равны» [140]. Тогда Мальзен отдал приказ об отправке из города швейцарского полка; солдаты отказались выступить; к ним присоединился весь гарнизон. Швейцарцы, которым предложили от-

править вторичную делегацию Национальному собранию, отказались это сделать, опасаясь, что ее снова арестуют. После этого спор мог быть решен только в открытом бою.

Мальзен поспешил скрыться в Моневиль, где стоял стрелковый полк, а адъютант Лафайета Демотт отдал приказ о концентрации около Нанси верных правительству отрядов национальной гвардии всех близлежащих городов, местечек и деревень для подавления восстания [141]. Восставший город оказался в эти дни в полном распоряжении повстанцев. Солдаты-швейцарцы разъезжали по городу в каретах и размахивали собранными в квартирах офицеров красными шторами при общем одобрении граждан [142]. Активные граждане послали делегацию муниципалитету с требованием обратить внимание на бесчинства, на то, что военные власти стягивают к городу значительные силы; они настаивали на созыве совета Коммуны. В это время солдаты кавалерийского полка, узнав о бегстве Мальзена, послали за ним вдогонку отряд. Опрошенные впоследствии солдаты полка утверждали, что сделали они это по указанию «бедных граждан», которые помогли им даже оседлать лошадей. Когда королевские комиссары потребовали, чтобы они назвали фамилии этих граждан, они заявили, что не помнят их, но они безусловно принадлежали «к несостоятельному классу нации» [143].

28 и 29 августа толпа братalась с солдатами и захватила оружие в арсенале [144]. Она арестовала военного губернатора Дену и офицеров; толпа угрожала им самосудом. Как сообщают источники, пострадало и богатое население города. Толпой в эти дни руководили указанный выше столяр Массон и парикмахер Пэн. Само население разделилось на два враждебных лагеря [145]. Департаментские власти вели в это время тайные переговоры с военачальниками, муниципалитет пытался сохранить нейтральную позицию, а национальная гвардия Нанси попала под влияние народных низов [146]. За три-четыре дня вооруженные силы народа возросли во много раз за счет граждан из городской бедноты, которые проникли в ряды гвардии и не могли быть оттуда изгнаны. Им следует приписать, утверждают наблюдатели, дальнейшие события, которые имели место 31 августа: «Это среди них рекрутировались «бешеные», убийцы защитников отечества» [147]. Среди гвардейцев появилось теперь, с возмущением замечает современник, много людей плохо одетых и даже «sans veste» [148].

О том же писал в одном из своих донесений Буйе, как сообщает журнал Горза. Национальная гвардия Нанси защищала солдат Шатовье, они находили сторонников прежде всего среди «низшего класса населения, без сомнения, среди ремесленников». Восставшие попытались распространять сведения

о контрреволюционном выступлении войск Буйе в деревнях, среди крестьян, чтобы привлечь их на свою сторону [149].

29—30 августа Нанси напоминал собою военный лагерь. Стрелки Моневиля поспешили послать своих делегатов к гарнизону Нанси; Мальзен с триумфом был привезен обратно в город. Но еще 28 августа Буйе выступил в поход, захватив с собою из Меца верные части национальной гвардии. В Тулле, куда он явился, его ожидали собранные со все сторон войска, готовые немедленно отправиться для подавления восстания. Об ускорении выступления карательной экспедиции Буйе умоляла высланная тайная делегация от департаментских властей и членов муниципалитета, того муниципалитета, который, сохранив свою власть в городе, изображал все время доброжелательный нейтралитет к восставшим солдатам.

Буйе не знал этих колебаний, его прокламация войскам и народу свидетельствовала о том, что он готов при всех условиях к гражданской войне [150]. 31 августа должен был в кровавой борьбе решиться спор между народом и реакционной военщиной.

Но в самом городе между восставшими не было единодушия. Не только муниципалитет и активные граждане готовы были сорвать народное восстание, но и буржуазные солдаты королевского полка неоднократно посылали Буйе делегации с просьбой о перемирии. Одной из этих делегаций Буйе ответил, приняв их в Мече: «Я всегда был отцом солдат, но солдат покорных; я покидаю солдата мятежного и вспоминаю о нем лишь для того, чтобы наказать его по всей строгости законов» [151]. От гарнизона генерал потребовал выдачи мятежных вожаков и угрожал бунтовщикам смертной казнью.

Среди населения Нанси эта неудача переговоров вызвала глубочайшие разногласия. Королевские комиссары, на основании допроса многих арестованных, позже утверждали, что солдаты королевского полка убеждали «наименее просвещенных граждан Нанси», что защита Нанси — дело законное [152]. Решающей ошибкой гарнизона было то, что наиболее ответственные посты у городских ворот при обороне города предоставлены были политически наименее стойким частям национальной гвардии. Наиболее отважными оказались швейцарцы и «плохо одетые» граждане, которые стояли у ворот Стенвиля. Когда Буйе, несмотря на согласие большинства гарнизона сдаться, все же решил завоевать город и направил отряд для приискания квартир, он натолкнулся на сопротивление преданных революции солдат и граждан у ворот города. Их стойкая борьба была сорвана колеблющимися элементами, которые, подобно офицеру королевского полка Дивилю, «во имя брат-

ства французов» помешали швейцарцам обстрелять передовой отряд карательной экспедиции.

Буйе воспользовался изменой у ворот Стенвиля; он ворвался в город. После многих часов ожесточенной борьбы не только с солдатами, но и с неимущим населением города, с гражданами, забаррикадировавшимися в домах, стрелявшими в войска из окон, уступавшими контрреволюционным войскам с бою пядь за пядью, генерал одержал победу. Более 3 тыс. человек, в том числе 400 женщин и детей, пали жертвой белого террора. Контрреволюция справляла свою оргию. Муниципальные власти поспешили распустить национальную гвардию, клубы были закрыты, буржуа Нанси братались с победителями. Суд продолжил дело Буйе. В своем постановлении судьи писали: «Признавая неминуемую необходимость быстрого и сурового правосудия, мы придерживались обычных форм». Эта фраза поразительно напоминает слова, сказанные много лет спустя Тьером перед «кровавой майской неделей»: «Правосудие совершится обычными путями. Мы прибегнем только к закону, но он будет применяться во всей своей строгости». Язык палачей революции всегда один и тот же.

Национальное собрание одобрило действие карательной экспедиции. После ареста делегации солдат Нанси большинство депутатов со вниманием выслушало предложение «об особой резолюции для одобрения действий муниципальных и департаментских властей Тулона и Нанси, с достаточной твердостью способствовавших подавлению восстания» [153]. 31 августа Национальное собрание заслушало сообщение Буйе из Меца о том, что «часть национальной гвардии и мелкого люда Нанси присоединилась к бунтовщикам. Население города в большом возбуждении; низший класс присоединился к бунтующему гарнизону, высший класс боится разгрома и убийств».

Это дополняло полученные за несколько дней до того сведения от муниципалитета Нанси о том, что ответственность за события несет солдатский комитет, который руководит восстанием [154].

Большинство Национального собрания не допускало мысли о смягчении принятых карательных мер. Оно решительно отклонило предложение М. Робеспьера назначить комиссаров для выяснения причин резни. Напрасно делегаты Нанси молили о милосердии. Депутат Прюньон отвечал им: «Если восстание не подавить силой, оно распространится по стране и захватит Париж». Лафайет настаивал на резолюции благодарности войскам. В воззвании Национального собрания было сказано: «Солдаты, подчинитесь закону. Национальное собрание этого желает; оно приказывает» [155]. 2 сентября король в особом письме выразил «свою печаль» по поводу пролитой крови и надежду,

что «это в последний раз и что отныне ни один полк не будет оказывать сопротивления военной дисциплине, без которой армия стала бы проклятием государства» [156]. Либеральная оппозиция готова была после кровавого подавления восстания проявить «гуманность». Барнав настаивал на обращении Национального собрания к солдатам со словами мира.

Широкие слои французского населения были глубоко возмущены делом Нанси, но они по-разному реагировали на него. Горза в своей газете, ссылаясь на письма из Нанси, вынужден был признать, что солдат спровоцировали на восстание, что офицеры обходились с ними варварски. В Париже на улицах и прежде всего в предместьях революционные массы требовали предания суду виновников бойни. 2 сентября к 11 часам вечера толпа в 25—40 тыс. человек решила послать делегацию в Национальное собрание; она требовала возмездия [157]. 3 сентября сборища увеличились, пришлось прибегнуть к вмешательству войск. Сообщая об этих фактах, Горза высказывает опасение, как бы гражданская война в Нанси не перенеслась в Париж, но продолжает осуждать Буйе; он присоединяется к решению Национального собрания о выражении благодарности руководителям армии и карательной экспедиции. Либералы из-за боязни гражданской войны, начатой народными массами, готовы были заключить любой союз с реакционерами.

Лустало перед самой своей смертью принял живейшее участие в обсуждении дела Нанси. Мы указали выше его оценку той борьбы, которая развернулась в армии. Защищая солдат-патриотов, он, естественно, берет на себя и защиту «солдатских комитетов», единственной организации контроля над офицерами — врагами революции [158]. Разве не свидетельствует о доброй воле солдат тот факт, пишет Лустало, что они до сих пор сохранили еще во главе армии графов, маркизов, герцогов? Офицеры готовы искупаться в крови «французских каналий» и сохранить в своих руках исключительную привилегию на занятие офицерских должностей. «Декларация прав» должна быть распространена и на войска; Национальное собрание должно примерно наказать тех начальников, которые преследуют солдат-патриотов.

Но как должны поступить солдаты? Как связать пропаганду среди них с задачами революции? Лустало отвечает: «Им следует доказать необходимость восстановить порядок, который они должны сохранить в армии до установления новой организации» [159]. Солдаты — народ сознательный, докажем им, какой вред их бунтарство наносит международному престижу Франции, призывает Лустало. Такова задача всех обществ друзей конституции в провинции. Восстание солдат — страшная угроза для мирных граждан, оно может доставить радость

только врагам народа; солдаты должны уважать декреты Национального собрания и подчиняться своему начальству, они должны довериться писателям-патриотам и терпеливо ожидать конституции [160]. Под этим углом зрения Лустало оценивал события в Нанси. Он требовал наказания начальников гарнизона Нанси как виновных в провокации солдатского бунта [161]. Пролитая кровь зажгла огонь гражданской войны, ее нужно потушить силами всей демократической Франции [162]. Сознание своего бессилия отличает предсмертные статьи Лустало.

Он не был одинок. Позиция Лустало характерна для демократов 1790 г. Они не желали отрешиться от своих легалистских позиций и принять революционную программу Марата. Статьи в «Révolutions de Paris» соответствовали взглядам Робеспьера, который с трибуны Национального собрания, выступая в защиту солдат Нанси, призывал к гуманности во имя мира и уважения к законам. Характерно в этом отношении письмо Робеспьера К. Демулену в июле 1790 г., в связи с обсуждением декрета о праве «войны и мира»[163]. Демулен утверждал, будто Робеспьер обратился к толпе 22 мая при обсуждении декрета. Оскорбленный депутат возражает: «Я высказал в Национальном собрании свое мнение о принципах и последствиях названного декрета, но этим я и ограничился... Я всегда расположен к чистосердечию, которым должны отличаться все выступления членов Национального собрания в его стенах, но считаю, что за стенами собрания они должны проявить известную сдержанность» [164]. Мог ли Робеспьер соответственно своим принципам предлагать солдатам что-либо иное, кроме сохранения «мира и порядка» на ближайшее время?

Соответственно этой общей для демократов оценке последствий дела Нанси К. Демулен в своей газете защищал солдат и клеймил их «благородное» начальство. Он удачно подметил, что большинство особо ярких противников прав солдата рекрутируется из числа тех, кто потерял свои доходы из-за отмены наиболее нелепых привилегий старого порядка; он говорит об ужасах братоубийственной войны. При свете кровавых событий в Нанси Камилл задумался над своей оценкой деятельности Марата. Он выразил это в следующей риторической фразе: «О Друг народа! О Оратор народа! О Марат-Кассандра, неужели вы правы, когда заявляете: «с нами и свободой покончено»? Власти утверждают, что в Нанси установлен порядок. Какое восстановление, великий боже! Это похоже на ответ хирурга пациенту, чей глаз находится у него в руках и который спрашивает врача: «Потерял ли я глаз?» — «Нет! Вы его не потеряли, он в моих руках!» К. Демулен, «этот новичок в политике, по словам Марата, был после дела Нанси грустен, он не знал больше веселого смеха» [165].

Интерес представляет поведение наиболее радикально настроенных секций. Здесь не место подвергать этот вопрос детальному рассмотрению. Отметим только, что в защиту солдат выступили немногие демократические секции. На 4 сентября Лафайет решил собрать представителей всех батальонов парижской национальной гвардии для вынесения резолюции благодарности карательной экспедиции. Собрание 600 делегатов в ратуше решило принять окончательное постановление 8 сентября. Но еще 3 сентября батальон de St.-Gervais постановил усилить борьбу «с новой противозаконной комбинацией преступных усилий и антиконституционных действий» [166]. К этому решению присоединился ряд других батальонов под лозунгом «в единстве наша сила» [167]. Диссонансом в общем хоре прозвучали только выступления двух батальонов — Кордельеров и дистрикта du Val de Grâce. Последний потребовал тщательного расследования событий в Нанси, а первый в духе статей Лустало и К. Демулена выражал протест против резни, против преследования солдат контрреволюционным офицерством и осуждал гражданскую войну, начатую врагами народа [168].

7

Нам легче будет теперь выяснить позицию Марата в вопросе о солдатских бунтах, его позицию в деле Нанси, понять то общее, что объединяло его со всеми демократами 1790 г., и то, что отличало его от них. «Военные бунты» поглощают внимание Марата всю вторую половину 1790 г. Два момента характеризуют его постановку вопроса об армии: Марат пытается объяснить массам значение и роль вооруженных сил королевства как орудия политики господствующих классов; во-вторых, его интересует возможность использования этой силы для всеобщего народного восстания. Поэтому он с особым интересом наблюдает за распадом старой армии, стимулирует этот распад, стремится расширить «организованное недоверие» солдат к своим командирам, призывает солдат порвать с легальными формами борьбы во имя революционной мобилизации не только солдат-граждан, но и граждан-солдат.

Мы в свое время отмечали статьи Марата в ноябре 1790 г., в которых он отчетливо подчеркнул необходимость соблюдения классового принципа при комплектовании армии. Несправедливо, чтобы в государстве буржуазной аристократии поденщик, рабочий и ремесленник жертвовали четырьмя годами своей жизни военной службе в равной степени с богатыми [169]. В государстве, где власть в руках богатых, равенство должно быть исправлено «привилегией» в интересах бедняков. Беднякам нечего защищать; лишенные всего, они без жалости готовы

бросить свою родину, чтобы бежать туда, где они будут счастливы. «Где отечество тех, кто не имеет собственности?». Народу следует опасаться прежде всего внутренних, а не внешних врагов. Армия должна быть вооруженной силой народных низов для охраны революции и уничтожения ее врагов.

Под этим углом зрения Марат в мае—июле 1790 г. выступает с критикой организации национальной гвардии и линейных войск. Солдаты, драгуны лотарингского полка жаловались в конце мая на своих офицеров Национальному собранию. Марат убеждал их, доказывая, что освобождение солдат возможно не в результате частичных реформ, а в результате торжества новой революции.

О том же Марат писал в «Адресе патриотам парижской армии» [170]. Солдаты по праву рассматривают своих офицеров как врагов. Генеральные штабы линейных войск и национальной гвардии в большинстве состоят из заклятых врагов народа, врагов «если не по своим интересам, то по своим принципам». Офицерский штаб в своем большинстве состоит из дворян, судейских, ремесленников по выработке предметов роскоши, богачей, словом — агентов старого режима [171]. Штабные распоряжаются всем в армии, они ни во что не ставят солдат-патриотов, солдат отечества. Лафайет хочет поставить национальную гвардию в одинаковое положение с линейными наемными войсками; согласятся ли гвардейцы быть наемными слугами, рабами своих господ, спрашивает Марат. Он особо подчеркивает попытку военщины захватить власть в свои руки.

В Rioms штабные устранили муниципалитет и требуют переизбрания народного представительства, утверждает Друг народа. Допустят ли граждане торжество военной диктатуры? В связи с поведением офицерского корпуса Марат внимательно обсуждает вопрос о праве народа на восстание против своих угнетателей, внимательно анализирует значение дистриктов, в интересах контрреволюции замененных секциями. В дистриктах он видит организованные центры будущего восстания [172].

Свои взгляды на роль солдат в революционном восстании Марат подробно изложил в июле 1790 г. накануне праздника федерации, когда он, как мы видели, решительно выступил против лозунга «национального единения». Не подлежит сомнению, утверждал Марат, что нынешняя организация армии тесно связана с недостатками муниципальной и национальной организации, что все эти недостатки — плод потерянной народом победы в дни 14 июля и 5—6 октября. Едва освободившись от цепей, граждане избрали своими опорными пунктами старые учреждения, старых вождей. «Весь народ имел оружие в руках — естественное последствие всеобщего восстания и тех

усилий, которые сделал каждый гражданин, чтобы отбросить общих врагов. На этой бесчисленной армии без всякой дисциплины покоилось спасение государства, потому что народ не продажен. Огромная толпа обездоленных, которых наглые богачи называют канальями, это наиболее здоровая часть нации, которая ничего никогда не выигрывает, меняя хозяина, и которая всегда впереди в минуту опасности, чтобы разбить ярмо тиранов. Эта часть нации доказала свое огромное усердие при наказании предателей отечества» [173].

Вот почему враги революции поспешили изгнать из армии бедняков. Буржуа забавляются военным мундиром, но они забывают, утверждает Марат, что обзавестись им могут только зажиточные граждане: прокуроры, нотариусы, адвокаты, судейские, дворяне, торговцы — смертельные враги свободы. Чтобы обеспечить превращение этой армии в орудие реакции, штаб разделил ее на отдельные отряды, отличные по форме и названию. Штабные возбуждают зависть одного полка к другому и пользуются этим для подавления революции. Долг публицистов, заявляет Марат, обратить внимание солдат на это положение дел, настоять на том, чтобы национальная гвардия была превращена в то, чем она была в июле 1789 г., т. е. стала вооруженным народом. Сделать это нужно за счет государства, снабжая всем необходимым граждан, нуждающихся в одежде и оружии. Офицеры в этой подлинно народной гвардии будут назначаться только на три месяца, власть офицеров будет касаться только вопросов военной дисциплины, в каждом полку будет существовать комитет из трех человек, наиболее преданных патриотов, этот комитет должен будет наблюдать за революционным порядком в полку.

Мы отмечали выше, что летом 1790 г. Марат определял политическое положение Франции как «состояние войны между народом и правительством». Он поэтому недоверчиво относится не только к предложению о передаче армии в полное распоряжение короля, но и к проектам сделать Национальное собрание шефом армии. Солдат надо убедить в том, что приказы исполнительной и законодательной власти одинаково незаконны, если они направлены против народа и революции: солдаты не должны стрелять в своих братьев, в народ. В этом, утверждает Марат, политический смысл положения, что «солдат — человек, а не машина» [174].

Вооруженное сопротивление солдат своим начальникам не опасно, потому что, во-первых, только это «непослушание» спасло французов; во-вторых, потому, что гибель 500—600 человек спасет Францию от ужасов гражданской войны и 5—6 млн. жертв. Марат советует солдатам не только отказаться стрелять в народ, но направить свое оружие против врагов революции.

«Пусть солдаты начнут с того, что они уже делали: бросят ружья на землю, а если против них будут приняты меры строгости, обратят оружие против своих начальников» [175]. Неудивительно, если Марат, недоверчиво относясь к регулярной армии в руках Национального собрания, требует ее максимального сокращения; он считает достаточной армию в 60 тыс. человек. Армия эта должна быть брошена к границам для охраны страны от внешних врагов [176].

С исключительным вниманием Марат следил за всеми волнениями в городах и деревнях, в армии и флоте. Об этом он писал в статье «L'affreux complot des ennemis de la Révolution» в начале июня 1790 г. [177] В Париже, Марселе, Валансе, Монбигане, Перпиньяне, Форесте — повсюду он видит пламя грядущей гражданской войны, зарево которой уже освещает Францию. Готов ли народ к сопротивлению? Национальное собрание в руках предателей, Шатле — защитник контрреволюционеров, ответственность министров и агентов правительства — иллюзия; во имя спасения народа придется пролить в недалеком будущем немало крови. Восстание в полках и флоте, восстание в Бресте, где рабочие и матросы добивались своих прав, в Тулоне и Лионе, где население сжигало таможни, выступления бедноты Орлеана с требованием понижения цен на хлеб, крестьян в окрестностях Brive la Gaillarde, поджигавших замки сеньоров, — все эти события для него звенья одной общей цепи — революции против господствующих классов [178]. Дело Нанси было, таким образом, для Марата только иллюстрацией и конкретным поводом для проверки своих взглядов, которые он с таким упорством защищал на протяжении многих месяцев. Не забудем, что с лета 1790 г. рабочие волнения в провинции (Сент-Этьен, Лион, Тулон) смыкались с крестьянскими и солдатскими восстаниями — революция углублялась, вооруженное восстание стояло в порядке дня.

В газете от 9 августа Марат помещает детальный, популярно написанный разбор декрета от 6 августа 1790 г. по поводу волнений в Нанси [179]. На положение дел в этом городе Марат обращал внимание еще в «Le Junius Français» [180].

Выступление Латур дю Пэна с сообщениями о беспорядках во флоте, армии и колониях дало правительству повод открыть поход против солдатских комитетов, в которых, жалуется министр, «бешеные патриоты» обсуждают вопросы администрации, полиции, политики и конституции. Марат берет на себя прежде всего анализ этого пункта и затем, анализируя каждый параграф декрета, предупреждает военачальников, что в первый же день объявления военных действий ни один офицер не будет оставлен в живых. «Это, быть может, наилучший исход, который ожидает нас», — замечает он [181].

С падением предрассудков и распространением политических знаний среди солдат их не так просто будет завлечь в сети обмана: они потребуют, чтобы военачальники были назначены солдатами. «Я желаю, — пишет в заключение Марат, — чтобы эта газета проникла во все углы королевства, солдаты увидят тогда, что они в «Друге народа» имеют своего верного защитника». Удалось ли Марату проникнуть в солдатские массы, мы не знаем, но до нас дошел приказ о запрещении чтения «зажигательных произведений» в казармах; о вредном влиянии идей Марата сообщают позже королевские комиссары из Нанси; о связи Марата с солдатами свидетельствуют письма из военных частей в его газете [182].

Друг народа жалуется на преследования и обвиняет Лафайета, но Лафайет категорически отрицает свою вину. В одной из брошюр, в которой от имени главнокомандующего армией была сделана попытка успокоить солдат после Нанси, мы читаем: «Враги народа злоупотребляют моим именем. Таковы те, кто, возбуждая народ и благонамеренных писателей против меня, арестовывают газету Марата, лучшего Друга народа. Арестуйте только лживых друзей народа, тащите их ко мне, я их пристыжу» [183]. Такова наивная полицейская попытка успокоить народ предместий, оберегающих своего Друга народа.

16 августа Национальное собрание приняло новые меры против солдат-бунтовщиков. Народные представители готовы были изобразить этих патриотов как толпу грабителей. Марат обращается к читателям с предупреждением не верить этой клевете: народу нечего бояться солдат, которые связаны с ними узами братства. Гарнизон Нанси поднялся против своих офицеров. С ним заодно вся армия солдат-патриотов. «Если безумный декрет Национального собрания не будет отменен, если он будет введен в действие, вся армия восстанет, уничтожит своих начальников и покончит с ярмом раз и навсегда. Еще несколько подобных декретов — и у нас не будет больше армии». Полки дезертируют с оружием и имуществом, часть их перейдет к врагам, остальные рассеются по деревням. Солдат можно было бы покорить мягкими мерами, писал Марат, но это не было сделано, а теперь не солдат, а правительство следует предать суду как виновного в государственном преступлении, покушении на права нации.

Правительство вынуждено будет в этих условиях прибегнуть к военной диктатуре и натравить одну часть войск на другую — тем лучше. Но последует ли национальная гвардия за этими провокаторами гражданской войны? Подымет ли она оружие против своих братьев? Марат предает анафеме министров, выступает против тех, кто будет возглавлять эту карательную экспедицию [184]. Необходимо подчеркнуть, что гнев

Марата, его «бешенство», как любят повторять «историки и биографы», не затемняет, однако, сознания Друга народа. Не подлежит сомнению, утверждает он, что в некоторых случаях волнения в армии — результат сознательной провокации контрреволюционеров. Последние спешат выступить, видя, что патриотизм одержал победу среди солдат. Необходимо, говорят штабные, новое кровопролитие в армии для восстановления порядка. Штабные находят поддержку в Национальном собрании. Эта провокация предпринята в момент, когда враг у ворот, когда европейская коалиция начинает угрожать границам Франции [185].

Но в этих условиях Марат, подобно другим демократам, не успокаивает солдат; он зовет их к восстанию. Не может быть и речи о восстановлении мира в армии на старых основах. Армия должна быть возрождена, и она воскреснет, но только после того, утверждает Марат, как будет очищена от врагов народа, от продажных военачальников. Для возрождения армии необходимо, чтобы она стала национальной революционной армией свободных граждан. «Пусть Малуэ поспешит показать этот номер газеты Друга народа предателям из Национального собрания, пусть его снова объявят проповедником убийства, пусть его в тысячу первый раз предадут суду — спасение народа в новом восстании; солдаты должны быть вооруженной силой грядущей народной революции», — читаем мы у Марата.

Понятно теперь, почему реакционеры всех времен и народов до наших дней в ужасе от «жестокости» Марата; в августе 1790 г., в разгар солдатских бунтов, он не стеснялся призывать солдат воздвигнуть виселицы в саду Тюильри и бросить в костер министров. Выполнить это в 1790 г. не означало ли спасти французский народ от сотен тысяч жертв в последующие годы, спрашивает Марат.

Следует особо подчеркнуть, что для Марата и в этом случае политические задачи теснейшим образом связаны с социально-экономической проблемой революции. В статье «Conseils de l'Ami du Peuple» в конце августа 1790 г., отмечая попытку власти провести радикальную чистку армии от патриотов, Марат предлагает народу обратиться за помощью к якобинцам, «изображающим из себя друзей народа». Ни Национальное собрание, ни якобинский клуб — в этом Марат уверен — не пожелают взять на себя защиту патриотов, потому что они остаются «верными закону». Солдаты и граждане могут надеяться только на себя, на свою революционную энергию. 150 тыс. вооруженных, но угнетенных патриотов Франции, разоренных правительством, не будут больше голодать в то время как богачи роскошествуют. Девять десятых народа нуждаются во

всем; им угрожают смерть и голод с наступлением зимы; обездоленные возглавят эту огромную армию, они потребуют раздела земли. «Они сделают больше: они предпримут этот раздел», — поясняет свою мысль Марат. Это звучит теперь не только как угроза: это требование стало для Марата программой грядущего вооруженного восстания [186].

Но вернемся к событиям в Нанси. Причины конфликта в этом городе восходят к началу революции. Нанси, владение герцога Лотарингского, издавна находился в полном распоряжении благородных судейских богачей и торговцев. Простой народ стонал под игом и богатства и привилегий. Неудивительно, что дворяне, финансисты, негоцианты, предприниматели, королевские агенты, как и офицерский штаб гарнизона, уже с первых дней революции объявили себя ее открытыми врагами. Солдаты-патриоты организовали свое общество «Друзей мира и конституции» и сблизились с гражданами; таким образом, почва для войны между демократией и буржуазией была заранее подготовлена. Неудивительно также, конечно, что власти в Париже, департаменте и городе стали на сторону буржуазной аристократии в ее борьбе с народом. «Что касается нас, — пишет Марат, — то мы всегда рассматривали Людовика XVI как заклятого врага революции, министров—как заговорщиков, благородных и попов Национального собрания—как естественных слуг деспотизма, членов всех комитетов, руководителей муниципалитета, парижской армии, комендантов, офицеров всех полков—как предателей; поэтому нам показалась понятной та позиция, которую они заняли в отношении гарнизона Нанси» [187]. В августе шла речь, таким образом, о победе или поражении революции, т. е. о победе буржуа-реакционеров, в августе 1790 г. решалась судьба страны на ближайшие годы.

3 сентября Марат спешит уведомить своих читателей о событиях в Нанси [188]; 4-го он сообщает подробности о «резне полка Шатовье и мирных граждан Нанси», о гражданской войне в Лотарингии [189]. То, что произошло в Нанси, для Марата — начало торжества контрреволюции. Ее участники не только военщина, но и буржуа Нанси и Меца, всех близлежащих городов. Лафайет руководил из Парижа карательной экспедицией. В особом добавлении к номеру от 4 сентября «Друг народа» берет на себя защиту солдат, активно сражавшихся против войск Буле. Они боролись и умирали как герои и стойко перенесли все ужасы братоубийственной войны. Сравнив статьи Марата после бойни в Нанси со статьями Лустало, К. Демулена, с речами Робеспьера, мы поймем то основное, что отличает его взгляды от взглядов остальных демократов.

«Моя задача, — говорит Марат, — дать понять народу, что беда иметь идиотов и чудовищ министрами». Он предлагает: «Требуйте от Национального собрания приостановки действия декретов, направленных против солдат и граждан, требуйте ареста Булье, суда над военным министром, смещения главных деятелей контрреволюции» [190]. Эти лозунги — путь мобилизации масс для грядущих революционных боев. День за днем Марат продолжает свою агитацию. Он вскрывает перед читателями социальный состав швейцарских полков: солдаты в этих полках в большинстве землепашцы, их офицеры — аристократы [191]. Вот почему первые — братья парижан предместий, а вторые — друзья правительства [192].

В этом смысл его переписки с секретарем швейцарской колонии в Париже Булье. Представители колонии выразили сожаление по поводу возмущения полка Шатовье, осуждали его и присоединялись к хору клеветников. «Вместо того чтобы терять время на подачу смешного заявления, — обращается к ним Марат, — следовало бы, чтобы весь полк швейцарской гвардии в своем прошении собранию потребовал бы изгнания начальников и назначения офицеров солдатами» [193]. Необходимо было, пишет Марат, чтобы к этому выступлению присоединились и другие полки, чтобы швейцарцы присоединились к 40-тысячной толпе в Тюильри, которая 2 и 3 сентября требовала отставки правительства. Все это не было сделано, швейцарская колония в Париже, таким образом, является прямым пособником Лафайета и Булье.

Ужасы белого террора не остановили агитации Марата. То, что он писал в своей брошюре «L'Affreux Réveil», то он повторил позже в брошюре «Relation fidèle des malheureuses affaires de Nancy», в многочисленных статьях своей газеты [194].

Виновники бойни сидят в Национальном собрании. Революционный народ должен разогнать собрание, поспешить назначить других депутатов, призвать всех патриотов к вооружению, захватить власть в свои руки. «Разве расправа с голодными в Орлеане, где пять крупных буржуа-спекулянтов хлебом захватили преданный народу муниципалитет, разве события в Версале, где правительственные агенты спровоцировали восстание крестьян против короля-сеньора, владельца огромных поместий, — не продолжение дела Нанси?» — спрашивает Марат [195].

27 сентября Друг народа помещает в газете письмо «простого солдата», который проводит параллель между старым и новым порядком. До революции было 160 тыс. привилегированных, теперь их больше 4 млн. «Нас устраняют от государственных должностей, нас, бедных чертей, под предлогом, что мы недостаточно образованы и воспитаны, но вернее всего потому, что

мы патриоты, единственные, быть может, которые закрепили революцию, хотя нас и попытались подкупить, чтобы ее ликвидировать» [196]. Но ныне «бедные черти» поняли, что они имеют право претендовать на участок земли, а не служить хозяевам за 7 су в день. «Нас хотят, — восклицает он, — превратить в послушные машины!» Неудача революционной пропаганды в связи с делом Нанси не сняла, таким образом, ранее сформулированных требований. Марат будет защищать их теперь с еще бóльшим упорством, обсуждая уроки дела Нанси.

8

Если отношение к августовским событиям 1790 г. отличает Марата от всех его современников, если «защиту солдат» он рассматривал под углом зрения революции и подготовки народного восстания, то вторым, не менее характерным отличием его деятельности является чисто личная заостренность этой кампании. В 1789 г. объектами для нападок Марата служили Неккер и Байи, а в 1790 г. — Лафайет.

Маркс на первом процессе «Новой рейнской газеты» после 1848 г. так определил особенность своей тактики: «Недостаточно вести борьбу вообще с общественными отношениями и с высшими властями. Печати приходится выступать против *данного*, определенного жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата. В чем причина крушения *мартовской революции?* Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых, родившихся, выросших и поседевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит в том, чтобы *подкопаться под все основы существующего политического строя*» [197]. Нас в данном случае мало интересует, какие отдельные конкретные обвинения против генерала Мотье были повторены Маратом без критической проверки, — это дело биографов Лафайета. Нам важно здесь отметить, что вся «л и ч н а я» кампания против генерала имела тот п о л и т и ч е с к и й смысл, что она дискредитировала в глазах широчайших масс вождя буржуазной контрреволюции, «героя», а по Марату, — «паяца двух полушарий».

Послушать только современников, платных и бесплатных агентов генерала! «В возрасте 29 лет он соединил свою судьбу с делом Америки и служил ему с усердием, достойным этого великого филантропа», — пишет один [198]. «Лафайет защитил революцию от реакции и бандитов», — пишет другой. Лафайет — защитник закона, отец солдат, герой революции и т. д. Культ Лафайета, как и раньше Байи, Неккера, Людовика XVI, был проявлением буржуазного «культа героев». Марат объявил войну «идолам»; он выступал в этом случае решительнее

и последовательнее всех остальных публицистов-демократов. «Заявлять претензии, — писал он в своем «Обращении к генералу Мотье», — на звание доброго гражданина и истинного патриота на том основании, что 15 тысяч автоматов не допускают в этом никакого сомнения, это нелепость» [199]. Главное горе «героев», подобных Лафайету, в том, что они забывают, что их слава призрачна. Опыт Неккера ничему не научил Мотье: «Тщетно убаюкиваетесь вы безумной надеждой; падение ваше близко, и оно будет позорно, будет ужасно».

Во время праздника федерации Лафайет был еще божеством, ныне он разоблачен перед значительной частью армии, писал Марат. Свою блистательную карьеру генерал-маркиз начал, сопутствуемый славой «освободителя Америки». Но Марат подвергает сомнению «величие его освободительной деятельности по ту сторону океана». «Утверждают, — пишет он, — что не патриотизм заставил Лафайета переплыть океан, но его долги в полку Шампань» [200]. В войне за независимость он вел себя совсем не геройски, во всяком случае, держался на приличном расстоянии от поля сражения. Доверчивые парижане верили, однако, слухам о герое-освободителе; «тысячи обманщиков находили удовольствие в том, чтобы усиливать в их глазах блеск ваших ложных добродетелей».

Назначенный вождем национальной гвардии, Лафайет, вместо того чтобы служить делу отечества, оказался среди смертельных его врагов. «Грязная душа! Судьба сделала для вас все, боги завидовали вашей участи, а вы счастью быть спасителем Франции предпочли позорную роль мелкого честолюбца, царедворца, коварного кляузника и, в довершение ужаса, личного сообщника деспота» [201]. Если Марат как публицист несколько преуменьшил заслуги маркиза в американской войне, то он не ошибся в оценке его роли в революции. Когда весной 1791 г. генерал вследствие своей растущей непопулярности, вынужден был уйти в отставку, Марат в письме к Лафайету писал: «Бить поверженного врага — подло, уничтожать его, когда он сложил оружие, — жестоко, но прикончить изменника, который прилег, чтобы подняться и убить затем своих благодетелей, — дело похвальное» [202]. Политическую борьбу с Лафайетом Марат не прекращал до тех пор, пока после 10 августа контрреволюционная роль Лафайета не стала очевидной для всех. Таков смысл «бешенства» Марата.

К сожалению, в исторической литературе XIX в. «личная заостренность» маратовской публицистики заслонила содержание его революционных взглядов; Марат как теоретик революции был забыт, и социальным мыслителям последующих десятилетий пришлось заново формулировать то, что Друг народа писал и пропагандировал в первые годы революции.

Не опасаясь повторений, мы в заключение несколько ближе присмотримся к тому, что писал Марат в августе—декабре 1790 г. о революции как «искусстве вооруженного восстания». Как мы неоднократно отмечали выше, у него речь идет не только о технике восстания, но и о той сумме социально-политических проблем, которые связаны с переворотом. Прежде всего частичные реформы для Марата не могут заменить революции. Когда Фрерон в своей газете «Оратор народа» в октябре радостно сообщал читателям о перемене министерства, Марат поучал его, что для народа победой было бы только заключение всех министров в тюрьму [2 3]. Свой главный удар, как мы видели, он направляет против Национального собрания, против правительства, в то время как остальные демократы именем народного представительства защищают «порабощенных патриотов».

Послушаем Кондорсе. В 1790 г. в брошюре о полномочиях Национального собрания он писал: «Что такое Национальное собрание? Это собрание, избранное народом для восстановления его в естественных правах». Нельзя установить свободную конституцию без того, чтобы не изменить соответственно этому и все части социальной системы. «Когда меняют, — пояснял он свою мысль, — мотор машины, необходимо проверить все ее части, расположить их затем в порядке соподчинения, но не ломать машину, чтобы новый мотор пришел в действие». Конечно, в этом случае мысль демократа Кондорсе и ему подобных шла дальше, чем предложение военного министра Латур дю Пэна, который, как мы видели, 6 августа настаивал на том, чтобы старый аппарат государственной власти был сохранен целиком для покорения вышедшего из повиновения народа, «французских каналий». Мысль Марата была радикальнее мысли Кондорсе: он требовал не только починки, но, как мы сказали бы теперь, «ломки государственной машины» в революции, чтобы заменить старый порядок идеальным демократическим государством. Он политически осмыслил то, что мы находим в одной басне 1790 г., «La Patriote Fabuliste». Мастеру предложили исправить машину. Он осмотрел ее и вместо того, чтобы чинить, сломал ее. Басня поучает читателей: «Если империя плоха, необходимо переделать ее заново. Необходимо сделать заново все отдельные ее части» [204].

Нам кажется, что только Марат в 1789—1791 гг. отчетливо формулировал ту мысль, что «напрасно в деле возрождения государства законодатель или какая-либо часть собрания желает остановиться на полпути, напрасно он думает подправить готическое здание государства, его необходимо разрушить до основания, а затем воздвигнуть новое» [205]. Марат утверждал

в сентябре 1790 г.: «Мы никогда не были так далеки от свободы, как теперь. Нет, политическая машина, организованная подобным образом, не будет действовать» [206]. Власть и после революции находится в руках врагов народа: в руках Национального собрания — муниципалитеты, большинство дистриктов, армия и суд. Это основное положение Марата на протяжении 1789—1790 гг. нам приходилось отмечать не один раз. В борьбе с Парижской коммуной, с Неккером, с полицией, при защите солдат-патриотов Друг народа утверждал, что те классы, которые стояли у власти при старом порядке, не были устранены революцией со всех постов; само государство должно обновить свои основы сверху донизу, если хотят обеспечить торжество свободы.

«Можно ли сомневаться, — писал Марат 12 октября, — что министериалы, бывшие привилегированные, судейские магистраты, члены дистрикторпальных и департаментских судов, штабы национальной гвардии, офицерство армии и флота, наемные иностранные войска, финансисты, ажиотеры, «пиявки» государства, слуги короля — вся эта огромная толпа дурных граждан, которая мечтает воспользоваться анархией и беспорядками, чтобы задушить свободу», — можно ли сомневаться в том, что они захватили государственную власть и управление страной? Им принадлежит большинство Национального собрания, они возглавляют национальную гвардию и муниципалитет Парижа [207].

В ноябре Марат писал Дюпор дю Тертру, министру юстиции Франции: «Тысяча пятьсот королевских комиссаров были назначены в новые суды вашим предшественником, позорной памяти; комиссары эти, набранные среди судейской сволочи, из самых подонков прежней магистратуры, являются в большей своей части генеральными прокурорами, заместителями в бальяжах, помощниками интендантов. Всё это люди без веры и совести, хорошо известные своими пороками и проступками; всё это заведомые враги революции, почти все — мучители народа, почти все заклеймены общественным мнением» [208]. Лицемерие — характерная особенность всех этих новых должностных лиц начиная с монарха и кончая приставом [209]. После революции они еще более опасны, чем до революции. «Граждане, будьте настороже; и даже если бы все ваши уполномоченные люди были хорошими людьми, ведите себя с ними так, как если бы они были плуты: это единственное средство не остаться перед ними в дураках или не сделаться их жертвами» [210]. Такова была та идея «организованного недоверия правительству», которую Марат пропагандировал в первые годы революции. Это недоверие распространялось не только на агентов правительства, но и на его главу — короля.

Французская конституция в ее настоящем виде, монархическое правительство — это деспотия под покровом народного законодательства, нелепый памятник анархии и тирании. До революции народ находил преграды королевскому деспотизму в сопротивлении привилегированных; до революции законодательная власть, узурпированная королем, наталкивалась нередко на сопротивление парламентов, которые отказывались регистрировать эдикты. В настоящее время Национальное собрание, пользуясь именем народа-суверена, прикрывает собою королевский деспотизм. В прошлом у судейских была еще «судейская честь», которая заставляла их сдерживать свои нечистые поползновения, в наши дни толпа судебных чиновников ждет только наживы. Народ мало выиграл от частичной смены чиновников: у власти те же лица, прикрывающие свою наглость именем революции [211]. Королевская власть благодаря неудаче революции окрепла, ее деспотизм стал еще более невыносимым. Грядущее всеобщее восстание должно, таким образом, снова решить ту задачу, которая была поставлена народу еще 14 июля: о р г а н и з а ц и я д е м о к р а т и и.

Мы в свое время будем иметь возможность выяснить отношение Марата к республиканской агитации. Отметим только здесь, что на основе учета опыта дела Нанси он в целом ряде статей с сентября 1790 г. усиливает свой поход против королевской власти. Против нее, как и против всего государственного аппарата буржуазной аристократии, направлено революционное движение народных низов. Однако самое понятие демократии и свободы в ходе революционной борьбы претерпевает, по мнению Марата, серьезные изменения. Оставаясь преданным основным догмам демократии XVIII в., анализируя опыт революционной борьбы, Марат пишет: «Так как слова «свобода» и «конституция» во все времена отнюдь не означают одно и то же, моя задача отныне состоит в том, чтобы раскрыть все ложные софизмы, отсюда возникающие» [212]. Сторонник свободы печати при обсуждении конституционных вопросов, Марат в интересах революции требует запрещения реакционных газет [213]. «Печать, — писал он 21 декабря, — должна служить орудием просвещения масс в вопросах политических. Чтобы быть на высоте требований революции, необходимо овладеть контрреволюционными типографиями, подобно тому как 14 июля 1789 г. это было сделано с Бастилией. Излишне терпели предательства типографов. Я приглашаю всех добрых граждан столицы собраться и разнести станки, печатающие листовки наших врагов» [214]. В заключение Марат приводит адреса редакций правых газет.

Революция при своем возникновении вооружила всех граждан, писал Марат, конституционные законы отняли оружие

у подавляющего большинства французов. Восстание народа возродит первичный и истинный характер свободы и равенства, устранит из рядов носителей народного суверенитета всех врагов «обездоленных». В этих формулах революционная мысль Марата бьется еще в паутине демократических иллюзий, но Марат пытается прорвать эту паутину, противопоставляя классы «национальному единству», революционное насилие — закону и воле народных представителей.

Этот внутренний конфликт маратовских идей получил свое отражение в его статье, посвященной дистриктам [215]. За 15 месяцев после 14 июля жандармы, прокуроры, правительственные комиссары, адвокаты и судейские заполнили и захватили дистрикты. Об этом Марат предупреждал народ еще в своей «Декларации прав», об этом он писал в сентябре-октябре 1789 г., предлагая изгнать их из всех дистриктов. Но они, покупая голоса, оказались вновь избранными. Отныне все они, вскормленные пороками старого порядка, разлагают новый строй, готовят контрреволюционный переворот. В их руках две трети муниципалитета столицы, и эти канальи, которые прятались в дни восстания, возглавляют теперь революцию! В национальной гвардии они спорят о надписи на пуговицах мундиров: одни предлагают формулу: «Закон и король», другие называют себя патриотами и требуют: «Король и закон». Марат готов вмешаться в этот спор, он протестует против предложения Демулена, настаивающего на надписи «Нация». Что обозначает слово «нация»? Это слово равно обозначает народ рабов и народ свободы, возражает Марат. «Нет! Отечество — вот единственно правильное обозначение для революции». А затем вывод: стоит ли заниматься подобными пустяками, когда враг захватил власть в государстве, когда единственное спасение народа в том, чтобы в восстании свергнуть правительство и очистить храм свободы от «дурных граждан».

«Граждане, я вам повторяю, вы создаете себе иллюзии: политическая машина не будет пущена в ход или будет действовать по приказам деспотизма, пока топор мести не срубит преступные головы главных заговорщиков, начав с предателя-генерала» [216]. До тех пор, однако, пока государство в руках контрреволюционеров, революция вновь неизбежно достигнет высшей стадии — всеобщего вооруженного восстания. «Сегодня 10 тысяч срубленных голов вряд ли способны спасти отечество. Вспомните мое пророчество: *или народ попадет снова в рабство, или потоки крови потекут, чтобы спасти свободу*». Гражданская война, продолжает дальше Марат свою мысль, предполагает, что наиболее просвещенные патриоты станут во главе восставших, изберут из своей среды вождя и под его руководством победят врагов.

В дни восстания в Нанси и в последующие месяцы Марат повторяет и разъясняет эти свои положения.

«В великой метаморфозе, называемой революцией, — пишет он 9 сентября, — ничто не изменилось, кроме имен». Но победивший народ «на другой день» после восстания должен впустить в храм свободы только верных патриотов; из храма народной властью должны быть изгнаны все старые судейские, слуги короля, полицейские советники, одним словом, все те, на кого опирался старый порядок [217]. Как мы знаем, в других случаях Марат расширяет этот список, включая в него финансистов, негоциантов, спекулянтов, крупных торговцев и предпринимателей [218].

Ошибочно было бы приписывать бедствия народа только аристократии и попам; к аристократии следует причислить значительную часть тех «патриотов», которые заседают в Национальном собрании во главе с Мирабо, Клерман-Тоннером, Лепапелье, Сийесом, Лионкуром, Дюпоном; к ним Марат присоединяет теперь Барнава и других вождей либеральной оппозиции: *их центр — в якобинском клубе*. Против него Марат и направляет в конце 1790 г. свои удары [219].

Тщеславие — болезнь французов, она усугубляется легкомыслием и политической безграмотностью. Народ был обманут 14 июля и 5—6 октября он потерпел поражение в деле Нанси. Народ увлекается праздниками, панихидами и не замечает действительных врагов. Надо поспешить с политическим просвещением масс. Вооруженное восстание — не дело далекого будущего, но оно началось при неблагоприятных условиях для народа. «Откажемся от иллюзий, гражданская война стала неизбежной с того момента, как мы имели глупость допустить врагов народа конспирировать в тиши среди нас, собирать свои силы, извлечь из обращения металлические деньги, сорганизовать фракции, во всех провинциях обеспечить за собою все муниципалитеты, советы дистриктов и департаментов; с того момента, как мы имели глупость вручить власть в руки креатур двора, оставить во главе армии слуг принцев, вождей заговорщиков». Революционерам-патриотам надо перейти от слов к делу [220].

На кого придется народу рассчитывать в своей борьбе, спрашивает Марат. Безусловно, на тех же граждан, что и в дни 14 июля и 5—6 октября. Это не все население Парижа, не вся национальная гвардия. Буржуазная гвардия состоит или из состоятельных или из продавшихся граждан. *Революция победит не с ними, а против них*. Друзья революции — обездоленные. Марат объясняет, почему неимущие служат опорой свободы: это потому, что «вынужденные постоянно трудиться, чтобы жить, и не имея ни средств, ни

времени, чтобы быть развращенными, они остались ближе к природе». К этим рассуждениям в стиле XVIII в. Марат добавляет следующее любопытное примечание: «Несчастные р а б о ч и е имеют в сто раз больше души, чем большинство буржуа; думаете ли вы, что они способны были бы на такую подлость, как носить траур по убитым патриотам Нанси для одного лишь удовольствия, как это делают м е л к и е б у р ж у а, которые падают в обморок от радости, когда г-н Мотье дарит им улыбку?» [221]. «Если вы желаете, — утверждает Марат в другом месте, — обеспечить себе победу, обратитесь к р а б о ч и м, к п о д е н щ и к а м: они храбры и честны. Другие впоследствии присоединятся к победителям» [222].

Различая поведение роялистов и монархистов, т. е. привилегированных, и буржуазной аристократии, которую Марат уже с июля называет «аристократической партией», противопоставляя им либеральную оппозицию буржуазии, он внимательно анализирует поведение мелкой буржуазии, ремесленников и рабочих.

Нет силы в мире, продолжает он, которая могла бы противостоять вооруженному народу. Но если народу нечего опасаться враждебных сил, то он должен и может опасаться, как яда, проповеди «национального единения» со смертельными врагами революции. Какое равенство может существовать между обладателями «голубой крови» и простыми смертными? О каком союзе может идти речь между теми, кто хочет мира, и теми, кто готовит гражданскую войну? «Священная основа» конституции — равенство граждан — была уничтожена в тот момент, когда революция оказалась в руках контрреволюционеров. Бдительность и непримиримость к врагу являются основным законом революции. Марат, естественно, пытается в это время разработать и ряд основных положений, связанных с восстанием, дать народу, так сказать, инструкцию к вооруженному восстанию. В свое время он сделал это в брошюре «C'en est fait de nous»; в июле 1790 г. он возвращается к этим вопросам неоднократно.

Обсуждая опыт восстания в Валле, одном из кантонов швейцарского союза, восстания, выросшего из сопротивления крестьян, Марат отмечает следующие моменты, благоприятствующие успеху повстанцев: 1) восстание было всеобщим, 2) жители Валле овладели арсеналами и магазинами оружия, 3) они террором ответили на попытку врагов уничтожить свободу, 4) они установили революционную власть восставших, свергнув господ. Обо всем этом французы забыли 14 июля. После взятия Бастилии они не отправились в Версаль, не захватили правительства, не изгнали из Национального собрания врагов народа, не воспользовались революционной властью для того,

чтобы издать ряд декретов в его интересах и закрепить свободу, вот почему они потерпели поражение [223]. Марат устанавливает здесь общий закон революций: н е д о в е д е н н о е д о к о н ц а, д о п о л н о й п о б е д ы, н а р о д н о е в о с с т а н и е н е и з б е ж н о в е д е т к т о р ж е с т в у к о н т р р е в о л ю ц и и. Нельзя здесь не вспомнить точную и ясную характеристику Ленина: «В масштабе международном история учения о революционной диктатуре вообще и о диктатуре пролетариата в частности совпадает с историей революционного социализма и специально с историей марксизма. Затем — и это, разумеется, самое важное — история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революций или ничего не хочет знать в этой области» («К истории вопроса о диктатуре». — Соч., т. 31, стр. 314).

Считая Робеспьера единственным честным, мудрым патриотом в Национальном собрании, Марат в октябре 1790 г. спорит с ним по вопросу о революции и законности. Для первого преступление против нации сводится к посягательству на общественное целое, на физическое и моральное естество людей, для второго это утверждение неточно, неправильно: «К группе преступлений против нации, — пишет Марат — мы должны отнести только те, которые направлены против народа». Преступниками Марат считает тех, кто спекулирует на голоде и звонкой монете, подрывает вооруженные силы революционного народа, нарушает принципы народного суверенитета и свободы, требует слепого подчинения властям [224]. Революция не может совершиться в обстановке празднеств и удовольствий; в истории не было ни одной революции, которая не совершилась бы насилием, железом, огнем и кровью [225].

Неоднократно Марат подчеркивает ту мысль, что революции не следует опасаться выступлений неорганизованных масс. Их бурный, не знающий пределов протест спасает свободу, потому что «народ знает своих врагов и в своей ненависти имеет в виду только их» [226]. Марат нередко переоценивает этот момент, когда отрицает необходимость создания дисциплинированной армии из своих «bonnets de laine» — шерстяных колпаков: «не попадет ли эта армия, — спрашивает он, — в руки богачей?»

Нет лучшей иллюстрации для характеристики мелкобуржуазной природы революционных взглядов Марата, чем эти его рассуждения о связи «стихийного» и «сознательного» начал в революции. Не имея за собою организованных кадров пролетариата, опираясь на распыленную массу плебейской оппози-

ции и революционной части мелкой буржуазии, он не способен был найти разрешение этого противоречия между «стихией» и «организацией» масс в революции.

Разрешить этот вопрос смог только Ленин вслед за Марксом, опираясь на пролетариат в другую историческую эпоху.

Марат переоценивает роль стихийности движения, он готов приветствовать всякий акт революционного самосуда толпы. Граждане города Экс взбунтовались против своих господ, и Марат обратился к ним с призывом: «Вешайте, вешайте, мои дорогие друзья!». Только таким путем можно будет поднять народ против его поработителей. «Нет, нет, народы не завоюют своей свободы в один день! Свобода стоила англичанам 25 лет жестоких битв, 500 тысяч павших на полях сражений, 60 лет нищеты и разрухи, и все-таки они не считают, что приобрели свободу дорогой ценой» [227].

Вместе с тем Марат убедительно доказывает необходимость политического просвещения, революционной организации народных низов и их боевого авангарда. Народ в целом не может быть продажен, но отдельные его части нередко попадают под влияние врагов революции; «чтобы народ воспользовался своими правами, необходимо, чтобы он знал их». Политическое сознание и организация масс — гарантия против всякой попытки их обмануть. «Держать массы в постоянном возбуждении, поддерживать брожение в их умах до тех пор, пока правительство станет подлинно народным» — такова задача патриотической прессы и журналистов-патриотов. Свету философских идей мы обязаны началом революции, просветительной деятельности и публицистике мы будем обязаны ее победой. Свобода будет закреплена только тогда, когда с помощью «тех, кто руководит движением народа», массы проникнутся сознанием своих задач и поймут революционные пути их осуществления [228].

В декабре 1790 г. Марат напоминает своим читателям свой проект федерации, который он выдвигал около года назад: проект fédération exclusive, федерации преданных патриотов Франции. Организаторами этой федерации должны были выступить наиболее преданные революции депутаты и журналисты; через верных патриотов в дистриктах они наметят список кандидатов федерации по департаментам, вступят в связь друг с другом и поднимут знамя восстания. Руководителем революции выступит, таким образом, «п а т р и о т и ч е с к о е б р а т с т в о», проект которого Марат разработал еще в конце 1789 г. Марат подчеркивает, что существующие общества, в том числе и якобинский клуб, для этого совершенно не пригодны [229]. Но для успеха всех этих организационных попыток необходимо, чтобы революционные массы перешли от слов к делу: «Довольно тратить время на болтовню!» [230].

Августовские и сентябрьские события послужили последним толчком для консолидации сил буржуазной контрреволюции. Если в январе 1790 г. Ферран с его призывом к аристократии взять на себя руководство гражданской войной против народных масс был одинок, то к концу этого года его пророчество подтвердилось: Франция вступила в эпоху гражданской войны [231]. Шенье в своем «Avis au Peuple français» в августе писал, что ужасно прежде всего выступление с оружием в руках того класса народа, «который ничего не знает, ничем не владеет, ни в чем не заинтересован, который только способен продавать себя тому, кто больше платит» [232]. Неудивительно, что либеральные буржуа, напуганные народным движением, требовали в первую очередь охраны собственности. В ноябре 1790 г. эту мысль отчетливо выразила газета «L'Ami des Patriotes»: «... большинству французов важна не свобода, а обеспеченное право собственности» [233]. К этому времени относится, как прекрасно показал Мишон в своей работе о фейянах, радикальное изменение и в позиции Барнава [234].

Ламетт редактировал в сентябре воззвание якобинского клуба о деле Нанси, в котором «Очаг свободы» убеждал французов в необходимости охранять порядок, исполнять законы, уважать собственность. Отныне задача якобинского клуба сводится к распространению правильных сведений прежде всего для защиты конституционных распоряжений властей [235]. В следующей главе мы увидим, какие социально-экономические причины определили этот решительный поворот либеральной оппозиции Национального собрания в сторону контрреволюции, познакомимся с деятельностью и выступлениями Марата в 1791 г., в период буржуазной контрреволюции. В настоящей же главе мы ограничились выяснением политических условий этого поворота.

Нельзя не удивляться политической прозорливости Марата, который с лета 1790 г. обратил внимание народных масс на колебания «левой» Национального собрания: Барнава, Дюпора, Ламетта. Подводя итог их деятельности, Марат писал 15 декабря: «Эти депутаты часто жертвовали интересами народа в пользу короля: для меня они теперь окончательно враги, лживые друзья отечества. Барнав — мелкий честолюбец, а Ламетт — куртизан двора» [236]. И что особенно характерно для Марата в ноябре-декабре 1790 г., он свою политическую программу борьбы с либералами увязывает с целым рядом экономических требований в духе его выше разобранных социальных проектов. Если контрреволюция выйдет победителем из гражданской войны, утверждает Марат, она не только уничтожит свободу

народа, но и уморит его голодом, задавит нуждой, а главное, несомненно захватит земли фонда национальных имуществ [237].

В ноябре-декабре 1790 г. Марат и Фрерон взялись за разоблачение полицейского шпионажа и провокации, которую Лафайет и муниципалитет постепенно вводили в систему для борьбы с революцией. Марат пытался объяснить, почему среди шпионов оказывается немало бедняков. Законодатели до сих пор ничего не сделали для того, чтобы облегчить участь бедных; нельзя поэтому удивляться, если голодные продают свою совесть. Победоносное восстание народа разрешит проблему нищеты, оно уничтожит все общественные язвы [238]. Богатые захватили достояние церкви, а следовательно, достояние бедных, не перестает повторять Марат в своих статьях конца 1790 г. Выход для народа во «всеобщем восстании и массовом терроре» [239]. В следующей главе мы увидим, каков исторический смысл выступлений Марата после Нанси, в период торжества буржуазной реакции.

Мы не пишем личной биографии Марата, для этого у нас недостаточно материалов. Неизвестно, будет ли когда-нибудь возможность разобраться в той груде бессмысленных утверждений, которые связаны с именем и личной жизнью Друга народа. Мы не станем заниматься вопросом, был ли Марат «завистлив», «честолюбив», выяснять его психические особенности на основании одних намеков. Документов у нас мало, история не дает нам пока возможности восстановить на основе имеющихся материалов подлинный, живой облик Марата. Как все мелкобуржуазные революционеры XVIII в., Марат был индивидуалистом и «эгоцентристом»; стремления «к славе и служению общественному делу» были стимулом его поведения.

14 сентября агенты Лафайета сообщили генералу, что Марат готовит против него специальный номер газеты; 15 сентября ночью заговорщики и банда гвардейцев ворвались в дом Андре и по приказу Байи и Лафайета сломали его типографские станки, перевернули все вверх дном, разыскивая Марата. Они не обнаружили Друга народа ни в квартире Андре, ни у Менье. Сообщая об этой новой карательной экспедиции, Марат протестует не против насилия врагов, а против того, что ему приписываются монархические произведения, подобные «L'Ami du Peuple» и «Le Père du Peuple» [240]. Свою статью он кончает знаменательными словами: «Нет, нет, мои дорогие компатриоты, речь идет теперь не о восстановлении старых тиранов, а об уничтожении новых для того, чтобы быть свободными и счастливыми».

Преследования Марата проводились властями при активной поддержке ряда дистриктов. 6 сентября Марат поместил в своей газете сообщение об участии в карательной экспедиции против него батальона дистриктов St.-Roche [241]. Агенты Лафайета

заполнили батальон победителей Бастилии; разоблачение их взял на себя Марат [242]. 14 декабря три батальона: дистриктов St.-Roche, des Filles de St.-Thomas, Henri IV, т. е. батальоны тех кварталов столицы, которые еще в 1789 г. стояли во главе антимаратовской коалиции, ворвались ночью в предместье Сен-Жермен, где они предполагали найти Друга народа, по доносу шпика Дангедок, разоблаченного в газете. Обыск в типографии не дал результатов, но владелица ее заплатила огромный штраф [243].

Марата не удалось разыскать. Он продолжал свою подпольную деятельность, издавая зажигательные листки. Без устали он напоминает гражданам об угрозе контрреволюционного переворота, без устали он зовет народ восстать, чтобы исправить ошибки 14 июля. Не без гордости Марат заявляет: «Я единственный, который не дал себя провести обещаниями и обманными клятвами Национального собрания, короля, министров, шефа национальной гвардии, мэра и муниципалитета. Друг народа, чтобы спасти отечество, пренебрег всеми опасностями: уже восемь месяцев он живет в подполье, скитаясь из одного места в другое» [244]. Эта исключительная стойкость и привлекала внимание к Марату, делала его предметом ненависти для одних, любви и гордости для других. Марат сам дал наилучшую характеристику своим писаниям, когда утверждал, что его газета не служит для информации публики о событиях: «Я выступаю *не как информатор, а как публицист*» [245]. Как публицист он обращается к народу, к секциям с советами о том, как следует организовать демонстрации против Национального собрания, чтобы заставить его подчиниться воле народа; как публицист он призывал народ к восстанию, грозя смертью предателям [246]. Ответом на эти два номера газеты «Друг народа» и послужила брошюра, в которой анонимный автор выступает на защиту «закона и короля» против Марата, «проповедника анархии и насилия» [247].

Бужар в своей биографии Марата спрашивает, почему Марат был и остается столь мало симпатичным для многих в отличие от всеми любимого Камилла? Биограф отвечает: «Марат был жестоко логичен, излишне рационален, он не знал уступок и сердечной лживости, он был прямолинеен и принципиален» [248]. *Марат был революционером*; его ненавидели враги революции, вся масса имущих граждан, которые предпочитали «ужасы без конца» решительному, кровавому, но победоносному концу в борьбе с имущими классами; они выдавали свою жестокость за человеколюбие и гуманность. С сентября 1789 г. по 1791 г. Марат стал Другом народа, учителем для широких революционных масс в их борьбе с режимом буржуазной аристократии.

Тщетно читатель будет искать в больших энциклопедиях буржуазных стран указаний на Марата как публициста и политического памфлетиста. Мы найдем в этих энциклопедиях Сенеку, Демосфена, Цицерона, Вольтера, Камилла Демулена, Курье, Рошфора, но о Марате ни слова. Поль-Луи Курье, признанный классик политического памфлета времен Реставрации, писал: «Памфлет прежде всего предназначен для масс. Он адресован к трудящимся, руки которых не имеют возможности перелистывать сотни страниц». Другой французский памфлетист 40-х годов, Корменен, считал характерными особенностями памфлета его краткость, наступательный характер, страстность, глубокую фанатичную партийность его автора. Более того, памфлетист всегда выбирает «конкретного носителя зла», которого необходимо разоблачить. Подобный памфлет — продукт революции, орудие классовой борьбы. В эпоху, когда пресса была еще недостаточно развита, когда революционеры, загнанные в подполье, лишены были возможности издавать свою газету, между прокламацией, брошюрой и газетой провести грань было трудно, почти невозможно. Все эти образцы революционной публицистики объединены общим признаком: краткие по форме, сжатые по стилю, партийно страстные в своей напряженности, памфлеты эти бьют врага, служат для пропаганды в массах принципов революции.

Маркс и Ленин дали свою характеристику этой памфлетной литературы эпохи революции, дали свою характеристику задач революционной публицистики борющегося класса. Маркс говорил в 1849 г.: «... долг печати — вступаться за угнетенных в непосредственно окружающей ее среде. И кроме того, господа, главной опорой здания рабства являются подчиненные политические и общественные власти, непосредственно сталкивающиеся с отдельными лицами, с живыми индивидами и их частной жизнью. Недостаточно вести борьбу вообще с существующими отношениями и с высшими властями. Печати приходится выступать против *данного* жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата. В чем причина крушения *мартовской революции?* Она преобразовала только политическую верхушку, оставив нетронутыми все ее основы — старую бюрократию, старую армию, старую прокуратуру, старых родившихся, выросших и поседевших на службе абсолютизма судей. Первая обязанность печати состоит теперь в том, чтобы *подорвать все основы существующего политического строя*». Так определял задачи революционной прессы Маркс в своей речи на первом процессе «Новой Рейнской газеты» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 246—247).

Как мы знаем, Ленин продолжил и углубил этот вопрос в связи с обсуждением задач революционной печати в начале XX в. В статье «С чего начать?» Ленин писал: «Мы должны... пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время» (Соч., т. 5, стр. 9—10). Для Ленина роль революционной газеты в значительной степени определяется выполнением ее политически-обличительных задач. Подобное «обличение» есть объявление войны правительству. Эту мысль Ленин проводит в «Что делать?»: «И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общественный *класс*, который *объявляет войну, чтобы начать войну*. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти» (Соч., т. 5, стр. 401). Ленин при этом подчеркивает, что обличения эти должны носить всенародный характер. Это означает, что не только издатели газет обличают, но и сотни тысяч угнетенных заняты этим делом, тысячи людей, до сих пор боявшихся жаловаться, теперь, почувствовав в революционном органе силу, обращаются к нему за содействием как к своему авангарду.

В этих указаниях Маркса и Ленина мы находим характеристику сильных и слабых сторон Марата как публициста революции. Вся его революционная публицистика направлена на выполнение основной политико-обличительной задачи — вскрыть контрреволюционный заговор дворянства и буржуазной аристократии. Но, как указывает Ленин, сила этой революционной публицистики определяется многочисленностью, сплоченностью и решительностью того класса, который «объявляет войну, чтобы начать войну». Плебейские массы, интересы которой представлял Марат, даже те предпролетарские элементы, защиту которых взял он на себя, в конце XVIII в. не были и не могли быть гегемоном революции, хотя были и тогда уже ее «главной боевой армией». Революционная публицистика Марата не смогла поэтому сыграть роль того *организующего* центра, каким была газета пролетариата в другую историческую эпоху. Но стремление Марата своей революционной публицистикой «подкопаться под все основы существующего политического строя», использовать политические обличения как «одно из могучих средств разложения враждебного строя» для объявления войны имущим классам дает историку богатейший материал для выяснения роли плебейских масс в гражданской войне XVIII в.

Глава пятая

МАРАТ В 1791 г.

1

С осени 1790 г. политическая реакция усиливается. Борьба с революцией в 1791 г. принимает все более и более ожесточенный характер. Революция вступает в стадию вооруженного восстания*. Историческая литература до сих пор не понимала этой связи и отделяла такие эпизоды революции, как эмиграцию «теток короля» или попытку бегства короля 18 апреля от движения за отмену таможен, от стачек или крестьянских волнений в городах и деревнях, проходя мимо таких фактов, как борьба во французских колониях за свободу. Стачечное движение 1791 г. изображали как чисто экономическое движение, крестьянские бунты—как жакерию, а борьбу с монархией—как область политических и конституционных споров. Но уже современники видели нелепость подобного разграничения [1].

Резня на Марсовом поле, утверждал один публицист, — это «бунт наемных», понимая под этим не только наемников, но и живущих наемным трудом [2]. Барнав, в свою очередь, отмечал, что в июле 1791 г. речь шла прежде всего о подавлении движения рабочих благотворительных мастерских [3]. Но июль был итогом событий целого года. Мишон прав: партия фейянов образовалась не в связи с бегством короля в Варенн, а в связи со стачечным движением и жакерией 1791 г. На этой почве с осени 1790 г. происходит сближение «триумвирата» и Лафайета. Охрана собственности примиряет враждебные фракции буржуазии для борьбы с народом. «Новая Франция, которая образовалась у якобинцев, — сказано в одном из найденных документов, — стремится к восстановлению общественных властей, укреплению монархии, охране личности короля, уничтожению демократических сект» [4]. Трудовой демократии была объявлена война; была объявлена война революции.

* Эта формулировка несколько неудачна, она дает читателю неправильное представление о ходе революции. — *Примеч. редактора.*

Об этом заявил Дюпор 17 мая 1791 г.: «Революция совершена, чудовищно было бы предполагать, что она не закончена» [5]. Эту истину повторяли поочередно все группы буржуазного блока с августа 1789 г., как только революция в основном удовлетворила их социально-экономические требования; дело шло только об охране собственности от покушения на нее со стороны народных масс. В июле—августе 1791 г. недавние представители «левой» в Национальном собрании взяли на себя защиту общих интересов всех собственников Франции. Барнав был их политическим лидером и теоретиком. Это он в связи с вопросом о короле 25 июля заявил: «Всякое продолжение революции поведет в данный момент к крушению ее. Дело заключается именно в этом, именно в этом наш национальный интерес. Желаем ли мы закончить революцию или хотим возобновить ее? Если революция сделает еще шаг дальше, она не сможет совершить его безопасно, потому что первое, что могло бы быть сделано в направлении свободы, — это уничтожение королевской власти; еще один шаг на пути к равенству привел бы к уничтожению собственности».

Барнав в своей речи указал на конкретный предел социального законодательства революции, приемлемый для него, — это законы 4 августа. Спустя несколько дней он, обращаясь к депутатам Национального собрания, заявил: «Вспомните, что в то время (14 июля. — *Ц. Ф.*) первый толчок был дан классом мало сознательным, легко увлекающимся; результатом этого явились беспорядки. На другой день вооружились люди мыслящие, собственники, граждане, действительно привязанные к отечеству, и беспорядки прекратились. За ними последовали действия истинно гражданские. Франция была спасена. Таков путь, который мы обязаны избрать».

Этот путь и был избран буржуазной аристократией в 1791 г. Подавив народные движения в городах и крестьянские движения в деревнях, буржуа-победители попытались «во имя защиты Национального собрания и конституции» приступить к ее ревизии, к отказу от тех завоеваний, которые были результатом подъема революции и выступлений народа. Буржуазная публицистика ясно и отчетливо выразила эту мысль в июле—августе 1791 г.: «Только те люди заинтересованы в сохранении общества, которые владеют собственностью; собственники могут принимать в свою ассоциацию только тех, кто вносит известную плату», — читаем мы в «L'Ami des Patriotes». Страна может быть свободной и счастливой только тогда, когда права граждан на народный суверенитет «будут определяться размерами собственности» [6]. В духе этих заявлений Малуэ предлагал большинству Национального собрания укрепить коро-

левскую власть на более широкой социальной базе, каковой, по мнению Барнава, являются «средние классы» [7].

Социальный консерватизм буржуазии в 1791 г. имел свои исторические корни. Его необходимо искать прежде всего в стремлении буржуазии обеспечить за собой то перераспределение собственности, которое на основе законов 1789—1790 гг. началось в 1790—1791 гг. Мы имеем в виду не только покупку земель, но и выкуп феодальных повинностей, превращающих землю в свободную частную собственность городских и деревенских буржуа, отмену монополий и цехов в интересах торговли и промышленности. Вопросы эти в настоящее время исследованы только в самых общих чертах. Очень мало сделано, чтобы выяснить процесс превращения Франции после победы революции из страны феодальной в страну буржуазную. Этот исторический анализ отношений собственности в период победы французской буржуазии позволит нам глубже разглядеть классовую природу конституционных споров и идейных сдвигов в ее среде. Мы, конечно, не думаем здесь заняться вплотную этим вопросом, но несколько кратких замечаний нам кажутся необходимыми, чтобы понять в дальнейшем существо классовой борьбы 1791 г.

Из богатой фактическим материалом работы Ферраду, посвященной вопросу о выкупе феодальных повинностей в департаменте Жиронда, мы узнаем, что стимулом для выкупа феодальных повинностей в большинстве случаев являлось у земледельцев в первые годы не столько желание владеть «свободной землей», сколько стремление облегчить дело продажи и перепродажи земли [8]. Сделки эти были общим правилом, несмотря на ряд препятствий, которые этому чинил закон 3—9 мая 1790 г. [9] Естественно поэтому, что среди тех, кто раньше других успел высвободить свою землю из-под бремени феодальных повинностей, были богатые крестьяне, деревенская и городская буржуазия, владевшая землей.

Исследования Ферраду, Саньяка, Лефевра и других показывают, что «выкупы совершались в большем количестве городскими жителями, чем деревенскими» [10]. Это, между прочим, можно объяснить и тем, что расходы по выкупным операциям были непосильны для мелкого землевладельца. Последний предпочитал поэтому стонать под бременем феодальных повинностей, чем остаться нищим на свободной земле [11]. Об этом и говорит адрес граждан коммуны Алье от 14 октября 1791 г.: «Вы видите, что некоторым собственникам нет возможности освободить себя, если только они не согласны продать половину своего земельного фонда, чтобы стать «свободными» в другой половине. Но кому продать эту половину? Ввиду многочисленности желающих добиться таким путем освобождения приобретателями земли станут сеньоры, и лекарство превратится в новое зло» [12]. Не забудем при этом, что «майские законы» облегчали сеньору узаконение феодальной эксплуатации на основе буржуазного права в случае, если владелец земли мог предъявить расписку о том, что земледелец платил ему или его отцу повинности. Под давлением крестьянских волнений Национальному собранию пришлось от имени Феодального комитета издать разъяснительную инструкцию от 15 июня 1791 г., в которой, как заметил Саньяк, «майские законы» были разъяснены в том смысле, что сеньор должен доказать не свои права на повинности, а законность этих прав. Законность же эта определялась наличием документов, подтверждающих 20- или 40-летнюю давность пользования землевладельцев правами взимания с крестьян повинностей [13].

Аграрное законодательство Национального собрания, таким образом, завязало двойной узел: оно не ликвидировало сеньориального права и в то же время сделало буржуазию *совладельцем феодальных повинностей*, поскольку новые владельцы приобретали землю, еще далеко не освобожденную от старых обязательств. Таким образом, буржуазия становилась уже в первые годы революции *частью землевладельческого класса*. С полным основанием Шарлети, обследовавший вопрос о продаже национальных земель в департаменте Роны, утверждал: «Заменив собою старых владельцев земель духовенства, нация стала собственником так называемых феодальных прав, не ликвидированных и связанных с владением этой землей. Владельцы, приобретатели этих земель, становились, таким образом, кредиторами государства в отношении той части этих феодальных прав, выкуп которых был объявлен мартовским законом 1790 г.[14] Не только буржуа—владельцы земли, но, что еще важнее, само государство выступало отныне в роли собственника, для которого вопрос о выкупе феодальных повинностей стал вопросом первостепенной важности. Это было, кроме всего прочего, исключительно выгодной финансовой операцией. Исследователи утверждают, что в 1791 г. сделки по выкупу сеньориальных повинностей в отношении государства были многочисленнее, чем сделки с частными лицами [15]. Государство и административные власти поощряли эти сделки. Таков был смысл декрета 14—19 ноября 1790 г., разрешавший государственно-обязанным выкупать отдельно les droits fêtes и les droits casules.

Интересы государственной власти в этом пункте совпадали с интересами буржуазной аристократии: они были солидарны в своем стремлении не допустить углубления революции и охранять по мере сил и возможности законодательство

4 августа. Не подлежит сомнению, Саньяк прав: «Вся система Учредительного собрания — великолепное здание — построено было на песке», и оно рушилось само собой при попытке воспользоваться им[16]. Аграрное законодательство 1789—1791 гг. было обречено на гибель, потому что оно сохраняло в основном феодальный режим в деревне, но оно подводило под него более широкую социальную базу, базу новых собственников: городских и деревенских буржуа, превращая их тем самым в реакционную силу не только социально-экономически, но и политически.

Если весной 1790 г. Парижской коммуне пришлось проявить инициативу, чтобы стимулировать распродажу земель, то к концу лета этого года, не без влияния беспрерывно падающего курса ассигнаций, успех распродажи был бесспорен. Сделки по продаже земель достигли огромных размеров с весны 1791 г. Марион дает следующие цифры для департаментов Жиронда и Шер дистрикта Бордо: 113 сделок по продаже в ноябре—декабре 1790 г., 342 — в те же месяцы 1791 г. Покупали землю все, прежде всего городская буржуазия. Но среди покупателей — и это особенно существенно отметить — были дворяне и представители духовенства. Прав реакционер Марион: покупка национальных земель была исключительно делом «интереса», а не «революционного энтузиазма» буржуа, как думал Жорес[17]. Мария-Антуанетта в своем письме к Ферзену от 5 июня 1792 г. сообщала ему не только о планах контрреволюции, но и о наиболее выгодном способе наживы: «Утверждают, — пишет она, — что покупка земель духовенства — наилучший способ помещения денег». Жорес думает, что в письмах королевы это сказано только для отвода глаз. Но почему не предположить другое? Аграрное законодательство Учредительного собрания частично превращало сеньоров в буржуа и делало буржуа ярыми защитниками собственности, в том числе феодальной.

Нельзя не отметить в заключение, что в распродаже национальных земель были заинтересованы широчайшие слои собственников[18]. Неудивительно поэтому, что якобинский клуб — политическая организация «средних классов» — энергично защищал эту спасительную «патриотическую» операцию. В свое время Минцес показал нам это на основе огромной массы сообщений провинциальных клубов и клубов Парижа[19]. Шевалье мог с полным основанием заявить в якобинском клубе, говоря о богатом крестьянстве: «В деревне не думают о контрреволюции, потому что национальные имущества здесь продаются почти по 8 тысяч ливров за арпан»[20]. Но мы видели, что в 1790 г., а особенно в 1791 г., это убеждение не было единодушным; об этом упорно напоминала крестьянская война в деревне. В том же якобинском клубе буржуа Польверель доказывал, что нация не может и не должна предоставлять беднякам преимуществ при покупке национальных земель, поскольку малоимущие не могут платить за эти земли. А крестьяне деревенских общин Версальского муниципалитета жаловались Национальному собранию, что им не хватает земли, они голодают. В 1791 г. эта потребность в земле стала еще более острой. То, о чем годом раньше говорили как об угрозе, стало для многих теперь политической программой — а г р а р н ы м з а к о н о м. Мы будем иметь возможность в дальнейшем вернуться к этому вопросу в связи с обсуждением социальных проектов Марата.

1791 год был годом относительного (для эпохи революции) подъема торговли и промышленности. Он нам кажется таким прежде всего потому, что первые два года «свободы» и следующие за ними годы гражданской войны совпадали с разрухой и развалом хозяйства. Только с такой оговоркой мы можем принять те немногочисленные данные, которые собраны до сих пор историками. В 1792 г. ввоз составлял 992 млн. франков, вывоз — 853 млн. франков; цифра общего оборота в 1789 г. была на 600 млн. меньше. Но цифры эти довольно неточны, как недостаточны и данные, представленные Конвенту 20 декабря 1792 г. за первую половину 1792 г., данные эти только косвенно свидетельствуют об успехах прошлого года.

Согласно докладу министра внутренних дел, вывоз батиста, кружев, сукна в Германию составлял в среднем обычно 36 млн., а для полугодия 1792 г. — 45 млн. ливров. Министр категорически отрицал, что в данном случае решающую роль сыграло падение ассигнаций. Эту версию в свое время поддержал Редерер, который 1 декабря 1791 г. утверждал в якобинском клубе: «В данный момент, когда мануфактуры работают самым энергичным образом, ясно, что деньги приливают во Францию». Не прикрашивали ли политические вожди французской буржуазии экономическое положение страны в 1791 г.? Во всяком случае, эта политическая цель явно руководила докладчиком комитета по борьбе с нищетой герцогом Ларошфуко, когда он предлагал Национальному собранию ликвидировать общественные работы; в своей речи народным представителям 16 июля он сказал: «Торговый оборот начинает быстро возрастать, мастерские всех родов развивают давно не слыханную деятельность; мастера, особенно в столице, жалуются на невозможность найти себе подмастерьев и выполнить принятые заказы». Несмотря на явную тенденциозность, заявления Ларошфуко и Редерера служат бесспорным доказательством экономического оживления в стране в 1791 г. по сравнению с прошлыми годами и ближайшим будущим.

О растущей активности торговли и промышленности говорят — это гораздо более объективное доказательство — протокольные записи комитета сельского хозяйства и торговли. 25 февраля в комитете зачитана была жалоба якобинского клуба Бове на упадок торговли и промышленности; жители Бове объясняют это исключительно вредом регламентов, договором 1786 г. и т. п. Устранить эти препятствия старого режима — значит открыть источники процветания для французского хозяйства. Комитет с особым вниманием заслушал мемуар Матэ из Дюнкирхена о средствах развития французских мануфактур по образцу Манчестера [21]. Значительный интерес представляет заседание 21 марта, на нем заслушан был доклад Талозана о механическом оборудовании промышленности [22]. Комитет стремится принять меры для дальнейшего и быстрого развития французской техники [23].

Все эти данные свидетельствуют об экономическом оживлении страны к «третьему году свободы». Но есть все основания предполагать, что ассигнаты, падение которых сыграло решающую роль при усиленной распродаже национальных земель, имели не меньшее значение и при подъеме торговли и промышленности. Г. Зибель, на которого ссылается Жорес, утверждает, что вывоз товаров из Франции поощрялся разницей в цене золота и ассигнатов. Не только буржуа запасались товарами, но и иностранцы скупали их. Это повлекло за собою рост производства и рост цен. В декабре 1790 г. курс ассигнатов составлял 92; в следующем году он медленно, но систематически падал, достигнув в июне 85, а в августе 79. До декабря он едва заметно поднимается, а с января 1792 г. падение становится катастрофическим, достигнув в марте 59. Решительный перелом наметился с половины 1791 г. Эмиссия за время с сентября 1790 г. до декабря 1791 г. возросла на 900 млн. Норма обесценения ассигнатов составляла примерно 3,7% для предшествующего года и 8,7% для интересующего нас периода. Это, конечно, еще медленный темп по сравнению с 1793—1795 гг., но уже весьма чувствительный для хозяйства, потрясенного революцией.

Влияла ли эта кривая ассигнатов на рост цен предметов первой необходимости? Ж. Жорес категорически утверждает, что рабочие в 1791 г. «не страдали, и даже в высшей степени вероятно, что в это время был хороший спрос на рабочие руки» [24] Последнее безусловно верно, но можно ли столь же категорически утверждать, что в продолжение этого года мы имеем повышение реальной зарплаты рабочих и что обесценение ассигнатов не влияло на материальное положение трудящихся? Цены на хлеб понизились, но так как падение ассигнатов имело место, то Ж. Жорес готов в лучшем случае допустить общее вздорожание жизни на 2—3%. Документы, однако, не подтверждают этого оптимистического вывода. Ж. Жорес прав, не доверяя в данном случае показаниям реакционной публицистики, но следует ли считать более объективными мнения политических деятелей буржуазии? Надо ли отмести свидетельские показания революционной публицистики?

«Révolutions de Paris» по поводу открытия Законодательного собрания обращает внимание депутатов на угрозу голода за последние месяцы [25]. Не об этом ли говорит письмо Марии-Антуанетты Ферзену от 31 октября? «Их [граждан] занимают только дороговизна хлеба и декреты». Влияние падающего курса ассигнатов и рост спекуляции, а в связи с этим рост народных волнений заставили Национальное собрание издать 21 июля 1791 г. декрет, разрешавший муниципалитетам вводить в случае необходимости таксу на хлеб и мясо. В первую половину 1791 г. материальные тяготы давали себя чувствовать меньше, чем во вторую половину года, но и в первом случае давали себя знать как фактор политических движений [26].

Реальная заработная плата рабочих определялась в 1791 г., точнее с весны этого года, еще одним фактором: затруднениями с разменом ассигнатов. В апреле 1790 г. самая мелкая купюра равнялась 200 ливрам, в октябре — 50 ливрам, мелкие купюры в 5 ливров декретированы были в мае 1791 г.; они поступили в обращение только в июле. Но в том и другом случае рабочие были в проигрыше. В первом случае они платили дополнительно за размен крупного ассигната, во втором они теряли на разнице между звонкой монетой и курсом ассигната. При размене крупных купюр малоимущее население теряло примерно от 7 до 20%.

Ухудшение материального положения огромной массы трудящихся заставило Парижскую коммуну в апреле создать «муниципальную комиссию благотворительности», несмотря на то, что одновременно были предприняты срочные меры для ликвидации общественных работ, а принципы буржуазной политики требовали отказа от государственной опеки бедняков. Это в свое время подтвердила петиция секции La Fontaine de Grenelle: «Принимая во внимание то ужасное положение, в котором находится часть рабочих вследствие затишья в торговле и в работах мастерских, принимая во внимание нужду бедняков, Коммуна должна срочно принять меры для оказания помощи нуждающимся». В апреле волнения в секциях предместий в связи с затруднениями размена ассигнатов становились угрожающими. Народные массы жаловались на нужду и преследовали спекулянтов, наживавшихся на разнице курса. В мае случаи самосуда стали обычным явлением; «уплата рабо-

чим ассигнатами даже в 1791 г. была равносильна уменьшению заработной платы. Это в самом деле произошло». Таково социальное содержание экономического подъема 1791 г.: рост материальной мощи буржуазии; рост ее, нередко спекулятивной, наживы повлек за собой, несмотря на падение хлебных цен, обострение нужды широких трудящихся масс.

2

Приходится сожалеть, что при характеристике экономического положения Франции 1791 г., влияния падающих в цене ассигнатов на хозяйство страны историки игнорируют интереснейший документ — статью Марата в № 534 его газеты о финансовой политике Национального собрания [27]. Конфискация земель духовенства — мероприятие, которое должно было спасти финансы монархии и прежде всего помочь беднякам, — не спасло государство от гибели, земли расхищаются богачами, к августу ассигнаты потеряли по крайней мере 25% своей цены. В день бегства короля, утверждает Марат, они потеряли до 40%. Нет сомнения, Марат с определенной целью преувеличил размеры падения ассигнатов в 1791 г., но он прав в характеристике финансовой политики эмиссий как средства имущих классов завладеть национальным имуществом.

Марат рисует, мы сказали бы, экономические привилегии богатых, которыми они пользуются при размене крупных купюр. Богатый может послать своего слугу, а бедняк после трудового дня готов принять любые условия, заплатить любой процент за обмен, потому что ему необходимо купить хлеб себе и своей семье. Бедняку не могут помочь даже преимущества хорошего урожая. Банды спекулянтов, играющих на разнице курса, разоряют тружеников. Об этом говорит письмо читателя-рабочего в газете Марата от 25 марта: рабочий при покупке хлеба предъявил ассигнат в 4 ливра 19 су, но ему не хотели разменять его. Корреспондент Марата замечает: «Нас в Париже 20 тысяч рабочих, и мы не дадим себя больше дурачить буржуа, как это было до сих пор» [28]. Решение Национального собрания о выпуске ассигнатов в мелкой купюре служит только поощрением ажиотажа. Выпуск мелкой неполноценной металлической монеты является операцией фальшивомонетчиков. Эта операция, как и государственное банкротство в виде беспредельной эмиссии, — средство обогащения немногих. Падение ассигнатов повышает цены на товары; несмотря на решение Национального собрания об уничтожении таможенных застав, что должно было, казалось, уменьшить дороговизну, цены растут. Теряя на курсе, предприниматель и купец, естественно, делают надбавку на товары, отчего прежде всего страдает бедный потребитель; необходимо и важно подчеркнуть, что падение ассигнатов способствует спекулятивному подъему внешней торговли в интересах иностранцев. Как только появились новые деньги, спекулянты их переслали в Англию, а английские купцы накупили на эти деньги товаров во Франции с выигрышем на разнице курса в 15%. Мануфактуры Бирмингама за 18 месяцев заработали на этом до 3 млн. ливров. Немало на этом заработали швейцарцы и голландцы. «А правительство и его защитники, — с возмущением заявляет Марат, — поздравляют нас с успехами нашей торговли и наших мастерских».

Мы готовы согласиться с Ж. Жоресом, что отдельные цифры Марата преувеличены, но не ближе ли к истине картина экономического положения Франции 1791 г., изображенная им, чем оптимистические доклады Министерства внутренних дел или выступление Редерера в якобинском клубе? Точнее, Марат прав в своем пессимизме, а политики буржуазии — в своем оптимизме. Перед нами д в е к л а с с о в ы е о ц е н к и экономического подъема Франции «третьего года свободы». Выгодная, с точки зрения капиталистической Франции, конъюнктура не повлекла за собой улучшения материального благополучия народных масс. Классовые противоречия еще более углублялись; революция вступала в высшую стадию своего развития, стадию гражданской войны.

Временное затишье, наступившее к концу 1790 г., после кровавого подавления народного движения в провинции, дало возможность Национальному собранию приступить к осуществлению своей программы торговой и промышленной политики.

В марте—апреле 1791 г. собрание издало законы об уничтожении института цеховых присяжных и мастеров, объявило полную свободу труда, ввело торговые патенты, ликвидировало внутренние таможни и тем облегчило циркуляцию товаров внутри королевства. Докладчик по «закону о патентах» Доллард дал краткую формулу новой экономической политики Национального собрания: «Душа торговли — индустрия, душа индустрии — свобода» [29]. Этот принцип был проведен при издании законов о ростовщичестве и о регламентации труда, о королевских мануфактурах и о патентах на изобретения, по вопросам внутренней и внешней торговли. Законодательство это было серьезной буржуазной реформой старого порядка; оно, естественно, затрагивало интересы разнообразных слоев населения. Не забудем, что еще до революции в наказах, в экономической литературе и публицистике мы встречали даже в буржуазной среде и прежде всего в рядах мелкой буржуазии, среди ремесленников и подмастерьев, далеко не однородную оценку принципов свободы хозяйственной деятельности.

Корпорации были осуждены представителями третьего сословия во Франции еще задолго до революции. Но характерно, что парламент, отказываясь зарегистрировать эдикты Тюрго, указывал на необходимость сохранения цехов как «узды для рабочих — этих существ, рожденных для волнений в обществе» [30]. За сохранение цехов высказывались мастера-хозяева. Об этом говорит наказ суконщиков Орлеана: необходима хорошая полиция, которая поддержала бы дисциплину среди подмастерьев и обеспечила бы спокойное обслуживание потребителей. Цехи, утверждали мастера — ткачи из Орлеана, гарантируют правильное обслуживание потребителей и способствуют расцвету торговли; они уничтожают изолированность ремесленника и поддерживают дисциплину труда [31]. Протесты против цехов встречаются, однако, в наказах чаще, чем их одобрение. Но здесь следует точно разграничить тех, кто настаивал на свободе труда во имя свободы эксплуатации, и тех, кто возражал против старых корпораций и искал новых форм организации труда для борьбы с эксплуататорами.

Монополия цехов мешает свободному соревнованию, т. е. конкуренции в области промышленности и торговли, говорили одни; цехи — это привилегированная организация мастеров в борьбе со своими рабочими, настаивали другие. Существование цехов противоречит общественным интересам, снабжению городов и прежде всего бедняков, так что несчастный рабочий, который знает свое ремесло, но не в состоянии приобрести звание мастера, тем самым лишается средств к существованию [32]. Таков преобладающий мотив тех, кто возражал против цехов с точки зрения подчиненного мастеру рабочего-ремесленника. Об этом говорили столяры-подмастерья Марселя: «Цехи были хорошо организованы, мы готовы с этим согласиться, но должны ли мы, лишенные средств, обладая теми же знаниями, оставаться в бездействии?» [33]. Мы могли бы значительно увеличить количество примеров, чтобы подтвердить наше положение об основных противоречиях борьбы с промышленной регламентацией двух основных классов буржуазного общества XVIII в.

Когда речь шла об уничтожении цехов, для трудового населения очевидна была необходимость этой меры как средства самообороны против привилегий мастеров, для предпринимателей же важно было торжество новых капиталистических принципов. Реформа цеха в интересах ремесленников-тружеников или развитие особой организации для охраны профессиональных интересов — компаньяжей, — так стоял вопрос к началу революции для двух групп внутри цеха, бедных ремесленников и подмастерьев. У нас мало данных, чтобы судить об отношении этих двух групп к закону о «свободе труда». Затруднения еще возрастают потому, что малочисленные документы, относящиеся к этому вопросу, говорят нередко о «рабочих», хотя речь идет о мастерах-ремесленниках [34].

Прежде всего некоторые данные могут быть извлечены даже из парламентских прений. На заседании Национального собрания 15 февраля докладчик комитета налогов Доллард объяснял необходимость уничтожения цехов и введения патентов мотивами чисто экономического и социально-политического порядка [35]. Введение патента служит наилучшим средством для регулирования прямых и косвенных налогов; это средство уменьшит бремя налогов старого порядка; оно укрепит финансовое положение нового режима. Отмена цехов утвердит право граждан на труд — наивысшее и священнейшее право человека. Во имя этого права докладчик обрушился на аристократию мастеров в цехах и искал поддержки не только в торгово-промышленном, вне цехов находящемся, населении, но прежде всего среди малоимущих ремесленников цеха и среди подмастерьев. Одновременно он затронул вопрос о «тирании» компаньяжей. Цехи монопольно устанавливают цены на товары и предметы первой необходимости, они стремятся превратиться в касту. Это страшное зло для многих граждан, это стало злом для всех, утверждал докладчик: необходимо больше выбора, больше конкуренции между рабочими, в результате выгодами воспользуется потребитель; потребитель мучительно страдает от конкуренции цехов и корпоративно организованных ремесел. Доллард успокаивал мастеров: они купили привилегии, но они будут вознаграждены. Капиталы мастеров получат большую свободу, между ними и негоциантами произойдет естественное сближение; свобода хозяйственной жизни вознаградит их всех. Опасаются ли, наконец, мастера рабочих? Но они не должны забывать, что рабочие предместий не трудятся лучше только потому, что они подчинены дисциплине цеха. До сих пор мы имеем в цехах организации подмастерьев — компаньяжи, которые ведут между собой братоубийственную войну. Цехи должны быть ликвидированы для наилучшей охраны хозяев от насилий рабочих. Предложенный декрет делал исключение только для двух профессий — аптекарского дела и золотых дел; решено было вознаградить тех владельцев цеховых привилегий, которые благодаря отмене цехов теряли свои права.

Дебаты касались только частных вопросов. 16 февраля один из депутатов потребовал отмены пункта декрета об аптекарском деле [36]. Мартино энергично возражал, считая, что корпоративный принцип должен быть сохранен для тех профессий, которые обслуживают первейшие потребности населения; в этих ремеслах необходим строжайший общественный контроль. Его мысль продолжил Ревбель, настаивая на цехах для архитек-

торов, плотников, каменщиков, трубочистов, словом — всех тех ремесел, которые, по его мнению, могут нанести решительный вред населению в случае, если не будет организован контроль над мастерами. Аббат Гутт требовал исключить из декрета парикмахеров [37]. Победа, естественно, осталась за докладчиком. Собрание присоединилось к его основным аргументам: цехи мешают «свободе труда», они не гарантируют предпринимателям дисциплины среди рабочих, они противопоставляют мастеров негоциантам и мешают объединению собственников. Национальное собрание предполагало при этом опереться на ремесленников, апеллируя к их ненависти против привилегированной верхушки цехов, но направляя в то же время классовую ненависть хозяев против подмастерьев. Финансовую проблему Национальное собрание разрешало введением нового косвенного налога.

Как встретило население этот декрет, как отнеслись к нему отдельные социальные группы в цехах, мы не знаем: вопрос этот не изучен. Очевидно одно: радостного единодушия не существовало. На заседании 9 марта Прюньон сообщил, что в Нанси «враги общественного блага воспользовались декретом о ремесленных корпорациях, чтобы возбудить волнения, опасные для свободы», но муниципалитет, который настроен исключительно патриотически, воспользовался своим влиянием, чтобы восстановить порядок [38]. В официальном донесении группы парикмахеров сообщалось, что большинство среди них выступило против декрета Национального собрания, хотя он дает им права, узурпированные цеховыми уставами. Бунтовщикам удалось увлечь за собой и все другие ремесла города; они избрали даже делегацию, которая должна была действовать от имени всех корпораций Нанси.

Подобные же волнения, как мы видели, имели место в Лионе. Декрет Национального собрания «о патентах», безусловно, внес расслоение в ремесленную массу, но проследить этот процесс мы пока не можем. Мы не можем сказать ничего достоверного о том, как отнеслись к роспуску цехов подмастерья. Характерно, однако, что в известных нам документах о деятельности компаньяжей спорящие стороны не затрагивают вопроса о корпоративном принципе организации промышленности [39]. Правда, из протоколов комитета сельского хозяйства и торговли мы узнаем, что случаи, когда ремесленники, ученики и подмастерья бросали цехи и игнорировали регламенты, стали в 1790 г. обычным явлением [40]. Но следующие два положения бесспорно подтверждаются нашими скудными данными: либеральное законодательство 1791 г. отнюдь не соответствовало интересам всего трудового населения Франции; буржуазия, отменяя корпорации, передала государству охрану своих

классовых политических и экономических интересов, ремесленники и подмастерья должны были искать свою форму организации для сопротивления эксплуатации.

Об этом у нас пойдет речь в связи со стачечным движением 1791 г. Отметим только, что Национальное собрание, уничтожая, например, цехи, не уничтожило, а расширило компетенцию торговых судов, оно отнюдь не отказалось от покровительства отечественной промышленности и торговле [41]. «Разумно-покровительственная политика» легла в основу декрета о внешней торговле 31 января 1791 г. Об этом говорит инструкция Национального собрания административным властям в августе 1790 г.: индустрия процветает благодаря свободе, но государство должно покровительствовать промышленности. Весьма интересен в этом смысле «Адрес о средствах, необходимых для процветания торговли, и о необходимой для нее помощи», представленный якобинскому клубу бывшим директором королевских мануфактур Папионом [42]. Даже среди либеральных кругов французской буржуазии 1791 г. свобода промышленности предполагала известные практические уступки со стороны государства прямым притязаниям предпринимателей. Социальное законодательство 1789—1791 гг. свидетельствует об этом наилучшим образом. Неудивительно, если мелкая буржуазия и трудящиеся массы по-своему стремились ограничить фритредерские принципы и если они делали это соответственно своей классовой природе в эпоху мануфактурного производства в интересах борьбы с успехами капитализма.

Только учет конкретной исторической обстановки 1791 г. объяснит нам подлинный смысл статей Марата об отмене цехов и таможенных застав.

3

19 февраля в докладе Ларошфуко от имени Comité des Contributions Publiques был поставлен вопрос о ликвидации закона о внутренних таможнях. Вопрос не вызвал возражений. Спорили только о сроках применения декрета. Докладчик предлагал ввести его с 1 мая 1791 г. Лешапелье настаивал на 1 апреля. Он требовал, чтобы постановление о заставах было соединено с декретом о патентах. Кюстин предлагал 1 июля. Эти депутаты, как и Лашез, руководствовались следующими практическими мотивами: необходимо дать торговцам возможность и время распродать свои товары. Только Казалес настаивал на немедленном осуществлении декрета. Он предупреждал собрание, что отсрочить применение декрета, который кажется ему неприемлемым, значит стимулировать народные волнения; волнения эти уже теперь вызывают кровавые столкновения у застав. Гордо, но малоубедительно прозвучали в ответ слова депутата

Парижа Лепелетье де Сен-Фаржо: «Народ показал образец восстания против деспотии, он покажет теперь, как надо подчиняться закону». Национальное собрание постановило ввести декрет в силу с 1 мая [43].

В связи с обсуждением в Национальном собрании вопроса о ликвидации застав Марат 21 февраля в статье, посвященной обсуждению бюджета 1791 г., обещает читателям в ближайшем номере обсудить декрет «о патентах», который не может быть компенсирован законом о ликвидации застав — уступкой, вынужденной у собрания народными волнениями. Национальное собрание отложило осуществление последнего декрета на несколько месяцев, не аннулирует ли это решение об отсрочке все его преимущества? [44] К обсуждению этого вопроса Марат вернулся 12 марта. Он выступил против Дюфурни, автора брошюры о злоупотреблениях муниципалитета, который, позабыв все, что он писал в 1789 г., пришел в восторг по поводу декрета об отмене таможенных сборов [45]. «Нельзя, однако, не отметить, — замечает Марат, — долго пришлось ждать «благодетельного» декрета, хотя эта мера могла быть естественным результатом, скажем, закона о землях духовенства». Что, однако, вытекает из того, что его выполнение отложено до 1 мая? Нет сомнения, что эта уступка сделана в интересах торговли, чтобы дать возможность негоциантам продать свои товары, которые оплачены были в свое время пошлинами. Но должно ли общество, заботясь об интересах торговли, забыть о своих интересах? Государство должно прежде всего позаботиться о снабжении народных масс столицы. Ведь не подлежит сомнению, что торговцы воспользуются отсрочкой, распродадут свои товары, а затем воздержатся некоторое время от снабжения рынков, чтобы взвинтить цены. Спекуляция эта породит неисчислимые бедствия для населения: неизбежная дороговизна предметов первой необходимости, затишье в промышленности и торговле повлекут за собою безработицу, прежде всего среди возчиков, которые вынуждены будут продать лошадей, единственный источник своего заработка.

Марат перечисляет затем ряд других групп рабочего населения, которые пострадают от отсрочки декрета, например, те, которые работают на речном транспорте, в портах и т. д. Словом, «благодетельный» декрет о свободе торговли обогатит негоциантов, но разорит тех людей, которые своим трудом зарабатывают ежедневное пропитание и у которых перерыв в работе на несколько дней отнимает средства существования для них и их семейств. «Я не знаю, основательно ли, но утверждают, что масса рабочих, занятых у торговцев дровами, лишится вскоре работы благодаря закону», — замечает Марат [46]. Как же избежать возможного голода и недостатка товаров? Марат предлагает устроить в столице «общественные склады», куда купцы обязаны

будут свозить свои товары с обязательством оплатить пошлины в случае, если они захотят пустить товары в продажу до 1 мая. Могут сказать, что купцы будут в этом случае хранить свои товары вне столицы. Но это в настоящих условиях недопустимо: следует ли освободить торговлю от ее обязанностей, если ей предоставляются известные права? Марат заранее отбрасывает предложение о вознаграждении тех купцов, которые проиграют благодаря отмене таможенных сборов. Необходимо без промедления в интересах малоимущих против злой воли богачей провести закон Национального собрания в жизнь.

Теми же принципами руководствуется Марат при обсуждении вопроса о продовольственной политике Национального собрания. В 1791 г. он остался верен своим принципам предшествующих лет. 20 февраля, сообщая в газете о продовольственных волнениях в Пантуазе, он снова поднимает вопрос о правительственных агентах и спекулянтах, действующих от имени министерства и наживающихся за счет народа [47]. Еще раньше, в январе, он обвинял Лавуазье в том, что он как ученик Некера участвует в спекулятивной торговле хлебом [48]. 24 марта Марат выступает на защиту бунтовщиков в Донау, напавших на министерских агентов, скупавших хлеб для вывоза в Дюнкирхен. Толпа захватила хлеб и распродала его по пониженным ценам [49]. Подобным же образом Марат толкует закон о свободе хлебной торговли в своей статье от 24 мая — «О средствах избежать банкротства государства, угрожающего нации, о способах верного использования национальных имуществ для освобождения государства» [50].

К этой теме он возвращается неоднократно. Национальное собрание провозгласило свободу торговли, но в действительности ее срывает спекуляция, возможно ли эту свободу торговли приспособить к интересам народных масс? На этот вопрос Марат давал ответ в 1790 г., он повторяет его и теперь: муниципалитеты должны установить пониженные цены на хлеб в интересах нуждающихся, должны преследовать спекуляцию, изгонять спекулянтов, агентов продовольственной политики правительства и т. д. [51]

Ведя решительную борьбу с хлебной спекуляцией, Друг народа одновременно объявляет войну игорным притонам, ажиотажу и прежде всего спекуляции национальными имуществами. Не было в эти годы ни одного массового движения, направленного против режима эксплуатации, которого Марат не поддержал бы своим выступлением в защиту народных низов. Либеральным принципам хозяйственной политики он противопоставлял требования охраны интересов трудящихся, неимущих. В ряде статей за февраль 1791 г. Марат требует закрытия игорных домов, в которых народные представители и богачи

расхищают казну и проигрывают национальное имущество, достояние бедняков. В «Adresse aux honnêtes gens» он призывает народ очистить столицу от тучи паразитов, он требует от секций, чтобы они заставили Национальное собрание закрыть притоны азартных игр; секции должны добиться, «чтобы то, что принадлежит народу, было вручено беднякам» [52].

Мы отметили выше, как Марат оценивал финансовую политику правительства, возможности наживы, которые она давала всем, кто спекулировал на разнице курса. Здесь нам необходимо лишний раз подчеркнуть, что в связи с обсуждением этого вопроса Друг народа решительно протестует против расхищения национальных земель капиталистами. В этом прежде всего повинны Национальное собрание и местные власти, которые покровительствуют богатым покупателям земли. Все свои размышления о спекуляции и ажиотаже как причине банкротства государства Марат сводит воедино в цитированной выше статье от 24 мая 1791 г. «Если вспомнить, — говорит он, — роль паразитов и расхитителей народного достояния при старом порядке и в первые годы свободы, то мы не станем удивляться нашим бедствиям». Радикальными мерами можно было бы исправить положение, но они не были приняты вовремя. Больше того, продовольственная политика Неккера, налоговое законодательство Национального собрания, которое возложило все бремя повинностей на плечи французов, лишенных собственности, — все это говорит о том, что власть в стране находится в руках тех, кто обогащается, разоряя народные массы. Государственная казна находится в распоряжении крупных кредиторов, их интересам служат политика эмиссий и распродажа национальных земель. Победивший народ должен был бы прежде всего покончить с этими пиявками, конфисковав их имущество, по крайней мере до того момента, пока они не дадут народу отчет в своих действиях.

Подобная оценка экономического законодательства Национального собрания не могла, конечно, не отразиться на оценке Маратом декретов о «свободе труда». Ведя борьбу с принципами «свободы труда», Марат защищает ремесленные корпорации как организации, охраняющие интересы тружеников от привилегированного меньшинства цехов и интересы потребителей от жадности торговцев [53].

Национальное собрание, уничтожив все привилегированные сословия, сохранило, однако, касту «ученых». Академии и академики до сих пор никогда не способствовали прогрессу науки, они всегда только задерживали развитие научной мысли, преследуя всех новаторов, всех непокорных. Академии были лишь блестящим учреждением монархии старого порядка. Но возмутительно прежде всего то, что академики претендуют на роль

политических вождей, будучи абсолютно безграмотными в области государственного управления. Они повинны, утверждает Марат, в издании декрета 15—17 февраля «о патентах», изданного во имя ложно понятого ими принципа свободы. «Прекрасна мысль освободить граждан от всех препятствий, мешающих развитию талантов и способностей, особенно если эти помехи повергали несчастных в нищету. . . Но я не знаю, — заявляет Марат, — является ли эта полная свобода, это освобождение от всякого ученичества, от всякого искуса для выполнения того или другого ремесла, той или другой профессии, политически мудрой мерой». Падение цехов, т. е. падение контроля над производством и потреблением, обрекает хозяйственную жизнь страны, ее торговлю и промышленность на разорение [54]. Производитель будет в таком случае стремиться только к понижению цен на товары, а следовательно, не будет думать об их качестве.

«Обратите внимание на безграничное развитие жажды наживы среди всех классов городского населения и вы убедитесь в этой печальной истине». Свобода производителей породит между ними бешеную конкуренцию: «Полезные искусства приходят в упадок главным образом в столицах; именно здесь больше всего дают себя чувствовать отсутствие добросовестности, бродячая жизнь рабочих, нужда, связанная со всеми профессиями, и общественная нищета, вызванная разорением торговли» [55]. Вне цехов может остаться только производство предметов искусства, роскоши, инструментов и рабочих орудий. Эти последние производства могут оставаться вне цехов потому, что производство инструментов такого рода, как, например, оптические приборы, предполагает, что мастер непосредственно наблюдает за всеми операциями труда. Но строжайший контроль и корпоративная дисциплина должны быть установлены для ремесленников, занятых «в полезных искусствах и в производстве предметов первой необходимости».

В этом случае речь идет о жизненных интересах потребителей, и общество не может остаться безучастным к интересам трудящихся масс. В первую очередь это касается, скажем, медицинского и аптекарского дела. Вместо того, чтобы разрушать все, Национальному собранию следовало бы навести справки у сведущих людей и «заняться исправлением злоупотреблений». В каком направлении следовало бы реформировать цехи? Необходимо декретом отменить сословные права цеховых присяжных и налогов на мастерство, оставляя только мастеру право привлекать к ответственности подмастерья, нарушившего интересы потребителя; необходимо установить законы о шести-семилетнем ученичестве; корпорации должны установить, наконец, достаточно высокую оплату рабочим; тем рабочим,

которые будут хорошо вести себя, следует гарантировать через три года предоставление средств для самостоятельного устройства мастерской. Таланты и хорошее поведение будут, таким образом, вознаграждены, а дурное поведение наказано [56].

Снова возвращаясь к этому вопросу 17 марта, Марат обращает внимание на «ужасное бремя налогов, возросшее с момента революции», на узаконенный грабеж, подобно декрету о патентах [57]. Размер налога на патенты, согласно декрету Национального собрания, определялся соответственно плате за помещение, выплачиваемой содержателем данного предприятия. Но это отнюдь не совпадает с доходами предприятия, богач на сей раз, как и всегда, окажется в более благоприятных условиях, чем малоимущий. Не правильнее ли было бы установить некоторую надбавку на жилищную плату пропорционально доходам или лучшему имущественному состоянию производителя?

Еще одну характерную особенность выступлений Марата в защиту корпораций нам следует здесь отметить. Он утверждает, что крупные мануфактуры, как и торговля, смогут развиваться в королевстве только при условии сохранения цехов для ремесел. При анализе социально-экономических взглядов Марата 1790 г. мы видели, что он придавал большое значение английской технике, что он не только не возражал против мануфактур, но имел в виду превратить королевские мануфактуры в национальные и муниципальные предприятия. Мы еще дальше встретимся с его положительной оценкой мануфактур. Но характерно, что в своих рассуждениях он сочетает мануфактуру и цех, превращает корпоративно организованное ремесло в базу хозяйственной жизни капиталистической торговли и промышленности. Эти взгляды находятся, конечно, в полном соответствии с его защитой декрета об уничтожении внутренних застав, «свободы торговли» и с требованием карательных мер против повышения цен, с требованием об установлении таксы на предметы первой необходимости.

Для определения социальной сущности взглядов Марата особенно важно обратить внимание на его рассуждения о бездомной толпе рабочих больших городов, переходящих с места на место, меняющих одну профессию на другую. Требуя сохранения цехов, защищая, следовательно, реакционные лозунги ремесленников XVIII в., Марат настаивает в то же время на реформе цеха в интересах малоимущих производителей против власти привилегированного меньшинства предпринимателей. Это совпадает с пожеланиями в наказах, например, ткачей Орлеана или столяров из Марселя (см. выше). Одновременно, как мы знаем, Марат настаивает на повышении заработной платы рабочих, требует от Национального собрания особой охраны интересов подмастерьев и учеников. Он защищает, таким образом, интересы ремесленников и рабочих в их борьбе с мастерами, с олигархией цеха, с буржуазной политикой, направленной на защиту капиталистических принципов «свободы труда». Марат понимает, однако, значение новой техники, ее роль в организации крупного предприятия, но одновременно он идеализирует самостоятельное ремесло. Взгляды Марата типичны для плебейской оппозиции кануна промышленной революции.

Этим утверждением мы не исчерпали высказываний Марата по рабочему вопросу. Мы поставим перед собой задачу выяснить его отношение к стачечному движению весной 1791 г., к рабочим благотворительных мастерских, к участию рабочих в политической борьбе 1791 г.

4

Обратимся к анализу экономической борьбы рабочих в апреле—июле 1791 г. С нашей точки зрения, борьба компаньяжей есть только эпизод в истории окончательного распада ремесленного цеха. К сожалению, до сих пор в исторической литературе еще недостаточно выяснен вопрос о роли компаньяжей в социально-политической истории Франции конца XVIII в. Историки, как общее правило, до сих пор мало разрабатывали этот вопрос. Но и участие компаньяжей в экономической борьбе было освещено чрезвычайно односторонне. Любопытно, что те историки, которые высоко ставят либеральное законодательство 1791 г. как осуществление освободительных принципов буржуазии XVIII в., недооценивая политическую роль рабочего движения, почему-то увидели в стачечном движении компаньяжей 1791 г. выступления «профессиональных союзов» промышленно-капиталистического общества; они противопоставили условия образования боевых организаций подмастерьев внутренним процессам распада цеха, отделили основную массу ремесленников от движения подмастерьев и тем самым лишили нас возможности понять первые попытки массового экономического протеста ремесленного пролетариата в годы буржуазной революции во всем их историческом своеобразии [58].

В первой четверти XVIII в. компаньяжи существовали в 29 профессиях. Матьез утверждает, что во второй половине XVIII в. число их и роль возросли. Чем были компаньяжи внутри цеха? Решающим фактором для характеристики роли компаньяжей являются для нас конфликты не только между компаньяжами и мастерами цеха, но между профессионально организованными подмастерьями и рабочими, стоящими вне цеха, и членами данного компаньяжа. Один-два примера. В июне 1789 г. к королевскому советнику комиссару Шатле Александру Ферро явился Долу, торговец-фабрикант шляп,

с жалобой, что в конце мая 24 подмастерья, называющие себя «Добрыми детьми», потребовали удаления с работы других подмастерьев, называющих себя членами сообщества Du Devoir. Они угрожали, что покинут фабрику. Конфликт разрастался, в него были втянуты рабочие других предприятий; конфликт между рабочими принимал угрожающие размеры. Властям пришлось вмешаться [59]. 31 марта 1790 г. рабочие, не входящие в компаньяжи, подали жалобу в Национальное собрание на профессионально организованных подмастерьев. Дюпон де Немур защищал их ходатайство. Он нарисовал перед комитетом конституции тот террор, который члены сообщества Du Devoir применяли к своим противникам. Дело дошло до того, что 800 рабочих-шляпочников бросили работу. Докладчик просил Национальное собрание поддержать ходатайство петиционеров против их товарищей-бунтовщиков. 12 мая 1790 г. подобное же заявление поступило в Национальное собрание от подмастерьев-плотников организации De Renards на своих противников из сообщества Du Devoir. 6 апреля, указывают жалобщики, члены Du Devoir набросились на сторонников De Renards, работающих на мосту и площади Людовика XV, и прогнали их [60]. Из петиции мы узнаем также, что подмастерья Du Devoir устраивают регулярные собрания, где обсуждают свои «преступные планы». О вражде компаньяжей говорит письмо рабочих-подмастерьев (compagnons ouvriers), зачитанное 4 мая на заседании комитета сельского хозяйства и торговли. Петиционеры настаивают на запрещении общества Du Devoir, «общества бандитов», препятствующего нормальной работе всего «класса рабочих» [61]. Как бы то ни было, выступления компаньяжей, их живучесть в годы революции свидетельствуют о живучести старой корпоративной формы организации труда в эпоху мануфактурного производства. Социальные конфликты между подмастерьями и мастерами говорили о полном распаде цеха, но совсем не о том, что во Франции 1789—1791 гг. была создана и оформлена новая, промышленно-капиталистическая база для экономических конфликтов пролетариата и буржуазии. Подмастерья, порывая с цехом, строили свою организацию по образцу того же цеха; компаньяж не был профессиональным союзом в современном, индустриальном смысле слова.

Наряду с выступлениями цеховых организаций ремесленников, весной 1791 г. мы имеем дело и с борьбой самостоятельных экономических организаций подмастерьев. Мы не ставим себе, конечно, задачи изучить стачечное движение в апреле — июне 1791 г., но нам кажется необходимым обратить внимание на классовую характеристику такого типа компаньяжей, как «Типографский клуб» или «Union fraternelle des ouvriers de l'art de la charpente». «Club Typographique ou Philantropique»,

возникший в конце 1790 г., имел даже свой профессиональный орган с девизом «единение во имя отечества». Корпорация эта ставила себе чисто филантропические цели; она улаживала споры между рабочими типографий и их владельцами, если они обращались с этой просьбой. На этом настаивали члены клуба, когда в заседании 17 апреля председательствующий зачитал письмо комиссара секции des Thermes de Yulien, одного из представителей департаментской администрации, в котором организация типографов обвинялась в нарушении порядка и провокации стачек. Присутствующие решительно отвергали обвинение. Член клуба Бенан заявил, что типографский клуб — чисто филантропическая организация, его задача — разрешать и согласовывать противоречия между наборщиками и владельцами типографий. Перле добавил, что, защищая конституцию, клуб отказывается принимать в свои ряды аристократов, врагов отечества. То немногое, что мы знаем о клубе типографов, свидетельствует о том, что перед нами профессиональное общество взаимопомощи, ставящее себе просветительно-политические задачи в духе тех клубов, которые с конца 1790 г. возникали в большом количестве в Париже [62].

К сожалению, мы почти ничего не знаем о внутренней организации и деятельности «Union fraternelle» плотников. Стачки плотников представляют особый интерес для понимания особенностей рабочего движения в Париже весной 1791 г. Говоря о строительном производстве этой эпохи, мы должны твердо помнить, что речь, собственно, идет о трех социальных группах: подрядчиках (entrepreneurs), хозяевах (maitres), рабочих (ouvriers). Неясность в этом вопросе, предположение историков (Тарле и Жаффе), что в стачечной борьбе плотников речь шла только о двух группах, искажают историческую картину во всем ее своеобразии, не дают нам точного представления о рабочем движении 1791 г.

14 апреля рабочие-плотники решили собраться, предупредив об этом муниципалитет и пригласив хозяев совместно обсудить новые расценки. Хозяева отказались явиться. Тогда рабочим пришлось выступить на защиту своих интересов, что они решили сделать на заседании 18 апреля. Вот что произошло за это время: некоторые из рабочих нашли заказы на стороне, взялись за их выполнение и сами предложили платить нанятым от себя рабочим по 50 су за рабочий день. «Кроме того, — читаем мы дальше в докладной записке, представленной рабочими Национальному собранию 26 мая, — они выразили желание иметь постоянные регламенты для того, чтобы получить возможность договариваться с подрядчиками, основывая свои расчеты на солидных данных. В действительности это было не что иное, как добровольное соглашение, но прежние предприниматели

называют его сговором» [63]. Рабочие подписали вместе с мастерами новую расценку зарплаты, но «спрашивается, могут ли регламенты осуществляться без ущерба для собственников и для законной и умеренной прибыли предпринимателей»? Плотники-рабочие считают, что регламент должен быть санкционирован «всеми сторонами», следовательно, и теми, кого они называют в данном случае собственниками, предпринимателями (подрядчиками) [64].

Из другого документа, представленного Национальному собранию подрядчиками-плотниками[65], 22 мая, мы узнаем, что выступление рабочих-плотников 14—18 апреля заставило их обратиться за помощью к властям; под прямым давлением подрядчиков муниципалитет и издал свой «Avis aux ouvriers» от 26 апреля. Рабочие перестали уважать закон, читаем мы в «Avis», они отвергают благодеяния декрета об отмене таможенных сборов, который, естественно, должен был повлечь за собой падение цен на предметы первой необходимости, а не падение зарплаты. Подрядчики и хозяева, продолжает воззвание муниципалитета, не будут на этом настаивать, но значит ли это, что рабочие должны выставить требования о повышении зарплаты? Власти с помощью рабочих должны охранять свободу труда и свободу сговора, так как равенства способностей не существует, а следовательно, не может быть и речи о равенстве доходов. Любопытно, что Байи, одновременно с воззванием от 26 апреля, в письме к Гувиону, одному из руководителей национальной гвардии, просит принять срочные военные меры для подавления движения стачечников[66].

30 апреля предприниматели обращаются с повторной жалобой в Коммуну. Они утверждают, что рабочие-поденщики, воспользовавшись срочными заказами части подрядчиков, вынудили их пойти на уступки. Допустимо ли, спрашивают они у представителей муниципалитета, чтобы при общем падении цен повышалась зарплата? Это тем более недопустимо, что служит заразительным примером для других ремесел. «Рабочие не должны быть рабами, но коль скоро они выражают желание, вредное для общества, и несправедливую претензию, закон и общественная сила должны заставлять их выполнять свои обязанности» [67]. Предприниматели защищали, таким образом, не только свои материальные интересы, но и свою классовую государственную политику.

Стачечное движение не прекращалось. 4 мая Коммуна обращает внимание на то, что поведение рабочих «удаляет из столицы собственников и богатых граждан, нарушает общественный порядок»[68]. Решено было объявить недействительными постановления рабочих организаций, но их представители («подмастерья-плотники, называющие себя депутатами своих

товарищей», как сказано в протокольной записи совета Коммуны) снова предъявили свои требования муниципалитету [69]. 10—12 мая решено было закрыть помещение архиепископства, закрыть свободные помещения «национального здания Кордельеров», чтобы не допустить дальнейших сборищ рабочих. Однако это решение не привело ни к каким результатам. Как раз в это время в предместьях усиливаются беспорядки на почве затруднений с разменом ассигнатов, и, как мы увидим дальше, власти принимают срочные меры не только против стачечников, но и для разгона рабочих благотворительных мастерских. Власти пытаются обуздать клубы и народные общества. В этих условиях стачки, при всей отсталости рабочей массы, естественно, перерастали в грозное политическое движение.

22 мая предприниматели жалуются Национальному собранию, что стачки разрушают торговлю, что они ослабляют сопротивление французов в их борьбе с иностранной конкуренцией, что рабочие помогают контрреволюционерам. Рабочие в своем ответе собранию подчеркивают, что народные представители, ликвидировавшие сословные привилегии и провозгласившие «Декларацию прав», должны позаботиться «о благополучии класса наиболее обездоленных граждан». «Ведь до сих пор, — утверждают петиционеры, — хозяева по тайному сговору устанавливают зарплату и не принимают на работу непокорных рабочих». Ответ предпринимателей на обращение рабочих не сохранился. Но сохранился ответ рабочих от 2 июня — документ для нас особенно интересный [70]. Его составители снова говорят о произволе небольшой кучки подрядчиков, наживших состояние путем грабежа рабочих. Не забудем, напоминают рабочие, что личное обогащение и нажива крупных состояний противоречат духу революции; свобода требует, чтобы все граждане пользовались теми благами, которые были у них отняты. Плотники настаивают на том, чтобы их сообщество было только кассой взаимопомощи. Они возмущаются тем, что после революции, как и до революции, хозяин может ультимативно им заявить: «Я дам вам столько и столько!» — «Это не свобода, это произвол спекулянтов», — протестуют петиционеры [71].

Мы не станем здесь описывать другие стачки: шляпочников, кузнецов. Эти стачки мало чем отличаются одна от другой. Обратим внимание еще только на полемику между кузнецами-подмастерьями и их хозяевами. Рабочие утверждают, что уничтожение таможенных застав не повлекло за собою падения цен на предметы первой необходимости и что затруднения с разменом ассигнатов, особенно в связи с падением курса, решительно ухудшают их материальное положение. Предприниматели в не-

тиции Национальному собранию от 7 июня не вступают в полемику со своими рабочими, а просто обвиняют их в бунте: они говорят об «общей коалиции» 80 тыс. рабочих столицы, о том, что последние распространяют яд непокорности, бунта в провинции [72]. Подобным же образом газета «Les Annales Patriotiques» изображала экономическое движение рабочих Орлеана в мае 1791 г.; рабочие, по мнению этой газеты, подстрекаемые врагами конституции, выступили толпой против муниципалитета, требуя повышения зарплаты, их пришлось разгонять силой. Утверждают, замечает автор заметки, что в кармане у арестованных рабочих найдены были записки следующего содержания: «Восстаньте и направляйтесь в Париж» [73].

Предприниматели и полицейские агенты сознательно раздували политическую опасность стачечного движения. Но не подлежит сомнению, что бастующие, как это видно из их последних обращений к Национальному собранию, от жалоб переходили к требованиям об осуществлении принципов «Декларации прав» в экономической области, от поисков примирения со своими эксплуататорами — к обвинению богачей в расхищении состояния бедняков. Значение рабочих выступлений в 1791 г. было тем более велико, что это было единодушным актом подмастерьев и «новых мастеров» против подрядчиков. В эпоху мануфактурного производства эта связь с ремесленниками гарантировала движению рабочих наибольшее п о л и т и ч е с к о е значение, создавала для него широкую социальную базу среди наиболее революционно настроенных элементов французской мелкой буржуазии.

5

В прессе, в брошюрах той эпохи мы встречаем отдельные малочисленные отклики и суждения о стачках. Мы выше приводили мнение «Les Annales Patriotiques» — это был голос буржуазии. По существу вопроса высказались только «Révolutions de Paris» Прюдома и «L'Ami du Peuple» Марата. Сопоставив их выводы, мы поймем, что отличает социальную мысль Марата от идей других представителей мелкобуржуазной демократии конца XVIII в.

В газете Прюдома, как раз в том номере, в котором Сильвен Марешаль ведет спор об аграрном законе (об этом дальше), помещено сообщение о конфликте между рабочими-плотниками и «бывшими хозяевами» этой профессии [74]. Излагая ход борьбы, автор заметки решительно выступает на защиту «свободы труда». Мэр и муниципалитет не имеют права устанавливать зарплату рабочих: «Между тем, кто трудится, и тем, кто ему предоставляет работу, третий не имеет права подписывать соглашений против воли договаривающихся сторон». Похвально, если рабочие-плотники имели в виду создать, как они утверждают, кассу взаимопомощи. Однако нелепо, что они в своем сообществе объединяли только граждан определенной профессии, возрождая тем самым дух корпорации. Возрождение старых корпоративных традиций, по мнению автора заметки, проявляет себя еще в том, что по требованию своих организаций рабочие обязаны бросать работу. Во имя братства газета Прюдома предлагает хозяевам повысить зарплату рабочим, позаботиться о неимущих.

12 июня 1791 г. в своей газете Марат поместил письмо от 8 июня 500 рабочих-каменщиков, работающих на постройке церкви св. Женевьевы [75]. Письмо это цитировалось неоднократно ввиду его исключительного интереса. Историк рабочего движения эпохи революции, Е. В. Тарле видит в этом письме рабочих и ответе Марата только «грозную филиппику»; он не придает им особого значения, потому что «через два дня в собрании проходит закон Лешапелье, и он [Марат] решительно ничего не находит сказать об этом» [76]. Ж. Жорес, цитируя, по его словам, «скорбное письмо» рабочих, пишет: «Конечно, человек, который печатает и одобряет письмо рабочих, сочувствуя их горькой жалобе, их резким нападкам на хозяев-строителей, не может быть заподозрен в том, что он щадит классовые интересы буржуазии» [77]. Но дело в том, что, по мнению Жореса и Тарле, Марат не понимал значения стачек, не видел в них начала борьбы «пролетариев и капиталистов», не протестовал против закона Лешапелье как закона, направленного против экономической организации рабочего класса.

Но еще интереснее вывод новейшего исследователя истории рабочего движения 1789—1791 гг. Жаффе: «Мы думаем, что письмо, в котором выражено стремление рабочих к насилию, только памфлет, вышедший из-под пера неистового журналиста, из-под пера самого Марата. Проредактировав письмо, он добыл для него подписи рабочих» [78]. К сожалению, Жаффе недостаточно точно сформулировал свою мысль: неясно, составил ли Марат сам или только проредактировал письмо рабочих. Но если даже допустить эту возможность, то и тогда документ не теряет своего исторического значения: не свидетельствует ли этот документ о том, как Марат понимал и оценивал стачечное движение весны 1791 г.? А так как Жаффе для обоснования своего положения не приводит никаких доказательств, кроме ссылки на свою общую оценку стачек как чисто экономического явления, то письмо 500 рабочих одновременно служит опровержением взглядов Жореса, Тарле и

самого Жаффе, не понимающих политического значения пробуждающегося социального протеста рабочих.

Рабочие обращаются к Другу народа, «дорогому пророку, истинному защитнику класса бедных», с просьбой взять на себя защиту их интересов от притеснений подрядчиков-строителей. Хозяева стремятся лишить рабочих работы даже у тех из мастеров, с которыми они договорились; они обращаются за содействием к властям, чтобы добиться отмены закона, осуждающего их на голодную смерть. Рабочие обвиняют своих хозяев в том, что они накопили огромное состояние за счет труда бедняков, в том, что они вступают в коалицию друг с другом и в то же время требуют ликвидации корпораций тружеников. Они обвиняют хозяев еще и в том, что «эти низкие люди, которые пожирают в праздности все, что добывается рабочими в поте лица, ничем не жертвовали для блага нации в дни 12, 13 и 14 июля, скрываясь в подвалах домов». Более того, воспользовавшись благами революции, богатеи захватили власть в государстве, в муниципалитетах, дистриктах и армии: «Они считают себя наиболее сильными, они хотели бы подчинить нас самому большому гнету, они давят нас без всякой жалости, не испытывая никаких угрызений совести». В письме перечисляются 11 подрядчиков-буржуа, выскочек, составивших себе состояние на выгодных подрядах муниципалитета.

«И вы не поверите, — читаем мы дальше в письме, — до какой степени, утопая в богатствах, они скупы и жадны, как они стараются уменьшить нашу заработную плату в 48 су, установленную администрацией. Они не хотят принять во внимание, что мы имеем работу только шесть месяцев в году, что низводит нашу зарплату до 24 су. На этот жалкий заработок мы должны жить, платить за квартиру, питаться, одеваться и содержать наши семьи, жен и детей. Итак, после того как мы истощили наши силы, служа государству, терпя всякие притеснения со стороны наших хозяев, изнурились плохим питанием и переутомились, нам часто остается только один исход — доживать остаток наших дней в Бисетре, в то время как наши вампиры живут во дворцах, пьют самые дорогие вина, спят на пуховиках, разъезжают в золоченых колясках, среди разнообразных развлечений забывают о наших нуждах, нередко отказывая выплатить семье рабочего, изувеченного или убитого в полдень, заработную плату за первую половину дня» [79]. Но власти были на стороне хозяев, а не рабочих. Недаром еще с 1790 г. строители усердно добивались преимуществ и привилегий у Коммуны; они встретили радушную поддержку городских властей [80].

Сравним это письмо с петицией Национальному собранию от рабочих-плотников, которую мы цитировали выше (особенно

с «Réfutation des ouvriers» от 2 июня). Мы поймем тогда, как экономическая борьба решительно и быстро толкала подмастерьев и ремесленников на путь социально-политического протеста. Письмо в газете Марата политически оформляло этот протест, поскольку в нем речь шла о предпринимателях как о врагах, захвативших власть в государстве и использовавших ее в своих классовых интересах для борьбы с трудящимися массами. Примечание Марата к этому письму, несомненно, умереннее в своих положениях, чем требования рабочих — строителей церкви св. Женевьевы. Выступая на защиту «целого класса столь полезных и вместе с тем столь несчастных людей против богачей, живущих их трудом», он в спокойных тонах отмечает, что «Национальному собранию следовало бы не тратить времени на пустые разглагольствования и вздорные прения», а заняться обсуждением положения рабочего класса [81]. Через два дня был издан закон Лешапелье.

Таким образом, в том случае, если Марат является составителем письма, и в том случае, если это письмо является подлинным протестом рабочих, с которыми Марат выражает свою солидарность, мы имеем здесь дело, бесспорно, с документом огромной исторической важности, со свидетельством о перерастании экономической борьбы в социально-политический протест ремесленного пролетариата конца XVIII в. В этом интерес столь часто цитируемого и столь мало понятого письма 500 рабочих-каменщиков Другу народа.

В своей попытке политически возглавить стачечное движение Марат не был одинок. Историки рассказали нам о попытках сближения со стачечниками республиканцев и прежде всего их главы Робера. Возглавляемый им Центральный комитет «братских обществ», после постановления Коммуны от 4 мая о запрещении рабочих коалиций, протестовал против «акта тирании»: «Запрещать рабочим устанавливать цену на их труд не значит ли заставлять соглашаться на цену, ими не установленную? Если хозяева не обязаны соглашаться на зарплату, предложенную рабочими, почему обязаны рабочие соглашаться на предложения хозяев?». Республиканцы и демократы пытались возглавить забастовочное движение в интересах революционной борьбы. Это и придавало агитации Марата особый вес и привлекало к ней внимание трудящихся Парижа и всей Франции.

6

Для полной ясности нам следует, хотя бы кратко, остановиться еще на вопросе об отношении Марата к рабочим благотворительных мастерских. Когда в конце августа 1790 г.

Национальное собрание решило организовать новые общественные работы, оно исходило из необходимости предоставить работу той массе голодных, которая заполняла столицу и могла стать орудием в руках монархистов или демократов. При этом, согласно декрету 31 августа 1790 г., необходимо было, чтобы содержание безработных за счет государства не стало бременем для торговли и промышленности. Отсюда требование исключительно бдительного контроля и готовность в любой момент подавить выступление рабочих вооруженной силой. Тютей в своем исследовании «Об общественном призрении» собрал достаточно документов для выяснения причин тревоги среди буржуазии, которой сопровождалась благотворительная деятельность Парижской Коммуны с конца 1790 г. по июль 1791 г. [82]

В этом отношении существовало полное единодушие между муниципалитетом столицы и провинцией. Так, муниципалитет Жданэ в связи с присылкой 3 тысяч рабочих для прорытия канала сильно обеспокоен, хотя в его распоряжении имеется достаточно вооруженных сил. Но «смогут ли солдаты добиться полного порядка и тишины?» — спрашивают представители Коммуны [83]. Волнения происходили на работах постоянно при выплате жалования. «Власти предполагали, — читаем мы в докладе Смита о благотворительных мастерских, — что эти работы будут временными, что урожай отвлечет массу нуждающихся в деревню». Но оказалось, что борьба с нищетой — задача более сложная [84]. Нужда была столь значительна, что комитет секции Temple в своем постановлении от 4 мая жаловался на то, что рабочие покидают своих хозяев и уходят на общественные работы [85]. На рабочих смотрели как на толпу паразитов и бандитов. На это жалуются Национальному собранию рабочие некоторых мастерских [86]. Естественно, что муниципальные власти, особенно с весны 1791 г., стремятся разгрузить Париж от опекаемых ими рабочих.

В апреле, однако, только 37 департаментов ответили на запрос о возможности использовать столичных рабочих. В мае число занятых в благотворительных мастерских составляло в Париже 31 тыс. человек. Речь шла теперь не столько о приискании им работы, сколько о том, чтобы вовремя применить полицейскую и вооруженную силу на случай беспорядков. Об этом комитет по борьбе с нищетой запросил Лафайета 6 июня. Но к помощи войск Байи обращался и раньше, как свидетельствует его переписка с Гувионом. Так, 18 мая начальник вооруженных сил, по указанию мэра, запросил директора одной из мануфактур, какова должна быть численность отряда, необходимого для охраны работ [87]. 20 мая Байи предупреждает его, что хотя пока и нет особых оснований бес-

покоиться, но так как среди рабочих в мастерских волнения не прекращаются, а главное, так как волнения эти захватили и мануфактуры, то следует быть на страже [88]. 21 мая он сообщает ему о слухах, будто рабочие хотят напасть на Ратушу. Национальное собрание и парижский муниципалитет спешили с ликвидацией общественных работ, с удалением рабочих из Парижа.

Ларошфуко от имени комитета по борьбе с нищетой дал теоретическое обоснование мероприятиям Байи и Гувиона. В своем «шестом докладе», в январе 1791 г., он доказывал, что интересы торговли и промышленности требуют максимального сокращения общественных работ, он настаивал поэтому на усилении репрессий против всех, кто не желает трудиться. В его системе филантропии тюрьма и рабочий дом должны были дополнять друг друга [89].

В «Седьмом докладе» Ларошфуко так сформулировал свое основное положение: «Не как просвещенные и гуманные люди, а как предусмотрительные политики должны вы рассматривать и решать великий вопрос об общественной благотворительности» [90]. В докладе от 16 июня он расшифровывает свою политическую мысль: речь идет не только о ликвидации общественных работ, но и об уничтожении комитета по борьбе с нищетой. И то и другое было создано Национальным собранием, когда в стране свирепствовал экономический кризис, когда господствовала анархия, а у власти не было сил оказать сопротивление бунтовщикам. Экономический подъем предъявляет спрос на рабочие руки; о недостатке рабочих рук свидетельствует деятельность коалиций с целью насильственного повышения зарплаты. Рабочие решили, что государство обязано содержать безработных. С этой вредной и опасной мыслью следует покончить раз и навсегда, уничтожив государственно-организованную филантропию [91]. Точка зрения Ларошфуко соответствовала общим принципам экономической политики Национального собрания, принципам «свободы труда» в интересах буржуазии. Национальное собрание готово было содержать рабочих на общественных работах, но подальше от Парижа и помимо всякой системы филантропии. Проводя ликвидацию общественных работ как срочную социально-политическую меру, Национальное собрание было особенно обеспокоено тем фактом, что решение о разгоне рабочих пришлось осуществлять в момент серьезнейшего политического кризиса, бегства короля. Надо было спешить, не стесняясь применением вооруженных сил. Хотя декрет о рабочих благотворительных мастерских должен был вступить в силу с 1 июля, фактически он был осуществлен только к концу июля [92]. Расстрел республиканцев на Марсовом поле 17 июля 1791 г.,

как мы увидим дальше, означал одновременно торжество предпринимателей над рабочими.

Как же реагировали рабочие на роспуск благотворительных мастерских? В особой петиции 22 тыс. рабочих мы читаем: «Узнав о декрете, лишающем их последнего источника существования, рабочие явились в Национальное собрание, чтобы отдать вам свои сердца, свои руки, свое умение и просить народных представителей об отсрочке декрета, который приведет их к полному истощению, тем более, что нынешние обстоятельства не представляют никакой другой возможности для сохранения жизни полезных граждан, готовых жертвовать собою во имя спасения отечества». Сохраняя полную покорность, делегация 22 тыс. рабочих объявила Национальному собранию о своем желании принести присягу на верность революции и властям. Но уже в самой присяге мы слышим некоторые новые ноты. Петиция заявляла: «Мы убеждены, что самое дорогое, что мы имеем после нашего существования, — это свобода. Но свобода нужна только живым; и если лучше быть мертвым, чем рабом, то свобода все же пустая иллюзия без жизни; для обладания одним нужно владеть другим» [93]. Петиционеры не сомневаются, что Национальное собрание решило закрыть мастерские «во имя патриотизма», потому что их изображали как центр бандитизма. «Отцы отечества, оставите ли вы нас умирать голодной смертью, нас — ваших детей?»

Не подлежит сомнению, что петиция эта составлялась не одними рабочими благотворительных мастерских, а при участии Центрального объединения «des arts et des métiers», в свою очередь связанную с «Cercle Social» [94].

Рабочие все более и более попадали под влияние крайних политических группировок. Об этом говорит «Pétition des tailleurs de pierres, maçons, poseurs et autres ouvriers», представленная 3 июля Национальному собранию К. Демуленом от имени рабочих, занятых на работах по разрушению Бастилии [95]. Рабочие с негодованием отвергают всякую попытку монархистов вовлечь их в свои сети. И все же в своем последнем обращении к Национальному собранию от 4 июля они пугают народных представителей тем, что неизбежный голод облегчит роялистам агитацию в рабочей среде [96].

Подобные опасения были широко распространены среди демократов 1791 г. Об этом наилучшим образом свидетельствуют статья в газете Прюдома в связи с решением парижского муниципалитета о роспуске рабочих от 25 мая и особенно статья, написанная после издания Национальным собранием декрета 16 июня. Момент для ликвидации мастерских был избран властями самый неподходящий. 12 июня безработные захватили артиллерию в Сент-Антуанском предместье, и отряды национальной гвардии с трудом их разогнали. Демократическая газета категорически отрицает свою солидарность с этим движением рабочих, «которые нарушают законы и компрометируют свободу». Применять, однако, силу для их разгона опасно. Не воспользуются ли этим контрреволюционеры? Только методы убеждения могут спасти несчастных граждан [97].

В исторической литературе вопрос об агитации, которую контрреволюционеры вели среди рабочих, освещен только частично. Агитация ими велась и устно и письменно. Для иллюстрации обратимся к одной редкой брошюре — беседе жителя Сент-Антуанского предместья с жителем предместья Сен-Марсель. Брошюра подписана «Жан, подмастерье-пивовар» [98]. Жану случайно попало в руки «зажигательное» письмо рабочего Сент-Антуанского предместья, призывающее к бунту. Он протестует: «Напрасно рабочие верят Марату и поддерживают его требование прав активных граждан для трудящихся. Нет, правы Тарже, Шапелье, призывающие нас подчиниться декретам Национального собрания. Зачем рабочим права активных граждан?» Жан прекрасно обходится и без этих прав. Возмутительно, что Марат говорит рабочим: «Когда мы будем в силе, мы заставим действовать по-своему». «К черту, будем делать свое дело и останемся спокойными. Это будет лучше всего! И в самом деле, это нас не касается». Брошюра исключительно характерна для выяснения мотивов контрреволюционной агитации среди рабочих; контрреволюционеры пытались отвлечь рабочих от политической борьбы и дискредитировать борьбу тех лиц, которые играли роль политических руководителей рабочей массы. Марат был в то время героем предместий.

В январе 1791 г. монархический клуб попытался раздачей дешевого хлеба привлечь на свою сторону массы; эти попытки продолжались и в последующие месяцы. В феврале газеты писали: «Не проходит почти ни одного дня, чтобы нельзя было отметить их маленьких ухищрений, пускаемых в ход безрезультатно. Стены домов покрыты различными плакатами, которые только и стремятся ввести нас в заблуждение и заставить делать глупости». К сожалению, борьба предместий в январе—мае 1791 г. до сих пор не исследована; это не дает нам возможности установить, в какой мере монархистам удавалось спровоцировать в каждом конкретном случае выступление предместий, в том числе и рабочих, занятых на общественных работах. Отметим только беспорядки в Сент-Антуанском предместье 27 января, о чем сообщил Сантерр якобинскому клубу [99]. Еще 22 января рабочие обратились в Национальное собрание с требованием запретить в стране продажу английских товаров. 24 января в предместьях расклеена была следующая афиша: «Просят рабочих в ближайший понедельник

24 сего месяца быть в сборе, чтобы свершить революцию над английскими товарами. Каретники, столяры, экипажники и пуговичных дел мастера, чулочники, ювелиры, как и рабочие, занятые на работах, приглашаются на Новый рынок, улица Бово».

Газета Прюдома ставит эту афишу в прямую связь с агитацией роялистов. Во всяком случае, движение в предместьях принимало грозные размеры [100]. «Journal de Paris» сообщал в эти дни о баррикадах в народных предместьях, о сражении рабочих с солдатами [101].

7

Одновременно с этими событиями, под прямым влиянием газет «Друг народа» и «Оратор народа», начались самосуды над шпионами Лафайета и Байи, проникшими в национальную гвардию, в народные общества и нашедшими приют в благотворительных мастерских. Нам придется дальше вернуться к этому вопросу в связи с личной судьбой Марата в 1791 г.; здесь обратим внимание на социальную сторону вопроса. Еще в декабре 1790 г. Марат обратил внимание читателей на то, что роялистам и защитникам буржуазной аристократии удается рекрутировать своих сторонников из-за нужды и голода и в среде трудящихся. Первостепенные политические интересы настоятельно требуют поэтому от защитников революции борьбы с нищетой. Национальное собрание, захватив земли духовенства, ничего не сделало для облегчения нуждающихся; все средства уходят на содержание короля и дорогостоящей бюрократии. Но имеет ли король право обедать, когда беднякам не хватает хлеба, спрашивает Марат. Он призывает предместья явиться вооруженными в Национальное собрание, потребовать вспомоществования за счет фонда национальных имуществ: последние с бóльшим основанием принадлежат народу, чем паразитам. Предместья должны приступить к немедленному разделу земли, к разделу богатств тех, кто морит тружеников голодом. Одновременно Марат предлагает конкретные меры борьбы со шпионами. Меры эти не отличались мягкостью, они были в духе XVIII в., еще не порвавшего с феодализмом, но политическая необходимость этих мер для чистки демократических организаций от шпионов была очевидна. Народ предместий последовал советам Марата и, как об этом свидетельствует Байи, в январе «чинили суд и расправу прежде всего над слугами Лафайета, затесавшимися в батальон победителей Бастилии» [102].

Эту двойственную роль парижских рабочих и бедноты, которые нередко становились жертвой роялистского влияния, но благодаря революционно-политической агитации постепенно все более и более решительно втягивались в орбиту

радикально-демократического движения, мы можем проследить еще на некоторых мало обследованных эпизодах 1791 г. Мы оставляем в стороне, например, дело La Chapelle — вооруженное столкновение жителей предместий с отрядами национальной гвардии в связи с требованиями об уничтожении застав, дело, на которое горячо откликнулись рабочее население Парижа и Марат в своей газете [103]. Отметим только выступление Сент-Антуанского предместья в связи с разрушением Венсенского замка и, наконец, отношение рабочих парижских предместий к смерти Мирабо.

Слухи о работах по восстановлению новой тюрьмы в Венсенском замке широко распространились в Париже к концу февраля [104]. В секциях говорили о «новой Бастилии». 25 февраля клуб Кордельеров обратился к якобинцам с предложением послать экспедицию для выяснения дела. Байи в своем письме Пасторе, департаментскому генерал-прокурору, 27 февраля указывал, что это дело рук рабочих благотворительных мастерских [105]. 28 февраля Коммуна отдала распоряжение об аресте зачинщиков, но движение не было приостановлено. В «Протоколе о событиях в Венсене», изданном по распоряжению венсенского муниципалитета, мы читаем категорическое утверждение, что главная масса бунтовщиков состояла из рабочих общественных мастерских, вооруженных молотками и кирками [106]. Об этом говорит Феррьер в своих мемуарах, утверждая, что поход в Венсен был делом агентов герцога Орлеанского и якобинского клуба: «Народ поднялся на призыв; многочисленные банды рабочих и агентов анархии выступили из предместий» [107]. Характерно, что и это движение современники связывали с деятельностью Марата.

«Journal des clubes» утверждал, что анархия и бунты в Париже — дело рук Марата, «потому что с давнего времени Марат управлял ими. Марат — предатель, осмелившийся профанировать свободу, он подлый агент отвратительнейшей аристократии, Марат, который стремится пролить кровь лучших граждан [108]. . .». Характерно, однако, что Друг народа отнюдь не солидаризировался с упомянутым выше движением. Он в многочисленных статьях отмечал, что здесь дело не обошлось без провокации шпионов Лафайета. Марат готов был взять под подозрение и Сантерра, руководителя батальона национальной гвардии, выступившего на охрану граждан, отправившихся в Венсен. «Эмиссары Мотье, — писал Марат, — спровоцировали выступление рабочих, а потом сами их расстреливали». Они поносили «доктрину Друга народа, доктрину, которая неоднократно спасала Францию» [109].

Смерть Мирабо не встретила единодушного отклика в населении. Если якобинский клуб в своем вечернем заседании

3 апреля в речах Барнава, Дюбуа-Крансе и Дантона поминал великого мужа, то клуб Кордельеров в специальном адресе (изданном, правда, не от имени клуба, а в качестве речи одного из его ораторов) отмечал «падение идола» — защитника законов Национального собрания о всевластии короля, о марке серебра, дела Нанси, военного закона и т. д. [110] Парижские рабочие в своей массе также откликнулись на смерть Мирабо. Каменщики, сапожники, рабочие благотворительных мастерских св. Маргариты, разрушавшие Бастилию, строители церкви св. Женевьевы, мастерских секции Гобелен, мастерских на Монмартре — все они спешили испросить у властей разрешение для торжественных поминок; они собирали деньги «на алтарь отечества». Это были в своей массе те самые рабочие, о которых Мирабо, автор прокламации Национального собрания от 2 марта в связи с бегством тетки короля, писал: «Обратите внимание также на то, что подстрекатели смут наносят вред больше беднякам, чем богатым, потому что если общественный порядок нарушен, каждый боится за свое будущее, ограничивает свои расходы и бросает работы. Благодаря беспорядкам бедняков богатые эмигрируют, и нищета растет. Революцию начал Париж, но революция должна закончиться подчинением закону» [111].

Позиция Марата в отношении рабочих определялась в это время всецело их активностью и участием в революционной борьбе. Под этим углом зрения он рассматривал и их экономическую борьбу. Марат считал, что его деятельность направлена на работу по политическому воспитанию неимущих масс и в том числе рабочих. Политическая и революционная целеустремленность Марата заставляла его весьма осторожно и критически относиться к той голодной толпе рабочих благотворительных мастерских, которые могли стать добычей агентов контрреволюции. Роль Мирабо как слуги королевской власти Марату стала ясной уже после событий 5—6 октября. Поэтому в оценке политического значения его личности он расходился с очень многими даже среди демократов.

В блестящей статье «Oraison funèbre de Riquetti» он издевается над теми, кто надел траур по «народному герою» [112]. *Мирабо — отец всего реакционного законодательства* Национального собрания со дня падения Бастилии. Друг народа противопоставляет этого идола подлинно великим людям: епископу марсельскому, отдавшему свою жизнь заботам о бедняках, Сюлли, восстановившему финансы государства, Вилле, оказавшему сопротивление безумному деспотизму Людовика XIV, Монтескье, который доставил славу человечеству своими добродетелями и своей мудростью, — «тем, кто просветил отечество своими знаниями и гением». А вместо

этого французы чтят Декарта, Вольтера — плагиатора и честолюбивого эгоиста [113]. Служить отечеству значит жертвовать ему своей жизнью, своим имуществом. Не тот, кто обогащается за счет национальной индустрии, не тот, кто отличился в захватнической войне с иноземцами, не тот, кто разбогател благодаря литературному гонорару, а те, кто служат делу освобождения обездоленных и угнетенных, достойны славы. Таков идеал народного трибуна XVIII в. в его борьбе с деспотизмом старого порядка и хищничеством новой буржуазии.

Нам очевиден теперь смысл переписки между Маратом и подмастерьями-сапожниками в конце мая 1791 г. об их участии в поминках по Мирабо. Подмастерье-сапожник Миллан обратился к Марату за советом. 18 мая его товарищи на многолюдном собрании спокойно выслушивали сообщение о доблестях Рикетти, как вдруг один из присутствующих заявил, что Друг народа обвинял Мирабо во многих преступлениях. Что им в таком случае делать с собранными 900 ливрами? Муниципалитет Парижа разрешил рабочим собраться 20 мая, но без барабана и музыки. Воспользуется ли муниципалитет этим обстоятельством *для объявления военного закона? Сапожники-подмастерья* ждут ответа [114]. Марат спешит с ответом: «Вам нечего бояться отцов города, — пишет он, — им доставит только удовольствие, что граждане сапожники поминают Мирабо; я ставлю сто против одного, что они пришлют к вам шпионов, которые будут кричать: «Да здравствуют Байи и Мотье!»» Друг народа разъясняет рабочим политический смысл деятельности Мирабо: «Ему вы обязаны тем, что вас ни во что не ставят в королевстве, благодаря ему вас лишили прав активных граждан, благодаря ему был объявлен военный закон для того, чтобы подавлять вас террором, вас и всех обездоленных, чтобы уничтожать вас каждый раз, когда вы соберетесь, чтобы воздать кому-либо должное или не допустить, чтобы вас угнетали. Используйте собранные деньги на содержание бедных семей, чьи отцы сидят в тюрьмах» [115].

Эту же роль политического воспитателя Марат выполнял и в отношении рабочих благотворительных мастерских. 4 апреля наш журналист отмечает, что за последнее время, с конца 1790 г., властями усиленно разрабатывается проект «об удушении народа с помощью народа». Огромные толпы нищих не без попустительства властей направляются в столицу. Они заполняют мастерские, общественные работы; агенты муниципалитета производят среди них отбор, изгоняют нежелательных кандидатов, вербуют среди рабочих шпиков и провоцируют беспорядки [116]. Это было весьма односторонним суждением о политическом настроении всей массы рабочих

благотворительных мастерских. 10 апреля Марат напечатал в своей газете ответ одного из них: «Вы забыли, — напоминает ему его корреспондент, — что Вы Друг народа, защитник бедноты». [117] Рабочие, по его словам, согласились взяться за каторжный труд потому, что их обрек на это хозяйственный кризис, порожденный революцией. Большинство рабочих на общественных работах, — по его словам, честные люди; передовые и просвещенные граждане в их среде сами изгоняют слуг и наймитов аристократии. Анонимный корреспондент, ссылаясь на героев-патриотов античного мира, сообщает Марату именной список шпионов, агентов Байи [118]. В ответ Марат пишет своему корреспонденту, что он не имел в виду рабочих-патриотов. «В этом вопросе между нами полная солидарность», — замечает Марат. Он просит сообщить об этом всем рабочим, чтобы призвать их на защиту революции против ее врагов[119]. Об этом же шла речь в его переписке с рабочими благотворительных мастерских в конце мая в связи с решением вопроса о ликвидации общественных работ [120]. Марат отчетливо разграничивал патриотов-рабочих от тех, кто попал под влияние аристократов, и стремился всеми силами политически просветить их для борьбы с предпринимателями и представителями государственной власти.

8

Рост социальных противоречий по-новому поставил вопрос о «народе». Публицисты, представители различных классов, каждый по-своему расшифровывали этот термин. В «Le Postillon pour Calais» мы читаем о буржуазии: «Под словом буржуа мы понимаем весь класс людей, которые живут плодами рук своих или трудом своих отцов от доходов полезной торговли и искусства, и, наконец, тех, кто имеет какой-либо доход, за исключением тех, кто живет наемным трудом, и класса благородных» [121]. Буржуазия — авангард нации, «истинный страж собственности и личности, верная опора конституции».

В «Révolutions de Paris», в статье «Des bourgeois de Paris et autres», мы находим другое толкование этого понятия. Буржуа — это филистеры, граждане, помышляющие прежде всего о своем покое и сторонящиеся революционных бурь. Буржуа — не демократы, а монархисты по своим инстинктам; как бараны, они верят только в авторитет вожака. Но следует твердо разграничивать буржуазию petite (мелкую), haute (высшую) и bonne (патриотическую). Под второй группой газета Прюдома понимает буржуазную аристократию. Это та среда, в которой старый порядок рекрутировал своих слуг; третья группа — это почтенные граждане, занятые торговлей, индустрией. Среди них появились Вольтер, Гельвеций, Бюффон и др. Мелкая буржуазия состоит из лавочников, предпринимателей небольших мастерских, состоятельных ремесленников, низшего духовенства. Это они спасли революцию; они составляют ее опору и гордость [122]. В полном соответствии с этим газета Прюдома в статье «Что такое народ?» решительно противопоставляет народу чернь [123].

В газетах того времени мы нередко встречаем рассуждения о «пролетариях». Речь в этом случае идет о пассивных гражданах, а еще чаще о «черни» больших городов [124]. Мы неоднократно обращали внимание на то, как Марат представляет себе классовую дифференциацию. Мы помним, как при оценке дела Нанси, критикуя национальную гвардию, он характеризовал не только буржуазную аристократию, класс наряду с привилегированными сословиями особенно ему ненавистный, но и мелкую буржуазию, героя газеты Прюдома. В 1791 г. Друг народа уточняет свои взгляды. Мы найдем в них весьма много близкого рассуждениям Прюдома, но и нечто от этих взглядов отличное. Отвечая своему корреспонденту, чьи жалобы на произвол чиновников, избранных активными гражданами, привлекли его внимание, Марат писал: «Не ждите ничего от людей богатых и ни в чем не нуждающихся. . . Из старых рабов нельзя сделать свободных граждан. Только земледельцы, мелкие торговцы, ремесленники и рабочие, поденщики и пролетарии, как их называют наглые богачи, могут составить свободный народ. Только они ненавидят угнетение и всегда готовы свергнуть его» [125]. В этих словах мы находим исчерпывающий ответ на вопрос о социальной базе маратизма: Марат опирался в своей деятельности на городскую и деревенскую мелкую буржуазию, на крестьянство и пролетариев Франции конца XVIII в. Отсюда его глубочайшая ненависть не только к старому порядку, но и к буржуазной аристократии, не только к старым, но и к новым господам, отсюда острота его революционных идей и их специфическая отсталость, столь характерная для кануна машинного производства. Марат был идеологом «трудящихся масс», французской плебейской демократии XVIII в.; его задача сводилась к их политическому воспитанию и руководству ими в революционной борьбе.

«После взятия Бастилии, — писал Марат в цитированной выше статье, — первая задача укрепления свободы состоит в том, чтобы наложить руку на все писания, враждебные революции». Необходимо очистить аппарат государственной власти, помочь беднякам; 500 человек, погибших в июле 1789 г., спасли бы Францию в свое время от 20 тыс. жертв революции.

Социальные и политические требования в агитации Марата, как мы выше неоднократно отмечали, тесно переплетены друг с другом. Это наилучшим образом можно подтвердить анализом его статей в защиту права коллективных петиций и упорной пропаганды идеи братских ассоциаций. Только в этом он видел возможность организовать массы для революционной борьбы. Подобную политическую цель он ставил и чисто экономическим организациям ремесленников и подмастерьев. В этом исключительный интерес выступлений Марата и его протеста против закона Лешапелье. До сих пор единственный известный нам протест против закона Лешапелье был совершенно неправильно интерпретирован в исторической литературе как чисто политический акт, подобно тому, как закон 14 июня о рабочих коалициях историки готовы рассматривать как исключительно экономический акт буржуазной аристократии. Но это значит извратить всю картину классовой борьбы 1791 г. Бегство короля в Варенн, в конце концов, было только эпизодом этой борьбы.

Послушаем, что пишет Марат 14 мая о праве коллективных петиций: «Свобода петиций есть великое право; законодатель может признать это право, но не может его ни ограничить, ни изменить. Петиционировать — это значит протестовать против злоупотреблений, это значит требовать справедливости против гнета, добиваться осуществления полезных обществу или индивидууму мероприятий. Утверждать, что это право индивидуально, что оно не может быть перепоручено, это значит высказать сразу сотни глупостей, это значит утверждать, что общества рабочих, артистов, ученых, торговцев и т. д. не могут иметь своих особых задач в той или другой отрасли индустрии, никаких общих интересов для защиты, отрицать необходимость исправления общей беды» [126]. Более того, отрицать право коллективных петиций и право коалиций граждан соответственно их интересам, значит лишать их необходимого орудия в политической борьбе со злоупотреблениями и насилием государства. Декрет Национального собрания против петиций покушается одновременно на священное право секций собираться и на их право решать вопросы общественного блага. Выступая на защиту коллективного права петиций, Марат в то же время защищает право коалиций для охраны общих интересов трудового народа во имя демократии. Только у Марата мы находим это сочетание борьбы за коллективные петиции с вопросом о руководстве революционным движением демократии.

Политический смысл начавшейся борьбы вскрыли «правые». Еще 16 февраля Марат сообщает в своей газете содержание

нескольких реакционных брошюр, требовавших «прекращения влияния толпы на общественные дела»: Национальное собрание должно, наконец, предоставить силу полицейским властям для выполнения законов, заявляли они. Порядок нарушается прежде всего в мастерских, на улицах, площадях, в 10 тыс. клубов и секций. Спасти страну значит уничтожить эти очаги анархии [127]. Буржуазное большинство Национального собрания было более умеренно, но в основном между ним и правой фракцией не было разногласий. 9 мая Лешапелье от имени комитета конституции доказывал, что следует строго разграничивать la plainte (жалоба) и la pétition (петиция). Допуская индивидуальные жалобы, он категорически отклонял коллективные петиции. Сообщество и клубы докладчик рассматривал только как сумму отдельных граждан. Отрицая за ними право выступать как организованное целое, Лешапелье считал недопустимым, что граждане отдельных секций могли собираться и решать общественные дела помимо муниципальных чиновников [128]. Из рук революционного народа власть переходила, таким образом, к тем, чья задача — не представлять, а подавлять народ. Лешапелье решительно противопоставляет индивидуальное право праву ассоциации.

Ребеспьер блестяще опроверг софизмы докладчика конституционного комитета, но отнюдь не во имя ассоциативного принципа. Право петиций — единственный способ защиты пассивных граждан от угнетения со стороны представителей легальной страны. «Всякое существо, коллективное или индивидуум, могущее иметь желание, имеет право его выразить». Основное требование — чтобы петиция была подана законным путем, на основе закона, признанного обществом. Робеспьер свою мысль сформулировал еще и таким образом: «Вместо того, чтобы утверждать, что право петиций — индивидуальное право, необходимо признать, что оно принадлежит всем гражданам без различия». При аплодисментах трибун Робеспьер подчеркнул, что речь идет не о политическом праве граждан, а о праве каждого человека, т. е. не только активных, но и пассивных граждан. Признавая коллективное право петиций, он отнюдь не связывал его с принципом ассоциаций; он защищал право «всех граждан». Таково было мнение всей прессы. Только Марат рассматривает вопрос, как правильно замечают составители «Histoire Parlementaire», под социальным углом зрения, «защищая принцип политической и экономической ассоциации угнетенных и обездоленных» [129]. В этом свете мы оценим несколько иначе, чем это было принято до сих пор, борьбу вокруг закона Лешапелье. Уже К. Маркс показал нам, что закон 14 июня не следует рассматривать, как чисто экономическое мероприятие. «Рабочая коалиция, признанная пося-

гательством на права человека, — утверждали буржуазные законодатели, — становится изменой, государственным преступлением». Всякое соглашение между рабочими для защиты своих интересов каралось по закону Лешапелье штрафом в 500 ливров и лишением гражданских прав на год.

Дебаты вокруг закона 14 июня хорошо известны; мы обратим внимание только на один-два пункта. Лешапелье, требуя запрещения рабочих коалиций, направил свой удар против новых и старых объединений и соглашений, против компаньяжей De Devoirs, Du Renard, а также против союзов плотников, типографов и т. д. Докладчик утверждал, что есть основания предполагать, будто все эти сообщества находятся в переписке с провинцией и что они озабочены не столько повышением зарплаты, сколько подготовкой волнений и бунтов.

Консервативно настроенное большинство Национального собрания готово было пойти на любые меры для подавления рабочих союзов; оно встретило протестом заявление Лешапелье о необходимости несколько повысить голодную зарплату. Сам докладчик настаивал на немедленном принятии декрета. Характерно, что чтение декрета о рабочих коалициях сопровождалось криками «правой»: «А клубы?» Но закрыть клубы было пока опасно, полицейские преследования демократических ассоциаций увенчались успехом только после 17 июля.

Закон 14 июня не произвел заметного впечатления на современников. Он был заключительным аккордом всего законодательства, направленного на подавление народных организаций. Суждение о законе мы встречаем только в «Друге народа», в номере от 18 июня, спустя несколько дней после того как Марат напечатал известное нам обращение 500 рабочих [130]. Марат анализирует декрет Лешапелье в связи с общим вопросом об ассоциациях. Враги народа захватили власть в государстве, они теперь всеми силами стремятся изолировать граждан, разогнать народные собрания, подчинить секции муниципалитету и его агентам. Главный удар душители революции направляют против братских обществ. Не осмеливаясь уничтожить их, они решили пока отнять у ассоциаций право петиций. Наконец, чтобы не допустить многолюдных народных собраний, которых они так опасаются, они «отняли у бесчисленного класса батраков и рабочих право собираться для свободного обсуждения своих интересов под предлогом, что эти собрания могут привести к восстановлению уничтоженных цехов». «Они желают только изолировать граждан и помешать им сообща заниматься общественными делами» [131]. Марат призывает народ к борьбе с Национальным собранием, лишившим его гражданских прав.

Характерно, что как раз то, что делает исторически значительной оценку Маратом закона Лешапелье, — это попытка связать этот акт Национального собрания со всей социально-политической деятельностью буржуазной аристократии, его попытка рассмотреть декрет 14 июня как частный случай преследований народных ассоциаций, его стремление видеть в борьбе за экономические интересы рабочих часть политической борьбы классов — все это оценивается в исторической литературе как полное непонимание Маратом значения закона 14 июня.

«Марат рассматривает закон только с политической точки зрения», — утверждает Жорес. С ним солидарны Е. Тарле, Каффе и другие историки. Но даже из приведенной цитаты из статьи Марата от 18 июня явствует, что у Марата речь идет об установлении политического смысла закона, лишающего рабочих права сообща обсуждать и решать вопрос о своих «экономических интересах». Напомним только снова приведенное выше суждение Марата в статье от 14 мая о коалициях рабочих и торговцев, имеющих свои интересы в различных областях индустрии и т. д. Марат в своей оценке закона 14 июня вместе с тем достаточно отчетливо отметил лицемерие буржуа, которые при запрещении рабочих коалиций апеллировали к опасности восстановления цехов.

Не подлежит сомнению, что с точки зрения экономиста XIX в. защита рабочих коалиций Маратом наивна и даже реакционна. Она не может удовлетворить ни либерала-фритредера, ни защитника пролетарских интересов. Передовые идеи переплетены у него с отсталыми взглядами ремесленного пролетариата конца XVIII в.; в этом сочетании — их историческое своеобразие. Задача историка — вскрыть это своеобразие во всей его конкретности, сопоставить социально-экономические и политические взгляды Марата со взглядами его современников.

9

В связи с этим следует заняться выяснением социальных идеалов Марата. Вернемся несколько назад. Демократические элементы опасались скопления рабочих в благотворительных мастерских. Не подлежало сомнению, что защитники правительства и даже контрреволюционеры попытаются воспользоваться нуждой, чтобы завербовать в среде рабочих нужных им агентов. Но если мастерские будут распущены, как прокормить многотысячную массу нуждающихся? Вопросы «права на труд» стали в порядок дня революции. Здесь не место давать подробный анализ самой постановки этого вопроса; ограничимся несколькими краткими замечаниями. Для комитета Ларошфуко вопрос разрешался просто: рабочих не-

достаточно сравнительно с требованиями предпринимателей; спрос на рабочие руки естественным путем уничтожит безработицу [132]. Но демократы, относящиеся скептически или категорически отрицавшие этот оптимизм буржуа-победителей, были серьезно озабочены вопросом о безработице. Тем не менее известные нам проекты сводились только к новым предложениям тех же общественных работ, организуемых парижским муниципалитетом или комитетами национального собрания. Так после издания декрета о ликвидации благотворительных мастерских особым постановлением от 29 июня властями решено было приступить к новым работам по прорытию канала в Пасси, разрушению ворот St.-Renard, исправлению дорог и т. п. [133] Но это по существу своему мало отличалось от предложений филантропов из центрального объединения des Arts et Métiers, которые требовали от Национального собрания на собрании представителей братских обществ 28 июня 1791 г. организации работ по улучшению судоходности рек или прорытия канала St.-Maur; к этим предложениям присоединился клуб Кордельеров [134].

Но послушаем журналистов из «Révolutions de Paris». В апреле 1791 г. из статьи «О благотворительных мастерских» мы узнаем о необходимости срочной ликвидации этих мастерских. В мастерских толпа несчастных подвержена всем порокам, порожденным ленью, а лень порождает рабство. Дело не может быть исправлено лучшей организацией общественных работ. Работы эти дают лишь временную помощь беднякам, а в случае кризиса поднимут бедняков на восстание против собственности во имя хлеба. Как избежать этого ужасного несчастья? Средства спасения очевидны: безработные должны быть использованы для осушки болот и обработки пустующих земель. При этом труд этих новых колонов будет оплачиваться не деньгами, а землей. Во Франции мы имеем от 3 до 4 млн. нищих, а необработанной земли во всяком случае достаточно, чтобы доставить средства существования 8 млн. человек. Пусть правительство направит безработных из Парижа в провинцию, даст им для обработки указанные земли, снабдит их инвентарем и средствами для постройки жилищ, и вопрос о нищете будет наилучшим образом разрешен. Одновременно в городе следует создать для бедняков сберегательные и благотворительные кассы [135]. Мы, конечно, помним, что одновременно газета Прюдома отрицательно отнеслась к деятельности рабочих ассоциаций, навязывающих предпринимателям свои условия труда. В начале апреля газета заинтересовалась спором между рабочими суконной мануфактуры Реморантена и фабрикантами [136]. Муниципалитет выступил на защиту рабочих, и газета глубочайшим образом возмущена этим грубым проявлением деспотизма.

Но в первом и во втором случае для газеты Прюдома речь шла о реформе, о мирном разрешении вопроса «только орудием разума». «Достаточно одного слова Национального собрания, чтобы уничтожить нищету . . ., чтобы превратить нищих в земледельцев», — убеждала газета своих читателей [137].

Вопрос этот интересовал и Марата, который пытается разрешить социально-экономические проблемы в связи со всей своей общей системой революционных взглядов и политических требований. Ж. Жорес дает следующую характеристику революционным взглядам Марата: «Да простится этому человеку хоть часть его злостного ненавистничества за его полные сострадания и гнева слова, резко раздававшиеся на заре революции, полной таинственности и неизвестности» [138]. Революционные взгляды Марата, по мнению Жореса, только проявление его «ненавистничества». Социалист Ж. Жорес повторяет здесь, как мы видим, мнение своих весьма реакционных предшественников. Но, анализируя социальные взгляды Марата вне всякой связи со всем тем, что в 1790—1791 гг. писали и говорили его современники, он закрывает для себя всякую возможность что-либо понять и в социальных проектах Друга народа.

Еще в марте 1791 г., т. е. почти в самом начале кампании за окончательную ликвидацию благотворительных мастерских, Марат ставит вопрос о судьбе бедняков рабочих, «которые составляют наиболее здоровую, наиболее полезную часть народа и без которых общество не могло бы просуществовать и дня; тех ценных граждан, которые несут все бремя государственных повинностей и которые не пользуются ни одним из своих преимуществ; тех обездоленных, которые с презрением видят, как мошенник жиреет за счет их труда, и которых безжалостно выталкивает на улицу подрядчик, пьющий их кровь из золотых чаш; тех несчастных, которые трудятся, живут в нищете и голодают среди роскоши и безделья своих угнетателей, сильных мира сего. Бог войны, если я когда-нибудь пожелаю завладеть на время твоим мечом, то только для того, чтобы восстановить в их интересах священные отечественные права, попранные земными владыками и безжалостно и бесстыдно нарушенные самими нашими законодателями» [139].

Если в вышеприведенных словах Марата можно усмотреть «шумиху фраз», о которой говорит Жорес, то это была общая болезнь революционных мелких буржуа XVIII в., которая перешла по наследству и ко многим блестящим историкам и ораторам конца XIX в. Не забудем, однако, что Марат обращается к рабочим в самый разгар революционной борьбы; это объясняет нам прокламационный стиль всех его писаний.

Что же предлагает Марат? Его проект построен в основном на предложении филантропа Димону, отвергнутом комитетами

Национального собрания. Осуществление проекта гарантирует труд по крайней мере тысяче граждан, поможет уничтожить нищету и будет способствовать падению цен на хлеб до 7—8 су за 4 фунта, т. е. даст народу 10 млн. сжегодной экономии. Речь идет о прорытии канала Сен-Мор, который пройдет вдоль Венсенского леса в горной породе, составляющей основание этой возвышенности. Этот проект был подобен проектам общественных работ, о которых мы говорили выше. Но в чем его отличие? Он не только должен доставить работу безработным, он должен освободить часть старого русла реки от навигации и тем самым помочь организации на протяжении этой дуги 50 различных заведений: мукомольных, хмелевых мельниц, различного рода бумажных фабрик и заводов для выделки металлической проволоки, т. е. созданию новой отрасли индустрии и массового производства тех товаров, которые до сих пор ввозились во Францию из-за границы.

Предложения проекта идут еще дальше: Венсенский замок, «это жилище скорби и отчаяния», будет превращен в «запасный магазин» (Granier d'abondance), где бедняки всегда найдут для себя жизненные припасы по доступной цене. Этот магазин будет находится под контролем муниципальных и, конечно, демократически избранных властей. Марату при этом важно подчеркнуть, что таким образом парижане освободятся от монополии перекупщиков хлеба. Где же взять средства для этого грандиозного предприятия? Необходимые средства будут даны малоимущими классами. Образуется капитал из 80 тыс. акций по 75 ливров каждая, возможно с рассрочкой на год, со взносом по 6 ливров 5 су в месяц. Через три года каждый взнос даст 5% дохода; доход этот будет возрастать с расширением предприятия и за смертью отдельных акционеров. Через некоторый промежуток времени обладатели акций станут владельцами капитала в несколько сот тысяч ливров, который затем, в случае смерти акционера, перейдет по наследству в пользу нации. Рабочие на всех этих предприятиях получат свою долю акций и вполне достаточную зарплату. Основной капитал предприятия, поскольку оно не преследует предпринимательских целей, будет ограничен 6 млн. ливров. Так спасены будут 80 тыс. бедняков и найдено будет средство для борьбы с нищетой. Марат добавляет еще, что проект этот представляет особые преимущества для Парижа, так как гарантирует его превращение в мануфактурный центр, представляющий продукты своего производства в обмен на предметы первой необходимости [140].

Мы не будем здесь излагать, как Марат оценивал поведение комитетов сельского хозяйства и нищеты, отклонивших этот декрет; в этом случае, как и в бесчисленном множестве других,

он доверяет дело реформы только народному правительству, вышедшему из победоносного всеобщего восстания. Вот почему для защиты своего социального проекта Марат обращается за помощью к демократическим секциям Парижа, призывая их на борьбу с предателями — депутатами из Национального собрания и Коммуны.

Проект Марата — типичный продукт экономических отношений Франции конца XVIII в. Только окончательное торжество машины могло гарантировать во второй половине XIX в. победу научно обоснованной, передовой теории пролетарской революции и общественного переворота. Но в свете социальной мысли своего времени проект Марата представляет безусловный интерес. Прежде всего вспомним, что его проекты 1790 г. о «муниципальных и национальных мануфактурах» в помещениях конфискованных монастырей не противоречат его взглядам в статьях весны 1791 г., а как бы дополняют их. Эта система взглядов недостаточно ясна, не сведена воедино, не разработана в деталях, но тем не менее она характерно отлична от общераспространенных филантропических проектов общественных работ и того цитированного нами выше проекта наделения землею безработных, который изложен был на страницах «Révolutions de Paris».

Интерес представляет и то обстоятельство, что в одном замечательном документе 1791 г., в котором дана развернутая и до конца продуманная программа «аграрного закона» (мы имеем в виду письмо Г. Бабефа аббату Купэ), вопрос об организации городской промышленности изложен в следующих выражениях: «Совершенно неверно, будто неизбежным последствием нового общественного строя является исчезновение искусств; напротив, совершенно очевидно, что не все же население сможет заниматься земледелием, что каждый отдельный человек тогда, как и теперь, не будет в состоянии собственными силами производить все необходимые для него машины, что мы по-прежнему не перестанем поддерживать между собой постоянный обмен услуг и что за исключением того обстоятельства, что каждая личность будет владеть неотчуждаемым достоянием, которое во всякое время и при всех условиях доставит ей основной источник существования и решительно обеспечит ее от нужды, все остальные условия развития человеческой предприимчивости останутся такими же, как в настоящее время» [141].

В этих словах Г. Бабеф сформулировал ту основную мысль социального реформатора. что падение общественного строя, построенного на собственности, не только не приведет к падению производительности труда, но будет способствовать его гиганскому подъему. Однако каков будет новый строй промышлен-

ных предприятий, как будет организован промышленный труд по Бабефу, мы не знаем; об этом письмо аббату Купэ ничего не говорит. Действительно, можно ли считать ответом утверждение, что «условия развития человеческой предприимчивости останутся в будущем такими же, как и в настоящее время?» Это утверждение характерно для XVIII в., для эпохи мануфактурного производства.

Проект Марата прежде всего решительно отвергает категорическое утверждение Ж. Жореса, что Друг народа не понимал значения крупных мануфактур, новой формы промышленности, что он был только защитником отсталого цехового производства. Сторонник ассоциаций, Марат предполагаемые им крупные предприятия представляет себе как «рабочие ассоциации», поддержанные демократическим государством. Из текста проекта неясно, берут ли на себя владельцы акций руководство теми предприятиями, которые будут построены вдоль реки, или только производство работ по прорытию канала. И если «общественные магазины продовольствия» будут находиться под наблюдением муниципальных и департаментских властей, то кто будет владеть фабриками и мельницами? Отметим только, что капиталы акционеров переходят после их смерти, согласно предложению Марата, в руки нации. Конечно, эти проекты ничего общего не имеют с научным социализмом XIX в. В них, однако, есть одна особенность, которую следует учесть при общем суждении о социальных взглядах Марата: уничтожение нищеты возможно, по его мнению, только после победоносной народной революции. Эта мысль была чужда тем сторонникам рабочих ассоциаций XIX в., которые даже социальную революцию трудящихся понимали как систему мирно проведенных социальных реформ.

Нельзя забывать, в какой среде жил и действовал Марат. В проектах Марата нет законченной социальной системы. Возможно, что он развил ее в книге «Школа гражданина», которую он готовил. Мы этого не знаем; перед нами разрозненные высказывания, которые не должны быть нами превращены в законченную и продуманную систему.

Правительственные комитеты спешили с ликвидацией мастерских; проект Марата не был подхвачен секциями. Революционное восстание было делом будущего, но Марата не перестает интересовать вопрос о том, как разрешить проблему безработицы, особенно грозную после роспуска благотворительных мастерских. 27 мая он печатает проект, составленный неким Брюлле, в изложении Бакона, выборщика парижского департамента. Последний, опираясь на предложение Марата от 29 марта, предлагает ему организовать акционерное общество по прорытию нового канала. Участником предприятия должен быть парижский муниципалитет, приобретающий акции частями по 12—15 тыс. ливров; рабочие должны быть подчинены суровой дисциплине. Это была спекулятивно-капиталистическая пародия на маратовский социальный проект. Не вникая в детали плана, Марат напечатал его в своей газете, обращая и на сей раз внимание своих читателей на то, что осуществление его может быть лишь делом революции [142]. Через несколько дней, 5 июня, он спешит опубликовать письмо своего корреспондента, который разоблачает мошенника Бакона. Марат в примечании к письму утверждает, что он не рекомендовал проекта Брюлле, он печатал его лишь для разоблачения контрреволюционных поползновений организаторов общественных работ. Как бы то ни было, эта ошибка Марата отнюдь не аннулирует исторического значения проекта, в котором мы находим набросок его социальной программы. Характерно, однако, как Ж. Жорес распределяет «свет и тени» при изложении этого вопроса: он ставит в центре внимания статью от 27 мая и весьма мало внимания уделяет статье от 28 марта 1791 г.

10

После июльских дней 1791 г., в разгар белого террора, Марат, доказывая неизбежность обострения классовой борьбы и дальнейшего углубления революции, гражданской войны, выступил со своим проектом аграрной реформы. 5 сентября в газете «Друг народа» появилась статья с изложением нового проекта уничтожения нищеты. В этой статье Марат конкретизировал свои высказывания о земельной реформе, суммировал замечания, рассеянные в многочисленных статьях его газеты [143]. Вспомним: в 1789—1790 гг. Марат, подобно Бабефу, С. Марешалю и даже Лустало, угрожал победителям-буржуа восстанием бедняков во имя «аграрного закона». Как стоял вопрос в публицистике 1791 г., недостаточно изучено. Но имеющийся в нашем распоряжении материал свидетельствует о дальнейшей политической эволюции социальных реформаторов из «Cercle Sociale».

Фоше все более и более сближался с якобинцами. Вступая в мае 1791 г. в якобинский клуб, он достаточно отчетливо изложил свое «Profession de foi sociale» в следующей формуле: «Обеспечение всем членам общества необходимых средств, достаточных для жизни, пропорционального достатка труду и индустрии, изобилия продуктивному труду и превосходно организованной промышленности» [144]. Это было только дальнейшим развитием его знаменитого ответа Клоотцу в 1790 г. «Нет, мой дорогой космополит, нет, не «аграрный закон», как

он существовал у древних, или так, как вы его себе представляете, — предмет наших желаний, наших надежд. Мы не создадим социального порядка на всеобщем беспорядке и не укрепим мир всего мира на войне человеческого рода: мы не безрассудны, мы не поджигатели». Фоше заверяет Клоотца что в его распоряжении сотни различных средств для осуществления своего идеала, но все это мирные средства; они освободят граждан от рабства богатых, не переместив собственности, находящейся в настоящее время в руках ее обладателей [145]. Проповедник «революционного евангелия» пытался ничтожными социальными уступками массам укрепить существующий общественный строй буржуазной аристократии. По существу к этому сводилась республиканская пропаганда Бонневилля, требовавшего раздела крупных наследственных земельных владений [146]. Так представляли себе «аграрный закон» в 1791 г. социальные мыслители из «Cercle Sociale».

Не следует с ними смешивать сторонников «аграрного закона» из среды демократов. Судить об их взглядах мы можем на основании двух дискуссий: между анонимом, автором брошюры «О собственности или защите дела бедняка перед судом разума и справедливости» [147] и Ламбером, между «Révolutions de Paris» и «Mèrcure de France». Особенно интересна вторая дискуссия, которую вели С. Марешаль и Лагарп [148]. Исходным утверждением для Марешаля является убеждение, что революция 14 июля совершена бедняками, но не в их интересах. Положение бедняков не изменилось и при новой правительственной форме. Необходима радикальная реформа, необходимо, чтобы пали преграды между богачом и бедняком. Но как это сделать? Пусть тот, кто имеет много, поделится с тем, кто имеет мало: «Богатые, добровольно согласитесь на «аграрный закон»». Новый земельный кадастр наделит всех маленькими, но равными участками земли, и нищета исчезнет. Для осуществления своего проекта автор статьи апеллирует прежде всего к разуму того «подлинного народа», который находится между богачами и бедняками и единственно способен играть роль примирителя. Законодатели напрасно будут стараться укрепить свободу, если предварительно они не сделают всех нуждающихся граждан собственниками. Как мы помним, об этом же шла речь в «Révolutions de Paris», в проекте о наделении землей рабочих благотворительных мастерских. Государство сможет легко провести эту реформу, если оно начнет работы по осушке и обработке негодных земель.

Это положение было несколько позже конкретизировано в любопытном «Projet d'institution rurale», весьма редко, если мы не ошибаемся, упоминаемом историками [149]. Революция

становится неизбежной в той стране, в которой анархия достигла предела, а народ живет в рабстве; в подобной революции следует стремиться к осуществлению не частичного, а полного идеала. Этот идеал общественного устройства — равновесие между абсолютным равенством и крайним неравенством; задача мудрого законодателя — примирить эти два противоречивых начала. Иначе говоря, необходимо примирить два принципа: право собственности неотъемлемое и право собственности приобретенное, т. е. обладание вещами. Последнее право должно быть гарантировано всеми членами общества, а это предполагает взаимность гарантий. Но «взаимность гарантий» означает, что все члены общества владеют собственностью; оно повлечет за собой исчезновение пропасти между богатыми и нищими. Словом, социальный проект газеты Прюдома сводится к превращению бедняков в собственников. В этом для авторов проекта смысл «аграрного закона». В первом разделе проекта (§ 9) предполагается для реализации закона максимальное дробление крупных земельных владений между всеми, кто нуждается в собственности. Мы не будем анализировать проект детально; сказанного достаточно, чтобы уяснить себе характер той «социальной революции», которую предлагали утописты в 1790—1791 гг.

В дискуссии с Лагарпом С. Марешаль в мае 1791 г. настойчиво подчеркивал, что его задача сводится к успокоению бедняков, к применению средств убеждения в отношении богатых. Но Лагарп возражал, приписывая реформаторам, будто они считали, что «необходимо, чтобы народ имел достаточно сил, чтобы заставить своих господ подчиняться издаваемым им законам». В этом смысл всякой революции, которая является войной между теми, кто ничего не имеет, и теми, кто владеет кое-чем, «войной между угнетенными и угнетателями» [150]. Но прав ли Лагарп, утверждая, что неизбежна новая кровавая революция для осуществления «аграрного закона»? «Нет, — категорически утверждает С. Марешаль, — величайшая из революций, сближение угнетателей и угнетенных, богатых и бедных произойдет мирным путем; мы решительно отклоняем обвинение нас в попытках зажечь пламя новой жакерии» [151].

Гораздо дальше ушел в своих проектах Г. Бабеф в цитированном выше письме аббату Купэ. Письмо это, как и выступление Марата со своей программой аграрной реформы, относится к сентябрю 1791 г. Исходный пункт утверждений Бабефа дан в следующих словах: «Вы можете сколько угодно ломать скипетры королей, основывать республики, постоянно произносить святое слово Равенство, и тем не менее всегда вы будете гнаться за призраками и ничего не добьетесь». Эти слова отнюдь

не означают безразличия в вопросах политической борьбы. Бабеф — убежденный сторонник демократии. «Первобытное равенство, общий интерес, общая воля, декретирующая законы, и общая сила, образующая народный суверенитет», — исходный пункт его рассуждений. Торжество демократии означает для него торжество его социального идеала. Учредительное собрание — нелепость, поскольку оно лишает народ права прямого участия в законодательстве; тем самым народ будет лишен возможности установить «аграрный закон», осуществляющий фактическое равенство. Народное вето обеспечит в кратчайший срок осуществление этого равенства. «Аграрный закон» для Бабефа — «составная часть «Декларации прав человека и гражданина», потому что этот закон обеспечит всякому человеку кусок честного хлеба».

Г. Бабеф высказывается против филантропии и жалких мероприятий комитета Ларошфуко. Основная задача законодателя — уравнение землевладения и наделение огромной массы обездоленных граждан, лишенных средств существования, достаточными участками земли. Бабеф отрицает, что в будущем новые монополии смогут лишить французов их равных участков земли. Но Г. Бабеф в сентябре 1791 г. отказывается открыто говорить о своих взглядах. «Значит ли это, — спрашивает он, — что спаситель мира должен объявиться совершенно открыто и выступить с определенным манифестом? Конечно, нет!..» Он предлагает аббату Купэ «политике противопоставить политику» и замаскировать свои мероприятия так, чтобы никто не мог заметить, к какой цели они ведут. Вера в демократию у Бабефа столь сильна, что он Петиона и Робеспьера готов причислить к скрытым сторонникам «аграрного закона» [152].

Мы слишком мало знаем пока о подлинной народной истории революции конца XVIII в., чтобы установить роль и значение каждого из мыслителей в той все более и более обостряющейся классовой войне, которая началась с 1789 г. Мы не думаем отождествлять взгляды Марата со взглядами С. Марешаля и Бабефа, так же как нет оснований отождествлять Марата со всеми демократами 1791 г. Напомним только читателю, что писал Марат о демократических задачах революции в июне—июле этого года. Подобно Бабефу, Марат весьма невысоко ставил идеал республики, поскольку она не совпадала с демократией, и, что еще существеннее, эту демократию он связывал с переворотом во всей системе общественных отношений, в правах и представлениях людей. Созрела ли Франция для осуществления этого идеала?

После 17 июля Другу народа стало очевидно, что революция достигла высшей стадии своего развития — гражданской войны. Об ее неизбежности, о необходимости народу готовиться ко всеобщему восстанию он, как мы увидим дальше, немало писал в июле—сентябре 1791 г. Этой проповедью гражданской войны он резко отличается от всех «аграрианцев», скрытых и открытых, которые, подобно С. Марешалю в газете Прюдома, настаивали на мирном сближении бедных и богатых, угнетенных и угнетателей.

Но был ли Марат сторонником «аграрного закона»? Судить об этом можно не только по его статье от 5 сентября 1791 г., но и на основании всей суммы его высказываний в годы революции. Мы выше неоднократно отмечали попытку Марата в первые два года «свободы» использовать этот лозунг как аргумент и угрозу в политической борьбе. В 1791 г. преобладающим мотивом его аграрной пропаганды было требование возврата народу земель духовенства и национальных имуществ. Эти земли стали предметом спекуляции и наживы богачей и правительства; народ должен вернуть себе свое достояние. В этом — смысл статьи Марата от 18 апреля, статьи о расхищении национальных земель. Речь идет о спекуляции национальными землями на родине Бабефа, в Пикардии. Ассигнаты благодаря своему обесценению способствуют этой спекуляции. К этому вопросу Марат возвращается неоднократно, требуя, чтобы национальные имущества были использованы для спасения государства и прежде всего для уничтожения нищеты. Как осуществить это практически, он рассматривает в вышеназванной статье от 5 сентября 1791 г. [153]

Марат в своем проекте аграрной реформы в основном солидаризируется с брошюрой Рене Жирардена. Сельское хозяйство только тогда сможет гарантировать труженику необходимые ему средства существования, когда исчезнет чересполосица и земледелец на своем укрупненном участке земли будет применять необходимые технические усовершенствования. Марат предлагает гражданам следовать в этом случае английскому образцу, где достигнуты огромные успехи в сельском хозяйстве за последние полвека. Но французскому государству в интересах всеобщего счастья придется преодолеть немало предрассудков. Защищая общие интересы, государство должно будет прежде всего гарантировать гражданам взаимную охрану прав собственности. Для реализации этого права следует, подобно тому как это делается в Англии, ограничить произвол отдельных собственников в отношении их земельных владений и установить обязательный обмен земельными участками для округления этих владений. Весь вопрос, однако, в том, как эти мероприятия, служившие в Англии интересам крупных фермеров, смогут во Франции облегчить положение бедняков.

Задача сводится, таким образом, к тому, чтобы добиться справедливого равновесия между ценой хлеба, интересами государственной торговли, интересами собственников и пропитанием рабочих. Решение этого вопроса связано у Марата с выяснением вопроса о том, что более способствует процветанию государства — промышленность или сельское хозяйство. Падение цен на товары связано с повышением цен на хлеб, потому что оно вызывает рост потребностей городского населения. Свобода циркуляции хлеба понизит его цену только тогда, когда государство будет специально заботиться о том, чтобы беднякам был гарантирован необходимый минимум средств существования. Держать хлебные цены на низком уровне важно еще и потому, что только таким путем удастся стимулировать развитие промышленности. Но эту же политику понижения цен диктует нам забота о рабочих и бедняках. Дороговизна хлеба может повлечь за собой безработицу, потому что зарплата зависит от спроса на труд тех, кто пользуется трудом рабочих. Вот почему, утверждает Марат, для освобождения из рабства необходимо прежде всего уничтожить диспропорцию между сельским хозяйством и промышленной деятельностью как основную причину нищеты; необходимо распределение крупных земельных владений между максимальным числом собственников.

Чересполосица, как и огромные земельные владения, одинаково мешают поднятию сельскохозяйственной культуры. Наделяя всех нуждающихся и в первую очередь массу поденщиков землей, мы освобождаем их от тирании собственников, которые диктуют цены на предметы первой необходимости. Увеличение числа земельных собственников увеличит предложение хлеба на городском рынке, а тем самым облегчит положение городских бедняков. Вместе с тем эта мудрая реформа уничтожит основное противоречие хозяйственной жизни: она превратит всякого земледельца в собственника земли, она превратит в собственников земли всю массу нуждающихся. Так естественно произойдет сближение «естественного и гражданского порядка», а главное, уничтожена будет земельная монополия.

В заключение Марат рисует нам картину счастливой Франции, где процветает земледелие, где собственники земли применяют наиболее усовершенствованные способы ее обработки, где на пастбищах гуляют многочисленные стада, а крестьяне в своих жилищах благословляют великую демократию. Нельзя, однако, забывать, что, подобно С. Марешалю, Марат убежден, что с осуществлением его земельного проекта в деревне отнюдь не исчезнут земельные собственники, но исчезнет нищета.

Не подлежит сомнению, что аграрный проект Марата представляет собой одну из разновидностей типичных для того времени проектов «аграрного закона», вернее проектов передела земли и превращения всей массы нуждающихся в «равных» земельных собственников. Проект Марата отличается, однако, двумя особенностями: попыткой перенести опыт английского капиталистического земледелия во Францию и убеждением, что идеал этот будет осуществлен в упорной, кровавой гражданской войне, которая обеспечит торжество демократии. Тем яснее выступают наружу утопические черты проекта Марата, его половинчатость и внутренняя противоречивость. «Аграрный закон» Бабефа был по сравнению с идеями Марата законченной и продуманной социальной утопией. Марат в своих рассуждениях не шел по существу дальше разработки проекта аграрных реформ, осуществленных назавтра после победы народа; Г. Бабеф мечтал о «новом обществе», где на основе «аграрного закона» воцарится «фактическое равенство».

II

Политическая история 1791 г. изучена достаточно подробно. Правда, она преимущественно представлена как парламентская история; король все еще стоит в центре событий, хотя бегство в Варенн — лишь эпизод социальной борьбы «третьего года свободы». Мы не стремимся дать политической истории 1791 г.; наша задача более скромна. Мы хотим понять позицию Марата, его роль в этих событиях; нам предстоит пристальней присмотреться к его учению о революции в 1791 г., к его попыткам политически осознать и воспитать народные массы, идущие в бой за демократию. Невольно следуя за десятилетиями установившейся традицией, мы вынуждены обратить внимание на «пророческий дар» Марата. О нем писали Мишле и Л. Блан, биографы-апологеты и Ж. Жорес, об этом твердят буржуа-историки и по сей день. Все, кто не хочет изучить теоретическую и практическую деятельность Марата, повторяют (в случае, если мы имеем дело с его доброжелателями), что Друг народа—изумительнейший «практик» революции, прекрасно уловивший революционный «инстинкт» народных масс.

Ж. Жорес пишет: «Сила Марата, его пророческие способности заключались именно в том, что он не отвергал народных сообщений, несмотря на их фантастическую оболочку, которая часто заключала истину». Совсем в духе Мишле гениальный оратор говорит о «неслыханной силе великих революций, которая заставляет биться столько сердец, открывает и настораживает столько ушей и глаз, что для них нет тайн и они кажутся одаренными сверхчеловеческой проницательностью» [154]

Но за этой «мистической» силой революционного предвидения пророков революции мы находим нечто более реальное, то, что свидетельствует об осознании в «анархических» действиях революционной стихии, то, что связано с анализом классовых сил политической борьбы в годы революции. «Пророческий гений» Марата поэтому неизмеримо выше многих и многих его современников. Последние признали за ним это и прозвали его Другом народа.

«Сколько раз, — писал ему один из его корреспондентов, — вскрывали вы заговоры наших врагов; можно было бы составить десятки трактатов из ваших мудрых советов, а ваши пророчества, оправданные ходом событий, могут составить по крайней мере целый том». Досадно, что Ж. Жоресу осталось неизвестным суждение самого Марата по этому поводу: «Дорогие товарищи, меня считают пророком, но я такой же пророк, как и вы. Я знаю только людей, которых, вы, по-видимому, не желаете разглядеть. Я знаю различные комбинации всех элементов политической машины, чью игру вы, как кажется, не собираетесь основательно изучить. Заметив, что механизм тронут, я спрашиваю себя в ту же минуту, чья рука повинна в этом, сделано ли это невольно неумелой рукой или повинен шарлатан, желающий повредить машину» [155]. «Пророческий дар» Марата сводится к политическим знаниям, к утверждению, что политика это наука, — взгляд, который он столь упорно проповедовал.

Накануне бурных событий 1791 г. Марат говорит парижанам: «Смелость, смелость, мои дорогие сограждане... Если вы останетесь на страже революции, если у вас хватит решимости, революция обойдется вам лишь в несколько лет волнений. Она обошлась англичанам в 25 регулярных сражений, 500 тысяч погибших на полях сражений, 60 лет нищеты и анархии, и они считают, что свобода стоит этого» [156]. Дар революционного предвидения состоял в том, что для Марата революция была не парламентским заседанием, а жесточайшей кровавой войной, которая прежде всего требует от ее участников и особенно руководителей отказа от всяческих иллюзий и прежде всего от «конституционных иллюзий» легальной борьбы. Исходным пунктом его рассуждений в 1791 г. служило убеждение, что попытка короля к бегству должна будет послужить для народа поводом к восстанию; революционный народ наложит тогда свою железную руку на предателей: Национальное собрание, генеральный штаб, муниципалитет, департаментские власти, монархический клуб, на секции богачей и слуг короля, наконец на многочисленные кадры их слуг. «Единственный принцип, который должен тогда регулировать ваше поведение, это тот, что в момент борьбы нет ничего

более священного под солнцем, чем le salut du peuple». Сила Марата, его величие было в том, что он сделал все логические выводы из этого широко распространенного в XVIII в. положения. В этом никто из современников не превзошел Марата. Его «пророческий дар» был не проявлением «революционной истерии», а трезвым учетом борющихся сил в каждый данный момент революционной борьбы.

1791 год принес с собой гигантский рост народных клубов и братских обществ. Опираясь на эти общества, усилил свое влияние клуб Кордельеров. Мы знаем, что одно из первых известных нам «братских обществ» было основано 2 февраля 1790 г. бедным учителем Клодом Дансаром. В первые месяцы 1791 г. оформился раскол между «братскими обществами» чисто просветительного типа и ассоциациями революционной борьбы, мысль о которых, как мы знаем, восходит к статьям Марата еще в октябре—декабре 1789 г. О расколе говорит письмо одного из корреспондентов Марата от 11 января за подписью «один из ваших братьев по патриотизму». Дансар в этом письме назван «усыпителем народа, производящим много шуму из-за пустяков». Он помешал настоятельным требованиям патриотов вывесить портрет Марата в помещении клуба [157]. Свои взгляды на задачи «патриотических обществ» Марат снова сформулировал 16 января 1791 г. [158]. «Среди массы болтливых ассоциаций столицы, — пишет он, — нет ни одного сообщества, которое действительно служило бы революции». Марат предлагает патриотам создать «общество мстителей закона». Его задача — защита дела патриотов; оно должно поэтому состоять исключительно из граждан, преданных революции: «пусть число их будет невелико, но зато они должны быть хорошо подобраны». Марат предлагает Робеспьеру, Ревбелю и Дюбуа-Крансе взять на себя инициативу организации подобной ассоциации. Подбор членов должен быть строгим, поэтому заранее из него исключаются пенсионеры короля, академики, благородные, финансисты, спекулянты, судейские, штабные и муниципальные чиновники. Марат готов ограничить число членов своего «клуба» до 25 человек. Это будет своего рода трибунал, чинящий суд и расправу над врагами народа. «Мстители закона» будут издавать свою газету и руководить народными массами. Марат остался, как мы видим, верным задачам народных братств, которые он наметил еще в 1789 г. в своем проекте «патриотического братства».

В ближайшие месяцы он снова и снова возвращается к этой мысли и предлагает клубам реорганизоваться и довести число своих членов до 80—100 верных патриотов, чтобы превратиться из «говорилен» в действующие организации [159]. В феврале, снова обсуждая проект общества «мстителей закона», он ввиду

отказа «трусов Дюбуа-Крансе и Ревбеля взять на себя инициативу» предлагает гражданам секции Mon Conseil и клубу Кордельеров присоединиться к его предложению [160]. Что сделал Марат практически для осуществления своей идеи, мы не знаем. Марат писал в ответ тем, кто его обвинял в бездействии: «Те, кто думает, что Друг народа ограничивается службой отечеству лишь как публицист, не знают, что он все время практически действует для его спасения» [161]. Отсутствие документов для изучения внутренней истории дистриктов и секций не дает нам возможности восстановить эту практическую деятельность Марата. Но не подлежит сомнению, что он не напрасно заслужил звание «отца братских обществ».

Присмотримся ближе к его рассуждениям о задачах этих обществ. Для Марата не подлежит сомнению, что «источник всех зол, которые губят нас, — это наше крайнее невежество в политике; невежество, неизбежное у народа, как мы, который 15 столетий страдал под ужасным гнетом деспотизма и который ныне разрывает свои цепи» [162].

Бедняки — вот кто единственно хочет и может спасти революцию, их прежде всего хотят приручить враги народа, убеждая бедняков в необходимости сохранять порядок, пугая их анархией. Подчинение неимущих политическому руководству богачей в отдельных секциях привлекает пристальное внимание Марата. К этим секциям он причисляет округ des Enfants Rouges и St.-Gervais, где заправляют мелкие перекупщики, спекулянты, секции des Feillans и Henri IV, населенные торговцами и ремесленниками, изготовляющими предметы роскоши, секции Notre Dame и Bibliothèque du Roi, где власть в руках олигархии, спекулянтов, банкиров и паразитов ренты. Все эти секции действуют сообща, а народ не организован. В секциях бедняков болтают, вместо того чтобы разрабатывать план всеобщего восстания. Неужели народ не видит, что гражданская война стала неизбежной, что для победы восставшим необходимо захватить оружие и уничтожить врага? Для выполнения этой задачи, для подготовки народа к восстанию, Марат и предлагает патриотам организовать общество «мстителей закона».

Весной 1791 г. Марат активно сотрудничал в газете Фрерона «Оратор народа». В одном из номеров этой газеты он поместил письмо своего корреспондента; последний от имени братских обществ секции Mon Conseil заверяет его, что «братские общества в секциях, чьим отцом вы являетесь, растут с каждым днем, граждане там просвещаются, выясняют свои интересы, права и обязанности». Марат в ответном обращении поясняет им те преимущества, которые имеют эти «братства патриотов» по сравнению с собранием народа в секциях. В малочисленных обществах, состоящих из лучших патриотов, не существует тех разногласий, которые мешают секциям действовать. Патриотические общества не знают фракций, в единстве их сила, «они постоянная школа просвещения для всех граждан» [163]. Последнюю мысль Марат особо подчеркивает: только клеветники смеют утверждать, что братские общества узурпируют права народного суверенитета, что они выполняют гражданские и политические функции органов государства. «Их единственная цель, — читаем мы в статье «Размышления Друга народа», — просвещать разум, распространять знания и патриотизм, соединять граждан для того, чтобы они сообща выполняли задачи надзора, который они должны выполнять каждый в отдельности, в единении оказывать более решительное сопротивление насилию для уничтожения угнетателей и тирании» [164]. В этом отношении братства патриотов должны обладать правом не только обсуждать, но и решать, действовать, уничтожать. Народ излишне долго терпел. После 14 июля тюрьмы полны восставшими в Пуату, в Анжу, в Лантедоке, смелыми горожанами, солдатами-патриотами. Безнаказанными остались пока только враги народа. Они захватили государственную власть и мешают осуществлению полного равенства.

Из всех декретов Национального собрания народ-победитель сможет сохранить только «Декларацию прав», законы о ликвидации привилегий и прав духовенства, особенно закон о конфискации их земель. Все остальное после победы народа следует отменить, потому что законы до сих пор направлены на усиление мощи королевской власти и власти богачей. «С каждым днем, — пишет Марат, я чувствую все большую и большую необходимость в обществе мстителей закона; я опечален тем, что оно все еще не организовано; оно единственно неизбежная, а вскоре и единственно могучая угроза для всех вероломных граждан» [165]. Но организация этого братства ему не удалась, как об этом свидетельствует его статья от 2 июня, когда он предложил наиболее видным представителям парижской демократии новый проект боевой кассы помощи жертвам тирании [166].

Почему Марат не смог осуществить свой проект, мы не знаем, но идея, брошенная им, дала свои плоды. В мае происходит сближение всех братских обществ, в том числе братств плотников и подмастерьев-каменщиков, с клубом Кордельеров. Создан был Центральный комитет, первые заседания которого происходили 7 и 10 мая в помещении клуба Кордельеров. Эта организация и должна была взять на себя руководство революционным движением [167].

Контрреволюционные поползновения короля и привилегированных, монархические симпатии буржуазной аристократии усилились уже с осени 1790 г., когда распродажа национальных земель, подъем торговли и промышленности, угроза освободительного движения в колониях заставляли опасаться новых крестьянских восстаний, рабочих стачек и продовольственных бунтов. Монархическая власть стала охранительной силой, опорой собственников. В это время в рядах демократов усиливается влияние республиканских идей. «Вопрос состоял не в том, — пишет А. Матьез, — как думали раньше, кто победит: монархия или республика? Спор шел между народной демократией и новой буржуазной аристократией». Лафайет так характеризует этот спор в своих мемуарах: боролись между собой «политические республиканцы» и «республиканцы-анархисты». В число последних он включал всех, кто выступал против существующей власти короля и Национального собрания. Однако Кондорсе и Бриссо, Робеспьер и Робер, Марат и Фрерон по-разному понимали демократию, а главное, пути, ведущие к ее осуществлению. Спор между ними шел о социальном содержании республики и демократии, они разно относились к парламентскому и революционному путям осуществления своего идеала. Нам кажется, что в этом вопросе мы находим то, что дает нам опорную точку для выяснения политической физиономии отдельных группировок среди республиканцев и демократов. Их число росло изо дня в день, после 20 июня 1791 г. они стали преобладать во многих парижских секциях [168].

Социальный мир и политические реформы — таков был путь республиканцев из «Cercle Social». Нам пришлось писать об этом выше, в связи с анализом социальных проектов Фоше и Бонневиля в 1790 г. Таково было мнение Робера, автора брошюры «Le Républicanisme adapté à la France» (декабрь 1790 г.), одного из первых, провозгласивших требования республики [169]. Для Робера очевидно, что «короли созрели» (слова Фоше в феврале 1791 г.) и что общественное мнение Франции вряд ли поддержит их, прежде всего потому, что ныне в органах власти «батрак сидит рядом с дворянином» [170]. Демократия примиряет враждебные классы, создает равенство, эту необходимую предпосылку республики. «Я желаю, — продолжает Робер, — чтобы мое отечество стало республикой, но я не кровожаден, я не поджигатель, потому что я страстно хочу, чтобы моя мечта свершилась не с помощью силы, не с помощью насилия, свергающего с трона того, кто занимает его в эту счастливую эпоху. Я хочу, чтобы все это свершилось благодаря конституционному закону. Так же, как народ сказал Людовику XVI: «Займи

его», он скажет Людовику XVII или XVIII: «Сойди с него, потому что мы не хотим короля» [171]. Так осуществится республика, господство всех.

Мы увидим, как позже, после бегства короля в Варенн, в ходе классовой борьбы 1791 г., изменилась самая постановка вопроса республиканцами, но нам важно подчеркнуть, что даже крайние сторонники республики и демократии представляли себе уничтожение монархии как м и р н ы й п е р е в о р о т. Здесь резкое отличие между Робером и маратистами. Последние (Марат, Фрерон и др.) отнюдь не были принципиальными врагами монархии, но, как убежденные сторонники демократии, считали возможным ее осуществление только в результате кровавой революции, гражданской войны и даже диктатуры. Об этом Марат писал еще в октябре и ноябре 1790 г., когда на основании уроков Нанси говорил народу о произволе королевского деспотизма. Эти особенности республиканской агитации Марата мы проследим на протяжении всей его деятельности с конца 1790 г. по осень 1791 г.

Роялисты пытались воспользоваться именем Марата для своей агитации. В лжемаратовском памфлете «Lettre de Marat au Roi ou L'ami du Peuple au Père du Peuple» автор обращается к Людовику XVI с призывом: «Суди меня по делам моим! Не являюсь ли я твоим другом, как и другом народа?» [172]. Широко распространенное среди французов убеждение о политической необходимости монархии отнюдь не было тождественно в конце XVIII в. с роялизмом. Учение о народном суверенитете рассматривало обязанности короля как выполнение под строгим контролем определенной политической функции. Опыт революции убедил, правда, демократов, что сохранить короля на троне значит сохранить «законом покровительствуемый заговор против свободы». И тогда они подвергли пересмотру учение XVIII в. о монархии как наилучшей политической форме правления для Франции.

В этом — смысл антимонархических выступлений газеты «L'Ami du Peuple» еще в октябре-ноябре 1790 г. Благодаря успеху философских идей, утверждает Марат, Франция может обходиться без монархии; жесточайшая ошибка предполагать, что народ не может ее уничтожить, что он в ней нуждается в настоящее время. Неспособный король обычно передает свои функции министрам, монархия превращается в олигархию [173]. Нужна ли народу, в чьей стране царствует свобода, народу, отказавшемуся от завоеваний, нужна ли демократии подобная олигархия? Ту же идею он упорно проводит в статье от 12 ноября 1790 г., предлагая будущему собранию отказаться от монархии в случае, если народу не удастся окончательно установить строгие границы для королевской власти. Эти колебания ха-

рактерны для Марата, который не был принципиальным республиканцем. Вопрос о монархии им был решен тогда, когда он постепенно и все больше и больше убеждался в сговоре Людовика XVI с европейской коалицией, когда ему стало очевидным, что король «враг общественной свободы и подлый заговорщик». К такому выводу Марат пришел в конце 1790 г., если судить по его «Адресу» королю [174].

Отныне он бдительно следит за поведением короля и его приближенных. Еще в декабре 1790 г., задолго до бегства короля, Марат заявлял о том, что король возглавляет бунт духовенства. Он предупреждает парижан о подготовке бегства короля в Мец, под охраной войск Буйе [175]. Эту задачу глава карательной экспедиции в Нанси поставил себе, как мы видим из его мемуаров, тотчас после подавления солдатских бунтов. Заблаговременно Марат сообщил и о предполагавшейся эмиграции теток короля [176]. Он требовал их ареста во имя революции. «Враги народа объявляют нам войну, — писал он, — а мы остаемся спокойными. . . Между нами и контрреволюционерами война». Может ли Марат в таких условиях защищать монархию? «В глазах просвещенного патриота, — пишет он 20 января 1791 г., — мысль о короле-патриоте — такая же химера, как мысль о добродетельном негодяе» [177].

Призывая к бдительному контролю над двором, он требует от граждан тщательной подготовки неминуемого всеобщего восстания. Границы должны быть закрыты. При первом выстреле на границах враги внутри страны должны быть схвачены и арестованы, а их имущество конфисковано. Победивший народ позаботится прежде всего об очистке армии, государственного аппарата и суда от агентов контрреволюции. Но Марат вместе с тем отклоняет идею республики, прежде всего потому, что с людьми старого режима республики не создашь: «федеративная республика неизбежно выродится в олигархию» [178]. Это был весьма распространенный аргумент в эпоху демократов.

21 марта 1791 г. один из корреспондентов Марата предупреждает его о скопище эмигрантов у границ; эмигранты при поддержке двух полков гусар и немецких наемников собираются увезти короля. Марат спешит предать гласности это сообщение и снова призвать народ к бдительности. Он обращает внимание парижан на ту медлительность, с которой Национальное собрание принимает меры против заговорщиков и против короля — их главы. Национальное собрание не имеет права издавать законы о той или иной личности, оно должно интересоваться судьбой целых классов граждан — земледельцев, торговцев, рабочих, чиновников — и королевской властью; указанные классы представляют собою не личную, а общественную силу [179].

Это особенно верно в условиях революционного кризиса, когда речь идет о «высшем законе спасения народа». Вот почему, как только король попытается бежать, он должен быть объявлен вне закона, его имущество должно быть конфисковано. Это касается и всех земельных собственников, которые до определенного срока не вернутся во Францию. Марат настаивает: «Они объявляют нам войну, мы будем их рассматривать как врагов общества».

Говоря о заговоре королевской власти, он считает, что Национальное собрание и парижский муниципалитет повинны в попустительстве. Имел ли он основание для подобных обвинений? Мы убедимся в этом позже. Отметим здесь только те факты, которые дают основание Марату в марте 1791 г. настаивать на этом обвинении. 20 марта он обращает внимание парижан на благодарственные молебны, устроенные мэром по поводу «расстройства желудка» у короля — результат, по-видимому, того, что у него на глазах потрепали черную банду заговорщиков, — и на полное безразличие Национального собрания к мерам контроля над королевской сворой [180]. 26 марта он сообщает гражданам из достоверного источника о том, что болезнь Людовика XVI — измышление, что она дает ему возможность в тайне своей опочивальни вести секретные переговоры со своими слугами о бегстве [181]. 28 марта он бьет в набат по поводу того, что «двор, министры, сенаторы, генералы, штаб и муниципалитет провоцируют преждевременное восстание народа в момент, когда 80-тысячная неприятельская армия стоит у границ; национальная гвардия департаментом разоружается, а королевская армия готовит бегство в Сен-Клу. . .» [182].

Ж. Жорес убедительно показал нам, что «фантастические утверждения» Марата совпадали с показаниями графа Ферзена от 27 марта и 1 апреля: в конце марта решение о бегстве было окончательно принято королем. Марат снова ставит вопрос о судьбе французской монархии: «Не само учреждение, а то, как оно выполняет свои задачи, делает его священным» [183]. Спор идет не о философском осуждении или оправдании монархии, а о судьбах революции: торжество реакции означает разгул белого террора для патриотов, потерю того, что приобретено в революции. Национальное собрание своими действиями укрепляет королевскую власть и тем самым несет ответственность за ее заговоры. В порядке дня стоит вопрос о новом революционном восстании; вопрос о короле будет решен только в результате торжества демократии.

В этой связи, обсуждая вопрос о проекте организации национальной гвардии, представленном Рабо-Сент-Этьеном от имени конституционного комитета, Марат заявляет: «Народу безраз-

лично, в конце концов, кто его угнетает — Бурбоны, Брауншвейги или Иосиф лотарингский. Народ в тысячу раз менее угнетен в Константинополе и Венеции, чем в Копенгагене, Стокгольме, Вене, Мадриде, Париже. Пусть солдат-патриот запомнит: лучше отдать свою душу за свободу, чем дать упасть одному волоску с головы за монарха, самый добродетельный из которых ничего не стоит» [184].

И когда король 18 апреля 1791 г. пытался бежать в Сен-Клу, Лафайет и Байи, как во время бегства теток короля, употребили все силы, чтобы прежде всего усмирить толпу. Известно, что в феврале на секретных совещаниях властей обсуждался вопрос о применении военного закона против преступных сборищ. Вот почему как раз в это время Марат и начинает новую бешеную атаку против Лафайета, Байи и Национального собрания. Франция, пишет он, у порога гражданской войны, и не подлежит никакому сомнению, что король — шеф банды конспираторов, банды, состоящей из министров, куртизан двора, дворян и священников, судейских, офицеров, финансистов, агентов и спекулянтов [185]. Подобная постановка вопроса о короле дает Марату возможность видеть то, чего не видят другие, за каждым шагом властей разглядеть их общий контрреволюционный план. Характерно, что Марат отнюдь не был увлечен походом Национального собрания против неприсягнувшего духовенства, для него в этом случае философские споры о религиозной веротерпимости, «которыми заняты одураченные массы», имеют меньше значения, чем политическая задача подчинения священников требованиям революции. Как в вопросе о королевской власти, речь шла для него не о конституционной свободе, а о революционном насилии [186].

22 мая, обсуждая решение о ликвидации все еще не исчезнувших на местах сословных «парламентов», он обращает внимание на теснейшую связь Тюильри и привилегированных, на связь королевской власти и «австрийского комитета, заседающего во дворце». Марат зовет к бдительности, «чтобы не допустить бегства короля и его двора» [187]. И на сей раз Друг народа не ошибался: к началу мая вопрос о побеге был окончательно решен королем. Тем более любопытным является сообщение газеты от 6 июня, в котором анонимный корреспондент сообщает Марату подробности того, что имело место 28 мая в королевском дворце, где делались последние приготовления для побега. Информатор, подписавший письмо «патриот, который объявил себя аристократом, чтобы спасти народ», объясняет, почему он обращается к нему с этими сообщениями: «Как это возможно, дорогой Марат, что Вы из глубин своего подземелья видите больше, чем наши патриоты, наблюдающие события вблизи?» [188]. Марат в своем ответе снова обращает

внимание граждан на тот факт, что власти и прежде всего Лафайет относятся безразлично ко всем предупреждениям патриотов, охрана дворца поручается явно ненадежным частям, и, таким образом, все способствует бегству королевской семьи. «Граждане, никогда нам не угрожала столь серьезная опасность, усильте свою бдительность и свой надзор за замком в Тюильри и воспрепятствуйте побегу королевской семьи. Пусть патриоты батальона Елисейских полей усилят ночные патрули в тех местах, где собраны вооруженные силы заговорщиков: 18 числа каждого месяца наступает день, который они избрали для выполнения своих заговоров» [189]. Марат ошибся только на два дня: король бежал 20 июня.

Кто давал Марату сведения? Свидетельство Ферзена подтверждает, что около 28 мая 1791 г. был окончательно решен вопрос о бегстве королевской семьи; день отъезда намечен был на 12 июня, так как король хотел еще до отъезда перехватить причитающиеся ему 2 млн. по цивильному листу. Сам Ферзен подозревает горничную короля, «ярую демократку». Л. Блан в свое время считал информатором Марата Жавардена, любовника прачки придворных особ, которая передала ему случайно найденный в кармане обрывок письма. Все эти скудные «сведения» помогли Марату благодаря его ясному представлению о политических планах контрреволюции и задачах революционного народа с исключительной проницательностью осветить события. 10 июля он пишет о попытках установить диктатуру короля и дворянства, опираясь на вооруженные силы Лафайета и поддержку значительной части Национального собрания [190]. Мы знаем теперь, что в свое время Мирабо и его сторонники относились сочувственно к бегству короля; они были солидарны с его манифестом к народу «во имя свободы Национального собрания». Не подлежит сомнению, что Байи, Лафайет и Гувион по крайней мере с первых дней июня получали сведения о предполагаемом бегстве. Гувион получил даже подробный донос о приготовлениях в Тюильри. Но все они скрыли эти сведения, боясь взрыва народного негодования.

Марат имел, таким образом, все основания обвинять их «в попустительстве и соучастии в измене». Во всяком случае, несмотря на отдельные преувеличения Марата, нет оснований утверждать столь категорически, как это делает Ж. Жорес, будто Марат «глубоко ошибался, когда обвинял Байи и Лафайета (осужденного двором на смертную казнь) в приготовлении бегства короля». Марат был прав, когда формулировал против них политические обвинения: он заявлял: «Бегство королевской семьи было давно подготовлено предателями из Национального собрания при поддержке Мотье и муниципалитета»; они не принимали необходимых мер для борьбы с контрреволю-

цией. События 20 июня, как правильно заметил Марат, были только продолжением прошлого поведения короля, прямым продолжением событий в октябре 1790 г. и в феврале — апреле 1791 г.[191]

13

Когда 21 июня Париж проснулся и узнал о бегстве Людовика XVI из Тюильри в 11 часов вечера, народ предместий был потрясен, прочтя новое предупреждение в газете Марата за день до события[192]. Его призыв к восстанию послужил сигналом для парижских секций, клубов и братских обществ. «Если король убежит от вас, тотчас же перебейте всех известных сообщников деспотизма, начиная с предателей из Национального собрания, главного штаба, муниципалитета, департамента, монархического клуба, секций до шпиков старой полиции включительно. Единственный принцип, который должен руководить вашим поведением в данном случае состоит в том, что нет ничего священного под солнцем, кроме спасения народа». Марат остался верным самому себе. Народу предстояло повторить дни 14 июля и 5—6 октября. Последуют ли они его советам в этом новом восстании? С 20 июня по 17 июля шла проверка революционной зрелости трудовой Франции. Но чтобы понять позицию Марата в эти недели, выясним кратко, как он ставил вопросы, связанные с организацией вооруженной борьбы масс с января по май 1791 г.

Роль руководителя революционной борьбы должны были взять на себя, как мы знаем, патриотические общества. Характерно, что в своих рассуждениях о задачах этих обществ Марат подчеркивает новый момент: гораздо более отчетливую критику конституционных свобод в связи с той реальной угрозой нового вооруженного восстания народных масс, которое неизбежно предстоит Франции. Еще 2 января, обсуждая декрет о полиции безопасности, он с особым усердием повторяет свои старые утверждения о праве бедняка красть, если он голоден, и угнетенного убивать своего тирана. Из этих, весьма обычных для оппозиционной публицистики эпохи «общих мест» он логически приходит к выводу, что роль полиции в дореволюционную и революционную эпоху различна. «В настоящий момент, — пишет он, — необходимо особенно считаться с обстоятельствами; необходимо считаться с тем, что когда великая нация переживает великую революцию, активная и очень энергичная полиция необходима». Восставший народ не должен выпускать оружия из своих рук после победы, под охраной властей он предоставит просвещенным патриотам обучать народ. Все враждебные революции газеты закрываются, авторы-контрреволюционеры арестовываются. «Разрешается справедливо, мудро подавлять злых, мешать им действовать и добиваться гибели общественного дела. . . Свобода должна существовать только для друзей отечества, железо и казни — для врагов». Революционный народ сохранит несколько газет и будет их распространять по всей стране. Он запретит под страхом смерти собрания благородных, финансистов, судейских, офицеров и создаст вооруженную силу из преданных патриотов для охраны революции[193].

В полном соответствии с этими положениями позже, когда в мае-июне 1791 г. встал вопрос о смертной казни и когда демократы (Робеспьер) выступили решительно за ее отмену, Марат писал: «Национальное собрание поступило правильно, сохранив смертную казнь для больших преступлений. Наши же верные депутаты Петион и Робеспьер высказали по этому поводу мысли, которые делают честь их чувству, но ведут к неудобствам, слишком серьезным, чтобы их мысли могли быть приняты». Законы революционного времени — з а к о н ы т е р р о р а, так ставил Марат вопрос уже в 1791 г. в предвидении вооруженного восстания решающего значения[194]. Неизбежность этого восстания вытекает из факта, на который Друг народа обращал все время внимание граждан и патриотов. Благодаря упущенной народом победе весь аппарат государственной власти оказался во враждебных руках. «Мирная чистка» аппарата больше невозможна, она может быть осуществлена только после торжества восстания[195].

В этой связи Марат повторяет то, что он отмечал неоднократно: «Десять месяцев тому назад 500 голов было достаточно, чтобы помешать вашим страданиям, в настоящее время вы вынуждены будете срубить 100 тысяч голов и то после того, как вы увидите зарезанными ваших братьев, жен и детей». Число голов растет, таким образом, не с кровожадностью Марата, а по мере того, как революция благодаря сопротивлению врагов достигает высшей стадии своего развития — гражданской войны[196]. Эту мысль Марат особо подчеркивает, утверждая, что о примирении враждующих сторон не может быть и речи.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Марат в это время с особым упорством отметает всякие ссылки на догмы и авторитеты. Граждане увлекались иллюзией братства и национального единения в день праздника федерации, они настаивали на принесении присяги, считая, что это единственное реальное средство уничтожить врагов революции. Но в революции, которая должна установить полное равенство, нелепо предполагать, что власть имущие добровольно согласятся отказаться от своих привилегий, не оказав народу жесточайшего сопротивления. Марат издевается над теми, кто считает, что маркизы и бароны согласятся выполнять роль скромных буржуа и комиссаров

секций: до своего последнего издыхания они будут ненавидеть свободу. Враги народа теперь с исключительным усердием ссылаются на «Общественный договор» Жан-Жака Руссо, цитируют его по всякому поводу, чтобы оправдать свои политические ереси [197]. Лозунги свободы и братства стали пустыми побрякушками.

Марат категорически отказывается принести обычную гражданскую присягу, вернее он формулирует свою присягу революционера: служить народу до последней капли крови; лучше умереть с голоду, чем предать его интересы; отдать все свои знания для политического просвещения масс; не прекращать борьбы до полного торжества народной революции. Выполняя свою задачу, Друг народа равно беспощаден к врагам народа и к недостаткам революционной толпы. Мы отсылаем читателя к статье «La Patrie aux abois», чтобы убедиться в этом. Эта жесточайшая беспощадность к своим собственным недостаткам характерна для революционной пропаганды Марата. В указанной статье он рисует с исключительной беспощадностью то, что ждет народ в случае, если он не поспешит изменить своего поведения, если он, наконец, не откажется от своих иллюзий и не восстанет [198].

Основное правило революционной тактики — «ковать железо, пока горячо». Эта основная максима борьбы, по словам Марата, к сожалению, всегда забывается непросвещенной массой; поэтому в восстаниях побеждает, как правило, не обороняющийся народ, а наступающие угнетатели. Марат требует поэтому от солдат-патриотов, обратившихся к нему за советом, перейти от слов к делу. Как только офицер посмеет ударить солдата, они, как один, в полном вооружении отправятся в Париж и здесь совместно с гражданами предместий захватят ратушу, Национальное собрание, Тюильри, арестуют королевскую семью, штаб, мэра и министров, очистят муниципальные и департаментские собрания от врагов народа, закрепив, таким образом, его победу [199].

А когда до Марата дошли сведения о попытке солдат, недовольных Лафайетом, бросить армию и дезертировать, он решительно протестует: «Остановитесь, безрассудные! Вы губите отечество, вместо того чтобы его спасти. . . Приносите любые присяги, но дожидайтесь того момента, когда можно будет штыками пронзить сердца врагов и наказать их за преступления» [200].

В революционной борьбе нельзя допускать компромиссов: речь идет не о реформе существующего правительства, а об его уничтожении [201].

Вот почему удар должен быть направлен не столько на того или другого агента власти, сколько на ее центр — Национальное собрание [202]. Подавляющее большинство собрания состоит из врагов народа; они виновны в преследовании восставших, в разгоне и преследовании народных ассоциаций, в изоляции патриотов, в их поражении [203]. Об этой центральной задаче грядущего переворота Марат пишет в статье, в которой он осуждает закон Лешапелье. Еще в мае, в своем «Adresse aux Ecrivains Patriotes», анализируя выступления газеты Прюдома и даже своего ученика Фрерона, Марат отмечает, что им недостает политических знаний: газета Прюдома, осуждая поведение правительства, не понимает, что речь идет не о «правах народа», а о его революционном праве на восстание; Фрерон, решительно нападая на того или другого представителя власти, забывает об общих задачах революционной борьбы [204]. Марат отсылает его к своей брошюре «C'en est fait de nous». В ней он в свое время (летом 1790 г.), как мы знаем, изложил тактические принципы народного восстания.

14

Бегство короля не было для Марата неожиданным событием, его подготовка велась, как мы видели, долго и упорно. Не было ничего неожиданного и в той позиции, которую заняли отдельные политические группы в дни июня-июля 1791 г. В исторической литературе достаточно подробно изложена история «бойни на Марсовом поле», мы не будем возвращаться к этому вопросу. Нас интересует другое: почему республиканское движение народных масс приняло парламентскую форму петиционного движения, а не вылилось в открытое восстание. Нас интересует, как ставили этот вопрос различные политические группы. Тем самым мы выясним и ту особую позицию, которую в движении занимал Марат. Как нелепо звучит следующий вывод А. Олара: «Что касается Марата, то он требует диктатора. . . Из его слов, которые не были, по правде говоря, ни республиканскими, ни монархическими, можно заключить только, что Марат не верил, чтобы народ уже созрел для свободы. Это был его личный взгляд, который ничего не мог изменить и который притом не разделялся открыто никем другим из демократов» [205]. Это значит ничего не понять в той революционной программе, которую Марат в те дни защищал против парламентских и легалистских иллюзий подавляющего большинства демократов; эти взгляды Марата остались и по сей день непонятны историкам — либералам и демократам. Что поражает нас при чтении документов: прений в Национальном собрании, протокольных записей Коммуны, департаментского совета, клубов (якобинского и кордельеров), — это боязнь масс, народного восстания, которое спасло Францию 14 июля и 5—6 октября. Даже представители клуба Кордельеров, опираясь

на массы, не шли дальше требований радикальной петиции, поданной Национальному собранию в июле 1791 г. в максимально лояльных формах. Условия для новой революции созрели только через год.

Если в первые дни после бегства короля еще существовала растерянность среди правящей клики Национального собрания, то она быстро сменилась решимостью во что бы то ни стало задержать народное движение, обезвредить и подавить всякую попытку революционного выступления предместий. Это объясняет нам те срочные меры, которые были приняты департаментским советом и Парижской коммуной для охраны застав, усиления военной охраны столицы, снабжения города продовольствием и разгона уличной толпы. Этим объясняется, наконец, и та энергия, с которой Национальное собрание и местные власти спешили изгнать из Парижа десятки тысяч рабочих благотворительных мастерских, распустить всякого рода рабочие корпорации, не допустить подачи коллективных петиций. . .

Одновременно шла политическая обработка народных масс. Воззвание департамента и совета Коммуны от 23 июня убеждало парижан: «Помните, что только закону принадлежит власть в государстве; не забывайте, что, нарушая его, вы вооружите наших врагов сильнейшим оружием» [206]. В этом духе власти пытались воздействовать и на крестьянское население: не забудем, что бегство короля произошло в самый разгар уборки урожая. Национальное собрание призывало крестьян спокойно продолжать свои обычные работы [207]. Это был лейтмотив всей деятельности правящей Франции в конце июня и особенно в июле 1791 г., когда массы попытались порвать с парламентской легальностью.

Наилучшим образом господствующую мысль выразил Барнав в своей знаменитой речи в Национальном собрании 15 июля. Нам приходилось цитировать ее в начале главы при общей характеристике социальной борьбы 1791 г. Всякое продолжение революции угрожает собственности, заявлял Барнав: «Я спрашиваю, существует ли теперь какая-либо другая аристократия, которую следовало бы уничтожить, кроме аристократии собственности? Господа, люди, которые желают совершить революцию, не делают ее с помощью метафизических максим; можно этим прельстить, можно этим увлечь некоторых кабинетных мудрецов, некоторых ученых геометров, не способных к политике, их можно накормить, без сомнения, абстракциями, но толпу, к помощи которой приходится прибегнуть, массу, без которой нельзя совершить революцию, можно привлечь только реальными благами, преимуществами осязаемыми». Барнав настаивал поэтому на сохранении любой ценой существующего правительства, он выступил на защиту монархии.

И нужно отдать справедливость этому отныне наиболее яркому представителю контрреволюционной буржуазии, он понимал больше в народных движениях, чем многие демократы и республиканцы своего времени.

В своей речи другой депутат Национального собрания, Гупиль, уточнил его речь, выступая против «клубократии». «Опираясь на народные общества, демократия становится грозной опасностью, — предупреждал он, — клубы — это рычаги анархии» [208]. Национальное собрание восторженно встречало подобного рода выступления и попыталось 15 июля положить предел активности предместий. С этим надо было спешить, потому что как раз за последние дни «братские общества» стали особенно требовательны. Рабочие все еще волновались, и 7 июля делегация рабочих в секции Французского театра отказалась приносить присягу на верность королевской власти [209]. И это был не исключительный случай; рабочее население столицы все более и более попадало под влияние демократов.

Как представляли себе республиканцы осуществление своей задачи? В том случае, когда речь шла только о смене Людовика XVI и в том, когда они требовали республики, они клялись в верности Национальному собранию и закону. Таков был смысл вопросов, поставленных Бриссо в его речи в якобинском клубе: 1) будет ли король предан суду? 2) кем он будет судим? 3) как будет происходить суд над ним? 4) каким образом он будет временно заменен? 5) кем он будет замещен в случае окончательного его смещения? Бриссо успокаивал всех, кто боялся республики как господства народной толпы и анархии: между демократами и конституционалистами нет принципиальной разницы; те и другие защищают французскую конституцию [210]. Для него вопрос о республике летом 1791 г. был связан с вопросом о войне против европейской коалиции, это был вопрос о создании благоприятных условий для активной внешней политики. Республиканская агитация в его представлении ничего общего не имела с пропагандой вооруженного восстания. Это был идеал буржуазной республики, направленный против демократии трудящихся.

Республику защищал и Кондорсе. «Первый манифест политической философии, в котором республика была твердо провозглашена как необходимая политическая форма, а не как отдаленная мечта», о котором пишет Ж. Жорес, исходил из того, что «самопровозглашение республики должно быть актом мирного волеизъявления», что ее торжество означает победу равенства. Это была утопия в той ее части, в которой речь шла о парламентском «мирном» торжестве республики, в той части, где мыслителю казалось возможным «мирно» уничтожить классовую борьбу с провозглашением республики [211].

Историческая действительность прошла мимо этих буржуазных утопий. Взглядам Барнава противостояли по существу только революционно-политические требования Марата.

Не подлежит сомнению и та позиция, которую в этом споре занял М. Робеспьер; он считал неприемлемым требования Бриссо и Кондорсе; он считал политически невозможным немедленное провозглашение республики; он больше всего опасался сойти с пути легальной парламентской борьбы. Робеспьер заявлял, что он ни монархист, ни республиканец, что он сторонник «управления свободных людей», и сделал он это потому, как правильно заметил в свое время Л. Блан, «что опасался пойти более скорым шагом, чем якобинцы». Робеспьер отклонил даже предложение Лакло, поддержанное Дантоном, о подаче петиции Национальному собранию. «К чему собирать подписи женщин и несовершеннолетних?», — настаивал он, защищая строго легальные формы борьбы [212].

Петиция в редакции Бриссо говорила о замещении короля «конституционными средствами». Это было не только уступкой Лакло в интересах герцога Орлеанского, как думают некоторые историки, это было выражением принципиальной враждебности значительной части руководителей республиканской агитации к прямому революционному движению народных низов. Однако Национальное собрание поспешило на заседании 16 июля лишить петицию Бриссо и той видимой легальности, которую республиканцы хотели ей придать. Буржуазия толкала демократов на путь революционной борьбы, но парламентские иллюзии цепко держали их в своих тисках. Даже тогда, когда толпа потребовала на Марсовом поле исключения из петиции слов «конституционными средствами», Робеспьер продолжал настаивать: «Я буду повиноваться только закону». Это положение легло в основу его самозащиты после 17 июля, в основу его «Адреса французам».

Робеспьер категорически утверждает, что он неповинен в возбуждении предместий, что позиция Барнава объясняется его неудачей в вопросах колониальной политики; он говорит о своем уважении к Национальному собранию, но не к отдельным группам депутатов. Свое политическое кредо Робеспьер формулирует таким образом: «подчинение закону, но свобода его обсуждения» [213].

15

В июле, однако, не парламентарии, не якобинский клуб, а предместья выступили на историческую арену. Кордельеры и связанные с ними «братские общества» возглавляли народное движение. В клубы, по словам Барнава, нахлынули рабочие, «эти люди, лишенные собственности, большинство неизвестного происхождения и чести», как тогда полагали, политически неразвитые [214]. От этого движения зависела теперь судьба революции. Опубликованные Матьезом протоколы клуба Кордельеров дают возможность проследить за тем, что происходило в демократических предместиях. Нам важно здесь, конечно, отметить только то, что касается нашей темы: какой политический смысл был в лозунге «петиции» и как ставили кордельеры вопрос о восстании?

В обращении клуба к Национальному собранию от 21 июня 1791 г. петиционеры просят народных представителей или немедленно объявить республику, или запросить парламент. 22 июня они торжественно заявляют, что все члены клуба объявляют себя тираноубийцами. Нарушая законы, секция Французского театра, т. е. секция Кордельеров, требует от своего батальона подчинения только ее приказаниям. На другой день, 22 июня, кордельеры постановляют включить пассивных граждан в особые батальоны Национальной гвардии. Против этих самочинных, подлинно революционных действий снизу и восстал муниципалитет. К сожалению, однако, пример секции не получил широкого распространения. Подобная попытка, насколько мы знаем, была предпринята еще только Сантерром в Сент-Антуанском предместье.

Мы не знаем подробностей тех разногласий, которые имели место среди членов клуба Кордельеров; но о спорах среди демократов говорит, например, протокол заседания от 10 июля. Спор шел о том, следует ли окончательно сместить короля, или только позаботиться о том, чтобы он не смог вторично бежать. В «Обращении» от 12 июля, редактированном Шометтом, предлагается избирательным собраниям департаментов назначить по одному члену для формирования «Национальной директории», центра исполнительной власти, центра, достаточного для охраны порядка в стране до тех пор, пока нация не решит вопроса о короле. Одновременно должны были быть избраны и депутаты будущего Законодательного собрания. Это «Обращение» к нации через голову Национального собрания было робкой попыткой разрыва с парламентской тактикой июньских дней. В одной из статей, возможно Шометта, в «Révolutions de Paris» мысль о неизбежности восстания ввиду поведения Национального собрания выражена несколько более отчетливо.

Эти колебания вождей и особенно соглашательская позиция демократов из Национального собрания связывали революционную инициативу масс. В ответ на одну из петиций, переданных 15 июля Робеспьеру и Петиону, последние призывали «к мудрому и достойному поведению» ввиду изданного Национальным собранием декрета, запрещающего подобные мятежные петиции. Матьез готов объяснить поведение своего героя тем,

что М. Робеспьер был подлинно государственным мужем: он опасался, что волнения предместий могут послужить поводом для репрессий со стороны Национального собрания. Но это значит взять под свою защиту «парламентский кретинизм» демократов из Национального собрания. В то время как предместья готовились к борьбе, в то время как муниципалитет делал все, чтобы к 16 июля быть готовым к войне с ними, народные руководители настаивали на законности, на сохранении чисто легального характера движения.

Характерен в этом отношении спор на заседании клуба 16 июля: следует ли явиться на Марсово поле для подписания петиции вооруженными? Большинство решило последовать совету Робеспьера и Петиона; оно настаивало на мирных средствах борьбы: речь шла о подаче Национальному собранию петиции. Были ли, однако, сделаны попытки организации восстания? Мы не знаем. По словам одного шпиона, в бумагах у Фрерона был найден список чего-то вроде революционного правительства во главе с диктатором Робеспьером или диктатуры из десяти лиц: Робеспьер, Петион, Дантон, К. Демулен, Фрерон, Верриер, единомышленники Марата, и др. — на случай, если бы Робеспьер отказался от личной диктатуры. Но в архивах эти документы Фрерона не были найдены. Кое-какие дополнительные сведения говорят о том, что мысль о провозглашении диктатуры («Дантон — народный трибун») обсуждалась в предместьях. Ничего более подробного мы об этом не знаем.

В основном руководители движения кордельеров — Робеспьер, Бонневиль, Коффиналь, Шометт, Моморо — заняты были выработкой республиканской петиции. Петиция 17 июля не включает даже слова «республика», она говорит только об организации новой исполнительной власти, петиция настаивает на созыве подлинно Национального собрания для решения вопроса о короле. Тем самым исход движения был предрешен: победа осталась за организованным насилием Национального собрания и муниципалитета.

Имущие классы гораздо более правильно оценивали значение выступления предместий. Они опасались подлинной революции. Бернард в своем первом обвинительном акте после 17 июля точно сформулировал эту мысль: «Чтобы подготовить умы к великому взрыву, люди без рубах и белья были наняты, чтобы декламировать на улицах и площадях стихи Брута. . . Наконец, попытались собрать вокруг знамени анархии рабочих благотворительных мастерских, обещая им земли духовенства. Собраны были бандиты, привлеченные приманкой гражданских прав и раздела земли. . .».

Не подлежит сомнению активное участие рабочих в движении 17 июля. Характерны в этом смысле показания Р. Алемана, торговца вином, 25 июля 1791 г. перед следственными властями. Он ссылается на показания приказчика из мясной лавки Жирдона и его товарищей, которые были на Марсовом поле и узнали в руководителе толпы Моморо; все то, что им пришлось услышать 17—20 июля на площади, они читали в газете Марата «L'ami du Peuple». Допрошенный 27 июля Жюмар добавлял, что во главе бунтовщиков находился Верриер, один из горячих защитников Марата. Гурней в своих показаниях утверждает, что рабочие отправлялись на Марсово поле организованно, по профессиям. Слесари, завидев гражданина Верриера, заявили: «Мы его знаем, он прекрасно зарекомендовал себя в версальские дни, неужели вы его не узнаете? Он из клуба Кордельеров».

Рабочие направлялись на площадь прямо с работы, в своих рабочих блузах, они хотели добиться чего-то большего, чем смещение Людовика XVI. По крайней мере об этом говорят некоторые свидетельские показания. Так, один типограф-издатель показал, что петиционеры говорили друг другу: «Национальное собрание давно угнетает народ, сегодня мы разгоним его и заменим его другим, избранным из нашей среды. Необходимо, чтобы богатые разделили свое состояние между нуждающимися. . .». И он иллюстрировал свою мысль, угрожающе подняв кухонный нож. 17 августа допрошенный по этому поводу Мюскине, содержащийся в тюрьме Консьержери, подтвердил, что подобная беседа между ним и другими лицами имела место: он в самом деле утверждал, будто новое собрание сделает богатых менее богатыми, а бедных менее бедными. Принимая во внимание все эти факты и многие другие, генеральный прокурор в своем обвинительном акте предъявил обвиняемым по делу 17 июля обвинение не в подаче петиции, а в преступной попытке разогнать Национальное собрание, свергнуть правительство и захватить власть для раздела имущества богачей. Революционное движение парижских предместий в июле 1791 г., как бы ни изображал его прокурор, конечно, не доросло до этих задач, но не подлежит сомнению, что попытка восстания была сорвана не только благодаря насилию властей, но прежде всего благодаря трусливой парламентской тактике республиканцев и демократов.

14 июля 1789 г. буржуазия использовала победу народа: 17 июля 1791 г. она кровавым путем подавила его выступление. В первом случае народ порвал со всеми конституционными иллюзиями и, вступив на путь вооруженной борьбы, вышел победителем; во втором он попал под влияние парламентариев, вступил на путь легальных действий и потерпел поражение из-за своих вождей-республиканцев.

Поднять всенародное восстание против Национального собрания — такова задача, которую поставил себе Марат в июне-июле 1791 г. Он выполняет после июня, собственно, ту же задачу, что в первую половину 1791 г. Политическую ответственность за бегство короля, утверждает Марат, несет Национальное собрание. Чтобы установить тесную связь между армией контрреволюции в Эльзасе и Лотарингии с австрийскими войсками и бежавшим королем, необходимо уничтожить партию патриотов. К этому сводилась за последнее время деятельность народного представительства, муниципалитета, штаба. Все они вместе подготовили торжество контрреволюции.

Народ должен восстать, арестовать министров и всех представителей власти, разослать комиссаров по департаментам, разоружить контрреволюционные войска и вооружить патриотов; только так достигнуто будет торжество свободы и народных прав [215]. Кто будет руководить восстанием? Военный трибун, верховный диктатор, восклицает Марат. Вы погибли безвозвратно, если будете слушаться ваших нынешних вожаков. «Они не прекращают мстить вам, они усыпляют вашу бдительность до того момента, пока враг не окажется у ваших ворот. Назначьте немедленно трибуна; пусть ваш выбор падет на гражданина, который до сих пор показал больше всего знаний, преданности и усердия народному делу; клянитесь ему в нерушимой преданности и подчинитесь ему во всем, что он вам прикажет, чтобы разделаться с вашими врагами» [216]. Напомним, что политическое просвещение масс до восстания падает на долю «патриотических обществ». Трибун будет выделен ими или во всяком случае будет опираться на них в своей борьбе для руководства войною против врагов народа. Марат с исключительной энергией обрушивается на тех, кто, подобно предателю Барнаву, зовет народ к миру и порядку, преследуя движение предместий как анархию. В этой «анархии» для Марата ключ к победе; развязать революционную инициативу масс, пробудить народ от летаргии — такова задача журналистов-революционеров.

Разоблачая отдельных представителей власти, конкретных носителей зла, Друг народа напоминает массам, что в тюрьмах сидят тысячи арестованных крестьян, солдат и горожан — патриотов, а на свободе разгуливают спекулянты и чиновники — угнетатели [217]. Прошло уже четыре дня после бегства короля, но народ все в бездействии. 25 июня Марат радостно приветствует инициативу дистриктов и граждан-патриотов, которые помимо прямых указаний властей задержали короля и сорвали таким образом гнусную попытку контрреволюции. Он противопоставляет геройскому поведению масс поведение Национального собрания, которое реабилитировало Лафайета, мэра, министров, несущих ответственность за бегство в Варенн [218]. 26 июня он приводит конкретные данные, свидетельствующие о том, что батальоны секций Henri IV, St.-Roch, Des Filles de St.-Thomas, т. е. батальоны буржуазно-аристократических секций Парижа, несли охрану дворца в ночь бегства короля [219]. Но Национальное собрание проходит мимо всех этих фактов, обвиняя Буйе и других фаворитов в том, что «они похитили короля». Каждый номер газеты начинается энергичным призывом к народу восстать, не подчиняться закону, разогнать Национальное собрание, муниципалитет, захватить арсенал [220] Друг народа поступает прямо противоположно тому, что советуют делать якобинцы и республиканцы-парламентарии: Марат зовет массы ломать рамки легальности.

В конце июня Марат обращает внимание своих читателей на подозрительную попытку части якобинцев выступить в роли республиканцев. С ними заигрывает даже Лафайет [221]. Клуб якобинцев отныне враждебен народу: за исключением отдельных лиц (Робеспьер) он состоит из скрытых роялистов; особенно необходимо отметить, что Ламетт и Барнав пытаются заигрывать даже с такими честными патриотами, как Дантон и Лежандр, они ищут путей для сближения с кордельерами. Против подобного «блока» Марат протестует самым решительным образом.

«Быть республиканцем, — пишет он, — значит быть демократом». А быть демократом, продолжает он свою мысль, значит выступить активно на защиту народа против его угнетателей, т. е. вооружить всех патриотов, ударить в набат, созвать все преданные революции секции и добиться отмены всех декретов, противоречащих «Декларации прав», добиться свержения правительства. Тот, кто против этих мер, тот против демократии, как бы он ни афишировал свой республиканизм. Требование республики — новый способ, каким враги революции прикрывают свою попытку добиться диктатуры Национального собрания во главе с королем [222].

Народные массы предместий находились, однако, под влиянием республиканцев, и Марат вынужден 1 и 2 июля занять определенную позицию по вопросу о республике. В двух статьях — «Problème a résoudre» и «Salution du problème» — он выступает решительно против агитации Бриссо, как и против Барнава. Тот и другой своей пропагандой республики и монархии отвлекают народный гнев от подлинных виновников бедствий — от Национального собрания и правительства [223]. Возражения Марата идут еще дальше: он возражает против тех,

кто хочет передать вопрос на рассмотрение народа. «Подобная санкция может быть предложена только тогда, когда общественное мнение достаточно созреет благодаря писателям-патриотам». Некоторые наивные патриоты готовы согласиться на смещение Людовика XVI, но при условии назначения воспитателя при дофине, какого-нибудь академика. Никуда не годится! Такую роль мог бы исполнить Монтескье, но «отцы народа» не голосовали бы за него. Может ли эту роль выполнить Робеспьер? — спрашивает Марат в своей газете от 4 июля. И он снова обращается к предместьям, требуя немедленного выступления. Народ усыпляют, необходимо обратиться с призывом к крестьянству, к провинции, необходимо всеобщее восстание [224].

Значительный интерес в этом смысле представляет статья Марата от 7 июля, в которой он вскрывает все мероприятия Национального собрания по разоружению и демобилизации революционных масс. Он настаивает на том, чтобы неимущие начали немедленно с очистки комитетов отдельных секций, со смещения комиссаров отдельных кварталов, муниципальной администрации, очистки центров народного сопротивления, превратив их в организации революционной борьбы. Всеобщая мобилизация сил даст возможность народу выполнить свою главную задачу — разогнать Национальное собрание. Многие требуют республики, конечно, нужно думать, не олигархической, а демократической. Но созрели ли условия для подобной республики? Единственный класс населения, который способен ее создать, — это бедняки, наиболее здоровая часть нации, но как они заставят развращенных богачей подчиниться подобному образу правления? Можно ли предполагать, что паразиты, богачи, привилегированные и агенты деспотизма согласятся быть равными со слабыми, с последними из граждан? Во всяком случае, это грандиозная задача, выполнение которой не допускает полумер; грядущий переворот будет радикальным превращением не только формы правительства, но переворотом в душах, нравах и мнениях людей [225].

8 июля он отмечает с ужасом в своей газете, что контрреволюционеры в Тулоне провоцируют рабочих, не выплачивают им жалования. Не попадут ли они таким образом под влияние монархистов? Каждый пропущенный день отдаляет народную победу, делает ее все менее и менее вероятной. Марат напоминает парижанам историю трех лет свободы: революция восторжествовала только благодаря восстанию, но народ оказался одураченным, потому что доверился после победы своим врагам. Его ждет та же судьба в новом восстании, если вожди народа будут продолжать свой бессмысленный спор о монархии и республике и не поднимут знамя борьбы во имя демократии [226].

Марату не удалось возглавить выступления предместий. Он заболел 9 июля и, хотя не прекращал издания своей газеты, не смог, однако, в эти дни покинуть постель [227]. 17 июля, по словам Марата, было повторением в грандиозном масштабе событий в Нанси. Виновниками бедствий в том и другом случае были те же лица и те же учреждения [228]. Друг народа с отчаянием констатирует, что патриоты и на сей раз не последовали его советам: они болтали, составляли петиции, спорили о республике и монархии, в то время как враги действовали и победили [229].

Марат убедительно доказывает, что в отличие от петиционеров Байи и Лафайет прекрасно понимали, что речь идет о народном восстании. Вот почему еще за 24 часа до бойни на Марсовом поле они захватили все оружие, какое они могли найти в городе, чтобы оставить народ беззащитным. Они воспользовались замешательством в предместьях 17 июля, чтобы разослать шпионов повсюду среди народной толпы, на улицах, в мастерских, чтобы изобразить «братские общества» и клуб Кордельеров виновниками катастрофы. Победив, они установили диктатуру и белый террор. Не научит ли это народ быть более решительным и беспощадным, спрашивает он.

17

Марат вынужден был временно прекратить выпуск своей газеты, он смог ее возобновить только 7 августа. Реакция была в полном разгаре. Национальное собрание спешило пересмотреть конституцию в интересах крупных собственников. 11 августа в своей знаменитой речи Барнав доказывал, что конституция должна опираться только на средние классы, т. е. на буржуазию, что отныне в стране существует только два противоположных интереса: «интересы тех, кто желает охранять существующий порядок, и тех, кто его желает свергнуть, кто охотно идет навстречу превратностям революции». Марат был во втором лагере и на основе уроков 17 июля окончательно убедился в том, что революция вновь достигла высшей ступени своего развития — вооруженного восстания.

25 августа он писал: «Таково ваше несчастное положение, французы, что единственное средство, оставшееся вам для спасения, — это гражданская война» [230]. Он продолжает свою мысль: «Я выражаю желание, чтобы она как можно скорее разразилась со всей силой, чтобы народ, наконец, мог отомстить своим тиранам и их слугам, чтобы он смог чинить суд и расправу над своими заклятыми врагами — депутатами, предателями отечества» [231]. Он издевается над теми, кто возлагает какую-либо надежду на будущее законодательное собра-

ние. Ныне, после того как патриоты погибли, это новое собрание будет не лучше старого [232]. Подлинно революционное собрание может быть только результатом победоносного всеобщего восстания.

Но возможно ли оно? Трудящиеся массы подавлены, а деспотизм нашел своих горячих защитников в артистах, писателях, ученых, академиках, богатых торговцах, капиталистах и спекулянтах, которые смертельно боятся равенства, понимая свободу в своих интересах. Народу придется пройти еще большую школу борьбы. «Революция, — бросает Марат исключительное по глубине замечание, — напоминает процесс формирования кристалла в растворе: от толчка кристаллики начинают в беспорядке собираться, затем они начинают сближаться в известном порядке, и наконец они дают новый, стройный по форме кристалл» [233].

При обсуждении в Национальном собрании окончательного текста конституции очень много места занимал вопрос о созыве Конвента для изменения в случае необходимости конституции. Консервативное большинство собрания настаивало на максимальном отдалении срока его созыва с точной фиксацией даты. Для Марата, окончательно убедившегося в том, что без вооруженного восстания не обойтись, совершенно неприемлемо подобное решение вопроса о судьбах конституции. Ее судьба зависит исключительно от воли восставшего народа. Где гарантия, что подобный Конвент будет состоять из патриотов? Это зависит от того, к т о и к о г д а его будет созывать. Не лучше ли вместо того, чтобы терять время на болтовню в кафе, на площадях, в клубах, в обществах, не лучше ли действовать, бороться, потому что свобода может быть завоевана только в борьбе [234].

Для успешного руководства этой борьбой необходимо избрание народного трибуна, верховного вождя. Марат, таким образом, снова возвращается к своей идее о диктаторе на время народного восстания. Для полной ясности необходимо вместе с тем отметить, что Друг народа отбрасывает предложение о созыве Конвента для ревизии конституции д о победы восстания; п о с л е этой победы он считает верховной санкцией конституции санкцию ее большинством народа [235]. Революционная теория Марата была теорией демократии XVIII в., она покоилась на учении о народном суверенитете.

К печальным выводам приходит Друг народа, сравнивая старый режим с новым, созданным революцией. Народ политически и материально ничего не выиграл; он понял только «пустоту пышных фраз о свободе», почувствовав себя больше чем когда-либо рабом [236]. Но Марат не разочаровался в революции, не пришел в отчаяние; он зовет народ к новым боям,

к новому восстанию. Таков смысл его статьи «Derniers adieux de l'Ami du Peuple à la Patrie». 14 июля было делом бедняков; богачи не препятствовали движению народа, согласившись потерять кое-что, чтобы не лишиться всего. В те дни даже слуги короля охотно говорили о патриотизме, народном суверенитете и равенстве граждан; прикрываясь маской добродетели, они хотели захватить власть в свои руки. Вокруг них сгруппировалась вся знать привилегий и капитала, все те среди интеллигенции и даже ремесленников, которые служили и служат имущим классам. Вскоре к ним присоединились негоцианты, капиталисты, зажиточные граждане, для которых свобода — только привилегия приобретать без препятствий, владеть без стеснений и пользоваться благами жизни в мире и покое. Наконец, к ним присоединились все те трусливые «отцы семейств», которые больше всего боятся всяческих изменений. Так образовалась фракция защитников конституции. «Противоположность различных интересов объясняет деление граждан на различные классы», — замечает Марат. Революция не погибла бы, продолжает он, если бы бедняки, народ вовремя учел бы уроки революции, если бы он вовремя во главе с избранным трибуном восстал и установил бы свое господство над врагами народа. Чтобы объяснить народу его задачи, Марат «осудил себя на тяжелую жизнь в подполье, и он будет ее продолжать до дня полной победы» [237].

18

Мы подошли к концу нашего исследования о Марате в эпоху Учредительного собрания, мы выяснили достаточно подробно его взгляды на демократическую революцию. В заключение — несколько кратких замечаний о его личной судьбе в 1791 г. Еще в 1790 г. в Париже спорили о том, реальное ли лицо Марат, не псевдоним ли это какого-либо тайного роялиста; еще в августе 1790 г. при обсуждении запроса Малуэ о газете «Друг народа», которая называла «черными» всех «беспартийных», Мирабо мог позволить себе остроту: «Марат не житель Парижа, он из Сенегаля». В 1791 г. п о п у л я р н о с т ь М а р а т а в ы р о с л а с и с к л ю ч и т е л ь н о й с и л о й, и м я е г о с т а л о з н а м е н е м б о р ь б ы. Когда в декабре-январе он начал свой поход против шпиков Лафайета, ему удалось, как мы видели, вызвать целое движение в предместьях. Власти снова решили арестовать его, 14 декабря три батальона реакционных секций отправились в предместье Сен-Жермен, где они надеялись найти Друга народа. По указанию доносчика Лангедока солдаты ворвались в типографию «Генрих IV», но задержали только г-жу Коломб, хозяйку типографии, при-

судив се затем к 25 тыс. ливров штрафу [238]. Марат не был обнаружен.

В январе 1791 г. в Париже происходили кровавые побоища, вызванные обсуждением № 324 газеты Марата, где было помещено «Обращение» к Людовику XVI; в кафе Прокоп — политическом клубе — часть посетителей требовала сожжения газеты, но большинство выступило на ее защиту; дело дошло до побоища [239]. Национальные гвардейцы батальона Notre Dame поклялись убить «так называемого Друга народа», где бы они его ни обнаружили; они обвиняли его в покушении на права народного суверенитета, на бунт против «божественной воли, именем которой правят короли» [240]. Один из главных обвинителей, Этьен, «инженер и гражданин дистрикта Des Quatre Nations», выступил с брошюрой, в которой не только защищал себя от обвинений Марата, но и нападал на него и на его ученика Фрерона как на бунтовщиков. «Каждый день, — пишет он, — вы видите граждан, с трепетом ожидающих очередного номера этих газет (Марата и Фрерона), чтобы убедиться, не обрушились ли на них «дикие звери»»[241]. В другом памфлете анонимный автор, «кавалер без страха и упрека», называет Марата чудовищем, *позором Франции*, *преследователем* всех честных людей: Ларошфуко, Байи, Буйе, Кондорсе, Клермон Тоннера [242]. В «Lettre à Marat» гражданин Делагард обвиняет Марата в том, что он не умеет отграничить восстание против тирании от бунта против законных властей. Обвинитель не хочет, однако, принять во внимание, что для Марата эти законные власти — деспотизм [243]. С особым возмущением встречено было обращение Марата к войскам, призыв к тому, чтобы солдаты и граждане в случае начала военных действий прежде всего разделались с внутренними врагами. Автор брошюры «Les Autrichiens et Marat» утверждает, что Марат подкуплен австрийцами [244]. Мы приводим только несколько образцов из той огромной литературы, которую породила деятельность Марата. В 1792 г. существовала даже специальная газетка «Anti-Marat», которая вела упорную борьбу с «маратизмом» и «фракцией маратистов» [245].

Среди журналистов все реже можно было встретить защитников Марата. На это отношение прессы к его деятельности Марат и обращает внимание читателей 13 января 1791 г., поместив письмо активного гражданина, редактора «Journal Universel», возмущенного поведением Прюдома, К. Демулена, Одуана [246]. Одна из газет в связи с кампанией Марата против шпиков писала: «Нас следует обвинить в малодушии: среди нас Марат, а мы ведем с ним только словесную перепалку, мы даем ему возможность спокойно подкладывать мину под конституцию, он способствует углублению анархии, он подвергает проскрипции лучших граждан, он глава банды, которую путешественник опасается встретить на своем пути. С того момента, как цивилизация создала государства, всегда существовала группа людей преступных и негодных. . . с сердцем Марата». Эти люди окружали эшафот Карла I, принимали участие в разгроме дома фабриканта Равейона накануне открытия Генеральных штатов, они же заполняют батальон «победителей Бастилии», все это — маратисты [247]. О том же писал «Journal du Faubourg St.-Antoine», изображавший Марата агентом герцога Орлеанского, защищающего попов. Даже газета Прюдома на сей раз защищала Марата гораздо более сдержанно, хотя и в декабре 1790—январе 1791 гг., как и раньше, речь шла о явном нарушении свободы печати [248].

К. Демулен, о котором Марат писал, что он «умудряется много говорить и ничего не сказать», занял в отношении Марата в 1791 г. весьма враждебную позицию. Он обвинял Марата в том, что он хочет покинуть Францию [249]. В феврале 1791 г., сопоставляя поведение скрывающегося в подполье Марата с мужеством Горза, разгуливающего по улицам Парижа, Камилл издевается над «подземельем» Друга народа.

«Вы, брат мой по оружию, — отвечает ему Марат, — Вы, притязающий на звание римлянина, Вы собираетесь сорвать лавры, которыми Вы меня венчали, и объявляете трусостью такой образ жизни, самую идею которого Вы не в силах даже были поддерживать» [250]. Это было продолжением старых споров между подпольным и легальным революционером, споров 1790 г. Камилл Демулен обвиняет Марата в том, в чем обвиняли его позже в продолжение многих десятилетий буржуазные историки: в его газете печатается много ложных, непроверенных сведений. Друг народа в своем письме дает ему и по этому пункту обвинений исчерпывающий ответ: «Для осведомительной газеты, как Ваша, Камилл, подобное обвинение, разумеется, было бы очень серьезно, но для моей, чисто политической, оно сводится на нет. Почему Вы знаете, может быть то, что Вы считаете ложными новостями, является текстом, который был мне необходим, чтобы отклонить какой-нибудь зловещий удар и достигнуть своей цели?». Там, где журналистам, подобным Камиллу, нужны юридические доказательства, Марату достаточно понимания общего хода дел революционной борьбы. Даже левые журналисты не могли понять той основной политической истины, которую защищал Марат: «Мы еще не свободны. . . И мы не можем надеяться на очень скорое освобождение, потому что нации, сбрасывающей ярмо, долго приходится бороться с пособниками старого режима, если она не приняла сразу мудрого решения истребить наиболее виновных из них, а остальных обуздать террором» [251]. В лучшем случае

его защитники готовы были согласиться с К. Демуленом: «Мы должны по примеру города Сен-Мало защищать свободу не только людьми, но и псами». Так изменил Демулен свое мнение о Марате, которого он немногим больше года тому назад называл своим учителем.

Но у Марата были искренние друзья в предместьях; его газета политически воспитывала массы, готовила их к грядущему всеобщему восстанию. Об этом отношении к Марату, кроме тех фактов, которые мы приводили выше, свидетельствует на протяжении всей истории 1789—1791 гг. газета «Оратор народа» Фрерона.

Фрерон называл себя учеником Марата, но учителю нередко приходилось поправлять политические ошибки своего шумливого ученика. Когда весной 1791 г. переписка Марата с его корреспондентами разрослась, ему пришлось обратиться за содействием к Фрерону. «Я прошу Вас, — писал он ему, — предоставить мне Вашу газету, мой дорогой брат по оружию, чтобы в ней поместить массу доносов, полученных мною сегодня. Моя газета посвящена политическим вопросам большой важности» [252]. Так Марат сам провел отчетливую грань между своей газетой и газетой Фрерона. Спустя некоторое время Фрерон заболел и предоставил Марату редакцию своей газеты. Газета за это время изменила свое лицо. Марат поместил в ней цитированную нами выше статью о «братских обществах», письма почитателей, называющих себя «пролетариями», и др. [253] Стоит только прочесть заметки Фрерона, стоит только обратить внимание на ту почтительность, с которой он говорит о политической мудрости Марата, чтобы почувствовать, кем был Друг народа для крайне левого крыла революционной демократии [254]. Кем бы ни был Фрерон, но его отношение к Марату в 1791 г. достаточно характерно и показательно.

Не только политический, но и личный интерес представляет опубликованное в сентябре новое произведение Марата «Les Charlatans modernes», посвященное тем ученым академикам (Байи, Кондорсе, Лавуазье, Лангранж и др.), которые всецело или частично перешли на сторону имущих классов, на сторону господствующей олигархии [255]. Война между Маратом и учеными велась, как мы знаем, давно. В годы революции он неоднократно возвращался к этой теме. В марте Марат писал: «Академики, редко способствуя прогрессу знаний, делают все, что в их силах, чтобы помешать их прогрессу, преследуя всякого новатора. Все академики строят свое счастье на паразитизме при мануфактурах, в торговле и искусстве; они обогащаются, разоряя ремесленников и рабочих» [256]. Ту же мысль он продолжает в своем разоблачении «современных шарлатанов». Марат ненавидит и презирает касту ученых, тех «жрецов нации», которые вырыли между собой и народом пропасть. Они говорят на особом языке, они проповедуют схоластику, они служат врагам народа! В полном соответствии со своим мировоззрением демократа XVIII в. Марат выражает свои глубочайшие симпатии Жан-Жаку Руссо и ненависть к энциклопедистам, он окончательно порывает с ними, подобно тому как в свое время Руссо порвал со светилами философии эпохи просвещения. Не только политически, но и лично между Маратом и господствующими классами XVIII в., их теоретиками и государственными деятелями лежала глубокая пропасть.

Марат в годы революции вел жизнь, как мы сказали бы теперь, р е в о л ю ц и о н е р а - п о д п о л ь щ и к а. Неудивительно, если он оказался лично связанным с миром тружеников парижских предместий. Мы имеем в виду его друга и товарища Симону Эврар (1764—1824). В исторической литературе немало издевались над этой женщиной, дожившей до 20-х годов XIX в. и вместе с сестрой Марата, Альбертиной (последняя умерла в 1841 г.), свято чтившей память брата и мужа — революционера. Симону изображали наложницей Марата, туповатой домашней хозяйкой, слепо служившей своему господину. Историки были к ней не более справедливы, чем к самому Марату. Бужар рассказал нам в «Charivari» за 1881 г. ее биографию [257]. Дочь плотника, умершего в госпитале, она воспитывалась в сиротском доме, прошла суровую школу ученичества и добывала себе средства существования тяжелым трудом. Одна ее сестра вышла замуж за повара, вторая — за рабочего Антуана Корн, работавшего в типографии, где печаталась газета Марата. Симона помогала печатанию и распространению газеты «Друг народа». После убийства Марата она заботилась об издании собрания его сочинений, защищала честь его имени. И в то время как сестра Робеспьера, ненавистная братьям Шарлотта, получала пенсию от Бонапарта, Симона была арестована в 1800 г., причем на следствии выяснилось, что она голодает, и все ее имущество оценено было не больше чем в 500 франков.

До дня своей смерти «вдова Марата» жила трудом своих рук, храня память великого революционера.

В этой среде рабочих и революционеров-демократов парижских предместий жил в годы революции Марат, порвав с тем миром ученых и интеллигенции, к которому он принадлежал до революции. Если угодно, есть нечто весьма характерное в разнице между той средой почтенного мастера-столяра Дюпле, у которого жил М. Робеспьер, и той рабочей семьей Симоны Эврар, с которой связан был Марат, скрываясь в «годы свободы» в подполье. Марат 1789—1791 гг. был образцом того, что,

не забывая о разнице эпох, можно было бы назвать профессиональным революционером.

Внимательный анализ социальных проектов и политической деятельности Марата за 1789—1791 гг. в свете революционной борьбы и социальной мысли «первых трех лет свободы» не могут не привести нас в основном к следующему выводу Ж. Жореса: «Невозможно написать историю пролетариата, разобраться в первоначальном периоде его жизни, уловить первые потуги и проблески его мысли в эпоху буржуазной революции, не принимая во внимание воззрений Марата, какими бы младенческими во многих отношениях ни казались они теперь нам... За пять лет революции часть пролетариев пройдет путь от Марата до Бабефа...» По существу нельзя возражать против этой характеристики, но в каком глубочайшем противоречии она находится со всем тем, что пишет Ж. Жорес о Марате, о его «злобе и ненавистничестве», о его теоретической и политической «узости»! Так сильны реакционно-буржуазные традиции исторической литературы, что даже Ж. Жорес при изображении Марата не избег их влияния. И неудивительно: реформист в вопросах пролетарской революции конца XIX в., Жорес не понял основного во взглядах Марата, того, о чем писал Ф. Энгельс: Марат в эпоху буржуазной революции защищал интересы трудящихся масс, защищал требования непрерывной революционной борьбы с врагами народа за полное освобождение плебейских масс от старого порядка и господства новой буржуазной аристократии, за диктатуру плебейских масс после победы вооруженного восстания.

Революционная деятельность Марата 1791 г. служит подтверждением и итогом всему тому, о чем мы говорили в предшествующих главах. «... буржуазия была тем классом, — писал Маркс в «Новой Рейнской газете», — который *действительно* стоял во главе движения. *Пролетариат* и *не принадлежавшие к буржуазии слои городского населения* либо не имели еще никаких отдельных от буржуазии интересов, либо еще не составляли самостоятельно развитых классов или частей класса. Поэтому там, где они выступали против буржуазии... они боролись только за осуществление интересов буржуазии, хотя и небуржуазным способом. Весь *французский терроризм* был не чем иным, как *плебейским способом* разделаться с *врагами буржуазии*, с абсолютизмом, феодализмом, мещанством» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 114). Отсюда исторические противоречия плебейского революционного движения.

Маркс и Энгельс утверждали в «Святом семействе», что Робеспьер, Сен-Жюст и их партия погибли потому, что они смешивали античный демократический общественный порядок, который покоился на основе действительного рабства, с новейшим представительным государством, которое покоится на эмансипированном рабстве, на буржуазном обществе. Сен-Жюст в свое время охарактеризовал исторические идеалы якобинцев краткой, но убедительной фразой: «Революционеры должны быть римлянами». Противоречия между мелкобуржуазным идеалом равенства и реальной буржуазной действительностью соответствовали, говоря словами Маркса, противоречиям между «народнохозяйственными и промышленными отношениями буржуазного общества и античного мира».

В 1905 г. Ленин, обсуждая статью Маркса об американском «черном переделе» в связи с проектами Криге, писал: «Итак, перед нами настоящий план американского «черного передела»: изъятие массы земли из торгового оборота, право на землю, ограничение пределов землевладения или землепользования. И Маркс с самого начала выступает с трезвой критикой утопизма, указывает на неизбежность превращения патриархального строя в индустриальный, т. е. на неизбежность развития капитализма, если говорить современным языком. Но было бы большой ошибкой думать, что утопические мечты участников движения заставляют Маркса отрицательно отнестись к самому движению вообще. Ничего подобного. Еще тогда, в самом начале своего литературного поприща, Маркс умел выделять реальное прогрессивное содержание движения от его мишурных идеологических облачений» («Маркс об американском «черном переделе»». — Соч., т. 8, стр. 295).

Продолжая свою мысль, Ленин в той же статье отмечает революционную сторону нападения на поземельную собственность, он указывает на то, что для Маркса мелкобуржуазное движение является своеобразной «первоначальной формой пролетарского, коммунистического движения» (там же, стр. 299). Криге и ему подобные мелкобуржуазные демократы ошибаются, если думают, что их аграрная реформа избавит крестьян от вовлечения их земли в торговый оборот; она приведет только к расширению базы капиталистического развития. Только в XX столетии пролетарская партия смогла подойти с развернутой критикой к опыту социального движения плебейских масс, вскрыть то передовое, что было в этом движении, и отмести ту реакционную утопию, которая была с этим движением связана. Тем самым Ленин дал нам ключ к анализу социальной и аграрной утопии Марата; он дал нам возможность

распознать то исторически своеобразное и революционно значительное, что наряду с утопическими элементами таилось в этих проектах.

В V главе мы уделили значительное внимание классовой борьбе вокруг закона Ле Шапелье. Мы видели, как в борьбе с этим законом плебейство и его теоретик и вождь Марат защищали экономические и политические интересы масс, хотя их требования нередко связаны были с защитой цеховых организаций. Маркс в I томе «Капитала» отмечает, что «французская буржуазия в самом начале революционной бури решилась отнять у рабочих только что завоеванное право ассоциаций». Он иронически замечает, что Ле Шапелье защищал свободу хозяев, — «так как коалиция против деспотии бывших цеховых хозяев есть — что бы вы думали? — есть восстановление цехов, отмененных французской конституцией» (К. Маркс. Капитал, т. I, 1955, стр. 745—746). Ленин продолжает и углубляет эту мысль Маркса, когда вскрывает политическую роль *цехового ремесла* в эпоху буржуазных революций: «Именно ремесленники, — писал он, — даже в Западной Европе, где цеховое устройство было так сильно, проявляли, как и другие мелкие буржуа в городах, особенную революционность в эпоху падения абсолютизма» («Шаг вперед, два шага назад». — Соч., т. 7, стр. 221). Это не значит, что нам следует в какой-то ни было мере забывать о специфически реакционных чертах цехового ремесла в эпоху промышленного переворота. Но в отличие от революции XX в. цеховое городское ремесло в буржуазных переворотах XVIII столетия играло решающую роль. Сопоставляя борьбу со старым порядком в России и буржуазную революцию на Западе, Ленин писал: «Наше крестьянство создало в первый же период русской революции аграрное движение несравненно более сильное, определенное, политически сознательное, чем в предыдущих буржуазных революциях XIX века. Дело в том, что тот слой, который составлял ядро революционной демократии в Европе, — цеховое городское ремесло, городская буржуазия и мелкая буржуазия, — в России *должны были* повернуть к контрреволюционному либерализму» («К оценке русской революции». — Соч. т., 15, стр. 37).

Экономическое движение ремесленного пролетариата 1791 г. играло роль политического фактора решающего значения. При этом нужно помнить, что и чисто политическое движение масс в эти годы ставило себе определенные экономические задачи. Ошибка Е. Тарле состояла не только в том, что он игнорировал политическое значение стачечной борьбы, борьбы вокруг закона Ле Шапелье, но и в том, что он экономический смысл этой борьбы не смог увязать с революционным движением плебейских масс, радикальной оппозиции новому буржуазному порядку. Более того, он не смог рассмотреть все эти вопросы под углом зрения общих задач революции как составную часть классовых программ борющихся сторон.

Плебейская оппозиция, в том числе ее городские элементы, играла роль движущей силы революции, проявляла огромную энергию в революционной борьбе. Ее роль в свержении монархии и победе республики была решающей. Задача эта была осуществлена только после 10 августа 1792 г. Но уже в 1791 г. демократическое движение подготовляло условия для торжества республиканских идей.

Прошло немногим более полутора лет с момента созыва Законодательного собрания до убийства Марата, 13 июля 1793 г. Но это время связано с историей гражданской войны в стране, подготовившей «господство террора», задача которого сводилась к тому, «чтобы ударами своего страшного молота стереть сразу, как по волшебству, все феодальные руины с лица Франции. Буржуазия, с ее трусливой осмотрительностью, не справилась бы с такой работой в течение десятилетий. Кровавые действия народа, следовательно, лишь расчистили путь» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 299). История французской революции 1792—1794 гг. тесно связана с историей движения крестьянских масс и городской бедноты против режима феодальной и буржуазной аристократии. Крестьянское движение играло решающую роль, начиная с июльских дней 1789 г. и особенно с весны 1792 г. «Франция, — по словам Ленина, — раньше других стран скинула феодализм, смела его *после нескольких лет* победоносной революции, повела неуставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически и политически отсталых народов. . . Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области» («О революционной фразе». — Соч., т. 27, стр. 3—4).

Крестьянское движение оказало огромное влияние на исход революции 10 августа; оно вызвало необходимость новой революции против Жиронды (31 мая—2 июня), явилось главнейшим фактором, определившим победу французской буржуазии. Со смертью Марата в основном кончается первый этап аграрного движения, направленного против феодальных замков. Летом 1793 г. в аграрном движении наступает перелом: между крупнособственническим крестьянством и малоимущим населением деревни развернулась борьба за землю. Это внесло в историю революции значительные изменения, и с осени 1793 г. богатое крестьянство стало оказывать жесто-

кое сопротивление социально-экономической политике Конвента. В это именно время деревенским санкюлотам пришлось вести ожесточенную борьбу с богатеями. Ленин в свое время отмечал, что накануне революции во Франции еще не завершился раскол ее полусредневекового крестьянства на деревенскую буржуазию и пролетариат (см., например, «Что такое «друзья народа»...». — Соч., т. 1, стр. 231), но в ходе самой революции процесс дифференциации крестьянства сделал значительные успехи. Решающую роль здесь сыграла распродажа национальных земель. Конечно, не следует преувеличивать глубину процесса классового расслоения крестьянства накануне промышленного переворота, но нельзя обходить молчанием, как это делает большинство буржуазных историков, этот процесс обострения классовой борьбы во французской деревне в годы революции. Работы Лефевра «об аграрном вопросе эпохи террора» дают в этом смысле богатый материал. Революционная деятельность Марата падает на время, когда в с е крестьянство, в своей основной массе, было еще революционным. Впрочем, Вандея служила уже и тогда, с весны 1793 г., поправкой к этому положению, грозным предзнаменованием.

С весны 1792 г. усилилась и роль плебейских элементов города в революционной борьбе. Эти плебейские элементы стали решающей силой в рядах мелкобуржуазного демократического блока. В событиях 10 августа наиболее революционными секциями Парижа были секции с развитой промышленностью, секции, в которых преобладали пролетарские и полупролетарские элементы или же те элементы мелкой буржуазии, которые шли вместе с ними. Сент-Антуанское предместье, где решающую роль играли рабочие мебельной промышленности, квартал Сен-Мартен, где рабочие — сукноделы, пивовары, бочары — были героями дня, бывшая секция Кордельеров, ныне секция Французского театра, населенная наборщиками, каменщиками и мелкими буржуа — интеллигентами, наконец, секция Гравильеров, Моконсей и Круа Руж, где преобладали ремесленники, — все они оказали решающее влияние на ход и исход революции 10 августа. С их помощью была свергнута монархия.

Те же элементы играли роль активной и решающей силы в революции 31 мая—2 июня, революции, в которой Марат был вождем предместий. Среди этих же плебейских элементов рекрутировалась оппозиция якобинскому клубу, оппозиция, которая одно время группировалась вокруг клуба Кордельеров. Среди плебейских элементов предместий действовали «бешеные» во главе с Жаком Ру, среди них будущие эбертисты (после смерти Марата) находили солдат для своей армии.

Изучение истории плебейской оппозиции имеет решающее значение для выяснения всех перипетий Великой французской революции. Якобинская диктатура была подготовлена событиями 1792 г., но начало ее относится к июню-июлю 1793 г., ко времени гибели Марата. Мы вынуждены поэтому в исследовании о Марате ограничиться п р е д ы с т о р и е й этой диктатуры. Своего кульминационного пункта борьба плебейских масс за демократию достигла в августе-сентябре 1792 г. Марат долго и упорно подготовлял эту революцию. Гражданская война в стране разразилась в момент борьбы с европейской коалицией, в период экономической разрухи. Контрреволюция объединяла теперь не только дворян и попов, не только короля и его министров, не только крупных откупщиков и финансистов. Постепенно в ряды контрреволюции вступал один отряд буржуазии за другим, опасаясь новой революции во имя равенства. Демократия означала уже нечто большее, чем требование республики. Политические задачи Марата тем самым расширялись. Задачи непрерывно продолжающейся революции в интересах трудящихся масс требовали установления революционной диктатуры этих масс. Жиронда — партия торгово-промышленной буржуазии — стояла поперек пути маратовской программы революции. Марат начал борьбу с этой партией не на жизнь, а на смерть, борьбу, продолжавшуюся с весны 1792 г. по июль 1793 г. и послужившую причиной гибели Марата. Шарлотта Корде была, безусловно, орудием в руках Жиронды, точнее того контрреволюционного блока, который после революции 2 июня Жиронда возглавляла.

События 2 сентября были продолжением революции 10 августа. Буржуазная историография до сих пор считает сентябрьские дни погромом разбушевавшейся стихии столичного плебса. Марат изображается ими как руководитель банды погромщиков. Эта легенда бесспорно является реакционным вымыслом. 2 и 3 сентября революционные массы Парижа во главе с Маратом попытались продолжить и завершить дело, начатое революцией 10 августа. Для Марата очевидно было, что торжество революционной диктатуры предполагает не только устранение Людовика XVI и провозглашение республики, но и устранение Жиронды. Задачу эту он осуществил в последующие месяцы в революции 2 июня 1793 г., когда жирондисты были изгнаны из Конвента.

Но даже эта революция не осуществила всей программы Марата. Последний вынужден был в конце июня и в начале июля 1793 г. признать, что и июньское восстание не дало народу полной победы. В исторической обстановке революции конца XVIII в. были заложены классовые противоречия, которые привели и должны были привести плебейскую оппозицию к поражению. Марат не понимал этого. Можно было несколько перефразировать слова Энгельса и сказать, что если

в 1796 г. попытка революции плебейских масс была сделана «слишком поздно», то в 1792—1793 гг. она была предпринята «слишком рано». Это объясняет нам, почему в июне и июле 1793 г. Марат был изолирован в рядах якобинцев, почему он в это время выступал против «бешеных», по его мнению, не учитывавших значение политической демократии.

7 июля 1792 г. в замечательной статье «О революции, не удавшейся народу» он писал: «Неверно, что вся нация поднялась в 1789 г. против деспота; он всегда был окружен своими приспешниками, дворянством и духовенством, судебными сановниками, финансистами, капиталистами, учеными, литераторами и их ставленниками. . . Революция была совершена и поддержана лишь самыми низшими классами общества — рабочими, ремесленниками, землевладельцами, простонародьем, теми обездоленными, которых наглые богачи называют чернью и которых римская заносчивость называла пролетариями». Впрочем, Марат не может не проникнуться пессимизмом в связи с тем, что эти «пролетарии» до сих пор скованы слепой верой в закон, в конституцию и авторитет, что они подчиняются своим господам, софистам, торгашам свободы. «Народ, — с горечью замечает Марат, — далек от понимания того, что единственный способ установить свободу и обеспечить себе покой заключается в том, чтобы беспощадно уничтожить предателей отечества и утопить заговорщиков в их собственной крови». Так писал он накануне революции 10 августа. Все то, о чем он писал в августе и сентябре 1792 г., сводилось к практическим указаниям на случай нового восстания, к пропаганде революционной диктатуры.

В феврале 1793 г. он вместе с «бешеными» вел борьбу за экономические требования масс против Жиронды. Но левое крыло якобинской демократии не было ни однородным, ни организованным течением. Идея политической демократии в рядах плебейских масс постепенно исчерпала себя. Во главу угла стали теперь требования экономического равенства, но исторически огромное значение имел тот факт, что блок «бешеных» и маратистов был временным и непрочным явлением. Экономические требования предместий не были у «бешеных» связаны с ясной политической программой; маратисты же в свою очередь не смогли довести до программной ясности экономические требования руководимых ими народных низов. В этом мы видим одно из противоречий революции плебейских масс XVIII в., в этом мы видим отличие «бешеных» от маратистов. Те и другие действовали в одной и той же социальной среде; у тех и других поэтому мы встречаем непонимание связи социальных и экономических отношений буржуазного общества.

В апреле 1793 г., ведя агитацию за установление революционной диктатуры, Марат все больше и больше приходит к необходимости порвать с легальностью. Он противопоставляет право революции конституционному праву. В полном противоречии со своими убеждениями демократа и руссоиста он добавляет: «Я считаю несуществующими, необязательными все декреты Конвента, которые не были внесены партией патриотов». Марат требует, чтобы Конвент стал только собранием «преданных патриотов». 20 июня 1793 г. он дал окончательную формулировку тому, что он понимал под диктатурой: «В моих устах требование вождя не означает требования повелителя. Никто больше меня не питает отвращения к повелителю. Но в настоящую критическую минуту я полагаю, что народу нужны вожди, которые руководили бы действиями народа, чтобы он не делал ложных шагов, и чтобы усилия его не были напрасны, ибо что такое 100 тысяч людей, сутки стоящих под ружьем, если у них нет вождей и руководителей?» Во имя этих принципов он и вел борьбу с Жирондой. Когда 31 мая демократы-якобинцы хотели ограничиться демонстрацией против Жиронды, он ударил в набат; 2 июня стало «днем Марата». Но здесь-то и проявилась его трагедия как революционного деятеля, как вождя плебейских масс в буржуазной революции XVIII в. Это была, конечно, не личная трагедия, а трагедия класса. Плебейские массы не имели самостоятельной программы новой революции. Эта программа была направлена в основном только против феодализма. История борьбы Горы и «бешеных», «бешеных» и Марата до сих пор не исследована. Разобраться в этой истории — задача второго тома. Только внимательный анализ истории гражданской войны 1792—1793 гг. даст нам возможность понять роль Марата в истории Французской революции этих лет.

В июне 1793 г. Марат заболел, но он не переставал интересоваться всеми перипетиями борьбы. Он наблюдал внимательно за ходом событий. Жорес утверждает, что Марат в это время считал революцию законченной, что он взял на себя охрану порядка. Это утверждение противоречит фактам; оно основано на невнимательном отношении к деятельности Марата. В июле 1793 г., за две недели до своей смерти, Марат вновь начал активную борьбу с революционным правительством Дантона — Баррера. Он настаивал на диктатуре еще в письме якобинскому клубу от 20 июня 1793 г. Марат обрушился в эти дни на политическое «болото» Конвента, он порвал с Дантоном, со всей политикой «Жиронды без жирондистов». 25 июня он потребовал отмены «перманентности» дистриктов, «потому что богачи, интриганы и плуты, свободные от труда, имеют, таким образом, возможность захватить народное собрание, а поденщики,

ремесленники, рабочие и мелкие лавочники, землепашцы, словом, вся масса обездоленных, принужденных работать, для того чтобы существовать, не могут участвовать в собраниях, чтобы подавлять преступные происки врагов свободы». Итак, критика правительства 2 июня идет в том же направлении, что и критика Жиронды. Во что вылилась бы эта критика в сентябре 1793 г., мы не знаем; деятельность Марата была прервана ударом кинжала 13 июля.

Марат был не демагогом, а политиком и теоретиком революции; и после победы революции 2 июня он считал необходимым не повторять 2 сентября, а проверить, что будет собою представлять новое якобинское правительство. В э т о м было расхождение между «бешеными» и Маратом. 4 июля Друг народа обрушился статьей на Жака Ру как представителя «экзальтированных патриотов», которые наносят своей пропагандой вред революции. Жак Ру настаивал на том, что он только проводит в жизнь принципы Марата. В этом он был прав; не поняли «бешеные» только того, что разногласия шли по линии оценки данного политического момента, о своевременности выступлений масс в июне-июле 1793 г.

Чувство взаимной неприязни Марата и Жака Ру в тот момент было так велико, что Жак Ру даже подвергся аресту после 13 июля по обвинению в убийстве Марата. Текст допроса сохранился в архивах.

Убийство Марата послужило сигналом для оживления агитации «бешеных». Его именем воспользовались Жак Ру и Леклерк, общество защитников республики и женщин-республиканок, словом, все те, кто сыграл огромную роль в феврале 1793 г. В это время имя Марата стало знаменем углубления революции. Осенью 1793 г. и весной 1794 г. его политические требования стали программой эбертистской революции.

Второй том нашего исследования тем самым естественно посвящен следующим вопросам: Марат и революция 10 августа — 2 сентября 1792 г.; Марат и революция 31 мая—2 июня 1793 г.; классовая борьба в июне и июле 1793 г.; корреспонденты Марата; Марат и революционная диктатура II года; Марат и маратизм в исторической литературе; вопрос о маратизме в истории революционных идей XIX в.

Учение Марата принадлежит XVIII в., революционному движению плебейских масс эпохи промышленного переворота. Как ни блестящи отдельные высказывания Марата, как ни выделяются его требования своей революционной устремленностью, они целиком отражают мелкобуржуазную идеологию демократии XVIII в., ее плебейского крыла. Пролетариат не продолжил, не усвоил идейного наследства этой демократии, в том числе и революционной теории Марата. Он воспользовался

ею только как материалом для создания новой, классово отличной теории пролетарской революции, революции против капитализма во имя социализма. Революционная диктатура Марата опирается на теорию народного суверенитета, ее основой является всеобщее избирательное право и парламент. Классовая борьба рассматривается Маратом вне всякой связи с производственными отношениями, определяющими позиции борющихся классов. Даже там, где Марат указывает на роль материальных интересов при формировании идей борющихся сторон, он не забывает подчеркнуть, что идеи играют решающую роль для понимания противоречий этих интересов. Экономическая программа революции Марата отличается теми же особенностями, что и его политическая программа. Сохраняя собственность, Марат предполагает возможным сломать сопротивление имущих классов. Отклоняя аграрный закон, он ограничивается утопией трудовых артелей; его идеал — эгалитарная республика равных товаропроизводителей, «демократия трудящихся». Те же противоречия мы находим в его формулировках, связанных с вопросами тактики и стратегии народного восстания.

Плебейская оппозиция XVIII в. неизбежно должна была потерпеть поражение. Она была только известным этапом в эпоху буржуазной революции. Пролетариат и вся масса неимущих, которая захватила власть, смогла направить буржуазную революцию против самой буржуазии только на короткое время. Но их минутная победа, по словам Ф. Энгельса, послужила наилучшим доказательством всей невозможности прочного господства рабочего класса при тогдашних условиях. Пролетариат, еще не выделившийся из общей массы неимущих людей, составлял в то время лишь зародыш будущего класса и не был способен к самостоятельному политическому действию. Диктатура плебейских масс не могла быть поэтому длительной. На это указывал неоднократно Ленин. Он отмечал: «Это показал общий ход революций, в которых бывали краткосрочные диктатуры трудящихся, поддержанные временно деревней, но не бывало упроченной власти трудящихся; все в короткое время скатывалось назад. Скатывалось назад именно потому, что крестьяне, трудящиеся, мелкие хозяйчики своей политики иметь не могут, и после ряда колебаний им приходится идти назад. Так было и в великую французскую революцию. . .» (Соч., т. 32, стр. 257).

«Исполинская метла французской революции XVIII столетия смела все эти остатки давно минувших веков и очистила таким образом общественную почву от последних помех для сооружения здания современного государства» («Гражданская война во Франции в 1871 г.». — К. М а р к с и Ф. Э н-

гельс, Соч., т. XIII, ч. II, стр. 310). Речь идет о государстве буржуазии, о революции, направленной против феодализма. Плебейская оппозиция в этой революции не смогла еще сыграть той роли, какую сыграл пролетариат в революциях XIX—XX вв. Жан-Поль Марат своей деятельностью 1789—1793 гг. подготовил теорию якобинской диктатуры плебейских масс, взявших на себя руководство событиями после его смерти, летом 1793 г. Историческое значение деятельности Марата в том, что она дает нам возможность выяснить, что из себя представляла теория революции и диктатуры в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая*

[1] См. Al. Bougeart. Marat, l'Ami du Peuple, v. I, 1865, p. 6.

[2] См. «Journal de la République Française», 14 janvier 1793, N 98.

Мы приводим выдержки из этой автобиографии дальше в тексте.

[3] Sidney L. Phipson. J.-P. Marat-His Career in England and France before the Revolution, 1924.

Отзыв об этой книге см. в журнале «The South Atlantic Quarterly», IV, 1926 (Gottschalk. The Criminality of J.-P. Marat).

[4] См. Al. Bougeart. Op. cit., v. I, p. 35—63; F. Chévremont. J.-P. Marat, v. I, 1870, p. 9—75; кое-что см.: Er. Belfort-Bax. J.-P. Marat. The People's Friend, 1900.

Цитированная выше книга Фипсона изображает Марата шарлатаном. Кое-какой материал о Марате как ученом рассеян по различным научным журналам. Общей сводной работы нет.

[5] См. Cl. Roux. Marat et l'Académie de Lyon—d'après des documents inédits; оттиск статьи «Marat et les Académies», 1913—в «Les Mémoires de l'Académie des Sciences, Belles Lettres et Arts de Lyon», v. XVIII, 1923; первый мемуар под № 5 — «Expériences que Newton donne en preuve du système de la différente réfrangibilité des rayons hétérogènes».

[6] О полной беспомощности в этом вопросе столь богатой литературы XVIII в. свидетельствует, например, работа: Aubertin. L'esprit publique au XVIII siècle.

[7] «Vie criminelle et politique de J.-P. Marat, se disant l'Ami du Peuple, adoré, porté en triomphe comme tel, et après sa mort projeté saint par la jacobinalle, ou l'homme aux 200 000 têtes, le vampire le plus remarquable de la République Française», Paris, 1795.

[8] Цит. по кн.: Al. Bougeart. Op. cit., v. I, p. 75.

[9] «Revue des Deux Mondes», 1884, p. 325.

[10] Brissot. Mémoires, v. II (1754—1784), p. 195—217; см. также: Primo. La jeunesse de Brissot, 1933.

[11] См. Brissot. De la Vérité ou Méditations sur les moyens de parvenir à la Vérité dans toutes les connaissances humaines, p. 163—188, 333—340.

[12] Brissot. Mémoires, v. I, p. 207: «On apprend mieux à connaître Marat dans la partie de sa vie, qui a précedé la Révolution, que dans celle qui suivit: depuis 1789 il a été constamment sur les tréteaux, auparavant on le voit chez lui et plus au naturel. . .».

[13] Так, в предисловии к «Roman de Coeur» Марата, опубликованному в 1848 г., мы читаем: «Есть два Марата. . . Марат, которого знает весь мир. . . и другой, о существовании которого по сей день никто не подозре-

* Русский перевод включенных в примечания иностранных текстов см. на стр. 550—559.

вает». Кое-какой прогресс с 1848 г. мы все же можем, таким образом, констатировать в изучении предреволюционной деятельности Марата.

[14] «Biographie Rabbé», цит. по кн.: C a b a n è s. Marat inconnu—l'homme privé, le medecin, le savant, ed 2.

[15] См. документы в кн.: F. C h é v r e m o n t. Op. cit., v. II, p. 2—4.

[16] См. C a b a n è s. Op. cit., p. 39. «Gamin têtu et violant».

[17] «Journal de la République Française», № 98. Мы приводим здесь только часть статьи, вторую ее половину мы дадим в следующей главе при изложении событий 1789—1791 гг.

[18] См. Er. B e l f o r t - B a x. J.-P. Marat.

Автор производит фамилию «Mara» от «waters of Marah».

[19] С в е т о н и й. Жизнь двенадцати цезарей, СПб., 1904, глава об Августе (русский перевод).

[20] «Мадам, так как у вас самый дьявольский язычок, какой когда-либо существовал в нашем городе, и вы являетесь известной лгуньей и кляузницей, никогда не устающей оскорблять соседей своим языком, я позабочусь, чтобы в Женеве вас знали. Я уже написал о вас нескольким лицам и изобразил вас в должных красках, а также и ваших детей, которые на вас похожи.

Ваш одноглазый сын (по-видимому, Давид. — *Ц. Ф.*) — известный сорванец. Это он больше всех насолил адвокату. Да, я повторяю еще раз, что вы известная лгунья, злой язык, женщина без характера, презренная и низкая особа. Ваш муж не лучше. Он низкий льстец и подпевала.

Прощайте! Советую вам изменить ваше поведение. Я забыл вам сказать, что всюду, где только возможно, я буду вас изобличать. Я уже написал в анонимках четырем лицам о том, что вы собой представляете, и мне еще придется написать десяток писем, описывающих вас и ваших детей, не позабыв при этом и вашего мерзавца и льстеца мужа. Я собирался написать г-ну Жоли, но не могу этого сделать. Умерьте ваш адский и дьявольский язык. Но это не все. Для вас приготовлено еще много других вещей.

Вашим дочерям точно так же подобает жить в Женеве, как и вашему мужу. . . » (далее автор письма обещает широко распространить слух о них в Женеве; называет ее женой предателя.)

[21] B r i s s o t. Mémoires, v. I, p. 281—282.

[22] См. некролог М. Корфа в «Сыне отечества» за 1821 г., цит. по кн.: Я. Г р о т. Пушкинский лицей, 1811—1817 гг., СПб., 1911.

[23] Там же, приложение «Записки графа М. Корфа», стр. 232. Утверждали, что де Будри перевел «Недоросля». Вот внешний облик Будри: «Забавный коротенький старичок с толстым брюхом, с засаленным, слегка напудренным париком, кажется, никогда не мывшийся и всего только раз в месяц переменявший на себе белье. . . ». Некоторое время (см. «Русский архив» за 1866 г.) путали Будри с легендарным «братом» Робеспьера, жившим в России (за брата Робеспьера принимали эмигранта Сенак де Мильена). Существует преданне о том, что портретист Куртейль и Будри одно и то же лицо.

[24] Так пишет издатель «Мемуаров» Бриссо, см. v. I, p. 282.

[25] Бужар (op. cit., v. I, p. 6) писал об отце Марата как о враче. В цитированном сочинении Шевремона эта ошибка исправлена, но указаны только два брата Марата: Анри (по ошибке указано, что он жил в России) и Жан-Пьер — будущий фабрикант часовых стрелок и компасов; о Давиде совсем не упоминается (p. 2—3).

[26] «Le Publiciste ou l'Ami du Peuple», № 147.

[27] Т о к в и л ь. Старый порядок и революция, (главы «Что, собственно, сделала революция», стр. 24—25; «Как почти вся Европа имела совершенно одинаковые учреждения и как эти учреждения повсеместно пали. . .») «. . . Кто изучал и видел только Францию, тот — скажу смело — никогда ничего не поймет во французской революции» (русский перевод).

[28] См. там же, стр. 22—23.

«Существующий порядок вещей, — говорит один немецкий писатель, современник и друг этого старого порядка, — кажется, всех вообще оскорбляет, а иногда вызывает и презрение». Токвиля удивляет, что при этом в «Германии и Франции общество было очень деятельно, и благосостояние его постепенно возрастало».

Классовые противоречия углублялись вместе с капиталистическим развитием Европы.

[29] M a b l y. De l'étude de l'Histoire, Oeuvres, v. XII, part III, ch. II, p. 311.

[30] См. В. И. Л е н и н. Соч., т. 3, стр. 285: «. . . мы должны проанализировать формы промышленности в пореформенной России, т. е. изучить данный строй общественно-экономических отношений в обрабатывающей промышленности и характер эволюции этого строя».

[31] См. там же, стр. 331.

В непонимании этого положения Ленин видит главную ошибку народников.

[32] См. там же, стр. 478.

[33] Там же, стр. 480.

[34] См. там же, стр. 336.

[35] В. И. Л е н и н. Соч., т. 3, стр. 385.

[36] См. там же, стр. 387.

[37] См. там же, стр. 333.

[38] См. там же, стр. 47.

[39] Цит. русский перевод кн. М о н т е с к ь е. Дух законов, стр. 117: «Единственное место для добродетели — рядом со свободой, но рядом с крайней свободой она бывает только тогда, когда уже находится рядом с рабством».

[40] Там же, стр. 119.

Аристократия, по Монтескье, соблюдающая законы, подобна хорошей монархии; при несоблюдении законов в стране с аристократическим образом правления неизбежно образуются два класса, остро враждебные друг другу.

[41] Там же, стр. 127, гл. «Отличительные свойства монархии».

[42] М о н т е с к ь е. Путешествие, т. II, стр. 203—234 и «Персидские письма», письмо 103. «Монархии Европы не заслуживают более этого имени; они вырождаются в деспотии. . .».

[43] Р у с с о. Общественный договор, цит. по русскому переводу, гл. IX «О признаках хорошего правления».

[44] Там же, стр. 127—128. «На основании этого же принципа нужно судить о том, какие столетия заслуживают предпочтения с точки зрения благосостояния рода человеческого. Слишком много удивлялись тем векам, в течение которых процветали наука и искусства, не внимая достаточно внимательно в тайную цель их культуры, не обращая внимания на их пагубные результаты».

[45] Там же, стр. 132, гл. «О злоупотреблениях правительства и об его наклонностях к вырождению».

[46] Там же, стр. 10, главы «О демократии» и «Об аристократии».

Из трех видов аристократии первая, естественная, годится для простых народов; третья, выборная, лучше всех; это аристократия в строгом смысле; вторая, наследственная, худший вид аристократии.

[47] См. Р у с с о. Соч., т. VIII, стр. 271.

[48] См. Р у с с о Emile. «Vous vous fiez à l'ordre actuel de la Société sans songer que cet ordre est sujet à des révolutions inévitables. . . Nous approchons de l'état de crise et du siècle des révolutions».

[49] Монтескье. Дух законов, стр. 120, гл. «Опасное следствие разложения принципа монархического правления».

[50] Там же, éd. 1860, p. 100. «Lorsque les principes du gouvernement sont une fois corrompus, les meilleures lois deviennent mauvaises et se tournent contre l'Etat; lorsque les principes en sont sains, les mauvaises ont l'effet des bonnes: la force du principe entraîne tout».

[51] Там же, стр. 122, гл. «Об естественных последствиях здорового и испорченного состояния принципов».

[52] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 368.

[53] Токвиль. Ук. соч., гл. «Что, собственно, сделала революция», стр. 25.

[54] Об экономическом развитии Швейцарии XVIII в. см. L. Dufour. Industrie et état social de Genève au XVIII siècle. По вопросу о связи политической доктрины Ж.-Ж. Руссо с государственным бытом Женевы см. Алексеев. Жак-Жак во Франции, стр. 147.

[55] См. Bérenger. Histoire de Genève depuis son origine jusqu'à nos jours, v. III; D'Ivernois. Révolutions de Genève; Roget. Histoire du peuple de Genève; Алексеев. Ук. соч.; предисловие к кн. Rousseau. Oeuvres complètes, v. III, éd. 1883; P. G. Petitain. Tableau de la Constitution de Genève à l'époque ou Rousseau publia les «Lettres de la Montagne» et récis des événements qui en furent la suite.

[56] См. цитированное выше предисловие Петитена, p. 1; см. также «Contrat social», livre 1, ch. VI, примечание по русскому переводу, стр. 31; точно так же поступил и Даламбер в своей статье о Женеве «Энциклопедия», т. VII.

[57] Алексеев. Ук. соч., стр. 153—154.

Остальные назывались «почтенными».

[58] Ролланд-Гольст. Ж.-Ж. Руссо, стр. 15.

[59] Rousseau. Oeuvres complètes, v. III. Lettre á M. d'Alambert, p. 155—156.

[60] См. Ролланд-Гольст. Ук. соч., стр. 10; Алексеев. Ук. соч., стр. 158—159; G. Moor. A View of Society and Manners in France, Switzerland and Germany.

[61] Из речи генерал-прокурора Теодора Гренуса перед Советом двухсот в 1699 г. — см. Алексеев. Ук. соч., стр. 120.

[62] Речь 22 ноября 1524 г. по поводу союза Женевы, Берна и Цюриха.— Там же, стр. 142.

[63] Апрель 1707 г. Ответ Делакана на меморандум, содержащий требования народа: «Наш образ правления демократический, хотя в нем и не принимают участия все живущие в наших стенах». — Там же, стр. 171—183.

[64] Цит. по одному из протоколов народного совета, на котором два синдика недополучили 450 голосов. Протокол говорит о двух классах недовольных—«мелком люде» и «купцах и ремесленниках».—Там же, стр. 120.

[65] Интересный материал даст имеющаяся в нашем распоряжении книга «Relation des troubles qui ont regné dans la ville de Genève pendant l'année mil sept cents trente-quatre», Rome, MDCCXXXVI. В этом замечательном сборнике документов мы нередко встречаем призывы к «защите отечества», «к оружию», «любовь к нашей свободе заставляет нас пролить последнюю каплю крови во имя спасения нашего общего отечества» и т. д.

[66] По брошюре Шапоружа — защитника правительственной партии; цит. по кн.: Алексеев. Ук. соч., стр. 212.

[67] См. там же, гл. III, стр. 222—240.

[68] См. добавленную главу окончательной редакции «Общественного договора», «Si la volonté générale peut errer»; эта глава, по мнению Алексеева, была адресована народной партии. — Там же, стр. 253.

[69] См. «Lettre à M. d'Alamber», p. 142.

[70] Письма Вольтера Даламберу и Тьерену от 2 сентября 1758 г. и 3 октября того же года, т. XXXIX, стр. 488—489, 511.

[71] Письмо Троншена, цит. по кн.: Алексеев. Ук. соч., стр. 285.

[72] Цит. там же, стр. 280; см. дальше: «Первые, по его мнению, суть не что иное, как слуги народа, которых он может менять и упразднять по своему произволу. . .».

[73] См. Rousseau. Oeuvres complètes, v. III «Lettres écrites de la Montagne», lettre VI, p. 67.

[74] Ibid., p. 100. «Mais n'allons pas chercher si loin ces illustres exemples, si fastueux par eux-mêmes et si trompeurs par leur application. Ne laissez point forger vos chaînes par l'amour-propre. Trop petits pour vous comparer à rien, restez vous-mêmes, et ne vous aveuglez point sur votre position. Les anciens peuples ne sont plus un modèle pour les modernes; ils leur sont trop étrangers à tous égards. Vous surtout, Genevois, gardez votre place, et n'allez point aux objets élevés qu'on vous présents pour vous cacher l'abîme qu'on creuse au-devant de vous. Vous n'êtes ni Romains, ni Spartiates, vous n'êtes pas même Athéniens. Laissez là ces grands noms qui ne vous vont point. Vous êtes des marchands, des artisans, des bourgeois, toujours occupés de leurs intèrêts privés, de leur travail, de leur trafic, de leur gain; des gens pour qui la liberté même n'est qu'un moyen d'acquérir sans obstacle et de posséder en sûreté».

[75] Ibid., p. 165. «Dans tous les temps, cette partie a toujours été l'ordre moyen entre les riches et les pauvres, entre les chefs de l'Etat et la populace. . .».

[76] Mably. De l'Etude de l'Histoire, v. II, «Du gouvernement des Cantons Suisses, de la Pologne, de Venise et de Gênes», p. 144. По Мабли, «La Suisse vous présente une image de la république fédérative des anciens grecs. . . C'est dans la Suisse que se sont conservées les idées les plus vraies et les plus naturelles de la société». Но эта наивная вера в швейцарскую демократию даже у Мабли разъедена сомнениями: «La Suisse, corrompue par l'amour de l'argent, ne devrait-elle pas craindre un nouveau Philippe de Macédoine?. .». «S'ils perdent leur moeurs, — заявляет он в другом месте, — ils éprouveront une révolution subite». Демократические иллюзии о свободе в Швейцарии цепки и живучи среди мелкой буржуазии не только XVIII, но и XX в. (ср. рассуждения А. Матьеза).

[77] См. Brissot. Mémoires, v. I.

[78] См. Ф. Энгельс. Гражданская война в Швейцарии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 349.

[79] См. В. И. Ленин. Марксизм и восстание. — Соч., т. 26, стр. 4.

[80] Токвиль. Ук. соч., стр. 145—146.

[81] Там же, стр. 146—147.

[82] A. Young. Voyages en France pendant les années 1787—1789, v. I, 1860, p. 1.

[83] Ibid., p. 21—23, 28, 31.

«Pauvre culture, gens misérables! Par ce que j'ai pu voir, je les crois honnêtes et industrieux; ils paraissent propres, sont polis et ont bonne façon. Je pense qu'ils amélioreraient volontiers leur pays, si la société dont ils font partie était réglée par des principes tendant à la prospérité nationale».

[84] См. ibid., p. 32, 72—73.

[85] См. ibid., p. 156.

[86] См. ibid., p. 66.

[87] См. ibid., p. 160—161.

«Les conversations dont je fus témoin m'ont fait voir incroyable le changement qui s'est opéré dans l'esprit des Français, et je ne crois pas possible pour le gouvernement actuel de durer un demi-siècle de plus, si les talents les plus éminents et les plus courageux ne tiennent le gouvernail. La révolution d'Amérique en entraînera une autre en France si le gouvernement n' y prend garde».

[88] Ibid., v. II, ch. III «Du produit du blé, de la rente et du prix de la terre en France», p. 109, 112.

[89] Ibid., ch. XIII «Du Capital employé en agriculture», p. 253.

[90] Ibid,, ch. X «Des clôtures en France», p. 190.

[91] Ibid., ch. XI «Des financiers et de l'étendue des fermes de la France», p. 210—211.

[92] Ibid., ch. XVI «De la population de la France», p. 315.

[93] Ibid., ch. XVIII «Du commerce de la France», p. 355, 357, 359.

[94] Ibid., p. 373—378.

[95] Ibid., ch. XIX «Des manufactures en France», p. 380; A. Joung. North of England, v. IV, p. 404—406, 416.

[96] Наказ крестьян прихода Фосс; цит. в кн.: Ж. Жорес. История Великой Французской революции, т. I, М., 1920, стр. 180.

[97] «Пожелания шести предместий и пригородов г. Каэн о запрещении прядильных машин» приведены у Левассера в его «Histoire des classes ouvriérès en France», v. I; См. д'Аржансон. Мемуары, цит. в кн.: М. Ковалевский. Происхождение современной Франции, ч. 1, стр. 79. «Nuls travailleurs pour soi comme machines et automates».

[98] А. Смит. Исследования о природе и причинах богатства народов, т. II, гл. VII «О колониях», стр. 466 (русский перевод).

[99] См. там же, стр. 481—483.

[100] См. там же, стр. 485—486. А. Смит приводит здесь еще одно соображение в защиту внутреннего рынка и европейской торговли: «Вместо того чтобы приспособляться ко множеству небольших рынков, промышленность эта приспособилась к требованиям одного только огромного рынка. Торговля Англии, вместо того чтобы разлиться по множеству небольших каналов, изменяла свое течение главным образом по одному большому».

[102] См. там же. «Капиталистический характер физиократической системы еще во время ее расцвета вызвал оппозицию с одной стороны Ленгэ и Мабли, а с другой стороны защитников мелкого свободного землевладения».

[103] См. изложение спора в кн.: М. Ковалевский. Происхождение современной демократии, т. I, ч. III и IV, гл. I «Экономические теории прошлого века».

[104] Учение Ленгэ подробно изложено в кн. A. Philipp. Linguet ein Nationalökonom des XVIII Jahrhunderts.

[105] «Dialogues sur le commerce des blés par l'Abbé Ferdinand Galiani Napolitain», цит. по кн.: М. Ковалевский. Ук. соч., стр. 109—112.

[106] См. там же. «Les ouvriers et les manufacturiers ne peuventpas se flatter de recevoir aussi promptement l'augmentation de leur journée».

[107] Turgot. Sur la formation et la distribution des richesses, Oeuvres, v. I; Brissot. Du vol et de la propriété, 1774.

[108] Brissot. Mémoires, v. I, p. 64—65. Бриссо утверждает, что после допущенной им в молодости ошибки он доказал свою любовь и уважение к институту частной собственности.

[109] Rousseau. Discours sur l'économie politique.

[110] Mably. Doutes sur l'ordre naturel des sociétés politiques. — Oeuvres, v. XI, 1795.

[111] См. Монтескье. Дух законов, кн. 23, гл. XXIX.

[112] См. М. Ковалевский. Ук. соч., стр. 41.

[113] См. Condorcet. Oeuvres, v. XVIII, 1814, p. 45. «Je vais essayer de prouver que ces prétendues oppositions d'intérêts n'existent pas».

[114] См. Mably. De la législation ou principes des lois. — Oeuvres, v. IX, p. 90. «La propriété nous partage en deux classes, en riches et en pauvres. . .»

[115] Linguet. Théorie des lois civiles ou principes fondamentaux de la société, v. LI, p. 277, 462.

[116] Мы не можем здесь подробно остановиться на анализе этого вопроса. Но для нас, как видит читатель, конфликт между Руссо и энциклопедистами был результатом столкновения двух мировоззрений; см. цитированное выше сочинение Алексеева, а также И. Луппол. Дени Дидро, очерки жизни и мировоззрения, М., 1924.

[117] «Общественный договор», гл. «О законе», стр. 61 (русский перевод).

Не забудем очень важное для дальнейшего понимания взглядов Марата положение Руссо: «Всякий основанный на законе образ правления есть республиканский». К этому примечание: «Я подразумеваю под этим словом не только аристократию или демократию, но вообще всякое правление, руководимое общей волей, т. е. законом. Чтобы правительство было правомерным, необходимо, чтобы оно не сливалось с сувереном, а было его служителем; в этом случае даже монархия есть республика».

[118] Монтескье. Дух законов, кн. XX, стр. 330.

[119] Там же, стр. 167.

[120] Цитировано в предисловии М. Ковалевского к русскому изданию «Духа законов», стр. VI: «. . . qu'un écrivain qui voulait être utile aux hommes, devait plus s'occuper de maximes vrais dans un meilleur ordre de choses à venir, que de consacrer celles qui sont dangereuses du moment que le préjugé s'en empare pour s'en servir et les perpétuer».

[121] «Système social ou principes naturels de la morale et de la politique, de l'influence du gouvernement sur les mœurs»; цит. по изд. 1795 г., ch. VI «Réflexions sur le Gouvernement britannique», p. 336—349.

[122] De Lolme. Constitution de l'Angleterre ou état du gouvernement Anglais, comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe, 1790.

Говоря о преимуществе английской конституции, де Лольм не ограничивается только анализом теории разделения властей, что особенно подчеркивает М. Ковалевский, он отмечает, что уже под властью первых нормандских королей дворянство было объединено с народом (гл. I). Это обстоятельство, мы сказали бы, притупленность классовых конфликтов, предопределяло ход и исход английских революций: они всегда кончались, по де Лольму, обеспечением и расширением свободы народа (v. II, ch. XV, p. 67—85). Что касается преимуществ английской конституции перед республикой, то оно состоит в охране законных интересов граждан против узурпации их прав уполномоченными (v. II, ch. IX).

[123] См. М. Ковалевский. Ук. соч., стр. 267; интересны взгляды Кондорсе: idem. Idée sur le despotisme. — «Mélanges politique», v. II.

[124] «Nouveau voyage dans les États Unis de l'Amérique Septentrionale fait en 1788 par J.-P. Brissot», 1791; Mably. Observations sur le gouvernement et les lois des États Unis d'Amerique. — Oeuvres, v. VIII; Condorcet. Lettres d'un bourgeois de New Heaven à un citoyen de Virginie sur l'inutilité de partager le pouvoir legislatif entre plusieurs corps. — Oeuvres, v. XII. Интересный материал собран в цитированной выше книге М. Ковалевского, в гл. «Англомания и американофильство».

[125] См. Bardoux. La jeunesse de La Fayette, p. 218, цит. по кн.: М. Ковалевский. Ук. соч., стр. 321.

[126] Джефферсон, американский посол в Париже, писал: «Невозможно реформировать сразу вековые злоупотребления; необходимо добиться сначала того, что легко достижимо, на что правительство само готово пойти. . .», цит. по кн.: М. Ковалевского. Ук. соч., стр. 322.

[127] О политической истории Англии за 1780—1784 гг. см. Rae. The Opposition under George III; Грин. История английского народа; Г. Джефферсон. Платформа, ее возникновение и развитие, т. I—II; R. Birdley. The English Jacobins from 1789—1802; W. Hall. British Radicalism; Brown. The French Revolution in English History.

[128] Цит. по кн. Г. Джефферсон. Ук. соч., т. I, стр. 65—66.

[129] Там же, стр. 70.

[130] Там же, гл. III, стр. 100.

[131] См. «Рассуждение о французской революции» («Réflexions sur la Révolution Française»), 1791, стр. 66. «Ваши вольности не отменены; только пользование ими приостановлено. Ваша конституция, правда, подверглась многим искажениям, но вы все еще сохранили стены этого некогда величественного здания. Его основы были крепки. Вам следовало строить на них, как на фундаменте. . .»; см. J. Morley. Ed. Burke, 1879.

[132] Специально о Тюрго см. Condorcet. Vie de Turgot; Neymarck. Turgot et ses doctrines, а также цитированные выше книги Токвиля, Жореса, Матьеза (т. I).

[133] Цит. по кн.: Лависс и Рамбо. Всеобщая история, т. VII, М., 1901, гл. XII, стр. 602.

[134] В цитированном выше сочинении Токвиля читаем: «Провинциальное собрание Верхней Гиенны, говоря о крестьянах, за которых оно горячо заступается, называет их невежественными и грубыми существами, строптивыми и жестокими, неподатливого характера. Подобные выражения употребляет и Тюрго, так много сделавший для народа» (стр. 151).

[135] Во французском переводе «Un essai sur la Blennorrhée dans lequel on fait remarquer ce qu'a de défectueux a la méthode actuelle de l'urètre et où on indique ce moyen certain de les guérir», par J.-P. Marat., ed. 1912.

[136] Ch. Vellay. La Correspondance de Marat, стр. 28. «Après dix années passés à Londres et Edinbourg à faire des recherches de tout genre, je revins à Paris». Дата появления в Париже — 1777 г.

[137] В цитированном выше «An Essay on gleets» он пишет, что в октябре 1769 г. к нему обратился за медицинской помощью некий M. J. и M. J. G.— «artiste célèbre»; о пребывании в Ньюкестле см. Phipson. Op. cit.; Cabanès. Op. cit. (цит. по изд. 2).

[138] F. Chévremont. Op. cit., v. II, p. 363—365.

[139] См. цитированную выше книгу Фипсона. Автора не смущает, что соответствующие документы подтверждены ректором, профессорами и врачом университета, поименно перечисленными.

[140] Отмечено у Фипсона со ссылкой на «Nollekens and his Times», ed. 2, vol. II, p. 142—178 и «Diary», 6/XII 1793.

[141] H. Merivale. Historical Studies, 1865, p. 196—203, «Marat, learnt the theory and practice of revolutuinary agitation».

Но Уилкс не был революционером, он был врагом революции. Бесспорно, однако, что движение вокруг дела Уилкса многому научило Марата, см. его указание в «L'ami du Peuple» за 22 октября 1790 г.; H. Bleackley. Life of Wilkes, p. 392.

[142] См. F. Chévremont. Op. cit., v. I, p. 25—26.

Впрочем, Фипсон утверждает, что, по наведенным им справкам, Марат в списках масонской ложи Лондона не состоял; но известно, что регулярных списков масонские ложи не вели.

[143] К этому заключению приходит Фипсон: «. . . his energies between abstract science, anonymous political propaganda and unlicensed traffic in human and veterinary medecine. . .».

[144] Критический анализ этой уголовной хроники см.: Cabanès. Op. cit.; Gottschalk. Op. cit., p. 16—18.

[145] См. заметки А. Матьеза в «Annales historiques de la Révolution Francaise», 1930, № 5, p. 476—477.

Среди бумаг одного из защитников замка 10 августа, задержанного во время террора, С.-Ж. Перре, найдена следующая записка: «Au 31 mai 1787 je payerai à M-r Perrée la somme de six cents livres, valeur reçue comptant. Paris, ce 8 juin 1786. Bon pour 600 livres. Marat». Матьез добавляет: «Ce document prouve que Marat habitait Paris, au mois de juin 1786 et

que par consequent il n'est pas possible de lui attribuer, comme l'a fait M. Phipson avec une haute fantaisie, differents delits qu'il aurait commis à cette époque en Ecosse». Для 1776 г., когда Марат будто бы совершил кражу, в нашем распоряжении имеется документ — письмо д-ра Марата от 11 апреля 1776 г. (когда Марат, по Фипсону, находился на каторге): «За несколько дней до своего отправления в Лондон я пришел к Вам, чтобы свести наши счета, но Вас не было дома. Дела чрезвычайной важности призывают меня на некоторое время на континент. Я возвращусь в Лондон в начале октября и сейчас же займусь приведением в порядок моего маленького счета. Д-р Марат».

[146] См. Cabanès. Op. cit.

[147] К истории публикации романа см. предисловие библиофила Жакоба, издавшего его в 1848 г. «Un roman de coeur» par Marat, l'Ami du Peuple. Publié pour la première fois, en son entier, d'après le manuscrit autographe et précédé d'une notice littéraire». См. также F. Chévremont. Marat—Index du bibliophile etc., p. 31—33.

[148] Предисловие Жакоба, стр. 19—24.

[149] Al. Bougeart. Op. cit., v. I, p. 68—69.

[150] Gottschalk. Op. cit., p. 22.

[151] См. часть вторую романа, письмо LII, p. 26—80.

[152] Ibid., p. 29—36.

«Néanmoins quoiqu'elle s'efforçât ainsi de jeter de la poudre aux yeux, sans la sottise des Ottomans sa misère eut paru dans tout son jour».

[153] Ibid., p. 33—34.

«Loin d'avoir cherché à enrichir ses Etats, elle n'a travaillé qu'à les ruiner en dépeuplant la campagne de cultivateurs par des enrôlements forcés, et en arrachant à ceux qui restaient les minces fruits de leur travail pour des dessins pleins de faste et d'ambition».

[154] Ibid., p. 34—35.

«Au lieu de servir par sa sagesse à la félicité de ses peuples ne les ait-elle pas toujours servi par leur misère à sa cupidité et à son orgueil? Tout ce donc là ces hauts faits, ces actions héroïques qu'il faut admirer en extase?».

[155] Ibid., p. 36—37.

«Si elle avait quelque génie, elle aurait jeté un coup d'oeil sur ses vastes Etats; et sans s'amuser ainsi puérilement à faire de petites reformes pour tirer partie des stériles provinces du Nord, qu'il faudrait abandonner, elle aurait travaillé à faire valoir les riches provinces du Sud, si longtemps couvertes de ronces et d'épines».

[156] Ibid., p. 38—45.

«La nature vous a assez bien partagés: mais comme le gros de la nation chez vous est privé de précieux avantage de la liberté, tous les autres sont comme nuls. En Pologne il n'y a que des tyrans et des esclaves; la patrie n'a donc point d'enfants pour la défendre. . . Chez vous, où les paysans sont dépouillés de toute propriété, le cultivateur ira-t-il s'appliquer a féconder la terre pour le maître insolent qui l'opprime?».

[157] Ibid., p. 45—47.

«Ces puissances qui, sous pretexte de rétablir la paix dans vos provinces désolées, y sont entrées les armes à la main, ne veulent que les envahir et vous reduire en servitude. . .».

[158] Ibid., p. 52.

«Il faut porter la cognée à la racine. Il faut faire connaître au peuple ses droits et l'engager à les revendiquer; il faut lui mettre les armes à la main, les saisir dans tout le royaume les petits tyrans qui le tiennent opprimé, renverser l'édifice monstrueux de votre gouvernement, en établir un nouveau sur une base équitable et dont toutes les parties se balancent les unes les autres dans un juste équilibre. . .».

[159] Ibid., p. 55—56.

«. . . Les sots, éblouis par ses victoires, pourront le louer: mais il n'en sera pas moins l'objet du mépris des sages. . .».

[160] Ibid., p. 60—62.

«Il a cherché à étendre le commerce dans ses Etats: mais il s'y est pris de manière à l'empêcher d'y florir jamais. Car il s'en mêle lui-même, au lieu d'en laisser tout le profit a ses peuples. D'ailleurs il le gêne pour le tourner selon ses vues; il le surcharge d'impôts. Il inquiète les riches marchands, il use de supercherie pour confisquer leurs marchandises ou en extorquer de grosses sommes et il viole ses engagements avec les artistes et les ouvriers qu'il a attirés par de fausses promesses».

[161] Ibid., p. 66—67.

[162] Ibid., p. 69.

На предложение собеседника простить владыкам их преступления француз ответил: «J'entends: quand on se plaint de leurs crimes ou de leurs folies tout ce qu'on sait nous dire, c'est de nous recommander la patience. Plaisante méthode de faire leur éloge».

[163] Ibid., p. 73—76.

«Que vous dirai-je de plus? au lieu d'être les ministres de la loi ils s'en rendent les maitres, ne veulent voir dans leurs sujets que des esclaves, ils les oppriment sans pitié et les poussent à la révolte; puis ils pillent, dévastent, égorgent, répandent partout la terreur et l'effroi, et pour comble d'infortune insultent encore les malheureux qu'ils tiennent opprimés».

[164] Ср. рассуждения о Польше у Марата и позже написанную книгу Mably. De la situation politique de la Pologne en 1776. — Oeuvres, v. XIII, 1795, p. 1—65 или idem. De l'étude de l'Histoire, v. XII, p. 144. Сходство идей безусловное, но если вопрос о заимствовании свелся бы только к вопросу о том, кто первый высказал ту или другую мысль, мы сказали бы, что рассуждение о крепостном состоянии крестьян в Польше в связи с рассуждениями об освобождении Польши принадлежит Марату. Но по этому пути, принятому в буржуазной историографии, разумеется, мы не пойдем. См. рассуждение о Марате как ученике Мабли и Руссо у М. Ковалевского («Происхождение современной демократии», т. I).

[165] См. F. Chévremont. Op. cit., v. I, p. 7.

[166] См. Gottschalk. Op. cit., ch. I.

[167] См. British Museum. M. K. 5. 39. (6) «Polish Letters» by J.-P. Marat, translated from the original impublished manuscript-Boston. Issued by the Bibliophile Society for members only.

[168] См. F. Chévremont. Op. cit., v. I, p. 30.

[169] «The Chains of Slavery, a work wherein the clandestine and villainous attempts of princes to ruin Liberty, are pointed out and the dreadful scenes of Despotism disclosed, to which is prefixed an Address to the Electors of Great Britain, in order to draw their timely attention to the choice of proper Representatives in the next Parlament». С эпиграфом «Vitam impendere vero», London, MDCCLXXV.

[170] «Les chaînes de l'esclavage, ouvrage destiné à développer les noirs attentats des princes contre les peuples; les ressorts secrets, les ruses, les menées, les artifices, les coups d'Etat qu'ils emploient pour détruire la liberté et les scènes sanglantes qui accompagnent le despotisme», par J.-P. Marat, l'Ami du Peuple. Paris. De l'imprimerie de Marat, rue de Cordeliers, vis-à-vis le Haute—Fenille; l'an premier de la République.

В дальнейшем мы цитируем книгу по изданию Хаварда, 1833 г. Об английском издании появились объявления в современных английских журналах. Так, в одном сообщалось: «Next week will be published price 10 s. 6 d. and sold by the booksellers in Newcastle «The Chains of Slavery», written by Dr. Marrot. A work well worthy the attention of the dublic» («The Monthly Chronicle of North.—Country; Lore and Legend»).

Вскоре появилось другое объявление: «The Chains of Slavery. A work in which the clandestine and villainous attempts of princes to ruin Liberty are pointed out, and the dreadful scenes of Despotism disclosed, to which is prefixed an Address to the Electors of Great Britain, in order to draw their timely attention to the choice of proper Representatives. By J.-P. Marat M. D. Vitam impendere vero». О французском переводе, сделанном самим Маратом (Al. Bougeart, Op. cit., v. I, p. 82), мы читаем в «Journal de la République Française», № 111 от 1 февраля 1793 г. В этом номере Марат просит гражданина вернуть ему взятый у него английский экземпляр книги; 24 февраля в № 132 он сообщает о ближайшем выходе книги; в № 154 от 28 марта читаем: «Les chaînes de l'esclavage» paraissent aujourd'hui».

[171] Ibid., «Notice», p. 1—2.

[172] Ibid., p. 5—6. В «Newcastle Chronicle», в номере от 28 мая 1774 г. мы читаем: «Yesterday, the Company of Bricklayers, the Company of Goldsmiths and the Lumber troop of this town, received each, by the fly, two large quarto volumes from an unknown person in London intitled «The Chains of Slavery. . .».

[173] Ch. Vellay. La Correspondence, p. 99—103.

[174] Marat. Les chaînes de l'esclavage; ch. «Aux Electeurs de la Grande Bretagne», p. 12. См. Ц. Фридлянд. Марат до революции, 1926.

[175] Marat. Les chaînes de l'esclavage, p. 329.

[176] Ibid., p. 333.

[177] Ibid., p. 356; «La correspondence», письмо Марата Генеральным штатам, p. 102—103.

[178] Marat. Les chaînes de l'esclavage, ch. «De l'étendue de l'Etat», p. 23.

[179] Ibid., ch. «Les differents âges des nations», p. 110.

[180] Ibid., ch. «Opposer l'un à l'autre les divers ordres de l'Etat», p. 110.

[181] Ibid., p. 116.

[182] Ibid., p. 123—125. «C'est ainsi qu'après s'être étayé de tous les citoyens puissants pour établir sa domination, le prince relève les petits pour abaisser les grands, il protège le peuple dont il a peu à craindre et beaucoup à espérer; puis, pour contenir les classes privilégiées dont il a peu à espérer et beaucoup à craindre, il leur oppose le peuple; enfin, il reste si bien maître de tous les ordres de l'Etat, que lorsque l'un d'eux veut secouer le joug, il l'accable du poids de tous les autres».

[183] Sieyès. Qu'est ce que le Tiers Etat, édition 1779, p. 44.

[184] Marat. Les chaînes de l'esclavage, ch. «Des nations amiés de la pauvreté», p. 26. В духе Руссо: «Mais lorsque par une suite des rapins et des brigandages, par l'avarice des uns et la prodigalité des autres, les fonds de terre sont passés en peu de mains, ces rapports changent nécessairement; les richesses, cette voie sourde d'acquérir la puissance, en deviennent une infaillible de servitude; bientot la classe des citoyens independants s'évanouit, et l'Etat ne contient plus que des maîtres et des sujets. Les riches cherchent à jouir et les pauvres à subsister, les arts s'introduisent pour leurs besoins mutuels et les indigents ne sont plus que des instruments du luxe des favoris de la fortune».

[185] Ibid., p. 76—77. «A l'égard des rapports politiques de la horde des spéculateurs, il est de fait qu'en tout pays les compagnies de négociants, de financiers, de traitans, de publicains, d'accapareurs, d'agents de change, d'agioteurs, de faiseurs de projets, d'exacteurs, de vampires et de sangsues publiques, toutes liées avec le gouvernement, en deviennent les plus réels supports.

Chez les nations commerçantes, les capitalistes et les rentiers faisant presque toute cause commune avec les traitans, les financiers et les agioteurs, les grandes villes ne renferment que deux classes de citoyens dont

l'une végète dans la misère et dont l'autre regorge de superfluités, celle-ci possède tous les moyens d'oppresion; celle-là manque de tous les moyens de défense. Ainsi, dans les républiques l'extrême inégalité des fortunes met le peuple entier sous le joug d'une poignée d'individus. . .» Это имеет место в Венеции, и в Флоренции, и в Нидерландах.

[186] Ibid., p. 77 (примечание). Для характеристики взглядов Марата глава «Du commerce» (p. 71—78) имеет решающее значение.

[187] Ibid., ch. «Vains efforts du peuple», p. 198.

[188] Ibid., ch. «De l'ignorance», p. 177—179.

[189] Ibid., ch. «Dénaturer les noms des choses», p. 183—185.

[190] Ibid., ch. «Des fêtes», p. 51—52; гл. «Des entreprises publiques», p. 52—57; гл. «Du luxe», p. 72; см. V e l l a y. Op. cit., p. 26.

[191] M a r a t. Les chaînes de l'esclavage, ch. «De la guerre étrangère», p. 234—242.

Мы в дальнейшем увидим, что Марат остался верен своим взглядам и в годы революции.

[192] Ibid., ch. «De la superstition», p. 175—191, ch. «Double ligue entre les princes et les prêtres», p. 191—194.

Марат — деист и враг атеизма; об этом дальше в связи с изложением «Проекта уголовного кодекса».

[193] Ibid., p. 142—150, ch. «Aveugle sécurité du public», p. 142. «Pour rester libre, il faut être sans cesse en garde contre ceux qui gouvernent: rien de plus aisé que de perdre celui qui est sans défiance et la trop grande sécurité des peuples est toujours l'avant-coureur de leur servitude».

[194] Ibid., ch. «Modération inconsidérée du peuple», p. 149—150.

[195] Ibid., p. 194—210. ch. «Vains efforts du peuple»: «Dans toutes les insurrections c'est toujours la plèbe, qui attache le grelot; les citoyens aisés et les riches ne se declarent qu'à l'extrémité, le torrent les entraîne; or qu'attendre des infortunés, ils n'ont jamais un grand intérêt à s'armer contre la tyrannie. Ceux qui la composent ne peuvent d'ailleurs aucunement compter les uns sur les autres. Leurs mesures sont mal concertées et surtout ils manquent de secret. Dans la chaleur du ressentiment ou dans les transes du désespoir, le peuple menace, divulgue ses desseins et donne à ses ennemis le temps de les faire avorter».

[196] Ibid., ch. «Des coups d'Etat», p. 280—282 (примечание).

[197] Ibid., ch. «Le peuple forge ses fers», p. 291.

В этой главе Марат отмечает также опасность для свободы от злоупотреблений отдельных индивидов: «Combien de fois aussi dans la vue de réformer ou de venger l'Etat, les peuples ne remettent-ils pas le pouvoir absolu entre les mains de quelques individus». И накануне и после революции Марат приветствовал далеко не всякую личную диктатуру.

[198] Ibid., ch. «Du despotisme», p. 300—305.

[199] Ibid., ch. «De la crainte des supplices», p. 305—326.

[200] Цит. примечание Вольтера к «De l'esprit des lois», ch. IV, p. 15—16 по французскому изданию 1860 г. «Le terme de monarque emportait originairement l'idée d'une puissance bien supérieure à celle du mot despote. . .».

[201] M o н т е с к ь е. Дух законов, гл. X «Различие в области повиновения в государствах умеренных и государствах деспотических», стр. 32 (русский перевод).

[202] См. там же, стр. 33.

[203] Там же, гл. XIII, стр. 64—69.

[204] См. M o н т е с к ь е. Персидские письма, письмо 102.

[205] M o н т е с к ь е. Дух законов, гл. XIII, стр. 68—69.

[206] См. там же, гл. XVIII. «Особенные свойства китайского правления», стр. 308; гл. XVIII «Следствие, вытекающее из предыдущей главы», стр. 308—309; гл. XIX «Каким образом произошло у китайцев это соединение религии, законов, нравов и обычаев», стр. 309—310; гл. XX «Объяснение одной странности у китайцев», стр. 310—311.

[207] Там же, стр. 311. «В Лакедемоне можно было воровать; в Китае дозволяется обманывать». Объяснение этому факту в том, что «свойства климата и почвы не дают китайцу верных средств к существованию, только усиленным трудом и промышленностью он может обеспечить свою жизнь».

[208] Там же, стр. 105—107, гл. «О роскоши в Китае» и «Роковое последствие роскоши в Китае». «Когда на одного возделывающего землю приходится десять поедающих плоды ее, то как не быть людям, которые нуждаются в пище?», — спрашивает Монтескье. Но наивно, в духе XVIII в., в духе идеализации буржуазного развития, звучит его ответ на вопрос: «Могут ли люди нуждаться в пище, от того что страна стала богаче и ее труд производительнее?».

[209] См. P e й н а л ь. Философская и политическая история состояния и торговли европейцев обеих Индий, кн. 1. Появление португальцев в Китае, состояние империи. «В столь благоустроенной стране, безусловно, должны быть найдены древние и глубокие следы промышленности». Говоря дальше о технических усовершенствованиях в Китае, он отмечает, что при оросительных работах там применяют машины, так что два человека там могут сделать больше, нежели тысячи в других странах.

[210] Там же, см. рассуждения о греческом царе как «отце народа». В китайской деспотии «честь есть одна из пружин государственного правления; она там сильнее страха, но слабее любви». Интересно дальше для выявления социального идеала Рейналя его рассуждение об иезуитах в Парагвае: их «земной рай» всеобщего благоденствия, «где наслаждаются выгодами торговли, не подвергаясь заразе ее пороков, — результата роскоши», где заботятся о бедняках и не преследуют имущих, — «такая страна, кажется мне, должна быть самой многолюдной на земле. Но, увы, она не такова». Экономическое и политическое равенство — химера (кн. 8. Иезуиты в Парагвае, похвала их колониям и системе управления ими).

[211] См. Г о л ь б а х. Système social, ch. X. «Des vertus morales» p. 128—170.

[212] Ibid, II partie, ch. I, p. 276.

[213] Ibid., ch. II «Origine des gouvernements, de leurs formes diverses, de leurs avantages et désavantages, de leurs réformes», p. 284—300. «. . .La royauté met une trop grande distance entre le souverain et les sujets, pour que le monarque s'abaisse jusqu'à s'occuper de leurs besoins» (p. 292).

[214] Ibid., p. 289—293. «Toute forme de gouvernement est avantageuse dès qu'elle laisse tout pouvoir à la loi».

[215] Ibid., ch. XIII «Effets physiques ou naturels du despotisme», p. 417. Деспотизм Гольбах рассматривает не как форму правления, а как отсутствие всякой формы, отказ от всяких правил правления, как анархию.

[216] Ibid., p. 425—426.

[217] См. ibid., ch. II, p. 298—300: «Non, ce n'est pas des convulsions dangereuses, ce n'est à point des combats, des régicides ou des crimes inutiles que les plaies des nations pourront se refermer. Ces remédes violents sont toujours plus cruels que les maux qui l'on veut faire disparaître . . .».

[218] См. ibid ch. IV, p. 320: «Tout homme, qui a de quoi subsister honnêtement du fruit de sa possession, tout père de famille qui a des terres dans un pays, doit être regardé comme citoyen. L'artisan, le marchand, le mercenaire doivent être protégés par l'Etat, qu'ils servent utilement à leur manière. Mais ils n'en sont de vrais membres, que lorsque, par leur travail et leur industrie, ils y ont acquis des biens fonds. C'est le sol, c'est

la glèbe qui fait le citoyen. Un politique moderne a dit avec raison que la terre constitue la base physique et politique d'un Etat».

Вышеперечисленными группами Гольбах ограничивает «народ».

[219] Ibid., v. I, ch. XII, p. 169—181. «L'obéissance d'un peuple pour ses maîtres ne peut avoir pour motif que les avantages qu'il doit d'en attendre»; «Tels sont les fondements naturels de l'autorite des grands sur les petits, des riches sur les pauvres, des père sur leurs enfants, des maris sur les femmes, des maîtres sur les serviteurs» (p. 171).

[220] Руссо. Общественный договор, гл. VI. «О монархии», стр. 109.

[221] Там же, стр. 115: «Эти трудности не укрылись от наших писателей; но они не привели их в затруднение. Лекарство, говорят они, заключается в безропотном повиновении. Бог дает плохих царей в гневе своем, и надо их переносить как небесную кару. Эти речи, без сомнения, назидательны, но я не знаю, не лучше ли звучали бы они на проповеднической трибуне, чем на страницах политической книги. Что сказать о враче который обещает чудеса, и все искусство которого состоит в увещевании больного быть терпеливым? Известная вещь, что надо терпеть дурное правление, когда его имеют; вопрос заключается в том, чтобы найти хорошее».

[222] Там же, гл. III «О праве сильного», стр. 18—19. «Сила — это могущество физическое; ясно вижу, какое нравственное начало может быть результатом ее действий . . . Итак, согласимся, что сила не производит права, а повиновение обязательно только по отношению к законным властям. . .».

[223] «Doutes proposées aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques», lettre IX, p. 21.—Collection complète, v. XI.

[224] Ibid., lettre IV, p. 80; lettre V, p. 106. «Examen du despotisme de la Chine»; «Réflexion sur le despotisme actuel de la Chine». Мабли дискутирует с автором «Despotisme de la Chine» (v. III. Ephémérides du Citoyen, 1767), превозносящим китайский деспотизм.

[225] Mably. De l'étude de l'Histoire — Collection complètes, v. XII, ch. 111 «Où de sociétés sont plus ou moins capables d'une reforme. Par quels moyens on doit y arriver», p. 315.

[226] Ibid., ch. II, p. 292—298. «Une chose qui étonnerait davantage un ancien, s'il renaîssait parmi nous, ce serait cette distribution des citoyens en différentes classes, qui n'ont rien de commun entre elles, et dont les moeurs, les principes et les préjugés sont opposés». Особенно важна для выяснения политических взглядов Мабли гл. V «Conclusion de cet ouvrage». Законодателю он рекомендует в отношении богатых: «Il faut pour ainsi dire négocier avec elles—et jamais la politique, si elle n'est insensée ne les revoltera pour les corriger».

[227] «Essay on the Human Soul», London, 1772 (анонимно). «A philosophical essay on man. Being an attempt to investigate the principles and laws of reciprocal influence of the soul and body». London, 1773, 2 vol., p. 211—263. «De l'homme ou des principes et des lois de l'influence de l'âme sur le corps et du corps sur l'âme», par J.-P. Marat, docteur en mèdecine; 3 tomes, Amsterdam, 1775—1776. В дальнейшем цитируем по французскому изданию.

[228] Марат попытался перевезти книгу из Амстердама в Париж на судне. После задержки таможенными чиновниками, по словам Марата, книга получила распространение в Испании и Германии. См. Nourry. Marat arrêté en douane de Rouen. — «Patriote de Normandie», 24 V 1893.

[229] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 141.

[230] В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. — Соч., т. 14, стр. 24.

[231] «De l'Homme», «Discours préliminaires».

[232] Ibid. «Après Descartes La Méttrie semble avoir entrepris cette tâche dans un petit ouvrage, dont on demêle assez mal le dessein. Malgré ses lumières et les secours de son art ce savant n'y paraît avoir observé la nature que comme le gros des hommes, c'est á dire en observateur peu éclairé. Presque toujours séduit par l'apparence, il ne pénètre jamais au delà pour y saisir la vraie cachée, de sorte qu'en reduissant à sa juste valeur ce livre qui a tant fait de bruit chez les Athées ce n'est à tout prendre qu'un mauvais recueil d'observations triviales et de faux raisonnements métaphysiques, en un mot—un systeme ou sans rendre raison de l'influence reciproque de l'âme et du corps, l'Auteur rapporte tant à la derniére de ces substances et ne reconnaît que matière dans un être pensant et libre capable «de vertus et de remords».

Напомним, что для Маркса Ламетри был «центром» перехода от метафизики к физике. (Соч., т. 2, стр. 140). Утверждения Марата противоречат материализму, для которого, по словам Ленина, ощущение, мысль, сознание — это высший продукт особым образом организованной материи.

[233] «De l'Homme», «Discours préliminaires», p. 23.

[234] Ibid., см. livre I «De siège se l'âme», p. 20.

[235] Ibid., p. 47. «Il parait donc évident, que l'action de l'âme sur le fluide nerveux est un mouvement d'impulsion sur l'organe qu', elle veut mouvoir». Движение и чувства не основаны на одном принципе (p. 75), хотя нервы—органы того и другого. Только душа дает жизнь организму (p. 145).

[236] Ibid., p. 204.

[237] Ibid., «De la force des passions». Рассуждение о «la passion dominante» представляет особый интерес для личной характеристики Марата (p. 293—307). О соотношении воли и разума — p. 286: «De l'exercice de la volonté».

[238] Ibid., v. II, p. 45.

[239] Ibid., v. II, p. 130—135.

[240] Ibid., v. II, p. 185. «Comment l'organisation de corps caractérise les moeurs»; «Comment l'organisation rend l'homme courageux ou timide, lâche ou intrépide».

[241] F. Chevremont. Op. cit., v. II, приложение к известному письму Руму де Сен-Лорен, ноябрь 1783 г., № 391. Документы эти приведены у Веллэ в «La Correspondance», p. 45—48 под № 1—2 от 7 и 20 января 1773 г. из Лондона. Марат в своем письме Руму де Сен-Лорен называет Ларошетта «gentilhomme français nommé en 1760 Commissaire général pour l'echange des prisonniers de guerre en Angletterre». Ch. Vellay. La Correspondance, p. 26.

[242] Письмо лорда Литтльтона в цитированном сочинении Шевремона (p. 396—397): «Прочтя со вниманием рукопись, которую я имел честь получить от Вас, я не могу не воздать должного значениям и таланту автора. Этот труд содержит много вещей, которые вне моей компетенции и моей критики, невежественной в области анатомии и мало сведущей в метафизике; но я воздаю должное той чести, которую Вы мне оказали, послав мне рукопись перед ее изданием, чтобы я с полной откровенностью мог сделать замечания по поводу содержания и стиля книги. Я бы очень хотел поговорить с Вами о некоторых, которые нуждаются в освещении, если бы вы смогли пренебречь причинами, заставляющими вас скрывать свое имя и оказать мне честь посетить меня в воскресенье в 11 часов утра. Будьте уверены, что Ваша тайна не будет открыта. С совершенным почтением Литтльтон». См. также отзывы о «De l'homme» в «gentleman's Magazine», IV 1773; письмо физиолога проф. Коллиньона из Кембриджа от 1 мая 1773 в «La Correspondance» Ch. Vellay, № 4, p. 49.

[243] «Observations sur le livre intitulé «De l'Homme».; Вольтер. Собр. соч., стр. 224.

Вольтер смеется над «. . . suc des nerfs. . . le lieu de communication entre deux substances le corps et l'âme. C'est avoir fait en effet une grande découverte que d'avoir vu de ses yeux cette substance qui lie la matière et l'ésprit. . . », «L'Ami du Peuple», 11/V 1791.

[244] «L'Ami du Peuple», 11/V 1791.

[245] Д. Дидро. Избр. соч., т. II, стр. 227.

[246] Там же, «О душе», стр. 299—300. Ссылаясь на Дидро, Готшальк (Op. cit., 26) считает достаточным привести из его высказывания только следующие слова: «Marat ne sait ce qu'il dit quand il parle de l'action de l'âme sur le corps».

[247] См. Michelet. Histoire de la Révolution Française, v. II, p. 388—390. «Flottant éclectisme»; Bougeart. Marat l'Ami du Peuple, v. I, p. 32.

[248] Спиноза. Политический трактат, глава VIII «Об аристократии», 49-й раздел «Об академиях и свободе преподавания», стр. 122 (русский перевод); см. Branet. Les philosophes et l'Académie française au XVIII siècle.

[249] «De la vérité, ou méditations sur les moyens de parvenir a la vérité dans toutes les connaissances humaines», 1782. Наука, утверждает Бриссо, собрала много фактов, но не разобралась в них. Подлинно научный метод сводится не только к постановке опыта, но и к условиям постановки и истолкованию его. «La vérité est la conformité des rapports métaphysiques affirmés aux objets, avec leurs rapports physiques tels qu'ils se présentent à nos sens». Возражая Перини, Бриссо, однако, не солидаризируется с материалистами.

[250] См. «De la vérité. . .» section VII, «Que l'institution et la multiplicité des académies nuisent à la recherche de la vérité», p. 163—188.

[251] Ibid., p. 333—340.

[252] «Materialien zur Geschichte des Farbenlehre», Goethes Sämtliche Werke, Bd. III, 1869, S. 849—850.

[253] «Les charlatans modernes, ou Lettres sur le charlatanisme académique, publiées par M. Marat, l'Ami du Peuple». De l'imprimerie de Marat 1791, 40 p. «Facit indignatio versum». Перепечатана III. Веллэ в «Les Pamphlets de Marat», p. 255—296.

[254] В связи с дебатами Национального собрания 14 августа 1790 г. по поводу реформы академии см. «L'Ami du Peuple» от 17 августа. Объявление о выходе брошюры «Les charlatans modernes» — «L'Ami du Peuple», 9 IX 1791.

[255] «Dans les classes inférieures de la société, les connaissances se somment à quelques procédés mecaniques et aux moyens de se tirer de la misère. Dans la classe moyenne elles se rapportent à quelque profession, quelque art, quelque science, et aux moyens de prendre ses avantages avec adresse. Dans les classes supérieures elles ont pour objet l'art de plaire, de parvenir, de jouir, pour ne rien dire de l'art des expediens», ibid., цит. по Веллэ (p. 257).

[256] В другом месте: «C'est une autre espèce de charlatans, toujours au milieu de nous, courant les cercles, encensés par les trompettes de la renommée, engraissés par le gouvernement, et dévorant, dans l'oisiveté et les plaisirs, la substance du malheureux artisan, du pauvre laboureur», ibid., цит. по Веллэ (p. 259).

[257] Ibid., цит. по Веллэ (p. 284—286).

[258] Вот заключительные строки брошюры: «Jugez maintenant de l'utilité des académies et de la vertu de leurs membres. Celles de la capitale, qui n'ont jamais rien fait pour les progrès des connaissances humaines que de persécuter les hommes de génie, seront conservées par les pères conscrits, par cela seul qu'elles sont à charge à la nation, et qu'elles sont composées de vils suppôts du despote, de lâches prôneurs du despotisme».

[259] «An Essay on a singular disease of the Eyes by M. M. . . . , M. D.; at Nacholo St. Paul churchyard or Williams in the Strand». В «Мемуарах» Бриссо (v. II, p. 3—4), мы находим указание на эту работу. В «Проспекте» («Oeuvres politiques de M. l'Ami du Peuple»), изданном вдовой Марата в 1795 г., мы читаем: «Марат практиковал как врач; в этой области он приобрел большую известность прежде всего как врач по глазным болезням».

[260] См. Vabon. Marat médecin; см. Cabanès. Op. cit; Pavenneville. Marat spécialiste des maladies vénériennes, Lyon, 1912; A. Ripuez. Le Docteur Marat, son système physiologique, 1908.

[261] «Revue historique de la Révolution Française», p. 81, 1910. Общий перечень научных работ Марата см.: F. Chévremont, Index, 1876; указания на отзывы в печати о работах Марата см.: его письмо Руму де Сен-Лорен от 20 ноября 1783 г. («La Correspondance», p. 33).

[262] Cl. Roux. Marat et l'Académie de Lyon. — См. «Les mémoires de l'Académie des Sciences. Belles Lettres et Arts de Lyon», 1923.

[263] См. Ch. Vellay. «La Correspondance»., p. 23.

[264] См. переписку с Кондорсе в документах, приложенных Маратом к письму Руму де Сен-Лорен. — Ch. Vellay. La Correspondance, pp. 62, 63.

[265] «Herrn Marat Arzneigelehrheit Doktors und Arztes der Leibwache Seiner Hochheit des Grafen von Artois, Entdeckungen über das Licht, durch eine Reihe neuer Versuche bestätigt, welche sehr viele Male vor den Augen der Herren Kommissäre der Akademie der Wissenschaften ausgestellt sind», mit Anmerkungen von Ch. Weigel, Leipzig, 1783.

[266] Цит. по кн.: Ch. Vellay. La Correspondance», p. 3—4.

[267] Об этом подробно см. Cabanès. Op. cit.

[268] См. «Mémoires Académiques», p. 253—254.

[269] Ibid., p. 322—323.

[270] Ch. Vellay. La Correspondance, p. 8.

[271] Ibid., письмо без даты, возможно, от декабря 1782 г.

[272] См. журнал «Архив истории науки и техники», т. I, стр. 71—81. Боричевский. Ньютон и д'Аламбер (борьба за основы физики в XVIII в.).

[273] «L'Esprit des journaux», XI/1785, p. 348—388.

[274] См. L. Didelot. Marat physicien.

[275] Ch. Vellay. La Correspondance, p. 34.

[276] «Oeuvres de Marat» — так значится на обложке книги «Recherches Physiques sur l'Electricité, par Marat, Docteur en Médecine et Médecin des Gardes du Corps de Monseigneur le Compte d'Artois», 1782. Указание на «Собрание сочинений» имеется и на обложке «Mémoires académiques».

[277] См. Marat. Recherches Physiques sur l'Eléctricité, discours préliminaire, p. 11.

[278] Ibid., p. 12—15.

[279] Ibid., ch. V «Où l'on traite des usages auxquels le fluide électrique est destiné», p. 354—363.

[280] «Mémoire sur l'Eléctricité Médicale» отмечена как одна из книг «Oeuvres de M. Marat» 1784. Ссылка на кн.: abbé Berthelon. Traité de l'éléctricité du corps humain dans l'état de santé et de maladie. См. также Marat. Lettre à M. l'Abbé Sans, sur l'Eléctrisation positive et négative, faisant suite à ce mémoire (речь идет о «Mémoire sur L'Eléctricite»).

[281] См. «Mémoires sur l'Eléctricité médicale», p. 100.

[282] См. Cl. Roux. Marat et l'Académie de Lyon (d'après des documents inédits), 1923; «Les Mémoires de l'Académie des Sciences, Belles Lettres et Arts de Lyon», 1923; «Marat et les académies»; docteur Pavenneville. Marat et l'Académie de Rouen. — «Revue Historique de la Révolution Française», VII—IX 1917.

[283] См. «L'Histoire de L'Académie de Lyon», 1870; J.-B. Dumas. L'Histoire des Mathématiques. . . Lalande, v. III, p. 594.

Речь Араго была произнесена 26 февраля 1844 г. в честь Байи в Академии наук, см. Cabanès. Op. cit.; Cl. Roux. Op. cit.

[284] Письмо хранится в ИМЛ, в коллекции Марата.

[285] Ch. Vellay. La Correspondance, p. 89—90. Петиция Марата купеческому старшине, идентичная письму, имеет заголовок «Mémoire pour être déchargé de la capitation en qualité d'Etranger», 1785.

[286] Ch. Vellay. La Correspondance, p. 94—96.

[287] «Bibliothèque Philosophique du législateur, du politique, du jurisconsulte ou choix des meilleurs, discours, dissertations, essais, fragments, composés sur la Législation criminelle par les plus célèbres Ecrivains, en français, anglais, italien, allemand, espagnol etc. pour parvenir à la réforme des Lois pénales dans tous les pays; traduits et accompagnés de notes et d'observations historiques, par J.-P. Brissot de Varville, auteur de la Théorie des lois criminelles, v. I—X.

[288] В «Bibliothèque. . .» она помещена в т. V под названием «Plan de Législation en matière criminelle», p. 113—290.

[289] Цит. по русскому переводу «Духа законов», стр. 77—99.

[290] Там же, гл. IX «О суровости кар в различных правлениях», стр. 87.

[291] Бриссо принадлежит в «Bibliothèque. . .» обширное введение, а также «Discours par J.-P. Brissot, couronné par l'Académie de Châlons-sur-Marne; Le sang innocent vengé; Recherches philosophiques sur le droit de propriété et sur le vol, considérés dans la nature et dans la société»; цит. его «Théorie des lois criminelles», v. I—II, 1836.

[292] Linguet. Op. cit., v. I, p. 228, 274, 268.

[293] См. G. Walter. Marat, p. 51—53; Walter. Marat avant 1789. — «Revue des deux mondes», II 1933. «Un manuel de communiste», p. 662.

[294] Цит. по изд. 1790 г. «Plan de Législation criminelle ouvrage dans lequel on traite de délits et des peines, de la force des preuves et des présomptions et de la manière d'acquérir ces preuves et ces présomptions durant l'instruction de la procédure, de manière à ne blesser ni la justice, ni la liberté et à concilier la douceur avec la certitude de châtiments et l'humanité avec la sûreté de la société civile», p. 15, 1790.

[295] Ibid., «De l'obligation de se soumetre aux lois», p. 16—27.

[296] Ibid., p. 26, примечание «Chez une nation commerçante, il est rare qu'il n'y ait pas quelque branche de commerce qui souffre, quelque manufacture dont les ouvriers se trouvent sans occupation; c'est de ce fond pareillement qu'on tirera les secours dont ils ont besoin».

[297] Ibid., Section V «Des crimes contre les moeurs», p. 73—108.

[298] Ibid., Section I «Des crimes contre l'Etat», p. 41—58; ch. I «Des faux crimes d'Etat», p. 41—80.

[299] Ibid., «De la contrebande», p. 50; «De la désertation», p. 51.

[300] Ibid., ch. II «Des vrais crimes d'Etat», «Des conspirations», p. 57.

[301] Ibid., section II «Des crimes contre l'autorité législative», «Des maîtres et des domestiques», p. 59.

[302] Ar. Desjardins. Marat criminaliste. — «Revue du Palais», 1/XI 1897; см. также Thouisan. Bibliographie nationale belge, v. III, p. 554—557.

[303] «Lettre de M. Marat, l'Ami du Peuple, contenant quelques réflexions sur l'ordre juriciaire», p. 8 со следующим примечанием Марата: «Je déclare que cet écrit est de moi. En foi de quoi je l'ai signé, Marat, l'Ami du Peuple. «Vitam impendere vero».

[304] «Eloge de Montesquieu, présenté a l'Académie de Bordeaux le 28 mars 1785», изд. 1883 г. с предисловием Ар. де Брезетца. «Eloge» имеет девиз: «Pour peindre un Alexandre, ils faudraient un Apelles», British Museum. M. K. 5. 26. Экземпляр «Eloge» имеется в ИМЛ.

[305] В Британском музее в коллекции Шевремона хранится следующая выдержка из мемуаров Мале дю Пена (v. II, p. 342): «J'ai entendu en 1768 Marat lire et commenter le Contrat Social, dans les promenades publiqus aux applaudissements d'une foule enthousiaste».

[306] Макиавелли. Государь, гл. III, СПб., 1869 (русский перевод).

[307] Макиавелли. Рассуждения на первые три книги Тита Ливия, русский перевод, СПб., 1869, стр. 172, 176, 204, 383.

[308] Там же, гл. XXXIV, стр. 203.

О связи идей Руссо, Монтескье и Макиавелли см. P. Christian. Oeuvres politiques de Machiaveli, recuellies et précédées d'un essai sur l'esprit révolutionnaire, Paris, 1848. Еще Бэкон говорил: «Воздадим должное Макиавелли и всем писателям, подобным ему. Они пытались давать троны королям, а давали их народам».

[309] Ferrand. Considérations sur la Révolution sociale, 1794; «Esprit de l'Histoire; «Théorie des révolutions, rapprochée des principaux événements qui ont été l'origine, le développement ou la suite, avec une table générale et analitique», v. I—IV, 1897 (книга написана в 1801 г.); см. также его брошюру «Etat actuel de la France».

Глава вторая

[1] «Catalogue des ouvrages relatifs aux Etats Généraux qui ont paru depuis l'arrêt du mois de juillet 1788». Насчитывает 820 брошюр, изданных до 25 марта 1789 г., см. «Rousseaus Einfluss auf die Vorrevolutionären Flugschriften und den Ausbruch der Revolution».

[2] См. Lichtenberger. Le socialisme et la Révolution Française, по русскому изданию — стр. 26.

[3] См. Redslob. Die Staatstheorien der französischen Nationalversammlung von 1789; Redslob. Völkerrechtliche Ideen der französischen Revolution; Zweig. Die Lehre vom pouvoir constituant; A. Wahl. Vorgeschichte der französischen Revolution, 1905.

[4] См. Eppensteiner und Rees. Die Erklärung der Menschen und Bürgerrechte von 1789, S. 250, 1912.

[5] «Mémoire au Roi», p. 48, цит. по Eppensteiner und Rees. Op. cit.

[6] Обращение парижского парламента к королю от 27 ноября 1755 г.

[7] Цит. по Eppensteiner und Rees. Op. cit.

[8] «Réponse aux alarmes des bons citoyens». «L'autorité souveraine, qui doit partout être la même et ne résider que dans la volonté générale, la seule qui ne peut point s'écarter du but social. Dans tous les pays la souveraineté appartient à la nation».

[9] Цит. по экземпляру ИМЛ; брошюра 1789 г.

[10] В одном реакционном памфлете «Commentaire roturier sur le noble disours adressé par Monseigneur le prince de Conti à Monsieur frère du roi, dans l'Assemblée des Notables» (1788 г.) говорится: «On verra des orang-outangs et des sapajous lire l'histoire naturelle, comme nous voyons des bourgeois lire Rousseau et Montesquieu. . .» (см. Pethion. Avis aux Français sur le salut de la Patrie, Paris, 1788). «Le gentilhomme converti ou dialogue entre un noble et un roturier» (ИМЛ).

Автор последней брошюры утверждает, что Руссо был противником абсолютного равенства.

[11] «Réclamations du Tièrs-Etat et supplique au roi», p. 18 (ИМЛ). «Le Tièrs-Etat au roi, lui adressant ses très humbles remerciements des «Lettres de Consolation».

[12] Эта мысль о необходимости уважать традиционную конституцию Франции повторена была затем Эд. Берком в его письмах о революции.

[13] «Mémoire pour le peuple Français», p. 73; цит. по изд. 2.

[14] Ibid., p. 68.

[15] «Le reveil du Tièrs-Etat, c'est-à-dire de la Nation, ou principe de l'ordre social», 1789; comte d' A u t r a i g n e s. Mémoire sur les Etats Généraux, leurs droits et la manière de les convoquer.

[16] Интересный подбор этих prières под общим заголовком «Aux âmes chrétiennes à l'usage du Peuple» имеется в использованной нами коллекции брошюр «Recueil des pièces pour servir à l'histoire de la Révolution Française depuis la première assemblée des Notables jusqu'au 1800, Avignon, 1820. Цитированной нами молитве предпослан эпиграф: «Il tomba même à genoux».

[17] Цит. по экземпляру ИМЛ; см. гл. «Du pouvoir arbitraire et de l'Anarchie».

[18] См. цитированное выше «Le reveil du Tièrs-Etat. . .».

[19] «Réclamations du Tièrs-Etat et supplique au roi», p. 7, novembre 1788.

[20] Ibid., p. 9.

[21] «Archives Parlementaires», v. IV, p. 137.

[22] Ibid., v. III, p. 85.

[23] «Considérations sur les intérêts du Tièrs-Etat», p. 39.

[24] Ibid., p. 40.

[25] Ibid., p. 10.

[26] Ibid., p. 13.

[27] Ibid., p. 29.

[28] Ibid., p. 30.

[29] «Qu'est ce que le Tièrs-Etat», p. 21.

[30] Ibid., p. 125.

[31] См. цитированную выше брошюру «Réclamations du Tièrs-Etat. . .».

[32] Интересный в этом смысле, до сих пор еще не изученный материал собран в кн.: Р о к э н. Движение общественной мысли во Франции XVIII в.

[33] «Palais à vendre, ministres à pendre, couronne à donner» (цит. там же, стр. 506).

[34] Письмо это содержало критический разбор журнала «Mémoires académiques»; см. Ch. V e l l a y. La Correspondance, p. 93.

[35] См. письма г-ну Ламетри, редактору «Journat de Physique» от 18 и 28 марта 1783 г., ibid., p. 93—95.

[36] См. «Journal de la République Française», № 98, «Portrait de l'Ami du Peuple, tracé par lui-meme».

[37] Письмо не имеет ни точной даты, ни имени адресата; опубликовано впервые в «La Chronique Médicale» в январе 1904 г. Ш. Веллэ относит его к концу декабря 1788 г. (см. «La Correspondance», p. 96—97).

[38] Письмо председателю Национального собрания в мае 1790 г. было издано отдельной брошюрой «Lettres de M. Marat, l'Ami du Peuple à M. le Président de l'Assemblée nationale», 8 p. (ibid., p. 140).

[39] Ibid., p. 4.

[40] «L'Offrande à la Patrie ou discours au Tièrs-Etat de la France», 60 p., éd. «Au Temple de la liberté», 1789; с эпиграфом из Горация: «Quiquid delirant Reges, plectuntur Achivi» (ИМЛ).

[41] «Supplément de l'Offrande à la Patrie, ou discours au Tièrs-Etat sur le plan d'opérations que ses députés aux Etats Généraux doivent se proposer sur les vices du gouvernement, d'ou resulte le malheur public; sur la lettre de convocation et sur le règlement qui y est annexe», p. 62, апрель 1789. Была опубликована без имени автора, как и предыдущая брошюра (ИМЛ).

[42] См. цитированный выше «Portrait de l'Ami du Peuple, tracé par lui-meme».

[43] Об этом см. гл. I нашей книги; особенно характерна книга L. G o t t s c h a l k. J.-P. Marat l'Ami du Peuple.

[44] «L'Offrande à la Patrie. . .», p. 3, «Prémier discours».

[45] Ibid., p. 4.

[46] Ibid., p. 5.

[47] Ibid., p. 6.

[48] Ibid., p. 7.

[49] Ibid., p. 8.

[50] Ibid., p. 9—10.

[51] Ibid., p. 10.

[52] Ibid., p. 11, «Second discours».

[53] Ibid., p. 12—13.

[54] Ibid., p. 15—19.

[55] Ibid., p. 18.

[56] Подробный анализ этого положения мы даем дальше при разборе публицистической и революционной деятельности Марата в 1789—1791 гг.

[57] «L'Offrande à la Patrie. . .», p. 28, «Quatrième discours».

[58] Ibid., p. 29.

[59] Ibid., p. 32—33.

[60] Ibid., p. 36, «Cinquième discours».

[61] Ibid., 38—39.

[62] Ibid., p. 56.

[63] См. M a r a t. Supplément de l'Offrande à la Patrie. . .

[64] Эта тема составляет содержание всей буржуазной политической историографии французской революции. См. работы Олара и его школы; М. К о в а л е в с к и й. Происхождение современной демократии; даже у Саньяка в его работе, посвященной гражданскому законодательству. В новейшей литературе оно равно отразилось на работе Л. Мадлена и на коллективном труде Саньяка, Лефевра и Гийо «La Révolution Française».

[65] «Journal de Target», p. 18—21, запись от 6—21 августа 1787 г.

[66] См. B a i l l y. Mémoires, v. I, p. 27.

[67] Ibid., p. 62.

[68] Ibid., p. 65.

[69] Ibid., p. 142.

[70] Ibid., p. 144.

[71] Ibid., p. 186.

[72] Ibid., p. 306—307.

Характерно замечание Байи, который в июне предложил собранию принять делегацию Пале-Рояля из-за боязни толпы: «J'observais à l'Assemblée qu'il y aurait du danger au refus, et j'obtins leur admission».

[73] Ibid., p. 92.

[74] «Les Lauriers du Faubourg Saint-Antoine ou le prix de la Bastille renversée», 1789, p. 8.

[75] «Histoire de France pendant trois mois», par le cousin Jacques, 1789, 178.

[76] «Principaux événements de la Révolution et notamment de la septieme mémorable représentés par douze figures en taille douce, très bien exécutées; un precis historique»; подписано Ducray du Minie и посвящено Лафайету.

[77] См. B a i l l y. Mémoires, v. II, p. 131, 177.

[78] См. La F a y e t t e. Mémoires, correspondence et manuscrits, v. II, p. 257, 326.

[79] «La vie véritable du citoyen Jean Rossignol», publiée par Victor Barrucang, 1896.

[80] Ibid., p. 71—72.

[81] Цит. по русскому переводу Г. Лоран. Рабочий депутат конвента — Ж.-Б. Армонвиль.

[82] Leblond de St. Martin. Avis important aux bourgeois de Paris.

[83] См. письмо Парижской коммуне от 25 сентября 1789 г. Ch. Vellay. La Correspondance, p. 103; «L'Ami du Peuple», № 18, 36; Al. Bougeart. Op. cit., p. 152) ссылается на упоминание об этом эпизоде в «Histoire contemporaine de la Révolution», par deux Amis de la Liberté.

[84] Из многочисленных высказываний Марата по этому вопросу отметим только следующие статьи: в «L'Ami du Peuple» от 10 ноября 1789 г. — «Décret précipité sur la loi Martiale», от 5 ноября — «Observations importantes sur la ligne formidable des ennemis de la Patrie», от 29 декабря «Observations» от 19 июня и 26 августа 1790 г.

[85] «L'Ami du Peuple», 21/XII 1789.

[86] Извлечение из этого письма было напечатано Маратом 13 сентября 1789 г. в № 2 «Publiciste Parisien» («L'Ami du Peuple»).

[87] Цит. по кн.: Ch. Vellay. La Correspondance, p. 99.

[88] «Révolution de Paris», № 1, p. 6 и дальше «Détails».

[89] Цит. по кн.: Michon. Correspondance de Marat et Aug. Robespierre.

[90] Bailly. Mémoires, v. II, p. 247.

[91] Ibid., p. 251, 271.

[92] Ibid., p. 271—272.

[93] Ibid., v. III, p. 67—68, 76, 90—91.

[94] См. ibid., p. 119.

[95] Ibid., v. II, p. 260.

[96] В свое время дипломатические донесения как источник изучения французской революции были широко использованы М. Ковалевским («Происхождение современной демократии», т. I, гл. III и IV). Мы пользовались также интересными материалами русского посла (неопубликованные материалы Центроархива).

[97] «Révolution de Rouen» — Extrait d'une lettre écrite de cette ville du vendredi 17 juillet», подпись — Prudhomme, rue Jacob (ИМЛ).

[98] См. R. Reuss. L'Alsace pendant la Révolution Française.

[99] См. Sagnac et Caron. Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneural.

[100] См. Aulart. La Révolution Française et le régime féodale, 1919; см. его очерк «La Féodalité sous Louis XVI», «Etudes et leçons», v. I.

[101] М. Ковалевский. Ук. соч., т. I; см. особенно цитированную работу Б. Минцеса.

[102] См. «Rapport fait à la Commune de Strasbourg sur la situation de l'Assemblée Nationale, en octobre, au moment où je la quittais», par S. de Turchen ex-deputé de Strasbourg aux Etats-Généraux de France 1789», а также книгу R. Reuss, L'Alsace, p. 259.

[103] «Révolutions de Paris», № 4, p. 23.

[104] «L'Ami du Peuple», 21/IX 1789.

[105] Ibid., «Projet dévoilé d'endormir le Peuple et d'empêcher la Constitution».

[106] См. «Projet de Déclaration des droits de l'Homme et du Citoyen suivi d'un plan de Constitution juste, sage et libre»; par l'auteur de l'Offrande à la Patrie, à Paris, 1789, p. 67; эпиграф: «Vitam impendere vero».

[107] См. S. Lacroix. Actes de la Commune de Paris pendant la Révolution, v. I, série I, p. 206—207, заседание 13 августа.

[108] См. Ch. Vellay. La Correspondance, p. 100, «Lettre du Président des Etats-Généraux»

[109] «Exposition des droits de L'Homme et du citoyen», par M. l'wbbé Sieyès, 1790.

[110] Ibid., см. также «Dèclaration des droits de l'Homme en société», par M. l'abbé Sieyès, 1789.

[111] «Qu'est ce que le Tièrs-Etat», p. 44, éd. 3.

[112] «Examen des moyens adoptés pour augmenter le pouvoir et améliorer le sort du Tièrs-Etat», p. 124.

[113] «Essai sur les questions agitées par les trois ordres», 1789, p. 25.

[114] См. ibid., p. 12.

[115] См. Ferrand. Etat actuel de la France, janvier 1790.

[116] «Assemblée Nationale justifiée par un aristocrate», 1789.

[117] См. «La France libre» par C. Desmoulins, ed. 4, l'an premier de la Liberté, p. 71.

[118] Ibid., p. 14.

[119] «Tableau des vices de la constitution anglaise, destiné à faire éviter une série d'écueils dans le gouvernement que nos députés veulent donner à la France». Письмо это было воспроизведено Маратом в 1793 г. в предисловии к французскому переводу «Les chaînes de l'Esclavage»; см. Ch. Vellay. La Correspondance, p. 100.

[120] См. «Projet de Déclaration», préface.

[121] Цит. по кн.: F. Chévremont. Op. cit., v. I, p. 102.

[122] Ibid., ch. «Droits de l'Homme».

[123] Ibid., ch. «Du corps politique».

[124] Ibid., ch. «De la Constitution».

[125] Ibid., ch. «Des forces de l'Etat».

[126] Ibid., ch. «Des revenus de l'Etat».

[127] Ibid., ch. «Des obligations civiles».

[128] См. Chassin. Les élections et les cahiers de Paris en 1789.

[129] «Doléances du pauvre peuple adressées aux Etats-Généraux», aout 1789 (ИМЛ).

[130] См. Lambert. Cahiers des Pauvres, p. 16, эпиграф: «Un peu de pain est la vie des pauvres, celui qui le leur ôte est homicide; celui qui leur arrache le pain qu'ils ont gagné par leur sueur est comme celui qui assassine son prochain» (ИМЛ).

[131] См. «Cahiers du Quatrième ordre, celui des pauvres journaliers, des infirmes, des indigents, etc. — l'ordre sacré des infortunés ou correspondance philantropique entre les infortunés, les hommes sensibles et les Etats-Généraux. . .» (ИМЛ).

[132] Ibid.

Дюфурни предлагает представить коммуне перечисление необходимых общественных работ: прорытие каналов, осушка болот, исправление дорог и т. д.

[133] «Point de banqueroute, plus d'emprunts et si l'on veut bientôt plus de dettes en réduisant les impôts à un seul avec un moyen facile de supprimer la mendicité, en assurant à toutes les Classes du Peuple une existence aisée dans la vieillesse, plan proposé à tous les Peuples libres et notamment à l'Assemblée Nationale de France», par M. Linguet, 1789, p. 80.

[134] «Annales historiques de la Révolution Française», 1930.

[135] См. Bailly. Mémoires, v. II, p. 133—134.

[136] См. «Correspondance de Marat et A. Robespierre», письмо от 15 сентября 1789 г.

[137] См. S. Lacroix. Op. cit., v. II, p. 64. «Représentations de la communauté des maîtres boulangers de la ville de Paris aux soixante et un district composant la dite ville».

[138] См. «Révolutions de Paris», v. I, № 6, p. 28; № 7, p. 2.

[139] Ibid., v. II, № 16, p. 23.

[140] См. любопытное указание по этому вопросу у Сталь («Considèrations sur la Révolution Française, v. I, 1881, p. 116).

[141] См. «Considérations sur les gouvernements. . .», par M. Mounier: двухпалатная система и veto — единственное средство, по Мунье, заставить толпу уважать закон; см. также N e c k e r. Du Pouvoir exécutif dans les Grands Etats. — Oeuvres complètes, v. VIII, p. 59.

[142] См. M i c h o n. Essais sur l'histoire du parti Feuillant.

[143] См. R a b a u t de St.-E t i e n n e. Considérations sur les intérêts du Tièrs-Etat.

[144] См. K. L e v e n s t e i n Volk und Parlament nach der Staatstheorie der französischen Nationalversammling von 1789, 1922; R e d s l o b. Die Staatstheorien der französischen Nationalversammlung von 1789, 1912; Z w e i g. Die Lehre vom pouvoir constituant, 1924.

[145] См. «Archives Parlementaires», v. VIII, p. 594.

[146] Ibid., v. VIII, p. 583.

[147] Ibid., v. IX, p. 79.

[148] См. K. Levenstein. Op. cit.; Z w e i g. Op. cit., p. 239.

[149] B a i l l y, Mémoires, v. II, p. 306.

[150] См. P. R o b i q u e t. Le personnel municipal de Paris pendant la Révolution.

[151] См. также S. L a c r o i x. Op. cit., v. II, série I, p. 677—692, приложение «Listes de 300 membres de l'Assemblée des représentants de la Commune de Paris», 18 septembre—19 novembre.

[152] См. «Quelques idées de Constitution, applicables à la ville de Paris en juillet 1789», par M. l'abbé Sieyés, à Versailles (ИМЛ).

[153] См. статью Бриссо, текст его речи от 21 июля 1789 г. в дистрикте des Filles de St.-Thomas. — «Patriotes Français», 6/VIII 1789 и его брошюру «Observations sur le plan de la Municipalité de Paris, par Brissot de Warwille l'un des représentants de la Commune de Paris, du 15 novembre 1789 (ИМЛ). Большой материал по вопросу о муниципальной теории собран у Лакруа; см. также кн.: H e d w i g H i n t z e. Staatseinheit und Föderalismus im alten Frankreich und in der Revolution, 1928.

[154] См. в кн.: Fr. H e g e. Le Conventionnel Bancal des Issarts, 1887, приложение «Déclaration des principes et droits sur lesquels doit être fondée la constitution municipale de la cité, proposé par Bancal des Issarts à l'Assemblée générale des citoyens de Clérmont de 3 novembre 1789».

[155] См. там же, «Декларация» § 1 и 2.

[156] См. B a i l l y. Mémoires, v. II, p. 305—317.

[157] См. P. R o b i q u e t. Le Personnel municipal.

[158] S. L a c r o i x. Op. cit., v. I, p. 292. «Le Discours prononcé par Brissot de Warville au district des Filles de Saint-Thomas, le 21 juillet».

[159] «Révolutions de Paris», v. I, № 9, p. 2; № 11, p. 4; v. II, № 18, p. 2; см. также L e b l o n t de St.-M a r t i n. Déclaration des droits du citiyen de la Commune. Автор брошюры — представитель дистрикта De l'Oratoire.

[160] «Suite des principes fondamentaux sur la source et les limites de la souveraineté de chaque commune; de la souveraineté nationale, et de la souveraineté de l'Assemblée Nationale. Application de ces principes à la Permanence des assemblées Primaires», par M. Dufourny de Villiers, p. 16, avril 1790.

[161] S. L a c r o i x. Op. cit., v. I, p. 412.

[162] См. «Révolutions de Paris», № 8, p. 25—26.

[163] S. L a c r o i x. Op. cit., v. I, p. 413—414.

[164] См. интересные размышления по этому поводу в «Révolutions de Paris», № 8.

[165] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. I, p. 435.

[166] См. E. H a t i n. Histoire politique et littéraire de la Presse en France, v. IV, VI, 1860; L. B l a n c. L'ère des livres est fermée; c'est l'ère des journaux qui s'ouvre.

Газеты были прямым продолжением памфлетов; см. E. H a r o n. Histoire de la Révolution: «Le journalisme est sorti tout armé du cerveau de la Révolution, à peine né il est l'arène des grandes batailles».

[167] «Le Publisicte parisien—Journal politique, libre et impartial», par une société des Patriots et rédigé par M. Marat, auteur de «l'Offrande à la Patrie», du «Moniteur» et du «Plan de Constitution, etc.» — «Prospectus».

[168] Под названием «L'Ami du Peuple» ou «Le Publisicte parisien. . .», см. № 6, 16/IX 1789.

[169] «A Paris chez Dufour, rue des Cordelliers», № 6; в ИМЛ имеется этот третий вариант.

[170] См. Al. B o u g e a r t. Op. cit., v. I, p. 137.

[171] См. там же Бужар только отмечает, что газету издавало «société des patriotes», другие биографы Марата облегчают себе задачу тем, что обходят молчанием этот вопрос.

[172] Квитанция эта хранится в архиве ИМЛ среди бумаг Жоли; на обратной ее стороне — пометки его рукой; см. дальше «дело Жоли».

[173] Мы встретимся с этими именами прежде всего при анализе борьбы коммуны и дистриктов.

[174] «Lettre du redacteur à D. M. les représentants de la Commune de Paris en date du 25 septembre 1789» в газете «L'Ami du Peuple», 28/IX.

[175] См. «Prospectus».

[176] Ibid., «Dans cette feuille périodique. . . on développerait les moyens de tarir la source des malheurs de l'Etat, d'y ramener l'union, l'abondance et la paix. . .».

[177] «L'Ami du Peuple», 23/IX 1789, p. 113—117.

[178] Мы подчеркиваем здесь еще раз весьма раннее возникновение у Марата основной идеи о необходимости решительной борьбы с Национальным собранием (ibid.).

[179] См. «L'Ami du Peuple», 13/IX 1789.

[180] См. «L'Ami du Peuple», 15/IX 1789.

[181] Ibid., «Ce n'est pas là, sans doute, les sentiments qu'il a fait éclater pour capter les suffrages des Bourgeois de Marseille et des Paysans. . . lorsqu'il s'est humanisé avec eux jusqu'à leur vendre du drap».

[182] См. «L'Ami du Peuple», № 1.

[183] См. ibid. и № 5.

[184] «L'Ami du Peuple», № 1.

[185] «L'Ami du Peuple», 18/IX 1789. «Discours au Peuple».

[186] «L'Ami du Peuple», 4/IX 1789.

[187] Ibid. «Pour cheminer à grands pas, il fallait cheminer régulièrement».

[188] «L'Ami du Peuple», 18/IX 1789.

[189] «L'Ami du Peuple», 20/IX 1789.

[190] «L'Ami du Peuple», 19/IX 1789.

[191] «L'Ami du Peuple», 20/IX 1789.

[192] Ch. V e l l a y, La Correspondance, lettre de 15 septembre.

[193] «L'Ami du Peuple», 22/IX 1789.

[194] «L'Ami du Peuple», 24/IX 1789. «Vices d'organisation de la Municipalité indique le choix de quelques—uns de ses membres; administration criante des Comités».

[195] «L'Ami du Peuple», 25/IX 1789.

[196] «L'Ami du Peuple», 18, 26/IX 1789.

В оглавлении — «Adresse aux Communes de tous les districts de Paris», в тексте — «Adresse aux citoyens des différents districts de la capitale».

[197] Ibid., «. . . Rejetter pareillement tout entrepreneur, tout monopoleur, tout accapareur, vices esclaves de la fortune. . .».

[198] «L'Ami du Peuple», 29/IX 1789. В коллекции ИМЛ два № XIX: один с обозначением типографии L. Jorry, другой — типографии de Feret; существует некоторое отличие в редакции текста.

[199] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. II, p. 69.

[200] Цитированное выше письмо Коммуне от 25 сентября в «L'Ami du Peuple», № 18.

[201] См. «L'Ami du Peuple», 1/X 1789. «Observations essentielles sur le choix de nos délégués a l'Assemblée Nationale».

[202] Ibid., «Comme la Noblesse et la Finance possèdent près que toutes les terres du Royaume on ne verrait bientôt pour candidats que des Nobles, des Financiers et le Corps Législatif ne formerait pas enfin qu'une conjuration d'aristocrates».

[203] «L'Ami du Peuple», 2/X 1789.

[204] F e r r a n d. Considérations sur la Révolution Française, v. I, p. 331.

[205] «Exposé de la conduite de M. Mounier dans l'Assemblée Nationale et des motifs de son retour en Dauphiné», p. 123 (ИМЛ).

[206] La F a y e t t e. Mémoires, v. II, section «Deux récits des événements du 5 et du 6 octobre», p. 335.

[207] О событиях 5—6 октября см. H a t h i e r. Etude critique sur les journées des 5—6 octobre 1789. — «Revue Historique», 1898; H. L e c l e r c. Les journées d'octobre et la fin de l'année 1789; W e i l l. Les journées de juillet et d'octobre 1789. — «Revue de Paris», 1912; C o l f a v r i. La question des subsistances en 1789 (du mai au 5—6 octobre).

[208] См. H. L e c l e r c. Op. cit., p. 115.

[209] См. «Les forfaits du 6 octobre au examen approfondi du rapport de la procedure du Chatelet. . .», par M. Ch. Chalronal, v. I, 1790, p. 29.

[210] См. цитированную выше книгу R e u s s. L'Alsace pendant la Révolution Française.

[211] См. B a i l l y. Mémoires, v. II, p. 406.

[212] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. II, p. 193, заседание 7 октября.

[213] См. «Les forfaits du 6 octobre. . .», p. 169.

[214] См. цитированный выше «Etude critique», а также «Revue historique» v. 68, сентябрь—декабрь 1889 г.

[215] Цит. S. Lacroix. Op. cit., ed. 2, p. 198.

[216] См. S a l m o u r. Rapports sur les journées de 5 et 6 octobre, p. 260.

[217] См. «Extrait du procès-verbal de ce qui s'est passé à l'Hotel de Ville, au bureau des subsistances et autres bureaux le lundi 5 octobre 1789», p. 4.

[218] «Procédure criminelle instruite au Châtelet de Paris sur la dénonciation des faits arrivés à Versailles dans la Journée du 6 octobre 1789», imprimée par ordre de l'Assemblée Nationale, 1790; см. показания Maillard—capitaine des volontaires de la Bastille.

[219] См. об этом в кн.: F e r r i è r e s. Mémoires, v. I, p. 286.

[220] Протокол решения дистрикта du Petit St.-Antoine хранится в архиве ИМЛ.

[221] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. II, p. 165 и дальше.

[222] Ibid., p. 171.

[223] См. S a l m o u r. Op. cit., p. 261.

[224] Показание офицера приводится по документам архива ИМЛ.

[225] «Procédure criminelle. . .», p. 419.

[226] «Déclaration de M. Le Cointre, négociant, lieutenant-colonel commandant de la première division de la Garde Nationale de Versailles au Comité des recherches de la municipalité de Paris avec toutes les pièces justificatives et sa réponse au discours prononcé par M. de Nonnay sous-lieutenant des gardes du corps à la tribune de l'Assemblée Nationale à la suite du rapport fait par M. Chasrond de la procédure du Châtelet sur l'affaire du 5—6 octobre», 1790; см. также «Archives Parlementaires», v. XIX, p. 371.

[227] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. II, p. 222.

[228] «Le club des Cordeliers pendant la crise de Varennes», документы, собранные A. Матьезом; см. стр. 258 — показания Берже (об этом дальше в главе о бойне на Марсовом поле).

[229] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. II, p. 200.

[230] Ibid., p. 211.

[231] См. H. L e c l e r c. Op. cit., p. 164.

[232] См. цитированное выше «Exposé de la Conduite de M. Mounier. . .».

[233] См. S. Lacroix. Op. cit., v. II, p. 307.

[234] См. ibid., p. 343.

[235] «Révolutions de Paris», v. II, № 12.

[236] См. «Rélation de l'assassinat commis en la personne du sieur François, maître boulanger, rue du Marché-Palu le 21 octobre 1789» (ИМЛ) см. также кн.: R e u s s. Corréspondance de députés de Strasbourg à l'Assemblée Nationale, v. I, p. 223, lettre Levrault de 22 octobre; убийцы Франсуа — Er. Bein, грузчик, и Avenel, doreur sur metaux.

[237] См. «Révolutions de Paris», N 15, p. 27, N 16, p. 2.

[238] «Journal des Révolutions de France et de Brabant», N 46.

[239] «L'Ami du Peuple», N 23. «Les cris de l'innocence contre l'oppréssion et les cris de l'honneur contre la corruption».

[240] «L'Ami du Peuple», 5/X 1789. «Réflexions sur les dettes du gouvernement devenues nationales, sur le plan du premier ministre des finances et le moyen de faire face aux besoins de l'Etat».

[241] Ibid. «Observations du redacteur».

[242] «L'Ami du Peuple», 6/X 1789. «Moyens de faire face aux besoins de l'Etat».

[243] Ibid., см. продолжение статьи «Réflexions sur les dettes du gouvernement, devenues nationales».

[244] См. «L'Ami du Peuple», 8/X 1789. «Observations faites par M. Deviller à Messieurs du Comité permanent et de l'Hôtel de Ville de Soissons, le 28 septembre 1789».

[245] Ibid., «Réflexions du redacteur».

[246] «L'Amie du Peuple», N 29, заголовок газеты с № 28 несколько изменен: вместо «Journal politique libre et impartial» стоит «Journal politique et impartial».

[247] Ibid., «Observations importantes sur la ligne formidable des Ennemis de la Patrie».

[248] «L'Ami du Peuple», 10/XI 1789. «Décret précipité sur la Loi Martiale».

[249] «L'Ami du Peuple», 11/XI 1789.

[250] «Journal de Révolutions de France et de Brabant», N 1, p. 1.

[251] «L'Ami du Peuple», 27/XII 1789.

[252] «L'Ami du Peuple», N 27 — «Révolutions dans les affaires de l'Etat».

[253] «L'Ami du Peuple», 4/X 1790.

[254] «L'Ami du Peuple», 6/IX 1790.

[255] «L'Ami du Peuple», 4, 24/X 1790.

[256] «L'Ami du Peuple», 25/IX 1789.

[257] «L'Ami du Peuple», 28, 30/IX 1789.

[258] «L'Ami du Peuple», 6/X 1789.

[259] «Archives nationales», N DXXIX, 63, л. 5.

[260] Об этом Марат сообщает с особым удовольствием в № XXIV газеты от 4 октября. Он требует, чтобы дистрикт начал преследования

оскорбивших его агентов. К сожалению, протокол и решение дистрикта нам не известны.

[261] «L'Ami du Peuple», 7/X 1789. «Franche tentative du Châtelet contre L'Ami du Peuple».

[262] Мы излагаем это дело по документам архива ИМЛ; см. письмо де Жоли и Мишо судебным властям, «demandant qu'on poursuivra Marat pour avoir accusé dans l'Ami du Peuple de Joly d'avoir soustrait une pièce et falsifié un arrêté» — от 7 октября (речь идет о № 23—24 газеты Марата).

[263] См. письмо Жуссара, секретаря королевского прокурора, Жоли от 8 октября «Il faut prouver avant tout que Marat est bien l'auteur de l'Ami du Peuple».

[264] В письме сказано: «. . . il a été décerné un decret de prise de corps contre Marat».

[265] Последний октябрьский номер газеты — от 8 октября.

[266] «Archives Parlementaires», v. IX, p. 411.

[267] Письмо это было опубликовано отдельной брошюрой «Lettre de M. Marat, l'Ami du Peuple, à M. Joly, avocat aux Conseils, membre et secrétaire de l'Assemblée des représentants de la Commune, et l'un des soixante administrateurs de la Municipalité», 3 p.

[268] Ibid., «. . . connaissez les devoirs du citoyen et apprenez que le crime n'est pas de vous avoir accusé, le crime eût été d'avoir gardé le silence».

[269] Marat. Appel à la Nation, 1790.

[270] «Lettre de M. Marat, l'Ami du Peuple, à M. Necker, premier ministre des Finances» от 23 октября, помещено в брошюре Марата «Dénonciation. . . contre Necker»; см. Ch. Vellay. La Correspondance, p. 113.

[271] См. «L'Ami du Peuple», 5/XI 1789.

[272] «L'Ami du Peuple», 9/XI 1789.

[273] «L'Ami du Peuple», 7/XI 1789.

[274] «L'Ami du Peuple», 11/XI 1789.

[275] «L'Ami du Peuple», 28/XI 1789.

[276] «L'Ami du Peuple», N 52 помечено: «Jeudi 18 pour 19 novembre 1789».

[277] «L'Ami du Peuple», 19/XI 1789.

[278] Последний номер (57) — от 26 ноября, следующий — от 11 декабря (70).

[279] «L'Ami du Peuple», 19/XII 1789.

[280] «Mercure de France», 17/IX 1789.

[281] См. цитированную выше книгу Леклерка, где дана характеристика общественных настроений во Франции в конце 1789 г. (стр. 590). Самое распространенное в массах выражение в это время, утверждает он, — «На фонарь!».

[282] Mirabeau. Mémoires, v. II, ch. VIII «Mirabeau», ch. X «Du mois d'octobre 1789 au mois de février 1790».

[283] «Lettre de l'Abbé Raynal à l'Assemblée Nationale», Marseille, 10 décembre 1789.

[284] «Réponse laconique à l'exposé prolixe de la conduite de M. Mounier ex-président de l'Assemblée Nationale», p. 15 (ИМЛ).

[285] Решение штатов Дофине от 2 ноября: «Considérant, que cette auguste Assemblée ne saurait plus exprimer, dans ses délibérations son véritable voeu et travailler avec succès à la régénération de l'Etat; qu'étant placée dans une situation de contrainte avilissante pour la dignité de la nation, insultante pour les provinces, les décrets ne sauraient plus obtenir cette confiance si nécessaire à leurs succès dans l'opinion publique. . .». Это было актом скрытой контрреволюции и провозглашением гражданской войны.

[286] Этот любопытный документ приведен в кн.: H. Leclerc. Op. cit.; см. также R. Peyre. Une commune rurale des Pyrénees au debut de la Révolution. — «Revue Historique», 1889, v. 41, p. 94.

[287] См. Montarlot. Un essai de commune autonome et d'un procès de lèse-nation. Issu à l'Evêque. 1789—1794.

[288] См. «Mémoire justificatif pour la ville de Vernon, ou exposé des événements qui ont troublé la tranquillité de cette ville», 1779.

[289] В. И. Ленин. Соч., т. 9, стр. 197—198.

[290] «Histoire Parlementaire», v. 3, p. 62, 138, 325.

[291] См. «Révolutions de Paris», v. II, № 28, p. 2.

[292] См. «L'Orateur du Peuple», v. VI, № 41.

[293] См. Al. Bougeart. Les Cordeliers. . ., p. 127—128.

[294] «L'Ami du Peuple», № 32. «Suite des observations».

[295] «L'Ami du Peuple», 22/XI 1789.

[296] «L'Ami du Peuple», 23/XI 1789.

[297] «L'Ami du Peuple», 19/XI 1789.

[298] «L'Ami du Peuple», 26/XI 1789.

[299] «L'Ami du Peuple», 27/XII 1789. «Nouvelles observations importantes sur la nécessité d'abolir la mairie».

[300] «L'Ami du Peuple», 8/I 1790.

[301] «L'Ami du Peuple», 4/XI 1789. «Suite des observations sur l'incompétence des Tribunaux actuels, pour connaître des délations contre les agents du pouvoir exécutif, municipal ou judiciaire et des crimes de lèse-nation».

[302] «L'Ami du Peuple», 11/I 1790. «Motifs pressants de refondre le Châtelet, ou de l'abolir totalement».

[303] «L'Ami du Peuple», N 56.

[304] Ibid.; мы вернемся к этому вопросу в связи с «делом Нанси» в августе-сентябре 1790 г.

[305] «L'Ami du Peuple», 20/XII 1789.

[306] «L'Ami du Peuple», 6/I 1790. «Nouvelles observations de l'Ami du Peuple sur les contraintes par corps».

[307] «L'Ami du Peuple», 29/XII 1789.

[308] «L'Ami du Peuple», 9/I 1790. «Projet d'une confrérie Patriotique».

[309] La Fayette. Mémoires, v. II, p. 494.

[310] «L'Ami du Peuple», N 90.

[311] «L'Ami du Peuple», N 83.

[312] См. S. Lacroix. Op. cit., v. II, p. 235, 243; v. III, p. 520—521.

[313] См. «Archives Nationales», DXXIX, 68, л. 3—4, решения от 31 декабря и 13 января.

[314] Цит. по кн.: Ch. Vellay. La Correspondance, p. 122; приводится отрывок одного письма дистрикту S-te Marguerite. Мы цитируем здесь другое письмо, помещенное в № 104 и 105 «L'Ami du Peuple» от 21 и 22 января 1790 г.

[315] «Réponse de L'Ami du Peuple au district de S-te Marguerite», «L'Ami du Peuple», 21/I 1790.

[316] «L'Ami du Peuple», 8/I 1790.

[317] «Requête de l'Ami du Peuple» — письмо Национальному собранию; см. «L'Ami du Peuple», 12/I 1790; письмо было написано примерно 16 января.

[318] «Lettre de L'Ami du Peuple au marquis de La Fayette, commandant de la milice nationale parisienne, en date du 10 janvier 1790», «L'Ami du Peuple», 14/I 1790, письмо от 10 января.

[319] Две записки Марата Кэнке де Монжуру относятся к 23 января 1790. См. Ch. Vellay. La Correspondance, p. 127—130.

[320] «Dénonciation au tribunal du public, par M. Marat, l'Ami du Peuple contre M. Necker, premier Ministre des Finances», 18 janvier 1790.

[321] Ch. V e l l a y. La Correspondance, p. 115; приводится интересный отрывок письма Марата редактору газеты «Révolutions de France et de Brabant», свидетельствующий о попытках Марата в ноябре-декабре 1789 г. добиться политической солидарности и единства действий с демократами. «Tous les citoyens qui ont de l'âme, M-r, sont mes amis et vous êtes à la tête de ceux, qui ont fait leurs preuves; j'accepte avec plaisir votre proposition et vous prie d'agréer l'assurance de toute mon estime et de mon sincère attachement».

[322] Дело Марата в декабре-январе изучено нами на основании материалов «Archives Nationales», DXXIX, 63. — Comité des rapports (1790). Procédure du Châtelet concernant les Danton et Marat à Paris (27 avril 1790); «Exposé de la conduite et des motifs du district des Cordeliers, concernant le décret de prise de corps prononcé par le Châtelet contre le sieur Marat le 8 octobre 1789 et mis à l'exécution le 22 janvier 1790», Bibliothèque Nationale, Lb[40]. 257 et Lb[40] 1385; «Pièces justificatives, relativement à l'exécution d'un decret lancé contre le sieur Marat».

Литературные источники достаточно богаты: B a b u t. Une journée au district des Cordeliers. — «Revue Historique», mars-avril 1903, p. 279—300; R o b i n e t. Danton-homme d'Etat.

Книга Робине, как и статья Олара «Danton au district des Cordeliers et à la Commune» анализируют продолжение «дела Марата» — «дело Дантона» в феврале—апреле 1790 г.

[323] «Archives Nationales», DXXIX, «Exposé de la conduite. . .». «Extrait des Régistres des Délibérations du district des Cordeliers», 19 janvier 1790.

[324] «Archives Nationales», DXXIX. «Procédure du Châtelet. . », л. 6 и 11.

[325] «L'Ami du Peuple», 13/I 1790.

[326] «L'Ami du Peuple», 20/I 1790.

[327] «L'Ami du Peuple», 22/I 1790.

[328] Ibid. Реплика Марата на выступление Байи в Национальном собрании 19 января с жалобой на безработицу и безработных.

[329] «. . . Ajoutant, à quoi serviraient toutes les troupes rassemblées par l'ordre du général, nous n'aurions qu'à faire sonner le tocsin et battre la générale, nous aurions bientôt tout faubourg St.-Antoine et plus de 20 000 hommes, devant lesquels toutes les troupes blanchiraient. . .».

[330] В «Procédure du Châtelet. . .», л. 7 (протокол судебных приставов); см. также «Appel à la Nation» Марата.

[331] «Procédure du Châtelet. . .», pièce 13 (показания де Берже, Пуенвиля, де ла Вийета).

[332] Ibid. (показание де ла Вийета).

[333] Ibid. (протокол судебных приставов, показание Фонтэна).

[334] Ibid.

[335] Ibid. (показания Сент-Обена, де ла Вийета, Одота).

[336] Ibid. (показания судебных приставов, Фонтэна).

[337] Ibid. Судебные приставы оставили нам в протоколе подробное описание обыска.

[338] «Archives Nationales», DXXIX. «Exposé de la conduite. . .» — «Extrait des Régistres des Délibérations du district des Cordeliers», 22 janvier.

[339] Ibid., решение чрезвычайного собрания дистрикта под председательством Фабра вечером 22 января.

[340] «Archives Parlementaires», v. IX, p. 287.

[341] Обращение Национального собрания к дистрикту в бумагах «Exposé de la conduite. . .»; см. также «Archives Parlementaires», v. IX, p. 287.

[342] Мы выше указали на работы Робине и Олара, посвященные этому эпизоду. В «Archives Nationales», DXXIX по этому вопросу собран гораздо более полный материал, чем по январским событиям.

[343] Ibid., л. 19; «Archives Parlementaires», заседание от 29 марта 1790 г. Национальное собрание отказалось принять делегацию дистрикта. По существу вопроса Национальное собрание решило потребовать от дистрикта беспрекословного подчинения законным властям.

[344] «Archives Nationales», DXXIX, л. 59: «. . . et attendu que cette importante affaire intéresse toutes les assemblées primaires, a arrêté qu'il serait nommé des commisaires à l'effet de se rendre dans les 54 autres districts.»; написано Фабром д'Эглантином, председателем собрания.

[345] Ibid., начиная с л. 20 приводим решение 34 дистриктов; материал дает возможность судить о весьма лояльном настроении этих дистриктов весной 1790 г. Торжество коммуны над парижской демократией было полным.

[346] «Appel à la Nation, par J.-P. Marat, l'Ami du Peuple, citoyen des Cordeliers et auteur de plusieurs ouvrages patriotiques, contre le Ministre des Finances, la Municipalité et le Châtelet de Paris; suivi de l'exposé des raisons urgentes de destiuer cet administrateur des deniers publics, de purger cette corporation et d'abolir ce tribunal, redoutables suppôts du despotisme»; брошюра написана в изгнании, примерно в марте-апреле 1790 г.

[347] Письмо в «L'Ami du Peuple», 23/VII 1790, «L'Ami du Peuple a l'auteur des Révolutions de France et de Brabant».

[348] «L'Ami du Peuple», 25/VI 1790.

[349] См. Ch. V e l l a y. La Correspondance, p. 134.

Кэнке ответил следующим письмом: «J'ai reçu la lettre de M. Marat par laquelle il m'annonce ne vouloir suivre son procès sur l'appel des décrets du Châtelet; je m'y conformirai, et je compterai avec M-elle Victoire les deux louis qu'elle m'a remis. . .», ibid., p. 135.

[350] Начал выходить под номером 106 18 мая.

[351] «Lettre de M. Marat, l'Ami du Peuple, contenant quelques réflexions sur l'ordre judiciaire», 8 p. (без даты).

[352] «Mais s'ils parlent de responsabilité, c'est qu'ils sentent bien qu'elle n'est qu'un frein illusoire, tant que le peuple n'a pas la force en main. . .».

[353] B a i l l y. Mémoires, v. III, p. 225.

[354] Ibid., v. II, p. 276.

[355] «Le Courrier de Versailles à Paris», № 96, 12 décembre 1789. «A tous les citoyens honnêtes».

[356] Ibid., № 25, 23 janvier 1790, статья «Châtelet»: «son nom[Marat] est depuis longtemps le terme le plus méprisant dont les honnêtes gens se servent pour le désigner. . .».

[357] См. в «Collection Morrison», Catalogue, v. IV, p. 130. Мы согласны с догадкой Велле, что речь идет о политическом соглашении (Ch. V e l l a y. La Correspondence, p. 115).

[358] «Révolution de France et de Brabant», № 6, p. 253—254.

[359] «Révolution de France et de Brabant», N 9, p. 426, статья «Affaire de M. Marat».

[360] «Révolution de France et de Brabant», N 10, p. 464.

[361] «Révolution de France et de Brabant»; «Révolution de Paris», N 12, p. 34—38.

[362] «Révolution de Paris», N 14, p. 30.

[363] «Révolution de Paris», N 28, p. 26—31.

[364] Ibid., p. 13. «Un écrivain courageux doit périr, plutot que d'être la cause d'une insurrection».

[365] E. B a b u t. Une journée au district des Cordeliers. «En 1789, il en est à l'état d'ésprit de 1793. La terreur sera faite, quand le peuple l'aura rejoint. . .».

[366] «Révolution de Paris», № 29, p. 32.

Глава третья

[1] См. А. О л а р. Политическая история, стр. 56 (русский перевод).
[2] Статья против политики «ministre adoré» в «L'Ami du Peuple», 5—7/X 1789.
[3] «Sur la législation et le commerce des grains», 1775; цит. по изд. 3. См. статью G. W e i l l. Revue internationale de sociologie, juillet-août 1894. Les théories sociales de Necker.
[4] Ibid., 4-e partie, ch. 12; 1-e partie, ch. 15.
[5] Ibid., 4-e partie, ch. 1.
[6] «De l'importance de la Morale et des opinions religieuses», par M. Necker; à Londres, 1788, ch. V, «Influence des idées religieuses sur le bonheur», p. 83.
[7] Ibid., p. 94.
[8] Ibid., p. 93.
[9] «Réflexions philosophiques sur l'égalité»; цит. по «Oeuvres complètes de M. Necker. . .», v. X, 1821 p. 349 (ИМЛ).
[10] Ibid., p. 352, 362.
[11] Ibid., p. 376—377.
[12] Ibid., p. 403, 411.
[13] Ibid., «Du pouvoir exécutif dans les grands Etats», v. VIII, p. 62—63.
[14] См. N e c k e r. De la Révolution Française, v. IX; впервые напечатано в 1796 г. Цит. по изд. 1796 г. См. ch. «Assemblée Nationale, désignée sous le nom de constituante»; ch. III «Dernières réflexions, qui ne sont pas personelles», p. 107.
[15] См. «De l'importance de la Morale. . .», ch. VII, p. 206; «De l'administration des finances», v. II, ch. 12, p. 408. Политические афоризмы Неккера в брошюре «Principes positifs de M. Necker, extraits de tous ses ouvrages», 1789.
[16] См. N e c k e r. De la Révolution Francaise, p. 37—38.
[17] См. «Pensées et réflexions sur divers sujets» — ouvrage posthume de M. Necker; publié par m-me de Staël-Holstein. Paris, 1809. «Notes sur la législation et le commerce des grains», p. 19.
[18] Ibid., p. 30.
[19] Л. Б л а н. История французской революции, т. IV, стр. 82 (русский перевод).
[20] См. «Vie privée et ministerielle de M. Necker, directeur general des Finances», par un citoyen, à Genève, 1790, p. 80 (ИМЛ).
[21] «Révolutions de Paris», № 23, p. 2—15.
[22] См. A. B a i d i n. La Contribution patriotique, 1909; R. B i g o. La Caisse d'Escompte et les origines de la Banque de France.
[23] Л. Блан в своей «Истории. . .» использовал частично богатейшую коллекцию Британского музея (см. т. IV, гл. VI). Интересный подбор этих брошюр хранится в ИМЛ.
[24] «Archives Parlementaires», v. IX, p. 187.
[25] См. «Opinion d'un créancier de l'Etat sur quelques matières de Finance importantes dans le moment actuel», à Londres, 1789.
[26] См. «Lettre d'un taillable à un rentier», p. 8 (ИМЛ).
[27] См. «Archives Parlementaires», v. V, p. 93.
[28] Ibid., p. 299.
[29] См. «Essai sur le rétablissement des finances du Royaume», par M. le Ch-er M* S.* M*, 1789, p. 67.
[30] См. S. A. F e r r i è r e s. Précis et succint aperçu d'un nouveau plan de finance. Подробный разбор брошюры у Л. Блана (т. IV, гл. VI).
[31] Les destinées de la France au solution du problème des assignats.
[32] «Archives Parlementaires», v. V, p. 319.

[33] «Motion de M. l'Evêque d'Autum sur les biens ecclésiastiques».
[34] См. «Archives Parlementaires», v. V, p. 310—314. «Они интересуются исключительно положением дел на бирже и ценными бумагами».
[35] «Avis aux pauvres sur la révolution présente et sur les bien du clergé» (ИМЛ).
[36] См. S. L a c r o i x. Op. cit., v. IV, p. 467.
[37] Ibid., v. IV, p. 569.
[38] «Révolutions de Paris», № 34, p. 6.
[39] «Révolution de Paris», N 35, p. 11—16.
[40] «Révolution de Paris», N 38, p. 2.
[41] Ibid., p. 85; N 41, p. 157.
[42] «Révolution de France et de Brabant», N 36.
[43] «Révolution de Paris», N 34, p. 16.
[44] А. М а т ь е з. Борьба с дороговизной (La vie chère), введение (русский перевод).
[45] «L'Ami du Peuple», 29/X 1789. «Par quel rapport a-t-il trouvé entre un negociant, un marchand, un détailliste et un homme d'Etat».
[46] «L'Ami du Peuple», № 39, 51. В этих номерах точно устанавливается политическая связь между Неккером и дистриктами банкиров, финансистов и т. д. (Filles de St.-Thomas).
[47] «L'Ami du Peuple», 26/XI 1789.
[48] «L'Ami du Peuple», 23/XI 1789.
[49] «L'Ami du Peuple», 6/I 1790. «Nouvelles observations de l'Ami du Peuple sur les contraintes par corps».
[50] «Dénonciation faite au tribunal du Public, par M. Marat, l'Ami du Peuple, contre M. Necker, premier ministre des Finances», p. 69; с эпиграфом: «Vitam impendere vero».
[51] «L'Ami du Peuple», 1/VI 1790.
[52] «L'Ami du Peuple», 4/VI 1790. «Infâme attentat de l'administrateur général des Finances, des Maltatiers, des jugeurs de la Cour des Aides».
[53] Речь идет о брошюре B a b e u f. Pétition sur les impôts, p. 178 (ИМЛ).
[54] «L'Ami du Peuple», 19/VI 1790.
[55] M i c h o n. Correspondance, стр. 64 (русский перевод).
[56] «Révolution de France et de Brabant», N 36—37, p. 587.
[57] «L'Ami du Peuple», 12/VIII 1790.
[58] Ж. Ж о р е с. Учредительное собрание, стр. 342.
[59] «L'Ami du Peuple», 12/VIII 1790.
[60] «L'Ami du Peuple», 27/X 1790; «Décrets uniques sur les impôts».
[61] «L'Ami du Peuple», 12/VIII 1790.
[62] «L'Ami du Peuple», 29—30/VIII 1790. «Réflexions».
[63] «L'Ami du Peuple», 16/IX 1790.
[64] «L'Ami du Peuple», 28/IX 1790.
[65] «L'Ami du Peuple», 16/X 1790. «Réflexions désespérantes sur les manœ uvres des administrateurs des deniers publics».
[66] B a i l l y. Memoires, v. II, p. 30—31.
[67] Ibid., p. 218, 245.
[68] Ibid., p. 84.
[69] Ibid., p. 531.
[70] Ibid., p. 171—182.
[71] Ibid., p. 195.
[72] Ibid., p. 211.
[73] А. М а т ь е з. Ук. соч., стр. 20.
[74] Ar. Y o u n g. Voyages en France, v. II, p. 336.
[75] G. L e f e v r e. Documents rélatifs à l'Histoire des subsistances dans le district de Bergues (1788), 1914.

[76] Ibid., ch. V. «Mesures destinées à empêcher l'Exportation», doc. N 32.
[77] Ibid., постановление фландрского парламента от 24 сентября 1789 г.
[78] Ibid., doc. N 36, 37, 38.
[79] Ibid., doc., N 38, 40, 44.
[80] B a i l l y. Mémoires, v. IV, p. 7.
[81] Ibid., см. ch. «Entrées et sorties des grains et farines».
[82] Кроме документов, собранных Лефевром, см. «Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont (1788 à l'an V), documents publiés par Ch. Lorrain, v. I, 1911.
[83] А. М а т ь е з. Ук. соч., стр. 17.
[84] G. L e f e v r e. Op. cit., v. I, p. XXIX.
[85] «Les subsistances. . .», doc. N 67, 68, 73, 78.
[86] Ibid., doc. № 80, 84.
[87] «Extrait des régistres de délibération du 7 novembre 1798 — subsistances, taxe du prix du blé et seigle, seule manière d'amener l'abondance». — British museum, коллекция брошюр французской революции, № 476—478.
[88] «Les subsistances. . .», doc. № 97.
[89] «Nouvelles dénonciations de M. Marat, l'Ami du Peuple, contre M. Necker, premier ministre des Finances ou Supplément à la dénonciation d'un citoyen contre un agent de l'autorité», Londres, 1790, p. 40.
[90] О «деле Леле» см. «Compte rendu au public par les sieurs Eloi-Louis et Dominique-César Leleu, négociants, sur l'établissement de Corbeil», 1789, 16 p.; «Dénonciation sommaire fait au Comité des recherches de l'Assemblée Nationale contre M. Necker, ses complices, ses fauteurs et adhérents, par I. Rutledge, mars, 1780; C. D e s m o u l i n s. Réplique aux deux Mémoires des S-rs Leleu, indignes meuniers de Corbeil, en presence de Necker; см. также «Moniteur», v. I, p. 475, 16/IX 1789.
См. брошюру «Necker jugé par le Tribunal de la Lanterne», 1780.
[91] G. L e f e v r e. Op. cit., doc. N 176; «Les subsistances en céréales»; См. «Les subsistances. . .», doc. N 103, сообщение от 28 апреля 1790 г.
[92] «L'Ami du Peuple», 7/IX 1790. «L'Ami du Peuple à M. Necker».
[93] «Lettre de M. Marat, l'Ami du Peuple à M. le Président de l'Assemblée Nationale», p. 8, mai 1790.
[94] Нами использована богатая коллекция брошюр по «неккериаде» ИМЛ и дополнительно несколько редких брошюр маратовской коллекции Британского музея.
[95] «Justification de M. Necker premier ministre des Finances ou Réponse à la Dénonciation du sieur Marat, par citoyen du district de St.-André-des-Arts», 1790, p. 29.
[96] Ibid., p. 9—10.
[97] «L'Anti-Marat ou défense de M. Necker contre le soi-disant Ami du Peuple», par M. Le Rou, p. 30; см. также другую брошюру «L'Anti-Marat ou le véritable Ami du Peuple», par un seul Patriote, 1789, British Museum, M. K. 5.38, v. XXVI. «Adresse d'un véritable ami de la vérité à M. Marat médecin ordre de M-er le comte d'Artois et se disant l'Ami du Peuple», British Museum. M. K. 5.48, v. XXVI. Автор брошюры поражен тем, что Марат обвиняет Неккера в поощрении спекуляции, этого естественного метода обогащения в торговле.
[98] «Vie privée et ministérielle de M. Necker, directeur général des Finances», par un citoyen, à Genéve, 1790, p. 80; см. также «Supplément»; «Avis au Peuple ou les ministres dévoilés», 1779; затем «La Néckeriade Provinciale», par le vicomte Pierre-Armand d'Aubisson «Lettre du peuple à M. Necker sur la cherté du pain»; Le B o i s. Necker jugé par le Tribunal de la Lanterne, 1790.

[99] Е. Т а р л е. Рабочие национальных мануфактур во Франции в эпоху революции, стр. 26.
[100] J a f f é. Le mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution Française (1789—1791).
[101] По этому вопросу см. B r a e c h. Essais de statistique de la population ouvrière de Paris vers 1791; Ch. S c h m i d t. La crise industrielle de 1789. — «Revue Historique», 1907; G. M a r t i n. Les associations ouvrières au XVIII siécle.
[102] M. R a f f. Le personnel des premières émeutes de 1789 à Paris. — «La Révolution Française», v. LVII, 1909; C. B l o c k. L'Assistance et l'Etat en France à la veille de la Révolution; Fer. D r e y f y s. La Rochefoucauld-Liancourt et le comité de mendicité.
[103] A. M a t h i e z. La France économique dans la seconde partie du XVIII siècle, fascicules III, IV (курс лекций 1927—1928 гг. в «La Faculté des Lettres à Paris» — на правах рукописи).
[104] A. M a t h i e z. Notes sur l'importance du Prolétariat en France. «Annales Historiques de la Révolution Française», novembre-decembre 1930.
[105] A. T u e t e y et C. B l o c k. Procès-verbaux du Comité de mendicité de la Constituante, 1911, p. 68.
[106] Ibid., p. 48.
[107] Ibid., p. 76.
[108] A. M a t h i e z. La France économique. . .; fascicule III.
[109] «L'Ami du Peuple», 12/VIII 1790, «Enormité du produit de la contribution patriotique».
[110] «De la Nécessité et des Moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers. . .», par Boncerf, de la Société Royal d'Agriculture, Tresorier du District (речь, произнесенная в дистрикте de St.-Etienne-du-Mont 23 августа 1789 г. и напечатанная по распоряжению Национального собрания).
[111] S. L a c r o i x. Op. cit., v. IV, p. 523, 544.
[112] A. T u e t e y et C. B l o c k. Op. cit., p. 309.
[113] Ibid., p. 315.
[114] Ibid., p. 319.
[115] Ibid., p. 321—322, 632.
[116] Ibid., p. 327.
[117] Ibid., p. 300—331.
[118] Ibid., p. 357.
[119] Ibid., p. 383.
[120] Ibid., p. 427.
[121] Ibid., p. 428, 432.
[122] Ibid., p. 433—465.
[123] См. «L'administration des ateliers de charité 1789—1790, Rapport de J.-B. Ed. Plaisant (*octobre 1789 — octobre 1790*)», опубликовано в кн. Al. T u e t y. Op. cit., 1906; S. L a c r o i x. Op. cit., v. V, p. 34.
[124] A. T u e t y et C. B l o c k. Op. cit., p. 16.
[125] Ibid., p. 30, 62.
[126] Ibid., p. 119.
[127] Ibid., p. 136.
[128] Ibid., p. 174.
[129] См. материалы в сборнике документов: Al. T u e t y. L'Assistance publique à Paris pendant la Révolution, v. II, section «Organisation des ateliers de Filature», p. 217.
[130] Ibid., N 107, p. 218; N 108, p. 222.
[131] Ibid., N 109, p. 223.
[132] Ibid., N 110, p. 230; N 119, p. 248.

[133] Ibid., об этом свидетельствует ряд документов: № 146, 150, 155 и т. д., см. регламент мастерских от 5 октября 1790, p. 293.
[134] Цитированный выше доклад Плезана, стр. 34—35, 40—41.
[135] A. Tuety. Op. cit., № 163, p. 323.
[136] Приложение к кн.: Minzes. Die Nationalgüterveräusserung während der französischen Revolution, S. 138—139.
[137] Ibid., S. 139.
[138] Ibid., S. 140.
[139] Ibid., S. 140.
[140] Ibid., S. 142—146.
[141] S. Lacroix. Op. cit., № 107 (18/IX) и № 84 «Réglement concernant les approvisionnements et les distributions des deniers nécessaires à la subsistance des habitants de Chaumont».
[142] Цитированная выше брошюра Boncerf. De la Nécessité et des Moyens d'occuper avantageusement tous les gros ouvriers. . . ; la plus importante et pressante affaire ou la nécessité et les moyens de restaurer l'agriculture et le commerce, 1789.
[143] Подробности см. F. Gersaux et Chmidt. Procès-verbaux du Comité d'agriculture et de commerce de la Constituante, de la Législative et de la Convention, заседания 18 и 30 декабря.
[144] Ibid., заседание 25 января
[145] Ibid., заседание 5 мая, стр. 256.
[146] Lambert. Précis de vues générales en faveur de ceux qui n'ont rien, pour les mettre sous la sauvegarde de la bienfaisance publique et de la constitution de l'Etat; цит. в кн.: Chassin. Les élections et les Cahiers de Paris, v. II, p. 579. Chassin. Au Roi et aux Etats-Généraux. . . Supplique . . .pour sauver le droit du pauvre et pour l'intérêt commun de tous les ordres. Adresse à L'Assemblée Nationale. . . à la protection et à la conservation de la classe non propriétare, les grands principes de justice, décrétés dans la Déclaration des droits de l'Homme (напечатано по постановлению Коммуны); «Adresse à l'Assemblée Nationale pour sauver le droit du pauvre et pour rétablir le calme et la tranquillité publique».
[147] Lambert. Cahier des Pauvres, p. 16.
[148] «Archives Parlementaires», v. X, p. 327—329. Mémoire sur la destruction de la mendicité (Du Tremblay de Russele).
[149] Volland. Memoire sur les moyens de détruire la mendicité en France et de venir au secours des indigents de toutes classes, см. в кн.: S. Lacroix. Op. cit., v. VII, p. 5—7.
[150] Ibid., p. 561.
[151] Fauchet. De la Religion nationale, 1790, p. 216.
[152] Ibid., p. 217.
[153] Ibid., p. 218.
[154] Ibid., p. 222.
[155] Ibid., p. 223—225.
[156] Ibid., p. 225—231.
[157] «Bouche de fer», 14/IV 1791.
[158] S. Lacroix. Op. cit. v. VII, p. 620.
[159] Marat. Le Junius Français — journal politique, № 8.
[160] «L'Ami du Peuple», 1/VI 1790.
[161] «L'Ami du Peuple», 11, 14/VI 1790.
[162] «L'Ami du Peuple», 11/VI 1790.
[163] «L'Ami du Peuple», 14/VI 1790.
[164] Ibid., «Observation sur le projet d'établissement de bienfaisance et des moyens de détruire la mendicité».
[165] «Supplique aux pères conscrits, ou très sérieuses réclamations de ceux qui n'ont rien contre ceux qui ont tout», «Correspondance inédite de C. Desmoulins», p. 76.

[166] Ibid., «Pères conscrits! vous vous dites les députés du peuple, vous prétendez a voir stipulé ses intérêts, assuré ses droits: cependant, qu'avez-vous fait pour nous? Travailler à rendre libre la nation? direz-vous sans doute. Fort bien: mais que nous importe la liberté politique, à nous qui ne l'avons jamais connue et qui ne la connaitrons jamais? . . .» Это положение, как мы увидим дальше, сближало в 1790-1791 гг. Марата скорее с Бабефом, чем с демократией.
[167] «L'Ami du Peuple», 30/VI 1790. «Supplique de dix-huit millions d'infortunés aux députés a l'Assemblée Nationale».
[168] Ibid., «Car pour nous mettre à votre place, nous n'avons qu'à. rester les bras croisés; réduits alors à vous servir de vos mains, et à labourer vos champs, vous deviendrez nos égaux; mais moins nombreux que nous, serez-vous sûrs de recueillir le fruit de votre travail? . . .».
[169] «L'Ami du Peuple», 1/VII 1790. «Adresse aux citoyens infortunés des faubougs St.-Antoine, St.-Marcel, St.-Victor, St.-Martin et de tous les autres quartiers de Paris».
[170] «L'Ami du Peuple», 24, 25/VII 1790. «Adresse aux citoyens des districts de la capitale».
[171] «L'Ami du Peuple», 29/VII 1790. «Observations sur la conduite des districts de la capitale, au sujet de l'inscription des citoyens actifs».
[172] «L'Ami du Peuple», 24/VII 1790.
[173] «L'Ami du Peuple», 27/X 1790. «. . . mais parce que, dans un gouvernement juste tous les membres de l'Etat doivent avoir les mêmes droits».
[174] Ibid., «. . .qu'ils connaîtront leurs droits et sentiront leurs forces: pour le dissoudre, il leur suffirait même de ne vouloir plus travailler».
[175] «Réflexions d'un habitant du Faubourg St.-Marceaux pour servir de suite à la dénonciation du même Faubourg, à celui de St.-Antoine»,—Jean, Compagnon-Brasseur, à Paris, 1790.
[176] «Mémoires de Malouet», v. II, ch. XIV, p. 85—88.
[177] «Archives Parlementaires», v. IX, p. 47.
[178] Ibid., p. 481.
[179] «Révolutions de Paris», № 38, p. 19—20.
[180] «Le voeu national au système politique proposè d'organiser la nation dans toutes les parties et à assurer à l'Homme l'expression de ses droits sociaux», par P. Dolivier, curé de Mauchamp, Paris, 1790, p. 78 (ИМЛ).
[181] Ibid., p. 19—20.
[182] Ibid., «Des électeurs et des éligibles», p. 58—59.
[183] S. Maréchall. Le Livre de tous les âges.
[184] Домманже в своей работе о Марешале опускает при цитировании последнюю часть рассуждений Марешаля и не дает нам поэтому точного представления о его мысли.
[185] Домманже цитирует стихи Марешаля:

A l'écart et sans bruit, marche seule avec toi.
Du Peuple et de ses chefs évite l'accointence.
Garde, entre ces ecueils, une égale distance,
Loin du Peuple et des chefs, le sage se tient coi.

[186] К сожалению, вопрос о деятельности Бабефа в 1789—1791 гг. очень слабо освещен в литературе; мы имеем в виду не только старую работу Адвиеля о Бабефе, но и новые работы советских историков (Пригожин, Шеголев), которые для характеристики этого периода пользуются исключительно материалами Адвиеля. Мы вынуждены будем коснуться этого вопроса в самых общих чертах, воспользовавшись коллекцией брошюр Бабефа в ИМЛ.

[187] «Pètition sur les impôts, adressée par les Habitants. . . à L'Assemblée Nationale, dans laquelle il est démontré que les Aides, la Gabelle, les Droits d'Entrée aux villes etc., ne doivent et ne peuvent plus subsister, même provisoirement, chez les Francais, devenus libres», p. 38, 1790.

[188] Ibid., p. 29.

[189] «A messieurs du Comité des Recherches de l'Assemblée Nationale», Babeuf, 24 p., 10 мая 1790.

[190] «Cadastre perpétuel . . . dédié à l'Assemblée Nationale, l'an 1789 et le premier de la Liberté française».

[191] «Discours préliminaire». «Pour servir à développer l'effet de l'adoption du projet, à résumer les nombreux avantages qui en pourraient résulter, à fixer l'examen sur la distance qui d'après cela, resterait encore pour atteindre la félicité commune des Peuples et sur les causes, qui s'opposent au rapprochement positif de ce grand but».

[192] Ibid., p. XXV.

[193] Ibid., примечание к p. XXIX.

[194] «L'Ami de Peuple», 24/VI 1790.

Глава четвертая

[1] Газета возобновлена была 18 мая (№ 106), см. № 108, 20 мая.

[2] «L'Ami du Peuple», 21/VI 1790.

[3] Положения эти развиты Маратом в «L'Ami du Peuple», 20—23/VI 1790.

[4] «L'Ami du Peuple», 17/VI 1790. «. . . d'indemniser tous ceux auxquels elle fait éprouver des pertes considérables, le pourriez-vous, le devez-vous; et si vous le faisiez, où serait le mérite du patriotisme? A combien de citoyens la révolution n'a-t-elle pas enlevé leur état, leur fortune? Rendez donc à la noblesse défunte ses privilèges, aux robins réformés leurs charges, aux dignitaires réduits leurs bénéfices, ou plutôt le bien des pauvres . . . aux commerçants les gains, qu'ils auraient dû faire et qu'ils n'ont point fait; rendez la tête aux conjurés dont le peuple a fait justice. . .»

[5] «L'Ami du Peuple», 31/V 1790.

[6] «L'Ami du Peuple», 13VI 1790.

[7] «L'Ami du Peuple», 20/VI 1790. «La vraie Assemblée Nationale réside uniquement dans le parti patriotique. . .»

[8] «L'Ami du Peuple», 28/VI 1790.

[9] «L'Ami du Peuple», 28, 29/VI 1790.

[10] «L'Ami du Peuple», 7/VI 1790. «Adresse aux Citoyens».

[11] «L'Ami du Peuple», 5, 7/VII 1790.

[12] S. Lacroix. Op. cit., v. V, p. 268.

[13] Ibid., p. 722.

[14] Ibid., p. 728.

[15] Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 443 (русский перевод).

[16] «Révolutions de France et de Brabant», № 34.

[17] Олар. Политическая история революции, стр. 359 (русский перевод).

[18] «Révolutions de Paris», № 44, p. 327.

[19] «Révolutions de Paris», № 52, p. 725.

[20] Ibid., p. 733—734.

[21] «Révolutions de France et de Brabant», № 34—35.

[22] «Journal de la Confédération» Бабефа, № 1 и 2 от 3 июля 1790 г. (ИМЛ).

[23] «L'Ami du Peuple», 31/V 1790. «Projet de confédération patriotique dans tout le royaume».

[24] «L'Ami du Peuple», 12/VI 1790. «Adresse aux citoyens sur ces réglements alarmants. . .».

[25] «L'Ami du Peuple», 13/VI 1790.

[26] «L'Ami du Peuple», 10/VII 1790. «Le pacte fédératif n'est qu'une farce ridicule, une parade à grand spectacle».

[27] Ibid. Марат выступает против Барнава, потому что он обратился к агентам правительства с требованием принять строгие меры для подавления беспорядков в провинции.

[28] «Infernal projet des ennemis de la Révolution, par M. Marat, auteur de «L'Ami du Peuple». De l'imprimrie de Marat. Брошюра появилась накануне праздника федерации, в ночь с 13 на 14 июля (F. Chévremont. Op. cit., v. I, p. 283), затем перепечатана в № 163 газеты под названием «Nouvelle conspiration des noirs».

[30] «L'Ami du Peuple», 15/VII 1790. «Observations sur les fêtes du pacte fédératif».

[31] «L'Ami du Peuple», 18/VII 1790.

[32] «L'Ami du Peuple», 19/VII 1790. «Réflexions de l'Ami du Peuple sur la fête fédérative».

[33] «L'Ami du Peuple», 19 et 21/VII 1790.

[34] Брошюра появилась 26 июля; существует экземпляр брошюры с пометками Марата, исправленное им название — «Aux armes ou c'en est fait de nous»; см. «Un pamphlet de Marat corrigé de sa main». — «Revue historique de la Révolution Française», octobre-décembre 1910.

[35] S. Lacroix. Op. cit., v. VI, p. 611.

[36] «L'Ami du Peuple», 26/VII 1790. «Vrais moyens que le peuple soit libre et heureux».

[37] «L'Ami du Peuple», 30/VII 1790.

[38] «L'Ami du Peuple», 17/VIII 1790.

[39] S. Lacroix. Op. cit., v. V, p. 317—319.

[40] British Museum, c. XXV. M. K. S. 36, постановление Коммуны о Марате от 26 мая, «Extrait du procès-verbal du mercredi vingt-six mai 1790», см. также S. Lacroix. Op. cit., v. I, V, стр. 526—527.

[41] См. брошюру «Lettre de M. Marat, l'Ami du Peuple, à M. le Président de l'Assemblée Nationale», 8 p., mai 1790.

[42] Письмо приведено в кн.: Ch. Vellay. La Correspondance, p. 147.

[43] S. Lacroix. Op. cit., v. V, p. 552—553. «Marat désavoue formellement la paternité du numéro dénoncé le 26 mai. . . mais Marat désavouerait volontiers ce qui le gênait».

[44] Ibid., p. 314.

[45] Письмо это приведено в «Biographis des hommes célèbres», v. II, 1828; см. Ch. Vellay. La Correspondance, p. 118.

[46] «L'Ami du Peuple», 3/VIII 1790. 12 pp.

[47] «L'Ami du Peuple», 4/VIII 1790.

[48] «Révolutions de France et de Brabant», № 32; British Museum, v. XXV, M. V. S. 36. «Dénonciation à l'Assemblée Nationale de deux imprimés ayant pour titre, l'un — «C'en est fait de nous» et l'autre «Révolutions de France et de Brabant», 24 p.

[49] «Archives Parlementaires», v. XVII, p. 450.

[50] Там же, p. 455.

[51] «Révolutions de France et de Brabant», № 37, p. 655; «Archives Parlementaires, v. XVII», p. 506.

[52] «Archives Parlementaires», v. XVII, p. 506, 509—510. заседание 2 августа.

[53] «Le Courrier de Paris», 30/VII 1790.

[54] Ibid., p. 28.

[55] «Discours de M. Dupont de Nemours sur les écrits incendiaires, prononcés à l'Assemblée Nationale le 3 août 1790», British Museum, v. XXV, M. K. S. 36.

[56] «Trahison contre l'Etat ou les jacobins dévoilés». Réponse aux numéros 137 et 138 de «L'Ami du Peuple», 1790; см. также A u l a r d. La société des Jacobins, v. I, p. 187.

[57] «Réponse aux dernièrs numèros de Marat». «Notes pour servir a l'histoire de M. de La Fayette, récuellies dans des ouvrages imprimés en Amérique en 1789 et traduites de l'Anglais»; «Epitre de Marat l'aîné à Marat le cadet», Paris, 17/IX 1790. В «Journal Général de la Cour et de la ville», 6/II 1790, следующая заметка о Марате: «Le Peuple vient d'acquérir un nouvel ami du moins c'est le titre que prend une Feuille, qui s'efforce d'être méchante et qui n'est qu'injurieuse. . . Elle est rédigée par un perruquier, qui doit faire excuser quelques plaisanteries tirées par les cheveux»; номер хранится в коллекции Марата British Museum, M. K. S. 53.

[58] Письмо Марата к К. Дюмулену от 24 июня; см. Ch. V e l l a y. La Correspondance, p. 151.

[59] «Révolutions de France et de Brabant», № 37, p. 479—480.

[60] Ibid., № 309, p. 609.

[61] Ibid., «M. Marat, lui dis-je en secouant la tête, mon cher Marat, vous ferez de mauvaises affaires et vous serez obligé de mettre une seconde fois la mer entre le Châtelet et vous . . . vous êtes le dramaturge des journalistes. . .»

[62] Ibid., К. Дюмулен ссылается на беседу с Маратом 29 июля.

[63] «L'Ami du Peuple», 16/VIII 1790, «Marat a Desmoulins».

[64] Ibid., излагает в письме Демулену «le plan de ma conduite depuis l'époque de la révolution» Постоянные идеи, руководившие его деятельностью, изложены им в брошюре «C'en est fait de nous».

[65] «Dénonciation à la Nation contre M. Malouet», par M. Marat, auteur de l'Offrande à la Patrie, du Moniteur et du Plan de Constitution, etc.», 8 p.; см. также «L'Ami du Peuple», 6/VIII 1790.

[66] «Révolutions de Paris», № 49, p. 563; № 56, p. 159.

[67] «Archives Parlementaires», v. 15, p. 515.

[68] Ibid., p. 514.

[69] Ibid., p. 518.

[70] Ibid., p. 516.

[71] Ibid., p. 517; см. «Opinion de M. Le Comte Stanislas de Clermont-Tonnerre sur la question du droit de guerre et de paix», «Le droit de guerre se réduit donc, en dernière analyse, à celui de repousser par la force toute atteinte véritable portée par une puissance étrangère à la propriété et à la liberté nationale».

[72] Ibid., p. 528—529.

[73] Ibid., p. 529—530.

[74] Ibid., p. 536—544.

[75] Ibid., p. 546.

[76] Ibid., p. 575—576.

[77] Ibid., p. 576.

[78] Ibid., p. 577.

[79] «Révolutions de Paris», № 59, p. 329—332.

[80] «Archives Parlementaires», v. 15, p. 559.

[81] Ibid., p. 618.

[82] Ibid., p. 626.

[83] Ibid., p. 658.

[84] Ibid., p. 659.

[85] Ibid., p. 662.

[86] «L'Ami du Peuple», 19/V 1790. «Copie d'une lettre de M. Marat, adressée à plusieurs membres de l'Assemblée Nationale, le 15 mai 1790».

[87] «Si la guerre dont on nous menace n'est pas simulée, ce qui pourrait arriver aux Espagnols le plus avantageux serait que leur flotte fût écrasée par cellé des Anglais, que leur cabinet fût déconcerté par une guerre désastreuse, et que leur prince fût réquit à demander grâce à genoux. Alors, alors seulement, forts de sa faiblesse, ils pourraient rompre leurs fers, secouer le joug, refondre leur gouvernement et se donner une constitution propre à les rendre libres et heureux».

[88] «L'Ami du Peuple», 7/XII 1790.

[89] «L'Ami du Peuple», 24/V 1790. «Observations de l'Auteur».

[90] «L'Ami du Peuple», 25/V 1790. Suite et observations de l'Auteur sur les décrets relatifs au droit de guerre et de paix».

[91] «L'Ami du Peuple», 6/VI 1790.

[92] «L'Ami du Peuple», 26/V 1790.

[93] «Révolutions de France et de Brabant», № 46; «L'Ami du Peuple», 4/VII 1790.

[94] «L'Ami du Peuple», 5/VI 1790.

[95] «L'Ami du Peuple», 6/VI 1790.

[96] «Le Junius Français», № 1, 2.

[97] «Le Junius Francais», № 7.

[98] «L'Ami du Peuple», 9/VII 1790; «Révolutions de Paris», № 46, p. 425.

[99] А. С о р е л ь. Европа и революция, т. II, стр. 79.

[100] «L'Ami du Peuple», 28/VIII 1790.

[101] Ibid., «Au premier coup de canon, nous abattrons les têtes criminelles des ministres et de leurs suppôts; et si la patrie était menacée, nous retrancherons du nombre des vivants l'engeance maudite des ordres naguère privilégiés et nous finirons par partager leurs terres entre les pauvres citoyens».

[102] «L'Ami du Peuple», 23/X 1790. «Dangers immense qui menacent la France, suites inévitables des malversations ministérielles».

[103] Ibid., «Pour opérer ce prodige, je n'aurai recours ni àune armée de 500 milles hommes, ni à 2 millions assignats, il me suffit des bonnets de laine de notre faubourg. . .»

[104] Ibid., p. 24.

[105] La F a y e t t e. Mémoires, v. II, p. 417.

[106] Ibid., p. 415.

[107] Ibid., p. 436—439.

[108] Ibid., p. 449—456.

[109] Ibid., p. 451—452.

[110] Ibid., p. 404.

[111] Ibid., v. III, p. 4—5.

[112] Ibid., p. 11.

[113] «Révolutions de Paris», № 56, p. 173.

[114] Ibid., p. 179.

[115] Ibid., p. 181.

[116] Ibid., № 58, p. 263—264.

[117] Ibid., № 56, p. 171—172.

[118] «Discours prononcés à la société des Amis de la Constitution sur les principes fondamentaux de l'organisation de l'armée française», par M. Carra. — «La Société des Jacobins», v. I. p. 24.

[119] «Révolutions de Paris», № 56, p. 177.

[120] Ibid., p. 180.

[121] «Histoire Parlementaires», v. VII, p. 11.

[122] «Archives Parlementaires», v. XVIII, заседание 13 августа.

[123] «Réflexions impartiales d'un Ami du Bien Public sur la situation actuelle de Marseille», 1790 (ИМЛ).

[124] «Archives Parlementaires», v. XVIII, заседание 20 августа.

[125] Нами использована коллекция брошюр ИМЛ: — «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier, commissaires nommés par le Roi sur l'exécution des décrets de l'Assemblée Nationale relatifs aux troubles de Nanci, remis à M. la Tour du Pin, ministre de la guerre, le jeudi 14 octobre 1790, imprimé par l'ordre de l'Assemblée Nationale», Paris, 1790; «Prècis de principaux événements arrivés à Nancy,depuis le 20 juillet 1790 jusqu'au 6 septembre suivant, concernant l'insurrection et la rebellion, caractérisées des troupes de ligne de la garnison composé des régiments du Roi de Châteauvieux et du Mestre-de-Champ cavalerie»; «Relation exacte et impartiale de ce qui s'est passé à Nancy le 31 août et les jours précédents avec un détail circonstancié des événements qui ont précédé é accompagné l'insurrection de la garnison et d'une partie de la garde citoyenne et qui l'ont occasionnée: le tout appuyé de pièces justificatives», par M. de Léonard officier au Régiment du Mestre-de-Champ général de la Cavalerie, 1790, p. 180; «Consil de N. La Fayette aux Gardes Nationales, depuis l'affaire de Nancy, et à la veille d'autres malheurs»; «Détail du service funeste . . . en mémoire de nos Frères d'Armes morts à Nancy pour l'exécution de la loi»; «Détail de la grande révolution arrivée à Nancy et victoire remportée par les volontaires de la Garde Nationale de Nancy contre le Régiment Suisse Château-Vieux et autres troupes de ligne». Богатая коллекция по делу Нанси хранится в Британском музее и в свое время она была использована Л. Бланом («История. . .», т. V). Из этой коллекции мы дополнительно воспользовались следующими брошюрами и памфлетами: «Précis des principaux événements arrivés à Nancy publié par la municipalité de cette ville»; «Détail de l'affaire de la révolte de la garnison de Nancy»; «Détail des ravages, désordres et excès commis dans la ville de Nancy»; «Dialogue entre deux citoyens sur l'affaire de Nancy»; «Le sens commun du bonhomme Richard sur l'affaire de Nancy»; British Museum, Bibliothèque historique de la Révolution Française.

[126] «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier. . .», p. 6.

[127] «Relation exacte. . . », p. 12.

[128] «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier. . .», p. 15.

[129] «Relation exacte. . .», p. 9.

Утверждают, что солдаты создали уже в первые месяцы революции самостоятельные общества «Amis de la paix et de la constitution» («Histoire Parlementaire», v. VII, p. 63).

[130] Согласно цитируемому Л. Бланом «Relation manuscrite de l'affaire de Nancy».

[131] «Archives Parlementaires», v. XVIII.

[132] См. «Dialogue entre deux citoyens»; «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier. . .», p. 84; «Precis des principaux événements. . .».

[133] «Précis . . . publié par la municipalité»; «Relation exacte. . .», p. 37—39.

[134] «Archives Parlementaires», v. XVIII, p. 92.

[135] «Histoire Parlementaire», v. VII, p. 67.

[136] «Le Courrier de Paris dans les Provinces. . .», № XVIII, 19 août, p. 257.

Об аресте солдат в Париже см. брошюры: «Violation des droits de l'homme ou emprisonnement de huit grenadiers députés du régiments du Roi»; «Grand événement qui s'est passé hier, emprisonnement de 8 soldats députés du Régiment du Roi».

[137] «Révolutions de Paris», № 58, p. 259.

[138] «Le Courrier de Paris. . .», № 20 22/VIII 1790; p. 314; № 28, 30/VIII, p. 445.

[139] «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier . . .», p. 31—33.

[140] «Relation exacte. . . », p. 64.

[141] «Rapport. . . », p. 40—41.

[142] См. «Rapport de Sillery à L'Assemblée Nationale».

[143] «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier. . .», p. 46.

[144] «Relations exactes. . . », p. 83; «Archives Parlementaires», v. XVIII, p. 526—527.

[145] Ibid., p. 85, 100.

[146] Ibid., p. 73.

[147] Ibid., p. 101.

[148] Ibid., p. 110.

[149] «Archives Parlementaires», v. XVIII, заседание 31 августа, письмо Булье из Меца от 29 августа. «Une partie des gardes nationales du petit peuple de Nancy a pris parti aussi pour les rebelles. . . Le peuple de cette ville est dans une situation très inquiétante; la classe inférieure étant pour les troupes révoltées, l'autre classe craignant d'être pillée ou massacrée».

[150] «Rapport de M. M. Duveyrier et B. C. Cahier. . .», p. 73—75.

[151] «Extrait du régistre des délibérations de la municipalité de Nancy», p. 48—49. Цит. у Л. Блана.

[152] «Rapport. . .», p. 76.

[153] «Archives Parlementaires», v. XVIII, p. 197.

[154] Ibid., p. 287, приложение к протоколу заседания муниципалитета от 22 июня «Le conseil municipal n'a pu s'empêcher de remarquer, que toute l'insurrection venait d'un pretendu comité composé de quelques soldats et desavoué par une grande partie du corps». Ibid., p. 282. «Reponse des officiers du régiment du roi au mémoire imprimé au nom des soldats».

[155] Ibid., p. 472, заседание от 1 сентября.

[156] «Lettre du roi à l'Assemblée Nationale, concernant les terribles événements arrives à Nancy et Proclamation de l'Assemblée Nationale».

[157] «Révolutions de Paris», № 60, p. 371 говорит о толпе в 40 тыс. человек; Горса — о толпе в 25—30 человек.

[158] «Révolutions de Paris», № 58, p. 264—265.

[159] Ibid., p. 270.

[160] Ibid., p. 271.

[161] «Révolutions de Paris», № 59, p. 336.

[162] «Révolutions de Paris», № 60, p. 365—388.

[163] «Archives Parlementaires», v. XVIII, заседание 31 августа.

[164] Ch. Vellay. La Correspondance, lettre de 7 juin.

[165] «Révolutions de France et de Brabant», № 41, «Affaire de Nancy», p. 67—96; № 42, p. 173.

[166] S. Lacroix. Op. cit., v. VII, p. 154—177; заседание от 4 сентября, p. 160.

[167] Ibid., p. 161.

[168] «Révolutions de Paris», № 43; S. Lacroix. Op. cit., v. VII, p. 164.

[169] «L'Ami du Peuple», 24/XI 1789.

[170] «L'Ami du Peuple», 30/V 1790.

[171] «L'Ami du Peuple», 27/VI 1790. «Adresse aux patriotes de l'armée parisienne».

[172] «L'Ami du Peuple», 28/VI 1790.

[173] «L'Ami du Peuple», 11/VII 1790.

[174] «L'Ami du Peuple», 20/VII 1790. «Observations de l'Auteur».

[175] «L'Ami du Peuple», 13/VIII 1790.

[176] «L'Ami du Peuple», 31/VII 1790.

[177] «L'Ami du Peuple», 2/VII 1790.

[178] «L'Ami du Peuple», 21/VII, 22/VIII, 25 et 27/XII 1790.

[179] «L'Ami du Peuple», № 186.

[180] «Le Junius Français», № 10.

[181] «L'Ami du Peuple», 9/VIII 1790.

[182] «L'Ami du Peuple», № 224.
[183] «Conseil de M. La Fayette aux Gardes Nationales depuis l'affaire de Nancy et à la veille d'autres malheurs», p. 8 (ИМЛ).
[184] «L'Ami du Peuple», 18/VIII 1790. «Observations de l'Ami du Peuple».
[185] «L'Ami du Peuple», 22/VIII 1790. В нашем распоряжении, например № 816, 16 p. (у Шевремона указано 8 p.).
[186] «L'Ami du Peuple», 29/VIII 1790.
[187] «L'Ami du Peuple», 13/XII 1790. «Iniquité et barbarie du décret contre la garnison de Nancy, démontrées par le décret qui a terminé le rapport des malheureux événements de cette ville».
[188] «L'Ami du Peuple», 1/IX 1790. «Horreurs commis par le sieur de la Noue, commandant de la ville de Nancy et des officiers du régiment du Roi, en garnison dans cette ville».
[189] «L'Ami du Peuple», 4/IX, 1790.
[190] Ibid., «Observations de l'Ami du Peuple sur l'horrible massacre du régiment de Château-Vieux et des citoyens de Nancy».
[191] «L'Ami du Peuple», 5/IX 1790. «Car pour y entrer il faut être suisse ou fils de suisse: or près que tous sont enfans de bons laboureurs».
[192] «L'Ami du Peuple», 6 et 22/IX 1790.
[193] В ответ на обращение Булье, напечатанное в «L'Ami du Peuple», 11 septembre, письмо Марата от 9 сентября «Réponse de l'Ami du Peuple, à M. Boulliés, secrétaire de la Société des Suisses» (опубликовано 12 сентября).
[194] «L'affreux Réveil, 31 août, 8 p.; см. в брошюре «Adresse aux Français»; «Relation fidèle des malheureuses affaires de Nancy», 12 septembre, 8 p.; обе брошюры «De l'imprimerie de Marat».
[195] «L'Ami du Peuple», 19 et 21/IX 1790.
[196] «L'Ami du Peuple», 27/IX 1790. «Lettre à l'auteur».
[197] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. VII, стр. 240.
[198] «Réponse aux derniers Numéros de Marat-Notes pour servir à l'Histoire Militaire de M. de La Fayette, receuillies dans des ouvrages imprimés en Amérique en 1789 et traduits de l'Anglais», p. 8; «La Fayette et l'orateur du Peuple en réponse au № 51», p. 7; «Justification de M. de La Fayette ou Réponse aux calomnies que les Ennemis du bien public répendent contre ce général», p. 8; «La grande conspiration contre M. de La Fayette et la Nation, qui devait avoir lieu le samedi seize Janvier 1790 dédiée à la Nation (A deux sous, A deux sous, A deux sous)», p. 16.
[199] «Adresse au général Motier», — «L'Ami du Peuple», 15/IX 1790.
[200] «L'Ami du Peuple», 11/VII 1790.
[201] «L'Ami du Peuple», 23, 26, 27/IV 1791.
В последних двух номерах — «Histoire curieuse, véritable et remarquable des plus beaux traits de la vie de Marie-Paul-Joseph-Roch-Ives-Jilbert-Mottier, marquis de La Fayette, maréchal-de-camp, député de la noblesse de Rion aux Etats Généraux, fondateur du club des monarchiens et du club des fédérés, instituteur des mouchards de l'état major, président du comité Autrichien, généralissime des contre-révolutionnaires, conspirateurs en chef du royaume de France, ex-général de l'armée Parisienne et grenadier à moustache du Bataillon des Théâtins, offerte à l'administration des Français, amis de la vertu et de la liberté. . .»
[202] «Lettre de l'Ami du peuple au général défaillant», «L'Ami du Peuple» 25/IV 1791.
[203] «L'Orateur du peuple», № 1; «L'Ami du Peuple», 18/X 1790.
[204] «Le Patriote Fabuliste ou fables adressés au club Patriotique de Marseille», 1890; «Le Mécanicien et la pièce de Mécanique».
[205] «L'Ami du Peuple», 30/V 1790.
[206] «L'Ami du Peuple», 7, 12, 14/X 1790.
[207] «L'Ami du Peuple», 12/X 1790.

[208] «Marat, l'Ami du Peuple, à Duport-du-Tertre, garde des sceaux de France», — «L'Ami du Peuple», 1/XII 1790.
[209] «Seconde lettre de Marat, l'Ami du Peuple, à Duport-du-Tertre, garde des sceaux de France», — «L'Ami du Peuple», 6/XII 1790.
[210] Ibid., E. Веллэ, издатель «Писем Марата», утверждает, что последний абзац значится только в тексте газеты; доказательства, однако, малоубедительны (см. p. 190).
[211] «L'Ami du Peuple», 16/XII 1790. «Le moyen pour des citoyens qui veulent assurer leurs droits de vivre au paix avec des hommes qui leur font perpétuellement une guerre sourde et cruelle».
[212] «L'Ami du Peuple», 21/X 1790.
[213] Al. Bougeart. Op. cit., v. I, p. 372.
[214] «L'Ami du Peuple», № 317.
[215] «L'Ami du Peuple», 7/XI 1790. «Danger imminent où les huissiers, les procureurs, les commissaires, les inspecteurs de police, les robins mettent la chose publique. Nécessité indispensable de les expulser de tous les emplois».
[216] «L'Ami du Peuple», 12/X 1790.
[217] «L'Ami du Peuple», 8/IX 1790.
[218] «L'Ami du Peuple», 12 et 14/X 1790.
[219] «L'Ami du Peuple», 9/IX et 28/XII 1790.
[220] «L'Ami du Peuple», 3, 13, 21/X 1790.
[221] «L'Ami du Peuple», 21/X 1790.
[222] «L'Ami du Peuple», 2/XII 1790.
[223] «L'Ami du Peuple», 24/X 1790.
[224] «L'Ami du Peuple», 29/X 1790. «Observations importantes sur le projet alarmant de décret, relatif à l'érection d'une haute cause nationale, destinée à connaître des crimes de lèse-nation». Для Робеспьера виновные в преступлении lèse-nation: «les ennemis du corp social en ceux qui attaquent son existance physique et en ceux qui cherchent à vicier son existance morale»; для Марата: «les idées manquent de précision et de justice. On ne doit ranger dans la classe des crimes de lèse-nation que des attentats contre le peuple».
[225] «L'Ami du Peuple», 30/X 1790.
[226] «L'Ami du Peuple», 25/X 1790.
[227] «L'Ami du Peuple», 24/XII 1790.
[228] «L'Ami du Peuple», 8/XI 1790.
[229] «L'Ami du Peuple», 28/XII 1790. В «Observation» Марат ссылается на номера своей газеты от 17 и 20 января 1790 г. Клубы «ne sont qu'un ramassis des premiers venus qui s'assemblent par désoeuvrement et qui passent le temps à bavarder».
[230] Ibid. Марат зло издевается над теми, кто приходит в восторг по поводу решения Национального собрания о постановке памятника Руссо в дни, когда деспотизм укрепляет свои позиции. Не служит ли это наилучшим доказательством того, что французы готовы принять обман и демократические иллюзии за революционное дело?
[231] Цитировано выше Ferrand. Etat actuel de la France, janvier 1790.
[232] A. Chenier. Avis au Peuple français sur ses véritables ennemis, 24 août 1790.
[233] «L'Ami des Patriotes» 11/XI 1790.
[234] G. Michon. Essai sur l'Histoire du Parti Feuillant, Ad. Duport, 1924.
[235] Aulard. La société des jacobins, v. I, «Adresse de la société des Amis de la Constitution de Paris aux sociétés qui lui sont affiliées».
[236] «L'Ami du Peuple», 15/XII 1790.
[237] «L'Ami du Peuple», 9/XII 1790. «Révolte du roi contre la révolution».
[238] «L'Ami du Peuple», 10/XII 1790. «Partagez vous les terres et les

richesses des scélérats qui ont enfoui leur or, pour vous réduire par la faim à rentrer sous le joug».

[239] «L'Ami du Peuple», 13/XII 1790.

[240] «L'Ami du Peuple», 17/XII 1790.

[241] «L'Ami du Peuple», 6/XII 1790.

[242] «L'Ami du Peuple», N 306, 313, 314, 315, 316.

[243] «L'Ami du Peuple», 19/XII 1790.

[244] «L'Ami du Peuple», 20/XII 1790.

[245] «L'Ami du Peuple» 17/XI 1790. По словам Марата новости в газете служат лишь иллюстрацией.

[246] «L'Ami du Peuple» 14/XI 1790. «Adresse aux membres des sections de la capitale, qui ont présenté la pétition pour amener en jugement les ministres».

[247] «Pendez-moi, mais écoutez-moi», 8 p. (ИМЛ).

[248] Al. Bougeart. Op. cit., v. I, p. 358.

Глава пятая

[1] Такое своеобразное «разделение труда» существовало и существует до сих пор у историков французской революции: для Е. Тарле, Жаффе и др. стачки — «чисто» экономическое явление, для Олара и его школы вся история революции сводится к конституционной и политической истории.

[2] «Journal général de Fontenai», 19/VII 1791.

[3] См. у Барнава «Introduction» (v. I, p. 135—136).

[4] Pièces trouvées dans l'Armoire de Fer, 1-er Recueil, N 4, p. 8—9.

[5] Michon. Op. cit., p. 201.

[6] «L'Ami des Patriotes», 23/VII 1791.

[7] Malouet. Mémoires, v. II, p. 69—71; в кн.: Michon. Op. cit., p. 309—310.

[8] A. Ferradou. Le Rachat des droits féodaux dans la Gironde, 1928.

[9] Ibid., p. 325.

[10] Ibid., p. 211; Саньяк. Гражданское законодательство французской революции; Lefebvre. Les paysans du Nord.

[11] Sagnac et Caron. Les Comités des droits féodaux et de législation et l'abolition du régime seigneurial, 1789—1793, p. 266.

[12] Ibid., p. 226.

[13] Саньяк. Ук. соч.

[14] Charléty. Documents relatifs à la vente des biens nationaux dans le département, 1906, p. 498.

[15] Ferradou. Op. cit., pp. 102—103.

[16] Саньяк. Ук. соч., стр. 118.

[17] Марион. История финансов, стр. 69.

[18] Там же.

[19] Aulard. La Société des Jacobins, v. II, pp. 322—326; Minzes. Op. cit.

[20] Procès-verbaux des comités d'agriculture et de commerce de la Constituante, Législative et Convention», v. II, p. 70, № 30, 25 fevrier.

[21] Ibid., p. 75, заседание 2 марта 1791 г.

[22] Ibid., p. 114.

[23] Ibid., p. 133, заседание 30 марта.

[24] Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 486—487.

[25] «Révolutions de Paris», 1/X 1791.

[26] Матьез. Борьба с дороговизной, гл. II, стр. 42—48.

[27] «L'Ami du Peuple», 21/VIII 1791. «L'Auguste Assemblée banqueroutière franduleuse et fausse monnayeuse».

[28] «L'Ami du Peuple», 25/III 1791.

[29] «Archives Parlementaires», v. XXIII, p. 199.

[30] R. Picard. Les Cahiers de 1789 et les Classes ouvrières, «Rémontrances du Parlement au XVIII s.» Flammermont. Op. cit., v. III, p. 310.

[31] Bloch. Cahiers de doléances du baillage d'Orleans pour les Etats Généraux de 1789, v. II, p. 141.

[32] Bridreu. Cahiers. . . du baillage de Contention, v. I, p. 239, 348; Picard. Op. cit., p. 89.

[33] Fournier. Cahiers. . . de la sénéch. de Marseille. . ., p. 275.

[34] Levasseur. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France, v. I, p. 20; автор сообщает данные о различном отношении населения Лиона торговцев, предпринимателей, подмастерьев к ликвидации цехов; о протесте рабочих см. также Seligman. Justice en France pendant la Révolution.

[35] «Archives Parlementaires», v. XXIII, p. 198.

[36] Ibid., p. 214.

[37] Ibid., p. 215.

[38] Ibid., p. 741.

[39] G. Martin. Les Associations ouvrières au XVIII siecle, ch. II.

[40] «Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce», v. II, p. 4, 40, 217, 219.

[41] Levasseur. Histoire de Commerce de la France, v. II, ch. 1.

[42] Aulard. La Société des Jacobins, v. I.

[43] «Archives Parlementaires», v. XXIII, p. 285.

[44] «L'Ami du Peuple», 21/II 1791.

[45] «L'Ami du Peuple», 12/III 1791. «Observations importantes sur les inconvéniens alarmants, tels que la stagnation de travaux, la perte du commerce et la disette de provisions dans la capitale, qui doivent résulter de l'époque encore éloignée à laquelle a été remise l'exécution du décret sur les droits d'entrée».

[46] Ibid., «Mais il est un terme à tout; mais il est une classe de citoyens qui ne peut pas en faire de continuels, celui qui n'a que ses bras ne peut exister qu'en *travaillant journellement*. . .».

[47] «L'Ami du Peuple», 20/II 1791. «Accaparement des grains et du numéraire fait ouvertement par les nouveaux ministres sous les auspices de l'Assemblée Nationale et des municipalités».

[48] «L'Ami du Peuple», 27/I 1791.

[49] «L'Ami du Peuple», 24/III 1791.

[50] «L'Ami du Peuple», № 468. «Moyens de prévenir le banqueroute dont la nation est menacée; d'appliquer surement les biens nationaux à *libérer l'Etat, de faire reparaître le numéraire et succéder* l'aisance à la misère dont le peuple est rongé depuis si longtemps».

[51] «L'Ami du Peuple», 5/II 1791. «Effroyable dépravation des moeurs de la capitale et surtout des représentants de la nation»; а также статья «Méthode de s'enrichir très promptement».

[52] «L'Ami du Peuple», 5, 19/II, 9, 10/V, 24/VI et 21/VIII 1791.

[53] «L'Ami du Peuple», 16/III 1791. «Nouveaux traits de barbarie et de charlatanisme des pères conscrits. Atrocité de décret sur le droit de patente. Infamies du décret sur le traitement provisoire des académies».

[54] Ibid., «. . . cette liberté pléniaire, cette dispense de tout apprentissage, tout noviciat pour exercer tel ou tel métier, telle et telle profession est-il bien vue politiquement?. . .»

[55] Ibid., «. . . suivez le développement illimité de l'envie de gagner qui tourmente toutes les classes du peuple dans les grandes villes et vous serez convaincu de ces tristes vérités. . . C'est dans les capitales surtout que le déchérissement des arts utiles, cet anéantissement de la bonne foi, cette vie vagabonde des ouvriers, l'indigence attachée à toutes les professions, et la misère publique qu'entraîne la ruine du commerce se feront surtout sentir».

[56] Ibid., «Or il suffit d'abolir toute juridiction des jurandes, toute charge de maîtriser et tout droit de saisir, en laissant à chaque maître avoué celui de dénoncer aux tribunaux les ouvriers en contrevention».

[57] «L'Ami du Peuple», 17/III 1791. «Suites funestes du décret portant la supression des jurandes; dispositions vexatoires du décret portant établissement du droit de patente; affreuse surcharge d'impôts depuis la révolution».

[58] H. Hauser. Travailleurs et marchands dans l'ancienne France; idem. Ouvriers du temps passé; Et. Martin. St. Léon. Histoire des corporations de métiers en France; idem. Le compagnage.; Ger. Martin. Les associations ouvrières au XVIII siècle; L. Gueneau. L'organisation du travail à Vevers;

A. Mathiez. La France économique (les Cours des facultés, fascicules III, IV); Е. Тарле. Рабочий класс в эпоху французской революции, т. I.

[59] Ger. Martin. Op. cit., p. 223—225.

[60] Ibid., p. 225—226.

[61] «Procès-verbaux des Comités d'agriculture et de commerce. . .», v. II, p. 219.

[62] S. Lacroix. Op. cit., v. III, p. 708; см. соображения G. M. Jaffé. Le mouvement ouvrier à Paris pendant la Révolution Française, 1789—1791, part. II.

[63] «Précis présenté à l'Assemblée Nationale par les ouvriers de l'art de la charpante de la ville de Paris», 26 мая 1791; S. Lacroix. Op. cit., v. IV, p. 349.

[64] Ibid., «Par le plus grand nombre des ci-devant maîtres et tous les nouveaux entrepreneurs».

[65] «Précis présenté à l'Assemblée Nationale par les entrepreneurs de charpente de la ville de Paris», ibid., p. 349; «Avis aux ouvriers», p. 8.

[66] Ibid., p. 19.

[67] «Pétition presentée à la Municipalité de Paris par les ci-devant maîtres charpentiers», 30 avril; ibid., p. 92.

[68] Ibid., p. 123, «. . . continuent d'alarmer les citoyens d'eloigner de Paris les propriétaires riches et de troubler la paix publique».

[69] Ibid., p. 139, заседание Коммуны 5 мая.

[70] Ibid., p. 313. «Réfutation des ouvriers en l'art de charpente à la Réponse des entrepreneurs».

[71] Ibid., «Qu'ils fassent attention que ces grandes et rapides fortunes ne sont pas dans l'esprit de la Révolution et que la liberté veut que tous les hommes jouissent des bienfaits qu'ils nous ont enlevés et desquels ils voudraient nous ôter la participation».

[72] Ibid., p. 483, заседание Коммуны 4 и 7 июня.

[73] «Histoire Parlementaire», v. X., p. 114.

[74] «Révolutions de Paris», № 96, p. 250.

[75] «L'Ami du Peuple», № 487. «Exécrable projet de la municipalité de renvoyer les ouvriers des travaux publics. Réclamations des ouvriers maçons de St.-Génévière».

[76] Е. Тарле. Ук. соч., т. I.

[77] Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 495.

[78] Jaffé. Le mouvement ouvrier, p. 165.

[79] «L'Ami du Peuple», № 487, цитированная выше статья.

[80] «Pétition à M. le Maire, MM. les officiers municipaux et notables composant le Conseil Général de la Commune de Paris, par les arts et professions du bâtiment, arrêtée en l'Assemblée Générale des députés le 18 décembre 1790». «Tous, contribuant aux charges publiques, ne doivent-ils pas partager les avantages qu'offrent les fournitures et les travaux de la Commune?».

[81] Цитированная статья Марата: «Краснеешь от стыда, — так начинается примечание Марата, — корчишься от боли, наблюдая, как целый класс столь полезных и вместе с тем обездоленных людей предоставлен в полное распоряжение кучке людей, которые наживаются потом и варварски отнимают у них плоды их трудов. . .».

[82] A. Tuetey. L'Assistance Publique à Paris pendant la Révolution», v. II.

[83] Ibid., № 68, p. 158.

[84] Ibid., № 85, p. 181.

[85] Ibid., № 87, p. 190.

[86] Ibid., № 86, p. 188. «L'heureuse révolution ne s'est pas plutôt faite sentir, M-rs, que trente mille citoyens de Paris se sont trouvés sans état, comme sans ressources».

[87] Ibid., № 9), p. 193, письма Байи и Гувиона от 15 и 18 мая.

[88] Ibid., p. 194, «parce qu'il y a en général de la fermentation parmi les ouvriers de ces ateliers et parmi ceux des manufactures particulières».

[89] C. Bloch. Procès-verbaux et Rapports du Comité de mendicité de la Constituante; Al. Tuetey. VI rapport du Comité de mendicité sur la répression de la mendicité, p. 511.

[90] Ibid., p. 534—535.

[91] Ibid., «Rapport fait au nom des Comités des finances, d'agriculture et commerce des domaines et de mendicité, le 16 juin 1791 par M. Liancourt, dépité du département de l'Oise», p. 730.

[92] Ibid., p. 207—211.

[93] Ibid., p. 203. «Pétition des ouvriers des travaux publics aux augustes représentants de la nation».

[94] S. Lacroix. Op. cit., v. V, série II, 238.

[95] Ibid.; «Révolutions de Paris», № 104, p. 662; «L'Assistance Publique», v. II, p. 208.

[96] «L'Assistance Publique», v. II, p. 214. «Pétition des ouvriers des travaux publics à l'Assemblée Nationale pour exiger du pain à l'instant même et le rétablissement des ateliers de secours jusqu'à la fin de la constitution».

[97] «Révolution de Paris», № 98, p. 337; «Renvoi des ouvriers des ateliers de charité», № 104, p. 662. «Attroupement des travailleurs des ateliers de charité».

[98] «Réflexions d'un habitant du Faubourg St.-Marceau. . . à celui de St.-Antoine», p. 8 (ИМЛ).

[99] Aulard. La société des Jacobins, v. II, p. 36.

[100] «Révolutions de Paris», № 81. «Mouvement de Paris».

[101] «Journal de Paris», 29/I 1791.

[102] «L'Ami du Peuple», 17 et 18/XII 1790; 19 et 29/I 1791; письмо Байи Национальному собранию (см. S. Lacroix. Op. cit.).

[103] «Histoire Parlementaire», v. VIII; «L'Ami du Peuple», № 355.

[104] S. Lacroix. Op. cit., v. III. série II, p. 763; «Détail de la grande révolution arrivée au château de Vincennes et au faubourg St.-Antoine», p. 8 (ИМЛ).

[105] Ibid., p. 764.

[106] Ibid., p. 76.

[107] Ferrières. Mémoires, v. II, p. 237.

[108] «Journal des clubs ou sociétés patriotiques», 5/III 1791.
[109] «L'Ami du Peuple», 3/III 1791.
[110] «La Société des Jacobins», v. II; «Adresse aux patriotes sur les funérailles d'Honoré Riquetti»; S. Lacroix. Op. cit., v. III, p. 427, 431.
[111] S. Lacroix. Op. cit., v. III, p. 737—738, 427—431.
[112] «L'Ami du Peuple», 4/IV 1791.
[113] «L'Ami du Peuple», 6/IV 1791.
[114] «L'Ami du Peuple», 24/V 1791.
[115] Ibid., «Lettre au citoyen Millan»; Ch. Vellay. La Correspondance, p. 211.
[116] «L'Ami du Peuple», 7/IV 1791.
[117] «L'Ami du Peuple», 10/IV 1791.
[118] Ibid., «Avec quelle injustice vous venez de parler des infortunés, condamnés par la chûte du commerce et des arts à travailler dans les ateliers de secours. . . Le gros des ouvriers est honnête, très honnête».
[119] Ibid., «Réponse de l'Ami du Peuple à son correspondant».
[120] «L'Ami du Peuple», 27/V 1791. «Vols faits aux pauvres par les municipés de Versailles. Abus des ateliers de charité et brigandages des chefs. Moyens de tirer partie des indigents. Dessins criminels des municipés parisiens, et raisons de leurs refus de concourir aux projets d'employer utilement les infortunés qu'ont proposés plusieurs bons citoyens».
[121] «Le Postillon par Calais», 19/V 1791.
[122] «Révolution de Paris», № 87, p. 453.
[123] «Révolution de Paris», № 81, p. 133.
[124] «Révolution de Paris», № 95, p. 169.
[125] «L'Ami du Peuple», 7/V 1791. «Observations de l'Ami du Peuple à son correspondant». «Il n'y a donc que les cultivateurs, les petits marchands, les artisans et les ouvriers, les manœuvres et les prolétaires comme les appelle la richesse insolente qui puissent former un peuple libre, impatient du joug de l'opression et toujours prêt à le rompre».
[126] «L'Ami du Peuple», № 458, mai. «Dire que ce droit est individuel, et qu'il ne peut se déléguer, c'est avancer à la fois cent absurdités, c'est déclarer que des sociétés d'ouvriers, d'artisans, de marchands, de savants etc. ne peuvent avoir aucune branche particulière d'industrie à faire valoir, aucun intérêt commun à défendre, aucun tort commun à faire réparer. . .»
[127] «L'Ami du Peuple», 16 et 17/II 1791.
[128] «Archives Parlementaires», v. XXV, p. 678, 687; v. XXVI, p. 200.
[129] «Histoire Parlementaire», v. X, p. 121—124.
[130] «L'Ami du Peuple», 18/VI 1791.
[131] Ibid., «Enfin, pour prévenir les rassemblements nombreux du peuple qu'ils redoutent si fort, ils ont enlevé à la classe innombrable des manoeuvres et des ouvriers le droit de s'assembler, pour délibérer en règle sur leurs intérêts, sous prétexte que ces assemblées pourraient ressuciter les corporations qui ont été abolies».
[132] Цитированный выше «Rapport» Ларошфуко Национальному собранию 16 июня 1791 г.
[133] «L'Assistance Publique», v. II, 16 juin; работы были открыты 29 июня 1791 г.
[134] S. Lacroix. Op. cit., v. V, série II, p. 238; «Bouche de fer, 29», juin 1791.
[135] «Révolution de Paris», N 93, p. 85.
[136] «Révolution de Paris», N 91, p. 676.
[137] «Révolution de Paris», N 98, p. 338 et N 104, p. 662.
[138] Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 465.
[139] «L'Ami du Peuple», 28/III 1791. «Moyens simples et faciles d'assurer la subsistance pendant plusieurs années à dix mille infortunés, qui manquent de pain dans la capitale et cela sans prendre un vol dans le trésor public. Avantages que l'exécution de ce projet procurerait à l'Etat — vains prétextes et manœuvres des administrateurs municipaux pour le faire échouer».

[140] Ibid., «. . . donnant son industrie en échange de ses subsistances».
[141] «L'Ami du Peuple», 27/V 1791.
[142] «L'Ami du Peuple», 5/VI 1791.
У Ж. Жореса указано, что письмо это напечатано в номере от 3 июня (стр. 442).
[143] «L'Ami du Peuple», 5/IX 1791. «Observations essentielles sur les avantages, qui retirerait la société et surtout l'économie rurale de l'arondissement de possessions autour de l'habitation des cultivateurs».
[144] Aulard. La Société des Jacobins, v. I, заседание 18 мая 1791 г. «Assurance des moyens de la suffisante vie à tous les individus de la société; l'aisance proportionnelle au travail et à l'industrie; grande abondance aux travaux largement productifs et à l'industrie superieure. . .».
[145] I. Charrier. Claude Fauchet-évêque constituonnel du Calvados, v. I, p. 197.
[146] Le Harivel. Nicolas de Bonneville, pré-romantique et révolutionnaire. «Le seul moyen possible d'arriver à la grande communion sociale est de diviser les héritages territoriaux en parts égales et déterminées par les enfants du défunt et d'appeler au partage du reste tous les autres parents».
[147] См. брошюру «De la Propriété ou la cause du pauvre» (ИМЛ). О брошюре и о дискуссии с Ламбером см. Lichtenberger. Le Socialisme et la Révolution française.
[148] «Révolutions de Paris», № 82, p. 169. «Des pauvres et des riches».
[149] «Révolution de Paris», № 90, p. 596—612.
[150] «Mércure de France», 23 avril 1796.
[151] «Révolutions de Paris», № 96; p. 242. «Réponse à des observations de M. de la Harpe, insérées au Mércure du 23 avril, contre un article de notre numéro 82, intitulé «Des Pauvres et des Riches».
[152] «L'Ami du Peuple», 18/IV 1791. «Achats de presque tous les biens nationaux pour le comte du gouvernement et de suppôts».
[153] «L'Ami du Peuple», № 546, цитированная выше статья «Observations essentielles».
[154] Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 568.
[155] «L'Ami du Peuple», 22/XI 1790.
[156] «L'Ami du Peuple», 23/XI 1790.
[157] «L'Ami du Peuple», 11/I 1791.
[158] «L'Ami du Peuple», № 342. «Projet d'une société patriotique vraiment utile, proposé aux amis de la justice et de la liberté».
[159] «L'Ami du Peuple», 22/I 1791.
[160] «L'Ami du Peuple», 3/II 1791.
[161] «L'Ami du Peuple», 12 et 23/II 1791.
[162] Ibid., в последнем номере, в статье «La patrie aux abois»: «Depuis que ces sociétés existent il s'y est fait mille motions et deux mille arrêtés— montrez m'en un seul qui ait produit le moindre effet. . .» и дальше: «Depuis 18 mois, je ne cesse de vous crier que la liberté ne se conquért que les armes à la main».
[163] «L'Orateur du Peuple», 4/III 1791.
[164] «L'Ami du Peuple», 4/III 1791.
[165] «L'Ami du Peuple», 20/III 1791.
[166] «L'Ami du Peuple», 2/VI 1791.
[167] A. Mathiez. Le Club des Cordeliers.
[168] La Fayette. Mémoires, v. III, p. 96.
[169] «Le Républicanisme adapté à la France», par F. Robert, membre de la Société des Amis de la Constitution de Paris, 1790, p. 210, (ИМЛ).

См. также отдельные номера журнала «Mércure National et étranger ou Journal Politique de l'Europe» (ИМЛ); специально № 6, 21 avril 1791.

[170] Ibid., p. 5—6.

[171] Ibid., p. 20. «Je désire, que ma patrie devienne une république, mais je ne suis ni sanguinaire, ni incendiaire, car je désire également que ce ne soit ni par force, ni par violence».

[172] «Lettre de Marat au roi ou l'Ami du Peuple au Père du Peuple», 8 p. Bibliothèque Nationale, LB. 39, 4095; «Lettre de Marat aux ministre du roi ou L'Ami du Peuple aux ennemis du bien public», Bibliotèque Nationale, LB 39, 4096.

[173] «L'Ami du Peuple», 10/X et 4/XI 1790.

[174] «L'Ami du Peuple», 29/XII 1790. «Adresse de J.-P. Marat, l'Ami du peuple à Louis XVI, roi des Français»; ibid., № 341, 15 janvier: «Un mot de J.-P. Marat, l'Ami du Peuple à Louis XVI, roi des Français». «Les conspirateurs de votre cour, qui se flattent de vous rendre despotique, ne feraient qu'ébranler le trône; tremblez que leurs attentats ne le renversent et qu'ils ne vous ensevelissent sous ses débris».

[175] «L'Ami du Peuple», 18/XII 1790.

[176] «L'Ami du Peuple», 14/II 1791.

[177] «L'Ami du Peuple», 20/I. «Un roi patriote! Mais en fut-il jamais? Est-il même possible qu'il y en ait? Aux yeux des hommes instruits, un roi patriote n'est-il pas un être aussi chimérique qu'un scélérat vertueux?»

[178] «L'Ami du Peuple», 17/II 1791. «Protestations et réclamations de l'Ami du Peuple».

[179] «L'Ami du Peuple», 28/II 1791.

[180] «L'Ami du Peuple», N 405. «Dénonciation d'un complot d'enlever le roi pendant le Te Deum, qui sera chanté aujourd'hui à Nôtre-Dame en action de grâce de l'heureuse tournure qu'a prise l'indigestion de Sa Mageste».

[181] «L'Ami du Peuple», N 411.

[182] «L'Ami du Peuple», N 413.

[183] «L'Ami du Peuple», 31/III 1791. «Le coup de mort, porté à la Patrie par les pères conscrits»; «Ce n'est pas le but d'une institution, mais la manière, dont elle repond à ce but qui la rend sacrée. . .»

[184] «L'Ami du Peuple», 12/IV 1791. «Examen de l'alarmant projet de décret sur l'organisation des gardes nationales, présenté au nom des comités constitutif et militaire», par le Sr. Rabaut.

[185] «L'Ami du Peuple», 26 et 27/IV и специальный N 462 от 18/V 1791. «Guerre civile déclarée dans le Comtat Venaissin et prête à s'allumer dans le royaume».

[186] «L'Ami du Peuple», N 479, juin. «Soulèvement contre les prêtres factieux non conformistes».

[187] «L'Ami du Peuple», 22/V 1791.

[188] «L'Ami du Peuple», 6/VI 1791. «Découverte d'une conspiration qui devait éclater la nuit du 28 mai».

[189] Ibid., «Le 18 de chaque mois parait le jour qu'ils ont choisi pour mettre leurs complots à execution».

[190] «L'Ami du Peuple», 10/VI 1791.

[191] «L'Ami du Peuple», 22/VI 1791. «Fuite de la famille royale».

[192] «L'Ami du Peuple», 21/VI 1791.

[193] «L'Ami du Peuple», 2/I 1791. «La liberté ne doit exister que pour les amis de la patrie, les fers et les supplices pour ses ennemis. . .»

[194] «L'Ami du Peuple», 6/III 1791.

[195] «L'Ami du Peuple», 3/VI 1791.

[196] «L'Ami du Peuple», 24/I 1791.

[197] «L'Ami du Peuple», № 356, особенно N 369, 12/II 1791. «Trahison ouverte de tous nos fonctionnaires publics, leurs honteuses machinations pour amener la guerre civile, seul moyen de les punir».

[198] «L'Ami du Peuple», 18/II 1791.

[199] «L'Ami du Peuple», 23/II et 6/III 1791.

[200] «L'Ami du Peuple», 9/IV 1791.

[201] «L'Ami du Peuple», 30/IV 1791.

[202] «L'Ami du Peuple», 30 et 31/V 1791.

[203] «L'Ami du Peuple», 18/VI 1791.

[204] «L'Ami du Peuple», 3/V 1791.

[205] А. Олар. Политическая история Великой французской революции, стр. 88.

[206] Ad. Schmidt. Tableaux de la Révolution Française, v. I, p. 46.

[207] Ibid., p. 48, воззвание департаментского совета от 24 июня

[208] См. Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 582—584.

[209] «Grands discours en entier prononcés au club jacobin de Paris par M. M. Robespierre et Danton, députés à l'Assemblée Nationale, contre M. M. Bailly, La Fayette, d'André et plusieurs autres députés, accusés d'avoir favorisé la fuite du Roi» (ИМЛ). См. также «Adresse de Max. Robespierre aux Français, p. 49.

[210] «Adresse. . .», p. 21. «Je ne parle que des individus qui veulent les maîtriser, et de choses qui intéressaient essentiellement les saluts publics».

[211] Ж. Жорес. Учредительное собрание, стр. 586.

[212] A. Mathiez. Le Club des Cordeliers, p. 53, 59.

[213] «Révolutions de Paris», № 105, p. 29.

[214] A. Mathiez. Le Club des Cordeliers.

[215] «L'Ami du Peuple», 22/VI 1791.

[216] Ibid. «Un tribun militaire, un dictateur suprême, pour faire main-basse sur les principaux traîtres connus»; ibid., N 498, 23 juin. «Le sommeil de la mort des parisiens». «. . .si vous le nommez pour autre chose que pour marcher à votre tête et vous marquer les traîtres à battre, votre perte est assurée et je n'ai plus rien à vous dire. . .».

[217] «L'Ami du Peuple», 24/VI 1791.

[218] «L'Ami du Peuple», N 501. «Tout démontre partiellement la trahison des représentants du peuple. Le général a repondu sur sa tête de la personne du roi».

[219] «L'Ami du Peuple», 26/VI 1791. «Dénonciation aux Jacobins et au Comité national des recherches des mesures prises par Mottié pour laisser la garde du château des Tuilleries aux volontaires gangrénés de Henri IV, des Feilans, de St.-Roch et des Filles St.-Thomas».

[220] «L'Ami du Peuple», 28/VI 1791. «Crimes multipliés de lèse-nation, commis par l'Assemblée Nationale. Poursuite de ses projets de contre-révolution. Changement de batteries du S. Mottié, qui vient de prendre le masque républicain pour mieux servir de despotisme. Ses tentatives pour capter tous les membres patriotes du club des jacobins. Son projet de se faire prôner par le club des Cordeliers». «Il regarde donc les députés jacobins comme des endormeurs lâches et hypocrites».

[221] «L'Ami du Peuple», 29/VI 1791.

[222] «L'Ami du Peuple», N 507, 508.

[223] «L'Ami du Peuple», 3/VII 1791.

[224] «L'Ami du Peuple», 4/VII 1791.

[225] «L'Ami du Peuple», 7/VII 1791. «Tableau des faites et gestes des pères conscrits».

[226] «L'Ami du Peuple», 12 et 14/VII 1791.

[227] «L'Orateur du Peuple», N 3, 5, p. 17. «Tristes sujets d'alarmes, causées par la maladie grave de M. Marat, l'Ami du Peuple», N 6, p. 47. «Bulletin de M. Marat, l'Ami du Peuple».

[228] «L'Ami du Peuple», 18/VII 1791.

[229] «L'Ami du Peuple», 20/VII 1791.

[230] «L'Ami du Peuple», N 537. «Telle est votre déplorable situation que votre unique ressource est entier dans la guerre civile, dans ce fléau redoutable dont l'eloignement était naguere le seul objet de vos voeux».

[231] «L'Ami du Peuple», 28/VIII 1791. «Je fait des voeux pour qu'elle éclate au plutôt, pour que le peuple se fasse enfin justice de ses tyrans. . .»

[232] «L'Ami du Peuple», 24/VIII 1791.

[233] «L'Ami du Peuple», 27/VIII 1791.

[234] «L'Ami du Peuple», 30/VIII 1791. «Vous prétendez, qu'une nouvelle législature ou une Convention national rétablira la liberté en reformant les lois; mais où prendrez-vous pour composer ce sénat des hommes éclairés, integrés et incorruptibles?» И дальше: — «Au lieu de passer son temps à bavarder dans des cercles, sur les places publiques ou dans les caffés; au lieu de perdre le temps à faire des motions dans les clubs et dans les sociétés, il fallait combattre, car la liberté né peut s'acquérir qu'en combattant».

[235] «L'Ami du Peuple», 3/IX 1791.

[236] «L'Ami du Peuple», 15/IX 1791. «Parallèle de l'ancien et du nouveau régime».

[237] «L'Ami du Peuple», 21/IX 1791.

[238] «L'Ami du Peuple», 19/XII 1790.

[239] «L'Ami du Peuple», 3/I 1791.

[240] «L'Ami du Peuple», 6/I 1791.

[241] По поводу борьбы Марата со шпионами Лафайета см. «Grand Plaidoyer ou Tribunal de Police pour les vainqueurs de la Bastille contre les mouchards, avec les Pièces justificatives; audience du 19 Janvier», par Buirette-Verrières, 22 janvier 1791. British Museum $\frac{\text{M. K. 5—36,}}{1-15}$ v. XXV. См. также «Dénonciation des libelles intitulés «L'Ami du Peuple» par Marat et «L'orateur du Peuple», par Martel, et Réflexions sur la liberté de la presse», par A. Estienne, ingénieur et citoyen de la section des Quatre-Nations, Paris, 1791 (ИМЛ).

[242] «Marat devant le juge de paix», British Museum $\frac{\text{M. K. 5—36,}}{1-15}$ v. XXV.

[243] «Lettre à Marat sur l'examen qu'il a fait dans le № 387 de son journal, de mon Adresse pour M. Riolle à L'Assemblée Nationale», par Chauveaux Delagarde, ci-devant, Avocat au Parlement et actuellement homme de Loi dans les Tribunaux de District (ИМЛ).

[244] «Sur les Autrichiens et Marat» (ИМЛ); разоблачение газеты Марата от 13 января 1791 г.

[245] British Museum $\frac{\text{M. K. 5—36,}}{1-16}$ v. XXXII. «L'Anti-Marat», № 1, 5/II 1791; о Франции «маратистов» см. № 3 от 13/II 1791.

[246] «L'Ami du Peuple» 13/I 1791.

[247] «Journal des clubs», № 10; о кампании против Марата см. «Journal universel» — A u d o i n; см. «Histoire Parlementaire», v. VIII.

[248] «Révolutions de Paris», № 76, p. 570; № 80, p. 92.

[249] «Révolutions de France et de Brabant», № 73.

[250] «L'Ami du Peuple», 5/II 1791. Также письмо Марата к Демулену, помещенное в № 448 и 449 газеты от 4 и 5 мая 1791 г.; письмо сопровождается следующими вступительными замечаниями: «C'est à regret que je me vois aussi réduir à relever contre un frère d'armes des inculpations absurdes, qui peuvent être défavorables à la cause de la liberté, que j'ai défendue, que je défend, et que je défendrai toujours».

[251] Ibid., «Nous ne sommes pas libres encore, j'en conviens, et nous ne pouvons pas espérer de l'être de sitôt, parce qu'une nation qui secoue le joug, a longtemps a lutter contre les suppôts de l'ancien régime, lorsqu'elle n'a pas pris d'emblée le sage parti d'en exterminer les plus coupables et de contenir les autres par la terreur».

[252] «L'Orateur du Peuple», par Marat, N 53, p. 427.

[253] «L'Orateur du Peuple», N 60, p. 494—498; N 63, p. 515—522. В одном из помещенных писем сказано: «Je suis du nombre de ces infortunés que les insoleurs, sous l'ancien régime, appellaient c a n a i l l e que les pères vaniteux de la Patrie, et d'après le patriot Maluet nomment prolétaires».

[254] Ibid., № 58, Марат пишет Фрерону: «Vous êtes mon lieutenant, mon frère et il faut bien que je fasse par vos mains ce que je ne puis faire par les miennes, pour le service de la Patrie». Фрерон—Марату, № 1, p. 1, «Je vous cède la place, cher frère d'armes. Je ne dit point comme Mahomet: allez exterminer, mais allez éclairer les esprits, confondez l'imposture et faites triompher partout le patriotisme».

[255] 9 сентября 1791 г. Марат оповестил в своей газете о выходе его новой брошюры «Les Charlatants modernes», 40 p. Брошюру эту он подготовлял давно. Когда 14 августа в Национальном собрании обсуждался вопрос о преобразовании Академии, Марат напечатал в своей газете (№ 194 от 17 августа 1790 г.) отдельные отрывки из этой брошюры (ИМЛ).

[256] «L'Ami du Peuple», 16/III 1791.

[257] Весь материал к биографии Симоны Эврар и Альбертины Марат собрал в коллекции British Museum $\frac{\text{M. K. 5.31}}{1-9}$: 1) Acte de naissance de S. Evrard; 2) документы о се аресте 9 нивоза IX года; переписка о Симоне между Шевремоном, собиравшим материалы, и разными лицами; 4) документы об отношении семьи Марата к Симоне; 5) свидетельство о смерти Симоны; 6) документы и материалы об Альбертине Марат.

ПЕРЕВОД ИНОСТРАННЫХ ТЕКСТОВ

Глава первая

[48] «Вы полагаетесь на существующий общественный строй, не думая о том, что он подвержен неизбежным революциям. . . Мы приближаемся к кризису и к эпохе революций».

[74] «Но не будем искать в далеком прошлом прославленные примеры, имен, столь пышных самих по себе и столь обманчивых в своих делах. Не надо вам из самолюбия ковать себе цепи. Вы слишком малы, чтобы сравнивать себя с кем-либо, оставайтесь самими собой и не ослепляйтесь относительно вашего положения. Древние народы перестали быть образцами для современных народов; они слишком чужды им во всех отношениях. Особенно вы, женевцы, сохраняйте свое место и не стремитесь к возвышенным целям. Вам их указывают для того, чтобы скрыть пропасть, которую вам роют».

[76] «Швейцария дает представление о федеративной республике древних греков. . . В Швейцарии сохранились самые правдивые и самые естественные идеи общества». «Но не должна ли Швейцария, испорченная любовью к деньгам, бояться нового Филиппа Македонского?. . .». «Если же они не сохранят свои нравы, у них немедленно произойдет революция».

[83] «Жалкая культура, жалкие люди! Судя по тому, что я смог увидеть, я считаю их честными и предприимчивыми; они кажутся опрятными, они вежливы, у них хорошие манеры. Я думаю, что они охотно улучшили бы свою страну, если бы общество, в которое они входят, руководствовалось принципами, ведущими к национальному благосостоянию».

[87] «Разговоры, свидетелем которых я был, показали мне какое невероятное изменение произошло в умах французов, и я считаю невозможным, чтобы существующий образ правления продержался еще полвека, если бразды правления не будут в руках самых выдающихся и самых смелых, талантливых людей. Революция в Америке повлечет за собой революцию во Франции, если правительство не примет меры предосторожности».

[97] «Никто не трудится для себя, как машина и автомат».

[108] «Рабочие и мануфактурщики не могут льстить себя надеждой получить так же быстро повышение заработной платы».

[113] «Я попытаюсь доказать, что эти мнимые противоположности интересов не существуют».

[114] «Собственность делит нас на два класса, на богатых и бедных. . .».

[120] «. . . что писатель, который хотел принести пользу людям, должен был больше думать о создании истинных правил морали для лучшего порядка вещей в будущем, а не освящать мораль, опасную потому, что над нею властвует предрассудок, стремящийся использовать ее и увековечить».

[136] «После десяти лет пребывания в Лондоне и Эдинбурге, где я занимался исследованиями всякого рода, я вернулся в Париж».

[143] «. . .его энергия [распределялась] между абстрактной наукой, анонимной политической пропагандой и незаконной торговлей лекарствами для людей и животных. . .».

[145] «31 мая 1787 г. я обязуюсь уплатить г-ну Перре сумму в 600 ливров наличными. Париж, 8 июня 1786 г. Расписка в получении 600 ливров. Марат».

«Этот документ доказывает, что Марат в июне 1786 г. жил в Париже, а следовательно, ему нельзя приписать, как это придумал г. Фипсон, различные преступления, которые он будто бы совершил в это время в Шотландии».

[152] «Однако, хотя она и старалась таким образом пустить пыль в глаза, если бы не глупость турок, ее ничтожество стало бы совершенно ясным».

[153] «Она не только не старалась обогатить свое государство, но стремилась разорить его; принудительной вербовкой земледельцев в солдаты она приводила к обезлюдению деревни, а для того чтобы осуществить свои пустые и честолюбивые замыслы, она вырывала у оставшихся земледельцев жалкие плоды их труда».

[154] «Вместо того чтобы своей мудростью служить благу народа, разве не воспользовалась она его нищетой в угоду собственной алчности и гордости? И это — возвышенные поступки, героические действия, которыми следует восторженно любоваться?».

[155] «Если бы она хоть немного обладала способностью окинуть взором свои обширные штаты; и если бы вместо того, чтобы ребячески развлекаться введением мелких реформ для использования бесплодных северных провинций, которые следовало бы совершенно покинуть, она постаралась бы сделать производительными богатые южные провинции, столь долго остающиеся покрытыми колючими кустарниками и терновником».

[157] «Эти державы, которые под предлогом восстановления мира в ваших опустошенных провинциях вошли туда с оружием в руках, хотят только захватить эти провинции, а вас обратить в рабство. . .».

[159] «. . .Глупцы, ослепленные его победами, могут хвалить его, но от этого он не в меньшей степени будет предметом презрения мудрых . . .».

[160] «Он старался расширить торговлю в своих владениях, но взялся за это так, что помешал ей когда-либо там расцвести, так как он сам вмешивался в нее, вместо того чтобы предоставить всю выгоду от торговли своим народам. К тому же он стесняет торговлю для того, чтобы использовать ее в своих целях; он отягощает ее налогами; он вызывает беспокойство богатых торговцев; он использует обман для конфискации их товаров или для вымогательства больших сумм; он нарушает свои обязательства по отношению к ремесленникам и рабочим, которых привлек лживыми обещаниями».

[162] «Я понимаю, когда жалуются на их преступления или безрассудства; нам говорят только одно, нам советуют терпеть. Забавный способ расхваливать их».

[170] ««Цепи рабства», — произведение, призванное разоблачить черные преступления монархов против народов; тайные средства, интриги, происки, ухищрения, государственные перевороты, к которым они прибегают, чтобы уничтожить свободу, и кровопролития, сопутствующие деспотизму».

«На следующей неделе будут изданы и проданы книгопродавцами Ньюкастле «Цепи рабства» доктора Марата. Книга заслуживает внимания общественности». «Цепи рабства» — книга, в которой описаны тайные злодейские попытки принцев погубить Свободу и раскрыты ужасные действия Деспотизма, которой предпослано Обращение к избирателям Великобритании, имеющее целью привлечь внимание к выбору подходящих Представителей. Ж.-П. Марат, доктор медицины».

[172] «Вчера Общество каменщиков, Общество золотых дел мастеров и Общество дровосеков этого города получили по почте от неизвестного лица из Лондона по два больших тома под названием «Цепи рабства»».

[182] «Государь после установления своего владычества при поддержке всех могущественных граждан возвышает малых, чтобы принизить великих; он покровительствует народу, которого ему нечего бояться и на который он может надеяться; затем, чтобы обуздать привилегированные классы, на которые он мало надеется, но которых очень боится, он противопоставляет им народ; и, наконец, он становится хозяином всех сословий государства так, что когда одно из них хочет сбросить иго, он подавляет его с помощью всех остальных».

[195] «Во всех восстаниях именно плебеи берут на себя почин, зажиточные же граждане и богачи присоединяются только в крайнем случае, их увлекает поток; но что можно ждать от несчастных; они никогда особенно не заинтересованы в вооружении против тирании. Участники восстания не могут, впрочем, положиться друг на друга. Их действия не согласованы, и, главное, им недостает конспирации. В угаре злобы или в порыве отчаяния народ угрожает, разглашает свои планы и дает врагам время сорвать их».

[200] «Слово «монарх» первоначально означало нечто более могущественнее, чем слово деспот. . .».

[213] «При королевской власти расстояние между суверсном и его подданными слишком велико, чтобы монарх снизошел до того, чтобы заниматься их нуждами».

[214] «Любая форма правления приносит пользу, если она предоставляет всю власть закону».

[217] «Нет, ни опасные судороги, ни тем более битвы, цареубийства, бесполезные преступления исцелят раны народов. Эти насильственные средства еще более жестоки, чем зло, которое хотят ими искоренить. . .».

[218] «Любого человека, который может честно существовать на доходы от своих владений, любого отца семейства, который владеет землями, следует считать гражданином. Ремесленнику и торговцу, наемному солдату, каждый из которых по-своему служит на благо государства, государство должно покровительствовать. Однако они не являются его полноправными членами до тех пор, пока своим трудом или промыслом не приобретут в нем собственных владений. Лишь земельные владения дают право считаться гражданином. Один современный политик совершенно справедливо заметил: земля является физической и политической базой государства».

[219] «Покорность народа господам объясняется лишь теми выгодами, которые он извлекает из нее». «Таковы естественные основы власти взрослых над маленькими, отцов над детьми, мужей над женами, хозяев над слугами».

[225] «Какие общества более или менее способны на реформу. Какими способами надо к этому прийти».

[226] «Если бы древний человек воскрес сейчас, то больше всего его поразило бы деление граждан на различные классы, не имеющие ничего общего между собой, с прямо противоположными нравами, принципами, и предубеждениями».

«Нужно с ними (богатыми) договориться, и тогда политика, если она не безрассудна, не побудит их восстать, чтобы исправлять законы».

[232] «После Декарта Ламетри взялся как будто бы разрешить эту задачу в небольшой работе, замысел которой плохо удается выяснить. Несмотря на его познания и помощь, которое оказало его искусство, этот ученый рассматривает природу как большинство людей, то есть как мало осведомленный наблюдатель.

Он почти всегда находится во власти внешней стороны дела и никогда не углубляется, чтобы схватить скрытую истину. Давая, таким образом, справедливую оценку этой книге, наделавшей столько шуму среди атеистов, можно сказать, что это в общем всего лишь плохое собрание тривиальных наблюдений и ошибочных метафизических умозаключений. Одним словом, в этой работе автор не учитывает взаимного влияния души и тела. Автор ссылается лишь на последнюю субстанцию и признает лишь материю в мыслящем и свободном существе, способном на «добродетели и угрызения совести»».

[235] «Очевидно, что действие души на нервный флюид — это не что иное, как импульсивное действие на орган, который душа хочет привести в движение. . .».

[241] Марат называет Ла Рошетта «французским дворянином, назначенным в 1760 г. главным комиссаром по обмену военнопленных в Англии».

[243] «. . .сок нервов . . . место сообщения двух субстанций: тела и души. Это, в самом деле, великое открытие: собственными глазами видеть субстанцию, которая объединяет материю и дух. . .».

[249] «Истина — это соответствие метафизических отношений, присущих предметам с такими физическими свойствами, какими они представляются нашим органам чувств».

[258] «Вот и судите о пользе академий и о порядочности их членов. Столичные академии за все время существования ничего не внесли в дело развития человеческих знаний. Они, напротив, преследовали даровитых людей; однако власти их сохранят только потому, что они находятся на содержании нации и что в их состав входят подлые приспешники деспота и трусливые моралисты деспотизма».

[294] ««План уголовного законодательства» — произведение, в котором рассматриваются преступления и наказания, в котором говорится о силе доказательств и о предложениях; о способе отыскания этих доказательств и презумпций во время следствия и судопроизводства. Книга о том, как не повредить ни правосудию, ни свободе, как сочетать мягкость с действенным наказанием, гуманность с гарантией безопасности общества».

[296] «В государствах, занимающихся торговлей, редко бывает так, чтобы не отставали отдельные ветви торговли или чтобы в отдельных отраслях промышленности не было бы безработных. С другой стороны, это определенный фонд, к которому они прибегнут, когда им потребуется помощь».

[303] «Я заявляю, что это принадлежит моему перу. В подтверждению чего я подписал это. Марат, друг народа».

[304] «Чтобы изобразить Александра, потребуется сам Апелль».

[305] «Я слышал Марата в 1768 г.; он читал и комментировал «Общественный договор» на народном гулянье; воодушевленная толпа аплодировала ему».

Глава вторая

[8] «Верховная власть, которая должна быть одинакова повсеместно и должна устанавливаться по общему желанию, не может отстраниться от социальной цели. Во всех странах верховная власть принадлежит народу (государству)».

[10] «Если мы видим, что буржуа читают Руссо и Монтескье, то мы будем свидетелями того, как орангутанги станут заниматься естествознанием».

[16] «Он даже упал на колени».

[72] «В Собрании я заметил, что отказ угрожал опасностью и добился их согласия».

[130] «Жизнь бедняков в куске хлеба. Тот, кто у них отнимает его — убийца; кто вырывает у них заработанный потом и кровью хлеб — подобен тому, кто убивает своего ближнего».

[135] «Не будет банкротства, ни займов и, если хотите, вскоре не станет долгов; надо объединить все налоги в один, и это простое средство для того, чтобы ликвидировать нищенство, обеспечить всем классам народа спокойную старость — таков план, предложенный г. Ленгэ всем свободным народам, и в первую очередь Национальному собранию Франции».

[166] «Эра книг — окончена, начинается эра газет». «Журналистика родилась из идей революции; едва появившись на свет, она превратилась в арену серьезных сражений».

[176] «В этой газете. . . будут рассматриваться возможности устранить источник всех несчастий государства, возродить в нем единство, изобилие и мир».

[181] «Несомненно, что чувства, которые были нужны ему для получения голосов буржуа Марселя и крестьян, пробудил он не своей уступчивостью, когда стал продавать им сукно».

[197] «. . . Отбросить равно всякого предпринимателя, монополиста, спекулянта — все рабские пороки богатства».

[262] «. . . требующим предъявить иск Марату за то, что он обвинил в газете «Друг народа» де Жоли в похищении одного документа и фальсификации одного постановления».

[263] «Надо прежде всего доказать, что именно Марат является автором «Друга народа»».

[264] «. . . было дано приказание об аресте Марата».

[268] «. . . знайте обязанности гражданина и поймите, что быть обвиненным — это не есть преступление. а умолчать о нем — вот это преступление».

[285] «Учитывая, что это августейшее Собрание не сможет больше выразить на своих заседаниях истинных чаяний государства, не сможет успешно трудиться для восстановления государства, учитывая также, что оно является принудительным органом — а это унизительно для достоинства народа и оскорбительно для провинций, — его декреты уже не получат доверия, столь необходимого для того, чтобы они были приняты общественным мнением».

[321] «Все люди, у которых есть душа, господин, — мои друзья, а Вы во главе тех, кто доказал это. Я с большой радостью принимаю Ваше предложение и прошу Вас принять уверения в моем уважении, искренней привязанности к Вам».

[329] «Прибавим, что было бы, если бы по приказу генерала были собраны все войска; нам оставалось бы только ударить в набат, и предместье Сан-Антуан было бы нашим, а вместе с ним — более 20 тыс. человек, перед ними струсили бы все войска».

[344] «. . . и ввиду того, что этот значительный процесс, интересующий все съезды избирателей (для избрания выборщиков) постановил, что он должен будет избрать комиссаров, чтобы они вернулись в другие 54 дистрикта».

[346] «Призыв к народу Ж.-П. Марата, Друга народа, гражданина Кордильер и автора многочисленных патриотических работ против министра финансов, муниципалитета и Шатле Парижа, при этом следует изложение неотложных причин назначения этого казначея государственных финансов, очищения этой корпорации и упразднения этого судилища страшных пособников деспотизма».

[349] «Я получил от г-на Марата письмо, в котором он мне сообщает, что не желает продолжать свой процесс по обжалованию постановлений Шатле; сообразуясь с этим, я посчитаюсь с м-ль Виктуар и верну ей те два луидора, которые она мне вручила».

[352] «Но если они говорят об ответственности, то лишь потому, что они прекрасно чувствуют, что до тех пор, пока сила не в руках народа эта ответственность лишь призрачная».

[356] «Его имя [Марат] вот уже долгое время является словом, которым пользуются честные люди, когда хотят выразить презрение. . .».

[364] «Мужественный писатель скорее предпочтет погибнуть, нежели послужить причиной вооруженного восстания».

[365] «Когда народ присоединится к нему, начнется террор. . .».

Глава третья

[165] «Отцы-сенаторы! Вы, называющие себя представителями народа, вы претендуете на то, что предусматривали его интересы, гарантировали его права; между тем, что вы сделали для нас? Мы трудимся для освобождения народа! — скажете вы без сомнения. — Отлично, но на что нам политическая свобода, нам, которые никогда ее не знали, нам, которые никогда не будут знать ее?».

[168] «Ибо будь мы на вашем месте, нам ничего не оставалось бы делать, как сидеть, сложа руки; вы были бы вынуждены тогда работать собственными руками и обрабатывать ваши поля, вы стали бы тогда равными с нами. Но так как вас меньше, чем нас, будете ли вы уверены, что сумсете пожать плоды своего труда?».

[187] «Петиция о налогах, адресованная населением. . . Национальному собранию, в которой наглядно доказывается, что налоги на продукты, на соль, право въезда в города и т. п. даже временно не должны и не могут больше иметь место у французов, ставших свободными».

[191] «Предварительное выступление». «Оно должно способствовать тому, чтобы принятый проект был действенным, чтобы резюмировать все многочисленные преимущества, которые явились бы результатом этого проекта, чтобы выяснить затем, что после этого еще нам остается сделать для достижения всеобщего счастья народов и выяснить причины противодействия фактическому приближению к этой великой цели».

Глава четвертая

[4] «. . . могли ли бы вы, должны ли вы возместить убытки всем тем лицам, которым она принесла серьезные потери, а если вы это сделаете, в чем же будет заслуга патриотизма? У скольких граждан революция отобрала их положение, их состояние? Верните же покойному дворянству его привилегии, уволенным судейским чинам их должности, бывшим сановникам их доходные места или лучше — имущество бедняков. . .,

коммерсантам их прибыли, которые они должны были бы получать и которые они не получили, верните головы заговорщикам, с которыми народ расправился. . .».

[57] «Народ недавно приобрел нового друга — такой заголовок, по крайней мере, выбирает газетка, которая пытается быть едкой, а на деле всего лишь оскорбительная. . . Она издается парикмахером, поэтому следует простить ему некоторые шутки, притянутые за волосы».

[71] «Право войны в конечном счете сводится, таким образом, к праву дать отпор силой всякому действительному посягательству чужеземной державы на владения и свободу государства».

[87] «Если война, которой нам угрожают, не является ложной, то наиболее выгодным для испанцев было бы, чтобы английский флот уничтожил их флот, чтобы их кабинет был расстроен гибельной войной и чтобы их король был вынужден молить о милости на коленях. Тогда и только тогда сильные своей слабостью они смогут разбить оковы, сбросить рабство, переменить свое правительство и создать себе конституцию, способную сделать их свободными и счастливыми».

[102] «Угрожающие Франции серьезные опасности являются неизбежным следствием растрат министерств».

[103] «Чтобы содержать это чудо, мне не понадобится ни армия в 500 тыс. человек, ни 2 млн. ассигнаций, мне хватит шерстяных колпаков рабочих наших предместий».

[149] «Часть национальных гвардейцев из мелкого люда Нанси также приняла участие в мятеже. . . Население этого города пребывает в очень тревожном состоянии; низший класс на стороне восставших войск, другой класс боится, что его ограбят или перебьют».

[154] «Муниципальный совет не мог не заметить, что вдохновителем вооруженного восстания был мнимый комитет, который состоял из нескольких солдат и не был признан большей частью корпуса».

[215] «Судебные исполнители, прокуроры, комиссары, инспекторы полиции, судейские чиновники подвергают общественное дело неминуемой опасности. Крайне необходимо отстранить их от должностей».

[224] Для Робеспьера виновные в преступлении против нации, враги общественного строя, это те, — кто манкирует своим здоровьем, а также люди, разлагающиеся морально; для Марата: «Идеи выражены недостаточно точно и недостаточно справедливы. Следует относить к разряду преступлений против нации только посягательства на права народа».

[229] «Клубы — это всего лишь сборища случайных людей, которые собираются от безделья и проводят время в болтовне».

[238] «Разделите земли и богатства негодяев, которые спрятали свое золото, чтобы уморить вас голодом и поработить вас».

[247] «Повесьте меня, только выслушайте».

Глава пятая

[45] «Серьезные факты, внушающие тревогу, — застой работы, упадок торговли, нехватка запасов питания в столице. Факты эти являются следствием той отдаленной эпохи, когда был приведен в исполнение декрет об ограничении права въезда».

[46] «Но всему приходит конец; есть класс граждан, у которых нет ничего, кроме своих рук, и который для своего существования должен работать ежедневно. . .».

[47] «Скупка зерна и денег, находящихся в обращении, открыто производится новыми министрами по инициативе Национального собрания и муниципалитетов».

[50] «Средства предотвращения банкротства, угрожающего государству: уверенное использование национальных имуществ для освобождения государства, обращение наличных денег, замена достатком нужды, которая так долго гложет народ».

[51] «Ужасающий упадок нравов в столице, особенно в среде представителей народа».

[53] «Новые черты варварства и шарлатанства среди отцов-сенаторов. Жестокость декрета на право патента. Гнусность декрета о временных окладах в академиях».

[54] «Эта полная свобода, освобождение от ученичества, эта льгота всем, занимающимся тем или иным ремеслом, той или иной профессией, — пойдет ли она на пользу с политической точки зрения?».

[56] «Однако достаточно отменить юридические права глав ремесленных гильдий, их бремя управлять другими, право хозяина арестовывать и предавать суду рабочих, нарушивших договор. . .».

[57] «Тяжкие последствия декрета об упразднении глав ремесленных гильдий; притеснительные условия декрета об установлении права на патент; чрезмерное обложение налогами со времени революции».

[64] «Большинством бывших хозяев и всеми новыми предпринимателями».

[71] «Пусть они обратят внимание на то, что эти огромные и быстро создаваемые состояния не соответствуют духу революции и что свобода означает, что все люди должны пользоваться благами, которые они у нас отняли и от участия в которых они хотели бы нас отстранить».

[80] «Не должны ли все те, кто выполняет общественные поручения, одинаково пользоваться преимуществами, предоставляемыми поставками и работами Коммуны?».

[86] «Еще не успели господа почувствовать благоприятный исход революции, а 30 000 граждан Парижа остались без места, равно как и без средств к существованию».

[88] «. . . потому, что среди рабочих этих мастерских и в частных мануфактурах наблюдается брожение».

[118] «Как несправедливо отзываетесь вы о тех несчастных, которые из-за упадка торговли и ремесел принуждены работать в мастерских вспомоществования. . . Большинство рабочих честны, очень честны».

[120] «Муниципалитеты Версаля обокрали бедняков. Злоупотребления благотворительных заведений и грабеж со стороны правителей. Средства вытянуть из нищеты часть неимущих. Преступные действия парижских муниципалитетов и причины их отказа способствовать проведению предложений многих добрых граждан использовать труд неимущих».

[139] «Простые и легкие средства обеспечить существование на многие годы десяти тысячам несчастных, которые лишены хлеба в столице, и все это можно сделать, не залезая в карман государственной казны. Осуществление этого проекта даст преимущества государству, и напрасны отговорки и махинации муниципальных администраторов, пытающихся его провалить».

[140] «. . . отдавая свой труд и мастерство в обмен на средства существования».

[143] «Основные замечания по поводу тех преимуществ, которые извлечет общество и в первую очередь сельское хозяйство, если земельные владения будут сосредоточены вокруг жилищ земледельцев».

[146] «Единственно возможное средство достигнуть великой социальной общности — это разделить земельное наследство на равные части, установленные детьми умершего, а остальное поделить между другими родственниками».

[162] «. . . с тех пор, как эти общества существуют, были вынесены тысячи предложений и две тысячи решений; назовите мне хотя бы одно, которое дало бы какой-либо результат. . .». «. . . вот уже 18 месяцев

как я не перестаю кричать, что свободу можно завоевать только с оружием в руках».

171 «Я хочу, чтобы моя родина стала республикой, но я не убийца и не поджигатель, я хочу также, чтобы это произошло без применения силы и без насилия».

174 «Заговорщики вашего двора, которые льстят себя надеждой сделать вас деспотом, лишь расшатают ваш трон. Трепещите, как бы их преступления не опрокинули его и не погребли бы вас под его обломками».

177 «Король-патриот! Но было ли когда-либо так? И возможно ли, чтобы это так было? Ведь в глазах образованных людей король-патриот существо столь же химерическое, как добродетельный злодей. Не так ли?»

180 «Разоблачение заговора об аресте короля во время исполнения сегодня Te Deum в Соборе Парижской Богоматери по поводу благополучного исхода болезни Ее Величества».

183 «Смертельный удар, нанесенный родине отцами-сенаторами». «Это не цель какого-либо учреждения, но это способ, с помощью которого учреждение отвечает этой цели и делает ее священной».

189 «18 числа каждого месяца. Это день который они выбрали для приведения в исполнение своих заговоров».

197 «Открытое предательство всех наших государственных служащих их постыдные махинации с целью довести до гражданской войны, единственное средство наказать их».

210 «Я говорю только о лицах, которые хотят подчинить их себе, и о вещах, которые в первую очередь имеют отношение к общественному благу».

216 «Военный трибун, верховныи диктатор, чтобы грабить главных и известных предателей». «. . . если вы назначаете его не для того, чтобы он работал под вашим руководством и сообщал об изменниках, которых следует бить, то вам обеспечена неудача; и мне вам нечего больше сказать».

218 «Все это частично доказывает предательство народных представителей. Генерал отвечал своеи головой за короля».

220 «Увеличение преступлений Национального собрания против государства. Преследование им проектов контрреволюции. Перемены в батареях Сан-Мотье, которыи надел маску республиканца, чтобы ему удобнее было служить деспотизму. Его попытки привлечь на свою сторону всех патриотов, членов клуба якобинцев. Его план заставить клуб Кордильеров превозносить его». «Он считает депутатов-якобинцев трусливыми и лицемерными обманщиками».

230 «Ваше положение настолько плачевно, что единственным средством выйти из него является для вас только гражданская война; это страшное бедствие, отдаление которого было некогда единственным предметом ваших желаний».

231 «Мое желание, чтобы она разразилась как можно скорее, чтобы народ совершил правосудие над своими тиранами».

234 «Вы полагаете, что новое законодательное собрание или новый Конвент восстановят свободу путем реформы законов. Однако где же вы возьмете образованных, честных, неподкупных людей, чтобы создать такой сенат?». «Вместо того чтобы заниматься болтовней в кружках, публичных местах или в кафе, вместо того чтобы тратить время, внося предложения в клубах и в обществах, нужно было бороться, ибо свобода завоевывается только в борьбе».

250 «Я сожалею, что вынужден выступать с нелепыми обвинениями против моего брата по оружию. Возможно, что эти обвинения могут неблагоприятно отразиться на деле свободы, за которую я боролся, борюсь и буду всегда бороться».

251 «Мы еще не свободны, я согласен, и мы не можем надеяться стать ими вскорости, потому что государство, сбросив иго, должно еще долго бороться против пособников старого режима, если оно не приняло сразу мудрое решение истреблять наиболее виновных и сдерживать страхом других».

253 «Я принадлежу к числу тех обездоленных, которых наглецы при старом режиме называли сбродом, а славные отцы отечества, согласно патриоту Малуе, называют пролетариями».

254 «Вы мой заместитель, брат мой, и необходимо, чтобы я вашими руками сделал в служении родине то, чего не могу сделать своими. Я уступаю вам место, дорогой брат по оружию. Я не говорю вовсе как Магомет: «Идите и истребляйте», но я повторяю: «Идите, просвещайте умы, уничтожаите клевету, добейтесь торжества патриотизма повсюду»»